

РОЖДЕНИЕ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

[redacted]

Москва
ГФ «Полиграфресурсы»
Т.О.О. «Транспорт»
1993

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

7

ГАРРИ ГАРРИСОН

РОЖДЕНИЕ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

КНИГА СЕДЬМАЯ

ББК 84.7 США
Г 21

ISBN 5-85550-003-9

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Как только я подошел к парадной двери центрального банка Бит О'Хэвен, она почувствовала мое присутствие и приветливо распахнулась, приглашая войти. Я проворно шагнул внутрь и остановился, оказавшись все же не так близко к двери, чтобы она не смогла закрыться позади меня. Пока ее створки скользили друг к другу, я вытащил из сумки многофункциональный аппарат и провел им по периметру дверного проема, когда они полностью закрылись. Я засек время по табло, когда наведывался в банк в прошлый раз, так что точно знал, что у меня имеется 1,67 секунды, чтобы сделать все необходимое. Времени достаточно. Аппарат зажужжал и засветился ярким пламенем, надежно заварив двери по всему периметру. После этого дверь только и могла, что беспомощно жужжать, не двигаясь с места, пока что-то там в ее механизме не замкнуло, и она, затрещав и заискрившись, совсем не затихла.

— Порча банковской собственности — преступление. Вы арестованы.

Как и полагается, банковский робот-охранник вытянул вперед свои огромные, механические руки, попытавшись схватить меня и удержать до прибытия полиции.

— Как-нибудь в другой раз, говорящая развалюха,— огрызнулся я, втыкая ему в грудь иглу свинобраза мощностью триста вольт и множество ампер. Достаточно, чтобы организовать небольшое короткое замыкание. Дым повалил из всех стыков робота, и он рухнул на пол с подобающим его массе грохотом. Рухнул он позади меня, так как я в это время уже проскочил вперед, отстранив плечом пожилую даму, которая стояла перед окошком кассира. Я вытащил из своей сумки огромный автомат и, выставив его на кассира, прорычал свое приказание.

— Жизнь или кошелек, сестрица. Наполни-ка эту сумочку зелеными.

Очень выразительно, хотя мой голос дрогнул слегка, и последние слова прозвучали немного пискляво. Кассир заулыбалась в ответ на это и самым наглым образом попыталась увернуться от ответа.

— Проваливай отсюда, сынок. Это тебе не...

Я нажал на курок, и безотказный автомат прогудел у нее над самым ухом. Я не убил ее, хотя вполне мог бы. Она, закатив глаза, медленно соскользнула под кассу.

Вам не так-то просто будет одержать верх над Джимми ди

Гризом! Одним прыжком я оказался на стойке и, размахивая автоматом, крикнул оставшимся служащим, которые смотрели на меня широко открытыми глазами:

— Отступите назад — все вы! Быстро! Мне не хочется, чтобы кто-нибудь из вас нажал на беззвучную сигнальную кнопку. Вот так-то. Ты, льстивый колобок,— я махнул толстому кассиру, который всегда игнорировал меня в прошлом. Сейчас он был весь внимание.— Наполни эту сумочку зелеными, крупными купюрами, и прямо СЕЙЧАС.

Он делал все так быстро, как только мог, неумело шаря руками и покрываясь холодным потом. Клиенты и персонал стояли вокруг в нелепых позах, парализованные страхом. Дверь в контору директора оставалась закрытой, это значило, что его скорее всего нет на месте. Пухлый набил сумку банкнотами и протянул мне. Полиция не появлялась. У меня был прекрасный шанс успешно завершить дело. Я шепотом пробормотал какое-то грязное ругательство и ткнул пальцем в один из мешков, заполненных монетами.

— Выгружай мелочь и заполняй сумку,— приказал я насмешливым и в то же время ворчливым голосом.

Он с готовностью повиновался, и вскоре сумка была заполнена. И снова никаких признаков полиции. Могло ли так быть, чтоб ни один из этих служащих при деньгах идиотов не нажал на сигнальную кнопку. Наверное, могло. Нужно было срочно что-то предпринять.

Я потянулся и сгреб еще один мешок с медью.

— Давай, клади сюда зеленые тоже,— приказал я, бросая мешок кассиру.

Сделав это, я все же дотянулся локтем до сигнальной кнопки. Бывают в жизни дни, когда все приходится делать самому. Это произвело желаемый эффект. К тому времени, когда третий мешок был наполнен купюрами и я, шатаясь под их тяжестью, зашагал к двери, появилась полиция. Одна полицейская машина врезалась в другую (внезапное появление полиции редко в этих краях), но в конечном итоге они рассортировались по местам и выстроились снаружи, с автоматами наготове.

— Не стреляйте,— пропищал я. С неподдельным страхом, потому что вид большинства из них не вызывал никакого веселья. Они не могли меня слышать через стекло, но видеть могли прекрасно.

— Это холостые патроны,— выкрикнул я.— Смотрите!

Я приставил дуло автомата к виску и нажал курок. Из дымового генератора повалили подобающие ситуации клубы дыма, и звукового эффекта от выстрела было достаточно, чтобы у меня загудело в ушах. Я повалился на пол позади стойки, подальше от их устрашающего взгляда. По крайней мере теперь не должно быть пальбы. Я терпеливо подождал, пока они накричатся и наругаются вдосталь и в конце концов выломают дверь.

Если вы находите, что все мною рассказанное сбивает вас

с толку — если это так, вашей вины здесь нет. Одно дело взять банк, и совсем другое — сделать это так, чтобы быть уверенным, что тебя поймают. Зачем, спросите вы, зачем нужно было совершать такую глупость? Буду счастлив вам обо всем рассказать. Чтобы понять, что мною двигало, вам нужно понять, что из себя представляет жизнь на этой планете — и какова была здесь МОЯ жизнь. Позвольте мне объяснить.

Бит О'Хэвен была основана несколько тысячелетий назад какой-то экзотической религиозной сектой, которая с тех пор успела, к счастью, кануть в Лету. Они прибыли сюда с другой планеты. Говорят, что это была Земля, которая, по слухам, является родиной всего человечества, но я сомневаюсь в этом. Во всяком случае, дела у них шли не так уж хорошо. Может быть, бесконечный труд был слишком непосилен для них — надо думать, что и в прежние времена жизнь не была сплошным праздником. Об этом нам постоянно напоминают наши учителя, особенно когда хотят подчеркнуть, насколько испорчена нынешняя молодежь. А нам удается не рассказывать им о том, что и они должны быть испорчены, ведь за последнее тысячелетие жизнь здесь практически не изменилась. Для людей планета была непригодна, даже более того, опасна для жизни. Весь растительный мир представлял собой чистейшую отраву для человеческого организма, и нужно было полностью очистить планету от него, чтобы можно было выращивать съедобные культуры. Местная фауна тоже была непригодна для пищи, да к тому же имела безобразнейшие когти и зубы, царапающие и кусающие всех подряд. Звери были ужасно упрямы. Они так плохо приручались, что обычным коровам и овцам не оставалось никакой надежды на долгую жизнь. Но в конце концов тщательный отбор селекционеров сделал свое дело, в результате чего появился свинобраз. Если сможете, представьте себе — огромный свирепый боров весом с тонну, с острыми клыками и подлым несговорчивым нравом. Картину завершают длинные острые иглы, покрывающие создание сплошь, словно какого-то безумного дикобраза. Как ни странно, но замысел заработал; раз уж фермы до сих пор продолжают выращивать свинобразов в таком количестве, он просто обязан работать. И Копченые Окорока Свинобразов с Бит О'Хэвен прославились на всю вселенную. Но вы не встретите гостей из Галактики, спешащих посетить нашу планету. Я вырос здесь, я знаю. Наше обиталище настолько скучно и однообразно, что нагоняет тоску даже на свинобразов. Но самое смешное, что, как мне кажется, только я один это и замечаю. А на остальных просто забавно было смотреть. Моя мамочка всегда думала, что это возрастные переживания, и сжигала в моей спальне иглу свинобраза, народное средство от вышеупомянутого. Папочка всегда опасался, что это признаки начинающейся шизофрении и повадился ежегодно таскать меня к доктору. Доктор не смог найти никаких нарушений, и по его теории выходило, что я скорей всего потомок первых поселенцев, атавизм на теле современного общества. Но все это было много лет назад. С тех

пор как папаша выкинул меня из дома в пятнадцать лет, я не был больше замучен родительским вниманием. Это случилось после того, как он проверил как-то ночью мои карманы и обнаружил, что денег у меня гораздо больше, чем у него. Мамочка полностью согласилась с ним и даже открыла мне дверь пошире. Думаю, что они были рады видеть меня в последний раз. Я, разумеется, был главным раздражающим фактором в их размеренной коровьей жизни.

Что я думаю по этому поводу? Думаю, что быть изгнанником не очень-то приятно и чертовски одиноко временами. Но я не думаю, что мне мог бы быть уготован иной путь. Он порождает свои определенные трудности, но из любого безвыходного положения всегда можно найти выход. Например, одна проблема, с которой мне удалось справиться,— это то, что меня вначале все время били ребята постарше. Это началось сразу же, как только я стал ходить в школу. Я совершил ошибку поначалу, дав им понять, что намного сообразительнее их. А раз так, получай синяк под глазом. Школьным драчунам это так понравилось, что они вставали в очередь, чтобы поколотить меня. И мне удалось разорвать этот порочный круг, только подкупив университетского учителя физкультуры, который научил меня рукопашному бою. Я ждал, пока по-настоящему не овладею всеми приемами, и лишь тогда нанес ответный удар. Затем я уложил своего главного соперника и продолжал молотить еще троих или даже больше головорезов, одного за другим. Стоит ли говорить, что после этого вся малышня превратилась в моих друзей, и они не уставали повторять, как потрясающе выглядело мое преследование шести самых отъявленных негодяев во всем квартале. Как я уже говорил, из любого безвыходного положения найдется достойный выход, а иногда и весьма приятный.

А где я взял денег, чтобы подкупить учителя? Не у отца, могу вас заверить в этом. Три доллара в неделю — вот и все мои карманные деньги, их хватало только на то, чтобы купить два Гаспофиза или небольшую плитку шоколада с наполнителем. Нужда, не жадность, преподнесла мне первые уроки экономики. Покупай задешево и продавай задорого, а прибыль оставляй себе. Конечно же, я ничего не смог бы купить, не имея никакого капитала, поэтому для накопления основного продукта мне пришлось прибегнуть к его бесплатному приобретению. Все дети стягивают в магазинах мелочевку. Все проходят через эту стадию, и обычно тяга к мелкому воровству выбивается навсегда, как только воришка оказывается пойманным. Я видел невеселые и плачевные результаты их провалов и решил провести сначала обследование рынка, изучить хронометраж и способы телодвижений, прежде чем вступить на путь мелкого жульничества. Самое главное не связываться с мелкими коммерсантами. Они знают весь свой ассортимент и крайне заинтересованы в том, чтобы он оставался в целости и сохранности. Лучше идти за покупками в большие универмаги. В таком случае вам придется опасаться только лишь местных сыщиков

и сигнальных систем. Внимательное изучение того, как они работают, поможет вам придумать средство, чтобы обойти их. Одно из моих самых ранних и примитивных средств — мне просто стыдно раскрывать всю его простоту — я бы назвал его книга-ловушка. Я сконструировал коробочку, которая выглядела точно как книга. Только у нее дно было снабжено пружиной и легко поворачивалось внутрь. Все, что мне нужно было сделать, это просто положить книгу на ничего не подозревающую плитку шоколада, и она мигом исчезала из поля зрения. Это был довольно грубый и непродуманный прием, но я успешно применял его достаточно продолжительное время. Я уж было совсем собирался бросить его, придумав более совершенное приспособление, но вдруг осознал, что мне представляется весьма удобный случай покончить с ним самым благоприятнейшим образом. Нужно было проучить Смелли *. Звали его Бедфорд Смиллингэм, но мы всегда называли его не иначе, как Вонючка. Как некоторые бывают прирожденными танцорами или художниками, другие рождаются для более скромных дел. Смелли был прирожденным доносчиком. Единственным удовольствием в его жизни было доносительство на своих одноклассников. Он подглядывал и следил и ябедничал. Ни один пустячный проступок его сверстника не был пустяковым для него и не был обойден его вниманием и не доведен до сведения администрации. Они любили его за это — что может дать вам представление о том, что за учителя нас воспитывали. И никто не мог поколотить его как следует без вреда для себя. Ему всегда верили на слово, и попадало в основном самим драчунам. Смелли сделал мне какую-то мелкую пакость, я уж и не помню, что конкретно, но этого было достаточно, чтобы возбудить во мне темные мысли и даже заставить разработать план действий. Хвастовство доставляет удовольствие всем мальчишкам, и я приобрел очень важный статус, притащив в свою компанию ловушку для сластей в виде книжки. Последовали охи и ахи, которые стали еще громче, когда я выделил часть содержимого книжки для угощения. Но я сделал это не только для того, чтобы поднять свой рейтинг, но и для того, чтобы удостовериться, что Смелли подслушивает нас. Мне до сих пор кажется, что все это произошло только вчера, и мне стало тепло от нахлынувших на меня вдруг воспоминаний.

— Это не только срабатывает — но я покажу вам, как это происходит. Пойдемте со мной в универмаг Мигс Мультисто!

— Неужели это возможно, Джимми?

— Возможно, возможно. Но только не всем табуном сразу. Двигайтесь по нескольку человек к магазину и стойте там где-нибудь, чтобы вам был виден прилавок со сладкими плитками. Будьте там ровно в 15.00, и вы что-нибудь да увидите!

После этого я разогнал ватагу и стал наблюдать за кабинетом директора. Как только Смелли исчез за дверью, я со всех ног помчался в раздевалку и отпер его кабинку.

---

* Смелли (Smelly) — зловонный (*англ.*).

Сработано превосходно. Я даже горжусь собой, потому что это был мой первый преступный сценарий, который я приготовил для других. Они об этом и не подозревали. В назначенное время я подрулил к прилавку со сластями у Мингса, старательно не замечая своих заговорщиков, которые тоже изо всех сил старались делать вид, что не обращают на меня внимания. Совершенно расслабленным движением (ненапряженным жестом) я положил книгу на прилавок поверх конфет и нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

— Попался! — закричал самый большой и сильный из них, хватая меня за воротник пальто.

— Держи его! — радостно вопил другой, сграбастав книгу.

— Что ты делаешь? — хрипло прокаркал я — мне оставалось только хрипеть, потому что пальто тесно сдавило мне горло, так как я оказался почти подвешенным на воротнике.— Вор, отдай мне мою книжку по истории, она стоит целых семь долларов, ее купила мне моя мамочка на деньги, которые она заработала, вытряхивая иглы свинобразов из их подстилок!

— Книжку? — здоровый хулиган ухмыльнулся.— Мы знаем, что это за книжка.— Он схватил обе обложки и рванул их. Книга открылась, и надо было видеть выражение его лица, когда из нее посыпались страницы.

— На меня наговорили,— пропищал я, расстегнув пальто и выпав из него, растирая одновременно ноющую шею.— И наговорил тот, кто хвастал, что использует данное приспособление для своих собственных гнусных целей. Он стоит вон там, его зовут Смелли. Хватайте его, ребята, покуда он не убежал!

Смелли только и оставалось, что стоять и изумленно таращить глаза, когда проворные руки его ровесников тесно сомкнулись вокруг него. Учебники рассыпались по полу, и коробка, имитированная под книжку, раскрылась, извергая из себя содержимое из сладких плиток с наполнителем. Это было просто замечательно. Слезы, и взаимные обвинения, и крики. А также прекрасный способ отвлечь внимание. Потому что в этот день я провел полевые испытания своего нового приспособления — Поглотителя Конфет Номер Два. Я долго и упорно работал над его изобретением, взяв за основу бесшумный вакуумный насос, камера которого находилась в моем рукаве. Я поднес руку к сахарным плиткам — фьють! — и первая из них исчезла из виду. Она осела где-то в моих штанах, или лучше сказать внутри отвратительнейших брюк-гольф, которые мы обязаны были носить в качестве школьной формы. Они висели на мне мешком и были прихвачены чуть выше лодыжки тугой эластичной резинкой. Сладкая плитка благополучно провалилась в них, за ней последовала другая, потом третья. Если бы я только мог остановить этот насос. Но слава богу, Смелли продолжал вопить и сопротивляться. Все внимание было приковано к нему, а не ко мне в этот момент, когда я никак не мог справиться с выключателем. Тем временем насос продолжал засасывать конфетки с наполнителем, и они, едва успевая

проскакивать по рукаву, падали мне в штаны. В конце концов мне удалось выключить его, но если хоть кто-нибудь удосужился бы посмотреть в мою сторону! Пустой прилавок и разбухшие формы моих ног могли бы вызвать определенное подозрение. Но, к счастью, никто не удосужился. Я выскочил на улицу через вращающиеся ворота со всей быстротой, на которую был способен. Как я уже говорил, мне всегда приятно вспоминать об этом. Это, конечно, не объясняет, почему я сегодня, в день своего рождения, принял такое важное решение, как сорвать банк. И быть пойманным. Полиция наконец выломала двери и толпой ввалилась в помещение. Я поднял руки вверх над головой и приготовился встретить их с самой приветливой улыбкой.

День моего рождения — вот главная причина. Мой семнадцатый день рождения. Семнадцатилетие здесь на Бит О'Хэвен — это очень важный момент в жизни молодого человека.

Судья наклонился вперед и пристально посмотрел на меня, взгляд его не был злым и враждебным.

— Ну, а теперь, Джимми, давай расскажи мне, зачем тебе понадобилось разыгрывать эту глупую шутку.

Судья Никсон имел летний домик на реке, недалеко от нашей фермы, и я очень часто приходил к его младшему сыну, поэтому судья был со мной прекрасно знаком.

— Мое имя Джеймс ди Гриз, судья. Не нужно фамильярностей.

Можете себе представить, какая густая краска залила все его лицо. Огромный красный нос торчал, словно лыжный трамплин, и ноздри бешено раздувались.

— Тебе следует быть более почтительным в зале суда! Тебе предъявлены серьезные обвинения, мой мальчик, и лучше было бы, если бы ты держался в рамках приличия. Я назначаю Арнольда Фортескью, общественного защитника, твоим адвокатом...

— Мне не нужен адвокат — и уж в особенности я не нуждаюсь в услугах старика Скью, который так давно не может жить без спиртного, что на свете не осталось ни одного человека, который бы видел его хоть раз трезвым...

С галерки послышался чей-то серебристый смех, приведший судью в крайнюю ярость.

— Тишина в зале! — заревел он, ударив молоточком с такой силой, что отломилась ручка. Он бросил обломок через весь зал и сердито посмотрел на меня.— Ты испытываешь терпение суда. Адвокат Фортескью уже назначен...

— Только не мной. Отошлите его обратно в Муниз Бар. Я признаю себя виновным по всем статьям, и вверяю свою судьбу самому гуманному и справедливому суду на свете.

Он глубоко вздохнул, заметно вздрогнув при этом, и я решил его немного успокоить, пока его не хватил удар, и он не упал в обморок; тогда получится, что в ходе судебного разбирательства

были допущены нарушения процессуальных норм, а это отнимет еще бог знает сколько времени.

— Прошу прощения, судья,— я опустил голову, чтобы скрыть едва сдерживаемую улыбку.— Но я совершил проступок и должен понести наказание.

— Ну, вот, так-то лучше, Джимми. Ты всегда был смышленым парнем, и мне просто не хотелось бы видеть, как пропадают зря все твои способности. Ты отправишься в исправительную колонию для подростков сроком не более, чем...

— Простите, ваша честь,— прервал его я.— Это невозможно. О, если бы я совершил мои преступления на прошлой неделе или даже в прошлом месяце! Закон очень строг в этом отношении, и мне не уйти от наказания. Сегодня день моего рождения. Мне уже семнадцать.

Я здорово сумел осадить его. Охрана терпеливо ждала, пока он набивал вопросы на своем терминале. Репортер местной газеты «Голос» в это время тоже усердно работал над своим портативным терминалом, загоняя в компьютер, наверное, целую историю. Судье не пришлось долго ждать ответов. Он глубоко вздохнул.

— Да, действительно. Твои данные говорят о том, что тебе сегодня семнадцать лет, ты достиг совершеннолетия. Теперь ты уже не малолетка и должен отвечать за все, как взрослый. Это безусловно предполагает тюремное заключение — если я не буду принимать во внимание смягчающие обстоятельства. Преступление совершено подзащитным впервые, он еще слишком молод и полностью осознает, что поступил неправильно. В наших силах сделать небольшое исключение, смягчить приговор или ограничить срок. Таково мое решение...

Меньше всего на свете мне хотелось бы сейчас услышать его решение. Дело обернулось совсем не так, как я планировал, совсем не так. Необходимо было что-то предпринять. И я предпринял. Мой вопль заглушил последние слова судьи. Продолжая вопить, я нырнул со скамьи подсудимых и, перекатываясь по полу, очутился на другом конце зала, прежде чем ошарашенная аудитория двинулась со своих мест.

— Ты не будешь больше писать обо мне всякие непристойности, ты — писака наемный,— закричал я. Затем я вырвал терминал из рук репортера и грохнул его об пол. Топча ногами шестисотдолларовую машину, я превращал ее в никому не нужный хлам. Я ловко уворачивался от него, прыгая вокруг, но ему все же удалось меня схватить и отшвырнуть к двери. Стоявший там полицейский попытался удержать меня — но тут же согнулся пополам, когда я двинул ему ногой в живот. Я мог бы наверняка сбежать, но побег вовсе не входил в мои планы. Я задержался у двери, неуклюже дергая ручку, пока кто-то не сгреб меня, и продолжал сопротивляться до тех пор, пока не был повален на пол. На этот раз на меня надели наручники, посадив на скамью подсудимых, и судья больше не называл меня «Джимми, мой мальчик».

Кто-то нашел ему новый молоточек, и он размахивал им в моем направлении, словно желая размозжить им мою голову. Я рычал и старался выглядеть очень грубым и агрессивным.

— Джеймс Боливар ди Гриз,— нараспев произнес он.— Я приговариваю вас к максимальному сроку за то преступление, которое вы совершили. Исправительные работы в городской тюрьме до прибытия следующего корабля Лиги, после чего вы будете отосланы в ближайший лагерь для коррекции преступников.— Молоточек грохнул по столу.— Уведите!

Это мне понравилось больше. Я пытался вырваться из кандалов и изрыгал на судью проклятия, чтобы он не дай бог не проявил слабость в самый последний момент. Этого не случилось. Два дородных полицейских сгребли меня и как есть выволокли из зала суда, не слишком нежно впихивая меня в черный воронок. Только когда дверь за мною захлопнулась, я откинулся на сиденье, расслабился и позволил себе наконец-то победно улыбнуться. Да, победно, я это и имел в виду. Смысл всей операции как раз и заключался в том, чтобы быть арестованным и помещенным в тюрьму. Мне необходима была кое-какая профессиональная подготовка. В моем безрассудстве присутствовала стройная система. Очень рано в своей жизни, может с тех самых пор, когда я так успешно таскал из магазина сладкие плитки, я начал серьезно задумываться о карьере преступника. По многим причинам — хотя немаловажно было и то, что мне доставляло удовольствие быть преступником. Денежное вознаграждение было достаточно велико: никакая другая работа не оплачивалась так щедро за меньший труд. И, должен признаться, что я просто наслаждался чувством превосходства, когда мне удавалось превратить всех остальных окружающих меня людей в болванов. Кто-то скажет, что это все мальчишеские эмоции. Возможно — но от этого они не становятся менее приятными. В то же самое время передо мной стояли серьезные проблемы. Как я должен был готовить себя для будущего? Существовало много кое-чего получше шоколада с наполнителем, что можно было стащить. На некоторые вопросы я видел ясные ответы. Деньги, вот что мне было нужно. Деньги других людей. Деньги хранились взаперти, так что чем больше я узнаю о замках и запорах, тем больше у меня появится возможностей добраться до этих денег. Впервые в своей школьной жизни я энергично принялся за работу. Мои отметки взлетели так высоко, что учителя стали подумывать, что я не совсем безнадежен. Я делал такие успехи, что когда я выбрал профессию слесаря, они не переставали радоваться. Курс был рассчитан на три года, но я изучил все что нужно было знать, за три месяца. Я попросил разрешения для сдачи итоговых экзаменов. И получил отказ. Так не делается, объяснили мне. Я должен развиваться с такой же определенной последовательностью, как и все остальные, и через два года и девять месяцев получу свой диплом, покидая школу. И пополню ряды подневольных наемных работяг. Не очень-то заманчиво. Я попытался сменить курс обучения, но мне сообщили,

что это невозможно. СЛЕСАРЬ — было высечено у меня на лбу, образно выражаясь, и это клеймо останется на мне на всю жизнь. Так они думали. Тогда я начал пропускать уроки и отсутствовал иногда по нескольку дней. Они ничего не могли с этим поделать, несмотря на строгие выговоры администрации, потому что я всегда появлялся на экзаменах и получал высшие отметки. Я просто обязан был их получать, потому что большинство навыков я приобрел, применяя их на практике. Моими заботами была охвачена довольно обширная территория, поэтому благодушные жители города и не подозревали, что их потихоньку обворовывают. Торговый автомат проглотит несколько серебряных монет сегодня, завтра заест кассу на стоянке машин. Практическая деятельность не только совершенствовала мои таланты, но и оплачивала мое образование. Не школьное образование, конечно,— по закону я мог оставаться здесь до семнадцати лет — я учился в свободное от занятий время. Так как я не мог найти учебников, которые ввели бы меня в мир преступлений, я изучал все, что могло пригодиться в работе. Я нашел в словаре слово ПОДЛОГ, что подвигло меня на то, чтобы заняться фотографией и печатанием. Так как искусство рукопашного боя уже сослужило мне хорошую службу, я продолжал заниматься до тех пор, пока не заработал Черный Пояс. Я не упускал из виду и техническую сторону выбранной мной профессии, и к шестнадцати годам я уже знал все, что можно было узнать о компьютерах — к тому времени я стал профессиональным инженером-микроэлектронщиком. Но все это очень хорошо само по себе. Что же дальше? Я и в самом деле не знал. Вот почему я решил преподнести себе на совершеннолетие небольшой подарочек. Тюремный срок. Хитро? Хитрее не бывает! Мне нужно было найти каких-нибудь уголовников — и где же их еще искать, как не в тюрьме? Уважительная причина, скажете вы. Попасть в тюрьму — это все равно что прийти домой, встретить наконец равных себе. Я буду слушать и учиться, а когда почувствую, что узнал достаточно, отмычка, спрятанная у меня в подметке, поможет мне выбраться оттуда. А сейчас я улыбался и ликовал от радости.

Вот дурачок — это был совсем не тот путь, который был мне нужен.

Мне обрили волосы, вымыли в ванне с дезинфицирующим раствором, надели на меня тюремную форму и ботинки — совершенно непрофессионально, потому что у меня хватило времени переложить отмычку и запас монет — затем у меня были взяты отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза, и я, наконец, был отправлен в свою камеру. Смотрите-ка, к моей великой радости, у меня был сосед. Теперь-то уж начнется мое образование. Это был первый день моей криминальной карьеры.

— Добрый день, сэр,— сказал я.— Меня зовут Джим ди Гриз.

Он посмотрел на меня и сердито проворчал:

— Чтоб ты пропал, щенок,— он продолжал ковырять пальцы на ноге, занятие, от которого я оторвал его своим приходом.

Это был мой первый урок. Вежливый обмен приветствиями, принятый снаружи, не был в чести за этими стенами. Жизнь была слишком груба — таков же был и язык. Мои губы искривились в усмешке, и я снова заговорил. Более резко на этот раз.

— Чтоб тебе самому пропасть, болван. Меня кличут Джимом. А тебя?

Я не был уверен насчет сленга, я почерпнул из его старых и не очень хороших видео, но тон я, очевидно, выбрал верно, потому что на этот раз он все же обратил на меня внимание. Он медленно поднял глаза, они были полны жгучей ненависти.

— Никто — говорю тебе еще раз, НИКТО — не разговаривает с Вилли Клинком таким образом. Я тебя порежу за это, щенок, и порежу очень здорово. Я вырежу свои инициалы на твоем лице. Выйдет прекрасная „V“.

— Не „V“, а „W“,— поправил я,— Вилли пишется через „W“.

Это еще больше вывело его из себя.

— Я знаю, как это пишется, я не идиот! — он просто закипел от ярости, шаря рукой у себя под матрацем. Он извлек оттуда кусок слесарной ножовки, и я успел заметить, что ее край был аккуратно заточен. Симпатичное орудие убийства. Он несколько раз подбросил его в руке, усмехаясь прощальной усмешкой, затем внезапно ринулся ко мне. Думаю, нет необходимости напоминать, что это не самый лучший способ подойти к Черному Поясу. Я отошел в сторону, поймал его за запястье, когда он пролетал мимо — затем подхватил его лодыжку и подбросил его кверху, так что он полетел прямо головой в стенку. Он потерял сознание. Когда же он пришел в себя, я сидел на своей койке и чистил ногти его ножом.

— Мое имя Джим,— произнес я, скривив губы в мерзкой ухмылке.— А теперь ты попробуй произнести его. Джим.

Он смотрел на меня, лицо его задергалось — и тут он вдруг заплакал! Я просто ужаснулся. Могло ли это быть на самом деле?

— Мне всегда доставалось от других. И ты не лучше. Превратил меня в посмешище. И отобрал у меня мой нож. Я целый месяц работал над этим ножом, пришлось заплатить десять долларов за сломанное лезвие...

Вспомнив о всех своих бедах, он вновь принялся всхлипывать. И тогда я увидел, что он старше меня на год-два, не больше — да к тому же намного беззащитнее меня самого. Таким образом, мое вхождение в уголовный мир началось с того, что я стал утешать его, подавать ему влажное полотенце, чтобы он утер свое лицо, вернув ему его любимый нож — и даже дав ему пятидолларовый золотой, чтобы он прекратил свое нытье. Я начал подумывать, что преступный мир вовсе не такой, каким я его представлял себе.

Нетрудно было выудить историю его жизни, наоборот, практически невозможно было заткнуть ему рот, когда он принялся изливать мне свою душу. Его переполняла жалость к самому себе, и он наслаждался возможностью раскрыться перед слушателем.

— Жалкий подлец,— думал я, но сохранял молчание, когда на

меня полились его воспоминания. Отставал в школе, терпел постоянные насмешки, получал самые низкие отметки. Был слабым и часто попадал под руку местным драчунам, приобрел небольшой авторитет, только когда обнаружил — совершенно случайно, конечно, разбив бутылку — что тоже может быть хулиганом, если вооружится. Приобретя кое-какой статус, если не уважение, он стал использовать угрозу насилия и понемногу задираться. Все это подкреплялось демонстрацией вскрытия живых птичек и других мелких и беззащитных созданий. Затем быстрое падение авторитета, когда он порезал какого-то мальчишку и был пойман. Осужден и отправлен в подростковую колонию, освобожден, затем новые неприятности и опять колония. И вот наконец он здесь, в зените своей славы уличного бродяги с ножом, заключенный в тюрьму за вымогательство под угрозой насилия. Он выбивал деньги. Из ребенка, конечно же. Он никогда бы не решился запугивать взрослых. Разумеется, он не рассказывал мне всего этого, но все становилось очевидным само по себе после его бесконечных бессвязных жалоб. Я перестал его слушать и начал обдумывать, что делать дальше. Мне не повезло, в этом все дело. Должно быть, меня специально поместили с ним в одну камеру, чтобы держать меня в стороне от более матерых преступников, наполняющих эту тюрьму. Выключили свет, и я растянулся на своей койке. Завтра настанет мой день. Я встречу других заключенных, составлю о них свое мнение, найду среди них настоящих уголовников. Подружусь с ними и начну посещать курсы по преступной деятельности. Будьте уверены, я это сделаю. Я заснул счастливым сном, убаюканный хныканием и поскуливанием, раздающимися с соседней койки. Надо же было попасть с ним в одну камеру. Вилли был здесь исключением. Мой сосед просто проигравший и ничего больше. Утром все будет совершенно по-другому. Я надеялся на это. Небольшое беспокойство все же не давало мне уснуть еще некоторое время, но в конце концов я отбросил его. Завтра все будет прекрасно, да так и будет. Прекрасно. И никаких сомнений по этому поводу. Прекрасно...

Завтрак был не лучше и не хуже тех, что я сам готовил для себя. Я ел автоматически, прихлебывая слабенький кактусовый чай и упорно жуя какую-то размазню, поглядывая в то же время на другие столики. В помещении находилось около тридцати заключенных, и я неторопливо переводил взгляд с одного лица на другое со все растущим чувством разочарования.

Во-первых, большинство из них имело тот же бессмысленный взгляд, выражающий полнейшую тупость, что и мой сокамерник. Ну, хорошо, я допускал, что стены уголовного мира состоят из умственно отсталых и функционально расстроенных элементов. Но должно же здесь быть и что-то другое. Я не терял надежду.

Во-вторых, все они были достаточно молоды, не старше двадцати. Неужели здесь не было преступников постарше? Или склонность к совершению преступления чисто молодежная болезнь, ко-

торая выправляется очень скоро с помощью запущенной обществом корректирующей машины? В этом что-то должно было быть. Просто обязано. Я немного повеселел от этой мысли. Все эти заключенные — неудачники, это, очевидно, проигравшие непрофессионалы. Это становится ясным, как только вы об этом начинаете думать. Если бы они были мастерами своего дела, они никогда бы не попали сюда! От них не было никакой пользы ни обществу, ни им самим. Но они были полезны мне. Если они и могли помочь мне собрать незаконную информацию, они, вполне вероятно, могли свести меня с теми, кто мог это сделать. Через них я мог бы отыскать нити, ведущие к профессионалам на свободе, не пойманным до сих пор. Это именно то, что мне нужно было сделать. Подружиться с ними и выудить из них необходимую мне информацию. Еще не все потеряно. У меня не заняло много времени отобрать наилучшего кандидата из всей этой презренной толпы. Небольшая группа образовалась вокруг неповоротливого молодого человека, который щеголял со сломанным носом и изуродованным шрамами лицом. Даже его телохранители держались от него на некотором расстоянии. Он прогуливался с важным напыщенным видом, и все остальные мигом освобождали пространство вокруг него, когда он выходил на тренировочную площадку после ланча.

— Кто это такой? — спросил я Вилли, который приземлился на скамейку рядом со мной, усердно потирая свой нос. Он быстро заморгал, пока наконец до него не дошло, что за субъект привлек мое внимание, затем безнадежно замахал руками.

— Остерегайся его, обходи его подальше, он получил по заслугам. Стингер — убийца, так о нем говорят, и я в это верю. Да к тому же он чемпион по mudslugging *. Вряд ли тебе стоит сходиться с ним.

Довольно интригующее начало. Я слышал кое-что об этом виде «спорта», но я всегда жил слишком близко к городу, чтобы увидеть его в действии. Я ни разу не слышал, чтобы что-то подобное происходило в округе, у нас всегда было полно полиции.

Очень жестокий спорт — и запрещенный — поэтому им могли наслаждаться только жители отдаленных фермерских городков. Зимой, когда свинобразы находятся в своих свинарниках, а зерновые убраны в закрома, им некуда девать свои крестьянские руки. Тогда-то и начинаются соревнования по mudslugging. Появляется какой-нибудь чужак и вызывает на бой местного чемпиона, обычного крестьянского парня с огромными мускулами. Их тайная встреча организовывается в каком-нибудь безлюдном месте — отдаленном амбаре или заброшенном коровнике, куда не допускаются женщины и куда приносят самогон в пластиковых бутылках, делаются ставки — и начинается сражение на кулаках. Заканчивается бой тогда, когда один из борцов не может подняться с земли. Спорт, не терпящий брезгливых слабаков и здравомысля-

---

* Кулачный бой в грязи. (*Прим. перев.*).

щих трезвенников. Забава для веселых, крепких и подвыпивших здоровяков. И Стингер был одним из этих дюжих парней. Я должен был познакомиться с ним поближе. Это было довольно просто сделать. Я считал, что можно просто подойти к нему и поговорить, но заготовленные мною фразы были почерпнуты из отвратительных видео, которых я просмотрел великое множество за свою жизнь. Большинство из них посвящалось преступникам, каковые попадают в тюрьму, получив по заслугам. Вероятней всего, именно оттуда я и позаимствовал идею своей шальной выходки. Тем не менее, эта идея все еще казалась мне здравой. И я мог доказать это, поговорив со Стингером.

Обойдя двор кругом, я оказался совсем близко от него и его сопровождающих. Один из них сердито посмотрел на меня, и я поспешил ретироваться. Чтобы вернуться снова, когда тот повернулся ко мне спиной.

— Ты Стингер? — прошептал я краешком рта, отвернув от него голову. Должно быть, он насмотрелся тех же самых видеофильмов, потому что ответил мне в точно такой же манере:

— Да. Кто мною интересуется?

— Я. Я только что попал в это заведение. У меня есть что передать тебе с воли.

— Так говори.

— Только не там, где могут подслушать эти болваны. Мы должны остаться наедине.

Он взглянул на меня очень подозрительно из-под нависших бровей. Но все же мне удалось разжечь его любопытство. Он пробормотал что-то своим сопровождающим и зашагал прочь. Они остались позади, но продолжали метать в меня убийственные взгляды, когда я последовал за ним. Он прошел через двор к скамейкам — сидящую на одной из них парочку моментально сдуло, как только он подошел ближе. Я сел рядом с ним, и он пренебрежительно осмотрел меня с ног до головы.

— Говори, что собирался сказать, малыш, — и лучше что-нибудь хорошее.

— Это тебе, — сказал я, пододвигая к нему по лавке двадцатидолларовую монету. — Послание исходит от меня и ни от кого больше. Мне нужна кое-какая помощь, и я готов заплатить за нее. Это первый взнос. Получишь намного больше, если договоримся.

Он презрительно фыркнул — но сгреб своими толстыми пальцами монетку и опустил в свой карман.

— Я не занимаюсь благотворительностью, малыш. Единственный чудак на свете, которому я помогаю — это я сам. А теперь убирайся...

— Послушай сначала, что я хочу сказать. Все, что мне надо — это компаньона, чтобы сбежать из тюрьмы вместе со мной. Через неделю. Интересное предложение?

На этот раз я сумел привлечь его внимание. Он повернулся и посмотрел мне прямо в глаза, холодно и самоуверенно.

— Я не люблю шутить, — сказал он, схватив меня за руку

и вывернув ее. Было больно. Я мог легко освободиться из его тисков, но не стал этого делать. Если ему хотелось немного похвастать своей силой, пусть его.

— Это не шутка. Через восемь дней я буду на свободе. Ты тоже можешь там оказаться, если захочешь. Это твое решение.

Он пристально смотрел на меня еще некоторое время — затем отпустил мою руку. Растирая ее, я ждал, что он ответит. Я видел, что он размышляет над моими словами, пытаясь прийти к какому-нибудь решению.

— Ты знаешь, почему я нахожусь здесь? — спросил он наконец.

— До меня доходили кое-какие слухи.

— Если это слух о том, что я убил одного чудака, тогда это правда. Это был несчастный случай. У него была слишком слабая голова. И она разбилась, когда я по ней ударил. Они совсем уж было собрались замять это дело, но другой чудак проиграл мне кругленькую сумму в этом матче. Он должен был отдать мне деньги на следующий день, но он пошел в полицию вместо этого, посчитав, наверное, что это будет намного дешевле. Теперь они хотят отправить меня в дурдом и поработать над моей головой. Мне тут сказали, что после этого мне не захочется больше драться. Это мне не нравится.

Огромные кулаки сжимались и разжимались, когда он это говорил, и я вдруг понял, что борьба — это его жизнь, единственное, что у него хорошо получается. Именно это и восхищает в нем остальных, и за это его и хвалят. Если у него отнимут его способности — они могут с таким же успехом отнять и его жизнь. Я вдруг почувствовал внезапный прилив жалости, но не дал чувствам выплеснуться наружу.

— Ты можешь вытащить меня отсюда? — вопрос был очень серьезным.

— Могу.

— Тогда я в полном твоем распоряжении. Тебе что-то нужно от меня, я это знаю, в этом мире никто не делает ничего за просто так. Я сделаю все, что ты от меня потребуешь. Они прикончат меня, и от них нигде невозможно укрыться, если уж они действительно охотятся за тобой. Но я попробую. Мне нужно достать того парня, который засадил меня сюда. Я воздам ему должное. Одна прощальная встреча. Чтобы убить его, как он хотел убить меня.

Я не мог не вздрогнуть от его слов, настолько очевидным было то, что он говорил. Ясно до боли.

— Я вытащу тебя отсюда, — сказал я. И добавил к этому мысленное обещание, что прослежу за ним, чтобы не дай бог он не очутился слишком близко к объекту своего мщения. Я не собирался начинать свою новую преступную карьеру как соучастник в убийстве.

Стингер тут же взял меня под свое покровительственное крыло. Он потряс мне руку, чуть не раздавив пальцы своей мертвой хваткой, затем подвел к своим сотоварищам.

— Это Джим,— сказал он.— Обращайтесь с ним по-хорошему. Все, кто обидит его хоть раз, будут иметь дело со мной.— Они расплылись в лицемерных улыбках, выражая тем самым свою любовь и преданность. Но мне было на это наплевать, по крайней мере, они не будут мне теперь надоедать. Я был под защитой этих мощных кулаков. Его рука опустилась на мое плечо, когда мы пошли прочь.

— Как ты думаешь провернуть это?— спросил он.

— Я расскажу тебе обо всем утром. А сейчас я доделываю последние приготовления,— соврал я.— Ну, пока.— И я отправился на осмотр окрестностей, сгорая желанием поскорей выбраться отсюда. Но совсем по другой причине, чем он. Он страдал жаждой мести, а я впал в уныние. Все они здесь были побежденными, абсолютно все, а мне хотелось бы думать о себе, как о победителе. И мне ужасно хотелось сбежать от них подальше, назад на вольный воздух. Следующие двадцать четыре часа я потратил на то, чтобы отыскать наилучший путь для побега из тюрьмы. Я мог открыть любые запоры внутри тюрьмы достаточно легко; моя отмычка прекрасно отпирала дверь нашей камеры. Единственной проблемой были электронные ворота, которые открывались во внешний двор. Будь у меня время и необходимые приспособления — я бы и их открыл. Но только не под пристальными взглядами охраны, которая стояла на смотровой вышке прямо под часами. Это был самый очевидный путь наружу, поэтому он был неприемлем. Мне нужно было иметь наиболее полное представление о планировке тюремного здания — поэтому необходима была более тщательная разведка.

Была уже глубокая ночь, когда я соскользнул со своей кровати. Никаких ботинок, мне нужно двигаться максимально тихо, три пары носков сделают свое дело. Работая бесшумно, я подложил под одеяло все имеющееся белье, чтобы кровать выглядела так, будто на ней кто-то спит, если кому-нибудь из охранников вздумается заглянуть в нашу камеру через решетку в двери. Вилли крепко спал, похрапывая во сне, когда я открыл запор и проскользнул в коридор. Похоже, не только он один наслаждался своим постельным часом, тюремные стены просто содрогались от звуков сипения и храпа. Ночные фонари были включены, и я был совершенно один на лестничной клетке. Осторожно посмотрев за угол, я увидел, что часовой на нижнем этаже занят своей тренировочной формой. Прекрасно, быть ему чемпионом. Бесшумно, словно тень, я прошмыгнул к лестнице и поднялся по ней на верхний этаж, который представлял собой ту же тягостную картину, что и нижний: камеры и ничего больше. И на следующем этаже то же самое, и еще выше. Это был последний этаж, и я не мог подняться выше. Я уж было собрался повернуть назад, когда мой взгляд уловил яркий металлический отблеск света в дальнем конце темного коридора. Кто не рискует, тот не пьет шампанского, как говорится. Я торопливо пробежал мимо зарешеченных дверей и спящих за ними арестантов — к самой отдаленной стене. Ну, ну,

что там у нас? Железные ступени, ведущие в темную бездну. Я ступил на первую из них и пропал в темноте. Последняя ступень находилась под самым потолком. Там же была и дверь, которая вела скорее всего на крышу. Металлическая, с металлическим каркасом и надежно закрытая, как я обнаружил, когда несколько раз как следует толкнул ее. Где-то должен был быть замок, но его не было видно в темноте. А мне необходимо было найти его. Обвив рукой железную ступеньку, я попытался нащупать пальцами замочную скважину в двери, но ее не было на обычном месте. Там вообще ничего не было. Я сделал еще одну попытку обнаружить запор, поменяв руки, потому что одна из них, казалось, уже выскочила из сустава — и с тем же результатом. Но ведь в двери ДОЛЖЕН быть замок. Я запаниковал и перестал соображать. Загнав все свои страхи обратно внутрь, я заставил работать свои мозговые клетки. Здесь должен быть какой-то замок или запор, или что-то в этом роде. Но на двери его не было. Тогда он мог быть на косяке. Я медленно протянул руку и пробежал пальцами по дверному проему. И сразу же нашел его. Какими же простыми бывают ответы, когда задаешь правильные вопросы! Я достал отмычку из кармана и вставил ее в замочную скважину. Несколько секунд, и она открылась. Еще через несколько секунд дверь люка оказалась откинутой, я вскарабкался наверх и закрыл ее за собой — с наслаждением втягивая прохладный ночной воздух. Я оказался на свободе! Стоя на крыше, да, конечно, но свободный духом по крайней мере. Звезды ярко светили у меня над головой, и их света хватало, чтобы осмотреть темную поверхность крыши. Она была плоская и широкая, с заградительными перилами на высоте колена, и сплошь усеянная вентиляционными и другими трубами. Что-то большое и громоздкое закрывало полнеба, и, когда я подошел поближе, я услышал звуки капающей воды. Цистерна с водой, прекрасно, а что же у нас внизу? Я заглянул сначала во внутренний двор, он был хорошо освещен и надежно охраняем. А что у нас позади? Это было намного интереснее, могу вас заверить. До внешнего двора было ровно пять этажей вниз, он был слабо освещен одним-единственным фонарем. Там валялись какие-то ненужные ведра, мешки и бочки, а во внешней стене находились тяжелые ворота. Запертые на замок, вне всякого сомнения. Но то, что закрыто человеком, человеком же может быть и открыто. Точнее сказать, мной. Вот и выход. Конечно, нужно было еще преодолеть спуск в пять этажей, но и тут можно было что-то придумать. Или, может, я нашел бы другой способ попасть во внешний двор. Времени для поисков было достаточно, еще шесть дней. Ноги мои замерзли, я весь продрог и захотел спать. За сегодняшнюю ночь я проделал довольно много. Даже жесткая тюремная койка казалась мне в этот момент очень притягательной. Осторожно и бесшумно я возвратился по своим следам назад. Опустил дверь и проверил, закрыта ли она, и спустился по ступеням на свой этаж... И услышал голоса впереди. Громкие и ясные.

А самый громкий из всех принадлежал моему сокамернику Вилли. Я с ужасом взглянул на свою распахнутую дверь, тяжелые сапоги охраны, и рванул обратно, быстро поднявшись по ступенькам наверх. В моих ушах звенели, словно набатный колокол, слова Вилли.

— Я проснулся, а его нет! Я был совсем один! Его съели чудовища! Тогда я закричал. Спасите меня, пожалуйста! Тот, кто утащил его, пришел через закрытую дверь! В следующий раз он придет за мной!

Я вскипел от ярости к своему соседу-кретину, но близкая возможность быть пойманным тут же остудила мой пыл. Не раздумывая, я понесся прочь от голосов и суматохи. Вверх по лестнице, один пролет, другой... Повсюду вспыхнул свет, и завыли сирены. Заключенные проснулись и перекликались в своих камерах. Через мгновение они все окажутся у своих дверей, увидят меня, начнут кричать, и прибежит охрана. Скрыться некуда. Я это прекрасно знал, и мне не оставалось ничего больше, как бежать без оглядки. На самый верхний этаж — затем мимо тюремных клеток. Все они теперь были ярко освещены. И любой из арестантов мог меня заметить, и я знал наверняка, что они тут же донесут на меня, кто бы из этих малолеток меня ни обнаружил. На этом все и кончится. Высоко подняв голову, я прошмыгнул мимо первой камеры, мельком заглянув внутрь. Она была пуста. Так же как и все остальные камеры на этом этаже. Значит, у меня еще был шанс! Как обезумевшая обезьяна, я вскарабкался по металлическим ступеням и неуклюже вставил отмычку в замок. Внизу послышались голоса, они становились все громче, а также шаги двух караульных, поднимающихся по лестнице в противоположном от меня направлении. Но стоило только одному из них повернуть голову, и он тотчас бы увидел меня. Хотя все равно они меня увидят, как только дойдут до верхнего этажа.

Замок, щелкнув, открылся, и я выбрался через отверстие наружу. Растянувшись на крыше, я тихонько опустил дверь. Успев заметить двух толстых караульных, повернувших в мою сторону, когда люк закрылся. Видели ли они это? Сердце стучало у меня в груди, словно сумасшедший ударный инструмент, а я, глотнув воздуха, стал ждать крики «тревога». Но их все не было. Я все еще находился на свободе. Глоток свободы! На меня вдруг напала тоска. Я мог свободно лежать на крыше, дрожа от страха и от холода, свободно сидеть, съежившись, и ждать, пока меня найдут. Поэтому я лежал и дрожал, испытывая жалость к самому себе целую минуту. Затем встал, встряхнулся, как собачонка, и почувствовал, как во мне начинает подниматься злость.

— Великий комбинатор! — вслух прошептал я, чтобы было слышно самому себе.— Карьера преступника. И самая первая твоя серьезная работа начинается с того, что ты позволяешь какому-то кретину с ножом загнать тебя в ловушку. Это тебе урок на будущее. Может, ты когда-нибудь окажешься на свободе, тогда

он тебе пригодится. Всегда надежно защищай фланги и тылы. Подумай обо всех случайностях. Подумай о том, что какой-нибудь идиот может проснуться. Двинь ему как следует тяжелой дубиной или чем-нибудь еще, чтобы быть уверенным в том, что он спит крепким здоровым сном. Запомни урок хорошенько, а сейчас оглянись вокруг и постарайся найти наилучший способ спасти разваливающийся план побега.

Выбор был ограничен. Если патруль откроет люк и выйдет на крышу, они сразу же обнаружат здесь меня. Есть ли тут где спрятаться? Крышка резервуара с водой могла бы подойти в качестве временного убежища, но если они зайдут так далеко, то уж наверняка заглянут и сюда. И при невозможности спуститься вниз по отвесным стенам, единственным местом, дающим хоть какую-то надежду, было именно это. Итак, вперед. Это было не так-то легко. Цистерна была сделана из гладкого металла, а до ее верха я просто не мог достать. Но я должен был это сделать. Я отошел на несколько шагов, разбежался, подпрыгнул и почувствовал, что мои пальцы ухватились за край цистерны. Я попытался вскарабкаться наверх, но они вдруг разжались, и я тяжело грохнулся на крышу. Если кто-либо находился в это время внизу, он бы обязательно услышал это. Оставалось надеяться, что я находился над незанятой камерой, а не над холлом.

— Хватит надеяться на лучшее, а вот прыгать не хватит, Джим,— сказал я, прибавив к этому несколько ругательств для поднятия духа, как мне хотелось бы думать. Я должен был взобраться наверх!

На этот раз я отошел еще дальше, упершись икрами в перила, и сделал несколько глубоких вдохов. Вперед! Подбежать, быстро оттолкнуться от нужного места — прыгнуть! Моя рука с размаху шлепнулась на край бака. Я ухватился за него, подтянулся, перекинул вторую руку, яростно толкая свое тело вверх и получая синяки и царапины о грубую металлическую поверхность, пока мне все же не удалось влезть на самый верх цистерны. Лежа там наверху и тяжело дыша, я смотрел на мертвую птицу, лежавшую тут же совсем близко к моему лицу и таращившую на меня свои остекленевшие глаза. Я уж было собирался столкнуть ее, как услышал звук тяжело опустившейся на крышу дверцы люка.

— Подтолкни меня немного, а? я застрял!

По хриплому дыханию и ворчанию, которое за этим последовало, я догадался, что это должен был быть один из тех двух толстых караульных, которых я видел на нижнем этаже. Еще более громкое сопение и пыхтение возвестило о том, что появился и его тучный сотоварищ.

— Не понимаю, ради чего мы сюда забрались,— захныкал первый прибывший.

— Я знаю,— довольно строго произнес его товарищ.— Мы должны выполнять приказы, что еще никому не повредило.

— Но ведь люк был закрыт.

— Закрыта была и дверь камеры, через которую он прошел. Давай посмотрим вокруг.

Тяжелые шаги обошли крышу и вернулись обратно.

— Здесь нет. Да и спрятаться-то негде. Даже не висит нигде на краю крыши, я смотрел.

— Осталось одно место, которое мы еще не осмотрели.

Я почувствовал их испепеляющие взгляды через толщу металла. Сердце мое снова бешено заколотилось. Я вжался в ржавую металлическую крышу и ничего, кроме отчаяния, не ощущал, когда скрип шагов стал раздаваться совсем близко.

— Он не смог бы забраться сюда. Слишком высоко. Я не достаю даже до крыши.

— Ты не смог бы достать и до шнурков на ботинках, если бы нагнулся. Давай посади-ка меня. Если ты поддержишь меня за ногу, я смогу дотянуться до верха и ухватиться за что-нибудь. Только и надо-то, что взглянуть разок.

Как же он был прав. Просто разок взглянуть. И я ничего не мог с этим поделать. Мне стало совершенно безразлично мое поражение. Я лежал, прислушиваясь к скрипу и проклятиям, тяжелому пыхтению и царапанию по железу. Звуки становились все ближе, и наконец прямо перед моим лицом появилась огромная лапища, уцепившаяся за край цистерны. Тут, наверное, сработало мое подсознание, так как, клянусь вам, никаких логических размышлений с моей стороны здесь не было задействовано. Моя рука высунулась вперед и подтолкнула мертвую птицу на самый край, прямо под его пальцы. Они опустились точно на нужное место и сгребли бедное создание. Результат был просто потрясающим! Птица исчезла, а вместе с нею и рука, последовали вопли и крики, а за ними два тяжелых удара.

— Зачем ты это сделал?

— Я схватил ее, аах — ооуу! Я сломал лодыжку.

— Проверь, можешь ли ты встать на ногу. Вот так, держись за мое плечо. Опирайся на вторую ногу, пойдем сюда...

Через открытую дверцу люка были слышны крики, раздающиеся там и тут, а я с облегчением поздравил себя с короткой передышкой. Они могли вскоре вернуться, и это было вполне вероятно, но по крайней мере первый раунд оставался за мной.

Секунды, а затем и минуты, текли очень медленно, и я наконец понял, что выиграл и второй раунд. Поиски перенеслись далеко от крыши. Во всяком случае, на некоторое время. Сирены замолчали, и суматоха охватила теперь нижний этаж. Внизу раздавались крики и хлопание дверей, рев выезжающих из тюремного двора в ночь машин. А через некоторое время — вот уж чудо из чудес — огни стали выключаться один за одним. Предварительные поиски были завершены. Меня охватила дремота — и я резко поднялся, чтобы стряхнуть ее.

— Чучело! Ты все еще в затруднительном положении. Разведка произведена, но это место еще как следует не осмотрено. Можно поставить на кон последнюю монету, что начни они с первым

лучом солнца новый осмотр, они не пропустят ни одного уголка или закуточка. И снова поднимутся сюда, на этот раз с лестницей. Помня об этом, нужно что-то предпринимать.

И я знал, куда мне нужно было сейчас двигаться. Это было последнее место, где им бы вздумалось меня искать этой ночью. Вниз через люк и дальше по темному коридору. Кое-кто из заключенных все еще обсуждал события этой ночи, но похоже, что все они уже лежали на своих койках. Бесшумно я спустился по лестнице и пробрался в камеру 567Б. Отворив дверь в абсолютной тишине и точно так же закрыв ее за собой. Мимо своей разобранной кровати к кровати моего приятеля-доносчика Вилли, похрапывающего в неправедном сне. Моя рука крепко сжала его рот, и он тут же широко открыл глаза, в то время как я с каким-то первобытным садистским наслаждением прошептал ему в ухо:

— Считай, что ты мертв, крыса позорная. Ты позвал охрану и сейчас получишь то, что заслуживаешь...

Он сделал гигантское усилие приподнять свое тело и потерял сознание. Глаза тут же закрылись. Уж не убил ли я его? Мне вдруг стало совестно своей дурно пахнущей маленькой шуточки. Нет, не убил, он просто без сознания, легко и размеренно дышит. Я пошел за полотенцем, намочил его в холодной воде — затем дал ему почувствовать всю свою доброту. Его вопль превратился в булькание, так как я успел заткнуть ему рот полотенцем.

— Я благородный человек, Вилли, так что тебе повезло. Я не собираюсь тебя убивать.— Мой шепот, казалось, немного успокоил его, потому что я почувствовал, что его тело перестало трястись от страха.— Ты мне поможешь. Если ты это сделаешь, я не причиню тебе никакого вреда. Вот тебе мое слово. Приготовься ответить на мой вопрос. Подумай хорошенько над ним. Тебе нужно будет прошептать только одно. Ты должен мне сказать, в какой камере сидит Стингер. Кивни головой, если ты готов ответить. Хорошо. Я вытаскиваю полотенце. Но если ты вздумаешь шутить или скажешь что-либо другое, тогда можешь распрощаться с жизнью. Итак...

...— 231Б...

На нашем этаже, прекрасно. Полотенце возвратилось на место. Затем я крепко придавил вену за его правым ухом, перекрывая поток крови, снабжающий кислородом мозг. Шесть секунд — потеря сознания, десять — смерть. Он задергался, потом снова затих. Я отпустил палец, досчитав до семи. У меня и в самом деле была великодушная натура. Я вытер полотенцем лицо и руки, затем наклонился за башмаками и надел их. Затем еще одну рубашку и куртку. После этого я залпом выпил, наверное, целый литр воды и был готов вновь предстать перед миром. Я сорвал с кроватей одеяла, намотал их на руку и вышел из камеры. На цыпочках, стараясь ступать совершенно бесшумно, я прокрался к камере Стингера. Мне показалось, что я свободен и невосприимчив ни к чему вокруг. В то же время я понимал, что это глупо и опасно. Но после полученных за этот вечер травм и переживаний я словно

исчерпал весь свой запас страхов. Дверь камеры открылась от одного моего нежного прикосновения, и глаза Стингера тоже моментально открылись, стоило мне только тронуть его за плечо.

— Одевайся,— тихо сказал я.— Мы бежим прямо сейчас.

Моих слов было для него достаточно — он не стал задавать лишних вопросов. Просто натянул на себя одежду, пока я брал одеяло с его койки.

— Нам понадобится по крайней мере еще два.

— Я возьму у Эдди.

— Он проснется.

— Я прослежу, чтобы он снова уснул.

За вопросительным бормотанием последовал глухой удар. Эдди продолжал досматривать свои сны, а Стингер забрал оставшиеся одеяла.

— Вот что мы сделаем,— сказал я ему.— Я нашел выход на крышу. Мы пойдем туда и свяжем эти одеяла вместе. Затем спустимся по ним вниз и удерем. О'кей?

О'кей! Никогда в жизни я не слышал более безумного плана. Но Стингер ответил:

— О'кей! Пойдем!

Еще раз вверх по лестнице — я уже устал взбираться по ней — и вообще устал за ночь. Я вскарабкался по железным ступеням, отпер дверцу люка и вытолкнул одеяла наружу, когда он передал их мне. Мы не проронили ни слова, пока я не опустил люк и не запер его на замок.

— Что случилось? Я слышал, что ты сбежал, и собрался уж было убить тебя, если бы они вновь поймали тебя.

— Это не так-то просто. Я расскажу обо всем после, когда мы смоемся отсюда. А сейчас давай вязать узлы. Бери за противоположные углы; мы должны извлечь из того, что имеем, наибольшую длину. Вяжи двойным узлом, как тебя учили в подростковом клубе. Вот так.

Он вязал и вязал, как безумный, пока все углы не были соединены, затем потянул за концы и удовлетворенно хмыкнул. Я привязал один конец к солидно выглядевшей трубе и сбросил одеяла вниз.

— Не хватает по крайней мере двадцати футов,— сказал Стингер, хмуро посмотрев на землю.— Иди первым, ты легче. Если это все оборвется подо мной, хотя бы ты будешь иметь шанс уцелеть. Давай двигай.

С его логичным рассуждением невозможно было спорить. Я взобрался на перила и ухватился за верхнее одеяло. Стингер стиснул мою руку в неожиданном порыве чувств. И я полез вниз. Это было не так уж легко. Руки мои устали, и одеяла подо мной стали потрескивать. Я спустился так быстро, как это было возможно, потому что ясно понимал, что силы покидают меня. Мои ноги забарахтались в воздухе — я дополз до последнего угла. Твердое покрытие двора казалось еще совсем далеко. Мне было нелегко отпустить руки. Или наоборот, очень легко. Я не мог уже доль-

ше держаться. Пальцы мои разжались, и я упал... стукнулся, покатился и сел на землю, едва переводя дух. Я все же сделал это. Высоко наверху я видел темную фигуру Стингера, карабкающуюся вниз по веревке. Через несколько секунд он был уже на земле, легко приземлившись рядом со мной и помогая мне встать на ноги. С трудом я доковылял к воротам. Пальцы мои дрожали, и я никак не мог открыть замок. Мы были до неприятности заметны здесь, прямо под фонарем, и если бы хоть один часовой удосужился выглянуть в окошко над нами, мы бы оказались в ловушке. Я глубоко вздохнул и передернул плечами, затем снова поковырял в двери отмычкой, неторопливо и тщательно, прочувствовав все выпуклости и пазы внутренностей запора. Он щелкнул и открылся, и мы бросились бежать. Стингер успел бесшумно затворить ворота, затем повернулся и помчался в ночь, я не отставал от него ни на шаг.

Мы были свободны!

— Подожди! — окликнул я, когда Стингер помчался в сторону дороги.— Не сюда. У меня есть план получше. Я разработал его еще до того, как меня посадили.

Он замедлил ход и задумался над моими словами, затем, видно, принял в уме какое-то решение.

— До сих пор ты не ошибался. Так что мы будем делать?

— Для начинающих — оставляй след, по которому они пустят роботов-ищеек. Бежим сюда.

Мы свернули с дороги и помчались по траве к ближайшему ручью. Он был мелким, но холодным, и я не мог сдержать дрожь, когда мы побрели по нему. Главная магистраль проходила совсем близко, и мы пробирались в том же направлении, пригибаясь к самой воде, когда по дороге проезжало какое-нибудь транспортное средство. Некоторое время дорога оставалась совсем безлюдной.

— Самое время! — выкрикнул я.— Бегом к магистрали, а затем обратно, ступая в свои же собственные следы.

Стингер сделал так, как было сказано, возвратившись по своим следам вместе со мной в ледяной ручей.

— Здорово придумано,— сказал он.— Ищейки найдут то место, где мы якобы вышли из воды, и пойдут по следам до дороги. Тогда они подумают, что нас подобрала какая-нибудь проезжающая мимо машина. Что дальше?

— Мы пойдем вверх по течению — не выходя из воды — до ближайшей фермы. Которая наверняка окажется свинофермой...

— Только не это. Я их ненавижу до смерти. Мне как-то досталось от одного свинобраза, когда я был еще ребенком.

— У нас нет другого выхода. Если мы станем делать что-либо другое, легавые загребут нас на рассвете. Я тоже не могу сказать, что очень уж люблю этих свинок. Но я вырос на ферме и знаю, как с ними обращаться. А теперь пошли, пока я не отморозил себе ноги.

Это было довольно долгое путешествие, я продрог и никак не мог остановить начавшуюся дрожь. Но нам абсолютно ничего не оставалось больше делать, как продвигаться вперед. Зубы стучали у меня во рту, словно кастаньеты, когда мы наконец-то добрались до ручейка, который, извиваясь по полям, впадал в широкий поток, по которому мы брели. Звезды стали понемногу тускнеть; приближался рассвет.

— Вот оно,— сказал я.— Тот самый ручеек, который нам нужен. Это срубленное дерево — моя заметка. Не отставай — мы уже совсем близко.— Я потянулся и обломил старую ветку, нависшую над ручьем, показывая путь. Мы брели дальше, пока не дошли до высокого электрифицированного забора, который перекрывал ручей. Он был отчетливо виден в предрассветных сумерках. С помощью сучка я приподнял нижний край изгороди, чтобы Стингер смог подлезть под ней; затем он проделал то же самое для меня. Когда же я встал, то услышал знакомое шуршание огромных игл, доносящееся из-за растущего неподалеку дуба. Большая темная тень отделилась от деревьев и направилась к нам. Я забрал ветку у Стингера и тихонько позвал:

— Суу-ии, суу-ии... Сюда, хрюша, хрюша...

Боров, подходя к нам, мерно похрюкивал. Стингер что-то шептал себе под нос, наверное, ругался или молился — а может, и то, и другое. Я снова позвал, и массивное создание подошло ближе. Настоящий красавец, весом с тонну, смотрел на меня своими маленькими красными глазками. Боров даже не пошевелился, когда я шагнул к нему и медленно поднял ветку, услышав стон Стингера позади себя. Я вставил палку свинье за ухо, расправил длинные иголки — и принялся усердно чесать его шкуру.

— Что ты делаешь? Он же нас убьет! — воскликнул Стингер.

— Разумеется, нет,— ответил я, еще сильнее царапая борова за ухом.— Послушай-ка.— Свинобраз полуприкрыл глаза и счастливо похрюкивал.— Я хорошо знаю этих больших хрюшек. У них под иголками много всяких паразитов, и они не могут сами добраться до них. Поэтому они любят, когда им чешут за ухом. Подставляй-ка второе, тут самое чувствительное место — и мы продолжим свой путь.

Я продолжал скрести, боров постанывал от счастья, и рассвет незаметно подкрадывался к нам. В доме фермера включили свет, и мы присели позади свинобраза. Дверь открылась, кто-то выплеснул из ведра воду, и она снова закрылась.

— Побежали в сарай,— сказал я.— Сюда!

Боров недовольно заворчал, когда я прекратил его чесать, и засеменил позади нас, в надежде получить еще, в то время как мы тайком пробирались к сараю через всю ферму. Это было очень даже кстати, так как вокруг бегало большое количество свиней, усеянных острыми шипами. Но все они мгновенно разбежались, как только появился вожак, и мы с поистине королевскими почестями проследовали к сараю.

— До встречи, приятель,— выдохнул Стингер.— Я этого никогда не забуду.

— Нужна сноровка,— скромно произнес я.— В конце концов, ты здорово управляешься со своими кулаками...

— А... ты здорово управляешься со свиньями!

— Я бы не стал говорить так КАТЕГОРИЧНО,— пробормотал я.— А теперь полезли на сеновал, там теплее, и нас там не увидят. Впереди долгий день, и я бы хотел использовать его, чтобы как следует выспаться.

В следующий момент я ощутил, что Стингер трясет меня за плечо, а сквозь дощатые стены сарая пробиваются яркие лучи солнца.

— Здесь полиция,— прошептал он.

Я смахнул с глаз остатки сна и выглянул в дырочку. Белозеленый полицейский фургон стоял неподалеку от фермерского дома, и два легавых в форме показывали какой-то листок хозяину. Он отрицательно качал головой, и мы ясно слышали его голос сквозь гомон крестьянского двора.

— Нет. Никогда в жизни их не видел. Если честно, я уже неделю не видел никого из посторонних. Это правда, так что очень приятно было с вами пообщаться. А эти парни на самом деле выглядят отвратительно. Преступники, вы говорите...

— Папаша, мы не собираемся торчать тут целый день. Если ты не видел их, они могли тем не менее спрятаться у тебя на ферме. Может, вон в том сарае?

— Они бы не смогли туда забраться. Я специально выпускаю свинобразов. Самые злобные создания на свете.

— Мы все же посмотрим. Приказ был обыскать каждое здание в округе.

Полицейский направился в нашу сторону, но тут раздался безумный визг, и послышался топот острых копыт. Из-за угла сарая, гремя своими иглами, выскочил наш ночной знакомец. Он приготовился к нападению, и полиция мигом нырнула в свой фургон. Боров с размаху врезался в него, раскачивая его из стороны в сторону своими огромными клыками. Фермер довольно закивал.

— Я же говорил вам, что здесь не может никого быть. Раз уж тут ходит Крошка Лэрри, он не потерпит на своей территории чужаков. Так что заезжайте, как будете поблизости, ребята...

Ему пришлось выкрикивать последние слова, потому что фургон взревел, держа курс на запад, по пятам преследуемый Крошкой Лэрри.

— Вот это здорово,— сказал Стингер с благоговением в голосе. Я молча кивнул в знак согласия. Даже в самой унылой и безрадостной жизни бывают моменты полнейшего триумфа.

Ну хватит развлекаться, пора за работу. Я вставил соломинку в рот и растянулся на теплом сене.

— Свинобразы очень приятны, когда знаешь их нравы.

— Полиция, кажется, так не думает,— сказал он.

— Да уж, догадываюсь. Никогда не видел ничего лучше. Мне бы не хотелось вновь встретиться с полицией.

— А кому хотелось бы? За что тебя посадили?

— Ограбление банка. Ты когда-нибудь брал банк?

Он присвистнул от удивления и отрицательно покачал головой.

— Это не мой стиль. Я бы и не знал, что нужно делать. Кулачные бои — вот мой стиль. Я не знал поражения целых девять лет.

— Шатаясь тут и там по окрестностям, ты, должно быть, встречал много людей. Никогда не сталкивался со Смелли Шмаком? — сымпровизировал я. — Мы вместе брали как-то банк в Грэм Стейт.

— Никогда не встречал его. И никогда не слышал о нем. Ты первый грабитель банков, которого я видел в своей жизни.

— Правда, что ли? Ну, да, нас теперь мало осталось. Но ты же должен знать каких-нибудь медвежатников. Или автомобильных воров?

Все, чего я добился, это еще одно его отрицательное покачивание головой.

— Я только в тюрьме и мог встретить таких парней, как ты. Я знаю нескольких аферистов; они появляются иногда на наших боях. Но у всех у них ветер в карманах, они неудачники. Я знавал одного, могу спорить, что ты его знаешь — Слон, но это было много лет назад.

— Слон? — повторил я, быстро моргая и стараясь припомнить названия шахматных фигур. — Я давно не играл в шахматы.

— Да не тот слон. Я имел в виду одного чудака, который занимался тем, что чистил банки и наши карманы. Я думал, ты его знаешь, или хотя бы слышал о нем.

— Наверное это было не в мое время.

— И ни в чье другое. Это было многие годы назад. Полиции так и не удалось его поймать, как я слышал. Один аферист говорил, что хорошо знал его, и говорил также, что он давно уже отошел от дел, и залег на дно. Хороший был человек.

Стингер не знал ничего больше, и бесполезно было выведывать у него еще что-то. Разговор наш помаленьку затих, и мы оба продремали до темноты. Нас мучила жажда и голод, но мы знали, что днем нам все равно придется прятаться. Я жевал свою соломинку и старался не думать об огромных бутылках с пивом или холодной водой, а думать лучше о Слоне. Это очень слабая зацепка, но большего я не имел. К заходу солнца я просто ужасно проголодался и хотел пить, а также впал в совершеннейшее уныние. Мое веселое тюремное приключение обернулось полнейшим фиаско. Тюрьмы предназначались для неудачников — вот и все, что я успел выяснить. И для того, чтобы это узнать, я рисковал жизнью и всеми своими членами. Никогда больше. Я поклялся сам себе, что буду впредь держаться от тюрем подальше и от полицейских тоже. Настоящие преступники не позволяют себя поймать. Как Слон, кем бы он ни был. Когда последний луч света

скрылся за горизонтом, мы осторожно приоткрыли дверь сарая. До наших ушей донеслось мерное похрюкивание, и огромная фигура загородила нам выход. Стингер раскрыл рот от изумления, и я втащил его обратно, пока он не бросился наутек.

— Возьми палку, она может пригодиться,— сказал я.— Я научу тебя новому ремеслу.

Мы скребли шкуру животного, как сумасшедшие, и оно тихонько похрюкивало от удовольствия. Когда же мы наконец отправились в путь, боров побежал за нами, словно собачонка.

— Мы приобрели друга на всю жизнь,— произнес я, когда мы выскользнули за ворота и помахали на прощанье нашему свиноподобному приятелю.

— Такого друга мне и даром не надо. Ты представляешь себе, что нам необходимо теперь сделать?

Естественно. Я славлюсь тем, что всегда все планирую заранее. Здесь ниже проходит железнодорожная ветка, по которой гоняют грузовые платформы, перегружая на них товары с проходящих мимо рейсовых поездов. Нам нужно держаться от нее подальше, потому что там наверняка полно полиции. Параллельно ветке идет дорога, по ней ездят грузовики, и она ведет к магистрали, где осуществляется световой контроль. Машины должны останавливаться, пока дорожный компьютер не засечет их и не разрешит двигаться дальше. Вот туда мы и пойдем...

— И вломимся в кузов какого-нибудь грузовика!

— Ты делаешь успехи. Нам надо только выбрать правильное направление, удостовериться, что грузовик следует на запад. Иначе мы снова попадем в прекрасный город Пёли Гейтс (Жемчужные Ворота), а вместе с тем и в нашу любимую тюрьму, из которой мы с таким трудом выбрались.

— Показывай дорогу, Джим. Ты самый смекалистый парень из всех, кого я встречал в своей жизни. Ты далеко пойдешь.

Я именно этого и добивался и кивнул ему в знак согласия. Жаль только, что он не пойдет так далеко. А я ведь не собирался провести свою жизнь на какой-нибудь ферме, это он мог удовлетвориться сельской жизнью. Но похоже, что Стингер планировал что-то более грандиозное. Я не хотел становиться соучастником убийства.

Мы нашли дорогу и притаились в кустах. Рядом остановились два грузовика — за ними появились огни еще одного. Мы оставались вне поля зрения. Сначала один, а за ним и второй, тронулись с места и направились на восток. Когда третий замедлил ход и остановился, в свою очередь вспыхнули огни. На запад! Мы рванули вперед. Пока я возился с замком, Стингер страховал меня сбоку. Он потянул ручку вниз, и дверь распахнулась. Грузовик тронулся, и он подтолкнул меня внутрь. Ему пришлось догонять отъехавший фургон — он схватился за нижнюю перегородку и втащил себя в кузов одним резким движением своих мощных рук.

— Мы все-таки сделали это! — торжествующе произнес он.

— Конечно, сделали. Грузовик едет в нужном тебе направлении, а мне придется выйти и вернуться в Пёли Гейтс, как только спадет жара. Примерно через час мы будем проезжать мимо Билльвилля. Там мы с тобой и попрощаемся.

Путешествие длилось недолго. Я спрыгнул на первой же остановке для светового контроля, и он пожал мне руку на прощанье.

— Удачи тебе, малыш! — выкрикнул он, когда машина тронулась. Я не мог пожелать ему того же самого. Поэтому взял на заметку регистрационный номер грузовика и вытащил монетку, как только заурчал мотор. Как только он скрылся из виду, я повернулся к ярко освещенному телефонному аппарату. Я чувствовал себя подлым предателем, нажимая кнопку вызова полиции.

Но у меня действительно не было никакого выбора.

В отличие от незадачливого Стингера, я разработал тщательный план побега. И его частью был замысел дать совершенно ложное направление своему партнеру. Он был не так глуп, и ему не составило бы большого труда вычислить, кто же донес на него. Поэтому, если он заговорит и расскажет полиции, что я вернулся в прекрасный город Пёли Гейтс, это будет даже лучше. У меня не было желания покидать Билльвилль, хотя бы на некоторое время.

Эту контору арендовало какое-то агентство, и все делопроизводство велось здесь компьютером. Я бывал тут раньше, еще до моего банковского грабежа, и тогда же оставил здесь кое-какие припасы. Сейчас они могли очень даже пригодиться.

Я вошел в полностью автоматизированное здание через служебный вход — выключив предварительно сигнальную систему, используя потайную кнопку, которую у меня хватило соображения тут вставить. По встроенному таймеру я заметил, что мне потребовалось целых десять долгих минут, чтобы наконец войти в контору. Я зевнул, ковыряясь отмычкой в замке, и еще раз, закрывая за собой дверь и ковыляя вверх по лестнице три пролета. Мимо бессмысленных глаз отключенных видеокамер и невидимых — и тоже отключенных — лучей инфракрасного света. Я потратил еще две минуты, подбирая ключ к двери самой конторы. Затемнив окна и включив свет, я направился к бару. Холодное пиво никогда еще не казалось мне таким вкусным. Содержимое первой бутылки нисколько не задержалось у меня в глотке и зашипело уже где-то на дне живота. Потягивая из второй бутылки, я разорвал упаковку с жаренными на вертеле ребрышками свинобраза и достал самое большое ребро. Ам! Приняв душ, перекусив и занявшись третьей бутылкой пива, я почувствовал себя намного лучше.

— Ох, за работу,— сказал я терминалу, нажимая на клавиатуру. Мои инструкции были просты: все газетные сообщения на планете за последние пятьдесят лет, все, что касается преступника по имени Слон, и все разговоры вокруг этого, и без повторений. Печатай.

Еще до того момента, когда я достал свое пиво, из принтера

стали появляться первые листы. Верхний лист сообщал о самом последнем упоминании — всего десять лет назад. Не очень интересное происшествие в городке, расположенном на другом конце планеты, в Декалоге. Полиция задержала в какой-то забегаловке пожилого гражданина, который заверял всех, что он и есть Слон. Позже выяснилось, что он страдает манией величия, и подозреваемый был отправлен в сумасшедший дом, откуда он, оказывается, и сбежал. Я подобрал следующее сообщение.

Так я трудился до изнеможения до самого утра и немного вздремнул прямо здесь же на картотеке, которая легко превращалась в кровать, стоило ей только дать команду. В предрассветных сумерках, взбодрив себя чашечкой черного кофе, я закончил наконец раскладывать на полу листы с информацией. По ним пробежались розовые лучи восходящего солнца. Я выключил свет и, постукивая стилографом по зубам, принялся изучать систематизированные сообщения.

Интересно. Преступник, который бравирует своими преступлениями. Который оставлял после себя небольшой рисуночек со слоном, скрываясь вместе с добычей с места преступления. Очень простой рисунок — легко скопировать. Что я и сделал. Затем вытянул руку и полюбовался на него со стороны.

Первый слон был найден в пустой кассе автоматизированного магазинчика по продаже спиртных напитков шестьдесят восемь лет назад. Даже если Слон начал свою карьеру подростком, как я, ему сейчас должно было быть больше восьмидесяти. Очень приятный возраст, учитывая, что продолжительность жизни увеличилась теперь до полутора веков. Но что могло случиться такого, что заставило его надолго замолчать?

Прошло уже более пятнадцати лет с момента его последнего появления на страницах газет. Я посчитал на пальцах все возможные варианты.

— Номер один, и этот вариант нельзя скидывать со счетов,— он мог умереть. В этом случае ничего не поделаешь, и нам придется забыть обо всем.

— Два — он мог улететь на другую планету и продолжать заниматься своей преступной деятельностью где-нибудь среди звезд. Если так, забудем об этом, как и в первом случае. Мне нужно будет добыть немалое количество золотых монет и побольше опыта, прежде чем приниматься за другие миры.

— Три — он отошел от дел и отдыхает, проживая полученные неправедным путем доходы — тогда есть надежда. Или он сменил род деятельности — четыре — и не оставляет теперь следов после каждой вылазки.

Я сел, довольный собой, потихоньку потягивая кофе. Если третий или четвертый варианты были верными, я имею шанс найти его.

Он вел довольно деятельный образ жизни, я со знанием дела посмотрел на список его преступлений. Кражи в самолетах, в автомобилях, опустошение касс и банков. И еще и еще.

Все преступления заключались в перекачивании долларов из чужих карманов в его собственный. И он ни разу не был пойман, это было самое лучшее из всего. Вот человек, который мог бы стать моим учителем, моим репетитором, моим университетом в мире преступления — который бы в один прекрасный день выдал мне диплом черной магии, открывающий для меня двери в золотые владения, в которые я так страстно желаю попасть.

Но как же я мог разыскать его, если уж объединенные силы полиции всего мира, в течение десятилетий, ни разу не могли поймать его за руку? Интересный вопрос. Такой интересный, что я не видел на него ответа. Я решил предоставить это своему подсознанию, поэтому я еще раз кратко пробежался по всем полученным фактам, чтобы информация закрепилась в подкорке.

Улица постепенно заполнялась покупателями, и я подумал, что и мне самому неплохо было бы прогуляться до магазина. Все продовольствие, которое у меня здесь имелось, было либо замороженным, либо упакованным и готовым к употреблению, а после отвратной тюремной пищи мне вдруг захотелось чего-нибудь поджаристого и хрустящего.

Я открыл шкафчик с гримом и стал готовиться к выходу в свет.

Взрослые не осознают — или забывают — как трудно быть подростком. Они забывают, что это переход во взрослую жизнь.

Беззаботные детские забавы уже позади, а ответственность и исполнение взрослых обязанностей еще впереди. Помимо прилива крови к голове, а также ко всем другим частям тела, когда там начинают появляться мысли о противоположном поле, существует еще масса проблем.

От незадачливого подростка ждут взрослых поступков — а он не имеет от этого хваленого зрелого состояния никаких преимуществ. Что касается меня, я избежал мучительного давления переходного возраста тем, что просто перепрыгнул через него.

Перестав праздно шататься и трепать языком в школе и во время профессиональной подготовки, я превратился во взрослого человека. А так как я считал себя намного умнее их — взрослых, я имею в виду, по крайней мере, я так считал — мне оставалось только напустить на себя побольше важности. Сначала накладываем морщинки в уголки глаз и на лоб. С помощью бесцветного вещества мой возраст продвинулся сразу на несколько лет вперед. Кое-какой макияж на шее, и последним штрихом будут мерзкие крохотные усики. Когда я натянул на себя бесформенную конторскую куртку, моя мама не узнала бы меня, встретив случайно на улице. На самом деле так однажды и случилось, это было около года назад — я спросил у нее, который час, и она ответила, и в ее коровьих глазах не мелькнуло никакого признака того, что она меня узнала.

Я вышел из конторы и отправился в ближайший магазинчик. Должен сказать, что мое подсознание работало очень продуктивно в этот день. Это я вскоре обнаружил. Даже после всего выпито-

го пива меня мучила жажда. Проведенное в сарае время без воды давало о себе знать. Поэтому я завернул под платиновые своды Максвиниз и зашагал к роботу-официанту, встроенному в стойку бара. Его пластиковая голова с изображенным на ней неисчезающим оскалом повернулась ко мне, и он произнес слащавым и чувственным голосом:

— Чем могу служить, сэр или мадам? — они могли бы потратить несколько долларов на различающую пол программу, подумал я, изучая список названий прохладительных напитков на стене.

— Я возьму, наверное, двойной вишневый сироп с большим количеством льда.

— Будет сделано, сэр или мадам. Все это стоит три доллара, если вам угодно.

Я опустил монеты в монетоприемник, и крышка автоматического раздатчика, щелкнув, отворилась, и появились заказанные мною напитки. Протянув за ними руку, я вынужден был прослушать рекламный призыв робота-официанта.

— Максвиниз счастливы обслужить вас сегодня. Выбрав напиток по вашему вкусу, мы уверены, что вам захочется отведать поджаренный на вертеле бургер из мяса свинобраза с фирменным соусом и украшенный сахаристыми фаршированными бататами...

Голос робота постепенно исчез из моего сознания, когда оно вновь взялось за решение моей небольшой задачки. Ответ, который должен быть простым и ясным, что было само по себе очевидно, как дважды два...

— Давай, пьянчуга. Заказывай или отходи, не будешь же ты стоять тут целый день.

Над самым моим ухом раздался чей-то голос. Я пробормотал какие-то извинения и, отойдя к ближайшему столику, уселся на стул. Теперь я знал, что нужно сделать. Просто нужно поставить все с ног на голову. Вместо того, чтобы самому искать Слона, мне придется заставить его поискать меня. Я пил холодный сироп, пока у меня не заболело горло, бессмысленно глядя в одно место и по крупицам собирая кусочки плана действий. У меня не было абсолютно никаких шансов найти Слона — было глупо и бессмысленно даже тратить время на попытки. Поэтому мне оставалось только совершить какое-нибудь суперскандальное преступление, чтобы оно оказалось во всех сводках новостей на всех каналах планеты. Оно должно быть настолько экзотическим, чтобы ни один человек на свете, умеющий читать — или в крайнем случае, способный ткнуть пальцем в кнопку и включить информационный канал — не остался в неведении относительно него. Весь мир должен узнать о моем преступлении. Они должны будут также узнать, что его совершил Слон, потому что я оставлю на месте совершения преступления вызывающую визитную карточку, шахматного слона.

Я втянул остатки напитка через соломинку, вновь сосредоточил взгляд на окружающих предметах и медленно вернулся

в яркую реальность Максвиниз. Прямо передо мной висел плакат. Я уже смотрел на него некоторое время невидящими глазами. Теперь я его заметил. Смеющиеся клоуны и визжащие дети. Все увлечены весельем, а над их головами красовалась простая надпись светящимися буквами:

ПОБЕРЕГИТЕ СВОИ КУПОНЫ!
ПОЛУЧИТЕ ИХ В КАЧЕСТВЕ ВЫИГРЫША!!
СВОБОДНЫЙ ВХОД В ЛУНА-ПАРК!!!

Я бывал в этих парках несколько лет назад — и мне они ужасно не нравились, даже когда я был ребенком. Устрашающие гонки, способные напугать лишь наивных простаков. Взлеты и падения, головокружительные карусели — все это предназначается для закаленного желудка и крепкой головы. Фасованные обеды, сахарная карамель, пьяные клоуны, все это вперемежку с бурным весельем — развлечения на любой вкус. Тысячи людей приходят в луна-парки каждый день, и десятки тысяч заполняют их по выходным, принося с собой сотни тысяч долларов. Долларовое изобилие! Все, что мне нужно сделать — очистить его — и сделать это таким удивительным способом, чтобы попасть на передовицы всех газет на планете. Но как мне это сделать? Пойти туда, конечно, и хорошенько посмотреть на все их меры предосторожности. Самое время было расслабиться.

Для этого небольшого похода в разведку было бы намного естественнее вести себя соответственно своему возрасту. Смыв с себя всю косметику, я снова превратился в семнадцатилетнего подростка со свежим здоровым лицом. Мне необходимо было совершенствовать свои навыки; недаром же я прошел очень дорогие курсы театрального макияжа. Набив щеки мягкими прокладками, я стал похож на херувимчика, особенно тогда, когда чуть-чуть подрумянил их. Я надел пару темных очков, украшенных пластиковыми цветами — из них брызнули струйки воды, когда я нажал на маленький баллончик в кармане. Дешевая забава! Стиль одежды переменился, слава богу, и это означало, что брюки-гольф вышли из моды, а вернулись шорты. А точнее, какой-то предосудительный стиль под названием шорт-лонг, когда одна штанина была выше колена, а другая ниже. Я купил пару таких штанов, изготовленных из отталкивающего пурпурного вельвета с декоративными розовыми заплатами. Я с трудом заставил себя взглянуть в зеркало. То, что смотрело на меня оттуда, я бы не решился описать, единственно, что это было совершенно не похоже на сбежавшего грабителя банка. На шею я повесил дешевый фотоаппарат, от которого только и толку-то было, что он дешевый или что он просто фотоаппарат.

Придя на место, я чуть было не потерялся в потоке подобных себе, несущемся к главному входу в луна-парк. Визжа, истерически хохоча и обливая друг друга из наших пластиковых цветов, мы коротали время до открытия. Когда же двери наконец распахнулись, я пропустил вперед всю эту разноцветную толпу и нетер-

пеливо последовал за ней. Теперь за работу. Туда, где имеются деньги. Впечатления о моем первом посещении этого заведения совершенно стерлись в моей памяти — и слава богу! — но я хорошо запомнил, что за различные аттракционы нужно было платить жетончиками. Мой отец выдавал мне ограниченное и очень небольшое количество этих жетонов, которые растрачивались за какие-нибудь несколько минут, и уж конечно, пополнения ждать было неоткуда. Моей первоначальной задачей сейчас было найти источник с этими жетонами. Это было довольно легко сделать, так как данное здание являлось объектом внимания каждого посетителя. Оно представляло из себя остроконечное сооружение, словно перевернутый вафельный стаканчик от мороженого, украшенное флагами и механическими клоунами и увенчанное позолоченным громкоговорителем, из которого неслась оглушительная музыка. Вокруг здания у самого его основания располагались пластиковые клоуны, раскачивающиеся, смеющиеся и гримасничающие. Несмотря на свой вызывающий отвращение вид, они исполняли очень важную функцию выуживания из посетителей их денег. Нетерпеливые руки подростков всовывали монеты в загребущие лапы пластиковых полишинелей. Монеты исчезали — и клоунский рот изрыгал целый поток пластмассовых жетонов. Омерзительно — но, очевидно, только я один так думал. Деньги текли рекой в это здание. Теперь нужно было найти, где они из него вытекали. Я обошел его кругом и обнаружил, что раздаточное устройство, возвращающее долларовый поток в обращение, располагается позади здания, под прикрытием деревьев и кустарников. Пробравшись под их ветвями к пристройке, я столкнулся лицом к лицу с полицейским, стоявшим у безымянной двери.

— Исчезни, крошка,— ласково попросил он.— Здесь служебный вход.

Увернувшись от него, я толкнул дверь, успев ее сфотографировать.

— Мне нужен туалет,— наобум ляпнул я.— Мне сказали, что он здесь.

Крепкая рука отшвырнула меня назад к кустарнику.

— Не здесь. В другом месте. Иди откуда пришел.

Я пошел. Очень интересно. Никакой электронной сигнализации, а замки системы Глабб — надежные, но устаревшие. Мне начали нравиться луна-парки. Последовало мучительное ожидание темноты, когда парк должен был закрываться. От нечего делать я прокатился в Ледяную страну, где нужно было пробираться через пещеру из искусственного льда со всевозможными вещами, вмороженными в стены — которые иногда отваливались и падали прямо на экскурсантов. Аттракцион «Морские пираты» был не лучше этого, а уж про бурное веселье Леденцовой страны или Чудища на болоте мне и вовсе не хотелось бы говорить, чтобы соблюсти приличия. Достаточно сказать, что я все же дождался своего времени. Автомат с жетонами прекратил работу за час до закрытия парка. Со своего пункта наблюдения я с интересом сле-

дил за тем, как бронированный фургон увозил большое количество солидных контейнеров. Но самое интересное было то, что вместе с деньгами испарилась и охрана. Думаю, что по их логическому рассуждению выходило, что никому в здравом уме не придет в голову вламываться сюда ночью, чтобы стащить жетоны. Но я был не в здравом уме. Как только на землю опустились сумерки, я присоединился к изможденной праздной толпе, бредущей к выходу. Но до него я, конечно же, не дошел. Запертая дверь тыльной стороны Горы вампиров легко поддалась, и я проскользнул в темноту служебного помещения. Высоко надо мной слабо светились клыки с намалеванной на них запекшейся кровью; я чувствовал себя очень уютно, спрятавшись позади заполненного пылью гроба. Нужно было подождать еще час, не более. Служащие уже наверняка разошлись, но на улице еще было полно народу, и они могли бы заметить мою отвратительную экипировку, когда я выйду наружу.

Кругом были предохранительные устройства, но их легко было обойти. Как я и предполагал, Глабб без труда открылся, и я быстро проскользнул внутрь. В комнате не было окон, что было очень даже кстати, так как мой фонарик не был в этом случае заметен с улицы. Я включил его и с восхищением оглядел оборудование. Простая и ясная конструкция — я высоко ценил эти качества в механизмах. Стены опоясаны автоматическими раздатчиками. Они сейчас молчали, но наверняка оставались в рабочем состоянии. Когда в них попадали монеты или банкноты, они пересчитывали их и отправляли дальше. Верхние автоматы отмеряли и выбрасывали определенное количество жетонов в подающие желобки. Рядом с ними из пола торчали трубы, заканчивающиеся где-то наверху в бункере. Вне всякого сомнения, они наполнялись с помощью подземного транспортера, который возвращал готовые к употреблению жетоны и автоматы. Доллары, к которым больше не прикасались человеческие руки, перемещались по закрытому трубопроводу к месту сбора, где монеты попадали в специальные закрытые ящики. Они мне были не нужны, их не очень-то легко было отсюда вывезти. Но банкноты, да, они были легче и обладали большей стоимостью. Они скользили по желобкам, пока не падали грациозно в открытый верх сейфа. Эта операция надежно предохраняла от нечистого на руку обслуживающего персонала. Прекрасно. Я был просто очарован оборудованием и размышлял о нем, делая себе пометки. Автоматы были изготовлены фирмой по заказу биржевиков, и я срисовал ее торговую марку себе в блокнот. Сейф был тоже надежно и качественно сработан, но при моем содействии легко и просто открылся. Он был, конечно, пуст, но я этого и ждал. Я взял на заметку код, затем открыл и закрыл дверцу несколько раз, пока не научился делать это с закрытыми глазами. План в моей голове приобретал определенные формы, и это было его составной частью. Закончив наконец все дела, я незаметно выскользнул из помещения. Никем не замеченный, я выбрался наружу и присоединился к толпе прогуливаю-

щихся пешеходов. Они мало чем отличались от меня, и мне только и нужно было надеть во второй раз свои очки-брызгалки. Мне трудно описать, с каким облегчением я вошел в дверь «своей» конторы, сбросив с себя маскарадный костюм и погрузившись вместе с носом в холодное пиво. Затем, образно выражаясь, мне пришлось немного пошевелить мозгами.

Последующие недели принесли много хлопот. Пока я готовил необходимое снаряжение, я не забывал просматривать информационные сообщения. Один из бежавших заключенных, после яростного сопротивления, был схвачен. Его сообщник найден не был, несмотря на ту помощь, которую оказал пойманный полиции. Бедный Стингор; жизнь не будет его радовать как прежде, если у него отнимут возможность драться. Зато для того парня, которого он замыслил убить, жизнь на некоторое время останется прежней. Поэтому мне было не очень-то жаль Стингера. Да и работы было полно. Нужно было сделать две вещи — спланировать ограбление и расставить ловушки для Слона. Могу с гордостью признаться, что легко справился с этими двумя задачами. Теперь нужно было дождаться темной и дождливой ночи, чтобы посетить луна-парк еще разок. Я вошел и вышел так быстро, как это только было возможно, и все же это заняло несколько часов, ведь необходимо было проделать огромную подготовительную работу. Теперь все заключалось в выборе подходящего времени. Лучше всего было сделать это в выходные, когда автоматы переполнены. Частью моего плана была совершенно законная аренда небольшого гаража, но зато я абсолютно незаконным путем стащил маленький фургончик. Ожидая подходящего момента операции, я перекрасил его — если честно, он стал выглядеть намного лучше — подрисовал другие номера и прилепил на дверцы фирменные таблички. Когда наступила суббота, я еле сдерживал себя от нетерпения. Чтобы как-то скоротать время, я, загримированный и с усами, сидел в кафе, наслаждаясь легким и приятным обедом, потому что мне нужно было дождаться конца дня, когда автоматы будут полны монет. И вот я нахожусь совсем рядом со служебным входом в луна-парк в строго запланированное время. Надевая тонкие, обтягивающие кожу перчатки, я почувствовал некоторое опасение, но предвкушение успеха было сильнее. С улыбкой на губах я потянулся к небольшому аппарату и включил его. Невидимый радиосигнал полетел в сторону парка, и я постарался представить, что там сейчас творится. Сигнал достиг приемника и передал его дальше по проводам — цель поражена. Раздался взрыв, совсем небольшой, но способный вывести из строя запирающее устройство. Трубопровод не должен быть поврежден. Теперь автомат выдает разноцветные пластмассовые жетоны, они льются из него непрерывным потоком. Вот какой я благодетель! Представляю, как благодарна была бы мне детвора, если бы знала, кто все это устроил. Но это еще не все. Теперь каждую минуту из строя выходил все новый автомат. С каждым новым радиосигналом на землю падало все большее количество разноцветных

жетонов. В нужный момент я завел свой фургончик и подкатил к служебным воротам луна-парка. Открыв окно и свесившись из него, я крикнул охраннику:

— Я получил вызов по радио. Какие у вас тут проблемы?

— Никаких проблем,— сказал сторож, открывая ворота.— Это больше похоже на мятеж. Вы знаете, где находится здание?

— Разумеется. Подмога уже в пути!

Хотя я и рисовал себе картину последующего за моим щедрым подарком хаоса, я мигом осознал, что действительность превзошла самые невероятные ожидания. Визжащая, радостная детвора толкалась вокруг автоматов с жетонами, в то время как другие бились за место у игровых аппаратов. От их счастливых криков лопались барабанные перепонки, и служащие ничего не могли поделать с захлестнувшей всех волной веселья. На дороге народу было меньше, но все равно мне пришлось двигаться очень медленно, не отрывая руки от сигнального гудка. Двое полицейских оттеснили ребятишек к кустам, когда я подъехал к зданию.

— Проблемы с раздатчиками?— ласково спросил я. Сердитый ответ полицейского потонул в криках восторга, что, возможно, было к лучшему. Он отпер замок и почти втолкнул меня вместе с ящиком для инструментов внутрь. Четыре человека безрезультатно сражались с машинами, которые невозможно было остановить, если уж я позволил себе небольшое короткое замыкание выключателя. Лысый мужичок пытался перекусить кабель плоскогубцами. Я покрутил у виска.

— Верный способ покончить с собой,— сказал я.— Тут 400 вольт.

— Ты можешь предложить что-нибудь получше?— сердито прорычал он.— Это все ваши чертовы машины. Давай исправляй!

— Исправлю — нет ничего проще.

Я открыл свой ящик, в котором не было ничего, кроме сверкающего металлического тюбика, и вытащил его оттуда.

— Вот это сделает всю работу!— сказал я, открывая колпачок и направляя струю от себя. Последнее, что я увидел, это их выпученные глаза, затем черный дым заполнил помещение, полностью уничтожая всякую видимость. Я ожидал такого поворота событий; они нет. С ящиком в руке, я в четыре прыжка преодолел отмеренное заранее расстояние и очутился рядом с сейфом. Любой шум, исходящий от меня, тонул в их криках и воплях и в непрерывном пыхтении раздатчиков. Сейф открылся без труда, и крышка моего ящика для инструментов прекрасно подошла к его нижнему краю. Я наклонился, нащупал пачки банкнот и смел их в приготовленную тару. Она быстро наполнилась, и я захлопнул крышку. Следующей задачей было проследить, чтобы ответственность за содеянное легла на того, кого надо. Визитка с рисунком находилась у меня в кармане. Я выудил ее оттуда и аккуратно положил в сейф, который я вновь закрыл на замок, чтобы быть уверенным, что моя записочка не потеряется в этой суматохе. Только теперь я подхватил ставший тяжелым ящичек и попытался сориен-

тироваться, стоя спиной к сейфу. Я знал, что выход находится в девяти шагах от него. Я преодолел пять из них, когда вдруг столкнулся с кем-то в темноте, и чьи-то сильные руки схватили меня, в то время как кто-то прокричал мне в самое ухо:

— Я поймал его! Помогите мне!

Я уронил ящик и оказал ему ту самую помощь, в которой он так нуждался, нащупав руками его шею и сделав все, как надо. Он захрипел и потерял сознание. Я подобрал свой ящик — и вдруг потерял ориентировку... Я осознал, что во время инцидента потерял правильное направление. Меня охватила паника, и я задрожал так, что чуть не уронил опять свой ящик. Семнадцати годов отроду и совершенно один в этом взрослом и чужом мне мире, сжимающемся вокруг меня. Все кончено. Я не знаю, как долго продолжался кризис, скорей всего каких-нибудь несколько секунд, но казалось, что целую вечность. Поэтому я мысленно сгреб себя за загривок и хорошенько встряхнул.

— Ты сам этого хотел — помнишь? Быть одному, и чтобы никто тебя не трогал. Так что давай — начинай думать. Быстрее!

Я подумал. Кричащие и вопящие вокруг люди не могли мне ни помочь, ни навредить — они были в таком же замешательстве, что и я. Ну, хорошо, руки вперед и в путь. В любую сторону. Доберись до чего-нибудь, что можно опознать на ощупь. Когда ты это сделаешь, тогда поймешь, где находишься. Впереди послышался грохот, и в лицо мне хлынул свежий поток воздуха, знакомый голос прокричал совсем близко:

— Что тут у вас происходит?

Охранник! И он открыл дверь. Очень мило с его стороны. Я двинулся вдоль стены, ловко увернувшись от него, пока он продолжал кричать в темноту. Выбравшись на свет божий, я был ослеплен его яркостью и заморгал при виде преградившего мне дорогу второго охранника.

— Стой на месте. И не двигайся.

Нет ничего хуже, чем хватать Черный Пояс таким образом. Я так осторожно опустил его на землю, что он даже не почувствовал, как он там оказался, и нисколько не ударился. Забросив ящик в фургон и оглядевшись, не видел ли кто меня, я завел мотор и неторопливо поехал прочь от полного веселья и забав луна-парка.

— Все улажено, теперь все в порядке,— крикнул я сторожу, и он кивнул мне, открывая ворота. Я покатил по направлению к городу, плавно минуя крутой поворот. Затем резко свернул с магистрали на проселочную дорогу. Мое отступление было так же тщательно спланировано, как и само ограбление. Украсть деньги — это одно; а вот сохранить их — совсем другое. В наше время электронных коммуникаций описание моей внешности и фургона облетит планету за какие-нибудь доли секунды. Каждый полицейский пост и машина будут иметь ксерокопию и словесный портрет. Так сколько же времени у меня было в запасе? Оба охранника были без сознания. Но они вскоре могут прийти в себя, передадут информацию, вызовут по телефону подкрепление и разошлют

повсюду предупреждение. Я подсчитал, что все это займет не меньше пяти минут. Что было очень даже хорошо, потому что мне требовалось не больше трех. Дорога вилась среди деревьев, делала последний поворот и заканчивалась у заброшенного карьера. Сердце мое тревожно застучало, так как в этом деле был небольшой риск. Но все сработало отлично — взятый напрокат автомобиль стоял на том самом месте, где я оставил его за день до этого! Разумеется, я снял с него некоторые существенные детали, но какой-нибудь настырный воришка мог просто отбуксировать его. Слава богу, что в округе орудовал только один чересчур настырный вор. Я открыл машину, вынул оттуда коробку с бакалейными товарами и перенес ее в фургон. Из коробки торчали уголки упаковок, склеенные вместе. Очень остроумно, сказал я сам себе. Сам себя не похвалишь, никто не похвалит, ведь никто не подозревал об этой операции. Деньги в коробку, закрываем, кладем в машину. Снимаем рабочую одежду, слегка вздрогнув от прохладного ветерка, и бросаем ее в фургон. Избавляемся от усов. Надеваем спортивную одежду, запускаем таймер термозаряда, закрываем фургон, садимся в машину. И просто уезжаем. Никто меня не видел, поэтому я мог со спокойной душой завершить свое маленькое приключение. Я приостановился на подъезде к главной магистрали и пропустил вперед вереницу полицейских машин, с ревом пронесшихся в сторону луна-парка. Я вот он, но похоже, что они очень спешили. Я выехал на магистраль и неторопливо покатил по направлению к Билльвиллю. К тому времени фургон уже должен был полыхать, потихоньку превращаясь в горку шлака. И никаких улик! Фургон был застрахован в законном порядке, поэтому его владелец получит компенсацию. Огонь не распространится далеко — он не вырвется из каменного сердца каменоломни — и никто не пострадает. Все просто замечательно получилось, просто замечательно. Очутившись снова в своей конторе, я глубоко и с облегчением вздохнул, открыл пиво и долго, с наслаждением пил, затем достал из бара бутылку виски и налил себе глоток покрепче. Отхлебнув немного, я сморщил нос от ужасного вкуса и выплеснул остатки напитка в раковину. Какая отвратительная гадость! Может быть, если бы я пробовал спиртное почаще, я бы привык к его запаху и вкусу, но я сомневаюсь, что овчинка стоила выделки.

Наверняка уже прошло достаточно времени, чтобы до места происшествия добрались вездесущие писаки.

— За работу,— сказал я своему компьютеру.— Отпечатай самый последний номер газеты.

Факс загудел вкрадчиво, и листок бумаги скользнул на поднос. На первой странице была изображена красочная картина долларового фонтана, работающего на полную мощь. Я прочел репортаж не без удовольствия, затем перевернул страницу и увидел рисунок. Тот самый рисунок, который они нашли, когда в конце концов сумели открыть сейф. С изображением слона и короткой строкой шахматных значков под ним.

R — Kt 4 × B.

Что значило на языке шахмат, что Ладья взамен Коня 4 берет Слона. Когда я это прочитал, волна радости и удовлетворения сменилась некоторым беспокойством. Не отдал ли я сам себя в руки полиции? Вдруг они разберутся в этой задачке и поймают меня в ловушку?

— Нет! — крикнул я вслух.— Полиция слишком ленива, и у них без этого полно забот. Они могут, конечно, поразмышлять над этим, но никогда не догадаются, что все это значит, пока не будет слишком поздно. Но Слон должен суметь разгадать мою загадку. Он догадается, что это послание предназначается только ему, и поработает над ним. Надеюсь на это.

Я отхлебнул еще глоток пива и серьезно призадумался. Мне понадобилось несколько утомительных часов, чтобы составить эту головоломку. То, что Слон использовал шахматную символику для своей визитной карточки, заставило меня покопаться в книгах о шахматах. Допустим, что он — или она, ведь никто и никогда не определял пол Слона, хотя обычно предполагается, что преступник мужчина — питает интерес к шахматам. Если бы ему понадобилась дополнительная информация, он бы обратился к тем же самым книгам, что и я. Стоит чуть постараться, и вы увидите, что существует два способа обозначения шахматных ходов. Самый старый из них, который использовал я, называет клетку по вертикали и ту шахматную фигуру, по имени которой эта вертикаль названа. (Как вы должны знать, «разряды» — это ряды клеток, которые располагаются от одной до другой стороны шахматного поля, «вертикали» — это ряды клеток, которые тянутся от одного игрока к другому.) Таким образом, клетка, на которой стоит белый Король, обозначается как Король 1. Король 2 будет клетка выше. Если вы находите это слишком уж заумным — не играйте в шахматы, потому что это самое простое в этой игре! Тем не менее существует второй способ обозначения ходов. Вся доска делится на 64 клетки, и Конь 4 может стоять либо на 21, либо на 8 или 22 или 45. Запутанно? Я тоже так думаю. Надеюсь, что и полиция не догадается о том, что это код, и не будет ломать над ним голову. А в этой маленькой шахматной задачке была спрятана дата моего следующего преступления, когда я собирался взять «слона», то есть использовать его визитную карточку. Что значило, что я собираюсь убедить всех в том, что я Слон. Что также значило, что я высоко ценю Слона, как хорошего медвежатника. Я ясно представлял себе весь сценарий. Полиция призадумается над этим шахматным ходом — потом бросит. Но Слон в своем укромном убежище не должен. Он наверняка рассердится. Совершено преступление, и в этом винят его. Деньги украдены, а ему ничего не досталось! Я надеялся, что он станет размышлять над ходом, поймет, что это код, и разгадает его. Сообразит, что Конь — это омоним слову ночь *. Ночь 4 — что это может значить? Четвертая

* Конь (knight) и ночь (night) по-английски звучат одинаково.

ночь Фестиваля современной музыки в Пёли Гейтс, вот что. И эта четвертая ночь является в то же время сорок пятым днем в году, то есть 45 клеткой на шахматной доске, одной из возможных диспозиций Коня 4. Эта проверка не оставит у Слона сомнений, что преступление произойдет в четвертую ночь Фестиваля. Преступление, затрагивающее массу денег, конечно. Я мысленно плюнул три раза через левое плечо, в надежде, что ему гораздо интереснее будет встретиться со мной, чем предупредить полицию о готовящемся преступлении. Я все же надеялся, что правильно провел всю комбинацию. Слишком сложно для полиции, но вполне приемлемо для Слона. Ему оставалась еще целая неделя для решения задачи и подготовки к фестивалю. Это значило, что у меня тоже оставалась неделя, чтобы немного успокоиться, хорошенько выспаться и получать удовольствие от разработки планов и различных приспособлений для грабительского набега на общественный карман.

В назначенный день шел дождь — что прекрасно сочеталось с моими планами. Я поднял воротник своего черного пальто, натянул на голову черную шляпу, достал черный чемоданчик, в котором хранился музыкальный инструмент. Духовой музыкальный инструмент. Это каждому было ясно, так как чемоданчик имел характерную выпуклость с одного конца. Общественный транспорт доставил меня к главному входу в театр. Шагая по тротуару, я вдруг обнаружил, что слился с толпой похожих на меня музыкантов, облаченных в черное и с инструментами в руках. Я приготовил пропуск, но швейцар замахал нам, чтобы мы быстрей проходили внутрь с дождя. Маловероятно было то, что кто-то начнет выяснять мою личность, потому что я был одним из 230. Сегодня должна была состояться премьера чего-то такого, что называлось музыкальным произведением и что невозможно было слушать, под названием «Столкновение Галактик», в которой участвовал 201 духовой инструмент и 29 ударных. Композитор, Мой-Вуфтер Гийо, была известна своими не слишком нежными нестройными композициями. Выбор этого музыкального произведения предопределил и выбор подходящего для моей операции вечера; одно только чтение партитуры доставит вам головную боль.

Такому множеству музыкантов не хватало имеющихся в театре гримерных, и они кружили повсюду, создавая массу шума. Никто не заметил, как я ушел, не прощаясь, и пробрался наверх по черному ходу. Обслуживающий персонал давно покинул помещение, так что я знал, что меня никто не потревожит. Разве что эта дурацкая музыка. Я спрятался в подсобном помещении, закрыв за собой дверь снаружи. Услышав первые звуки прелюдии, я вытащил свой экземпляр партитуры «Столкновения». Все начиналось очень спокойно — по крайней мере Галактикам нужно сперва представиться публике, прежде чем столкнуться. Я следил за ходом концерта по нотам, пока мелодия не подошла к красной отметке, которую я в них поставил. Аккуратно сложив партитуру,

я засунул ее в карман, осторожно приоткрыл дверь и огляделся вокруг. Коридор был пуст, как и должно было быть. Твердой поступью я зашагал вдоль коридора, пол которого уже начинал дрожать от надвигающегося галактического разрушения.

На двери висела табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Я вытащил из кармана черную маску, снял шляпу и, выудив ключи от двери из другого кармана, надел маску на себя. Мне не хотелось тратить время на возню с отмычкой, поэтому мне пришлось сделать ключ, когда я изучал окрестности. Вставляя его в дверной замок, я мурлыкал про себя несущуюся из зала мелодию — если это вообще можно себе представить. В самый момент гибельного столкновения я открыл дверь и вошел в кабинет. Никто не слышал, как я вошел, но мои движения были замечены пожилым человеком. Он обернулся и уставился на меня, уронив карандаш, который он держал в руках до моего появления. Его руки взмыли вверх к потолку, когда я вытащил внушительный — и ненастоящий — револьвер из внутреннего кармана. Его товарищ помоложе, похоже, не очень-то испугался и ринулся в атаку. И тут же свалился без сознания на пол, получив удар и сломав по ходу падения стул. Все это произошло без единого звука. Или лучше сказать, что звуков было очень много, но ни один из них не мог быть услышан сквозь музыку, которая, набирая бешеный темп, изображала теперь чей-то трубный глас. Мне нужно было пошевеливаться, потому что приближалась самая громкая часть произведения. Я достал из кармана пальто две пары наручников и прицепил пожилого человека за ногу к его столу, опустив ему руки, чтобы они не устали. Затем проделал то же самое с его спящим приятелем. Время почти подошло. Я достал из другого кармана пластиковую взрывчатку — в моем одеянии было полно карманов — и прилепил ее к передней дверце сейфа. Они, видно, чувствовали себя здесь в безопасности, приняв кое-какие меры предосторожности. Весь обильный вечерний доход запирался в сейф в присутствии вооруженной охраны. И оставался запертым до того, как его открывали утром под присмотром другой вооруженной охраны. Вставив во взрывное устройство радиовзрыватель, я отошел в другой конец комнаты, где меня и других не мог бы достать огонь. Каждый незакрепленный предмет в кабинете подпрыгивал в такт музыке, и с потолка стала осыпаться штукатурка. Но нужный момент еще не настал. Это дало мне возможность оборвать пока провода телефонов, чтобы до окончания концерта никто из них не смог поговорить по ним.

Ну вот — еще немного! Перед моими глазами стояла партитура, и я мысленно следил за ходом мелодии, и в тот самый момент, когда Галактики должны были наконец столкнуться, я нажал на кнопку радиопривода. Передняя стенка сейфа бесшумно отлетела в сторону. Я чуть не оглох от прогремевшей музыкальной развязки — а вовсе не от взрыва — оставалось только удивляться, какое великое множество людей готовы оглохнуть во имя искусства.

Мое изумление не мешало мне сгребать банкноты из сейфа в мой чемоданчик для музыкального инструмента. Когда он наполнился, я помахал шляпой своим арестантам, одному с широко открытыми глазами, другому в бессознательном состоянии, и удалился. Черная маска возвратилась в карман, и я вышел из театра через скрытый от посторонних глаз запасной выход. Я быстро пробежал два квартала до входа на станцию, не привлекая внимания к себе в толпе таких же спешащих по дождю прохожих. Вниз по лестнице и дальше по коридору, за поворот. Пригородные поезда только что отъехали от платформы, и коридор был пуст. Я вошел в кабинку с телефоном-автоматом и ровно за двадцать две секунды — строго отрепетированное время — переменил свою внешность. Сорвав черное покрытие с чемоданчика, я превратил его в белый кейс. Характерная выпуклость тоже исчезла. Я вывернул шляпу, и она стала белой, черные усы и борода исчезли в предназначенном для них кармане. Теперь я мог вывернуть пальто, и оно, совершенно верно, тоже стало белым. Переодетый таким образом, я зашагал на станцию и, выйдя вместе с прибывшими пассажирами на улицу, очутился на остановке такси. Недолгое ожидание; подъехал кэб, и его двери приветливо распахнулись. Я взобрался внутрь и улыбнулся в ответ на широкий оскал робота-водителя.

— Мой дарагой, атвези менья в Арболаст Атель,— очень похоже сымитировал я зурингарский акцент — так как в это самое время на станцию прибыл поезд из Зурингара.

— Сообщение не принято,— заявила машина.

— Ар-бо-ласт А-тель, металлический идиот! — выкрикнул я.— Ар-боу-бо-ласт!

— Понятно,— сказала она, и кэб двинулся вперед.

Просто здорово. Все разговоры сохраняются в молекулярной памяти кэбов в течение месяца. Если они нападут на мой след, они обнаружат эту запись. А я забронировал место в отеле со своего терминала в Зурингии. Может, я был чересчур осторожен — но моим девизом была НЕВОЗМОЖНОСТЬ. Быть чересчур осторожным, имеется в виду. Отель был очень дорогим и со вкусом украшенным искусственным арболастом *, присутствующим в отделке коридоров и комнат. Я с подобострастием был сопровожден в свой номер, где арболаст служил торшером — и робот-портье заскользил прочь с пятидолларовой монеткой в пазу для чаевых. Я положил чемодан в спальню, снял с себя промокшее пальто, достал из холодильника пиво — и тут раздался стук в дверь. Так скоро! Если это Слон, то он просто замечательный сыщик, потому что я совершенно не чувствовал за собой хвоста. Но кто же еще это мог быть? Я колебался, но потом понял, что существует только один способ выяснить это. С улыбкой на лице, в случае, если окажется, что пришел Слон, я открыл дверь. Улыбка тут же исчезла.

* Отделочный материал.

— Вы арестованы,— сказал агент сыскной полиции, выставляя вперед свой драгоценный значок. Его помощник нацелил на меня огромный револьвер, чтобы удостовериться, что я понял, о чем речь.

— Что... Что...— пробормотал я что-то в этом роде. Но офицер, казалось, не был поражен моим остроумием.

— Наденьте пальто. И пройдемте с нами.

Совершенно ошеломленный, я проковылял через комнату и выполнил его приказание. Было бы лучше оставить пальто здесь, но у меня не было желания перечить. Когда они начнут обыскивать его, то найдут маску и ключи и все остальное, что с головой выдаст меня. А что же с деньгами? Они не упомянули о чемодане.

Как только я вдел руку в рукав, полицейский защелкнул на моем запястье наручник, прицепив второй к своей собственной руке. И мне некуда было деться. Я ничего или почти ничего не мог сделать — под дулом револьвера в руках стоявшего в трех шагах позади нас конвоира. Мы вышли за дверь, прошли по коридору к лифту и вниз в холл. Слава богу, у полицейского хватило любезности не отходить от меня на большое расстояние, и я не ощущал наручников. Огромная черная и зловещая машина стояла посреди запрещенной для парковки зоны. Водитель даже не удосужился взглянуть в нашу сторону. Хотя, как только мы забрались внутрь и двери за нами закрылись, он тронулся в путь. Я не смел произнести ни слова — мои попутчики, видно, тоже не были расположены для беседы. В полной тишине мы катили по дождливым улицам, мимо полицейских участков, что было совершенно неожиданно, и вдруг остановились у здания Федеральных властей. Так это служба безопасности! Сердце мое оборвалось. Я был, конечно, прав, рассудив, что решение головоломок и мой арест не по зубам местной полиции. Но я не подумал о всепланетном бюро расследований. С явным неудовольствием я понял свою ошибку. После долгих лет молчания Слон вдруг появляется на поверхности. Почему? И что значит эта шахматная ерунда? Подключается криптографист. Ого, браво, разгадана дата и место действия следующего преступления. Дело передается федеральным властям от некомпетентной в этих вопросах полиции. Наблюдение за кассой ведется наиновейшим электронным оборудованием. Преступник преследуется по пятам, чтобы проверить, не замешан ли здесь еще кто-нибудь. Затем внезапный захват. Я настолько впал в уныние, что мог с трудом передвигать ноги. Я чуть не упал, когда наша небольшая процессия остановилась перед тяжелой дверью с табличкой «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ», где чуть ниже более мелкими буквами было приписано «ДИРЕКТОР ФЛИНН». Мы гуськом пробрались внутрь.

— Вот он, сэр.

— Прекрасно. Привяжите его к стулу.

Говоривший это массивно возвышался над массивным столом. Грузный человек с прилизанными черными волосами, кото-

рому большое количество жира, окружавшее его со всех сторон, придавало еще большую тучность. Подбородок, точнее, подбородки, свисали до самой груди, массивной горой возвышающейся над поверхностью стола, на которой толстыми колбасками лежали пальцы его сцепленных рук. В ответ на мой беглый растерянный взгляд, он строго и холодно посмотрел на меня. Я не протестовал, когда меня проводили к стулу, усадили в него, и я почувствовал, как наручники защелкнулись вокруг спинки, затем послышались удаляющиеся шаги и хлопание закрывающейся двери.

— Ты попал в очень неприятную историю,— заявил он.

— Я не знаю, что вы имеете в виду,— сказал я в порыве невиновности, но писклявость и дрожь в моем голосе приуменьшили этот порыв.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Ты совершил грабеж сегодня вечером, очистив общественный кошелек от средств, дарованных совершенно глухими поклонниками музыки. Но это не самое главное в твоей глупой выходке, молодой человек. К твоему сведению, могу сообщить, что ты похитил также доброе имя другого человека, Слона. Ты разыгрываешь из себя того, кем на самом деле не являешься. На-ка, лови!

Похитил доброе имя? О чем он, черт возьми, говорит? Я по инерции поймал ключи в воздухе. Изумленно уставился на них, затем еще более изумленно на него, неуклюже пытаясь расстегнуть наручники.

— Так вы не... То есть арест, этот кабинет, полиция... Вы...

Он терпеливо ждал моих последующих слов с блаженной улыбкой на лице.

— Вы... Вы и есть Слон!

— Точно так. Как я понял из спрятанной в твоем примитивном коде записки, ты хотел меня видеть. Зачем?

Я приподнялся на стуле, и в его руках появился чудовищно громадный револьвер, нацеленный мне прямо в лоб. Я опустился на место. Улыбка, как и теплота в его голосе, тут же исчезли.

— Я не хотел бы, чтобы мне подражали, и вовсе не хотел бы, чтобы со мной шутили шутки. Мне это не по вкусу, я рассержен. У тебя имеется три минуты, чтобы объяснить мне, в чем дело, прежде чем я убью тебя и пойду в твой номер в отеле, чтобы забрать деньги, которые ты сегодня стащил. Но первое, что ты должен сделать, это открыть мне место, где ты хранишь остальную сумму, украденную от моего имени. Говори!

Я заговорил — или, вернее, попытался это сделать, но мог только беспомощно что-то лопотать. Это отрезвило меня немного. Он мог убить меня, но он не собирался стереть меня в порошок прямо на месте.

Я прокашлялся и попытался начать.

— Не думаю, что вы очень уж спешите убить меня — как и не думаю, что смогу уложиться в отведенный вами отрезок времени. Если бы вы немного отложили расправу надо мной, я бы поста-

рался точно и ясно объяснить вам мотивы своего поступка. Вы согласны?

Заговорив таким образом, я шел на определенный риск — но Слон был честным игроком, я понимал это теперь. Выражение его лица не изменилось, но он слегка кивнул, словно уступая мне пешку. Точно зная, что мой Король от него никуда не денется.

— Благодарю. Я никогда не допускал мысли, что вы окажетесь жестоким человеком. На самом деле, когда я узнал о вашем существовании, я выбрал вас в качестве примера для подражания, образца профессионализма. То, что вы сумели сделать, чего вы сумели добиться, не знает аналогов за всю историю мирового развития. Если я оскорбил вас, воруя деньги от вашего имени, прошу вас меня простить. Я верну вам все эти деньги по первому требованию. Но если хорошо подумать, у меня просто не было другого способа найти вас. Поэтому мне пришлось подстроить все так, чтобы вы сами нашли меня, что вы и сделали. Я рассчитывал на ваше любопытство — и на ваше милосердие — и на то, что вы не станете открывать полиции, кто я такой, пока лично со мной не встретитесь.

Следующим кивком он уступил мне еще одну пешку. Неподвижное дуло его револьвера говорило мне о том, что я все еще на прицеле.

— Ты единственный человек на свете, кто установил мою личность,— сказал он.— Ну, и скажи, чего это ради я не должен тебя убивать. Зачем тебе понадобилось искать со мной встречи?

— Я же уже объяснил — из чувства восхищения. Я решил, что карьера преступника наиболее полно раскроет все мои таланты. Но я самоучка и очень уязвим. Я бы очень хотел быть вашим учеником. И начать обучение с самого начала. Поступить в высшую криминальную академию, чтобы изучить эту совершенно неизвестную мне часть общественного бытия. Я буду оплачивать уроки, какую бы плату вы с меня ни потребовали за привилегию находиться рядом с вами. Хотя мне потребуется теперь некоторое время, чтобы восстановить свои денежные запасы, если доходы от моих двух последних операций перейдут к вам. Вот и все. Вот кто я такой. И, если я буду усердно работать, мне хотелось бы стать таким, как вы.

Его смягчившийся взгляд и пальцы, задумчиво почесывающие подбородок, говорили о том, что на какое-то время он снимает с меня осаду. Но партию нельзя было еще считать выигранной — да я и не хотел выигрывать. Мне достаточно было ничьей.

— Почему я должен верить твоим словам? — наконец спросил он.

— А почему вы должны сомневаться? Какую еще уважительную причину я мог иметь?

— Меня волнуют вовсе не твои мотивы. Я раздумываю над возможностью существования чьих-то других интересов в этом деле, скорее всего интересов ответственного полицейского чина, который использовал тебя словно пешку, чтобы найти меня. Че-

ловек, которому удастся арестовать Слона, поднимется на самый верх выбранного им пути.

Я кивнул в знак согласия, яростно соображая, что сказать. Затем улыбнулся, облегченно вздохнув.

— Вы совершенно правы — это самое первое, что могло бы прийти вам в голову. Ваш кабинет в этом здании также обозначает, что вы занимаете немалый чин в сфере насаждения законности, такой чин, который позволяет вам проверить, так ли это. Или — что еще более доказывает вашу гениальность — вы смогли использовать свои каналы и средства, чтобы проникнуть в информационную сеть полиции на любом уровне и, одурачив их, с их же помощью арестовать меня. Поздравляю вас, сэр! Я знал, что вы гениальны в своем деле — но то, что вам удалось совершить, находится на грани фантастики!

Он медленно кивнул головой, принимая мои похвалы как должное. Мои ли слова заставили его опустить револьвер? Показался ли на горизонте ничейный исход игры? Я бросился в атаку.

— Мое имя Джеймс ди Гриз, я родился чуть более семнадцати лет назад в этом самом городе в госпитале для безработных пастухов свинобразов. Терминал, который я вижу перед вами, наверняка содержит официальные документы такого уровня. Найдите мои данные! И проверьте сами, что то, что я вам сказал — истинная правда.

Я поудобнее устроился на стуле, пока он набивал команды на клавиатуре. Я ничем не отвлекал его, пока он внимательно читал. Я все еще нервничал, но старался выглядеть спокойным. Наконец он закончил. Он наклонился вперед и умиротворенно посмотрел на меня. Я не заметил, чтобы его руки двинулись с места, но револьвер исчез из них. Ничья! Но фигуры все еще оставались на доске, и начиналась новая игра.

— Я верю тебе, Джим, и благодарю за теплые слова. Но я работаю один, и мне не нужны подмастерья. Я приготовился убить тебя, чтобы сохранить в секрете свой настоящий облик. Но теперь я вижу, что в этом нет необходимости. Я просто возьму с тебя слово, что ты никогда больше не возьмешься меня разыскивать — или не будешь больше использовать мое имя для своих преступлений.

— Я немедленно исполню все ваши просьбы. Я стал на некоторое время Слоном, только чтобы привлечь ваше внимание. Но умоляю вас, перемените свое решение и примите меня в члены своей высшей криминальной академии!

— Такого учебного заведения не существует,— сказал он, с трудом поднимаясь на ноги.— Прием закрыт.

— Тогда позвольте мне изложить свою просьбу другими словами,— поспешно проговорил я, ясно ощущая, что мне осталось немного времени.— Разрешите мне коснуться личного и простите, если я причиню вам этим какое-нибудь беспокойство. Я молод, мне нет еще двадцати, а вы прожили на этой планете уже более восьмидесяти лет. Я всего несколько лет занимаюсь выбранной про-

фессией. И за это короткое время я обнаружил, что совершенно одинок. Что я делаю, мне приходится делать самому и для самого себя. У меня нет друзей среди криминальных элементов, потому что все, кого я встречал в своей жизни, абсолютные непрофессионалы. Поэтому мне пришлось оставить их. А если я одинок — тогда осмелюсь предположить, что и вы одиноки в своей жизни?

Он все еще стоял неподвижно, опираясь одной рукой на стол, уставив взгляд в глухую стену, словно в окно, на что-то невидимое. Затем он громко вздохнул и, словно выпустив со вздохом часть удерживающей его на ногах силы, тяжело опустился на стул.

— Ты говоришь правду и только правду, мой мальчик. У меня нет желания обсуждать этот вопрос, но твое колкое замечание попало прямо в точку. Но несмотря на это, все останется так, как есть. Я слишком стар, чтобы менять свои привычки. Я прощаюсь с тобой и благодарю за очень интересную неделю. Как в старые добрые времена.

— Подумайте, пожалуйста!

— Не могу.

— Дайте мне свой адрес, я пришлю вам деньги.

— Оставь их себе — ты их заработал. Но в будущем добывай их под другим именем. Дай возможность Слону спокойно наслаждаться старостью. Я добавлю к этому только одно — небольшой совет. Пересмотри цель своей жизни. Заставь свои недюжинные таланты работать в более социально приемлемой сфере. Тогда тебе удастся избежать того бескрайнего одиночества, о котором ты уже упомянул.

— Никогда! — громко закричал я.— Никогда. Я лучше буду гнить в тюрьме весь остаток своей жизни, чем приму на себя роль добропорядочного члена общества — от которой я так давно и полностью отказался.

— Ты еще можешь передумать.

— Это просто невозможно,— крикнул я в пустоту. Дверь за ним закрылась, и он исчез.

Ну вот и все. Ни с чем не сравнимое гнетущее уныние, овладевшее мной, спустило меня с высот энтузиазма. Я сделал все, что намеревался сделать. Мой запутанный план сработал превосходно. Я вытащил из небытия Слона и сделал ему предложение, от которого он не должен был отказаться. Но в том-то и дело, что он отказался. Даже удовлетворение от славно удавшегося ограбления не приносило теперь радости. Доллары исчезали из моих рук, словно пепел. Я сидел в своей комнате в отеле, всматриваясь в свое будущее, и не видел ничего, кроме бесконечной пустоты. Я считал деньги, пока суммы не перестали иметь для меня значение. Составляя свои планы, я подумал обо всем, кроме одного,— о том, что Слон откажет мне. Это нелегко было пережить.

Когда я на следующий день вернулся в Билльвилль, я все еще находился в крайне подавленном состоянии и был погружен в самосожаление, которое я не мог больше выносить. Я посмотрел на

себя в зеркало и увидел там убитое горем лицо с пустыми глазами, тогда я показал отражению высунутый язык.

— Мямля! — сказал я.— Маменькин сынок, плакса, потакающий своим капризам,— и добавил еще кучу оскорблений, каких только у меня хватило сил выдумать. Освежив воздух, я сделал себе бутерброд и чашку кофе — никакого алкоголя, чтобы не засорять извилины, и сел поразмышлять о будущем. Что дальше? Ничего. По крайней мере ничего конструктивного в тот момент я придумать не мог. Все мои размышления останавливались перед глухой стеной, которую я не мог ни обойти, ни преодолеть. Я упал в кресло и щелкнул пальцами, включая 3V. На экране появился коммерческий канал, и прежде чем я успел переключить программу, нарисовалась диктор во всех трех измерениях и в цвете. Я не стал ее выключать, потому что она была довольно мила в своем легком тонюсеньком купальном костюме.

— Спешите туда, где дует нежный морской ветерок,— заманивала она.— Присоединяйтесь ко мне на серебристых берегах прекрасного песчаного Пляжа Ватикано, где солнце и волны освежат вашу душу...

Я выключил аппарат. Моя душа была в прекрасной форме, и прекрасные формы дикторши только добавили мне горестных размышлений. Сначала будущее, затем уж разнополая любовь. Но коммерческий канал все же подкинул мне начало идеи. Отпуск? Небольшая передышка? Почему бы и нет — последнее время я работал побольше любого бизнесмена, которым мне так не хотелось становиться. Преступление оплачивается, и довольно прилично, так почему же мне не потратить небольшое количество заработанного тяжелым трудом? Все равно мне не уйти от всех моих проблем. Я уже знал по опыту, что физическая разрядка не приносит облегчения. Мои неприятности всегда сопровождали меня, как вездесущая и ноющая зубная боль. Но я мог взять их с собой в какое-нибудь место, где, возможно, нашел бы время на досуге и способ отделаться от них. Куда? Терминал выдал мне путеводитель выходного дня, и я быстро пробежался по нему глазами. Ничего привлекательного. Пляж? Только если ради того, чтобы встретить там ту девочку из коммерческого канала, что казалось маловероятным. Шикарные отели, дорогие круизы, музейные экскурсии, все это представляло собой то же самое, что и восхитительный уикэнд на ранчо со свинобразами. Может, это и было то, что надо,— мне необходим был глоток свежего воздуха. Как мальчишка с фермы я повидал в своей жизни большое количество веселых пикников на открытом воздухе, побольше, чем куча свиного сами знаете чего. Вот с такой подноготной я ринулся в широко распростертые объятия большого города — да так и остался в нем.

Должно быть, в этом и заключался ответ на мой вопрос. Конечно, не назад на ранчо, но в какую-нибудь дикую местность. Подальше от людей и вещей, поближе к матушке-природе. Чем больше я об этом думал, тем больше мне нравилась эта идея. И

я знал, куда бы мне хотелось поехать, стремление попасть туда появилось у меня, когда я едва дорос до загривка поросенка. Кафедральные горы. Их покрытые снегом вершины были устремлены в небо, словно гигантские церковные башни, во всяком случае такое впечатление они оставили в моих детских мечтах. Замечательно, разве не так? Пришло время сделать мечты явью.

Покупка рюкзака, спальника, утепленной палатки, котелков, фонариков — всего необходимого снаряжения — была частью забавного приключения. Экипировавшись таким образом, я не стал тратить время на ожидание следующего пассажирского лайнера, а вылетел на самолете до Рафаэля. Когда мы приземлились, я долго таращил глаза на высокие горы, ожидая своей поклажи. Я изучил все карты и знал, что тропа на перевал пересекает дорогу у подножья горы к северу от аэропорта. Мне нужно было подождать специального автобуса, который бы доставил меня туда, вместо того, чтобы обращать на себя внимание поездкой в такси, но мне не терпелось.

— Очень опасно, паренек, я имею в виду выходить на тропу в одиночку,— пожилой водитель такси причмокнул губами, начав с жаром описывать мне всевозможные последствия данного шага.— Легко потеряться. Если тебя не съедят голодные волки. Оползни и снежные обвалы. И...

— ...и встреча с друзьями. С двадцатью. Из команды подросткового туристского клуба в Нижнем Арммпите. Мы собирались славно повеселиться,— не долго думая, сочинил я.

— Не видел никаких подростков здесь уже давно,— пробормотал он с идиотской подозрительностью в голосе.

— Вы и не могли их видеть,— продолжал врать я, усаживаясь на заднее сиденье и быстро пробежав глазами по картам.— Потому что они проехали на поезде до Босконе, вышли там, на самой ближней к тому месту, где пересекаются тропа и рельсы, станции. Они будут ждать меня вместе с проводником и остальными. Я бы побоялся остаться в горах один, сэр.

Он проворчал еще что-то, а когда я забыл дать ему на чай, он заворчал еще громче, но потом захихикал от радости, потому что я, дурачась, намного переплатил ему, еле сдерживая желание подсунуть ему фальшивые долларовые монеты. Звук мотора затих вдали, и я взглянул на хорошо заметную тропу, извивающуюся вверх по склону — и осознал, что это все же было неплохой идеей. Не имеет смысла проявлять чересчур много энтузиазма насчет Грандиозных Пикников. Это как катание на лыжах — вы катитесь, вам это нравится и незачем говорить об этом. Так обычно и происходит. Нос мой обгорел, муравьи забрались в мой бекон. Звезды были невероятно ярки и близки по ночам, а чистый воздух был очень полезен моим легким. Я бродил по тропам и взбирался наверх, охлаждаясь в ледяных горных потоках — и мне удалось полностью забыть о всех своих неприятностях. Они были совсем не к месту в этом наружном мире. Обновленный, свежий, усталый и счастливый, а также немного похудевший, я спустился с гор че-

рез десять дней и прошел, спотыкаясь, в свою нору, где я забронировал себе местечко. Горячая ванна была истинным благословением, и не меньшим благословением было холодное пиво. Я вновь включил 3V и захватил обрывок информационного сообщения, уселся поудобнее и вполуха слушал, что они говорили, поленившись переключить канал.

— ...сообщают об увеличении экспорта ветчины на четыре процента в первом полугодии. Торговля иглами свинобразов явно буксует, и правительство очутилось лицом к лицу с горой игл, которая уже сейчас вызывает большую критику.

— И последнее, компьютерный разбойник, который проник в информационную сеть ФБР, отправится завтра на судебные слушания. Федеральные обвинители рассматривают это как наиболее серьезное преступление и требуют от суда высшей меры наказания. Тем не менее...

Как только лицо диктора исчезло с экрана и на его месте возникла фигура самого преступника, взятого под стражу нарядом полиции, его голос перестал доходить до меня. Это был очень массивный человек и очень тучный, с гривой белых волос. У меня перехватило в груди, как раз в том месте, где, как я предполагал, должно было находиться сердце. Цвет волос другой — но волосы тут были не самыми главными. Невозможно было обознаться.

Это был Слон!

Я выскочил из ванны и, пробежав по комнате, стал бить по кондиционерам. Удивляюсь, как меня не стукнуло током. Дрожа от холода и вряд ли ощущая это, я прокрутил новости назад, подробно останавливаясь на деталях. Я поймал кадр, где он повернулся через плечо на мгновение, и увеличил его. Это был он — без всякого сомнения. К тому времени, когда я вытер с себя пену и воду и оделся, то уже ясно представлял себе дальнейший план действий. Мне нужно вернуться в город, выяснить, что с ним случилось, и посмотреть, что можно сделать, чтобы помочь ему. Я справился о вылетах самолетов, сразу после полуночи будет один почтовый рейс. Я заказал себе место, немного подкрепился и отдохнул, оплатил все счета и в числе первых очутился на борту самолета.

На рассвете я вошел в «свою» контору в Билльвилле. Пока компьютер распечатывал для меня последние новости и подробности ареста, я приготовил чашечку кофе. Понемногу отхлебывая и читая, я чувствовал, что мое первоначальное воодушевление сходит на нет. Это и в самом деле был тот человек, которого я знал, как Слона, хотя здесь он выступал под именем Билл Вэйфис. И он был задержан в здании Федерального Бюро, где у него имелся встроенный в информационную сеть компьютер-перехватчик, который он использовал для включения в сверхсекретный поток документов. Все это произошло на следующий день после того, как я отправился в свой бегущий от действительности вояж. До меня вдруг дошло, что все это значило. Чувство вины захватило меня, потому что именно я был тем человеком, который отправил его

в тюрьму. Если бы я не начал претворять в жизнь свой безумный план, он никогда и не стал бы связываться с Федеральными документами. Он сделал это только ради того, чтобы проверить, не являются ли мои грабежи частью хорошо отработанного плана операции полицейских чинов.

— Я засадил его за решетку — поэтому я должен вытащить его оттуда! — крикнул я, вскакивая на ноги и проливая кофе на пол. Подтирая пролитое, я немного успокоился. Да, мне хотелось бы вытащить его оттуда. Но смогу ли я сделать это? Почему бы и нет? У меня уже был некоторый опыт организации побега из тюрьмы. И, наверное, было бы намного легче пробраться внутрь снаружи, чем наоборот. Но, подумав еще немного, я решил, что мне не следует слишком близко подходить к тюрьме, пусть полиция сама выведет его ко мне. Его должны были привезти в суд, используя какие-то средства передвижения. Но очень скоро я понял, что все не так уж просто. Это был первый за многие последние годы крупный преступник, которого удалось поймать, и вокруг этого дела было слишком много суеты. Вместо того, чтобы посадить его в городскую или региональную тюрьму, Слон был заключен в камере в самом здании Федерального Бюро. Я не мог подойти к нему даже на небольшое расстояние. И меры предосторожности, когда его доставляли в зал заседаний, были просто невероятными. Вооруженные фургоны, патруль, мотоциклы, полицейские суда на воздушной подушке и вертолеты. Я не мог к нему подобраться и здесь. Это значило, что все мои планы моментально расстроились. Я был заинтересован в этом деле, так же как и полиция — но совсем по другой причине. После долгого расследования они обнаружили, что настоящий Билл Вэйфис покинул планету двадцать лет назад. Все официальные записи этого факта исчезли из компьютерного файла — и осталась лишь коротенькая записка, которую сам Вэйфис чиркнул своему родственнику, что и обнаружило исчезновение его самого. Итак, если арестованный — не Вэйфис, тогда кто же он? Когда же их пленник подвергся допросу, согласно докладу, переданному прессе: «Он ответил на вопрос только молчанием и сдержанной улыбкой». Теперь они называли заключенного не иначе, как мистер X. Никто не знал, кто он такой — а он предпочитал не распространяться по этому поводу. Был назначен день суда — не раньше, чем через восемь дней. Это стало возможным благодаря тому факту, что мистер X отказался признать себя либо виновным, либо невиновным, не будет защищать себя, потому как отказался от общественного защитника. Обвинение, жаждущее вынесения приговора, заявило, что дело завершено, и попросило как можно раньше совершить правосудие. Судья, тоже желающий побыстрее оказаться в центре внимания, пошел навстречу этой просьбе и назначил заседание на следующую неделю.

Я ничего не мог поделать! Прижатый к стенке, я признал свое поражение, но только на некоторое время. Я подожду до завершения судебного разбирательства. Тогда Слон будет просто одним

из заключенных, и его наконец-то выведут из здания Федерального Бюро. Когда он будет надежно спрятан за решетку, я сумею организовать его побег. Как раз перед прибытием следующего космического корабля, который и увезет его отсюда для освежения мозгов и очищения духа. Они, конечно же, станут применять все возможные чудеса современной науки, чтобы обратить его в честного и добропорядочного гражданина, но, зная его, я был уверен в том, что он скорее умрет, чем это случится. Я должен вмешаться. Но это было очень трудно для меня сделать. Я не мог найти способ, как пробраться в зал суда во время слушаний. Поэтому я, как и другие жители планеты, наблюдал за ними по телевидению, когда они начались. И закончились подозрительно быстро. Все утро первого дня ушло на зачитывание хорошо задокументированного списка всех его преступлений. Это было просто ужасно. Должностное преступление, повреждение банка данных, вторжение в информационную сеть, вероломство, сокрытие важных документов — это был просто кошмар. Свидетель за свидетелем читали свои заявления, которые сразу же принимались к сведению и вносились в обвинение. Но Слон, казалось, не видел и не слышал всего этого. Он смотрел куда-то вдаль, будто разглядывал что-то более интересное, чем то простое действо, которое происходило здесь, в зале суда. Когда все свидетели дали показания, судья ударил своим молоточком и объявил, что суд удаляется на обед. Когда суд возобновил работу — после перерыва, которого бы хватило на солидный банкет из семнадцати блюд с последующими танцами и девочками — судья был в веселом расположении духа. Он все время кивал головой в знак согласия, когда зачитывалось обвинение, поблагодарил всю толпу юристов за отлично проделанную работу, и они удалились. Затем он посмотрел на присутствующих взглядом Римского папы и заговорил с большими промежутками в речи для удобства репортеров.

— Это дело настолько ясно, что оно просто очевидно. Государственному преступнику предъявлено столько обвинений, что их не выдержала бы ни одна защита. То, что защитник не был востребован, только подтверждает правильность моих слов. А правда заключается в том, что подсудимый совершил преднамеренно, с особой жестокостью и продуманностью, все те преступления, в которых он был обвинен. В этом не приходится сомневаться. Но несмотря на это, я продолжу обсуждение этого вопроса весь сегодняшний день и вечер. Он получит шанс показать себя с наилучшей стороны, от чего он отказался раньше. Я не вынесу окончательного приговора до завтрашнего утра, когда мы все здесь соберемся вновь. Тогда я объявлю приговор. Правосудие свершится, и вы в этом убедитесь.

— Да, немного справедливости,— процедил я сквозь зубы и собирался уж было выключить телевизор. Но судья еще не закончил.

— У меня есть информация, что этим делом очень заинтересовалась Галактическая Лига. Космический корабль уже стартовал

и через пару дней будет здесь. Заключенный выйдет из-под нашей опеки, и мы, поймите правильно мои эмоции и простите, избавимся от него.

У меня отвисла челюсть, и я тупо уставился на экран. Все кончено. Только два дня. Что я могу сделать за два дня? Могло ли это быть крахом для Слона — и крахом моей едва начавшейся криминальной карьеры?

Я не собирался сдаваться. Я должен был по крайней мере попытаться, даже если потерплю неудачу и буду сам пойман. По моей вине он оказался в таком глупом положении. И я поклялся себе, что предприму все возможное для его спасения. Но что я мог сделать? Подобраться к нему поближе в здании Федерального Бюро было просто невозможно, так же как и по пути в зал заседаний и в самом зале суда. Суд. Суд? Суд. Суд! Суд — почему же я не подумал о суде? Что было в нем такого, что задело мой интерес, что скреблось в моем продолговатом мозгу, стараясь подкинуть мне идею? Ну конечно же! Ура! Я вскочил от восторга и забегал по комнате кругами, размахивая руками и издавая горлом громкие звуки, подражая — как это всем нравится на пикниках — впавшему в охоту свинобразу.

— Так что же суд? — спросил я себя, и на этот вопрос у меня уже был ответ.— Я тебе скажу, что же суд. Это старое здание, с претензией на древнюю архитектуру, находится под охраной государства. Возможно, в полуподвале находятся какие-нибудь архивные помещения, и вне всякого сомнения, полно летучих мышей на чердаке. Днем оно охраняется, как монетный двор — но оно пусто ночью!

Я полез в шкаф для снаряжения и стал вываливать необходимые вещи на пол. Набор инструментов, отмычки, фонарики, проволока, диктофоны и жучки — все те приспособления, которые могли понадобиться в работе. Теперь автомобиль — или лучше фургон — был бы очень даже кстати, так как мне скорее всего понадобится средство передвижения для двоих. Я позаботился об этом тоже. У меня было несколько мест, которые я приметил на крайний случай. И он наступил. Хотя день еще был в разгаре, грузовики и фургоны Крамб — Бэйкери находились в своих гаражах, где их готовили к предрассветной суматохе следующего утра. Случилось так, что один из фургонов стоял на улице неподалеку от ворот. Я вскочил в него, выехал на дорогу и помчался навстречу городским огням. Когда спустились сумерки, я был уже на проселочной дороге, въехав в Пёли Гейтс с наступлением темноты, а немного погодя я уже входил с черного входа в здание суда. Сигнализация против взломщиков была очень древней, способная противостоять лишь детям или умственно дефективным — скорее всего из-за того, что в здании не было ничего стоящего, что можно было бы стянуть. Вооруженный схемой, которую я изготовил сам во время процесса, я прошел прямо в зал. Комната шесть. Я стоял у порога и оглядывал темное помещение. Оранжевые огни с улицы пробивались сюда через высокие окна. Я молча вошел

внутрь, уселся на место судьи и уставил взгляд на ложе для свидетелей. Затем я отыскал глазами скамью подсудимых, на которой во время слушаний сидел Слон и где он будет сидеть по их окончании — и это то самое место, где он встанет, чтобы услышать свой приговор. Его огромные руки схватят перила вот в этом месте. Как раз в этом. Я посмотрел вниз на деревянный пол и ухмыльнулся. Затем простучал его. Потом достал дрель, и мой план начал претворяться в жизнь.

О, это была чересчур беспокойная ночь! Мне пришлось очистить подвал под залом суда от всевозможных коробок и ящиков, пилить и стучать молотком, и покрываться испариной, и даже на продолжительное время отлучаться из здания, чтобы найти какой-нибудь спортивный магазинчик и пробраться туда. Но самое решающее — я должен был разработать и подготовить план отступления. Сам побег не должен быть чересчур поспешным — но он должен быть безопасным и застрахованным от любых неожиданностей. Если б у меня было время, я бы проделал небольшой туннель. Но времени не было. Поэтому вместо ручной работы нужно было использовать работу головы. Устроившись поудобнее, я стал размышлять и чуть не уснул. Никогда! Я снова выбрался из здания, отыскал круглосуточный ресторан, оборудованный угрюмыми роботами, и выпил две чашки кофе с повышенной концентрацией кофеина. Это помогло для выработки идей и учащенного сердцебиения. Я вышел, шатаясь, из ресторана, и отправился в магазин верхней одежды. Когда же я вновь добрался до зала заседаний, я просто валился с ног от усталости. Трясущимися руками я запер все двери, чтобы скрыть следы своего присутствия. С первым лучом восходящего солнца я завершил всю работу. Неуклюже действуя уставшими пальцами, я запер подвал снаружи, проковылял через комнату к брезентовой подстилке, завел будильник — и, улегшись на пол, тут же погрузился в дремоту. Я проснулся в кромешной темноте, разбуженный комариным писком своего будильника. На мгновение меня охватила паника, но я вовремя вспомнил, что подвал не имел окон. А снаружи день должен был быть в полном разгаре. Сейчас посмотрим. Я зажег фонарик, установил его поудобнее — затем включил телемонитор. Прекрасно! На экране появилась цветная картинка зала суда, проецируемая на монитор через специальное устройство для наблюдения, которое я установил прошлой ночью наверху. Несколько служащих вытирали пыль с мебели и подметали пол. Заседание начнется через час. Телевизор продолжал работать, а я в последний раз проверил, не напрасно ли я трудился всю предыдущую ночь. Нет, все в порядке, все функционирует... мне оставалось только ждать. Что именно я и делал, прихлебывая холодный кофе и с трудом разжевывая засохший бутерброд из запасов предыдущего дня. Тревога ожидания кончилась, когда двери зала распахнулись и веселая публика и пресса хлынули внутрь. Я мог прекрасно их видеть на экране монитора, прислушиваясь к шарканию ног над головой. Раздавался приглушенный шум голосов, стих-

ший только тогда, когда прибыл суд. Все глаза были прикованы к судье, и все уши насторожились, когда он прочистил горло и начал говорить. Сначала он утомил всех до смерти, подробно останавливаясь на свидетельских показаниях предыдущего дня, затем добавил полнейшее свое согласие со всеми обвинениями и наблюдениями. Я перестал обращать внимание на его бубнящий голос и посмотрел на Слона, который сидел с высоко поднятой головой. Они так ничего от него и не добились. Черты лица его были неподвижны, он выглядел даже скучающим. Но в его глазах я заметил проблеск ненависти, граничившей с презрением. Гигант, поверженный муравьями. Твердая линия его подбородка говорила о том, что они могли подвергнуть заключению его тело, но душа его оставалась свободной. Правда ненадолго, если судья будет действовать в том же духе. Тут что-то в голосе судьи привлекло мое внимание. Он наконец закончил свою длинную преамбулу. Он снова прочистил горло и указал на Слона.

— Подсудимый, встаньте для вынесения приговора.

Все глаза обратились к заключенному. Он продолжал сидеть, не двигаясь. В зале поднялся негромкий ропот. Судья начал заливаться краской, ударяя своим молоточком.

— Я заставлю вас подчиняться суду,— прогремел его голос.— Подсудимый либо встанет, либо его силой заставят сделать это. Это должно быть понятно?

Я покрылся испариной. Если бы я только мог подсказать ему не вызывать дополнительных трудностей. Что я смогу сделать, если его будут держать здоровенные безобразные полицейские? Два из них уже направились к нему по сигналу судьи. Только тогда Слон неспешно поднял взгляд. Его глаза были полны нескрываемого презрения, способного напугать любого достопочтенного джентльмена, а не только тупого судью; в них было столько отвращения, что оно могло уничтожить низшие существа. Но он вставал! Полицейские остановились на полпути, когда он вытянул вперед огромные руки и ухватился ими за перегородку. Она скрипнула, когда он оперся на нее и приподнял свои массивные формы, выпрямившись во весь рост. Он высоко держал голову, отпустив перила и уронив руки. Пора! Я со всей силы надавил на кнопку. Разрывы не были громкими. Но эффект был драматическим. Они выбили два болта, которые удерживали угол люка на месте. Под неимоверной тяжестью Слона люк распахнулся, и он рухнул вниз словно бомба. Я мигом вскарабкался по приставной лестнице, как только он упал позади меня,— успев все же в последний момент взглянуть на зал суда на экране. Там воцарилась тишина, когда он исчез из поля зрения. Пружины захлопнули дверцу люка, и я втолкнул тяжелые стальные запирающие болты в отверстия под ними. Все это произошло так быстро, что горизонтальная фигура Слона все еще подпрыгивала вверх и вниз на брезенте, когда я обернулся и посмотрел на него. Я спустился по лестнице к нему в тот момент, когда он остановился и, взглянув на меня своими бесстрастными глазами, заговорил.

— А, Джим, мой мальчик. Как приятно видеть тебя снова,— он ухватился за мою протянутую руку, и я помог ему опуститься на пол. Над нами началось столпотворение, раздавались крики и визг, которые были ясно слышны сквозь пол. Я позволил себе один торжествующий взгляд на экран, на судью с выпученными глазами, на суетящихся вокруг полицейских.

— Очень впечатляюще, Джим, очень,— сказал Слон, тоже восхищаясь изображенной на экране сценой.

— Направо! — скомандовал я.— Взгляни-ка на это, когда будешь снимать свои одежды. У нас очень мало времени, потом все объясню.

Он не колебался ни секунды и сдернул с себя все, прежде чем я произнес последние слова. Его массивная фигура осталась облаченной в довольно привлекательное белье пурпурного цвета. Он поднял руки по моей команде, и я, взобравшись на лестницу, набросил на него безразмерное платье.

— Вот пальто,— сказал я.— Надень теперь его. Платье доходит до земли, поэтому можно не переодевать туфли. Теперь большую шляпу, вот так, зеркало и губную помаду, пока я отпираю двери.

Он сделал все так, как я сказал, не проронив ни слова в знак протеста. Слон исчез, и появилась леди поистине гигантских размеров. Над ее головой раздавался стук и грохот, но она полностью игнорировала его.

— Пойдем! — позвал я, и он засеменил через комнату в совершенно женской манере. Я держал дверь закрытой, пока он не подошел ко мне, используя эти секунды для того, чтобы кое-что объяснить ему.

— Они сейчас находятся где-нибудь на лестнице, ведущей в подвал — но они заблокированы. Мы пойдем по другому пути,— я натянул полицейский шлем в соответствии с формой, которая была на мне.— Ты заключенный под моим арестом. Выходим — давай!

Я взял его за руку, и мы повернули налево по пыльному коридору. Позади нас слышался треск и крики из-за заблокированной лестничной клетки. Мы поспешили дальше, в котельную, и через нее по короткому лестничному пролету к тяжелой входной двери. С обильно смазанными жиром петлями и замочной скважиной. Она открылась от одного моего прикосновения, и мы шагнули из нее на дорожку аллеи. Чуть не у самой спины полицейского, который стоял тут на страже. Он был один. Изучение обстановки заняло у меня не больше мгновения. Узкая аллея была открыта в самом конце. Позади нас был тупик. Люди — и спасение — были на улице, за спиной полицейского. Тут Слон споткнулся позади меня, и что-то скрипнуло у него под ногой. Полицейский повернул голову, чтобы посмотреть. Я видел, как расширились его глаза — так и должно было случиться, потому что леди позади меня выглядела впечатляюще. Я воспользовался его отвлеченным вниманием, прыгнул вперед и протянул руку, пытаясь удержать его голову

в том же повернутом положении. Он схватил меня своими сильными руками — которые тут же беспомощно повисли, как только я тонгозским приемом заломил ему шею на сорок шесть градусов назад, и он потерял сознание. Я опустил его на землю и поднятой ладонью остановил Слона, размашисто шагающего вдоль по аллее.

— Не сюда.

На двери здания напротив — это был магазин — было написано «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», и она была закрыта. Я отворил ее с помощью приготовленных заранее ключей. Помахав своему приятелю, я в то же время снял шлем с головы и швырнул его в сторону полицейского. Я изнутри закрыл дверь и сбросил форменную куртку. На шее появился шейный платок, и я оказался одетым в широкие штаны и простую рубашку. Я положил свои усики в карман, и мы присоединились к толпе покупателей. Рассеянно поглядывая на прилавки, но, конечно же, не тратя зря времени на покупки. Я заметил несколько удивленных взглядов, брошенных на мою спутницу, но это был очень приличный магазин, и никто здесь не позволил бы себе грубость пялить на нее глаза. Я первым подошел к выходу, придерживая дверь и пропуская ее вперед, и мы влились в проходящую мимо толпу. Позади нас, становясь все глуше по мере того, как мы удалялись, слышались крики и сигнальные сирены. Я позволил себе слабую улыбку. Бросив быстрый взгляд назад, я заметил, что моя спутница сделала то же самое. Она даже имела нахальство позволить себе подмигнуть мне. Я мигом повернулся назад,— я не мог поощрять такие вещи — затем свернул за угол на боковую улочку, где нас ждал хлебный фургон.

— Стой здесь и смотри в зеркальце,— сказал я, отпирая дверцу. Я забрался внутрь, едва успев подвинуться, когда мощная фигура влезла в фургон вслед за мной.

— Никого не видно...— с трудом выдохнул он.

— Прекрасно.

Я выпрыгнул наружу, надежно задраил дверь, прошел на сиденье водителя, вскарабкался на него и завел мотор. Фургон двинулся вперед, медленно пробираясь через толпу пешеходов, и, переждав светофор, вырулил на улицу. Я подумал было проехаться мимо здания суда, но это было чересчур опасное бахвальство. Лучше просто тихонько ускользнуть. Когда улица опустела, я повернул в обратном направлении и помчался в сторону городской окраины. Я хорошо знал все объездные дороги, поэтому мы наверняка успеем скрыться, прежде чем они будут перекрыты. Мы все еще не были в полной безопасности, но все же я почувствовал некоторое самоудовлетворение. А почему бы и нет! Я сделал это! Организовал побег века для спасения преступника века! Теперь нас ничто не остановит!

Все оставшееся утро и почти весь день я вел машину, стараясь подальше отъехать от города, избегая крупных магистралей и оставаясь на второстепенных дорогах. Хотя наш путь по необ-

ходимости претерпевал кое-какие изменения направления, мы все же неизменно продвигались на юг, стараясь сделать все возможное, чтобы внести немного чувств и эмоций в Пи-Эр Квадрат. Знакомо? Да уж, наверняка, ведь это, должно быть, единственная теорема, которую все помнят со школьной скамьи. Площадь круга равна квадрату радиуса, умноженному на Пи. Поэтому с каждым оборотом колеса хлебного фургона увеличивалась площадь пространства, которое нужно было тщательно обыскать, чтобы найти беглеца. Еще четыре часа спустя мы были уже далеко от своих преследователей. Принимая во внимание тот факт, что все это время Слон сидел взаперти в кузове фургона и абсолютно ничего не знал о моих дальнейших планах, было бы вполне уместно кое-что разъяснить, а также пообедать. Я проголодался, и, учитывая его размеры, он должен был чувствовать то же самое. Помня об этом, я свернул к пригородному торговому центру, замечая по дороге наименования ресторанов быстрого обслуживания, и припарковался в дальнем углу автостоянки. Задней частью к глухой стене. Слон благодушно заморгал, когда я открыл дверцу, впуская свежий воздух и свет.

— Пора обедать,— сказал я.— Вы предпочитаете...

Я замолчал, повинуясь жесту его поднятой руки.

— Разреши мне, Джим, сказать сначала несколько слов. Благодарю тебя. От всего сердца я благодарю тебя за все, что ты сделал. Я обязан тебе жизнью, не больше — не меньше. Спасибо.

Я стоял с опущенными глазами — клянусь, что я вспыхнул, как девчонка! — описывая круги на земле большим пальцем ноги. Затем я наконец прокашлялся и снова смог говорить.

— Я сделал то, что должно было быть сделано. Но, может, мы поговорим об этом позже? — Он почувствовал мое смущение и кивнул, величественная фигура, несмотря на то нелепое одеяние, в которое он был облачен. Я показал на коробку, где он сидел.— Там одежда. Пока ты переодеваешься, я пойду принесу еды. Ты не против отбросов из Максвиниз?

— Не против? После отвратительной тюремной баланды один из их зажаренных на вертеле бургеров будет просто райской пищей. С большой порцией сахаристых бататов, если тебе не трудно.

— Превосходно!

Я с облегчением захлопнул дверь фургона и вприпрыжку побежал под манящие своды Максвиниз. Восторженность Слона по поводу быстрой еды обнадежила меня больше, чем он сам мог это предполагать. Громкое чавканье и стук посуды раздавались со всех столиков, когда я проходил мимо них к стойке обслуживания. Я быстро протараторил заказ роботу-официанту с пластиковой головой, набил автомат купюрами — и сгреб пакет с едой и напитками, как только они появились из раздатчика.

Мы уселись на коробках в кузове фургона и с исступлением поглощали принесенные бургеры и напитки. Я оставил заднюю дверцу приоткрытой, чтобы было немного посветлее. Пока я от-

сутствовал, Слон избавился от своего платья и был одет сейчас в более мужское одеяние — самого большого размера, какой я только мог найти. Он с жадностью откусил половину бутерброда, набил рот еще несколькими бататами и улыбнулся мне.

— Твой план побега был просто гениален, мой мальчик. Я заметил изменения в покрытии пола, когда сел на стул в зале заседаний, и долго размышлял над тем, что бы они могли значить. Я надеялся, что это именно то, что могло было быть, и я должен признаться, что почувствовал несравнимое ни с чем удовольствие, когда земля, так сказать, разверзлась у меня под ногами. Никогда не забуду, как исчезло из виду презренное лицо судьи с идиотским выражением.

Широко улыбаясь, он расправился с остатками бутерброда, затем аккуратно вытер губы, прежде чем снова заговорить.

— Так как мне не хочется ввергать тебя в еще большее смущение своими похвалами, может, лучше было бы спросить тебя относительно планов, которые ты разработал, чтобы и дальше прятать меня от рук правосудия? Потому что, зная тебя так, как я знаю теперь, я могу быть уверенным, что ты спланировал все заранее.

Похвала Слона что-то да значила для меня, и от нее мне вновь стало тепло на душе, и сквозь мои зубы сорвалось довольное хрюкание.

— Конечно, спланировал, спасибо. Хлебный фургон — это наша возможность оставаться неузнанными, так как он, как и его братья, в огромном количестве катят по всем магистралям и прилегающим дорогам каждый день.— По какой-то непонятной причине я обнаружил, что начинаю сам говорить в манере Слона.— Мы останемся здесь до темноты, тем не менее медленно приближаясь к цели нашего путешествия.

— И, конечно же, случайные полицейские патрули не будут нас беспокоить в пути, так как номерные знаки этого транспортного средства имеют совершенно другие цифры, чем те, которые были на нем до того, как оно попало в наше распоряжение.

— Точно так. Угон будет зарегистрирован, и местная полиция проинформирована. Но поиски не распространятся слишком далеко, потому что этот фургон будет найден недалеко от своего гаража в Билльвилле рано утром. Новые номера, растворенные в специальном веществе, будут сведены, одометр возвращен в такое положение, в котором он будет показывать лишь недалекую прогулку воришек. Если такой же фургончик будет замечен в каком-нибудь отдаленном городке планеты, никто и не подумает связывать его с тем фургончиком. Суд просто упадет в обморок, как и все остальные.

Он переварил полученную информацию, вместе с последними бататами, и задумчиво облизал пальцы.

— Превосходно. Я бы и сам лучше не придумал. Так как дальнейшее движение будет опасным — полиция вскоре расставит сети

по всей стране — смею допустить, что Билльвилль и есть цель нашего путешествия?

— Так и есть. У меня там учреждение, а также одно безопасное место для тебя. Когда я спрашивал о твоих кулинарных пристрастиях, я имел в виду и это. Тебе придется поселиться в автоматическом отсеке Максвиниз, до тех пор пока горячка погони немного не поостынет.

Он высоко поднял брови, и я заметил, что он смотрит на выброшенные упаковки с некоторым опасением, но он был настолько любезен, что не стал выражать своих сомнений вслух.

Я поспешил обнадежить его.

— Я сам там прятался — поэтому не беспокойся. Конечно, существуют некоторые неудобства...

— Но ни одно из них не сравнится с неудобствами в федеральной тюрьме! Прошу прощения за неподобающие случаю мысли. Не обижайся.

— Не обижаюсь. Все произошло совершенно случайно. Однажды вечером полиция шла за мной по пятам. Я отпер служебную дверь местного ресторана Максвиниз, который тебе придется посетить, и мои преследователи потеряли мой след. Пока я дожидался безопасного момента, я изучил все их владения. Бесподобно! Машины, работавшие вокруг меня со страшной скоростью, решали очень просто ту единственную проблему, которая стоит перед всеми линиями быстрого обслуживания. Стоимость содержания самого низкоквалифицированного и малооплачиваемого персонала. Живые люди умны, равно как и жадны. Они стремятся стать профессионалами и затем требуют большую плату за свою работу. Наилучшим выходом может быть полное избавление от живых работников.

— Замечательный выход! Если ты закончил со своими пышками, тогда, может, я погрызу еще одну-две, пока слушаю твой очаровательный документальный рассказ.

Я пододвинул пропитавшийся жиром пакет к нему и продолжал.

— Все механизировано. Когда посетитель делает свой заказ, необходимое количество пищи подается из склада глубокой заморозки в супермощную печь, где она тут же продувается раскаленным паром до вполне приемлемой температуры. Эти печи такие мощные, что совершенно замороженный свинобраз может быть разделан на дымящиеся паром и растопленные кусочки за какие-нибудь доли секунды.

— Бесподобно!

— Напитки подаются с той же молниеносной быстротой. К тому времени, как посетитель заканчивает заказывать блюда, они полностью готовы к употреблению, уже ждут его. За стальными дверями, естественно. Пока он не заплатит. Все оборудование целиком автоматизировано и надежно работает, к нему редко прикасаются человеческие руки. Его проверяют раз в неделю, и так же раз в неделю пополняют запасы морозильника. Это про-

исходит не в один и тот же день, чтобы фургончики не мешали друг другу.

— Совершенно ясно! — громко выкрикнул он.— Располагайся как дома, так сказать, в машинном отделении. Когда будут пополнять морозильник, вероятнее всего это будет делаться снаружи, и мой кабинет никто не потревожит. А в тот день, когда придут проверять оборудование, я буду спокойно отсиживаться в морозильной камере, до тех пор пока не уйдет техник. Смею предположить, что между ними существует общая дверь, которую легко найти. Ах, да, морозильник — это объясняет то безразмерное и теплое одеяние, которое я обнаружил сложенным вместе с остальными вещами. А если случится какая-нибудь авария?..

— Сигнал тревоги зазвучит на центральной ремонтной базе, и оттуда пошлют механика. Я устроил так, чтобы этот сигнал был услышан и в нашей комнате, чтобы иметь возможность вовремя скрыться. Я также сделал небольшой запас провианта на случай непредвиденного посещения инженерным составом. Тревога зазвучит, если во внешнюю замочную скважину вставят ключ, сработает запирающее устройство, время действия которого ровно шестьдесят секунд. Вопросы?

— Откуда им взяться? — он засмеялся и тронул меня за плечо.— Ты подумал обо всем. Можно мне спросить о времяпрепровождении и, как бы это поприличнее выразиться, о санитарных удобствах?

— Портативный видеоскоп и библиотечка вместе с кроватью на колесиках. А все необходимые удобства уже установлены для приходящего персонала.

— Больше мне не о чем спрашивать.

— Но... у меня есть вопрос,— я опустил взгляд, затем поднял его и заставил себя произнести: — Ты как-то сказал мне, что не занимаешься благотворительной деятельностью. И не ищешь себе замену. Осмелюсь спросить, ты все еще склонен так думать? Или ты бы не отказался скоротать время, преподнеся несколько уроков по части криминальных знаний. Просто чтобы убить время, так сказать.

Теперь была его очередь опустить глаза. Он вздохнул, потом произнес:

— У меня была уважительная причина отклонить твою просьбу. Подходящая для того момента, как мне тогда казалось. Сейчас я изменил свое мнение. В знак благодарности за мое спасение я приму тебя в свою школу Альтернативного Стиля Жизни лет на десять, а может, больше. Но я не думаю, что тебе хотелось простой благодарности. Это не вяжется с твоим характером, если я не ошибаюсь. Не думаю, что ты выручил меня только для того, чтобы получить мою благодарность. Тем не менее я говорю тебе со всей откровенностью, что мне не терпится преподать тебе некоторые вещи, которые я усвоил в своей жизни за многие годы. Я также сгораю желанием продолжать нашу дружбу.

Я был просто ошеломлен. Мы одновременно поднялись на но-

ги и пожали друг другу руки, смеясь от души. Он сдавил мне руку своей железной хваткой, но я нисколько не возражал. Я первым обернулся и посмотрел на часы.

— Мы находимся здесь уже довольно продолжительное время и не должны больше привлекать внимание. Я поеду потихоньку, и следующая остановка будет последней, потому что мы прибудем на место. Пожалуйста, выходи побыстрее, сразу же входи в служебную дверь и запирай ее после себя. Я вернусь, как только поставлю фургон в нужное место, так что следующим человеком, который откроет эту дверь, буду я.

— Слушаю и повинуюсь, Джим. Только прикажи, и я все сделаю.

Это была очень утомительная поездка, но необходимая. Я, правда, не очень скучал, потому что был полон планов и мыслей о будущем. Я проезжал улицу за улицей, остановившись лишь раз, чтобы перезарядить батареи на автоматизированной станции техобслуживания. Затем снова двинулся вперед, обреченный всю жизнь трястись по глухим проселочным дорогам Бит О'Хэвен, наблюдая, как солнце встает над горизонтом. Наконец мы вырулили на служебную подъездную дорогу торгового центра Билльвилля, свободного от движения до утра. Никого в поле зрения. Слон быстро проскользнул мимо меня, и дверь за ним захлопнулась. Операция все еще шла успешно, и я торопился ее поскорее завершить, ясно понимая, что спешка сейчас ни к чему. Никто меня не видел, когда я заносил в контору коробки и снаряжение. Я, конечно же, рисковал, но это нужно было сделать. Шансы, что фургон был кем-то замечен, были ничтожны. Прежде чем уехать, я обрызгал внутренности фургона растворителем, чтобы смыть все отпечатки пальцев, что, должно быть, использовалось всеми уголовниками. Даже воришками хлебных фургонов. Вот и все. Большего я не мог сделать. Я оставил машину в конце какой-то окраинной улочки и зашагал обратно в город. Ночь была теплой, и я наслаждался ходьбой. Когда я проходил мимо пруда в Билльвилль-парке, я услышал зов какой-то водяной птицы. Я присел на скамейку и стал смотреть на тихую гладь воды. И думать о будущем и своем месте в нем. Действительно ли мне удалось распрощаться со своей прошлой жизнью? Сумею ли я преуспеть в жизни криминальной, к которой я так стремился? Слон обещал помочь мне — и он был единственным человеком на планете, который мог это сделать.

Насвистывая что-то, я шагал по улице к торговому центру, видя перед собой блестящее и захватывающее будущее. Настолько погруженный в свои мысли, что даже не обратил внимания на случайную наземную автомашину, проехавшую мимо, едва сообразив, что она остановилась позади меня.

— Эй ты, парень, погоди минутку.

Без всякой задней мысли я обернулся, будучи настолько рассеянным, что не заметил, что стою под уличным фонарем. Но было уже поздно. В машине сидел полицейский и смотрел прямо на

меня. Я не знаю, почему он остановился, что он хотел мне сказать, наверное, это произошло спонтанно. Я мог видеть, как глаза его стали расширяться от удивления, когда он узнал меня. В своих заботах о Слоне я совсем забыл, что сам являюсь беглецом, которого разыскивает полиция, и что все патрули имеют мою фотографию и описание. А я шатаюсь по лицам безо всякой маскировки и даже не пытаясь подстраховаться. Все эти мысли промелькнули у меня в голове, и я мгновенно догадался, что он меня узнал. У меня не было даже времени хоть что-нибудь придумать.

— Ты Джимми ди Гриз!

Казалось, он был так же удивлен, как и я. Но не настолько, чтобы реакция его замедлилась. Пока я включал позднее зажигание, его уже работало на полную мощь. Должно быть, он каждый день репетировал дома перед зеркалом, потому что его выпад был слишком скор. Как только я повернулся, чтобы удрать, в открытом окне появилось дуло безоткатного автомата семьдесят пятого калибра.

— Попался! — сказал он. С гадкой, во весь рот, дьявольской улыбкой стража порядка.

— Это не я — кто-то другой — вы обознались! — едва дыша проговорил я, в то же время вскидывая руки вверх.— Вы же не будете стрелять в беззащитного ребенка только по подозрению?

Дуло не дрогнуло, а я струхнул, перемещаясь потихоньку боком к передку машины.

— Остановись и подойди сюда,— крикнул он, но я продолжал нервно двигаться вперед. Я сомневался или надеялся, что он не станет хладнокровно расстреливать меня. Насколько я помнил, это было противозаконно. Я хотел, чтобы он последовал за мной, потому что для этого ему потребовалось бы вытащить автомат из окна. Не было никакой возможности целиться в меня и открывать дверь в то же самое время. Пулемет исчез — и я тоже! В то мгновение, когда он опустил дуло, я повернулся и побежал,— наклонив голову и изо всех сил перебирая ногами. Он закричал мне вслед — и выстрелил! Автомат затрещал, словно артиллерийское орудие, и пуля, просвистев у меня над ухом, вонзилась в дерево рядом. Этот полицейский безумец.

— Вот так-то лучше,— произнес он, опираясь дулом на открытую теперь дверцу машины и нацелив его на меня.— Я стрелял мимо. Но только на первый раз. В следующий раз я буду стрелять на поражение. У меня золотая медаль по стрельбе из этого оружия. Поэтому не искушай меня показать тебе, как здорово я умею обращаться с этой штукой.

— Ты просто сумасшедший, так и знай,— сказал я, осознавая, насколько пискляво это звучит.— Ты не можешь стрелять в людей по первому подозрению.

— Могу-могу,— ответил он, подходя ко мне со все еще нацеленным на меня автоматом.— Это не подозрение, а опознание. Ты сам прекрасно знаешь, кто ты такой. Преступник, которого разыскивает полиция. И знаешь, что я тебе скажу? Я скажу, что

этот преступник схватил мой автомат, он сработал, и тот был застрелен. Ну, каково? Хочешь потрогать мой автомат?

Он был психом, это точно, да к тому же полицейским. Было видно, что он и в самом деле хочет, чтобы я совершил какое-нибудь неосторожное движение и дал ему возможность застрелить меня. Как ему удалось избежать всех тестов, которые должны были отсеивать таких типов, как он, из стражей порядка, мне так и не дано было узнать. Но ему как-то удалось. Он получил разрешение носить при себе оружие и всеми способами искал повод, чтобы применить его. Такого повода я ему не дал. Я неторопливо вытянул руки перед собой, запястья вместе.

— Я не сопротивляюсь, лейтенант, смотрите. Вы совершили ошибку, но я подчиняюсь. Наденьте на меня наручники и посадите в машину.

Он не был счастлив это услышать и нахмурил брови. Но я больше не шевелился, и он в конце концов сдался, вытащил наручники из-за ремня и протянул их мне.

— Надевай.

Я защелкнул их на запястье, очень слабо, так что я мог свободно вытащить из них руку, затем на втором. Я смотрел вниз и не видел его движений. Пока он не взял меня за обе руки и не затянул наручники так, что они врезались мне в кожу. Он улыбнулся мне, вкручивая металл в мои мышцы с садистским ликованием.

— Теперь попался, ди Гриз. Ты арестован.

Я посмотрел на него, он был на голову выше меня и весил, наверное, в два раза больше,— и расхохотался. Он должен был спрятать свой автомат, чтобы схватить меня — что он и сделал. Солидный мужчина хватает маленького мальчика. Он не мог понять, почему я смеюсь, и я не дал ему возможности сделать это. Я сделал самое легкое, быстрое и наилучшее, что только было возможно в данных обстоятельствах. И самое гнусное. Я со всей силы двинул ему в пах, и он отпустил мои руки, сложившись пополам. Я сделал ему одолжение, бедному малому, видимо, было больно, и двинул ему по шее моими сцепленными руками. Он потерял сознание, еще не долетев до земли. Я нагнулся и стал шарить в поисках ключа от наручников.

— Что здесь происходит? — спросил чей-то голос, и на тротуар пролился свет из открывшейся в доме напротив двери. Звук выстрела, должно быть, перебудил всю улицу. Придется позаботиться о наручниках позже. А сейчас нужно заметать следы.

— Человек ушибся! — крикнул я.— Я ему помогу,— последнее я бросил через плечо, рысью проносясь вдоль по улице и сворачивая за угол. В дверном проеме появилась женщина и окликнула меня, но я не стал останавливаться, чтобы послушать ее. Мне нужно было бежать, удирать подальше от этого места, пока не забили тревогу и не начали поиски. Наши планы, похоже, рушились. А мои запястья ужасно болели. Я взглянул на них, пробегая мимо уличного фонаря, и увидел, что они стали совершенно белыми. И начали неметь. Наручники были такими тугими, что нарушали

кровообращение в руках. Слабое чувство вины за не очень честное сражение тут же исчезло. Нужно было избавиться от этих штуковин — и побыстрее. В контору, и только туда. Я добрался до нее, избегая главных улиц и держась в стороне от людей. Но когда я подошел к черному ходу, руки мои совсем онемели и не двигались. Я ничего ими не чувствовал. Чтобы выудить из кармана ключи, мне потребовалось невыносимо много времени. Когда же мне это удалось, я неожиданно выронил их из рук. И никак не мог поднять. Пальцы не сжимались. Я только и мог, что бороздить своими безжизненными руками вокруг ключей. В жизни бывают скверные моменты — думаю, что этот был одним из самых скверных, которые только у меня когда-либо были. Я совсем обессилел, был разбит, повержен, побежден. Я не мог пробраться в здание. И никто не мог мне помочь.

И не нужно было никакого медицинского образования, чтобы понять, что если я не избавлюсь от наручников как можно скорее, мне придется всю оставшуюся жизнь ходить с пластиковыми руками. Это точно.

— Нет, этого не будет! — услышал я свой голос.— Выбей дверь, сделай что-нибудь, открой дверь пальцами ног.

Нет, не ногами! Я пошарил негнущимися пальцами по земле, отделил в связке нужный ключ. Затем наклонился, прикоснувшись высунутым языком, нащупал его местоположение, не обращая внимания на пыль и грязь, попавшие в рот вместе с ним. Потом я втянул губы и поймал ключ зубами. Пока все хорошо. Если у вас когда-нибудь возникнет желание открывать дверной замок зубами, в то время как ваши руки скованы наручниками, единственное, что я могу вам посоветовать в этом случае — не пытайтесь! Смотрите, вам нужно будет вертеть головой туда-сюда, чтобы попасть ключом в замочную скважину. Затем крутить ею, чтобы повернуть ключ, и долбить дверь головой, пытаясь ее открыть... В конце концов это сработало, и я упал лицом вниз на пол своей конторы. Зная, что мне еще предстоит та же самая работа наверху. И я проделал ее и ввалился наконец в кабинет, будучи обязанным больше своей настойчивости, упрямству и грубой силе, чем сообразительности. Я был так измучен, что не мог шевелить мозгами. Я мог только сопротивляться. Я закрыл дверь локтем и проковылял к своему верстаку, вывалил ящик с инструментами на пол, перетряхивая его до тех пор, пока не нашел вибропилу. Подобрав ее зубами, я с трудом примостил ее в щели открытого ящика шкафа, прижимая ящик локтем. Вместе с губой, из которой тут же хлынул фонтан крови, которого я не заметил. Запястья горели — но руки этого не чувствовали. На них было страшно смотреть. Времени совсем не осталось. С помощью локтя я включил пилу. Выставив руки вперед, к лезвию, я развел их как можно дальше, чтобы натянуть цепь. Лезвие пронзительно завизжало и разрезало цепь. Теперь предстояла более ювелирная работа — разрезать наручники так, чтобы не зацепить мясо. Это уж слишком. Перемазав все вокруг кровью, я все же сделал это. Наруч-

ников больше не было, и я увидел, что руки вновь порозовели, когда возобновилась циркуляция крови. После всего этого мне только и оставалось, что бухнуться без движения на стул и тупо смотреть, как капает кровь. Я сидел так около минуты, пока не прошло онемение и не пришла боль. С огромным усилием я поднялся на ноги и побрел к аптечке. Она тоже вымазалась кровью, пока я вытряхивал из нее болеутоляющие капсулы и проглотил две из них. Раз уж я стоял с ней рядом, я вытащил из нее антисептик и бинты и обработал порезы. Они были скорее рваные, не очень глубокие и не очень опасные. Я перевязал их, затем взглянул на себя в зеркало и вздрогнул, надо было что-то делать с губой.

На боковой улице просигналила полицейская сирена, и я понял, что пришло время как следует поразмыслить и что-нибудь придумать.

Я очутился в затруднительном положении. Билльвилль небольшой городок, и все выходы из него будут тут же перекрыты. Именно это я бы и сделал в первую очередь, если бы искал беглеца. И даже самый тупой из полицейских, я думаю, догадался бы это сделать. Баррикады на дорогах, в небе вертолеты с приборами ночного видения для наблюдения на открытых площадках, полиция на вокзале. Все щели законопачены. Обложили как крысу. Что еще? Улицы патрулируются вездеходами. И последнее, чем меньше на улице народу, тем опаснее по ней бродить.

Итак, ждем до утра, что потом? Я знал, что потом. Они обыщут каждую каморку в каждом здании, пока не найдут меня. Я почувствовал, как у меня на лбу появилась испарина от этой мысли. Неужели я в ловушке?

— Не сдаваться! — громко выкрикнул я, вскочив на ноги и забегав взад и вперед.— Джимми ди Гриз слишком увертлив, чтобы попадаться в неуклюжие лапы местных тюремщиков. Вспомни, как здорово ты ускользнул от этого одержимого жаждой убийства легавого. Неуловимый Джимми ди Гриз, вот кто я! И я снова смогу ускользнуть от них. Но как? Действительно, как? Я открыл пиво, залпом осушил бутылку и вновь опустился на стул. Затем посмотрел на часы. Было уже слишком поздно появляться на улице. Рестораны уже опустели, кинотеатры выпроводили последних зрителей, и парочки одна за другой расходились по домам. Любая одинокая фигура тут же бы привлекла внимание правоохранительных органов. Тогда до утра. Я бы осмелился выйти на свет божий лучше днем, а еще лучше под дождь! Я справился о прогнозе погоды моментально — и тут же опустился на стул. 99% ясной погоды. Я бы, наверное, с большей радостью предпочел землетрясение или ураган.

В конторе был ужасный беспорядок; все в ней выглядело так, словно отражало последствия взрыва на бойне. Нужно было все прибрать.

— Нет, Джим, тебе не нужно ничего убирать. Потому что полиция рано или поздно найдет твою контору, и скорее всего рано. Отпечатки твоих пальцев присутствуют тут повсюду, и им извест-

на твоя группа крови. У них будет достаточно времени, чтобы сообразить, что с тобой произошло.

Это по крайней мере даст им пищу для размышлений. А может, обернется неприятностями для какого-нибудь чересчур горячего полицейского. Я развернулся на стуле, повернувшись лицом к терминалу, и набрал на мониторе записку. Зашелестел принтер, и я вытащил из него листок бумаги. Замечательно!

ДЛЯ ПОЛИЦИИ. Я БЫЛ ЗАСТРЕЛЕН ВАШИМ ОФИЦЕРОМ-УБИЙЦЕЙ, КОТОРОГО ВЫ НАШЛИ БЕЗ СОЗНАНИЯ. ОН ПОПАЛ В МЕНЯ. Я ИСТЕКАЮ КРОВЬЮ И СКОРО УМРУ. ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ МИР. Я ПОЙДУ И БРОШУ МОЕ ТЕЛО В РЕКУ.

Я очень сомневался, что эта уловка сработает, но, может, она поставит этого сумасшедшего полицейского в неприятное положение. А остальных привлечет к перекапыванию речного русла. На записку капнула капля крови, и я намазал на нее еще со своих бинтов. Затем аккуратно положил ее на стол.

Эта небольшая шалость немного взбодрила меня. Я уселся на стул и, прикончив пиво, стал составлять план. Не оставил ли я чего лишнего? Нет, все документы, которые здесь хранились, не понадобятся мне в будущем. Я отыскал одному мне известную клавишу и нажал ее, запуская разрушающую программу. В один миг память компьютера превратилась в бессмысленный набор символов. Все остальное — инструменты, снаряжение, оборудование — я оставлял здесь, надеясь перенести в другое место, если потребуется. Но я не собирался оставлять здесь денег. Все это очень утомляло, но я не мог позволить себе отдых, пока не будут сделаны последние приготовления. Я натянул на забинтованные руки тонкие пластиковые перчатки и сел за работу. Деньги находились в сейфе, так как я грабил банки и не думал поддерживать их открытием там своего счета. Я сложил их все в портфель обыкновенного делового человека. Он оказался только наполовину заполненным, поэтому я доложил его микроинструментами, которые мне могли понадобиться. И в оставшееся свободным место я запихнул столько одежды, сколько смог, затем встал на него коленом и, поднажав чуть-чуть, закрыл его и защелкнул на замок. Теперь переодевание и маскировка. Черный костюм-четверка делового человека, ткань которого была украшена крошечным узором белых долларовых купюр. Оранжевый шейный платок, который носят все молодые банкиры, а также характерные сапоги из кожи свинобраза с хвалеными каблуками. Что прибавит мне роста — это кстати. Когда я выйду, на мне будут усы и очки в золотой оправе. А сейчас мне нужно было покрасить волосы в темный цвет и добавить лицу загара. Закончив все приготовления, накачанный пивом, обезболивающим и смертельной усталостью, я раскрыл свою кровать-архив, завел будильник и провалился в вечность.

Вокруг моей головы роились гигантские комары, все больше и больше комаров, жаждущих моей крови...

Я открыл глаза и отогнал остатки сна. Будильник, который я до сих пор не отключил, жужжал голосами тысяч насекомых, они становились все громче и громче и наконец зазвучали, как целое полчище, готовое к атаке. Я надавил на кнопку, облизал сухие губы и, шатаясь, заковылял за стаканом воды. За окном было уже совсем светло, и стали появляться первые ранние пташки.

Все было готово. Я тщательно умылся и оделся. Щегольские оранжевые перчатки очень подходили к моему шейному платку и скрывали забинтованные руки. Дождавшись часа пик, когда улицы были заполнены народом, я подхватил свой портфель и, убедившись, что в холле никого нет, вышел из кабинета и, не оглядываясь, закрыл за собой дверь. Эта часть моей жизни закончена. Сегодня первый день моей новой жизни. Я надеялся на это. Я прошел к лестничной клетке очень похожей, как мне казалось, на деловую походкой, мимо первых посетителей, вниз, на улицу. И увидел на повороте полицейского, внимательно разглядывающего каждого прохожего. Я не смотрел на него и обнаружил впереди себя привлекательную девушку с очень милыми ножками. Я наблюдал за их семенящими движениями и попытался забыть о присутствии стража закона. Подошел к нему, прошел мимо, зашагал прочь от него. Ожидая, что он окликнет меня, опознав. Но он не окликнул. Может, он тоже засмотрелся на очаровательные ножки. Один есть — но скольких мне еще предстоит миновать?

Это была самая долгая прогулка, которую я когда-либо предпринимал в своей жизни. Или так по крайней мере мне казалось. Не слишком торопливая, но и не очень медленная. Я старался слиться с толпой, просто один из этих подневольных трудяг, спешащих на работу и думающих только о доходах и расходах, а также об акциях своей компании. Что бы эти акции из себя ни представляли. Еще одна улица — пока все в порядке.

Вот поворот. Служебный подъездной путь к торговому центру. Здесь не место такому бизнесмену, как ты. Поэтому пошевеливайся и не околачивайся тут зря. Скорее за угол, и ты спасен. Спасен? Я остановился как вкопанный. У входа стоял служебный фургон Максвиниз, и неуклюжий скотина-механик входил в помещение.

Я посмотрел на часы, щелкнув пальцами, затем повернул прочь со служебной дорожки на случай, если за мной наблюдали. И быстро зашагал по улице до первого Спидидайн *. Словно в довершение сегодняшнего дня, под первым же грибком сидели двое полицейских. И конечно же, глазели на меня. Я прошел мимо, глядя строго перед собой, и сел за самый дальний от них столик. У меня вдруг ужасно зачесалось между лопатками, но я не смел двинуться. Я не видел их, но прекрасно знал, что они делают. Они смотрят на меня, что-то говорят друг другу, решив, наверное, что я совсем не тот, за кого себя выдаю. Лучше проверить и выяснить это. Встают, идут ко мне, наклоняются к моему грибку... Я увидел

* Спидидайн — ресторан (кафе) быстрого обслуживания.

ноги в голубых брюках краешком глаза, и мое сердце вдруг начало громко стучать в груди, так что я был уверен, что его стук слышен всему ресторану. Я ждал обвинительных слов. Подождал... пробежал глазами по голубым штанам и выше... Я увидел, что напротив меня усаживается водитель воздушного лайнера, одетый в форму.

— Кофе,— сказал он в микрофон, развернул газету и углубился в чтение.

Стук моего сердца поутих и стал напоминать нормальный, и я беззвучно отругал себя за излишнюю подозрительность и трусость. Затем произнес вслух в свой микрофон самым низким голосом, на который были способны мои голосовые связки:

— Черный кофе и малигатони ** с клецками.

— Опустите шесть долларов, если вам не трудно.

Я сбросил монетки. Сбоку от меня послышалось громыхание оборудования, и на стол выскользнул заказанный завтрак. Я ел неторопливо, поглядывая на часы, затем принялся потихоньку цедить кофе. Я хорошо знал, отсиживаясь как-то в морозильной камере, что на профилактику у механика уйдет не меньше тридцати минут. Я просидел за столиком сорок, и только потом вышел из-за него. Я старался не думать о том, что обнаружу, когда наконец попаду в подсобное помещение Максвиниз. Я хорошо помнил свои прощальные слова — я буду следующим человеком, который войдет в эту дверь. Хо-хо. Следующим человеком оказался механик. Поймал ли он Слона? Я вспотел от одной мысли. Скоро я сам это узнал. Я прошел мимо того грибка, где сидели полицейские. Их не было — ушли обыскивать другую часть улицы — меня, наверное, ищут. Я снова направился к торговому центру. И повстречался с отъезжающим от служебного входа славным фургончиком Максвиниз.

Я держал ключи наготове. Когда я подходил к двери, дорога была пуста — затем я услышал позади себя чьи-то шаги. Полиция? Все с той же заученной настойчивостью мое сердце заколотилось вновь. Я замедлил шаги, подходя к двери. Остановившись и наклонившись вперед, я мял ключи в ладони, словно выбирая нужный мне. Рассматривая ключ, я слышал, как кто-то прошел мимо меня. Молодой человек, который не обратил ни малейшего внимания на мое присутствие. Он продолжал вышагивать по дороге и вошел в дальние ворота рынка. Я оглянулся через плечо — затем прыгнул к двери, пока не появился еще кто-нибудь. Повернул ключ, толкнул дверь — и она, конечно же, не открылась. Запирающий механизм, который я туда вставил, сработал отлично. Он разблокируется через минуту. Шестьдесят коротких секунд. Шестьдесят невыносимо долго тянущихся секунд. Я стоял у двери в своем прекрасном деловом костюме, который был здесь так же неуместен, как и соски на брюхе борова-свинобраза, как было принято говорить у нас на ранчо. Стоял и покрывался испариной,

** Малигатони — (*инд.*) густой острый суп с пряностями.

и ждал появления полиции или опять какого-нибудь прохожего. Ждал и терпел. Пока наконец ключ не повернулся, дверь не открылась — и я ввалился внутрь. Пусто! На дальней стене стучало и визжало автоматическое оборудование. Булькал раздатчик напитков, наполняющий контейнер просвистел вниз и исчез. Зато появился дымящийся паром поджаристый бургер. И это продолжалось день и ночь. Но среди всего этого механического движения не появлялась никакая человеческая фигура. Они схватили его — полиция нашла Слона. А теперь они схватят меня.

– Ах, мой мальчик, должно быть, на этот раз это ты...

Из морозильника возник Слон, необъятный в своих изоляционных одеждах, держа в руке все свои пожитки и прижимая под мышкой раскладушку. Он захлопнул за собой дверь, и тут силы покинули меня, и я сел на пол, прислонившись к стене спиной.

— С тобой все в порядке? — спросил он с тревогой в голосе. Я помахал слабой рукой.

— В порядке, в порядке — дай мне только перевести дух. Я испугался, что тебя забрали.

— Тебе не стоило беспокоиться. Когда ты не появился через определенное время, я рассудил, что в нашем плане, наверное, появились кое-какие дополнения. Или небольшая заминка. Поэтому я отрепетировал свой отход на случай, если сегодня объявятся законные пользователи. И они и вправду объявились. А там действительно холодно. Не могу сказать с уверенностью, сколько они тут пробыли, но я был уверен, что ты придумал какой-нибудь способ, чтобы узнать, когда они уйдут...

— Я же хотел тебе сказать!

— В этом нет необходимости. Я нашел спрятанный громкоговоритель и включил его, и слушал, как кто-то бормотал свои проклятия, пока ковырялся с машинами. Через некоторое время стук захлопнувшейся двери и тишина сообщили мне все, что требовалось. А теперь расскажи о себе. Были какие-то проблемы?

— Проблемы! — я рассмеялся от облегчения. Перестав только тогда, когда услышал в своем смехе истерические нотки. Я рассказал ему все, опуская кое-какие самые отвратительные моменты. Он шумно реагировал в нужных местах и внимательно слушал меня до самого конца.

— Ты слишком строг к себе, Джим. Одно маленькое упущение после такого напряженного дня нельзя считать слишком уж неожиданным.

— Зато непростительным! Я был настолько глуп, что чуть не обрек нас двоих на провал. Этого больше не повторится.

— А вот в этом ты неправ,— сказал он, покачав толстым пальцем.— Это может случиться в любое время — пока ты не обретешь навыков в работе. Тебе нужно тренироваться и тренироваться с пользой для дела...

— Конечно!

— ...пока оплошность вроде этой не станет невозможной. Ты

сделал все невероятно хорошо для человека с твоим опытом. Теперь нужно только совершенствоваться.

— А ты будешь учить меня, как стать таким преуспевающим жуликом, как ты!

В ответ на мои слова он сдвинул брови и помрачнел. Что я сказал такого неподходящего? Я с беспокойством жевал свою больную губу, пока он молча раскладывал кровать на колесиках, а затем уселся на ней, скрестив ноги. Когда же он снова заговорил, я хватал на лету каждое его слово.

— Вот твой первый урок, Джим. Я не жулик. Ты не жулик. Мы не хотим быть преступниками, потому что все они глупы и неквалифицированны. Очень важно понимать и принимать во внимание, что мы стоим в стороне от общества и следуем своим строгим правилам, некоторые из них даже строже, чем те, что существуют в обществе, которое мы отвергаем. Эта жизнь может оказаться одинокой — но ты должен сам выбрать свою дорогу и идти по ней с открытыми глазами. А раз уж путь выбран, ты должен быть верным ему. Ты должен быть более высоконравственным человеком, чем они, потому что тебе придется жить по более строгим моральным законам. И его нормы не содержат слово жулик». Это слово из их мира, и ты не должен употреблять его.

— Но я хочу быть преступником...

— Оставь эту мысль — как и название. Это, и ты должен простить меня за такие слова, просто юношеские амбиции. Это только твое эмоциональное неприятие мира, в котором ты живешь и который тебе не нравится. Ты отвергаешь его — но вместе с тем принимаешь его описание того, кто ты есть — «жулик». Но ты не жулик, и я не жулик.

— Тогда — кто же мы? — спросил я с необычайной прилежностью. Слон сложил пальцы пирамидой, нараспев произнося слова.

— Мы — граждане Объективной Реальности. Мы отвергаем упрощенные, скучные, строго регламентированные, бюрократические, нравственные и даже древние библейские истины, по которым они живут. На их место мы ставим свои собственные и гораздо более качественные правила. Мы можем физически двигаться среди них — но мы не они. Там, где они ленивы — мы трудолюбивы. Там, где они безнравственны — мы сама добродетель. Там, где они лгут — мы говорим правду. И может быть, мы являемся главной силой добра в том обществе, от которого мы отказались.

Я не совсем понял, о чем он говорит, но терпеливо ждал, потому что знал, что вскоре все прояснится. И он пояснил.

— Что это за галактика, в которой мы живем? Посмотри вокруг себя. Жители этой планеты, как и жители других планет, входящих в неопределенную организацию, известную под названием Галактической Лиги, это жители обеспеченного, богатого союза миров, в котором слово «преступление» уже почти забыто. Ты был в тюрьме и видел этих угрюмых недоделанных, которых они считают преступниками. И это называется прогрессивным ми-

ром! На других планетах, населенных нашими поселенцами, уже почти не осталось недовольных, а уж социально опасных и того меньше. Из этого следует, что как только появляется человек, доставляющий обществу беспокойство, а они все еще рождаются, несмотря на строгий генетический отбор, его тут же ловят и исправляют все его отклонения от нормы. Я как-то летал в космос единственный раз в жизни, путешествие к недалеким мирам. Это было ужасно! Жизнь там похожа на разноцветный и удивительный кусок мокрого картона. И я поспешил назад на Бит О'Хэвен, так как по сравнению с другими планетами Бит О'Хэвен, отвратительная по временам, все-таки райский уголок.

— Когда-нибудь мне бы тоже хотелось посмотреть на эти миры.

— Посмотришь, дорогой мой мальчик, вполне достойное стремление. Но изучи сначала досконально этот мир. И скажи спасибо, что у них нет здесь до сих пор полного генетического контроля — или машин для умственного регулирования, которые борются с обществом. На других планетах дети точно такие же, как и у нас. Кроткие, мягкие и социально приспособленные. Конечно, некоторые из них не проявляют своих генетических недостатков — или преимуществ, как мы бы сказали — пока не станут взрослыми. Эти бедняжки преуспели по части мелких правонарушений — ночные кражи со взломом, ограбления магазинов, кража скота и тому подобное. Они могут избавить их от дурных наклонностей за неделю или две, ну, может, за месяц или два, в зависимости от степени умственного развития той или иной цивилизации. И то, что полиция их в конце концов достанет и засадит за решетку, так же неотвратимо, как и распад атомов или осенний листопад.

Я переварил эту информацию, затем задал очевидный в таких случаях вопрос.

— Но если преступление заключается именно в этом — в протесте против системы — куда это нас заведет?

— Ты не должен задавать таких вопросов. Те отверженные, которых я тебе обрисовал и которых ты встречал в тюрьме, составляют 99,9% уголовного мира в нашем хорошо организованном и принаряженном обществе. И только оставшаяся и самая значительная 0,1%, которую мы представляем, является самой существенной в структуре того же общества. Без нас начнется гибель населения от перегрева. Без нас жизнь этого овечьего стада будет настолько пуста, что начнется массовое самоубийство. Вместо того, чтобы преследовать нас и называть нас преступниками, они должны почитать нас, как своих благодетелей!

Когда он говорил, глаза его возбужденно искрились. Мне не хотелось прерывать его взволнованную речь, но у меня появились кое-какие вопросы.

— Извини, пожалуйста, но будь добр, объясни мне, почему это так?

— Потому что мы задаем полиции работу, им же надо кого-

нибудь преследовать, иметь какой-нибудь повод, чтобы рыскать повсюду в своих дорогих машинах. Ну а публика — как они смотрят новости и слушают сообщения о наших последних подвигах, как они рассказывают об этом друг другу и смакуют каждую деталь! Ну а какова же цена этого представления и его общественная польза? Да никакой. Бесплатное обслуживание, даже если мы рискуем своей жизнью, головой и свободой, чтобы доставить им удовольствие. А что мы получаем от них? Да ничего. Просто деньги — бумагу и металлические символы. Все это застраховано. Если мы выпотрошим банк, деньги им вернет страховая контора, которая в конце года недосчитается в своем ежегодном доходе микроскопической суммы. Каждый вкладчик недополучит миллионную долю своей прибыли. Никаких убытков, абсолютно никаких. Благодетели, мой мальчик, мы просто благодетели и никто больше. Но для того, чтобы мы могли совершать для них это благо, мы должны действовать вопреки тем барьерам и правилам, которые они нам выставляют. Мы должны быть такими же скрытными и бесшумными, как и крысы за деревянной перегородкой. Конечно, в прежние времена это было гораздо легче сделать, и в обществе было намного больше крыс, когда правила были не так строги. Так же как в старых деревянных зданиях больше крыс, чем в бетонных. Но и сейчас крысы приживаются в домах. Теперь, когда общество сплошь состоит из железобетона и нержавеющей стали, между стыками остается совсем немного щелей. И только очень смышленые крысы могут отыскать эти лазейки. Только крыса из нержавеющей стали может чувствовать себя как дома в такой окружающей среде.

Я захлопал в порыве восхищения в ладоши, пока они не заболели, и он кивал головой, с грациозным достоинством принимая мои похвалы.

— Вот кто мы такие,— выпалил я.— Крысы из нержавеющей стали! Какая же это честь быть одинокой нержавеющей стальной крысой!

Он опустил голову, соглашаясь с моими словами, затем снова заговорил.

— Не спорю. А теперь — мое горло совсем пересохло от этих длинных речей, и мне интересно было бы знать, сможешь ли ты помочь мне разобраться со всеми этими сложными приспособлениями вокруг нас. Существует ли какой-нибудь способ извлечь из них двойной вишневый сироп?

Я повернулся к лабиринту стучащего и визжащего оборудования, покрывающего внутреннюю стену.

— Конечно, существует. Буду счастлив показать его тебе. У каждой из этих машин есть контрольный включатель. Вот этот, если ты посмотришь поближе, предназначен для раздатчика напитков. Сначала ты должен нажать на кнопку, затем привести в действие раздатчик, который и выдаст напиток сюда, вместо того, чтобы отдать его посетителю снаружи. Все подписано —

смотри, вот здесь вишневый сироп. Легкое прикосновение и... пожалуйста!

С присвистом стакан вывалился из раздатчика, и Слон едва успел поймать его. Сделав несколько глотков, он застыл и прошептал уголками губ:

— До меня только дошло, что здесь имеется окошко, и какая-то молодая леди смотрит на меня через него!

— Не пугайся,— успокоил я его.— Оно сделано из одностороннего стекла. Она просто любуется своим лицом. Это сделано для того, чтобы контролеры могли наблюдать за посетителями.

— Правда? А, теперь я и сам вижу. А они действительно обжоры. Их чавкание вызывает ропот в моем собственном животе, должен тебе признаться.

— Нет ничего проще. Вот здесь контрольная кнопка раздатчика пищи. Самый ближайший выдает Макбаннибургер, если он тебе нравится.

— Обожаю до смерти.

— Тогда прошу.

Он схватил дымящийся пакет, традиционно украшенный глазами-бусинками и хвостом с кисточкой, и принялся жевать. Было приятно наблюдать за тем, как он ест. Но я заставил себя оторваться от зрелища, чтобы не забыть бросить монеты в щель позади бронированной кассы.

Слон выпучил глаза от удивления. Проглотив кусок, он произнес:

— Ты платишь! А я думал, что мы попали в гастрономический рай, где бесплатно выдается еда и питье по первому нашему требованию день и ночь.

— Так и есть — так как все эти деньги украдены, и я просто запускаю их в обращение, чтобы поддерживать экономику здоровой. Максвиниз работает без перерыва. И каждый кусочек мяса свинобраза, каждый осколок льда находится на учете. Когда механик проверяет машины, он отвечает за каждую статью расхода. Магазинный компьютер хранит в памяти следы каждой покупки, чтобы запасы, хранящиеся в морозильнике, пополнялись строго в соответствии с нормой. И все собранные деньги каждый день убираются из сейфа на внешней стене, который тоже автоматизирован. Бронированный фургон справляется со всем этим, когда приходит время. Применяется какой-то код, и деньги из сейфа перегружаются в фургон. А если мы просто, не церемонясь, будем питаться, записи откроют факт воровства. Будет проведено тщательное расследование. Мы должны платить, чтобы сумма соответствовала количеству оприходованных продуктов. Но так как мы больше не собираемся сюда возвращаться, мы стащим все эти деньги в день нашего ухода.

— Прекрасно, мой мальчик, прекрасно. А то я уж было обеспокоился твоей вынужденной честностью. Ну а раз уж ты стоишь рядом с контрольной кнопкой, нажми, пожалуйста, и подай мне еще один кусочек жареных ребрышек, пока я плачу.

Полагаю, бывают и более странные места для проведения школьных занятий, но я не мог выдумать более необыкновенного. В определенное время суток ничего нельзя было услышать сквозь стук, скрежет и визг работающего оборудования. Ланч и обед были самыми напряженными часами, но еще один пик приходился на то время, когда заканчивались занятия в школах. Нам приходилось есть самим в это время, потому что разговаривать было просто невозможно, и мы каждый раз проходили по всему списку, имеющемуся в распоряжении Максвиниз. Мы сбились со счета, сколько же Макбаннибургеров провалилось у нас в горло, и сколько мороженых вишен за ними последовало. Мне нравились Доббиндоги, пока я ими не объелся, включал также кнопку со студнем из ножек свинобраза и с оладьями. Слон был всеяден, ему нравилось все, стоящее в меню. Затем, когда толпы редели, после того, как мы смахивали последние крошки с наших губ, мы садились, удобно развалясь на наших креслах, и мое обучение продолжалось. Когда мы начали изучать компьютеры, я обнаружил, что Слон замышлял в последние два десятилетия.

— Дай мне терминал, и я смогу управлять миром,— сказал он, и голос его прозвучал настолько авторитетно, что я поверил, он сможет.— Когда я был молодым, мне доставляло невиданное удовольствие делать жителям этой планеты приятное. Просто дух захватывало, когда я перехватывал движение наличной массы или заменял свою кредитную карточку пачками банкнот. Они так и не догадались, как я это делал...

— А как ты это делал?

— Мы говорим о компьютерах.

— Ну давай отклонимся от темы на этот раз, я прошу тебя. Обещаю использовать этот прием во благо. И может быть, если ты позволишь, даже оставлю им одну из твоих карточек.

— А что, это превосходная идея! Сбить с толку нынешнее молодое поколение полицейских, как я ловко проделывал это с их предшественниками. Я опишу тебе, что произошло, и может быть, ты сам догадаешься, как это было сделано. На центральном монетном дворе, хорошо охраняемом древнем здании с каменными стенами двухметровой толщины, расположены гигантские сейфы, набитые миллиардами долларов. Когда нужно отправлять наличную массу, охрана и официальные лица наполняют специальную коробку, которую потом закрывают и опечатывают под присмотром всех присутствующих. Снаружи здания ожидает конвой полицейских, сопровождающих одну-единственную бронированную машину. По определенному сигналу машина подкатывает задом к обитой броней двери подающего отсека. Внутри здания открывается внутренняя стальная дверь, и коробка помещается в бронированную камеру. Дверь опечатывается до того, как может быть открыта внешняя. Затем коробка совершает путешествие в бронированной машине к специальному поезду, который имеет бронированный вагон. Он имеет только одну дверь, которая запирается, опечатывается и обматывается колючей проволо-

кой с сигнализацией. Его постоянно сопровождает охрана, и таким образом доставляется в город, который нуждается в наличности, огромная масса долларов. Там их ждет другая бронированная машина, коробка перемещается в нее — все еще опечатанная — и доставляется в банк. Там ее вскрывают — и обнаруживают, что в ней содержится только лишь моя визитная карточка.

— Потрясающе!

— Желаешь объяснить, как это было сделано?

— Ты был одним из охранников в поезде...

— Нет.

— Или вел бронированную машину...

— Нет.

Я ломал над этим голову целый час, потом наконец сдался, и он мне все объяснил.

— Все твои предположения заслуживают внимания, но все они опасны. Ты более физически развит, чем я когда бы то ни было. Но я в своих операциях предпочитал мозги мускулам. А причина в том, что я никогда и не вскрывал коробку, чтобы вытащить оттуда деньги, она была пуста еще тогда, когда покидала здание. Или лучше сказать, она была наполнена для веса кирпичами вместе с моей карточкой. Теперь ты сможешь догадаться, как все это произошло?

— Никогда не покидали здание,— пробормотал я, пытаясь заставить мозги работать.— Но ведь коробка была погружена в машину, и в ней что-то было...

— Ты забываешь еще кое о чем.

Я щелкнул пальцами и подпрыгнул.

— Стена, конечно, это должна была быть стена. Ты дал мне все ключи к разгадке, это я оказался таким тупым. Старая, каменная, двухметровой толщины!

— Точно так. Мне понадобилось четыре месяца, чтобы пробить ее. Я истратил на нее трех роботов, но в конце концов я победил. Для начала я приобрел здание напротив монетного двора через дорогу, и мы пробили тоннель под ней. Киркой и лопатой. Очень медленно, очень тихо. Через фундамент здания и стену. Которая, как оказалось, была двойной, и, как водится, между внешней и внутренней оболочкой имелось пространство, заполненное булыжниками и щебенкой. Никто не услышал, как мы открыли стенку подвала, соединявшего внутренний двор здания с внешним, при помощи алмазной пилы. Механизм, который я вмонтировал там, мог поменять коробки за 0,5 секунды. Когда внутренняя дверь закрывалась, немедленно приводился в действие блокирующий затвор, и внешняя дверь не могла быть открыта в это время. Это длилось примерно три секунды, и этого было для меня достаточно. Я включал свой механизм и заменял коробки. Они никак не могли выяснить, как я это делаю. Механизм все еще там. Но вся операция проводится теперь по-другому, да и они перерыли там все вокруг. Компьютерное пиратство — это совсем другое

дело. По существу, это просто интеллектуальное упражнение для мозгов.

— Но разве компьютерное пиратство еще возможно в наше время? Со всеми этими шифрами, паролями и блокирующими устройствами.

— Что может быть зашифровано и заблокировано человеком, человеком же может быть и расшифровано, и разблокировано. Не оставляя никаких следов. Приведу несколько примеров. Начнем с проказы под названием округление цифр. Смотри, как это делается. Допустим, у тебя в банке имеется восемь тысяч долларов с заранее оговоренным годовым процентом. Допустим, он равен восьми. Твой банк увеличивает твой счет еженедельно, чтобы ты получал от этого выгоду. Это значит, что в конце первой недели банк умножает твой баланс на 0,0015384 процента и прибавляет эту сумму к твоему счету. Он увеличивается на 12,30 долларов. Правильно? Проверь по своему калькулятору.

Я подсчитал сумму по калькулятору и пришел к тому же самому ответу.

— Точно двенадцать долларов и тридцать центов прибыли.

— Не точно,— возразил он.— Прибыль составит 12,3072 доллара, не так ли?

— Ну да, конечно, но ты ведь не можешь прибавить семьдесят две тысячных цента к чьему-нибудь счету, правда?

— Не так все просто. Во всех финансовых расчетах производятся округления до сотых единиц. У банка в этом случае имеется два варианта поведения. Он может округлять все цифры после 0,005 до одной сотой, а те, что меньше 0,0049, до нуля. В конце рабочего дня округления в ту и в другую сторону сравняются, и банк не окажется внакладе. Или, и это общепринятая практика, банк может просто не принимать во внимание все десятичные знаки кроме первых двух, таким образом имея хоть и небольшую, но постоянную прибыль. Небольшую по банковским масштабам, но очень солидную, как посчитал бы любой простой гражданин. Если банковский компьютер настроить так, чтобы он переводил все эти отброшенные единицы на специальный счет, то почему бы не сделать так, чтобы к концу дня компьютер выдал только текущие счета банка и его клиентов. Никто не пострадает, и все будут довольны.

Я яростно давил клавиши калькулятора, затем довольно рассмеялся, глядя на полученные результаты.

— Точно так. Все довольны — включая держателя этого счета, который составляют теперь все эти тысячные и десятитысячные, отброшенные за ненадобностью доли долларов. Даже если из десятитысячных счетов вычесть половину одной тысячной доли, прибыль банка составит пятьдесят долларов в день!

— Точно. Но большой банк будет иметь выгоду в сотни раз большую, чем твой результат. Эта доля составит, насколько я знаю по собственному опыту, еженедельный доход в пять тысяч долларов.

— И это, это и есть самая простенькая и самая маленькая твоя компьютерная шуточка? — спросил я притихшим голосом.

— Она и есть. Когда корпорации начинают объединять компьютеры в одну сеть, цифры становятся просто неправдоподобными. Очень приятно работать на высоком уровне. Потому что, если ты аккуратен и не оставляешь следов, корпорации даже не подозревают, что их надувают! Они и не хотят ничего знать об этом, и не поверят в это, даже если столкнутся с таким фактом лицом к лицу. Очень непросто выявить компьютерного пирата и признать его виновным. Это отличное хобби для такого пожилого и солидного гражданина, как я. Оно сохраняет мою деловую активность и пополняет мои богатства. И я ни разу не был пойман. Ах, да, кроме одного раза...

Он тяжело вздохнул, и в его вздохе послышалась обида.

— Это моя вина! — крикнул я.— Если бы я не пытался найти тебя, тогда ты бы никогда не навлек на себя федеральных ищеек.

— Нет, Джим, не чувствуй за собой вины. Я недооценил их систему контроля, более строгую, чем те, с которыми я имел дело раньше. Это была моя ошибка — и мне пришлось за нее заплатить. Я и до сих пор расплачиваюсь. Не хочу сказать ничего плохого о надежности нашего нынешнего убежища, но эта упакованная еда начинает слегка раздражать. Или ты этого не замечаешь?

— Мое поколение считает это хлебом насущным.

— Разумеется. Об этом я не подумал. Как лошадь никогда не устает от сена, или свинобраз будет жадно набрасываться на свое пойло до скончания веков.

— Или ты, должно быть, до конца дней будешь с жадностью впиваться в омара и залпом выпивать бокал шампанского.

— Тонко и правильно подмечено, мой мальчик. Как долго ты предполагаешь здесь оставаться? — спросил он, отодвигая прочь полпорции зачерствевших пышек.

— Я бы сказал, что не меньше двух недель,— по его телу пробежала дрожь.

— У меня будет хорошая возможность похудеть.

— За это время горячка погони немного поостынет. Но нам все же придется избегать общественного транспорта, хотя бы некоторое время. Однако я приготовил путь отступления, который очень скоро надежно укроет нас от преследования.

— Осмелюсь спросить — что это будет?

— Лодка, или лучше сказать небольшой катер на Стикс Ривер. Я купил его не так давно от имени компании, он находится в заливе неподалеку от Билльвилля.

— Отлично! — он радостно потер руки.— Конец лета, южный круиз, жаренная на костре форель по вечерам, охлажденное в ручье вино, бифштекс в ресторанчиках на берегу.

— И изменение моего пола.

Он удивленно заморгал, но вздохнул с облегчением, когда я объяснил.

— Я надену девичье платье, когда мы взойдем на палубу и нас

можно будет видеть с берега. По крайней мере до тех пор, пока мы не отплывем подальше отсюда.

— Грандиозно. Я немного сброшу вес — здесь не будет больших трудностей с диетой. Отпущу усы, затем бороду, покрашу волосы снова в черный цвет. Это уже кое-что. Так, может, лучше мы останемся здесь еще на месяц, а не на две недели? Я могу продлить свое заключение в этом гастрономическом гетто до тех пор, пока смогу не есть. Фигура моя будет приведена в порядок за эти дополнительные недели, а волосы и борода станут длиннее.

— Можем и остаться, если ты выдержишь.

— Тогда решено. И мы можем полностью посвятить свое время продолжению твоего образования.

Я был слишком поглощен нашими занятиями, чтобы обращать внимание на постоянное присутствие аромата жареных бургеров из свинобраза. Кроме всего прочего, я все еще мог их есть. По мере того как продвигалось мое постижение всевозможных способов обхождения закона в нашем обществе, фигура Слона с таким же успехом понемногу таяла. Мне хотелось покинуть это заведение раньше, но Слон, приняв однажды решение, был непоколебим.

— Раз план утвержден, ему нужно следовать буквально. Его следует изменять, только если меняются внешние обстоятельства. Человек — существо нерациональное, и нужно время и тренировка, чтобы он стал другим. А причины для изменения операции всегда найдутся.— Он вздрогнул от внезапно загромыхавших на большой скорости машин; закончились школьные занятия. Затем перевернул еще один листок своего календаря.— Тщательно спланированная операция обязательно сработает. А будешь вмешиваться в процесс — и все разрушишь. Наш план очень хорош. И мы будем его придерживаться.

Он выглядел намного стройней и крепче, когда настал день нашего исхода. Он прошел горнило гастрономического изобилия и закалился в нем. А я прибавил в весе. Мы выработали план действий, сложили свои немногочисленные пожитки, вычистили все доллары из сейфа — а также уничтожили все следы нашего здесь пребывания. И в конце концов нам оставалось только сидеть и молчаливо поглядывать на наши часы. Когда зазвенел будильник, возвещая о том, что кто-то вставил ключ в замок входной двери, мы были уже на ногах, радостно улыбаясь друг другу. Я отключил будильник, а Слон отворил дверь морозильника. Как только во входной двери повернулся ключ, мы закрыли за собой нашу дверь. Стоя и дрожа от холода в мавзолее Максвиниз, мы прислушивались к шагам механика, входящего в комнату, которую мы только что покинули.

— Слышал? — спросил я.— Он проверяет подачу льда в раздатчике вишневого сиропа. Вот смехота.

— Я бы предпочел не обсуждать содержимое этой ужасной галереи для гурманов. Не пора ли нам идти?

— Пора,— я легко отворил входную дверь и прищурился на

яркий солнечный свет, так давно не виденный нами. Теперь дверь служебного фургона, пока на улице никого нет.

— Сюда.

Воздух был свеж и приятен, и наполнен чудесным ароматом. Хотя он пропитался насквозь запахом кухни, я все же уловил это. Я заклинил входную дверь, ведущую в нашу комнату кулинарных ужасов, чтобы задержать немного механика, если он решит покинуть помещение раньше положенного времени. Нам и нужно-то было каких-нибудь пятнадцать минут. Слон набил руку с моей отмычкой и широко распахнул дверцу фургона передо мной, когда я подошел к нему. Он нырнул в кузов, а я неторопливо завел мотор. Все было очень просто. Я высадил его недалеко от залива, где он сидел на скамеечке, греясь на солнышке и приглядывая за нашими пожитками. Теперь не было ничего проще, чем припарковать угнанный фургон где-нибудь рядом с винным магазином. Когда же я ровным шагом, не бегом, вернулся на берег, я махнул рукой в сторону реки.

— Белая лодка, вон та,— второй рукой я дотронулся до усов, проверяя, на месте ли они.— Причал полностью автоматизирован. Я пойду заберу лодку и пригоню ее сюда.

— Начинается наш водный круиз,— сказал он, и в его глазах засверкали веселые искорки.

Я оставил его на солнцепеке и направился к причалу, чтобы предъявить роботу документы на лодку.

— Доброе утро,— пропел он приятным голоском.— Вы хотите забрать пассажирский катер «Джентльмены удачи». Батареи в нем заменены, с вас двенадцать долларов. Продукты загружены...

Он продолжал в том же духе, произнося вслух все расходы и издержки, о которых можно было прочитать на экране — наверное, для тех, кто не умел читать,— и я ничего не мог с этим поделать. Я переминался с ноги на ногу, пока он наконец не закончил, и я не смог опустить необходимое количество монет. В машине что-то булькнуло, и она проглотила их, выдав мне квитанцию. Неспешно я подошел к лодке, предъявил квитанцию и подождал, пока не щелкнет замок цепи, приглашая меня войти. Секунды спустя я уже выруливал на середину реки, направляя лодку к одинокой фигуре на берегу. Точнее, больше не одинокой. Рядом с ним сидела девушка. Я сделал круг, за ним другой. Она не уходила. Слон сидел, сутуло сгорбившись, и не подавал мне никакого знака, что делать. Я сделал еще один круг, но появление патрульной полицейской машины заставило меня грести к берегу. Девушка встала и замахала мне рукой, затем окликнула меня.

— Малыш Джимми ди Гриз, если я не ошибаюсь. Какой приятный сюрприз!

Слишком часто в последнее время в моей жизни стали появляться такие моменты. Причалив к берегу, я взглянул на девушку поближе. Она знала меня, я тоже, должно быть, знал ее; сногсши-

бательная красавица, само совершенство. Эти алые губы — она! — предмет моих необузданных желаний.

— Это ты, Бет? Бет Нэрэтин?

— Как приятно, что ты меня узнал!

Я спрыгнул на берег со швартовами наготове, но она вырвала их у меня из рук и сама обвязала вокруг тумбы. Через плечо я заметил полицейский катер, быстро проплывающий мимо нас. Затем бросил взгляд на Слона, который просто поднял глаза к небу, когда она заговорила.

— Я сказала себе, Бет, не может быть, чтобы это был Джимми ди Гриз с маленькими прелестными усиками, выпрыгивающий из этого старого фургона Максвиниз. Тот Джимми, которым были полны все информационные выпуски последнего времени. А если это он, то почему бы не последовать за ним, ради наших старых добрых школьных лет. Когда же я увидела, что ты разговариваешь с этим милым джентльменом, я решила подождать тебя здесь, когда ты вернешься с лодкой. Собираетесь в путешествие?

— Нет, не в путешествие, просто однодневная прогулка вверх по реке и обратно. Было бы приятно увидеться с тобой еще раз.

Было бы совсем неплохо. Увидеться с ней, я имею в виду. Предмет моих детских мечтаний. Она покинула школу вскоре после того, как я туда поступил. Но ее было трудно забыть. На четыре года старше меня, совсем зрелая женщина. Сейчас ей около двадцати одного. Она всегда была заводилой в классе, победительница конкурса красоты — Королева Года. И по праву. Сейчас, повзрослев, она стала еще сногсшибательней. Ее голос пробивался через мои воспоминания.

— Не думаю, что ты был со мной откровенен, Джимми. Потому что, глядя на все эти сумки и вещи, я могу поспорить, что вы отправляетесь надолго. На вашем месте я предпочла бы длинный и долгий круиз. Это неплохая идея.

Произнесла ли она последние слова с каким-то другим выражением? Что ей было нужно? Мы не могли здесь больше задерживаться. Ее намерения стали понятны, когда она прыгнула в лодку.

— Всегда найдется место для еще одного человека! — весело выкрикнула она и прошла на сиденье на корме. Я подхватил наши пожитки и прошептал Слону на ухо:

— Она знает меня. Что нам делать?

Он вздохнул в ответ.

— Что мы можем сделать? Я могу сказать только то, что мы теперь имеем пассажира. Предлагаю отложить решение этого вопроса до того, как отплывем. Все равно у нас нет выбора.

И он был прав. Я передал ему наши вещи и принялся развязывать морской узел, который она завязала на веревке. Подтолкнув «Джентльменов удачи» ногой и прыгнув в лодку, я взялся за руль. Слон отнес поклажу вниз, а я включил двигатель и направил лодку вниз по реке. Прочь от Билльвилля, Максвиниз и полиции. Но не от Бет. Она растянулась на палубе передо мной, подогнув юб-

ку, так что я мог любоваться ее великолепными длинными ногами. Что я и делал. Она обернулась и улыбнулась мне, ясно прочитав мои мысли. Я совсем забыл, что хотел переодеться в женское платье — представляю, сколько насмешек бы это вызвало теперь. Я начинал сердиться.

— Ну ладно, Бет, давай-ка разберемся с тобой,— сказал я, с трудом переводя взгляд на чистые воды реки.

— Смотря что ты имеешь в виду.

— Не придуривайся. Ты смотрела новости, сама говорила. Так что ты все обо мне знаешь.

— Конечно, знаю. Знаю, что ты грабишь банки и что ты сбежал из тюрьмы. Это меня ничуть не смущает. У меня у самой неприятности подобного рода. Поэтому, когда я увидела тебя, а затем и эту лодку, я поняла, что у тебя водятся кое-какие деньги. А может, даже много денег. Было бы грешно упустить возможность попутешествовать с тобой. Как ты считаешь?

— Нет,— я старался думать о полиции, а не о ногах. Вот наказание.— У меня и в самом деле есть немного денег. Если я дам тебе сколько-нибудь, высажу тебя на берег...

— Деньги — да, на берег — нет. Я распрощаюсь с НИМ и с Билльвиллем. Теперь я собираюсь посмотреть мир. А ты оплатишь мою дорогу.

Она уютно устроилась на подушке, закинув руки за голову, и улыбалась, наслаждаясь теплыми солнечными лучами. Я мрачно смотрел вперед и думал о трех-четырех ударах, которые сломали бы ее нежную шею... Это не просто шутка. Эту проблему надо было как-то решать, причем без излишней грубости. Мотор гудел, мы продвигались вперед, разрезая носом речную гладь и оставляя позади себя белую пену, и любимый нами Билльвилль, вперед, к открывающимся за поворотом зеленым полям. Слон поднялся на палубу и сел рядом со мной. В ее присутствии мы мало о чем могли поговорить. Мы продолжали свой путь в полном молчании еще около часа, пока впереди не показалась пристань, а на ней небольшой универсам. Бет зашевелилась и села, проводя рукой по великолепным белокурым волосам.

— Знаете что — я проголодалась. Могу поспорить, что вы тоже. Почему бы нам не причалить к берегу вот в этом месте? Я бы сбегала в магазин за едой и пивом. Как вам моя идея?

— Великолепно! — согласился я. Она бежит в магазин, а мы включаем полный вперед и ту-ту.

— Меня ободрали, как липку — улыбнулась она.— Не оставили и гроша за душой. Если вы дадите мне немного денег, я смогу купить ланч. Думаю, тысячи будет достаточно.

Она произнесла это все с той же очаровательной невинной улыбкой, и мне вдруг стало интересно знать, в какие именно передряги она могла попасть. Вымогательство и шантаж — не иначе; было видно, что она на этом уже собаку съела. Я полез в кошелек.

— Вот и прекрасно,— сказала она, пересчитывая пачку денег с сияющими глазами.— Я недолго. И я ЗНАЮ, что вы будете

здесь, Джимми, вместе со своим другом. Не могла ли я его видеть в тех же информационных выпусках?

Я сердито смотрел вслед восхитительным движениям ее задницы, когда она мерной рысью направлялась к магазину.

— Ловко она прижала наши шкуры к стене,— мрачно произнес Слон.

— Пригвоздила, ободрала, исполосовала. Что будем делать?

— Только то, что она только что сказала. Кроме как убить ее, у нас нет другого выхода. Но я не сторонник убийства.

— Да и я тоже. Хотя первый раз в жизни я чуть не поддался искушению.

— Что ты о ней знаешь?

— Ничего — последний раз я видел ее в школе. Она сказала, что попала в какую-то неприятную историю, но я понятия не имею, что бы это могло значить.

Он задумчиво кивнул.

— Когда мы от нее избавимся, я справлюсь по своему терминалу. Если ее имя встречается в полицейских докладах, я сам вырою ей могилу.

— Какая нам от этого будет польза?

— Вот уж не знаю, мой мальчик. Нужно что-то делать. По крайней мере мы должны попытаться наилучшим образом выйти из ситуации. Мы так здорово избавились от ужасов свиного заточения и надежно укрылись от наших преследователей. Пока это создание получает от нас деньги, мы в безопасности. До какого-то момента. И ты не можешь не признать, что она дело знает туго.

Я не знал, что ответить на его слова, оставалось только хмуро сидеть и ждать, когда вернется наш непрошеный пассажир.

После ланча мы продолжили наш вояж вниз по реке. Утомившись от принятия утренних солнечных ванн, Бет спустилась в каюту вздремнуть. Слон захотел сменить меня у руля, и я показал ему простую систему контроля и разъяснил кое-какие навигационные знаки. Многого мы не могли сказать друг другу. Но мы о многом думали. В полдень объект наших болезненных раздумий резво проскакала по палубе.

— Какой милый уютный кораблик,— нахваливала она.— Прелестнейшая маленькая уборная, крохотная кухонька, и все остальное. Но только две кровати. Как же мы будем все вместе спать?

— По очереди,— прорычал я — ее голос стал мне уже надоедать.

— Ты всегда был таким грубияном, Джимми. Я думаю, будет лучше всего, если я буду спать внизу. А вы обойдетесь.

— Обойдемся, молодая леди, мы обойдемся? Чем человек такого преклонного возраста, как я, может обойтись на палубе, когда на землю спустится густой ночной туман? — гневу Слона не было предела, но, судя по ее веселой улыбке, он был ей до лампочки.

— Я уверена, что вы найдете выход из положения,— сказала

она.— А теперь, мне бы хотелось сделать небольшую остановку в следующем городке. Я так торопилась успеть на ваше судно, что забыла все свои вещи. Одежду, косметику, ну вы понимаете.

— Думаю, тебе не потребуется много денег, чтобы купить все это?—спросил я в шутку. Но она проигнорировала мой немощный юмор.

— Тыщонки хватит, надеюсь.

— Я иду вниз,— сказал Слон и не появлялся на палубе до тех пор, пока она не исчезла. Он принес два пива, и я с жадностью набросился на питье.

— Убийство исключается,— твердо произнес он.

— Убийство исключается,— согласился я.— Но это не значит, что мы не имеем права думать об этом. Так что же мы будем делать?

— Мы не можем просто сняться с якоря и уплыть. Она тут же поднимет на ноги полицию и получит вознаграждение. Мы должны это учитывать и соображать быстрее, чем она. Совершенно очевидно, что она отважилась на путешествие с нами, повинуясь внезапному импульсу. Учитывая ее жадность, необходимо продолжать давать ей деньги. Но рано или поздно она решит, что взяла с нас достаточно, и выдаст нас ради вознаграждения. У нас на борту есть такая вещица, как карта?

Его могучий ум славно потрудился, должен вам сказать. Я не стал задавать лишних вопросов и отыскал карту. Он стал водить по ней пальцем.

— Мы сейчас здесь, мне думается, да, вот в этом самом месте. А ниже по течению, вот тут, находится славный город Вэлс Хэлла. Когда мы там окажемся?

Я глянул на шкалу и замерил расстояние большим пальцем.

— Можем добраться дотуда к завтрашнему полудню, если пораньше тронемся.

Лицо его вдруг расплылось в такой широкой улыбке, что глаза превратились в узкие щелочки.

— Блестяще, просто блестяще! Это нам очень даже подойдет.

— К чему подойдет?

— К моим планам. Я пока придержу их при себе до выяснения кое-каких деталей, которые еще нужно хорошенько продумать. Когда она вернется, ты должен соглашаться со мной во всем, что бы я ни говорил. Это все, что ты должен делать. А теперь другой вопрос. Где мы будем спать ночью?

— На берегу реки,— сказал я, кивнув вниз.— Наша подруга вытянула из меня все деньги, что я взял с собой. Поэтому придется пополнить запасы из тайника. Затем я пойду на берег и куплю палатку, спальные мешки и остальные принадлежности для комфортабельной стоянки.

— Превосходно. А я пока выберу место для лагеря и подработаю свои планы до твоего возвращения.

Я купил также несколько бифштексов вместе с целой коллекцией сказочных вин. Нам нужно было что-то совершенно отличное от кухни Максвиниз. Когда солнце уже совсем склонилось

к горизонту, я привязал лодку к деревьям на берегу зеленой долины, там, где мы могли пристроить нашу палатку. Слон, чмокая губами над мясом, объявил, что будет сам готовить обед. Я отбил куски мяса и, пока Слон занимался обедом, а Бет занималась своими ногтями, разложил и приготовил постели. Солнце огромным апельсином горело на горизонте, когда мы с жадностью набросились на еду. Это было потрясающе. Никто не проронил ни слова, пока мы с ней не разделались. Когда исчез последний кусочек, Слон вздохнул, поднял свой стакан, отхлебнул вина и снова вздохнул.

— Хотя я готовил обед сам, должен вам сказать, что это был просто праздник.

— И он уничтожил наконец привкус свинобразьего мяса на губах,— согласился я.

— Мне не нравится вино. Гадость какая-то,— в темноте был виден только ее силуэт. Без привычного аккомпанемента ее совершенных телесных форм, ее голос, как и слова, которые она произносила, оставлял желать много лучшего. Тем не менее густой бас Слона, когда он снова заговорил, был лишен враждебности.

— Бет — ведь я могу называть тебя просто Бет, не так ли? Благодарю, Бет, завтра мы прибываем в город Вэлс Хэлла, где я должен буду сойти на берег и посетить мой банк. Наши фонды немного поредели. Тебе бы не хотелось, чтобы наши денежки вдруг кончились?

— Нет, не хотелось бы.

— Я так и думал. А тебе хотелось бы, чтобы я сходил в банк и принес тебе сто тысяч долларов мелкими купюрами?

Она чуть не задохнулась. Затем она нашарила выключатель, и над нашим тесным кружком вспыхнули импровизированные огни. Она сдвинула брови, глядя на Слона, и, кажется, в первый раз, потеряла невозмутимость.

— Ты что стараешься надуть меня, старина?

— Вовсе нет, девочка моя. Я просто плачу за нашу безопасность. Ты находишься в курсе определенных вещей, о которых, скажем так, лучше не рассуждать вслух. Я думаю, что эта сумма вполне приемлема для того, чтобы хранить молчание. Ты так не думаешь?

Она колебалась — затем вдруг разразилась смехом.

— Конечно, я тоже так считаю. Дай мне только взглянуть на цвет этих бумажек, и я подумаю, не разрешить ли вам продолжать свой путь без меня, бедной.

— Как скажешь, моя дорогая, как скажешь.

Он не сказал больше ни слова на эту тему. Вскоре после этого мы отправились на покой, так как для всех для нас день выдался чересчур хлопотный. Бет расположилась на лодке, а мы устроились в палатке. Когда я вернулся в нее после того, как подключил сирену, чтобы быть уверенным в том, что утром мы найдем лодку на месте, Слон уже вовсю храпел. Прежде чем я уснул сам, я вдруг понял, что бы ни замышлял Слон, он отвоевал у нее еще один

день свободы, пока она не додумалась настучать в полицию. Соблазн получить такую огромную сумму обеспечит нам ее молчание. До меня наконец дошло, что Слон несомненно так и планировал.

Спустя час после рассвета мы уже бороздили течение реки, несмотря на все протесты Бет. Она появилась позже, но гнев ее тут же растаял, когда Слон принялся описывать ей ту выгоду, которую она сможет извлекать из вложенной в банк суммы, не растрачивая попусту капитал, а тратя лишь небольшие деньги на текущие покупки, и заворожил ее, словно удав кролика. Я не имел никакого понятия о его дальнейших планах, но мне безумно нравилось каждое мгновение его хитрой игры.

К полудню я отдал швартовы на причале Вэлс Хэлла. Центр города располагался неподалеку, и Слон, причесав бороду и подкрутив усы, выглядел необычайно аккуратно и по-деловому.

— Это не займет много времени,— сказал он, уходя. Бет глядела ему вслед, заранее радуясь своему счастью.

— Это действительно тот, которого они называют «Слон»,— сказала она, когда он ушел.

— С чего ты это взяла?

— Только не надо мне заливать. Я видела кадры по 3V каналу, о том, как кто-то вызволил его из заключения. Невысокий парень с усиками. Должно быть, это был ты.

— В мире сколько угодно парней с усами.

— Никогда бы не подумала в школе, что ты кончишь этим.

— Могу то же самое сказать и о тебе. Тогда я восхищался тобой издалека.

— Так делали все достигшие половой зрелости мальчишки в нашей школе. Не думай, что я не знала об этом. Мы посмеивались над вами, я вместе с нашим учителем и другими...

Она замолчала и сердито посмотрела на меня, а я разулыбался и пошел вниз мыть посуду, которую она так добросовестно игнорировала. Я почти покончил с этим занятием, когда с берега кто-то прокричал.

— На судне! Разрешите подняться на борт?

На причале стоял Слон, сияя во всем своем великолепии. Его новый костюм, должно быть, стоил скромного состояния. А чемодан, который он держал, должно быть, был изготовлен из натуральной кожи какого-то животного, с которой прекрасно гармонировала золотая отделка. Глаза Бет превратились в два блюдца. Слон взобрался на борт и заговорщически подмигнул нам.

— Лучше пойти вниз, где я мог бы показать вам, что в этом чемодане. Это не для посторонних глаз.

Бет шла впереди, а он прижимал чемодан к груди, пока я не закрыл и не запер дверь. Затем он смахнул бумаги со стола, положил на середину чемодан и, с томительной аккуратностью, расстегнул и открыл его. Даже я был потрясен. Там было намного больше, чем сотня тысяч. Бет смотрела во все глаза. Затем протянула руку и распаковала пачку тысячедолларовых купюр.

— Настоящие? Они настоящие? — спросила она.

— С гарантией монетного двора. Я сам проследил за этим, — пока она сконцентрировала все свое внимание на деньгах, он повернулся ко мне. — А теперь, Джим, не окажешь ли ты мне небольшую услугу? Ты не мог бы найти какую-нибудь веревку или шпагат, я уверен, что ты сам сообразишь что лучше сгодится. Мне бы также хотелось, чтобы была полнейшая тишина, когда ты свяжешь эту девчонку так, чтобы она не могла пошевельнуться.

Я, конечно, ждал какого-нибудь подвоха с его стороны. Но только не этого. Она уж было собиралась открыть рот в громком вопле, но я дотянулся до ее прелестной шейки и с силой надавил сразу за ушами.

С какой-то первобытной радостью я разорвал одно из одеял на длинные полоски и связал ими ее нежные запястья и элегантные лодыжки. Я едва успел завязать ей рот, как она пришла в себя и попыталась вскрикнуть. Но вместо громкого вопля послышалось приглушенное хныкание.

— Она может дышать нормально? — спросил Слон.

— Она прекрасно дышит. Только взгляни, как свирепо сверкают ее глаза и сердито вздымается ее великолепная грудь. Она просто замечательно дышит через ноздри. А теперь — не объяснишь ли ты мне, что все это значит?

— На палубе, если ты так этого хочешь.

Он подождал, пока дверь за нами плотно закроется, и заговорил, потирая руки от радости.

— Наши мучения окончены, мой мальчик. Я понял это, как только взглянул на карту. Мой выбор пал на этот прекрасный город по двум причинам. Во-первых, здесь находится отделение Галактического Кредитного Банка, чем я не преминул воспользоваться — и довольно успешно, как ты уже видел. И второй очень полезный для нас факт — в этом городе есть космодром.

Несколько секунд я ломал голову над его словами, пока до моих тугоумных мозгов не дошел наконец их смысл. От изумления я широко открыл рот и не мог произнести ни слова.

— Ты хотел сказать, что нам... мы... мы покидаем планету?

Он кивнул и усмехнулся.

— Точно так. В этом маленьком мире для нас настало, скажем так, горячее время. Оно станет еще жарче, когда наша подруга будет освобождена. Но к этому моменту, мы стряхнем пыль Бит О'Хэвен с наших сапог и будем отсюда на расстоянии многих световых лет. Ты как-то говорил мне, что хотел бы попутешествовать?

— Я говорил, конечно, но разве не существует никакого контроля, досмотра, полиции и прочего?

— Существует. Но таможенные и иммиграционные службы можно обойти, если знать, как это сделать. Я знаю. И прежде чем сделать подобный шаг, я проверил, какие корабли находятся сейчас в порту. Прости, что не имел возможности предупредить тебя — но я был уверен, что твои изумительные рефлексы легко от-

реагируют на данное предложение. Покидая вас, я и не предполагал, что именно этот день будет началом нашей операции. Я собирался лишь добыть денег, чтобы избавиться от этой девчонки. Одновременно следя за движением кораблей. Но судьба благоволит нам. В порту загружается грузовой космический корабль с Вении — он отправляется рано утром. Замечательно, не правда ли?

— Думаю, да. Но я чувствовал бы себя более уверенно, если бы знал, почему именно Вения.

— Джим, в твоем образовании имеются огорчительные пробелы. Я думал, что каждому школьнику известно, насколько продажны венийцы. Они приносят постоянные хлопоты и огорчения Галактической Лиге. Девиз Вении — La regioj ĉiam ŝansiliĝas. Что переводится примерно так: «Твердых правил не бывает». То есть, можно сказать, что на все случаи жизни существуют свои законы, но взятка может внести в них свои поправки. Я бы не сказал, что это планета уголовников, лучше будет назвать их ловкачами.

— Здорово сказано,— признал я.— Итак, что ты уже организовал?

— Пока ничего. Но мне думается, что такая возможность мне представится, как только мы прибудем в порт.

— Да, конечно,— безо всякого восторга ответил я. Было видно, что это сплошная импровизация, и весь план шит белыми нитками. Но выбора у меня не было.— А что с девчонкой?

— Мы оставим полиции записку на электронной почте, которую они получат, когда нас здесь уже не будет. И укажем в ней то место, где они могут ее найти.

— Только не здесь — слишком людно. Ниже по течению есть автоматизированная пристань. Я мог бы пришвартоваться у одного из отдаленных причалов.

— Замечательное решение. Если ты объяснишь мне, как ее найти, я поспешу на космодром, чтобы подготовить там кое-что. Давай встретимся там в 23.00?

— Договорились.

Я наблюдал, как его величественная фигура исчезает в нарастающей темноте, затем завел мотор и медленно вырулил в сторону канала. Когда я добрался до пристани, уже стемнело. Но она была ярко освещена, и канал был прекрасно виден. Большинство лодок было пришвартовано близко к берегу, что было очень даже неплохо. Я выбрал самое дальнее место для причала. Спустившись вниз и включив свет, я наткнулся на свирепый взгляд прекрасных глаз. Я запер дверь за собой и сел на койку напротив Бет.

— Я хочу поговорить с тобой. Если я сниму повязку, обещаешь не кричать? Мы находимся довольно далеко от города, и тебя все равно никто не услышит. Ну как?

Она нехотя кивнула, все еще глядя на меня с нескрываемой ненавистью. Я снял повязку — и отдернул пальцы как раз вовремя, ее чудесные зубки щелкнули совсем рядом.

— Я могла бы убить тебя, растерзать тебя, зарезать, как последнюю скотину...

— Достаточно,— сказал я.— Я тот человек, который может все это сделать, а вовсе не ты. Поэтому лучше помолчи.

Она замолчала. Вероятно, до нее таки дошло, в каком положении она находится; теперь в ее глазах было больше страха, чем злобы. Мне не хотелось нагонять ужас на беззащитную девушку — но она сама напросилась на подобные разговоры. Она приготовилась слушать.

— Тебе, наверное, неудобно так лежать. Поэтому успокойся и не дергайся, а я тебя развяжу.

Она подождала, пока я освобожу ей руки, и чуть было не вонзила свои ногти мне в лицо, когда я развязывал ей лодыжки. Я ждал этого, поэтому все закончилось тем, что она вновь отлетела на свою койку, потеряв на несколько мгновений сознание.

— Веди себя здраво,— сказал я ей.— А то я быстренько свяжу тебя и всуну кляп в рот. И, пожалуйста, не забывай, что ты сама напросилась к нам.

— Ты уголовник, вор. Подожди, вот доберется до тебя полиция...

— А ты шантажистка. Может, перестанем обзывать друг друга и дурачиться? А теперь слушай, что будет дальше. Мы оставляем тебя на этой лодке, а когда мы окажемся далеко отсюда, полиции будет доложено, где тебя найти. Уверен, что ты им расскажешь сногсшибательную историю. Но здесь останавливаются пассажирские экспрессы, да и много скоростных магистралей. Так что ты никогда не увидишь нас больше, так же как и полиция.— Немного приврать и пустить по ложному следу никогда не повредит.

— Я хочу пить.

— Сейчас принесу чего-нибудь.

Разумеется, она тут же рванула к двери, когда я повернулся к ней спиной, и снова нацелилась мне в глаза, когда я оттолкнул ее. Я мог понять ее чувства — мне было ее даже жаль. После этого время тянулось очень медленно. Она не говорила ничего, что бы мне хотелось услышать — как, впрочем и наоборот. Так проходил час за часом, пока лодка не качнулась, когда кто-то ступил на борт. Я кинулся к ее койке, но она все же успела громко вскрикнуть, прежде чем я заставил ее замолчать. Ручка двери повернулась и шумно захлопала.

— Кто там? — окликнул я, нагнувшись и приготовившись к нападению.

— Свои, можешь мне поверить,— ответил знакомый голос. Я отпер и открыл дверь с величайшим облегчением.

— Она может меня услышать? — спросил он, глядя на лежащее на койке бесчувственное тело.

— Вполне. Дай-ка я свяжу ее для большей надежности, и тогда пройдем на палубу.

Он вышел первым, и, когда я закрывал за собой дверь, внезап-

ная вспышка света осветила ночное небо и превратилась в огромную горящую дугу, устремленную в самую высь.

— Хорошая примета,— сказал Слон.— Настоящий космический корабль. Все готово. Дорога каждая минута, поэтому я предлагаю сейчас же хватать наши пожитки и отправляться в путь.

— На чем?

— На арендованном вездеходе.

— Можно будет проследить за его движением?

— Надеюсь, что да. Пункт проката расположен на железнодорожной станции. Я купил билеты на пассажирский экспресс, для нас двоих, думаю, ты счастлив это слышать.

— Я говорил об экспрессах нашей подруге, которая сидит взаперти.

— Два великих ума работают, как один. Думаю, мне удастся выронить билеты так, чтобы она смогла их рассмотреть, пока мы собираемся.

Мы поспешно вошли внутрь и так же быстро вышли — и я понастоящему восхитился тем, как искусно сумел выронить Слон легко узнаваемые голубые билеты на экспресс. Они упали на одеяло из его кармана, в то время как его руки были заняты чем-то другим. Мастерски! Закрывая дверь, я не мог удержаться от соблазна послать Бет воздушный поцелуй. И получил в ответ ее сердитый взгляд и глухое рычание, которое я, конечно же, заслужил. Тем не менее, у нее оставалось еще несколько тысяч наших долларов, поэтому ей нечего было жаловаться.

Вернув вездеход и дождавшись, когда мы останемся одни на станции, мы продолжили свой путь к космодрому. До сих пор все проходило в ужасной спешке, и, только тогда, когда впереди замаячил ярко освещенный борт настоящего космического корабля, до меня наконец дошло, что же я собираюсь сделать. Я собираюсь лететь в космос! Одно дело смотреть по телевизору космические оперы — и совсем другое, отважиться полететь туда. Я почувствовал, как по моему телу побежали мурашки. Новая жизнь обещала быть очень интересной!

— За перегородку,— приказал Слон.— Наш человек уже там.

Худой высокий человек в промасленных космических одеждах собирался выходить, но вернулся назад в кабину, когда увидел Слона.

— Vi estas malfrua! — сердито проворчал он.

— Vere — sed me havas la monon,— ответил Слон, и в его руке мелькнула огромная пачка долларов, которая тут же успокоила его собеседника. Деньги перекочевали к нему и, после непродолжительных переговоров, за первой пачкой последовала вторая. Утолив жадность, космонавт провел нас в служебный фургончик, и мы взобрались наверх. Дверца захлопнулась, и мы погрузились в полнейшую темноту. Вот это приключение! Невидимые летательные аппараты проносились мимо нас, затем послышались незнакомые звуки каких-то странных ударов, за которыми последовало громкое шипение гигантской змеи. Мы тут же остановились,

наш проводник вышел и открыл заднюю дверцу. Я выпрыгнул первым и оказался стоящим у подножья трапа, ведущего внутрь чего-то, что могло быть только помятым фюзеляжем огромного космического корабля. Рядом с трапом стоял вооруженный часовой и во все глаза смотрел на меня. Все кончено, приключение завершилось, едва успев начаться. Что я мог сделать? Бежать, нет — я не мог оставить Слона. Он шагнул из-за моей спины и осторожно направился к часовому, пока я перебирал в голове различные варианты. И протянул ему еще одну пачку денег. Часовой все еще пересчитывал бумажки, а мы уже торопливо поднимались по трапу за нашим провожатым, стараясь не растерять по пути свои пожитки.

— Eniru, rapide! — приказал космонавт, открывая дверь каюты. Мы протиснулись внутрь и очутились в полной темноте, дверь за нами закрылась и защелкнулась на замок.

— Надежное прибежище! — Слон вздохнул с облегчением, шаря по стене рукой и отыскав в конце концов выключатель. Зажегся свет. Мы стояли в крошечной тесной каюте. В ней было две узкие кровати и совсем малюсенькая ванная комната позади. Мрачная картина. Слон благожелательно улыбался, оглядываясь вокруг.

— Нам придется остаться здесь дня на два. Поэтому давай спрячем подальше наши вещички и не будем высовываться. Иначе капитан пригрозит вернуть нас домой, и цена взятки возрастет во много раз. Я уверен, что мы сможем этого избежать.

— А я не уверен, что понимаю в этом хоть что-нибудь. Разве ты еще не отдал взятку?

— Это только первоначальные взносы. Взяткой невозможно поделиться, это твой первый урок. Космонавт получил свое за то, что незаметно провел нас на корабль и устроил так, чтобы у трапа нас встретил милый часовой, который пропустил бы нас за определенную плату. Теперь это в прошлом. Наше присутствие на корабле неизвестно офицерам — и в особенности капитану, для которого потребуется очень солидное вознаграждение. Посмотрим.

— Да, хотелось бы посмотреть. Взяточничество — и в самом деле точная наука.

— Так и есть.

— Как хорошо, что ты можешь говорить на их языке.

Его брови удивленно выгнулись, и он наклонился ближе ко мне.

— Ты нас не понимал? — спросил он.

— Я не изучал иностранные языки в школе.

— Иностранные! — он казался шокированным.— Из какой же глуши этой свинобразьей планеты ты должен был появиться? Это не иностранный язык, дорогой мой мальчик. Это эсперанто, межгалактический язык, простой и ясный, каждый начинает изучать его с самого раннего возраста и разговаривает на нем не хуже, чем на родном. В твоем образовании большие пробелы, но это очень просто исправить. Еще до нашего следующего приземления

ты сможешь разговаривать на нем. А для начала, все глаголы в настоящем времени и во всех лицах имеют окончание as. Сама простота...

Он замолчал, услышав, как кто-то пытается отворить дверь нашей каюты. Он прикоснулся пальцем к губам и показал на ванную комнату. Я нырнул туда и зажег свет в тот самый момент, когда Слон выключал его в каюте. Он поспешно прошмыгнул в ванную и пристроился рядом со мной. Я потушил лампу, а он захлопнул дверь в тот миг, когда отворилась дверь из коридора.

По каюте прогромыхали чьи-то шаги, и слышалось негромкое посвистывание. Обычный осмотр, ничего подозрительного не выявлено, через несколько секунд он уйдет... Но тут дверь ванной комнаты распахнулась, и вспыхнул свет. Офицер в расшитом золотом мундире посмотрел на втиснувшегося в душевую Слона, затем на меня, пригнувшегося к унитазу, и расплылся в отвратительнейшей улыбке.

— Не думал, что в нижнем отсеке будет столько работы. Безбилетники,— в его руке появился небольшой револьвер.— Выходите. Вы двое сходите на землю, а я вызываю местную полицию.

Я наклонился вперед, переложив всю тяжесть тела на ноги, и напряг мышцы, приготовившись атаковать, как только Слон сумеет отвлечь внимание офицера. Мне почему-то не очень хотелось идти против оружия с голыми руками — но еще больше мне не хотелось идти назад в тюрьму. Слон, должно быть, тоже отлично понимал это. Он протянул руку, пытаясь меня удержать.

— Постой, давай не будем спешить, Джеймс. Отдохни, пока я поговорю с этим добрым офицером.

Его рука медленно опустилась в карман, револьвер следовал за каждым ее движением. Он глубоко запустил пальцы и выудил из кармана большую пачку банкнот.

— Это аванс за небольшую услугу,— сказал он, протягивая ее офицеру, который сгреб бумажки обеими руками. Ему нетрудно было это сделать теперь, так как револьвер исчез так же быстро, как и появился. Он принялся считать, а Слон продолжал.

— Услуга, о которой мы покорно просим, заключается в том, что вы не находите нас в течение двух дней. Вы получите эту же сумму завтра, и еще через день, когда вы наконец нас обнаружите и отведете к капитану.

Деньги исчезли, зато вновь появился револьвер — рука его даже не дрогнула. Это было выполнено так виртуозно, что я подумал, что он вполне мог бы стать фокусником.

— Нет,— сказал он.— Думаю, лучше будет, если я заберу у вас все деньги, что вы спрятали у себя и в ваших сумках. Возьму их и тогда уж отведу к капитану.

— Очень даже неразумно,— строго сказал Слон.— Я скажу капитану, сколько именно вы взяли, и он облегчит ваши карманы, так что у вас ничего не останется. Я скажу ему также, кто из чле-

нов экипажа был подкуплен, и они тоже лишатся своих денег, а вы станете самым непопулярным офицером на корабле. Ведь так?

— В том, что вы сказали, есть доля правды,— задумчиво произнес он, потирая челюсть, в руках у него вновь ничего не было.— Если вознаграждение будет увеличено, возможно...

— На десять процентов, не больше,— сказал Слон и отсчитал нужную сумму.— До завтра. Пожалуйста, заприте дверь за собой.

— Разумеется. Приятного полета.

Когда он ушел, я слез наконец с унитаза и протянул Слону руку.

— Поздравляю, сэр. Вы великолепно продемонстрировали на примере науку, о существовании которой я даже не подозревал.

— Спасибо, мой мальчик. Это поможет тебе освоить азы. У него никогда не было намерения высаживать нас с корабля. Он подал заявку на торги. Я принял ее, он увеличил ставку, я согласился, и тур завершился. Он понимал, что не может запросить больше, потому что мне понадобится крупная сумма для капитана. Этого не было сказано, но тем не менее это подразумевалось. Игра шла по правилам...

Его слова оборвал громкий звук сирены в коридоре, и над дверью замигал красный огонек.

— Что-то случилось? — выкрикнул я.

— Случилось то, что и должно случиться. Мы готовы к отлету. Предлагаю лечь на койки, потому что некоторые из этих старых развалин увеличивают и без того растущую силу тяжести, когда взлетают. Еще несколько минут, и мы стряхнем пыль Бит О'Хэвен с наших ног. Лучше бы навсегда. Эта тюрьма, просто ужас, а пища...

Его слова потонули в нарастающем реве, и койки начали вибрировать. Навалившаяся тяжесть сдавила мне грудь. Совсем как в фильме, только намного более волнующе. Свершилось! Летим! Какие радости нас ждут впереди?

Радости по-прежнему далеко впереди. Матрац был совсем тонким, и от давления у меня заболела спина. Затем мы несколько раз погружались в невесомость, пока наконец не была отрегулирована искусственная сила тяжести. Или почти отрегулирована. Она действовала так, словно немного заикалась. Так же действовал и мой живот. Икота нападала на меня так часто, что в течение следующих дней я ни разу не вспомнил о еде. Зато воды с железным привкусом у нас было достаточно. Офицер продолжал получать взятки, а я продолжал лежать на койке большую часть времени и сосредоточился на занятиях эсперанто, чтобы забыть мои мучения. После двух дней тяготение выровнялось, и ко мне вернулся аппетит. Я с нетерпением ждал нашего освобождения, еще одной небольшой взяточки — и какой-нибудь еды.

— Безбилетники! — раздался голос офицера, открывшего дверь и изображавшего крайнее удивление. Специально для девушки, которая его сопровождала.— Ужасно, неслыханно! Встать, вы двое, и за мной. Капитан Гарт захочет на вас посмотреть.

Представление выглядело очень правдоподобно и было испорчено лишь его рукой, с готовностью потянувшейся за деньгами, как только девушка повернулась к нам спиной. Казалось, что ее чрезвычайно раздражало все происшествие, а может быть, она сама была частью розыгрыша. Мы долго шли по гулкому коридору, затем поднялись на три пролета вверх по металлическим ступеням к мостику. Капитан, увидев нас, остолбенел. Должно быть, он оставался единственным человеком на корабле, который ничего не знал о нашем здесь присутствии.

— Черт побери — откуда они взялись?

— Из одной из пустующих кают в отсеке С.

— Но ведь ты должен был проверить эти каюты.

— Я проверял, мой капитан, в бортовом журнале все записано. За час до старта. После этого я был на мостике с вами. Должно быть, они забрались туда позже.

— Кого вы подкупили? — спросил капитан Гарт, поворачиваясь в нашу сторону, седеющая космическая лиса с кротким выражением глаз.

— Никого, капитан,— сказал Слон, и в его голосе прозвучала искренность.— Я знаю эти старые грузовые корабли очень хорошо. Перед самым стартом охрана у трапа покидает свой пост. Мы незаметно прошли за ними на корабль и спрятались в этой каюте. Вот и все.

— Я не верю ни единому вашему слову. Говорите, кого вы подкупили, иначе вы попадете под стражу и вам грозят большие неприятности.

— Дорогой капитан, ваши честные члены экипажа никогда не взяли бы денег! — Слон не обратил внимания на чье-то громкое фыркание.— У меня есть доказательства. Все мои скромные сбережения при мне и в моем кошельке.

— Вон,— приказал капитан всем находящимся в контрольном отсеке.— Говорю всем. Я побуду на вахте. Мне нужно расспросить этих двух более подробно.

Офицеры и члены экипажа покинули помещение, их лица стали непроницаемы под его взглядом. Когда все вышли, капитан запер дверь и повернулся к нам.

— Ну, давайте, выкладывайте,— приказал он. Слон протянул невероятно огромную пачку долларов, капитан быстро пересчитал ее и покачал головой.— Маловато.

— Естественно,— согласился Слон.— Это только аванс. Полный расчет будет тогда, когда вы высадите нас на какой-нибудь подходящей планете со сговорчивыми таможенными офицерами.

— Вы просите чересчур о многом. У меня нет желания навлекать на себя неприятности со стороны местных властей за контрабанду незаконными иммигрантами. Намного легче будет вытрясти ваши карманы прямо сейчас и распорядиться вами по своему усмотрению.

Эта уловка не произвела на Слона никакого впечатления. Он похлопал себя по карману и покачал головой.

— Вы не можете этого сделать. В моем кармане лежит чек Галактического Кредитного и Биржевого банка на сумму двести тысяч долларов. Он недействителен до тех пор, пока я не подпишу его второй раз. Вы можете делать с нами что угодно, но никогда не заставите меня поставить вторую подпись! Пока мы не будем стоять на твердой почве.

Капитан пожал плечами в раздумье, затем повернулся к приборам, что-то там подкорректировал, прежде чем снова обратиться к нам.

— Дело в том, что вам придется заплатить за обеды,— спокойно сказал он.— Да и на горючее мне никто не подаст.

— Так точно. Давайте определимся с тарифами.

На этом дело и кончилось — но Слон прошептал мне в ухо предупреждение, когда мы шли с ним по коридору.

— Нет никаких сомнений в том, что в нашей каюте установили подслушивающее устройство. И обыскали все наши вещички. Все наши средства находятся при мне. Держись ближе ко мне, чтобы не было каких-нибудь эксцессов. Из этого офицера, например, вышел бы отличный вор-карманник. А теперь — что ты скажешь, если мы немного перекусим? Раз уж мы заплатили, пора прекратить наш вынужденный пост и устроить себе роскошный праздник.

В моем желудке что-то громко заурчало, соглашаясь с данным предложением, и мы направились к камбузу. Так как на корабле не было пассажиров, толстый небритый кок готовил только лишь простую пищу венийских крестьян. Прекрасную для местных жителей, но для других требовалось немного попривыкнуть. Вы когда-нибудь пробовали зажимать свой нос и есть одновременно? Я не стал спрашивать повара, что мы едим — побоялся, что он мне расскажет. Слон глубоко вздохнул и принялся работать вилкой над своей порцией.

— Единственное, что не вспомнилось мне насчет Вении,— мрачно произнес он,— это пища. Все-таки память избирательна. Да и кому же захочется вспоминать подобный праздник?

Я не ответил, так как в этот самый момент припал к своей чашке с теплой водичкой, чтобы хоть каким-то образом избавиться от оставшегося во рту непонятного привкуса.

— Какое блаженство,— наконец выговорил я.— По крайней мере вода здесь не такая, как из крана в нашей каюте.

Слон снова вздохнул.

— То, что ты пьешь — это кофе.

Наше путешествие нельзя было назвать забавным. Мы оба похудели, так как чаще всего проще было отказаться от еды, чем употребить ее. Я продолжал свои занятия, изучая все тонкости растрат, хищений, дачи и получения взяток, двойной и тройной бухгалтерии — все это было выдано мне на эсперанто, и в конце концов я стал говорить на нем так же свободно, как и на своем родном языке.

Во время первой посадки мы оставались на корабле, тогда как офицеры и солдаты таможенной службы наводнили его палубы.

— Не здесь,— сказал нам капитан, рассматривая на экране очертания планеты.— Очень богатое население, они не любят чужаков. А следующая планета в этой системе как раз подойдет вам, сельскохозяйственная, малонаселенная, они принимают иммигрантов, и что самое главное, у них нет таможенной службы.

— Ее название?—спросил Слон.

— Эмфисбиония.

— Никогда не слышал о такой.

— Разве это обязательно? Из тридцати тысяч населенных планет.

— Вы правы. Но все же...

Слон, казалось, был чем-то озадачен, и я не мог понять почему. Если нам не понравится эта планета, мы всегда можем скопить необходимую сумму, чтобы двинуться дальше. Но какой-то неведомый мне инстинкт заставлял Слона быть настороже. В конце концов он подкупил эконома, чтобы воспользоваться бортовым компьютером. Когда мы ковыряли вилками наш обед, он рассказал мне об этом.

— Дело приобретает дурной запашок—еще хуже, чем запах этой пищи,— меня ужаснули его слова.— Я не нашел в галактическом справочнике никаких данных о планете под названием Эмфисбиония. А справочник обновляется автоматически каждый раз, когда корабль приземляется в какое-нибудь обжитое цивилизацией местечко и включается в коммуникационную сеть. Добавлю к этому то, что пункт нашего дальнейшего назначения зашифрован. Только капитан знает код для получения доступа к информации.

— Что мы можем сделать?

— Ничего—до тех самых пор, пока не приземлимся. Тогда и узнаем, что он задумал.

— А ты не можешь подкупить какого-нибудь офицера?

— Уже подкупил—иначе как бы я узнал, что только капитану ведомо, куда мы движемся. Разумеется, он не сказал бы мне этого, не заплати я ему. Как это все гадко. Но я бы поступил точно так же на его месте.

Я постарался подбодрить его, но это было бесполезно. Думаю, что обед окончательно подорвал его боевой дух. Лучше всего было бы высадиться на этой планете, какой бы она ни была. Хороший вор может заработать на жизнь в любом обществе. И еще один несомненный факт. Еда просто обязана быть лучше той размазни, которую мы сейчас с трудом запихивали в рот.

Мы лежали на кроватях, пока корабль не коснулся поверхности планеты и не зажглись зеленые огни. Наши скудные пожитки были уже собраны, и мы снесли их вниз в тамбур. Капитан сам следил за приборами. Он что-то бормотал, в то время как автоматический анализатор атмосферы производил свои контрольные замеры; внутренняя дверь не откроется, пока с этим не будет по-

кончено и не будут получены результаты. Наконец прибор загудел и выдал справку, капитан удовлетворенно хмыкнул, взглянув на экран. Огромный люк со скрипом открылся, впуская струю теплого и едкого воздуха. Мы дружно потянули носами.

— Стилограф к вашим услугам,— сказал капитан Гарт. Слон только улыбнулся в ответ.

Капитан вышел первым, указывая нам дорогу, и мы последовали за ним с нашими сумками. Была ночь, над нами ярко светились звезды, из-за темной полосы деревьев неподалеку слышались крики каких-то невидимых существ. Единственным источником света был освещенный тамбур корабля.

— Ну вот и все,— сказал капитан, остановившись на последней ступеньке трапа. Слон покачал головой, указывая на металлическую поверхность площадки.

— Мы все еще на корабле. Спустимся на землю, если вас это не затруднит.

Они выбрали подходящий клочок земли неподалеку от трапа — но все же не так близко, чтобы попытаться впихнуть нас обратно в корабль. Слон вынул чек, взяв-таки в руки стилограф капитана, и аккуратно вывел свою подпись. Капитан — какая подозрительность! — долго сравнивал ее с верхней подписью, затем кивнул. Он торопливо зашагал к трапу, пока мы подбирали свои пожитки — затем обернулся и выкрикнул в темноту:

— Теперь они ваши!

Как только трап взмыл вверх, мощные прожекторы, прорвав темноту, ослепили нас, пригвоздив, словно мотыльков, к тому пятачку, где мы стояли. Вооруженные люди бежали к нам со всех сторон, а мы крутились на одном месте, словно зверьки в западне, совершенно растерявшись.

— Я же говорил, что здесь что-то не так,— сказал Слон. Он уронил сумки и мрачно наблюдал за приближающимися к нам воинами.

Из темноты появилась великолепная фигура в красной униформе и остановилась перед нами, покручивая огромные и элегантные усы. Как в каком-нибудь историческом боевике, человек нес меч, плотно прижав его к бедру.

— Я заберу у вас все, что вы имеете. Все! Быстро!

Два человека в форме подбежали к нам, чтобы проследить, как мы выполним то, что нам было сказано. Они были вооружены какими-то странными ружьями с огромными стволами и деревянными прикладами. Позади я услышал скрип, это с корабля вновь опустили трап с капитаном Гартом, стоящим на последней ступеньке. Я наклонился, чтобы подобрать сумки, и, ловко извернувшись, нырнул к капитану, пытаясь его схватить. Раздался громкий выстрел, и что-то со свистом пронеслось мимо моей головы и врезалось в фюзеляж корабля. Капитан чертыхнулся и замахнулся на меня кулаком. Лучшего и не придумаешь. Я шагнул в сторону, уворачиваясь от удара, перехватил его руку и двинул

ему как следует в поясницу. Он взвизгнул от боли, приятно послушать.

— Отпусти его,— сказал чей-то голос, и я глянул поверх дрожащего плеча капитана, чтобы увидеть Слона, лежащего на земле, и офицера, наступившего ему на грудь сапогом. Судя по всему, меч служил вовсе не для украшения — потому как его острие было прижато теперь к горлу Слона. Похоже, день обещал быть занятным. Я слегка сдавил шею капитана свободной рукой, прежде чем отпустить его. Он изящно соскользнул вниз, и его бесчувственная голова аккуратно приземлилась на ступеньку трапа. Я отошел от него на несколько шагов, и Слон с трудом поднялся на нетвердые ноги, отряхивая с себя пыль и поворачиваясь к человеку, пленившему нас.

— Простите меня, великодушный господин, могу ли я спросить у вас, как называется планета, на чьей поверхности мы стоим?

— Спиовенте,— прозвучал сердитый ответ.

— Спасибо. Если вы позволите, я помогу своему приятелю капитану Гарту подняться на ноги, так как мне хотелось бы извиниться перед ним за запальчивость моего юного друга.

Никто не остановил его, когда он повернулся к капитану, который только что пришел в сознание и в тот же миг вновь потерял его, так как Слон хорошенько двинул ему в ухо.

— Я в общем-то человек не мстительный,— сказал он, отходя от капитана и вытаскивая кошелек. Он протянул его офицеру и сказал:

— Но на этот раз мне захотелось выразить свои чувства, прежде чем я вернусь в свое привычное дружелюбное состояние. Вы понимаете, конечно, почему я так поступил?

— Я сам сделал бы то же самое,— сказал офицер, подсчитывая деньги.— Но шутки в сторону. Больше ни слова, иначе вам придется туго.

Он отвернулся, и из темноты появился еще один человек с двумя черными металлическими скобами в руках. Слон стоял, словно оцепенев, и не сопротивлялся, когда человек наклонился и защелкнул одну из них на его лодыжке. Я не имел представления, что это за штуковина, но она мне не нравилась. На меня ее так просто не наденут. Впрочем, надели. Ружейное дуло вонзилось в мою спину, и я не выразил никакого протеста, когда вещица защелкнулась на положенном месте. Тот, кто проделал все это, наконец встал и посмотрел мне прямо в лицо. Он был так близко, что я чувствовал его влажное дыхание. Он был, в придачу ко всему, ужасно безобразен, с глубоким шрамом через все лицо, что вовсе не прибавляло привлекательности его облику. Он ткнул острым пальцем мне в грудь и заговорил:

— Я, Тарс Тукас, слуга нашего могущественного властелина Капо Доссия. Но никогда не называй меня по имени; зови меня всегда хозяин.

Я назвал его как-то, как-то получше, чем просто хозяин, но тут

он нажал кнопку на металлической коробке, которая висела у него на ремне. В тот же миг я очутился на земле, пытаясь стряхнуть красную пелену, заслонившую мне от боли белый свет. Первое, что я увидел после этого, был Слон, лежащий передо мной и стонущий в предсмертной агонии. Я помог ему подняться. Тарс Тукас не должен был этого делать, по крайней мере с человеком его возраста. Когда я повернулся, он ухмыльнулся, и лицо его перекосилось в уродливой гримасе.

— Так кто я? — спросил он. Я подавил в себе искушение, если не ради себя, то ради Слона.

— Хозяин.

— Помни об этом и не пытайся сбежать. По всей стране имеются нервные ретрансляторы. Если я включу эту штуку надолго, твои нервы перестанут работать. Навсегда. Понятно?

— Понятно, хозяин.

— Доставай все, что у тебя есть.

Я достал. Деньги, бумаги, монетки, ключи, часы, какие-то детали. Он бегло обыскал меня и, казалось, был какое-то время удовлетворен.

— Пошли.

Быстро приближался тропический рассвет, и огни гасли один за одним. Мы, не оглядываясь, шли за своим новым хозяином. Слону было нелегко поспевать за ним, и мне пришлось помогать ему. Тарс Тукас привел нас к потрепанной повозке, которая стояла неподалеку. Нам указали на место сзади. Мы сидели на дощатом сиденье и наблюдали, как из грузового отсека корабля спускают на землю большие упаковочные ящики.

— Как здорово ты поддел капитана,— сказал я.— Ты, очевидно, знаешь об этой планете что-то такое, чего я не знаю. Как она называется?

— Спиовенте,— он произнес это слово как грязное ругательство. Камень на шее Лиги. Капитан продал нас в рабство со всеми потрохами. Да и сам он тоже контрабандист. Существует полнейшее эмбарго на торговлю с этим вонючим миром. А в особенности оружием — которым, я уверен, полны эти ящики. Спиовенте!

Это не много добавило к тому, о чем я уже догадался сам — ничего хорошего ждать здесь не приходится.

— Ты не мог бы быть хоть чуть-чуть посодержательней относительно этого камня на шее?

— Вина за то, что я вовлек тебя в это дело, полностью лежит на мне. Но капитан Гарт поплатится за это. Если нам ничего больше не удастся сделать, мы отдадим его на суд справедливости. Мы должны сообщить об этом Лиге каким-то образом.

Это КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ повергло его в еще большее уныние, и он обессиленно уронил голову на руки. Я сидел и молча ждал, когда он захочет продолжить разговор. И он наконец заго-

ворил, и в отраженном свете я заметил, что в его глазах вновь появилась живая искорка.

— Nil desperandum * Джим, Не позволяй ублюдкам сломить тебя. Мы подоспели сюда как раз вовремя. Лига впервые столкнулась с этой планетой около десяти лет назад. Она была изолирована многие тысячелетия, и дела здесь шли плохо. Это то место, где Преступление показывает себя не с лучшей стороны — потому как уголовники здесь правят бал. Сумасшедший дом, захваченный умалишенными. Сплошная анархия — нет, не своем так — на Спиовенте анархия выглядит так, словно вся жизнь — сплошной пикник, увеселительные игрища бойскаутов. Я довольно подробно изучал систему управления на этой планете, когда разрабатывал свою собственную философскую теорию. Здесь происходит то, что соответствует канувшим в Лету мрачным векам развития человечества. Оно достойно презрения, с какой бы стороны мы ни посмотрели — но Лига ничего не может с этим поделать, кроме как пуститься на прямое вторжение. Что абсолютно не согласуется с философией Лиги. Сила Лиги оборачивается в данном случае ее слабостью. Никакая планета или планеты не могут напасть на другую планету. А если все же нападет, то будет разрушена другими, так как война в наши дни признана всеми вне закона. Лига может только лишь помочь вновь открывающимся планетам, предложить гуманитарную и техническую помощь. Ходят слухи, что существуют тайные организации в Лиге, которые работают над свержением подобных отталкивающих цивилизаций — но, конечно, это не выставляется для широкой публики. Поэтому то, что нас здесь ожидает — это неприятности и большие неприятности. Ведь Спиовенте — это кривое зеркало, в котором отражаются все современные цивилизации. Здесь нет определенных порядков — только сила. Банды уголовников управляются Капо, человек с мечом в живописной униформе, Капо Доссия, один из них. Каждый Капо контролирует такую большую территорию, какую только может. Его последователи кормятся дележом добычи, выбитой из местного крестьянства или в результате удачной войны. И на самом дне этой уголовной пирамиды находятся рабы. То есть мы.

Он кивнул на наши кандалы, вызывающие болевой шок, и подавленно замолчал. Я тоже.

— Но все же мы можем с оптимизмом глянуть на вещи,— в отчаянии проговорил я.

— С каким оптимизмом?

Я и сам удивился своим словам, бешено размышляя вслух.

— С оптимизмом, да, нужно всегда смотреть на жизнь с оптимизмом. Ну например — мы теперь далеко от Бит О'Хэвен и от всех наших тамошних проблем. И готовы к новому старту.

— Со дна навозной кучи? В качестве рабов?

---

* Nil desperandum (*лат.*) — никогда не отчаиваться.

Правильно! Отсюда единственное, куда мы можем двигаться — это вверх!

Его губы дернулись в слабой улыбке, отвечая на мою отчаянную реплику, и я торопливо продолжал.

— Например — они обыскали нас и забрали все вещи, что у нас были. Все, да не все. У меня сохранился маленький сувенир в ботинке, еще с моего путешествия в тюрьму. Вот этот,— я достал отмычку, и его улыбка стала заметней.— И он работает — смотри,— я открыл свой болевой обруч и показал его Слону, затем пристегнул его на место.— Итак, когда мы будем готовы бежать — мы сбежим!

Теперь усмешка на его лице превратилась в широкую улыбку. Он протянул руку и тронул меня за плечо в порыве настоящих дружеских чувств.

— Как же ты прав,— просиял он.— Мы будем очень примерными рабами — какое-то время. Достаточное для того, чтобы изучить все ходы и выходы в этом обществе, цепочку управления и возможности проникновения в нее, источники доходов и способы добраться до них. Как только я обнаружу трещины в структуре данного общества, мы вновь станем крысами. Не стальными нержавеющими, боюсь признаться, а с серой шерсткой и маленькими зубками.

— Крыса — как не назови, а звучит благородно. Мы все вынесем!

Нам пришлось подвинуться, когда первый ящик забросили на задок повозки, она затрещала и застонала под его тяжестью. Закинув последний ящик, грузчики забрались к нам сами. Я был рад, что в повозку попадало мало света — мне совсем не хотелось разглядывать их поближе. Трое неряшливых, грязных мужиков, небритых и одетых в лохмотья. И к тому же немытых, насколько мог это определить мой подергивающийся нос. Тут наверх забрался четвертый, крупнее и кошмарнее тех трех, хотя и вид его одежды был немного поприличнее. Он взглянул на нас сверху вниз, и я сразу понял, что дело дрянь.

— Вы знаете, кто я такой? Я — Бугор. Это мое стадо, и вы будете делать то, что я скажу. Для начала я скажу, чтобы ты, старикашка, снял свою курточку. На мне она будет выглядеть симпатичней, чем на тебе.

— Спасибо за намек, сэр,— очень вежливо ответил Слон.— Но думаю, что я все же оставлю ее себе.

Я знал, что он делает, и надеялся не оплошать. Здесь было не слишком много места для размаха, а этот головорез весил в два раза больше меня. У меня было время только для одного удара, не более, и этот удар должен быть очень хорошим и точным. Грубиян взревел от ярости и бросился к нам, карабкаясь через ящики. Охваченные ужасом рабы поспешили убраться с дороги. Я тоже отпрянул в сторону, и он, не обратив на меня внимания, прошел мимо. Прекрасно. Он почти уже добрался до Слона, когда я ударил его по загривку сцепленными вместе кулаками. Раздался глу-

хой стук, и он свалился замертво на крышку ближайшего ящика. Я повернулся к рабам, которые наблюдали за происходящим, выпучив глаза в немом оцепенении.

— Теперь у вас новый Бугор,— сказал я им, и они торопливо закивали в знак согласия. Я ткнул пальцем в ближайшего раба.— Так как меня зовут?

— Бугор,— тотчас же ответил он.— Только не поворачивайся спиной к этому, когда он придет в себя.

— Вы поможете мне?

Усмешка обнажила его почерневшие сломанные зубы.

— Драться помогать мы не будем. Но будем предупреждать тебя, если ты не будешь бить нас, как он.

— Я не собираюсь вас бить. Все поможете?

Они дружно закивали.

— Хорошо. Тогда вот вам первое задание — выбросите своего старого Бугра из повозки. Мне не хотелось бы находиться с ним рядом, когда он очухается.

Они выполнили задание с большим энтузиазмом, добавив к нему несколько пинков по собственной инициативе.

— Спасибо, Джеймс, ценю твою помощь,— сказал Слон.— Я предполагал, что рано или поздно тебе придется с ним сразиться, так почему бы не сделать это пораньше, использовав меня, как отвлекающий маневр. Ну вот, наше восхождение в данном обществе началось — раз уж тебе удалось выбраться наверх из самой низшей категории рабов. Боже праведный — а это что такое?

Я посмотрел туда, куда он показывал, и глаза мои, так же как и его, полезли на лоб. Наверное, это можно было бы назвать машиной, вероятней всего так оно и было. Оно приближалось к нам очень медленно, громыхая и лязгая железом и извергая на ходу клубы вонючего дыма. Оператор развернулся перед нашей повозкой, а его помощник выпрыгнул на землю и соединил ее с тягачом. Повозка, подпрыгнув на месте, двинулась в путь.

— Посмотри внимательней, Джим, и запомни,— сказал Слон.— Ты видишь кое-что, существовавшее на заре технологической революции, давно забытое и потерянное в глубине веков. Этот тягач приводится в движение ПАРОМ. Это паровая машина, как пить дать. Знаешь, а мне начинает здесь нравиться.

Я не был очарован этими допотопными механизмами в отличие от Слона. Мои мысли больше занимал поверженный головорез, и я пытался представить, что произойдет, когда он придет за мной. Я должен был поподробнее разузнать местные правила игры — и побыстрее. Я пододвинулся ближе к остальным, но прежде чем мне удалось начать разговор, мы въехали на мост и, грохоча на всю округу, промчались через ворота в высокой стене. Водитель нашей паровой колесницы остановился и крикнул:

— Разгружайте здесь.

В своей новой роли Бугра я наблюдал за разгрузкой и не пытался им помочь. Последний ящик был опущен на землю, когда один из моих рабов окликнул меня.

— Вон он идет — через ворота позади тебя!

Я быстро повернулся. Он был прав. Экс-Бугор двигался на меня, готовый к бою, с горящим от бешенства лицом и налитыми кровью глазами. Взревев, как разъяренный зверь, он ринулся в атаку.

Первое, что я сделал — дал деру от нападавшего, который рычал позади меня, чуть не наступая мне на пятки. Вовсе не со страху, хотя бояться было чего, а просто потому, что мне нужно было место, где бы я мог как следует развернуться. Как только я отбежал на приличное расстояние от повозки, я повернулся и подставил ему подножку, так что он растянулся во всю длину на навозной куче. Это вызвало у зрителей бурю восторга; я мельком окинул взглядом двор, пока он поднимался на ноги. Вокруг стояли вооруженные воины, еще несколько рабов — и человек в сверкающем красном одеянии, Капо Доссия, который вычистил наши карманы. В моей голове начала появляться кое-какая идея, но прежде чем она могла приобрести определенные формы, мне нужно было двигаться, чтобы сохранить себе жизнь. Головорез кое-чему научился. Он больше не бросался на меня, как дикий зверь. Вместо этого он стал медленно подбираться ко мне, раскинув руки и растопырив пальцы. Если бы я позволил ему нежно приобнять меня, я бы не выбрался из его тисков живым. Я неспешно отступал, поворачиваясь лицом к Капо Доссия, затем отошел в одну сторону и быстро шагнул вперед. Схватив одну из протянутых рук моего соперника обеими руками, я со всей силы рванул ее на себя и вниз. Моего веса оказалось достаточно, чтобы заставить его перелететь через мое плечо и вновь растянуться во весь рост на земле. Я мигом вскочил на ноги — держа в голове ясно очерченный план действий. Показательные выступления.

— Это была правая рука,— громко выкрикнул я.

Шатаясь из стороны в сторону, он попытался возобновить атаку, и я использовал удобный момент для очередного удара.

— Правое колено.

Использовав ловкий прием, я пнул его по коленной чашечке. Это было довольно болезненно, и он вскрикнул, падая на землю. На этот раз он не так скоро поднялся на ноги, но его глаза были все еще полны ненависти. Он не собирался прекращать борьбу до того момента, пока не лишится сознания. Ну хорошо. Это даже лучше для демонстрации моего искусства.

— Левая рука.

Я схватил ее и заломил ему за спину, с силой толкая вперед. Он был силен — и все еще продолжал сопротивляться, пытаясь достать меня правой рукой и подставить мне подножку. Но я опередил его.

— Левая нога,— крикнул я, со всей силы двинув ему под коленку, и он рухнул на землю снова. Я шагнул назад и посмотрел на Капо Доссия. Он с пристальным вниманием наблюдал за боем.

— Можешь убить так же легко, как и плясать свой танец смерти?

— Могу. Но предпочитаю не делать этого,— я почувствовал, что мой противник встал на ноги, раскачиваясь из стороны в сторону. Я слегка повернулся, чтобы краешком глаза видеть его движения.— Что я предпочитаю, так это выбить из него сознание. В этом случае я выиграю поединок — а вы не лишитесь своего раба.

Руки головореза сомкнулись у меня на шее, и он неистово загоготал. Я рисовался и прекрасно это понимал. Должен же я был продемонстрировать аудитории настоящее представление. Поэтому, совершенно не глядя в его сторону, я нанес удар согнутой рукой, вонзая свой локоть в его кишки, в самую середину под ребра, прямо в нервный узел, известный как солнечное сплетение. Он разжал руки, и я шагнул вперед, услышав позади себя глухой удар, когда он всей тяжестью своего тела повалился наземь. Без чувств.

Капо Доссия знаком подозвал меня к себе и заговорил, когда я подошел ближе.

— Это новый для нас способ борьбы, пришелец из другого мира. Мы устраиваем здесь бои среди головорезов и ставим на них деньги. Они дерутся на кулаках, молотя друг друга до тех пор, пока кровь не хлынет рекой и один из них не сможет продолжать бой.

— Такие сражения жестоки и расточительны. Знать, куда ударить и как ударить — вот это искусство.

— Но твое искусство теряет ценность против острого стального клинка,— сказал он, наполовину вытаскивая свой меч из ножен. Теперь мне нужно было действовать осторожно, а то ему вздумается покрошить меня на мелкие кусочки, чтобы посмотреть, что я буду делать.

— Конечно, с голыми руками бесполезно идти против такого мастера клинка, как вы,— насколько я понял, мечом он пользуется лишь за столом, когда нужно отрезать жаркое, но лесть могла мне здесь помочь.— Тем не менее против неумелого фехтовальщика или воина с ножом мое искусство можно применять.

Он переварил сказанное мной, затем подозвал стоявшего рядом воина.

— Ты, доставай свой нож.

Это уже не лезло ни в какие ворота — но я не видел никакой возможности избежать схватки. Воин улыбнулся и, вытащив длинный сверкающий кинжал из ножен, горделиво двинулся ко мне. Я улыбнулся ему в ответ. Он занес кинжал над головой, пытаясь вонзить его в меня сверху — а не держа его прямо перед собой, как сделал бы опытный боец. Я дал ему возможность начать первым и не шевельнулся до тех пор, пока он не ударил. Стандартная защита. Я уклонился от удара в сторону, подставив под его запястье свое предплечье. Схватил руку с кинжалом обеими руками, повернул, вывернул и готово. Все было проделано очень быстро. Нож полетел в одну сторону, он — в другую. Я должен был прекратить демонстрацию как можно быстрее, пока в меня не

полетели дубинки, ружья и прочие виды оружия, испробовать которые на мне могло прийти в голову главному головорезу. Я шагнул ближе к Капо Доссия и заговорил негромким голосом.

— Это секретные способы защиты — и убийства — принятые в нашем мире и неизвестные здесь, на Спиовенте. Мне не хотелось бы показывать еще что-то. Уверен, что вы не очень-то желаете, чтобы ваши рабы овладели подобными опасными приемами. Позвольте мне продемонстрировать вам, что я умею, без этой ободранной толпы. Я могу обучать своему искусству ваших телохранителей. Ведь есть люди, которые хотят вас убить. Подумайте сначала о своей собственной безопасности.

Для меня это прозвучало, как лекция по безопасности дорожного движения, но похоже, что она имела смысл для него. Но все же я не окончательно убедил его.

— Я не люблю новых вещей, новых способов. Мне нравится настоящее положение дел.

Разумеется, когда он наверху, а остальные в цепях внизу. Я торопливо проговорил:

— То, что я делаю — не новое. Оно старо, как мир. Секреты, которые тайно передавались из поколения в поколение с незапамятных времен. А теперь эти секреты могут стать вашими. Грядут перемены, вы это знаете, а знание — сила. Когда кто-нибудь придет отобрать у вас все, что вы имеете, любое оружие пойдет в дело, чтобы разбить их.

Я нес какую-то белиберду — но надеялся, что это звучит убедительно для него. Судя по тому, что рассказал мне Слон об этом гнилом мирке, наше единственное спасение было в силе — паранойя окупала все сполна. По крайней мере это заставило его задуматься, что было, по всей видимости, весьма затруднительно для его узкого лба. Он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Вежливость, как и мыло, были незнакомы этой планете. Никаких «увидимся позже» или «дай мне подумать над этим». Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что публика исчезла. Разоруженный воин сердито смотрел на меня, потирая руку. Но все же он спрятал свой клинок подальше. Раз я разговаривал с самим Капо Доссия, я приобрел в его глазах определенный статус, и он не мог зарезать меня безо всякой причины. Зато запросто мог это сделать мой первый соперник, экс-Бугор. Он сидел совершенно ошеломленный, когда я подошел к нему, и смотрел на меня, прищурившись. Я постарался выглядеть скромно и застенчиво.

— Ты уже два раза подбирался ко мне. Думаю, третьего раза не будет. А если будет, то он будет последним. Ты просто умрешь, если попытаешься выкинуть что-нибудь подобное.

На его лице все еще была написана ненависть, но теперь к ней примешивался страх. Я шагнул вперед, и он съежился от страха. Вот теперь хорошо. Только не надо поворачиваться к нему спиной слишком часто. На этот раз я повернулся и гордо зашагал прочь. Он неуклюже последовал за мной и присоединился к груп-

пе ожидающих нас рабов. Казалось, он смирился со своим свержением так же, как и все остальные. В его сторону полетело несколько злобных взглядов, но насилия не последовало. Мне это понравилось. Одно дело упражняться в гимнастическом зале, и совсем другое — связываться с этими злодеями, которые и в самом деле пытаются меня убить. Слон засиял от радости, поздравляя меня.

— Молодчина, Джим, просто молодчина!

— Я устал до смерти. Что дальше?

— Из того, что мне удалось узнать, я понял, что эта группа выходная, так сказать, они отработали ночью.

— Тогда не мешало бы отдохнуть и подкрепиться.

Полагаю, что это можно было назвать едой. Единственное, что в ней было положительного — она не была настолько отвратительна, как та, что готовилась на борту венийского корабля. Огромный и чрезвычайно грязный котел бурлил над огнем у дальней стены здания. Шеф-повар, если можно назвать таким образом отвратительного вида индивидуума, такого же грязного, как и его котел — размешивал его содержимое длинной деревянной ложкой. Каждый взял себе плошку из мокрой кучи, стоявшей на столе, и повар наполнил их до краев. Нечего было беспокоиться о потерянной или сломавшейся вилке или ноже, их здесь просто не было. Все макали пальцы в чашки и засовывали пищу себе в рот, поэтому я сделал то же самое. Это была какая-то овощная размазня, почти безвкусная, но сытная. Слон сел рядом со мной на землю, прислонившись спиной к стене, и не спеша ел свою порцию. Я закончил первым и без труда преодолел желание сбегать за добавкой.

— Сколько нам еще оставаться рабами? — спросил я.

— Пока я не разузнаю, как у них тут организована жизнь. Ты всю свою жизнь прожил на одной планете, поэтому сознательно или бессознательно ты воспринимаешь все через призму того общества, которое ты знаешь, и только его. Но это далеко не так. Культура — такое же изобретение человечества, как и компьютер или вилка. Хотя существует и разница. В то время как мы проявляем желание изменить компьютеры или есть с помощью инструментов, носители данной культуры не терпят никаких перемен. Они верят, что их образ жизни единственно верный и уникальный — и их не собьешь с пути праведного.

— Глупости какие-то.

— Так и есть. Но так как ты знаешь об этом, а они нет, ты можешь действовать, не обращая внимания на общие правила, или использовать их для своей собственной пользы. Как раз сейчас я и занимаюсь тем, что пытаюсь понять, по каким правилам живет здешнее общество.

— Постарайся, чтобы это не заняло слишком много времени.

— Обещаю, так как я и сам чувствую себя тут неуютно. Я должен определить, существует ли вертикальное движение и как оно организовано. Если вертикальной мобильности нет, мы должны будем изобрести ее.

— Ты меня совсем сбил с толку. Вертикальная что?

— Мобильность. Относительно классов и культуры. Например, эти рабы и воины снаружи. Если раб стремится стать воином и имеет такую возможность, значит вертикальная мобильность существует. Если это невозможно, значит общество состоит из неподвижных слоев, и все, чего мы можем добиться — это горизонтальное продвижение.

— Как, например, стать во главе всех рабов и лупить их направо и налево?

Он кивнул.

— Этого ты уже добился, Джим. Мы останемся рабами до тех пор, пока я не выясню, каковы наши возможности. А теперь нам надо как следует отдохнуть. Взгляни-ка, все уже давно уснули на соломе у стен этого здания. Предлагаю присоединиться к ним.

— Согласен...

— Эй ты, поди сюда.

Это был Тарс Тукас. И, конечно же, он показывал на меня. Похоже, что сегодняшний день обещал быть долгим.

Во всяком случае мне удастся взглянуть на местные достопримечательности. Мы прошли через весь двор, арену моих славных побед, и поднялись по высоким каменным ступеням. Здесь нас встретил вооруженный стражник, а два других стояли внутри здания, лениво облокотясь на деревянную скамью, которая была тут одним из предметов роскоши. Полы были застланы плетеными циновками, на стульях и столах лежали вышитые рогожки, стены были увешаны безобразными портретами, некоторые из них отдаленно напоминали Капо Доссия. Меня втолкнули в огромную комнату с окнами, выходящими на городскую стену. За ней виднелись поля, деревья и холмы. Капо Доссия сидел в окружении небольшой компании людей, пьющих из металлических кубков. Они были довольно прилично одеты, если в ваше представление о приличной одежде входят разноцветные кожаные брюки и широкие рубахи навыпуск. Капо Доссия махнул мне рукой.

— Ты, подойди сюда, дай нам взглянуть на тебя поближе.

Остальные повернулись в мою сторону и с интересом пялили на меня глаза, как на породистую лошадь на аукционе.

— Он и в самом деле свалил с ног того верзилу, даже не пустив в ход кулаки? — спросил один из них. — А с виду он такой хилый и тщедушный, если не сказать уродец.

Бывают моменты, когда рот нужно открывать только лишь для того, чтобы положить туда еду. Наверное, это был тот самый момент. Но я так устал и был сыт по горло поворотами судьбы, да к тому же настроение было настолько препоганейшее, что меня прорвало.

— Да уж не тщедушнее и уродливее тебя, свиная задница.

Тут уж я достал его как следует. Он взвыл от ярости, весь залившись краской — выхватил длинную стальную саблю и бросился ко мне. Времени на размышление не было, нужно было действовать. Один из этих франтов стоял рядом со мной, вытянув

перед собой кубок с вином. Я выхватил его у него из рук, развернулся и выплеснул содержимое в лицо ринувшемуся в атаку. Большая его часть пролетела мимо, но все же несколько капель попало ему на одежду, что привело его в еще сильнейшую ярость. Размахнувшись, он полоснул саблей воздух, и я поймал удар металлическим кубком, отводя его в сторону. Скользнув кубком по лезвию до самых пальцев воина, я схватил и резко заломил его руку. Он издал изумительный вопль и выронил саблю на пол. После этого он изогнулся в одну сторону, подставив на прощанье под удар спину. Но тут кто-то сзади подставил мне подножку, и я растянулся на полу во весь рост.

Они посчитали это забавным происшествием, по всей видимости, потому что все, что я услышал, был их веселый смех. Когда же я потянулся за упавшим клинком, один из них пнул его в сторону. Дела мои, похоже, были плохи. Я не мог сражаться сразу со всеми. Нужно было найти какой-то выход. Но было поздно. Какие-то двое сбили меня с ног, напав сзади, а третий пнул в бок. Прежде чем я успел подняться, мой сабленосец прыгнул мне на грудь, прижав меня коленом к полу и размахивая надо мной безобразной формы кинжалом.

— Это что еще за тварь, Капо Доссия? — выкрикнул он, держа меня за подбородок свободной рукой и приставляя кинжал совсем близко к моему горлу.

— Пришелец из другого мира,— ответил Капо Доссия.— Они сбросили его с корабля.

— Он представляет для тебя какую-нибудь ценность?

— Не знаю,— сказал Капо Доссия, глядя на меня несколько растерянно.— Может быть. Но мне не очень-то нравятся его инопланетные штучки. Да прирежь ты его, и дело с концом.

Я не шевельнулся ни разу во время их занимательной беседы, потому как мне самому было интересно узнать, чем она завершится. Но теперь надо было шевелиться. Человек с кинжалом вскрикнул от боли, когда я круто вывернул его руку, наверное, даже сломал ее — и схватил клинок, как только он разжал пальцы. Все еще держась за него, я вскочил на ноги, а затем швырнул его в толпу сотоварищей. Они попытались наброситься на меня сзади, но тут же отпрянули, когда я размахнулся и провел кинжалом по кругу. Теперь вперед, бежать со всех ног, пока они не повытаскивали свое собственное оружие. Спасать свою шкуру.

Единственное направление, которое я знал, вниз по ступеням. Врезавшись на ходу в Тарса Тукаса, я мимоходом двинул ему, и он упал на пол без чувств. Позади меня раздавались яростные крики и рев, и я, не теряя зря времени, понесся вниз. Вниз, перепрыгивая через три ступени, вниз, к стоявшим у входа стражникам. Не успели они вскочить на ноги, как я налетел на них, и мы все повалились на пол. Одного я прижал коленом у самого горла, выхватывая у него из рук ружье. Второй пытался прицелиться в меня из своего оружия, но я как следует врезал ему в ухо прикладом захваченного мной обреза. Громкий топот несся мне вслед,

когда я прорвался через дверь наружу и очутился лицом к лицу с удивленным стражником. Он выхватил из ножен свой меч, но прежде чем смог воспользоваться им, рухнул без сознания на землю. Я бросил кинжал и подхватил его более смертоносное оружие. Вперед, к воротам, через которые мы въехали в замок. Они были прямо впереди. Широко распахнутые и надежно охраняемые вооруженными людьми, которые уже вскинули свои ружья. Я резко свернул к бараку для рабов, когда они открыли огонь. Я не знаю, куда летели их пули, но, завернув за угол, я все еще оставался жив. Один меч, одно ружье и некто Джимми ди Гриз, уставший до смерти. Который и не подумал останавливаться или замедлить ход. Стена была совсем рядом — обстроенная лесами и со свешивающейся до земли веревочной лестницей, на которой каменщики производили какие-то ремонтные работы. Я хрипло крикнул и замахал оружием, и рабочие бросились врассыпную. Со всех ног я помчался к лестнице, успев заметить, как пули отскакивают от стены со всех сторон и осколки камня разлетаются вокруг. Затем я взобрался на самый верх стены и, переводя дыхание, в первый раз рискнул взглянуть на то, что делается позади меня. Прямо мне в лицо посыпался град пуль, которые просвистели у меня над головой. Капо Доссия и его придворные прекратили погоню, предоставив это стражникам, и стояли теперь позади них, сыпля проклятиями и размахивая оружием. Очень впечатляюще. Я втянул голову в плечи, когда они снова открыли огонь.

Несколько стражников карабкались по городской стене и приближались ко мне. Что, конечно, ограничивало мои возможности. Я глянул со стены вниз и увидел коричневую поверхность воды, простиравшуюся у самого подножья замка. Вот тебе и выбор!

— Джим, ты должен научиться держать язык за зубами,— сказал я себе, затем сделал глубокий вдох и прыгнул вниз.

Бултыхнувшись в воду, я завяз в ней по самую шею. Жидкая коричневая грязь испортила мой прыжок, и теперь мне приходилось бороться с ней, вытаскивая с трудом то одну ногу, то другую из липкой жижи, пока я наконец не добрался до дальнего берега. Мои преследователи все еще не показывались — но должны были вот-вот нагнать меня. Все, что я мог сделать в этой ситуации, это двигаться дальше. Ползком по травянистому берегу пруда, сжимая в руках похищенное оружие, я скрылся наконец под сенью деревьев. Стражников все еще не было. Должно быть, они пошли в обход по мосту и только затем вышли на мой след. Я не мог поверить в свою удачу, пока не грохнулся плашмя на землю, вскрикнув от переполнявшей меня боли. Боли невероятной, затмевающей белый свет, волю, разум. Потом она прекратилась, и я смахнул слезы с глаз. Кандалы — я совсем забыл про них. Тарс Тукас, должно быть, пришел в сознание и теперь нажимал свою чертову кнопку. Что он про нее сказал? Оставь он ее надолго включенной, и она прекратит работу всех моих нервных окончаний, просто убьет меня. Я дотянулся до своего ботинка и спрятанной в нем

отмычки, но тут боль вновь пронзила меня. Когда она прекратилась на этот раз, я был так слаб, что едва мог пошевелить пальцами. Неуклюже ковыряя в замке отмычкой, я подумал, какие же они все-таки садисты. При нажатой кнопке я был фактически мертв. Но кому-то, скорее всего Капо Доссия, хотелось заставить меня страдать и в то же время дать мне понять, что у меня нет никакого выхода. Отмычка была наконец вставлена в замок, когда боль охватила меня еще раз. Когда она отошла, я лежал без движения на боку, отмычка выпала из моих рук, и пальцы совершенно не слушались.

Но я должен был ими шевелить. Еще одна волна мучений, и для меня будет кончено. Я буду лежать в этом лесу, пока не умру. Пальцы мои дрожали, но слегка шевельнулись. Отмычка вновь скрежетнула по замочной скважине, слабо повернулась...

Потребовалось невероятно много времени, чтобы красная пелена спала с моих глаз и муки предсмертной агонии оставили мое тело. Я не мог двигаться, и мне казалось, что я никогда не сумею подняться. Пришлось моргнуть несколько раз, чтобы смахнуть из глаз слезы и увидеть... Увидеть самую прекрасную картину в мире! Отстегнутый болевой обруч валялся передо мной на пожухлых листьях! Только уверенность нашего завоевателя в том, что болевая машина ведет к неминуемой гибели, спасла мне жизнь. Преследователи не спешили; я мог слышать их разговор, когда они пробирались через лес в мою сторону.

— ...где-то здесь. Почему они не оставили его в живых?

— Оставить отличного стрелка и фехтовальщика? Об этом не могло быть и речи. Капо Доссия пожелал повесить его тело во дворе замка, чтобы оно висело там, пока не сгниет. Никогда не видел его в таком гневе.

Жизнь медленно возвращалась в мое онемевшее тело. Я отполз со звериной тропы, по которой я до этого пробирался по лесу, и спрятался под сенью низкорослого кустарника, расправляя за собой примятую траву. И как раз вовремя.

— Смотри — он вышел из воды вот в этом месте. И пошел по этой тропе.

Тяжелые шаги приблизились ко мне и прошагали мимо. Я стиснул в руках оружие и сделал единственно возможное в этой ситуации. Затих, лежа на траве, и ждал, когда силы окончательно вернутся ко мне. Должен признаться, что это был довольно скверный момент в моей жизни. Один, без друзей, трясущийся от боли, смертельно усталый, преследуемый вооруженными людьми, посланными убить меня, мучимый жаждой... Можно еще перечислять. Единственное, чего мне недоставало, так это вымокнуть до нитки под дождем.

И дождь пошел!

В жизни бывают взлеты и падения, прекрасные и отвратительные моменты, возвышенные и подавленные состояния души, но чувства никогда не могут переполнить вас до предела. Если вы кого-нибудь любите очень сильно, вы не сможете любить его еще

сильнее. Я так думаю. Никогда не имел личного опыта на этот счет. Зато у меня было предостаточно опыта насчет попадания в волчьи ямы. Где я и находился сейчас. Дальше опускаться было некуда, и ничто не могло ввергнуть меня в еще большее уныние. Разве что дождю это удалось. Я начал потихоньку хихикать — затем мне пришлось прикрыть рот рукой, чтобы не расхохотаться вслух. Когда же смех утих, во мне поднялась ярость. Так не обращаются со скромной, но разозлившейся крысой из нержавеющей стали! Которая к тому же опасается заржаветь. Я выпрямил ноги и с трудом подавил вырвавшийся стон. Боль все еще не отпускала, но злость начала ее заглушать. Я зажал в руке ружье и воткнул меч в землю и, ухватившись за ветки деревьев свободной рукой, заставил себя подняться на ноги. Опершись на меч, я стоял, раскачиваясь из стороны в сторону. Но не падал. Наконец я смог сделать один нетвердый шаг, за ним другой, и зашагал, еле передвигая ноги, прочь от своих преследователей и уголовного окружения Капо Доссия. Лес был довольно густой, и я пробирался по невидимым тропам неизмеримо долгое время. Я оставил погоню далеко позади, я был в этом уверен. Поэтому, когда лес начал редеть, а затем и совсем кончился, я прислонился к дереву, переводя дух, и оглядел вспаханные поля. Настало время вернуться в логовище человека. Там, где есть пахота, должны быть и пахари. Их нетрудно было найти. Когда ко мне вернулись силы, я побрел, спотыкаясь, вдоль кромки поля, готовый в любую минуту скрыться в лесу при виде вооруженного человека. И тут я очень обрадовался, увидев небольшой фермерский домик. Он словно врос в землю и был покрыт соломой, и в нем не было окон. По крайней мере с этой стороны. Зато был дымоход, из которого тонкой струйкой поднимался дымок. Топить печь в таком знойном климате не было необходимости, значит это был кухонный очаг. Еда. При мысли о еде мой желудок начал бурлить и урчать, и выражать недовольство. Я чувствовал то же самое. Не мешало бы подкрепиться и промочить горло. Нельзя было найти лучшего места для этого, чем эта заброшенная богом и людьми ферма. Это правда. Я зашагал по борозде к дому и, обойдя его кругом, очутился перед входом. Никого. Но через открытую дверь неслись чьи-то голоса, даже смех — и запах стряпни! Ура! Я медленно прошел в открытую дверь, через прихожую.

— Привет, народ. Смотрите-ка, кто пришел к вам на обед.

Вокруг отдраенного скребком деревянного стола их собралось не меньше, чем с полдюжины, молодых и старых, толстых и худых. С одинаковым выражением крайнего удивления на лицах. Даже ребенок перестал плакать и, подражая взрослым, уставился на меня. Седой старикан нарушил всеобщее оцепенение, вскочив с такой поспешностью, что его табурет о трех ногах перевернулся на пол.

— Добро пожаловать, ваша честь, добро пожаловать,— он изо всех сил дернул себя за чуб, низко кланяясь в знак того, что он

очень обрадован моим визитом.— Чем мы можем помочь вам, достопочтенный господин?

— Если бы вы могли поделиться своей трапезой...

— Проходите! Садитесь! Обедайте! У нас, правда, очень скромный стол, но мы с радостью разделим его с вами. Сюда!

Он поставил на место свой стул и пригласил меня сесть. Остальные стремглав вылетели из-за стола, чтобы не беспокоить меня. Видимо, они без труда умели распознавать человеческую натуру и поняли, что я надежный парень — а может, они просто увидели мой меч и ружье. Деревянная плошка была наполнена из котла, висящего над огнем, и поставлена передо мной. Уровень жизни здесь был немного повыше, чем в загоне для рабов, так как меня снабдили деревянной ложкой. Я набросился на еду с нескрываемым удовольствием. Это было овощное рагу, в котором иногда попадались кусочки мяса, все было свежесорванное и имело чудесный вкус. В глиняной чашке подали ледяную воду, и мне ничего больше не было нужно. Пока я уплетал свой обед, сбившиеся в кучку фермеры тихонько о чем-то перешептывались в дальнем углу комнаты. Сомневаюсь, что они затевали что-нибудь невероятное. Тем не менее, я приглядывал за ними одним глазком и держал руку рядом с рукояткой меча, лежавшего на столе. Когда я разделался с рагу и громко отрыгнул — они дружно загудели на этот мой благоприятный отзыв о их кулинарном искусстве,— старик отделился от толпы и вышел вперед. Он толкал перед собой растерянного юношу, который выглядел ничуть не старше меня.

— Достопочтенный господин, могу ли я говорить с вами? — я махнул рукой в знак согласия и вновь отрыгнул. Он улыбнулся в ответ и кивнул.— О, вы льстите моим кулинарным способностям. Вы, как видно, человек большого ума и с хорошим чувством юмора, образованный и красивый, а также великолепный воин, позвольте предложить вам одно небольшое дело.

Я снова кивнул: лесть откроет перед вами любые двери.

— Это мой третий сын, Дренг. Он силен и прилежен, очень хороший работник. Но наше хозяйство небольшое, а голодных ртов много, нам трудно прокормить их, тем более, что половину того, что мы выращиваем, приходится отдавать нашему дорогому Капо Доссия ради его покровительства над нами.

Говоря это, он опустил голову, но в его голосе наравне с покорностью звучала жгучая ненависть. Мне подумалось, что единственно, от кого Капо Доссия мог защищать этих бедных людей — это от самого Капо Доссия. Он подтолкнул Дренга вперед и сдавил его бицепс.

— Как камень, сэр, он очень сильный. Он всегда стремился стать наемным воином, как ваша честь. Воином, вооруженным и уверенным в своих силах, состоящим на службе у какого-нибудь достопочтенного господина. Благородное занятие. Которое к то-

му же даст ему возможность приносить своей бедной семье несколько гроутов *.

— Я не занимаюсь набором солдат.

— Разумеется, достопочтенный господин! Если он пойдет копьеносцем к Капо Доссия, он не заработает ни денег, ни славы, только скорую смерть.

— Правда, правда,— согласился я, хотя слышал об этом впервые в жизни. Ход мыслей старика несколько озадачил меня, но это было полезно для изучения образа жизни на Спиовенте. Его рассуждения мне не очень понравились. Я отпил еще немного воды и попытался выдавить из себя очередную отрыжку, чтобы ублажить повара, но не смог. А старик тем временем продолжал.

— У каждого воина, такого как вы, должен быть слуга-оруженосец. Осмелюсь спросить — мы посмотрели вокруг и обнаружили, что вы один — что случилось с вашим оруженосцем?

— Убит в сражении,— сымпровизировал я. Он, казалось, был этим просто ошарашен, и я сообразил, что оруженосцы, видно, не должны принимать участие в битве.— Когда враг неожиданно напал на наш лагерь.— Это было уже лучше, он кивнул понимающе.— Я, конечно, отомстил за бедного Смелли. Но на то она и война. Суровая штука.

Моя аудитория понимающе забормотала что-то в углу, так что я спорол, наверное, не очень большую глупость. Я подозвал юношу.

— Поди сюда, Дренг, и расскажи мне о себе. Сколько тебе лет?

Он посмотрел на меня из-под длинной пряди волос и, запинаясь, проговорил.

— Скоро четыре, как раз на Праздник Земляного Червя.

Я не стал уточнять детали насчет этого праздника с отталкивающим названием. А он был довольно взросленьким для своего возраста. Или на этой планете был слишком длинный год. Я кивнул.

— Хороший возраст для оруженосца. А теперь скажи-ка мне, ты знаешь свои будущие обязанности? — да уж, конечно, получше меня, так как я совсем не знал. Он энергично закивал в ответ.

— Это я знаю, сэр, хорошо знаю. Старик Кветчи был когда-то солдатом и рассказывал мне об этом много раз. Чистить и полировать меч и ружье, приносить пищу из общего котла, наполнять фляжку водой, давить вшей камнями...

— Прекрасно, достаточно. Вижу, что ты все отлично знаешь. Даже насчет последней не очень приятной процедуры. Ну а за свои труды ты рассчитываешь получить от меня уроки воинской професси,— он быстро закивал в знак согласия. В комнате все притихли, пока я обдумывал свое решение.

— Ну ладно, так и сделаем.

Радостные крики эхом отражались от соломенной крыши,

---

* Гроут (*истор.*) — монета в 4 пенса.

и старик вытащил откуда-то глиняный кувшин, наполненный не чем иным, как домашним пивом. Похоже, дела мои пошли на лад, хоть чуточку, но уж точно на лад.

В связи с новым назначением Дренга работы в тот день прекратились. Домашнее пиво было сущей гадостью, но оно содержало немалую долю алкоголя. А это было как нельзя кстати. Я выпил немного, чтобы притупилась боль, но не слишком усердствуя, чтобы не свалиться пьяным под стол, как все остальные. Я подождал, пока старик дойдет до кондиции, и стал потихоньку выведывать у него информацию.

— Я пришел сюда издалека и не имею представления о местных событиях,— сказал я ему.— Слышал, однако, что у вас тут свирепствует здешний забияка, Капо Доссия, грубиян и хвастун.

— Грубиян! — прорычал он и добавил к этому множество красочных эпитетов.— Ядовитые змеи расползаются во все стороны от страха, когда он приближается. И всем хорошо известно, что его взгляд может убить младенца.

Похоже, что так оно и было, но это не представляло для меня большого интереса. Видно, я не рассчитал продолжительность попойки, и теперь бесполезно было ждать от него чего-нибудь вразумительного. Я поискал глазами Дренга и обнаружил, что он с жадностью прильнул к огромному глиняному кувшину с пивом. Я отобрал у него напиток и стал трясти его до тех пор, пока он немного не очухался.

— Пойдем. Нам уже пора прощаться...

— Уходим?.. — он быстро заморгал, стараясь сосредоточить свой взгляд. Без особого успеха.

— Мы. Уходим. Сейчас. В поход.

— А-а, в поход. Я возьму свое одеяло,— он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону и не переставая быстро моргать.— А где ваше одеяло, я понесу его?

— Враги отобрали, как и все остальное, что у меня было, кроме меча и ружья, которые я не выпущу из рук, пока в моей груди бьется сердце.

— Сердце в груди... Здорово! Я возьму одеяла.

Он покопался в дальнем углу комнаты и появился с двумя пуховыми одеялами, не обращая внимания на причитания хозяйки по поводу зимних холодов. Даже самые необходимые вещи нелегко доставались здешнему крестьянину. Я должен буду со временем добыть для Дренга хоть немного гроутов. Он стоял теперь с висящими через плечо одеялами и большой кожаной сумкой, набитой до отказа — с пристегнутым к ремню угрожающего вида ножом в деревянных ножнах. Я подождал снаружи, не пожелав наблюдать за традиционной сценой расставания, полной слез и прощальных напутствий. Наконец он вышел, немного протрезвившись, но все еще слегка покачиваясь на ногах.

— Ведите, хозяин.

— Ты будешь показывать мне дорогу. Я хочу посетить замок Капо Доссия.

— Нет! Неужели вы и вправду хотите сразиться с ним?

— Когда-нибудь, когда придет время. А пока все дело в том, что там у него взаперти сидит мой друг. Мне нужно послать ему небольшое сообщение.

— Очень опасно даже просто близко подходить к замку.

— Я это знаю, но я ничего не боюсь. И мне нужно связаться со своим другом. Показывай дорогу — и лучше через лес, если ты не против. Мне не хотелось бы, чтобы нас заметил Капо Доссия или его люди.

Очевидно, Дренгу тоже не хотелось этого. Он совсем протрезвел, ведя меня по едва заметным лесным тропам к противоположному концу леса. Я осторожно выглянул на дорогу, ведущую к подъемному мосту и ко входу в замок.

— Еще чуть-чуть, и они увидят нас, прошептал он. Я посмотрел вверх на полуденное солнце и кивнул в знак согласия.

— Ну и денек. Мы заляжем здесь в лесу, а дальше двинемся под утро.

— Нельзя двигаться дальше! Это смерть! — он застучал зубами, хотя день был жаркий. Он торопливо повел меня назад в лесную чащу, в неглубокую ложбину, покрытую травой и с бегущим по ней быстрым ручейком. Он достал из сумки глиняную чашку, наполнил ее водой и принес мне. Я припал к ней и подумал, что иметь оруженосца — это не так уж плохо. Сделав свое дело, он расстелил одеяла на траве и тотчас же уснул на них. Я сел, прислонившись спиной к дереву, и в первый раз осмотрел ружье. Оно было совершенно новое и блестело на солнце и никак не сочеталось с этим вывихнутым миром. Вне всякого сомнения, оно попало сюда с венийского корабля. Слон говорил, что они, должно быть, промышляют контрабандой оружия. И вот это оружие я держал сейчас в своих руках. Я стал рассматривать его более внимательно. Никаких отличительных знаков, ни номера, ни серии — никаких отметок, где оно было изготовлено. Это и понятно. Если хоть одно ружье попадет в руки представителю Галактической Лиги, невозможно будет отследить, как оно попало на эту планету и откуда. Ружье было небольшого размера, что-то среднее между стандартной винтовкой и пистолетом. Могу похвастаться, что немного знаком со стрелковым оружием — являясь почетным членом Стрелкового Клуба Пёли Гейтс, так как я довольно метко стреляю и не раз помогал им выигрывать призы — но ничего подобного я раньше не видел. Я заглянул в ствол. Тридцатый калибр, непривычно для гладкоствольного оружия. С жестким прицелом, спусковым крючком с предохранителем, с небольшим рычажком на стволе. Я повернул его, и ружье переломилось пополам. По земле рассыпалась целая пригоршня маленьких патрончиков. Я внимательно разглядел один из них и начал наконец понимать, как же обращаться с этим ружьем.

— Ловко. Никаких канавок и пазов, поэтому нечего беспокоиться, чтобы ствол был чист. И чтобы не делать лишних выстрелов, пули снабжены крохотными плавничками, чтобы они летели

прямо и никуда не сворачивали. И, ха-ха, проделали бы славную дырочку в теле того, в кого попали бы. Да тут и гильзы нет — никаких забот об использованных медяшках,— я заглянул в патронник.— Все очень рационально и понятно любому дураку. Вложи патроны в углубление в стволе. Когда ты это сделаешь, вложи еще один в патронник. Закрой и защелкни. Небольшой фотоэлемент, чтобы подзаряжать батареи. Нажимай на курок, экран в патроннике накаляется добела, и от него загорается заряд. Газ в патроне от температуры расширяется и вырывается из него наружу, вместе с пулей — а какая-то его часть вталкивает следующий патрон в патронник. Примитивно, безопасно для неумелого стрелка, просто в обращении. И смертоносно.

Подавленный и уставший, я положил ружье рядом с собой, пристроил меч поближе, лег на одеяло и последовал хорошему примеру Дренга.

К восходу солнца мы выспались и немного проголодались. Дренг принес мне воды и протянул полоску чего-то, что напоминало вяленую кожу. Он взял такую же себе и принялся усердно жевать ее. Завтрак в постели — просто замечательно! Я надкусил свой кусочек и чуть не сломал себе зуб. Это не только напоминало вяленую кожу, но и имело точно такой же вкус.

К тому времени, когда мост, лязгая цепями, опустился вниз, мы лежали в рощице на холме совсем рядом с замком. Это было самое близкое укрытие, которое мы смогли найти. По понятным причинам, все деревья и кусты на подступах к воротам были вырублены. Оно располагалось не так близко, как мне бы того хотелось, но приходилось с этим мириться. Но для Дренга оно находилось слишком близко, судя по тому, как он дрожал всем телом, прижавшись ко мне. Первым из ворот вышел невысокий вооруженный человек, за которым следовало четыре раба, волоча за собой повозку.

— Что сейчас будет? — спросил я.

— Сбор налогов. Идут получать свою долю урожая.

— Мы видим, кто выходит из ворот — а ваши фермеры когда-нибудь входят в замок?

— Боже упаси! Никогда!

— А разве вы не продаете им продовольствие?

— Они сами берут у нас все, что им нужно.

— И дрова вы им тоже не продаете?

— Они тащат у нас все.

Да, у них какая-то односторонняя экономика, мрачно размышлял я. Но я должен был на что-то решиться, ведь не мог же я оставить Слона в качестве раба в этом проклятом богом месте. Мои размышления были прерваны возникшим за воротами переполохом. И тут, словно мои мысли смешались с действительностью, из ворот выскочила тучная фигура, сбив на ходу стражника, и со всех ног помчалась прочь. Слон! Бегущий во весь опор. Но ему вдогонку уже неслись вооруженные стражники.

— Возьми вот это и беги за мной! — крикнул я, пытаясь всу-

чить Дренгу рукоятку меча. Я помчался вниз по склону так быстро, как только мог, крича на ходу, чтобы привлечь их внимание. Но они даже не смотрели в мою сторону, пока я не выстрелил поверх их голов.

И тут началось. Стражники замедлили бег, один из них даже припал к земле, прикрыв голову руками. Слон продолжал удирать — но один из его преследователей оказался совсем рядом за его спиной, размахивая длинным копьем. Он достал-таки им Слона и сбил его с ног. Я выстрелил на бегу еще раз, перепрыгивая через Слона и свалив копьеносца прикладом своего ружья.

— Вверх, на холм! — выкрикнул я, когда увидел, что Слон пытается подняться на ноги; кровь заливала всю его спину. Я бабахнул еще раза два и повернулся, чтобы помочь ему. И увидел, что Дренг сжимал рукой меч — но лежал, не двигаясь, на вершине холма.

— Спускайся вниз и помоги ему, а то я сам тебя убью! — крикнул я, оборачиваясь и открывая огонь по врагу. Я никого не задел, но не давал им поднять головы. Слон, спотыкаясь, карабкался наверх, и Дренг, в котором заговорила совесть — или страх, что я и в самом деле убью его — спустился вниз к нам на помощь. Над нами свистели пули, поэтому я, крутясь как волчок, палил во все стороны.

Мы добрались до вершины невысокого холма и помчались в сторону спасительного леса. Нам пришлось наполовину тащить на себе грузное тело Слона, потому что он еле волочил ноги, спотыкаясь на каждом шагу. Я мельком взглянул на его спину — и убедился, что рана неглубокая, ничего страшного. Наших преследователей все еще не было видно, когда мы на полном ходу врезались в густые заросли кустарника и скрылись под сенью деревьев.

— Дренг, выводи нас отсюда! Они не должны нас теперь поймать!

К нашему великому удивлению, не поймали. Деревенский парень, должно быть, озорничал в этих лесах всю свою молодую жизнь, потому что знал здесь все тропинки и дорожки. Но все же нам пришлось нелегко. Валясь с ног от усталости, мы взобрались на невысокий травянистый склон с редкими жалкими кустиками. Дренг раздвинул ветви в одном месте и открыл перед нами вход в неглубокую пещеру.

— Я как-то загнал сюда пушного зверька. Никто больше не знает об этой пещере.

Вход был очень узким, и нам стоило больших трудов протолкнуть Слона внутрь. Но внутри пещера расширялась, и мы могли свободно сидеть, хотя стоять места было уже маловато. Я взял одно из одеял, расстелил его на земле и завернул Слона, положив его на бок. Он застонал. Все его лицо было покрыто грязью и синяками. Ему досталось больше всех. Но, взглянув на меня, он нашел в себе силы улыбнуться.

— Спасибо тебе, мой мальчик. Я знал, что ты будешь там.

— Ты знал? Я и сам этого не знал до последнего момента.

— Ерунда. Но давай быстрее, пожалуйста...

Он скорчился от боли и застонал, выгнув тело от невыносимых мук. Болевой обруч — я совсем забыл про него! А он все еще продолжал принимать сигнал, несущий неминуемую гибель. Поспешишь — людей насмешишь. Поэтому я, немного поумерив пыл, неторопливо снял с ноги ботинок, открыл заветный тайничок и достал из него свою отмычку. Наклонился, вставил ее в замочек — и обруч, щелкнув, разомкнулся. Боль пронзила мою руку, пальцы стали неметь, и я с силой отбросил эту штуку в сторону.

Слон лежал без чувств и тяжело дышал. Ничего не оставалось делать, кроме как сидеть и ждать.

— Ваш меч,— сказал Дренг, протягивая его мне.

— Займись им пока сам. Если ты думаешь, что можешь с ним справиться.

Он опустил глаза и с дрожью в голосе произнес:

— Я хочу быть храбрым воином, но я такой трусливый. Я не мог двинуться с места, чтобы помочь вам.

— Но ведь в конце концов ты смог. Запомни вот что. На свете нет такого человека, который бы не испугался чего-нибудь в тот или иной момент. Смел не тот, кто ничего не боится, а тот, кто умеет преодолеть свой страх и идти вперед.

— Превосходная мысль, молодой человек,— раздался низкий голос.— Которую всегда следует помнить.

Слон пришел в себя, и на его изнуренном лице появилась слабая улыбка.

— Так вот, Джим, я говорил, прежде чем они включили свою адскую машинку, что я знал, что ты будешь сегодня там. Ты на свободе — и я знал, что ты не оставишь меня в этом проклятом богом месте. Твой побег произвел громадный переполох и много шума, беготню взад и вперед до самого вечера, пока ворота не закрыли на ночь. Было совершенно очевидно, что тебе не удастся пробраться внутрь в это время. Но на рассвете ворота вновь открываются, и у меня не было ни малейшего сомнения, что ты будешь где-нибудь поблизости, стараясь найти какой-нибудь способ вытащить меня. Простая логика. Я еще упростил твою задачу, выйдя к тебе навстречу.

— Очень просто! Но ведь тебя чуть не убили!

— Но не убили же. И теперь мы вдвоем, в надежном месте, далеко от них. Плюс ко всему я вижу, что ты сумел привлечь на нашу сторону союзника. Хорошо потрудился за день. А теперь один очень важный вопрос. Что мы будем делать дальше?

Действительно, что?

— Что касается того, что нам делать дальше — ответ предельно ясен,— сказал я.— Мы остаемся здесь, пока не улягутся страсти. Что должно произойти довольно быстро, потому как мертвый раб не представляет для них никакой ценности.

— Но я прекрасно себя чувствую.

— Да, но ты забываешь о том, что болевой обруч может

убить, если его оставить включенным продолжительное время. Поэтому, как только наш путь будет свободен, мы отправимся к ближайшему человеческому жилью и перевяжем тебе рану.

— Думаю, это не более чем царапина, хотя и сильно кровоточит.

— Заражение крови и инфекция. Перво-наперво нужно позаботиться о твоей ране,— я повернулся к Дренгу.— Ты знаешь каких-нибудь фермеров, что живут поблизости?

— Нет, но здесь живет вдова Апфельтри, сразу за холмом, позади мертвого дерева, на краю болота...

— Отлично. Показывай дорогу и не болтай лишнего,— я вновь повернулся к Слону.— А вот когда мы управимся с твоей спиной, что потом?

— А после этого мы поступим на службу в армию. Раз уж ты теперь вошел в роль наемного воина, лучшего и не придумаешь. Армии располагаются внутри замков, где обязательно должна быть какая-нибудь потайная комната за семью замками, где они хранят все свои гроуты. И, пока ты совершенствуешь свое военное искусство, я, как принято говорить, изучу обстановку. А поможет нам в этом благородном деле одна армия, которая, как мне кажется, очень подойдет в данном случае. Армия, состоящая на службе у Капо Димона.

— Только не Капо Димон!— воскликнул Дренг, хватая себя за волосы.— Это дьявол во плоти, он ест младенцев на завтрак, пьет из черепа своей первой жены, обивает мебель человеческой кожей...

— Достаточно,— приказал Слон, и Дренг умолк.— Понятно, что он не пользуется популярностью здесь, во владениях Капо Доссия. А все потому, что он является его заклятым врагом и периодически приходит сюда с войной. Но я уверен, что он ничем не хуже — или лучше — чем любой другой Капо. Но у него есть одно преимущество. Он — враг нашего врага.

— Почти наш друг. Все правильно. Я остался в долгу перед стариком Доссией, и мне не терпится вернуть ему все сполна.

— Тебе не следует точить на него зуб, Джим. Это притупляет проницательность и влияет на твою карьеру. Нашей целью сейчас должно быть добывание гроутов, а не мародерство.

Я утвердительно кивнул.

— Разумеется. Но пока ты разрабатываешь план ограбления, почему бы мне не утолить немного жажду мести.

Я видел, что он не одобряет моих эмоций — но я не мог принять его олимпийского спокойствия. Возможно, что это всего лишь издержки молодости. И я переменил тему разговора.

— После того, как мы выгребем драгоценности, что потом?

— Мы разузнаем, как местные жители общаются с внешним миром, с контрабандистами, хоть с той же Вении. С единственной целью поскорее покинуть этот отсталый и ужасный мир. А для того, чтобы сделать это, нам придется стать верующими,— он захихикал, увидев мое потрясение.— Как и ты, мой мальчик, я разби-

раюсь в гуманитарных науках и не чувствую необходимости верить в сверхъестественное. Но здесь, на Спиовенте, вся прогрессивная технология, как мне кажется, сосредоточена в руках монашеского ордена, известного под названием Бенедиктинцы...

— Нет! Подождите! — воскликнул Дренг; вот уж поистине источник дурных новостей.— Они владеют такими вещами, которые Сводят Людей с Ума. Из их мастерских льются сплошным потоком необычные и странные приспособления. Машины, которые могут издавать вопли и рычание, говорить сквозь небеса, ну и те же болевые обручи! Не связывайтесь с ними, хозяин, умоляю вас!

— То, о чем поведал нам наш юный друг, правда,— сказал Слон.— За исключением страха перед неизведанным. В результате определенного процесса, который не имеет для нас никакого значения, вся технология в этом мире оказалась сконцентрированной в руках этого ордена Бенедиктинцев. Не имею ни малейшего представления, к какой религии они относятся, если относятся вообще к какой-нибудь, но они снабжают остальных машинами, которые мы видели. Это дает им возможность находиться под постоянным покровительством. Если одному из Капо вздумается напасть на них, другие тут же примчатся на помощь, чтобы обеспечить себе постоянный доступ к плодам новейшей технологии. Только благодаря им мы сможем приблизиться к нашему спасению и исходу из этого мира.

— Поддерживаю предложение, и оно принято единогласно. Вступаем в армию, хватаем как можно больше гроутов, связываемся с контрабандистами — и покупаем билет на обратную дорогу.

Дренг широко открыл рот в изумлении, слушая наши длинные речи. Было видно, что он мало что понимает из того, что было сказано. Его стихией было действие. Он бесшумно вышел на разведку и еще более незаметно вернулся. Вокруг никого не было, путь был чист. Слон теперь мог с нашей незначительной помощью самостоятельно передвигаться, да и домик вдовы был не так далеко. Даже несмотря на заверения Дренга, вдова тряслась от страха, пропуская нас внутрь своей обители.

— Ружья и мечи. Убийство и смерть. Я обречена, обречена.

Не обращая внимания на причитания, исходящие из беззубого старушечьего рта, мы принялись за дело. Старушка, выслушав мои наставления, повесила котелок с водой на огонь. Я оторвал длинную ленту от одеяла, прокипятил ее и промыл рану Слона. Она была неглубокая, но серьезная. Мы вынудили вдову поделиться своими запасами самогона, и Слон передернулся, когда я влил его в рану. Надеюсь, что в нем содержится достаточно алкоголя, чтобы подействовать как антисептик. Оставшуюся часть прокипяченного одеяла я употребил, чтобы перевязать рану — и это было все, что я мог сделать в данной ситуации.

— Отлично, Джеймс, отлично,— сказал он, осторожно надевая на плечи свою куртку.— Годы, проведенные тобой в подрост-

ковом Клубе юных следопытов, не прошли даром. А теперь давайте поблагодарим добрую вдову и покинем ее гостеприимный дом, так как, судя по всему, наше присутствие очень уж ее огорчает.

Так мы и сделали, и зашагали прочь по открытой, хорошо наезженной дороге, с каждым шагом все дальше и дальше от славного Капо Доссия. Дренг оказался хорошим проводником, то заводя нас во фруктовый сад, то вырывая на ходу съедобные клубни на полях, по которым мы шли, прямо на глазах у их законных владельцев, которые тут же прикладывали руку ко лбу, едва завидев мое вооружение. В этом мерзком мире только вооруженные до зубов бандиты пользовались почетом и уважением. Первый раз в жизни я начал ценить мораль и нравы, существующие среди миров Галактической Лиги.

День приближался к вечеру, когда впереди замаячили стены замка. В его очертаниях присутствовало больше вкуса, чем во владениях Капо Доссия, или так, по крайней мере, казалось на расстоянии. Замок располагался на острове посреди озера. С берегом его соединяла насыпная дамба и подъемный мост. Дренга опять затрясло от страха, и он был рад остаться со Слоном на берегу, когда я храбро отправился к замку навстречу опасности. Я воинственно прошагал по каменной дамбе и ступил на мост. Два стражника смотрели на меня во все глаза с нескрываемой подозрительностью.

— Доброе утро, братцы,— окликнул я бодро, ружье на плече, меч в руке, живот назад, грудь вперед.— Это владения Капо Димона, известного далеко и широко по всей округе своей добротой и силой оружия?

— А кто спрашивает?

— Я спрашиваю. Вооруженный и полный сил и энергии солдат, который желает записаться на службу к вашему благородному рыцарю.

— Твое дело, братец, твое дело,— мрачно произнес один из них.— Через ворота, потом через весь двор, третья дверь направо, спросишь Папашу Шранка.— Он наклонился и прошептал: — За три гроута я дам тебе небольшой совет.

— Идет.

— Тогда плати.

— Немного погодя. Сейчас я гол, как сокол.

— Оно и видно — раз ты пришел наниматься на такую работу. Ну, ладно, тогда пять через пять дней,— я кивнул.— Он предложит тебе очень мало, но ты не соглашайся на меньше, чем два гроута в день.

— Спасибо за доверие. Я отплачу тем же.

Я с важным видом прошагал мимо ворот и нашел нужную мне дверь. Она была открыта и слабо освещена заходящим солнцем, и толстый человек с лысой головой чиркал что-то на каких-то бумажках. Он поднял глаза, когда моя тень упала ему на стол.

— Иди отсюда,— крикнул он, тряхнув головой так яростно,

что посыпавшийся с нее фонтан перхоти засверкал в солнечных лучах.— Я же сказал вам всем, что до послезавтрашнего утра никаких гроутов.

— Я еще не поступил к вам на службу — и не стану этого делать, если вы таким вот образом платите войску.

— Прости, добрый чужеземец, солнце прямо в глаза. Заходи, заходи. Хочешь поступить на службу? Разумеется. Ружье и меч — а еще какое снаряжение?

— Кое-что есть.

— Прекрасно,— он потер руки так, что они затрещали.— Паек для тебя и твоего оруженосца и один гроут в день.

— Два в день и замена всего нашего снаряжения.

Он нахмурился — затем пожал плечами и, нацарапав что-то на бумаге, подсунул ее мне.

— Годичный контракт, полный расчет в конце срока. Раз уж ты не умеешь читать и писать, думаю, постараешься и накарябаешь вот здесь свой неразборчивый крестик.

— Я умею читать, да так хорошо, что вижу тут цифру четыре, которую и исправлю, прежде чем подписать,— что я и сделал, поставив на линии подпись судьи Никсона, прекрасно зная, что покину это место еще до того, как завершится срок моей службы.— Пойду позову своего оруженосца, который ожидает за воротами вместе с моим престарелым отцом.

— Никакой дополнительной еды для бедных родственников! Поделитесь своим.

— Согласен,— сказал я.— Вы сама доброта.

Я подошел к воротам и махнул рукой своим товарищам.

— Ты мне должен,— сказал стражник.

— Я отдам — как только эта жаба золотушная мне заплатит.

Он одобрительно хрюкнул.

— Если тебе кажется, что он не очень хорош,— подожди своей встречи с Капо Димоном. Я бы не ошивался вокруг этой вонючей свалки, если бы не премия из боевых трофеев.

Они медленно приближались к нам, Слон почти силком тащил упирающегося Дренга.

— Боевые трофеи? Скоро будут выдавать?

— Сразу после сражения. Мы выступаем завтра.

— Против Капо Доссия?

— Вряд ли. Говорят, что у него полно всяких драгоценностей и золотых гроутов, и еще всякой всячины. Было бы здорово собрать такой улов. Но не в этот раз. Все, что мы знаем, это то, что придется идти на север. Мы должны совершенно неожиданно напасть на кого-то, может, даже на какого-нибудь нашего союзника, поэтому они не хотят, чтобы кто-нибудь из наших проговорился. Неплохо придумано. Застать их врасплох, когда подъемный мост опущен, и можно считать, что половина сражения выиграна.

Я обдумывал эту небольшую военную хитрость, шагая во главе своей малочисленной банды в указанном направлении. Солдатские казармы, хотя их и не станешь вписывать в красочный буклет

для туристов, все же намного приятнее скотского загона для рабов. Деревянные нары для бойцов с соломенными матрацами — немного соломы рядом с нарами для оруженосцев. Мне, наверное, стоило позаботиться об устройстве Слона. Но я был уверен, что небольшой подхалимаж сделает свое дело. Мы сели вместе с ним на нары, а Дренг отправился разыскивать кухню.

— Как спина? — спросил я.

— Болит, но совсем немного. Я чуточку отдохну, а затем примусь за исследование плана местности...

— Утром у тебя будет достаточно времени для этого. Должно быть, мне придется отлучиться на пару дней.

— Я тоже так думаю. А вот и наш оруженосец с провиантом!

Это было горячее овощное рагу с плавающими на поверхности кусочками какой-то безымянной птицы. Наверняка птицы — так как из мяса торчали птичьи перья. Мы разделили рагу на три равные порции и с жадностью набросились на еду. Свежий воздух и долгая прогулка разбудили в нас зверский аппетит. В рацион входила также кружка кислого вина, но ни мой желудок, ни желудок Слона его не принимали. Чего нельзя было сказать о Дренге, который залпом осушил обе наши порции. Затем свернулся калачиком под нарами и сладко захрапел.

— Я пойду осмотрюсь немного,— сказал я.— А ты пока отдохни на моей койке до моего возвращения...

Меня прервал громкий и фальшивый рев сигнальной трубы. Я поднял глаза и увидел, что в дверном проеме стоял трубач, злорадно оглядывая казарму. Затем извлек из своего инструмента еще один совершенно не музыкальный звук. Я был готов схватить его за горло, если он попытается дунуть в него еще раз, но он отошел в сторону и поклонился. А его место заняла тонкая фигурка в голубой униформе. Все солдаты, наблюдавшие за этим, слегка наклонили головы и встряхнули оружием, салютуя вошедшему, и я сделал то же самое. Это был не кто иной, как Капо Димон собственной персоной. Он был такой тощий, что казалось, будто живот прирос у него к спине. К тому же у него, наверное, было нарушено кровообращение или он родился с такой голубой кожей. Маленькие красные глазки пристально смотрели из глубоких голубых впадин, в то время как пальцы, прозрачные как небо, осторожно ощупывали острую челюсть.

Он подозрительно оглядел казарму и заговорил; несмотря на всю свою худобу, голос его был сильным и густым.

— Мои воины, у меня для вас хорошие новости. Готовьтесь сами и приготовьте свое оружие, мы выступаем сегодня в полночь. Это будет марш-бросок, нам нужно дойти к рассвету до Пинетта Вудз. Пойдут только солдаты — и налегке. Ваши оруженосцы останутся здесь и присмотрят за вашими вещами. Мы заляжем в лесу на день, а с темнотой двинемся дальше. Ночью мы встретим наших союзников и на рассвете совместными усилиями ударим по врагу.

— Один вопрос, Капо,— окликнул его один из солдат. Убе-

ленный сединой и весь в шрамах, должно быть побывавший во многих переделках.— Против кого мы выступаем?

— Вы узнаете об этом перед самой атакой. Мы сможем добиться победы, только благодаря внезапному нападению.

Вокруг раздавалось недовольное бормотание, когда ветеран вновь выступил вперед.

— Пусть наш враг останется в секрете — но по крайней мере скажи, кто наши союзники.

Капо Димону не понравился вопрос. Он задумчиво потер щеку и принялся вертеть в руках рукоятку меча, в то время как аудитория молча ждала. Само собой разумеется, что ему нужно было наше добровольное и сознательное участие в этом деле, поэтому в конце концов он заговорил.

— Вам будет очень приятно услышать, что наши союзники обладают огромной волей и силой. У них также имеется на вооружении машина, способная пробивать городские стены. При их содействии мы можем взять любой замок, победить любую армию. Мы счастливы сражаться на их стороне,— он сжал губы, борясь с нежеланием продолжать дальше и осознавая в то же время, что он должен это сделать.— Победа нам гарантирована, так как наши союзники, не кто иные, как... монахи из ордена Бенедиктинцев.

Наступило долгое молчание,— настолько все были потрясены услышанным,— за которым немедленно последовали возмущенные крики. Я не понимал до конца, что все это могло значить, единственное, что я знал наверняка, это то, что ничего хорошего ждать не приходится.

Как только Капо Димон произнес последние слова, он удалился, и дверь захлопнулась за ним с громким стуком. Со всех сторон неслись гневные и возмущенные возгласы — но один человек возмущался и кричал громче всех. Это был израненный ветеран. Он вскочил на стол и заставил всех замолчать.

— Здесь все знают меня, знают старого Таскера. Я резал головы в то время, когда большинство из вас еще сажали на горшок. Поэтому я сейчас буду говорить, а вы будете меня слушать, и может, потом я дам вам возможность сказать что-нибудь в ответ. Есть кто-нибудь здесь, кто не согласен с этим?

Он сжал огромный кулак и выставил его перед собой, нахмурившись и сердито оглядывая притихшую аудиторию. Кое-где еще раздавалось недовольное бормотание, но не такое громкое, чтобы его можно было принять за несогласие.

— Хорошо. Тогда слушайте. Я знаю этих педерастов в черных рясах и я им не верю. Они не думают ни о чем больше, кроме как о своих собственных шкурах. Если они хотят, чтобы мы сражались на их стороне, значит они попали в весьма затруднительное положение и предпочитают увидеть мертвыми нас, а не своих «братьев». Мне это совершенно не нравится.

— Мне это тоже нисколько не нравится,— выкрикнул еще один солдат.— Но разве у нас есть какой-нибудь выбор?

— Никакого,— сердито прорычал Таскер.— И это именно то,

что я собирался вам сказать. Думаю, мы повязаны с ними одной веревкой,— он вытащил свой меч и потряс им над головой.— Все оружие, что у нас есть, особенно новые ружья и пистолеты, достаются нам от них, Бенедиктинцев. Если бы они не снабжали нас оружием, нам нечем было бы драться, а раз нам нечем было бы драться, мы все сдохли бы в первом бою или вернулись назад к своим фермам. Это не по мне. Думаю, что и вам это не очень подходит. Мы все — одна семья. И будем драться все — или никто не будет драться. А если уж мы будем драться и кто-то из вас вздумает улизнуть с поля боя перед началом атаки, мой меч всегда отыщет его и проткнет насквозь его печенку.

Он взмахнул над головой сверкающим клинком, и все замерли, уставившись на него во все глаза.

— Веский довод,— прошептал Слон.— Железная логика. Жаль только, что все это пропадает даром ради таких низменных целей. Тебе и твоим товарищам не остается ничего иного, как просто согласиться.

Слон был прав. Они еще немного покричали и поспорили, но в конце концов согласились с предложенным планом действий. Они выступят на стороне Бенедиктинцев. Но никто из них, включая меня самого, не был особенно счастлив по этому поводу. Они могли возмущаться и спорить до самой ночи, но я так устал, что решил потратить оставшиеся часы на то, чтобы немного соснуть. Слон отправился побродить и собрать кое-какую информацию, а я свернулся на нарах и погрузился в тревожный сон.

Громкие окрики разбудили меня, и я почувствовал себя еще более уставшим, чем перед сном. Никто не испытывал большой радости в связи с ночным марш-броском или с нашими боевыми товарищами; меня повсюду окружали хмурые взгляды и отборнейшая брань. Они произносили даже такие ругательства, которые я ни разу не слышал в своей жизни, мне они так понравились, что я решил запомнить их, чтобы применять потом в будущем. Я вышел на улицу к примитивному умывальнику и побрызгал холодной водой на лицо. Мне показалось, что это немного помогло. Когда я вернулся, Слон сидел на моей койке. Он поднял и протянул ко мне свою огромную руку.

— Ты должен поберечь себя, Джим. Это очень жестокий и смертоносный мир, здесь все против тебя. Помни об этом.

— Это стиль моей жизни — поэтому не беспокойся обо мне.

— Но я беспокоюсь,— он тяжело вздохнул.— У меня нет ничего кроме презрения по отношению ко всем этим предрассудкам, астрологам и хиромантам, поэтому ты поймешь, почему я чувствую отвращение к себе за мрачное уныние, которое охватило меня. Но я не вижу впереди ничего, кроме безнадежной пустоты. Наша дружба продолжается недолго, и мне не хотелось бы, чтобы она так скоро кончилась. И все же, прости меня, прости, если можешь, но я не в состоянии преодолеть в себе чувство опасности и отчаяния.

— На это есть веские причины,— крикнул я, стараясь придать

своим словам хоть немного энтузиазма.— Тогда оторвали от тихого спокойного образа жизни, посадили в тюрьму, освободили, помогли сбежать, спрятали, посадили на диету, снова помогли удрать, вынудили давать взятки, потом надули, избили, продали в рабство, ранили — и ты еще удивляешься, почему на тебя напала депрессия?

Его губы вновь тронула слабая улыбка, и он взял мою ладонь в свою руку.

— Ты прав, Джим, конечно, прав. В крови появились токсины, и в коре головного мозга наступил застой. Береги свои тылы и возвращайся живым. Ну а пока ты этим занимаешься, я выясню, как можно выпотрошить из нашего Капо немного гроутов.

Он выглядел немного старше своего возраста — впервые с того момента, когда мы встретились. Покидая казарму, я видел, как он устало вытянулся на нарах. Он должен чувствовать себя лучше, когда я вернусь. Дренг будет приносить ему пищу и присмотрит за ним. А я должен полностью сконцентрироваться на том, чтобы остаться в живых, чтобы я смог вернуться назад.

Это было ужасно тоскливый и изматывающий марш-бросок. День был жарким, и ночь была ничуть не прохладней. Мы еле волочили ноги, обливаясь потом и отбиваясь от мошкары, вылетевшей к нам навстречу из темноты. Мы шагали по разбитой дороге, и в наши ноздри забивалась грязь и пыль. Но мы шли все дальше и дальше, еле поспевая за громыхающей и посвистывающей странной повозкой, возглавляющей наше кошмарное ночное шествие. Одна из допотопных паровых машин тащила походный фургон Капо Димона, в котором он относительно комфортно расположился вместе со своими офицерами. Мы шагали вперед, и с каждым шагом проклятия и возмущенные возгласы в наших рядах становились все тише и тише. Когда же мы наконец укрылись под сенью деревьев Пинетта Вудз, мы настолько вымотались, что слов для возмущения у нас просто не было. Я сделал то же самое, что и большинство остальных — упал без сил под дерево, на мягкую и приятно пахнущую постель из хвои, и застонал от наслаждения. В это время славные воины, во главе со стариной Таскером, прильнули к положенной им кружке кислого вина, прежде чем лечь отдыхать. Я закрыл глаза, еще раз глубоко вздохнул и заснул крепким сном.

Мы провели здесь целый день, радуясь возможности отдохнуть. К полудню нам наконец выдали сухой паек. Теплую вонючую воду, в которой нужно было размачивать какие-то каменные кусочки, видимо считавшиеся у них хлебными сухарями. После этого мне удалось еще немного поспать, до самых сумерек, когда мы вновь построились в шеренги и продолжили свои ночной марш-бросок.

Через несколько часов мы вышли к перекрестку дорог и повернули направо. По рядам прокатился недовольный ропот, поднятый теми, кто, очевидно, хорошо знал здешние места.

— Что они говорят? — спросил я шагающего рядом со мной и до сих пор молчавшего воина.

— Капо Динобли. Вот против кого мы идем. Никого другого быть не может. В этом направлении больше нет никаких замков, до которых можно добраться за один-два дня.

— Ты что-нибудь знаешь о нем?

Он хмыкнул и долго не отвечал, но позади него кто-то сказал:

— Я служил у него, правда давно. Старикашка, да к тому же голубой, теперь и подавно древняя развалина. Просто еще один Капо.

С каждым шагом я чувствовал все большую и уже невыносимую усталость. Нет уж, на свете существуют более интересные способы зарабатывать себе на жизнь. Это будет моей первой и последней кампанией. Как только мы вернемся, я и Слон стащим у них все их сокровища и сбежим, унося с собой столько, сколько сможем унести. Замечательная мысль. Я чуть не натолкнулся на идущего впереди меня человека, но вовремя остановился. Мы сделали привал в том месте, где к дороге примыкала кромка леса. На темном фоне деревьев выделялись еще более темные тени. Я попытался разглядеть, что это такое, но тут по рядам прошел один из офицеров.

— Мне нужны добровольцы, — прошептал он. — Ты, ты, ты, ты и ты.

Он дотронулся до моей руки, и я оказался одним из добровольцев. Нас было около двадцати человек, выдернув из шеренги, нас погнали куда-то по направлению к лесу. Небо очистилось от туч, и света звезд нам хватило для того, чтобы разглядеть, что черные громадины — это нечто иное, как какие-то странные приспособления на колесах. Я слышал свист вырывающегося наружу пара. Темная фигура вышла нам навстречу и остановила нас.

— Слушайте меня, я скажу вам, что вы должны будете делать, — сказал он.

Когда он говорил, в ближайшей к нам машине открылась дверца. Из нее вырвалась яркая вспышка огня — это в топку подбросили дров. В этом мимолетном мерцающем свете я сумел разглядеть говорившего. Он был одет в черную робу, голова была покрыта капюшоном, скрывавшим его лицо. Он показал на машину.

— Эту штуку нужно протащить через лес — в полной тишине. Я всажу нож в бок любому из вас, кто издаст хотя бы один звук. Днем тут была прорублена просека и выложена тропа, так что это будет нетрудно сделать. Постройтесь в линию и делайте то, что вам будут говорить.

Еще несколько человек в черных рясах дали нам в руки веревки и поставили нас в цепочку. По сигналу мы начали тянуть. Штуковина довольно легко покатилась по тропе, и мы твердым шагом шли по лесу, все прибавляя скорость и следуя едва слышным инструкциям наших провожатых, пока не добрались до противоположного конца чащи, где и остановились. После этого мы броси-

ли веревки и, напрягаясь из последних сил и обливаясь потом, тянули и толкали эту громадину, пока наши шефы не были удовлетворены. За этим последовало долгое перешептывание насчет установки прицела и определения расстояния до цели, и я никак не мог понять, о чем собственно разговор. На некоторое время про нас забыли, и я воспользовался моментом, чтобы потихоньку ускользнуть и сквозь заросли кустарника поглазеть на открывающийся впереди пейзаж. Очень интересно. Злаковое поле протянулось вниз по некрутому склону до самого замка, в ясном свете звезд были отчетливо видны его темные башни. Их силуэты отражались в мерцающих водах пруда у подножья стены, который предохранял замок от внезапного нападения. Я стоял там, пока небо не начало светлеть от первых лучей восходящего солнца, а затем вернулся, чтобы осмотреть предмет наших ночных трудов. Хотя из темноты теперь ясно вырисовывался его силуэт, я все еще не имел ни малейшего представления, что это такое. Огонь и пар, его тонкая белая струйка была ясно видна в сумеречном свете. А на крыше торчала какая-то непонятная стрела. Свист пара слышался все громче, и один из черных монахов принялся регулировать какие-то приборы. Я подошел поближе, чтобы взглянуть на металлическую манжету — и мое любопытство было вознаграждено тем, что меня привлекли к передвижению огромного камня на отведенное ему место. Вдвоем мы подкатили его к машине, но нам потребовалась помощь еще двоих парней, чтобы поднять его на манжету. Загадка за загадкой. Я отошел вместе со всеми с дороги, потому что появился Капо Димон, сопровождаемый высоким человеком в такой же черной рясе как и остальные.

— Эта штука будет работать, Брат Фавел? — спросил Димон. — Я ничего не слышал о подобных машинах.

— Зато я знаю, Капо, вот увидишь. Моя машина разрушит ворота, разобьет вдребезги.

— Неужели она может это сделать?! Эти стены такие высокие — и такими же огромными будут наши потери, если у нас не будет возможности прорваться через ворота.

Брат Фавел повернулся к нему спиной и выдал кое-какие инструкции оператору. В топку подкинули еще дров, и свист пара усилился. Стало совсем светло. На раскинувшемся впереди нас поле не было ни души, все было тихо и спокойно. Но позади нас в лесу притаилась армия и воинственные машины. Очевидно, сражение должно было начаться в тот самый миг, когда опустят мост.

Нам было приказано лечь, чтобы никто не заметил нас. И вот уже солнце высоко поднялось над горизонтом — и ничего не происходило по-прежнему. Я незаметно прокрался к самой машине, поближе к наблюдающему за приборами оператору в нахлобученном капюшоне.

— Мост не опускается! — вдруг выкрикнул Брат Фавел. —

А давно должен был, они всегда открывают ворота в это время. Наверное, что-то случилось.

— А они не могут узнать, что мы здесь? — спросил Капо Димон.

— ДА! — прогремел невероятно громкий голос откуда-то с верхушек деревьев.— МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ. ВАШЕ НАСТУПЛЕНИЕ ОБРЕЧЕНО НА ПРОВАЛ — ТАК ЖЕ, КАК И ВЫ ВСЕ! ПРИГОТОВЬТЕСЬ ВСТРЕТИТЬ СВОЮ СМЕРТЬ!

Взревевший в безмолвии лесной чащи голос настолько поразил меня своей неожиданностью, что я вскочил от испуга. И не только я один. Монах, наблюдавший за приборами, казалось, напугался еще больше. Его рука сама потянулась к рычагу управления, и из машины вырвался ужасающий рев. Стрела на крыше взвилась в небо, описав в воздухе огромную дугу, затем с шумом хлопнула по крышке машины, так что вся она затряслась от удара, и приняла первоначальное положение. Стрела затихла на своем месте — но камень, помещенный в манжету, продолжал свой полет, все выше и выше взмывая в небо. Я помчался вперед посмотреть, как камень с громким плеском упадет прямо перед закрытым подъемным мостом. Отличный выстрел — он, без всякого сомнения, разрушил бы мост, если бы тот был опущен. Вдруг все вокруг меня пришло в невообразимое оживление. Брат Фавел одним ударом сбил оператора с его места за приборами и лупил его, рыча и завывая от злости. Из ножен были вытащены мечи, солдаты ошалело забегали вокруг, Капо Димон раздавал приказы направо и налево, которые мало кто слушал и выполнял. Я прислонился спиной к дереву и приготовился атаковать. Но атаки не последовало. Вместо этого усиленный репродуктором голос громогласно заявил:

— УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА. УХОДИТЕ ТУДА, ОТКУДА ПРИШЛИ, ИНАЧЕ ВЫ ПРОПАДЕТЕ. Я ГОВОРЮ С ТОБОЙ, КАПО ДИМОН, ТЫ СОВЕРШАЕШЬ ОШИБКУ. ТЕБЯ ИСПОЛЬЗОВАЛИ БЕНЕДИКТИНЦЫ. ВЫ ПРОПАДЕТЕ ЗРЯ. ВОЗВРАЩАЙСЯ В СВОЙ ЗАМОК, ТАК КАК ТОЛЬКО СМЕРТЬ ЖДЕТ ТЕБЯ ЗДЕСЬ!

— Она вон там, я ее вижу! — крикнул Брат Фавел, показывая на верхушки деревьев. Он покрутился на месте и заметил меня, схватил мою руку, больно стиснув ее, и вновь показал на деревья.— Там, вон на той ветке, сидит эта дьявольская штуковина. Заставь ее замолчать!

Почему бы и нет. Я тоже теперь ее хорошо видел и даже мог угадать в ней громкоговоритель. Я выстрелил из ружья, и оно с силой отдало мне в плечо. Я пальнул еще раз, громкоговоритель разлетелся вдребезги, и на меня посыпался дождь пластиковых осколков.

— Ну и штука,— выкрикнул Брат Фавел, втаптывая в землю то, что от него осталось.— Начинайте наступление — посылай своих солдат вперед. А мои метатели смерти поддержат вас. Они пробьют для вас стену.

У Капо не было другого выхода. Он пожевал губы, но затем

подозвал к себе горниста. Он просигналил три раза, и медные звуки трубы были подхвачены другими горнистами с обоих флангов и в тылу. Когда из-за деревьев появились первые шеренги, он поднял свой меч и приказал нам следовать за ним. С величайшей неохотой я шагнул вперед. Наше наступление нельзя было назвать стремительным. Скорее это было похоже на прогулку. Мы немного продвинулись по полю и остановились, чтобы подождать, пока метательные машины займут выгодную позицию. Они были доставлены на линию паровыми машинами, установлены напротив городской стены и тут наконец были пущены в дело. Камни свистели над нашей головой, ударяясь в мощную стену и отскакивая от нее, как горох. Иногда перелетали через верх и падали во внутреннем дворе замка.

— Вперед! — скомандовал Капо Димон, снова взмахнув своим мечом, как только начался ответный огонь.

Вдруг из-за городской стены вылетели серебристые шары, поднялись высоко в небо, описывая над нами огромную дугу, упали на землю и с треском разломились. Один из них приземлился совсем рядом, и я увидел, что это небольшая емкость, наполненная какой-то жидкостью, которая, испаряясь на воздухе, превращалась в газ. Ядовитый газ! Я отшатнулся в сторону и побежал, стараясь не дышать. Но серебристые шары валялись теперь повсюду, и воздух был наполнен испарениями с сильным запахом. Я бежал, чувствуя, как начинает колоть у меня в боку, мне пришлось вздохнуть, и я не мог больше выдержать. Как только воздух попал в мои легкие, я повалился на землю лицом вниз, и на меня тут же навалилась черная густая мгла. Я лежал на земле, я это чувствовал, но тела своего не ощущал, потому что дикая головная боль полностью захватила меня. Едва я поворачивал голову, огненные обручи с силой сдавливали мои виски. Когда я с трудом приоткрыл одно веко, в глаза мне ударила яркая вспышка красного света. Я застонал и услышал, как мой стон эхом разнесся по всей округе. Это была невыносимая, всепоглощающая, нечеловеческая головная боль, перед которой меркли все предыдущие головные боли. Я вспомнил про те головные боли, которые я испытывал прежде, и мне стало смешно. Что это за головные боли! Вот эта была настоящая головная боль. Кто-то простонал рядом со мной, и я, как и все остальные, сочувственно застонал в ответ. Но мало-помалу боль стихала, и я наконец смог приоткрыть один глаз, затем другой. Надо мной было все то же голубое небо, а вокруг мирно шелестело на ветру злаковое поле. Поколебавшись немного, я приподнялся на локте и оглядел поле брани. По всему полю были в беспорядке разбросаны распростертые тела воинов. Некоторые из них сидели, сжимая руками головы, в то время как некоторые, наверное самые сильные — или самые безмозглые — пытались подняться на нетвердые ноги. Неподалеку лежали серебристые осколки разорвавшегося снаряда, которые выглядели теперь довольно безобидно. В голове моей пульсировала кровь, но я не обращал на это внимания. Мы были

живы. Газ не убил нас — видимо, он предназначался для того, чтобы вывести нас из строя. Мощная штука. Я взглянул на свою тень, не рискуя посмотреть на солнце; и увидел, что она заметно укоротилась. Близился полдень. Мы проспали несколько часов. Так почему же мы не были мертвы? Почему люди Капо Динобли не набросились на нас и не перерезали нам глотки? Или хотя бы не обезоружили нас? Ружье лежало рядом со мной, я переломил его и увидел, что патроны на месте. Загадки, загадки. И вдруг раздался душераздирающий крик — я подскочил от испуга и тут же пожалел об этом, потому что в голове моей загудела сотня труб. Я попытался сесть и осмотреться вокруг. Интересно. Это был никто иной, как Брат Фавел собственной персоной, который кричал и ругался, и рвал на себе волосы. Это было совсем необычно. Я никогда еще такого не видел. Я нерешительно поднялся на ноги, чтобы разглядеть, из-за чего это он так убивается. Да уж, конечно, я мог понять его состояние. Он стоял позади одной из своих метательных машин, которой, как видно, пришла погибель. Она была разбита вдребезги, и повсюду валялись оторванные дымящиеся осколки. Длинная стрела разломилась на три части, и даже колеса были оторваны от корпуса. Машина превратилась в груду хлама, неподдающуюся никакому ремонту. Брат Фавел бегал вокруг нее, выкрикивая громкие ругательства, и вырванные им из головы волосы разлетались за ним по ветру. Остальные монахи тоже кричали и стонали от боли, когда Брат Фавел, спотыкаясь, подошел к ним и к сидящему на земле Капо Димону.

— Они разрушены, все разрушены! — ревели Бенедиктинцы, и Капо Димон плотно зажал уши руками. — Наш многолетний труд разрушен, сломан, уничтожен. Все наши метательные машины, паровые котлы и гидравлические тараны — все погибло. И это сделал он, Капо Динобли. Собирай людей, атакуй его замок, он сам должен поплатиться за то кошмарное преступление, которое он совершил.

Капо повернулся и посмотрел на замок противника, тот выглядел совершенно так же, как и на рассвете, тихий и спокойный, мост был поднят, словно у горожан не было никаких дневных забот. Димон снова взглянул на Брата Фавела, лицо его вытянулось и было холодно-вежливо.

— Нет. Я не поведу своих людей против этих стен. Это самоубийство, а о самоубийстве мы не договаривались. Это ваш довод, но не мой. Я согласился вам помочь взять замок. Вы должны были пробить вход в город с помощью своих машин. Только тогда я бы стал атаковать. Эти условия не выполнены.

— Ты не можешь взять назад свое слово...

— Я и не беру. Пробейте стену, и я пойду в наступление. Это то, что вы обещали. Давайте, вперед.

Брат Фавел покраснел от гнева, сжал кулаки и наклонился вперед. Но Капо стоял на своем — но на всякий случай поднял меч и выставил его вперед.

— Посмотри-ка сюда, — сказал он. — Оружие при мне — да

и все мои воины вооружены. Я понял, что бы это могло значить. Люди Динобли запросто могли отобрать все наши мечи и ружья и перерезать нам глотки, пока мы тут валялись. Но они этого не сделали. Значит, они не хотят со мной воевать. Да и я бы не стал с ними воевать. Это вы с ними воюете — вот и воюйте,— он поддел ногой лежащего рядом на земле полкового горниста.— Труби сбор.

Мы были очень рады оставить Бенедиктинцев там, посреди поля, где они собирали остатки разбитых машин и надежд. По рядам пронеслась радостная весть, и страдальческие гримасы на лицах солдат сменились веселыми улыбками, а страшная головная боль — вздохами облегчения. Не будет ни сражения, ни потерь. Всю эту заваруху устроили Бенедиктинцы — пусть сами и расхлебывают. Я и сам улыбался во весь рот, потому что у меня появились хорошие новости для Слона. Я теперь знал, как нам исчезнуть с этой вызывающей отвращение планеты под названием Спиовенте. Оглядываясь в прошлое и пораскинув мозгами, я наконец понял, что же произошло прошлой ночью. Продвижение наших войск в темноте было замечено. За нами внимательно наблюдали. С помощью каких-то новейших приборов. Спрятавшиеся за деревьями наблюдатели не могли не заметить и вырубку и построенную в чаще тропу для метательных машин, как не могли и не понять, что значат все эти приготовления. Громкоговоритель был установлен на дереве непосредственно под участком для адской машины — и запускался с помощью радио. Сваливший нас с ног газ имел, видимо, непростой состав и был спущен на нас с поразительной точностью. Все это никак не состыковывалось со способом существования на этой заброшенной планете. Это могло значить только одно. В замке Капо Динобли присутствовали инопланетяне. Они пользовались определенным влиянием и, вероятно, что-то замышляли. И это что-то вызывало ярость Бенедиктинцев, да такую, что они решились на подобное нападение, которое подчистую проиграли. Хорошо. Еще один враг моего врага. Монахи захватили в свои руки всю мало-мальски передовую технологию, существующую на Спиовенте — и, насколько я мог это видеть, вся эта технология касалась военной техники и вооружений. Я поднапряг мозги, пытаясь вспомнить длинные лекции Слона по экономике и геополитике. И в голове моей уж было мелькнула мысль, решающая все наши проблемы, когда в передних рядах послышались дикие крики. Я подался вперед, как и многие другие, и увидел растянувшегося на траве у дороги обессиленного гонца. Капо Димон стоял над ним и сотрясал кулаками воздух от ярости.

— Нападение — за моей спиной — на наш замок! И это сделал не кто иной, как этот ползучий змей, гаденыш вонючий, Доссия, вот кто! Назад, формированным марш-броском, домой!

Это был переход, о котором мне бы не хотелось вспоминать никогда в жизни. Мы остановились отдохнуть только тогда, когда силы покинули нас и мы в изнеможении попадали на землю.

Глотнули немного воды, поднялись на нетвердые ноги и двинулись дальше. Не было никакой необходимости подгонять нас, так как все мы были заинтересованы в скорейшем возвращении. Семья Капо, его богатства, все это оставалось в замке. Охраняемое только небольшой кучкой солдат. Мы беспокоились об этом не меньше, чем он сам, так как наши немногочисленные пожитки тоже оставались там. За ними присматривали наши оруженосцы. Дренг, которого я едва знал, очень ответственно относился к своим обязанностям. А Слон? Если замок захвачен, что с ним может случиться? Ничего, он старый, безобидный человек, не делающий никому зла. Я прекрасно знал, что это не так, даже если я изо всех сил старался убедить себя в обратном. Он был рабом, и не просто рабом, а сбежавшим. И я знал, что они делают здесь, на Спиовенте, со сбежавшими рабами. Еще немного воды, твердых сухарей на закате и дальше, дальше в ночь. На рассвете я увидел, что наше войско растянулось на многие мили, двигаясь вперед в полном беспорядке. Я был молод и силен и оказался в передних рядах. Поэтому теперь я мог прилечь отдохнуть и хоть немного перевести дух. Но тут прямо по дороге я увидел двух человек, выпрыгнувших из-за кустов и скрывшихся за вершиной холма.

— Вон там! — закричал я. — Наблюдатели — они нас видели!

Капо выскочил из своего фургончика и подбежал ко мне. Я ткнул пальцем в кусты.

— Два человека. Прятались здесь. Они побежали по направлению к замку.

Он бешено заскрежетал зубами от ярости.

— Мы их уже не поймаем, при наших-то условиях. Доссия будет предупрежден и успеет удрать.

Он оглянулся назад на беспорядочно тянущееся войско и подозвал офицеров.

— Ты, Баркус, останешься здесь вместе с остальными, подождете, когда подтянутся тылы, и последуете за нами. А я беру с собой тех, кто уже здесь, и мы двигаемся дальше. Они могут по очереди ехать в моем фургоне.

Я взобрался на крышу фургона, и он покатился вперед. По сторонам бежали солдаты, придерживаясь за повозку. Паровая машина пыхтела и выбрасывала клубы дыма, взбираясь вверх по склону и громыхая и звякая железом. Вдали показались башни замка, окутанные дымом. Обогнув косогор, мы заметили небольшую колонну, быстро удаляющуюся по дороге, паля на ходу из ружей. Это нас не остановило. Паровая машина взвизгнула на повороте, и мы взревели в ответ, устремляясь в атаку. Но враг успел улизнуть. Это была всего лишь замыкающая колонна. Мы видели, как они садились в свои гребные суда и уплывали от нас прочь. Когда мы ступили на дамбу, то увидели совершенно безжизненную картину. Ворота замка сломаны, и над ними вился дымок. Я шел следом за Капо, не отставая ни на шаг. Длинные доски лежали на месте моста, а сам он был до половины поднят и висел на

цепях, проломленный в нескольких местах. В проломе показался один из воинов, поднимая меч и приветствуя нас вымученным салютом.

— Мы остановили их, Капо,— сказал он и вышел к нам через деревянные обломки моста.— Они прорвались во внутренний двор, но мы задержали их у башни. Они уже принялись поджигать входную дверь, когда им пришлось быстро ретироваться.

— Леди Димон, дети?..

— Целы и невредимы. Сокровища нетронуты.

Но солдатские казармы находились позади внутреннего двора и уж подавно не в башне. Я помчался туда вместе с остальными, которые это тоже поняли, взбираясь по обломкам разбитых ворот. Во дворе лежали тела мертвых, их было много. Безоружные оруженосцы, порубленные во время атаки. Защитники по одному выходили из башни — Дренг был среди них, медленно вышагивая по двору. Его одежда пропиталась кровью, кровь была и на секире, которую он держал в руках, но он был жив и, кажется, даже не ранен. Я взглянул на его лицо и прочитал в нем глубокую скорбь. Я все понял без слов. Его Голос казался мне далеким и чужим.

— Прости меня. Я не смог остановить их. Он мертв, наш старик. Мертв.

Он лежал на нарах с закрытыми глазами и казался спящим. Но он был мертв. Дренг натянул на него мое одеяло, до самого подбородка, причесал волосы и умыл лицо.

— Я не мог перетащить его, когда началось наступление,— сказал Дренг.— Он был таким тяжелым, таким больным. Рана на его спине была просто ужасная, черная, кожа горячая. Он сказал мне, чтобы я его оставил, что он в любом случае умрет. Он сказал, что если не они, так «фекция» убьет его. Но все же они не должны были нападать на беззащитного...

Мой друг и учитель. Убит этими животными. Он стоил больше, чем половина всего населения этого ужасного мира. Дренг взял меня за руку, но я сердито оттолкнул его. Он протягивал мне небольшой пакет.

— Я украл для него кусочек бумаги,— сказал Дренг.— Он хотел написать тебе кое-что. И я украл.

Что я мог сказать. Я развернул пакет, и из него на пол выпал вырезанный из дерева ключик. Я подобрал его и взглянул на бумагу. Это был подземный план замка, со стрелой, указывающий на комнату, аккуратно подписанную «КЛАДОВАЯ». Под ним была короткая записка, и я прочел то, что было написано на листе мелким аккуратным почерком.

МНЕ НЕЗДОРОВИЛОСЬ ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ, ПОЭТОМУ Я БОЮСЬ, ЧТО НЕ СМОГУ ПЕРЕДАТЬ ЭТО ТЕБЕ ЛИЧНО. СДЕЛАЙ МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ КОПИЮ КЛЮЧА — С ЕГО ПОМОЩЬЮ ТЫ ОТКРОЕШЬ КЛАДОВУЮ. УДАЧИ ТЕБЕ, ДЖИМ, БЫЛО ОЧЕНЬ ПРИЯТНО С ТОБОЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ. БУДЬ ХОРОШЕЙ КРЫСОЙ.

Под этим красовалась его подпись. Я прочитал имя — затем

еще раз. Ничего похожего на Слона или какие-либо другие имена, которыми он пользовался в течение жизни. Он доверил мне нечто, что только я мог оценить по достоинству. Свое настоящее имя. Я вышел и сел на солнышке снаружи, вдруг почувствовав, как я устал. Дренг принес ему чашку воды. Я не понимал, насколько мне хотелось пить; я залпом осушил ее и послал Дренга за еще одной. Вот и пришел конец. Он предчувствовал приближение конца — но все же беспокоился обо мне. Думал обо мне, когда смерть уже шла за ним по пятам и маячила на горизонте.

Что же дальше? Что мне теперь делать?

Измученный, усталый, раздираемый болью утраты и угрызениями совести, я уснул, прислонившись спиной к стене и уже не соображая, что я делаю. Когда же я проснулся, день клонился к вечеру. Дренг сложил свое одеяло и подложил его мне под голову, а сам сидел рядом со мной. Говорить было не о чем. Мы положили Слона на одну из маленьких повозок и покатили ее вдоль дамбы к берегу озера. Мы были не одни, кто делал то же самое. Там у дороги был небольшой склон, покрытый деревьями и травой, с которого открывался великолепный вид на озеро и замок. Мы похоронили его там, хорошо утрамбовав землю и не оставив никаких опознавательных знаков. Только не этому отвратительному миру. Они взяли его тело, этого достаточно. Если я поставлю ему когда-нибудь памятник, это будет за много световых лет дальше отсюда. Однажды я сделаю что-нибудь в его честь, когда наступит подходящий момент.

— А теперь, Дренг, нам нужно позаботиться о Капо Доссия и его головорезах. Май лучший друг никогда не одобрял месть, и я тоже не одобряю. Поэтому мы назовем это просто справедливостью. Они заслуживают, чтобы их посадили на кол. Но как нам это сделать?

— Я могу вам помочь, хозяин. Я теперь могу сражаться.. Я боялся, но потом я рассердился и рубанул секирой. Теперь я готов стать таким же отважным воином, как и вы.

Я покачал головой. Ко мне вернулась ясность мысли.

— Эта совсем неподходящая работа для фермера с будущим. Но ты должен всегда помнить, что ты столкнулся лицом к лицу со страхом и преодолел его. Это всегда будет тебе помогать в дальнейшей жизни. Но Джим ди Гриз привык платить свои долги — поэтому ты вернешься к себе на ферму. Сколько гроутов стоит ферма?

Он удивленно разинул рот и принялся усиленно напрягать память.

— Я никогда не покупал ферму.

— Не сомневаюсь в этом. Но кто-то, кого ты знаешь, должен был это сделать.

— Старик Кветчи пришел с войны и заплатил вдове Рослее двести двенадцать гроутов, чтобы разделить с ней ферму пополам.

— Великолепно. Учитывая инфляцию, можно сказать, что

ферма теперь стоит примерно пятьсот гроутов. Держись меня и ты будешь полноправным владельцем собственной фермы. А пока сходи на кухню и принеси немного еды, в то время как я приведу в исполнение пункт первый моего плана.

Я вновь мысленно играл в шахматы. Ясно представляя себе, какими будут дебютные ходы, я прикидывал, каковой может оказаться дальнейшая игра. Если все пойдет по-моему, за миттельшпилем и эндшпилем последует красивый мат. Я сделал первый ход.

Капо Димон восседал на своем троне и выглядел таким же уставшим, как и все остальные, держа в руке бутыль с вином. Я прорвался через его офицеров и встал напротив трона. Он сердито посмотрел на меня и хлопнул в ладоши.

— Поди прочь, солдат. Ты получишь свои трофеи. Ты славно потрудился сегодня, я это видел. Но оставь нас сейчас, мне нужно разработать план действий...

— Именно поэтому я здесь, Капо. Пришел рассказать тебе, как можно победить Капо Доссия. Я служил у него и знаю его секреты.

— Говори!

— Наедине. Отошли всех отсюда.

Он размышлял минуту, затем махнул рукой, чтобы все вышли. Недовольно ворча, офицеры покинули помещение, а он пригубил вино и цедил его, пока за последним из них не захлопнулась дверь.

— Что ты знаешь? — проговорил он.— Рассказывай быстрей, а то у меня просто скверное настроение.

— Как и у всех у нас. То, что я хотел сказать тебе наедине, касается не только Капо Доссия. Ты сразишься с ним, я в этом уверен. Но для того, чтобы успех был гарантированным, я собираюсь привлечь Капо Динобли и его секреты на нашу сторону. Думаю, что наступление будет более успешным, если все внутри будут спать, когда мы пройдем через городскую стену.

— Динобли знает об этом не больше, чем я — так что не надо мне врать. Он еле держится на ногах и сляжет в могилу через год-другой.

— Я это знаю,— я врал очень убедительно.— Но те, кто использует его замок для своих собственных целей и заставили Бенедиктинцев пойти на них войной, именно они помогут тебе.

Он поразмыслил немного, и я заметил в его глазах слабую искорку.

— Тогда пойди к ним. Пообещай им разделить пополам добычу — и ты тоже получишь свою долю, если сумеешь сделать это. Пойди от моего имени и пообещай им все, что хочешь. Еще до конца месяца голова Доссия будет поджарена над моим костром, его тело разорвано на горячие полоски и...

Он еще долго продолжал в том же духе, но мне это было неинтересно. Дебют начался с пешки. Теперь мне следовало бы пустить в ход более крупные фигуры. Я поклонился и вышел, оставив его сидящим на троне, бормочущим себе что-то под нос и раз-

ливающим повсюду вино из бутыли, так он при этом отчаянно размахивал руками. У этих людей чересчур бурный темперамент.

Дренг упаковал то немногое, что у нас было, и мы тотчас же покинули замок. Я показывал дорогу, и мы шли довольно долго, пока наконец перед нами ясно не замаячили башни замка. Тогда мы свернули к протекавшему неподалеку ручью. На его берегу была небольшая травянистая полянка, и я показал на нее пальцем.

— Мы останемся здесь до утра. Мне нужно обдумать наши планы, да и отдохнуть не помешает. Хочу, чтобы мой мозг ясно работал, когда я постучу в ворота старого Капо Динобли.

Ночной отдых освежил мою голову, и все стало мне совершенно ясно.

— Дренг,— сказал я.— На это дело нужно идти одному. Я не знаю, как меня там примут, и может статься, что я буду настолько занят собственными делами, что у меня не будет времени позаботиться о тебе. Так что иди обратно в замок и жди меня там.

Не было никаких ворот, в которые бы я мог постучаться, просто у входа в замок стояли два стражника. Я спустился вниз по полю, миновав груды разбитых машин Бенедиктинцев, уже слегка подернутые красной ржавчиной, и взошел на мост. Подойдя ближе к стражникам, я опустил ружье и произнес:

— Мне нужно передать одно очень важное сообщение для владельца здешних стен.

— Поворачивай назад и шагай откуда пришел,— сказал тот, что повыше ростом, выставляя на меня свое ружье.— Капо Динобли никого не принимает.

— Мне нет никакого дела до вашего Капо,— сказал я, заглядывая ему через плечо во внутренний двор. По двору проходил в это время какой-то высокий человек в лохмотьях. Но под изодранными манжетами его брюк я успел разглядеть начищенные до блеска модные сапоги.

— Я желаю Капо доброго здоровья,— выкрикнул я громко.— И надеюсь, что он регулярно советуется с геронтологом и прогнозирует свою жизнь.

Стражник нахмурился, призадумавшись над моими словами — но, видно, они не укладывались в систему его взглядов. Но человек, которого я увидел во дворе, вдруг остановился. Затем неторопливо развернулся. И направился к воротам, заговорив со стражей — и в то же самое время не спуская с меня взгляд своих проницательных голубых глаз.

— Что это за тревога?

— Никакой, ваша честь. Просто отсылаем этого парня туда, откуда пришел.

— Впустите его. Я хочу задать ему несколько вопросов.

Нацеленный на меня ствол был поднят в салюте, и я с почестями прошествовал мимо ворот. Когда мы отошли на достаточное расстояние, высокий человек обернулся и оглядел меня с ног до головы с откровенным любопытством.

— Иди за мной,— сказал он.— Я хочу поговорить с тобой наедине.

Я не услышал от него больше ни слова, пока мы не оказались в замке и дверь небольшого кабинета не закрылась за нами.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Знаете — я только что собирался спросить у вас то же самое. Знает ли о вашем присутствии здесь Лига?

— Конечно же, они знают об этом! Я здесь вполне легально...— он осекся на полуслове и разулыбался.— Это по крайней мере доказывает, что ты тоже инопланетянин. Никто и в мыслях не допускает, что я мог прилететь сюда из другого мира — и не знает того, что знаешь теперь ты. Садись и расскажи мне, кто ты такой. После этого я смогу определить, стоит ли посвящать тебя в нашу работу.

— Все очень просто,— сказал я, плюхнувшись в кресло и положив ружье на пол.— Зовут меня Джим. Я был членом команды на грузовом корабле из Вении — до тех пор, пока у меня не произошли кое-какие разногласия с капитаном. Он высадил меня на этой планете. Вот и все, что я могу о себе рассказать.

Он вытащил блокнот и стал делать заметки.

— Итак, твое имя Джим. А фамилия...— я молчал. Он нахмурился.— Ну, хорошо, об этом мы узнаем позже. А как звали капитана?

— Думаю, что приберегу эту информацию на потом. После того, как вы скажете, кто вы есть на самом деле.

Он отодвинул блокнот и откинулся на спинку стула.

— Я не удовлетворен. Не выяснив твою личность, я не могу тебе ничего рассказать. Откуда ты прибыл на Вению? Назови столицу своей планеты и имя председателя всеобщего совета.

— Это было так давно, что я не помню.

— Ты лжешь. Ты такой же вениец, как и я. Только я знаю гораздо больше...

— А что, собственно, вы хотите знать? Я житель Лиги, а не уроженец этого звериного мира. Я смотрел телеканал 3V, питался в системе ресторанов Максвиниз — филиалы которых известны по всей вселенной, оборот в сорок два миллиарда в год — изучал микроэлектронику и получил Черный Пояс дзюдоиста. Это вас удовлетворяет?

— Может быть. Но ты сказал мне, что был высажен на эту планету с венийского грузового корабля, что не может быть правдой. Все несанкционированные контакты со Спиовенте запрещены.

— Наш контакт не был санкционирован. Они доставляют контрабандным способом оружие на планету — вот такое, как мое ружье.

Это сразу же привлекло его внимание. Он схватил свой блокнот.

— Имя капитана...

Я молча покачал головой.

Вы получите эту информацию, только если устроите так, чтобы я смог покинуть планету. Вы можете это сделать, так как сами только что сказали, что находитесь здесь с разрешения лиги. Поэтому давайте заключим взаимовыгодное соглашение. Вы организуете мой обратный билет — у меня есть достаточно золотых гроутов, чтобы заплатить за него,— или будет, что в принципе одно и то же. Вы также поможете мне в одном деле здесь на месте — тогда я и скажу вам имя капитана.

Ему это не понравилось. Он надолго задумался, пытаясь выкрутиться из данной ситуации, но не мог придумать подходящего способа.

— Пока вы размышляете над моим предложением,— сказал я,— вы можете рассказать мне о себе и о том, что вы здесь делаете.

— Ты должен пообещать мне, что наши подлинные имена останутся неизвестны местным жителям. Наше присутствие здесь хорошо известно за пределами Спиовенте, но наш успех будет обеспечен только если наши замыслы останутся нераскрытыми.

— Обещаю, обещаю. Клянусь, что местные жители ничего не узнают.

Он построил из пальцев пирамиду и откинулся назад, словно собираясь прочитать мне лекцию. Так оно и было — первые же его слова подтвердили мою догадку.

— Я профессор Люстиг из университета в Элленбогене, где я занимаю пост председателя ученого совета. Я являюсь также деканом факультета прикладной социоэкономики и должен сказать, что сам создал этот факультет, так как считаю прикладную социоэкономику совершенно новой дисциплиной, молодой и имеющей свои корни в теоретической социоэкономике, что, впрочем, очевидно само по себе...

Я сморгнул несколько раз, заставляя себя сосредоточиться на прослушивании лекции, а не пялить глаза в потолок. Именно такие учителя, как профессор Люстиг, вынудили меня сбежать из школы.

— ...годы трудов и тщательных типологических исследований, чтобы претворить в жизнь самые несбыточные наши мечты. Практическое применение наших теорий. Самое трудное в нашей работе — это иметь дело с бюрократическим аппаратом Лиги и с ее политикой невмешательства. Но в конце концов мы сумели их убедить, что при соответствующем контроле мы могли бы осуществить опытный проект переустройства общества здесь на Спиовенте. Или, как кто-то грубо пошутил, нам было позволено поэкспериментировать, потому что сделать хуже, чем сейчас, мы все равно не смогли бы. Мы проводим наши действия на соответствующем уровне развития технологического процесса, который будет поддерживаться сам по себе, когда мы покинем планету.

— Что конкретно вы собираетесь делать? — спросил я.

Он удивленно заморгал.

— Разве непонятно — по-моему, я только тем и занимаюсь, что рассказываю тебе об этом.

— Вы рассказываете мне теорию, профессор. Не будете ли вы так любезны и не поведаете ли мне о том, чего конкретно вы надеетесь достичь своим экспериментом?

— Если ты настаиваешь, я объясню «популярно», мы собираемся сделать ни больше, ни меньше, как изменить всю структуру здешнего общества. Мы хотим вывести планету, подталкивая то с одной стороны, то с другой, из этого мрачного, доисторического периода. Сейчас она погружена в эпоху феодализма, самой примитивной формы. Или лучше сказать волордизма *. Обычно феодальное общество вынуждено обслуживать само себя и содержать большую армию в период дезинтеграции. Это поддерживает незыблемые основы общественного строя в лице феодальных правителей, в то время как разрозненные населенные пункты должны заботиться о себе и защищать себя сами.

— Я не видел какой-нибудь особой заботы или защиты.

— Правильно. Вот почему эти военачальники должны уйти.

— Я помогу подстрелить пару-тройку из них.

— Насилие — не НАШ путь! Вдобавок к тому, что это противно само по себе, это еще и запрещено членам Лиги. Нашей целью является привидение к власти правительства, свободного от Капо. Ради нее мы поощряем развитие и подъем класса профессионалов, ремесленников. Это приведет к увеличению денежного обращения и к краху бартерного обмена. С увеличением массы денег у правительства появится возможность ввести институт налогообложения, чтобы оплачивать общественные услуги. Чтобы ускорить этот процесс, необходимо сформировать систему правосудия. Это будет способствовать развитию связей, централизации, развитию и росту общих идей.

Все это выглядело просто великолепно — правда, я не очень обрадовался введению налогов или налаживанию судебной практики. Но все же это было в любом случае цивилизованнее власти Капо.

— Теоретически все выглядит просто чудесно,— сказал я.— Но как вы собираетесь осуществить это на практике?

— Предоставлять более современные услуги по более низким ценам. Именно поэтому Бенедиктинцы попытались совершить на нас нападение. Они настолько же религиозны, как моя шляпа; орден — это только внешнее прикрытие для их безраздельного владения новинками технологии. Мы уничтожили их монополию, и им это не нравится.

— Прекрасно. Ваш план выглядит довольно мило, и я желаю вам удачи. Но мне нужно еще кое-что сделать, прежде чем я покину эту забытую богом дыру. Желая помочь вам в уничтожении монополии, мне хотелось бы приобрести у вас немного вашего усыпительного газа.

---

* Волордизм — власть военных предводителей, warlord — военачальник (*англ.*)

— Это невозможно. Фактически у нас нет никакой возможности предоставить тебе какую бы то ни было помощь. Как и у тебя возможности покинуть наш замок. Я предупредил стражу. Ты будешь находиться здесь до прибытия следующего корабля Лиги. Теперь ты знаешь слишком много, чтобы позволить тебе разгуливать на свободе.

Пока до меня доходил смысл этой неприемлемой для меня информации, тело само метнулось к столу. Он должен был помнить то, что я сообщил ему о Черном Поясе. Один прием, и он упал без чувств. Но еще до того, как его голова ударилась об стол, я отскочил от него и бросился к двери. И как раз вовремя — ставя на место запирающий болт, я увидел, что ручка двери поднимается и кто-то пытается ее отворить.

— А теперь действуй очень быстро, Джим,— посоветовал я сам себе.— Пока не подняли тревогу. Но сначала проверь-ка, что полезного имеется у этого двуличного профессора.

На столе валялись документы, бумаги, книги, все то, что не представляло для меня в данный момент никакого интереса. Я рассыпал все это по полу вокруг себя, и как раз в этот момент в дверь затарабанили. Времени у меня не было. Теперь профессор. Я расстегнул его мантию и вывернул карманы. Там было еще меньше интересного. Разве что связка ключей. Которая тут же перекочевала в мой собственный карман; она мне могла понадобиться для ограбления. Подхватив свое ружье, я бросился к окну, а в дверь уже колотили со всей силы. Два этажа до земли, а двор был вымощен страшного вида булыжниками. Если бы я прыгнул, я наверняка сломал бы себе ноги. Я перегнулся через подоконник и с благодарностью подумал о недобросовестных каменщиках Спиовенте. Между камнями внешней стены были достаточно большие зазоры. Как только я вылез в окно, дверь в кабинет треснула и разлетелась на части. Заткнув ружье за ремень и передвинув его на спину, я начал спускаться вниз. Это было довольно нетрудно. Соскочив с последнего выступа, я вывернул плечо, пытаясь дотянуться до ружья, которое больно впилось мне в позвоночник, вытащил его и, спотыкаясь, забежал за угол здания, прежде чем кто-нибудь успел высунуться из окна. Я был свободен! Свободен ли? На меня тут же напало уныние. Свободен посреди замка врага, где все и каждый против меня. Вот это свобода!

— Да, свободен! — я самонадеянно стиснул зубы, расправил плечи и постарался придать важность и непринужденность походке.— Свободен, как может быть свободна только Крыса из нержавеющей стали! Так что потарапливайся, Джим, и посмотри, нет ли тут подходящих замков, которые можно открыть теми ключами, что у тебя в кармане.

Я всегда был для себя лучшим советчиком. Я зашагал во внутренний двор, нырнув под высокую арку. По двору тут и там расхаживали вооруженные воины, которые не обращали на меня никакого внимания. Но это не могло продолжаться долго. Как только поднимут тревогу, они тут же бросятся по моим следам.

Глядя прямо вперед, я направился к массивному зданию в дальнем углу двора. В нем были массивные ворота, а рядом располагалась небольшая дверь. Подойдя ближе, я увидел, что они были закрыты на очень современные замки. Это уже кое-что значило.

Интересно было знать, что находилось внутри. Теперь нужно было найти подходящий ключ. Стараясь не выглядеть посторонним, я остановился перед дверью поменьше и принялся изучать ключи. Их было не меньше двадцати. Но замок принадлежал фирме Болгер, моему натренированному глазу нетрудно было определить это, и я стал ощупывать ключи, отыскивая знакомую ромбовидную форму.

— Эй, ты, что ты здесь делаешь?

Передо мной стоял внушительных размеров головорез, грязный и небритый, с красными глазами. За пояс у него был заткнут длинный кинжал, рукоятку которого он многозначительно трогал рукой.

— Открываю дверь, что же еще,— был мой твердый ответ.— А ты тот, кого послали мне помочь? Тогда держи вот это.

Я протянул ему мое ружье. Этим я сумел отвоевать несколько секунд, пока он разглядывал оружие, и вставил в замочную скважину один из ключей. Не тот.

— Никто меня не посылал,— сказал он, изучая ружье, что отвлекло его внимание ровно настолько, чтобы я успел попробовать второй ключ. Не мог же я делать что-нибудь недозволенное, раз уж я отдал ему свое единственное ружье, правда? Я видел, что он напряженно о чем-то думал, медленно поворачивая ствол и шевеля при этом губами. Я прервал высокий полет его мыслей.

— Ну раз уж ты здесь, значит можешь мне помочь...

Фу, слава богу, второй ключ подошел, плавно повернувшись в замочной скважине. Дверь отворилась, и я повернулся также плавно, внезапно ткнув кулаком ему в грудь. Я похватил ружье, когда он повалился на землю.

— Эй, ты, остановись!

Я проигнорировал этот грубый приказ, так как мне было глубоко наплевать, кто его отдал, а вместо этого проскользнул за дверь и захлопнул ее за собой. Обернулся и огляделся вокруг, и почувствовал внезапное острое разочарование. Не было никакой надежды. Это было довольно просторное помещение, слабо освещенное через отверстия высоко в стене. Это был гараж для паровых машин. Их было пять, аккуратно выстроенных в ряд. Было бы неплохо удрать на одной из них, просто здорово. Я видел их в работе.

Сначала нужно разжечь огонь, забросить туда дрова, дождаться, когда начнет подниматься пар. Это все занимает обычно не меньше часа. Но как же я мог, скажите, проделать все это без помех, а затем открыть дверь и медленно выехать на свободу, понемногу прибавляя скорость?

Никак! Или был все же какой-нибудь способ? Когда мои глаза

стали постепенно привыкать к тусклому свету, я начал понимать, что это были не совсем такие машины, которые мне доводилось видеть раньше с деревянными колесами, окованными железом. У этих были мягкие покрышки! Улучшенная технология? А не могла ли современная инопланетная технология быть замаскирована под здешние допотопные развалины?

Я поспешил к ближайшей машине и взобрался на место оператора. Там были знакомые ручки и штурвалы — но невидимы с земли были мягкое кресло оператора и соответствующие контрольные приборы вездехода. В этом не приходилось больше сомневаться!

Запихнув ружье под сиденье, я уселся на него. Сбоку висел ремень безопасности, очень мудро, но не сейчас. Я оттолкнул его в сторону и наклонился к приборам. Включатель мотора, переключатель скоростей, спидометр — а также какие-то незнакомые для меня приспособления. Стук в дверь убедил меня в том, что детальное ознакомление с приборами можно провести позже.

Я протянул руку и попытался завести мотор. Но он не завелся.

А произошло нечто совершенно неожиданное. Мотор молчал, зато прозвучал приятный девичий голосок над самым моим ухом:

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ЗАВЕСТИ МОТОР, НЕ ПРИСТЕГНУВ РЕМЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ!

— Ремень безопасности, правильно, спасибо,— я защелкнул его и попытался включить мотор еще раз.

— ДВИГАТЕЛЬ НАЧНЕТ РАБОТАТЬ ТОЛЬКО ПРИ НЕЙТРАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЯ СКОРОСТЕЙ!

Стук в дверь становился все громче. Я выругался, стараясь отыскать в темноте нейтральное положение переключателя скоростей.

Дверь затрещала, и от нее полетели щепки. Ну, теперь включаем еще раз.

Мотор набирал обороты. Я переключил передачу. И голос опять произнес:

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ПОЕХАТЬ С ВКЛЮЧЕННЫМ РУЧНЫМ ТОРМОЗОМ!

Я громко чертыхнулся, маленькая дверь сломалась и с грохотом рухнула на землю, вокруг меня заработали поршни, машина дернулась и зашипела. Кто-то крикнул что-то, и стоящие в дверях, направились ко мне. Машина дернулась еще раз и тяжело и неуклюже двинулась вперед. Она и в самом деле двигалась вперед! Покрытая стальной броней и имитационными железяками, она должна была быть очень тяжелой.

Выход нашелся сам собой. Я нажал на газ, повернул руль и направил свое неповоротливое судно прямо в сторону большой двери. Прекрасно. Мотор взревел и выбросил струю пара, когда я еще поддал газу.

Мы с разгону врезались в дверь с таким грохотом, что я чуть не оглох. Но мой конь нисколько не замедлил ход. Дерево заскрипело, подалось и разлетелось в щепки, осыпая меня с ног до головы осколками. Я бросил быстрый взгляд на разбегающихся во все

стороны пешеходов, едва успев наклониться, чтобы не остаться без головы, чуть не задев торчащую из двери доску. Затем я сел и заулыбался от радости. Какое замечательное зрелище. Солдаты, разбегающиеся из-под колес и прячущиеся в укрытия. Я повернул руль и развернулся, оглядываясь вокруг в поисках выхода. В стальной борт ударилась пуля и отскочила назад.

А вот и ворота — прямо впереди. Я снова нажал на газ и дернул за шнурок свистка. Он пронзительно взвигнул, из него вырвалась струя пара, и машина стала набирать скорость. Что оказалось как нельзя кстати. Кто-то не потерял голову и попытался поднять мост. Два человека вставили рукоятку в топорного вида лебедку и неистово поворачивали ее, цепи зазвякали и натянулись. Я нацелился в самую середину ворот, свисток продолжал с визгом выбрасывать пар, пули начали без перерыва отскакивать от стальных бортов вокруг меня. Я вжался в сиденье и изо всех сил давил на газ. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Мост медленно поднимался, отрезая мне путь к отступлению, становясь все больше и больше передо мной. Вот он уже под углом в десять, двадцать, тридцать градусов. Похоже, что мне не прорваться.

Мы с грохотом ворвались на мост, я чуть было не вылетел из сиденья от удара, но ремень безопасности меня спас. Спасибо тебе, голосок. Передние колеса поднимались по мосту, выше и выше, до тех пор, пока нос машины не повис в воздухе. Если бы мы поднялись еще выше, она перевернулась бы на спину. И тут мне улыбнулась удача. Мотор сердито заурчал, и моя восхитительная телега встала на дыбы и подалась назад — и я услышал пронзительный визг и лязг цепей. Затем вся моя громадина накренилась вперед. Цепи, удерживающие мост, лопнули, не выдержав тяжести моей машины. Мы клюнули носом в землю, и удар вновь был таким резким, что чуть не оглушил меня. Но ноги мои все еще были на педалях, и колеса продолжали крутиться. Машина рванула вперед, прямо к воде. Я вывернул руль и выправил ее, сворачивая с моста на дорогу. Быстрее и быстрее, вверх по холму и за перевал — и на полной скорости по дороге, пока мы не опрокинулись в кювет. Я был в безопасности и далеко от преследователей. Я оглянулся назад, но никого позади себя не увидел. Но они скоро появятся, если не пешком, то на таких же замаскированных под паровые машины вездеходах. Я твердо поставил ногу на газ и плотно стиснул зубы, чтобы они не стучали всякий раз, когда мы наскакивали на кочки.

Впереди был длинный склон, который немного замедлил наше продвижение. Я газовал изо всех сил, но и это не помогло, и мы кое-как тащились, с трудом перемещая грузное тело этой бестии. Появилась возможность проверить батареи — заряжены! Мне просто повезло с этим, потому что я никак не смог бы их перезарядить, если бы они вышли из строя. Сквозь лязг и громыхание машины я услышал едва заметный отдаленный свист и бросил быстрый взгляд поверх плеча. Так и есть! Два вездехода мчались

по моим горячим следам. Не было никаких сомнений, что они не догонят меня. На бездорожье эти машины были совершенно беспомощны и сразу застревали в грязи.

А в замок Капо Димона вела одна-единственная дорога. Я ехал по ней как раз в том направлении и собирался вести их за собой всю дорогу. Правда, если я приведу их туда, они будут знать, кто стащил их вездеход, и придут за ним позже со своим усыпительным газом. Ничего хорошего. Я оглянулся и увидел, что они приближаются. Но машины тут же начали отставать, как только поползли по склону. Я проскочил перевал, и скорость прибавилась — как и раздражающее слух дребезжание. Думаю, что они придумали эту машину, как один из способов наказания.

Тут показался перекресток, впереди меня из-под колес разбегались крестьяне. Вот и левый поворот, который должен привести меня прямо в замок Димона. Я пронесся мимо него. Я не знал этой дороги совершенно, и все, что я мог сделать, это двигаться вперед и ругать себя на чем свет стоит. Что-то нужно было предпринять — и как можно быстрее. Даже если я буду целый день держать их у себя на хвосте, я израсходую все батареи и все. Думай, Джим, шевели своими заскорузлыми мозгами.

За первым же поворотом мне представилась прекрасная возможность выпутаться из данной ситуации. Ухабистая деревенская дорога пролегала по полю и вела вниз к ручью. И тут, как это обычно и бывает с хорошими идеями, в моей голове выстроился красивый, продуманный до мелочей, хитрый план. Без колебаний я повернул руль и покатил вниз в долину. Все замедляя и замедляя ход и чувствуя, как вязнут в мягкой почве колеса моей телеги. Если я застряну сейчас здесь, это будет конец. Или по крайней мере конец моему владению этой штуковиной. Которую мне бы хотелось еще придержать на некоторое время. Так что, давай вперед, Джим, но очень осторожно. На самой низкой скорости, на первой передаче, я продвигался вперед, пока мои передние колеса не въехали в ручей. Они сразу же погрузились в жидкую грязь, но тут я остановился и включил задний ход. Глядя назад через плечо, я старался двигаться строго по колее, которую я сам проделал, спускаясь вниз.

Наконец я выбрался на твердую дорогу. Переключив скорости, я позволил себе взглянуть на свою работу. Отлично! Следы вели прямо к воде и в воду. На дороге позади себя я услышал не очень отдаленный свист. Я со всей силы надавил на газ и на полной скорости вылетел за поворот, скрывшись за деревьями. Там я остановился, заглушил мотор, поставил машину на ручной тормоз и выпрыгнул на землю. Теперь предстояло самое опасное. Мне нужно было убедить их двинуться по моим следам. Если они мне не поверят, у меня будет совсем мало шансов скрыться.

Но деваться было некуда, надо рисковать. Я стянул на бегу куртку, спотыкаясь, вывернул ее на другую сторону. Накинув ее на плечи, завернул рукава и наклонился, чтобы закатать брюки. Не очень-то приличная маскировка, но в данном случае и она мо-

гла помочь. Я надеялся, что преследователи не успели меня как следует рассмотреть — если они вообще меня видели.

Я встал на том месте, где свернул к ручью, и еще успел зачерпнуть немного грязи и вымазать ею лицо, когда первая из псевдопаровых машин выползла из-за поворота. Они замедлили ход, когда я вышел на дорогу и показал рукой в сторону ручья. И крикнул:

— Он поехал туда!

Водитель и стрелок повернулись к полю и долго рассматривали мои следы. Мотор замедлил обороты, а потом и совсем заглох.

— Плюхнулся прямо в воду и продолжал гнать по полю. Этот парень — ваш приятель?

Наступил решающий момент. Он тянулся неимоверно долго, и тут показался второй вездеход, который, замедлив ход, тоже остановился. Что если они начнут расспрашивать меня — или просто взглянут на меня поближе?

Мне захотелось поскорее убежать — но если я сделаю это, все провалится.

— За ним! — выкрикнул кто-то, и водитель, вывернув руль, свернул в поле.

Я помчался назад к деревьям и наблюдал за ними с величайшим интересом. Просто красота. Я был горд за себя, да, горд. И мне не стыдно было в этом признаться. Когда художник создает величайшее произведение искусства, он это знает и не пытается принизить его значение своей ложной скромностью. А это было настоящее произведение искусства. Первая машина прогромыхала по полю, подпрыгивая и неуклюже приседая на кочках, и на полном ходу врезалась в воду, подняв гору брызг.

Все произошло так быстро, что задние колеса очутились в воде еще до того, как заглох мотор. И машина стала медленно погружаться в жидкую грязь. Она тут же полностью покрыла колеса, и они окончательно завязли в ней. По всему полю полетели страшные крики и ругательства — а что самое замечательное, кто-то вытащил трос и сцепил вездеходы вместе. Чудесно! Второй вездеход взрыл колесами землю, погружаясь все глубже и глубже в мягкую почву, пока и сам не застрял в ней.

Я радостно захлопал в ладоши и зашагал назад к своей машине.

Мне не следовало этого делать, я это знал. Но бывают в жизни моменты, когда просто невозможно удержаться от желания порисоваться.

Я сел в машину, пристегнул ремень безопасности и, двигаясь взад и вперед, вывернул ее на дорогу, после чего включил полную скорость. Проезжая злосчастный поворот, я с силой нажал на гудок. Он громко завизжал, и все повернулись в мою сторону, все смотрели на меня во все глаза. Я помахал им ручкой и рассмеялся. И прекрасное зрелище, мелькнув за деревьями, исчезло из виду.

Это был победный марш. Я громко смеялся, пел и весело насвистывал.

Когда первые восторги улеглись, я двинул вперед ферзя в своей мысленной шахматной партии. И стал обдумывать, каким может быть ответный ход. Шипение пара и бряцание железа отвлекало, и я, изучив внимательно приборы, обнаружил, что все эти спецэффекты просто записаны и их можно выключить. Что я и сделал, продолжая свой путь к замку Капо Димона в тишине и спокойствии.

День был уже в разгаре, когда я наконец добрался до него — и к этому времени я ясно представлял дальнейшее развитие событий. Когда я повернул за последний поворот и выехал на дамбу, мне пришлось вновь запустить спецэффекты, и я, громыхая и свистя во все пары, подкатил к воротам. Я не торопился, чтобы стража успела меня заметить и поднять частично подремонтированный мост задолго до того, как я окажусь у ворот.

Остановившись перед ущельем, я заметил, что они с подозрительным любопытством выглядывают на меня из-за моста.

— Не стреляйте! Я — друг! — выкрикнул я. — Я солдат вашей армии и приближенный Капо Димона. Пошлите за ним немедленно, так как я знаю, что ему не терпится посмотреть на новую паровую машину.

Ему и впрямь не терпелось. Как только мост опустился, он важно прошагал по нему и подошел ко мне.

— Где ты это взял? — спросил он.

— Стащил. Залезай ко мне, и я покажу тебе кое-что интересное.

— А где усыпительный газ? — спросил он, взбираясь по ступеням.

— Я не стал с ним связываться. С этой телегой я разработал план, еще получше прежнего. Это не обычная паровая машина, как надеюсь, ты успел заметить. Современная и усовершенствованная модель, с кое-какими дополнениями, которые привлекут твое внимание.

— Ты идиот! О чем ты говоришь? — Он нервно задвигал своим мечом; что за невыдержанный характер.

— Я продемонстрирую, ваше величество, ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Предлагаю тебе сесть и пристегнуть вот этот ремень безопасности, как у меня. Гарантирую, что то, что ты увидишь, произведет на тебя большое впечатление.

Это возбудило в нем некоторое любопытство. Он уселся рядом со мной, и я медленно прокатил его по дамбе до самого берега. Со всеми соответствующими шумовыми эффектами. Тут я остановился и повернулся к нему.

— Что ты можешь сказать о скорости движения этой машины? Какова она обычно?

— Скорость? Ты имеешь в виду то, как быстро она движется? Это отличная упряжка и идет намного быстрее, чем моя собственная.

— Но ты еще ничего не видел, Капо. Во-первых, взгляни сюда.

Я выключил шумовое сопровождение, и он понимающе кивнул.

— Ты выключил зажигание, и она замолчала и не двигается.

— Как раз наоборот. Я просто заставил ее замолчать, чтобы никто не услышал ее приближения. Но она поедет, да еще как! После того, как ты ответишь мне на один вопрос. Если бы эта телега принадлежала врагу и появилась здесь — успели бы твои солдаты поднять мост, прежде чем она въехала бы на него?

Он насмешливо фыркнул.

— За какого дурака ты меня принимаешь, что задаешь такие глупые вопросы? Пока эта развалина будет грохотать по дамбе, мост можно поднять и опустить не один раз.

— Да ну? Тогда держись, и мы посмотрим, что эта малютка может сделать.

Я нажал на газ, и вездеход рванул с места почти в полной тишине. Слышалось только негромкое гудение мотора и шуршание шин по гладкой мостовой. Быстрее и быстрее к воротам, которые приближались к нам с пугающей скоростью. Стража, стоявшая в проеме, едва успела отскочить в сторону, а мы на полном ходу въехали на неотесанные доски моста, подпрыгнули на нем и плавно вкатили в замок через городские ворота. Остановившись посреди двора, я заметил, что Капо сидит в машине с выпученными глазами и ловит ртом воздух. Но немного оправившись, он выдернул свой меч из ножен.

— Ты — предатель! Твоя попытка убить меня не удалась...

— Послушай, Капо, это была всего лишь демонстрация. Я показал тебе, как я собираюсь провезти тебя и твоих солдат через ворота замка Капо Доссия. Прямо через открытые ворота во внутренний двор, где ты можешь убивать, грабить, громить, калечить, разрушать...

Это его успокоило. Меч отправился обратно в ножны, и он наконец заметил, какой переполох и удивление вызвал наш прорыв.

— Ты прав,— сказал он, часто моргая и приходя в свое обычное состояние.— Ты подкинул мне очень интересную мысль, солдат, и мне бы хотелось послушать, что ты еще скажешь обо всем этом, за чашкой вина — так как наша прогулка оказалась чем-то таким, что я не испытывал раньше никогда.

— Слушаюсь. Но позволь сначала убрать с глаз эту телегу. Нападение будет успешным только в том случае, если оно будет неожиданным.

— Правильно говоришь. Поставь эту штуковину в сарай, а я пошлю туда охрану.

Вино, которое он дал мне отведать, было довольно приличным по сравнению с той кислятиной, которую выдавали войску, и я с удовольствием пригубил его. Совсем немножко, потому что мне нужна была ясная голова, если партия будет развиваться соответственно плану. Мне нужно было найти причины, которые бы показались ему разумными, чтобы убедить его не откладывать

наступление. Потому что, если мы не будем торопиться, профессор Люстиг забросает нас своими газовыми бомбами. Я был уверен, что он не очень обрадовался тому, что я украл его гоночный автомобиль. А в округе не так уж много замков, где его можно спрятать.

Пришло время действовать. Я мысленно выставил вперед ладью и сказал:

— Замок подлеца Доссии находится отсюда не больше, чем в пяти часах ходьбы — правильно?

— Пять часов, четыре часа для марш-броска.

— Хорошо. Тогда подумай вот над чем. Он напал на тебя, когда ты с большей частью армии отсутствовал. Его войска причинили большой урон мосту и самому зданию замка. Прежде чем ты отважишься предпринять новое наступление, ты должен починить мост, может, даже нанять новых солдат. Чтобы к тому времени, когда ты начнешь военные действия, никто не смог воспользоваться твоей отлучкой. Это правильно?

Он не спеша цедил вино и смотрел на меня поверх бокала.

— Да, черт тебя подери, думаю, что так оно и есть. Осторожность, мои офицеры всегда советуют мне быть осмотрительным, когда я собираюсь идти войной против этой бестии, вырвать у него кишки, содрать с него с живого кожу.

— Так оно и будет на самом деле, перед тобой открывается прекрасное будущее. И в отличие от твоих офицеров я не стану советовать тебе чересчур осторожничать. Думаю, что этот дьявол во плоти должен быть уничтожен — и немедленно!

Это ему очень понравилось, и было видно, что он слушает меня с неотрывным вниманием, когда я докладывал ему свой план.

— Оставляем здесь все, как есть — берем с собой всех людей. Если все пойдет по намеченному, ты вернешься сюда со своим войском еще до того, как кто-либо узнает, что ты уходил. Мы выступим ночью, бесшумно, словно духи мщения, и на рассвете займем выгодные позиции как можно ближе к замку Капо Доссия. Я знаю место. Когда мост опустят на рассвете, я с помощью твоей новой машины прослежу за тем, чтобы он оставался открытым. Твои войска атакуют, захватывают замок — и победа у нас в кармане. Как только мы завоюем замок, мы пошлем самых сильных домой.

— Все так и могло бы произойти. Но как ты собираешься помешать им закрыть мост?

Когда я объяснил ему это, он вскрикнул от радости, и его лицо расплылось в озорной усмешке.

— Действуй! — крикнул он.— И я сделаю тебя богатым на всю жизнь. С помощью гроутов Доссии, разумеется, когда я захвачу его богатства.

— Ты слишком добр к своему бедному слуге. Могу ли я в таком случае посоветовать, чтобы ты отправил всех в замке отдыхать, так как ночь у нас будет не из легких?

— Да, будет сделано. Я отдам соответствующие приказы.

После этого я тихонько покинул Капо. Кроме естественного беспокойства по поводу уставших тел моих товарищей, у меня были и другие причины пожелать им спокойной ночи в своих кроватях.

Мне нужно было выполнить еще кое-какие важные задачи, прежде чем я смогу отдохнуть сам.

— Инструменты,— сказал я Дренгу, еле разбудив его.— Напильники, молотки и тому подобное. Где их здесь можно найти?

Он запустил пальцы глубоко в спутанные волосы и усердно заскреб голову, наверное, пытаясь выцарапать оттуда какую-нибудь мысль.

Я с трудом поборол в себе желание схватить его и хорошенько встряхнуть; вместо этого я терпеливо дождался, когда он закончит свое замедленное действие. Возможно, что подобный массаж головы помогает ему расшевелить его тугодумные мозги. Поэтому я не стал вмешиваться в установившуюся практику.

И он наконец заговорил:

— У меня нет инструментов.

— Я знаю, дорогой мальчик,— я слышал, как заскрежетали мои зубы, но заставил себя сдержаться.— У тебя нет инструментов, но у кого-нибудь они должны быть. У кого, как ты думаешь?

— У кузнеца,— с гордостью произнес он.— У кузнеца всегда есть инструменты.

— Молодчина. А теперь, не будешь ли ты так любезен и не покажешь ли, где можно его найти?

Тот, кого мы искали, оказался черным, как сажа, волосатым мужиком в прескверном настроении. Он дыхнул на нас перегаром.

— Ползи отсюда, малявка. Никто никогда не прикасается к инструментам Гранджа, никто.

Да, действительно малявка! Я не должен был вызывать его гнев и сердитое ворчание.

— Слушай, ты, грязная свинья — это инструменты Капо, а вовсе не твои. И Капо послал меня за ними. А теперь либо я возьму их, либо мой оруженосец приведет сюда Капо. Тебе этого хочется?

Он сжал кулаки и нахмурился, затем отошел в нерешительности. Как и все остальные, он видел, как мы с Капо въехали в замок, и знал, что я пользуюсь его доверием. Он не мог позволить себе вызвать гнев своего босса. Он принялся подпрыгивать, кланяться и расшаркиваться.

— Разумеется, хозяин. Грандж знает свое место. Инструменты, конечно, возьми мои инструменты. Вот здесь все, что вам угодно.

Я протиснулся мимо его раскланивающейся фигуры к верстаку с примитивными приспособлениями. До чего же умилительно!

Мне пришлось перебрать кучу всякого хлама, пока я наконец не нашел подходящий напильник, молоток и какие-то необрабо-

танные металлические обломки, которые должны были пригодиться. Я всучил все это Дренгу.

— Возьми-ка это. А ты, Грандж, сможешь забрать свои инструменты завтра утром в гараже.

Дренг последовал за мной и с благоговейным страхом уставился на паровую машину.

— Закрой рот, а то муха залетит,— сказал я ему, забирая инструменты.— Теперь мне нужна солидная сумка или какой-нибудь мешок, вот такого размера. Отыщи где-нибудь все это и принеси мне. А потом отправляйся спать, потому что нам не удастся выспаться этой ночью.

С настоящими инструментами я бы справился с работой в считанные минуты. Но у меня было такое чувство, что здесь не очень-то придерживались точных допусков, и если я хоть отдаленно приближусь к модели, все будет в порядке. Металлическая обшивка борта была примерно такой же толщины, как и мой деревянный ключ. Я отрезал кусок и пилил, и стучал, и делал зарубки, придавая ему нужную форму. Должно подойти.

Дренг — как и все остальные — уже давно спал, и я мог приступать к операции под названием Великий Гроут. С ключом в кармане, с засунутой за пояс сумкой, бесшумно, словно тень, я пробрался в самые дебри замка. Я запомнил карту Слона, и его дух должен был хранить меня, во всяком случае, я отыскал сокровища безо всякого труда. Я вставил ключ в замочную скважину, плюнул три раза на всякий случай и повернул его. Скрежетнув по металлу, ключ повернулся, и замок открылся.

Мое сердце, как обычно, заколотилось в груди, а я словно прирос к месту. Шум могли услышать. Но, к счастью, не услышали. Дверь негромко скрипнула, когда я ее отворил, но в следующий момент я был уже внутри сводчатого склепа и тихонько захлопнул ее за собой. Прекрасно. Высокие зарешеченные окна впускали достаточно света, и я увидел огромные сундуки в дальнем углу склепа.

Я отлично провел свои финансовые исследования, оглядывая богатства этого хвастуна, и я знал, что мне здесь было нужно. Первый сундук был наполнен медными гроутами, я мог определить это на ощупь по их толщине. В логической последовательности я обнаружил серебряные гроуты в следующем сундуке и набил ими половину сумки. Проделывая это, я заметил сундучок поменьше, неприметно стоявший поодаль. Я улыбнулся в темноте, запустив туда руку и почувствовав угловатые формы. Золотые гроуты — и много. Похоже, операцию можно было считать успешной. Я закончил нагребать монеты и почувствовал, что сумка стала неподъемной. Берегитесь жадности! Прислушавшись к этому своему совету, я взвалил сумку на плечо и тем же самым путем вышел наружу.

Во дворе расхаживали вооруженные стражники, но они не заметили, как я осторожно проскользнул в сарай. Включив фары вездехода, света которых было достаточно, чтобы оглядеться,

я открыл нижнее отделение для аккумуляторных батарей и пристроил там сумку с деньгами. Закрыв его, я почувствовал величайшее облегчение. И мысленно выдвинул вторую ладью вслед за первой.

Партия шла точно в том направлении, которое я ей задал, и впереди уже ясно был виден мат.

— А теперь, Джим,— подумал я.— Приклони куда-нибудь свою голову и поспи. Завтра будет невероятно хлопотный день.

Я что-то бормотал, отбивался и отворачивался, но какой-то раздражитель не давал мне покоя.

Наконец я приоткрыл глаза и сердито зарычал на Дренга, который не переставал трясти меня за плечо. Он тут же в испуге отскочил.

— Не бейте меня, хозяин,— я делаю то, что мне было приказано. Пора просыпаться, войско уже строится во дворе.

Я проворчал что-то невнятное, которое вдруг перешло в кашель. Передо мной тут же появилась чашка, и я с наслаждением прильнул к прохладной воде, затем вновь откинулся на койку.

Уже не в первый раз я оценил систему, в которой у каждого воина должен быть оруженосец. Но сейчас я чувствовал себя побитым, измочаленным, измученным. Все эти беды и напасти способны подорвать выносливость даже молодого и полного сил и энергии организма. Я тряхнул головой, и приподнялся на локте, рассердившись на себя за мимолетную слабость.

— Хорошо, иду, Дренг,— сказал я.— Принеси мне чего-нибудь поесть, чтобы насытить мои внутренности перед дальней дорогой. И еще воды, если можно, а то похоже, что кроме алкоголя у этих хозяев ничего не подают.

Я побрызгал холодной водой на голову, фыркая и отплевываясь на весь двор. Промокнув лицо, я увидел в ясном свете звезд, как солдаты выстраиваются в шеренги, получив амуницию.

Скоро начнется самая великая авантюра в моей жизни.

Когда я вернулся в казарму, Дренг уже поджидал меня там. Я сел на нарах и принялся за завтрак, состоящий из совершенно отвратительных жареных бобов, вымоченных в какой-то отраве, которая здесь называлась вином. В промежутках между запихиванием пищи в рот мне приходилось говорить, потому что это был последний момент, когда я мог поговорить со своим оруженосцем наедине.

— Дренг, твоя военная карьера заканчивается.

— Не убивайте меня, хозяин!

— Военная карьера, идиот, я же не сказал, твоя жизнь. Сегодня последняя ночь твоей службы, и утром ты будешь отпущен домой с полным расчетом. Где твой старый отец прячет деньги?

— Мы так бедны, что у нас нет гроутов.

— Да, я тоже так думаю. Но ЕСЛИ БЫ у него было немного — куда бы он их положил?

Наверное, это был сложный вопрос, потому что он надолго задумался, пока я жевал и глотал свой завтрак. Наконец он ответил.

— Закопал бы их под очагом в доме! Помню, он как-то это делал. Все закапывают свои деньги под очагом, чтобы их никто не нашел.

— Прекрасно. В таком случае их обязательно найдут. Ты должен поступить со своим богатством совершенно по-другому.

— У Дренга нет богатства.

— У Дренга будет богатство еще до восхода солнца. Я тебя полностью рассчитаю. Придешь домой и отыщешь возле хижины два дерева. Натянешь между ними веревку. Выкопаешь яму прямо под ней, поделив веревку пополам. Зароешь деньги там — тогда ты сможешь легко найти их, когда они понадобятся. Но доставай по нескольку монет, не все сразу. Понял меня?

Он радостно закивал.

— Два дерева, середина веревки. Никогда не слышал ничего подобного!

— Очень важно это знать,— я вздохнул. На свете было много чего, о чем он никогда в жизни не слышал.— Ну, пойдем. Я хочу, чтобы ты был кочегаром на моей огненной колеснице.

Я, шатаясь, поднялся на ноги и направился к сараю. В то время как солдаты уже построились в шеренги и были готовы к походу, офицеры только появились, потягиваясь и зевая, во главе с Капо.

Времени оставалось немного. Дренг забрался в машину позади меня и взвизгнул от страха, когда я включил освещение приборов.

— Дьявольский свет! Это фонари привидений! Верный признак погибели!

Он скрестил руки на груди, приготовившись к смерти, пока я его хорошенько не растолкал.

— Батареи! — крикнул я.— Подарок науки, отрицаемой в вашем кошмарном мире. А теперь перестань скулить и открывай свою сумку.

Все мысли о смерти мигом исчезли, и он вылупил глаза, когда я начал набивать его кожаную сумку серебряными и золотыми гроутами. Это было настоящее богатство, которое должно было переменить его жизнь полностью, по крайней мере это единственное доброе дело, совершенное мной на этой планете.

— Что вы там делаете?

Это был Капо Димон, подозрительно оглядывающий нас снизу.

— Разогреваем мотор, только и всего, ваше превосходительство.

— Убери прочь своего оруженосца, я сажусь в машину.

Я махнул ошарашенному Дренгу, чтобы он пересел на заднее сиденье, и Капо взобрался на борт.

— Вы делаете мне одолжение своим присутствием, Капо.

— Ты чертовски прав. Я поеду в машине, в то время как войско пойдет пешком. Давай, заводи эту штуковину.

Разведчики уже давно были отправлены вперед, когда мы про-

грохотали по мосту и выехали на дамбу. Основная часть войска шла за нами, и, несмотря на поздний час, походка их была довольно бодрой. Все они потеряли ценные вещи — а кто-то и оруженосцев — во время вражеского набега. И все пылали теперь жаждой мести и наживы.

— Капо Доссия должен быть захвачен живым,— сказал вдруг Капо Димон. Я уж было приготовился ответить, но вовремя сообразил, что он разговаривает сам с собой.— Связанный и беспомощный, он должен быть доставлен в мой замок. Сначала я сдеру с него кожу, совсем немного, чтобы только хватило на ленту к шляпе. Затем, наверное, выколю ему глаза. Нет — не сразу — он должен видеть, что с ним происходит...

Он говорил еще что-то в этом же духе, но я перестал слушать. У меня было о чем подумать — и даже пожалеть. Когда Слон был убит, ярость переполнила меня и завладела мной настолько, что я не понимал, что делаю. Теперь все оправдания исчезли — я пустился в это предприятие исключительно ради мести. И я не мог провозгласить, что делаю это ради памяти Слона, потому что знал, насколько он был всегда против подобных насильственных актов. Но отступать было поздно. Кампания была уже развернута, и мы быстро приближались к цели.

— Остановись-ка! — неожиданно скомандовал Капо, и я нажал на тормоза.

Впереди нас на дороге стояла в ожидании небольшая кучка людей — наши отправленные вперед разведчики. Капо спрыгнул на землю, а я наклонился, чтобы рассмотреть, что там у них случилось. Они вели человека со связанными за спиной руками.

— Что произошло? — спросил Капо.

— Мы обнаружили, что он наблюдает за дорогой, ваше превосходительство. И поймали его, прежде чем он смог удрать.

— Кто он такой?

— Солдат по имени Палек. Я знаю его, служили вместе во время южной кампании.

Капо подошел к арестованному, приблизив к нему свое лицо и сердито прорычав:

— Ты теперь мой, Палек. Скрученный и связанный.

— Ну.

— Ты человек Капо Доссии?

— Ну, я служу у него. Получил от него гроут.

— Ты давно пропил его, наверное. А будешь ли ты служить у меня и получать мои гроуты?

— Ну.

— Развяжите его. Баркус, дай этому человеку серебряный гроут.

Наемники славно воевали, но они так же легко переходили то на одну, то на другую сторону.

А почему нет? Они не были привязаны к казармам ни одного из Капо. Как только Палек согласился принять монету, ему вернули его оружие.

— Скажи, Палек,— скомандовал Капо.— Ты теперь мой слуга, который получает мои гроуты. Но ты служил у Капо Доссии. Расскажи мне о его планах.

— Ну. Это не секрет. Он знает, что твоя армия осталась целой и невредимой и что ты рано или поздно пойдешь на него войной. Несколько человек послали понаблюдать за дорогами, но он не предполагает, что вы придете так скоро. Он не перестает пьянствовать, а это значит, что он не ждет нападения.

— Я проткну ему мечом живот и выпущу оттуда вино и кишки! — Капо с трудом заставил себя прервать свои мечтания и вернуться к действительности.— Ну, а войска? Они будут сражаться?

— Ну, им только что заплатили. Но они его не очень любят и перейдут на сторону противника, как только битва будет проиграна.

— Это уже лучше. Вставай в строй, разведчики вперед, заводи машину.

Последнее предназначалось мне, и он быстро вскарабкался наверх.

Я нажал на газ, и мы продолжили продвижение. Больше нас ничто и никто не останавливал, и мы, сделав небольшой привал, подошли к замку врага задолго до восхода солнца. Разведчики ждали нас у дороги в том самом месте, которое я выбрал заранее. Замок Капо Доссия находился за следующим поворотом.

— Я расставлю дозорных,— сказал Капо.

— Согласен. Мой оруженосец покажет им точное место, где они смогут, укрывшись из виду, наблюдать за воротами,— я подождал, пока он отойдет подальше и прошептал Дренгу на ухо:

— Бери свою сумку и все, что у тебя есть с собой,— ты сюда больше не вернешься.

— Я не понимаю, хозяин...

— Поймешь, если закроешь рот и будешь слушать, вместо того, чтобы болтать. Отведи солдат к тем кустам, где мы прятались, когда пришли сюда выручать Слона. Ты помнишь это место?

— Это сразу за сожженным деревом, стоящим над живой изгородью...

— Отлично, отлично — мне не нужны твои описания. Отведи солдат туда, как я сказал, покажи им, где спрятаться, и сам спрячься позади них. Когда взойдет солнце, здесь начнется настоящая заварушка. В это время ты не делаешь абсолютно ничего, понял меня — не говори, просто кивни?

Он кивнул.

— Прекрасно. Ты остаешься лежать, пока все не умчатся вперед. Как только все разбегутся и никто не будет на тебя смотреть — беги прочь. Назад в лес и домой, и сиди там тихо, пока не улягутся страсти. Затем посчитай свои деньги и живи счастливо.

— Получается, что я не буду больше вашим оруженосцем?

— Правильно. Демобилизован из армии с почестями.

Он упал передо мной на колени и схватил мою руку, но прежде чем он успел произнести хоть слово, я прижал палец к его губам.

— Ты был хорошим оруженосцем. Теперь будь хорошим фермером. Беги!

Я смотрел ему вслед, пока он не растворился в темноте. Глуповатый — но преданный. И единственный друг на этой жалкой планете. Единственный друг, который был мне так необходим! Особенно теперь, когда Слон... Слава богу, мои грустные мысли были прерваны Капо, который снова забрался на свое сиденье. За ним последовали вооруженные солдаты, и вскоре их набилось в машину под самую завязку. Капо украдкой взглянул на небо.

— Уже показался первый лучик. Скоро рассвет. И тогда начнется.

Теперь нам оставалось только ждать. Казалось, в воздухе было столько напряжения, что было трудно дышать. Светало, из темноты стали появляться неясные очертания солдатских лиц с одинаковым мрачным выражением. Я сосредоточил все свое внимание на том, что происходило за поворотом, вспоминая, как это было, когда мы с Дренгом прятались там. Ждали и наблюдали. За закрытыми воротами замка, за поднятым мостом, за тем, как они с каждой минутой становились все отчетливей.

Солнце поднималось все выше, и из-за толстых городских стен показался дымок от костра, на котором готовили завтрак. Затем в казармах прозвучал сигнал к подъему, смена караула.

Наконец ворота отворились, мост опустили. Что потом? Последуют ли они заведенному порядку? Если нет, наши силы вскоре будут замечены...

— Сигнал! — сказал Капо, с силой пихнув меня в бок локтем.

Это было лишнее. Я и сам увидел солдата, который замахал нам рукой, как только появился из-за поворота. Нога уже давила на газ, и мы быстро набирали скорость. Обогнув поворот, мы помчались прямо ко входу в замок, подпрыгивая и раскачиваясь на кочках. Стража удивленно уставилась на нас и замерла в изумлении, в то время как мы стремительно приближались к ним. Рабы, толкавшие повозку, остановились как вкопанные и тоже во все глаза смотрели на нас. Затем поднялся страшный крик. Мост заскрипел, когда они попытались поднять его, но повозка и раб все еще стояли на нем. Посыпались пинки и визгливые приказы, но каждая потерянная секунда неумолимо приближала нас к воротам. Они принялись впихивать повозку обратно во двор — но было уже поздно. Мы их опередили. Передние колеса коснулись моста, мы подпрыгнули в воздух и приземлились с громким треском, на всем ходу врезавшись в повозку. Я затормозил, рабы и стража нырнули в ров с водой, боясь быть задавленными, а мы юзом прокатились по мосту и застряли в городских воротах.

— За Капо Димона, за гроуты, за господа Бога! — кричал Капо, выпрыгивая из машины и бросаясь в атаку.

Остальные тоже бросились за ним, а я немного сдал назад. За моей спиной слышались крики и топот наступающей армии. Я ви-

дел, как Капо со своими людьми захватил механизм, поднимающий мост. Хотя его все равно невозможно было поднять, потому что на него всей своей тяжестью навалилась моя машина. В этом и заключалась вся прелесть и простота моего плана. Раз уж я въехал на мост, он останется опущенным, пока я тут. Ну а теперь я мог прокатиться вперед, чтобы пропустить в ворота остальное войско.

Завязался бой за замок Капо Доссия.

Это было неожиданное нападение, которое и в самом деле застало их врасплох. Наши силы оккупировали подъемный мост и постепенно заполняли внутренний двор замка, в то время как из казарм стали выскакивать солдаты Капо Доссия. Стражники на городских стенах сражались яростно и отважно, но мы явно превосходили их по численности. В придачу к общей неразберихе я включил шумовые спецэффекты и выпустил пар из свистка, врезаясь в кучу защитников замка, преградивших мне путь. В мою сторону раздалось даже несколько выстрелов, но большинство солдат, увернувшись из-под колес, побежали прочь.

Колеса взвизгнули, когда я резко притормозил и огляделся вокруг, залюбовавшись картиной боя. Защитники на стенах капитулировали один за одним, поднимая руки в воздух. Уступая нам по численности с самого начала и не имея особых причин быть преданными Капо, как нам и было сказано, они теперь рады были спасти свои жизни. У входа в главное здание группа офицеров показывала чудеса отваги, и главное сражение разгорелось там. Но и они друг за другом выходили из боя, кто пораженный вражеским мечом, кто вовремя признавший себя побежденным. Двое из их команды попытались скрыться в здании, но обнаружили, что дверь захлопнулась у них перед самым носом.

— Принесите факелы! — крикнул Капо Димон.— Сейчас мы выкурим их из замка!

Сражение закончилось так же быстро, как и началось. Ворота, стены и внутренний двор были в наших руках. Сваленные в кучу трупы говорили о жестокости этого недолгого боя. Рабы дрожали от страха, прижавшись к стенам, в то время как сдавшиеся солдаты были отведены с исходных позиций. Только центральное здание оставалось до сих пор в руках защитников. Капо Димон, похоже, твердо знал, что нужно делать. Он помахал над головой дымящимся факелом и крикнул:

— Эй, Доссия, толстобрюхая жаба, пришел твой конец. Выходи и сражайся, как честный воин, ты червяк, или я выкурю тебя оттуда. Я сожгу тебя заживо вместе со всеми, с мужчинами, женщинами, детьми, собаками, крысами, голубями, которые находятся там с тобой. Выходи и дерись, ты, грязный подонок — или оставайся там и я поджарю тебя, как свинью на вертеле!

Изнутри раздался выстрел, и пуля отскочила от булыжника у самых ног Капо. Он взмахнул своим окровавленным мечом, и в ответ прозвучал залп из наших ружей. Пули со свистом ударялись в каменные стены, застревали в обшивке двери, залетали

в окна. Когда огонь прекратился, мы услышали дикие крики, доносящиеся из здания.

— Последнее предупреждение! — выкрикнул Капо Димон.— Я не воюю с женщинами и теми солдатами, которые сдаются. Сложите оружие и вы будете свободны. Будете сопротивляться — и сгорите заживо. Мне не нужен никто больше, только эта свинья, Доссия. Ты слышишь это, Доссия, мерзкая тварь, свинья, гадина...

И все в том же духе, так он увлекся. Факел потрескивал и дымился в его руке, а внутри здания по-прежнему слышалась приглушенная возня и крики.

Вдруг дверь распахнулась, и Капо Доссия скатился вниз по ступенькам. Он был бос и полуодет — но держал в руках меч. При виде своего врага Капо Димон совсем потерял то немногое самообладание, которое у него еще оставалось. Он зарычал от ярости и бросился вперед. Доссия вскочил на ноги, лицо его было все в крови, и поднял меч для защиты. Это было незабываемое зрелище — и каждый наслаждался им. Наступило никем не объявленное перемирие, когда оба лидера вступили в бой.

Солдаты опустили оружие, а в окнах над их головами показались любопытные лица. Я тоже вылез из водительского кресла и встал на передок машины, где мне были прекрасно видны оба бойца.

Они стоили друг друга — не превосходя один другого ни в гневе, ни в ловкости. Меч Димона с силой обрушился на поднятый клинок Доссии. Он ловко отпарировал и сделал бросок — но Димон вовремя отступил назад. Вслед за этим последовали непрерывные удары сталью о сталь, перемежающиеся громкими проклятиями. Они крутились на булыжной мостовой, размахивая мечами, будто от этого зависели их жизни. Хотя, конечно, зависели. Это было довольно примитивное бряцание оружием, выпад — ответный удар, но в нем присутствовало столько энергии.

Раздался крик — Димон первым пустил кровь своему врагу, и рубашка вокруг раны на боку у Доссии быстро промокла. Это было начало конца.

Димон был сильнее и свирепее и наиболее близок к победе. Если Доссия и впрямь пьянствовал все это время, как нам сказали, то можно считать, что он так же яростно боролся с похмельем, как и со своим врагом. Димон теснил его все больше и больше, безжалостно атакуя и преследуя по всему двору. Пока он наконец не был прижат к стене, и ему некуда было дальше отступать. Димон прорвался через оборонительную стойку противника и двинул ему в челюсть рукояткой своего меча — затем выбил оружие у него из рук резким ударом стального клинка. Все его планы относительно садистской расправы улетучились в пылу сражения. Он размахнулся — и рубанул что было сил.

Ничего привлекательного в том, как острый клинок перерезал горло Капо Доссии, не было. Меня стошнило, и я отвернулся. В тот самый момент огромная тень закрыла солнце.

Люди один за одним поднимали головы вверх — и вокруг стали раздаваться изумленные вздохи. Я тоже посмотрел вверх. Но в отличие от всех остальных, я точно знал, что вижу перед собой. Необъятная сверкающая на солнце модель космического корабля класса Д на воздушной подушке. Массивная громадина проплывала над двором легко, словно птичье перышко. И, как видно, собирается остановиться. Наконец она зависла над нашими головами, тая в себе неизведанную опасность.

Я повернулся и бросился к приборам. Но скрываться было уже поздно, да и некуда. Я полез в отсек для батарей, когда из корабля выпали первые серебристые шары. Я с ужасом поглядел на них — затем глубоко вздохнул и задержал дыхание, открывая дверцу отсека и запуская туда руку. Вытащив оттуда кожаную сумку, я снова уселся на водительское кресло.

Вокруг меня на мостовую падали шары и, ударяясь о камни, разбивались, выпуская содержащийся в них газ. Я пристроил сумку на коленях и увидел, что один из солдат согнулся пополам и рухнул на землю. Я с трудом застегнул ремень безопасности трясущимися пальцами, когда Капо Димон зашатался и свалился на мертвое тело своего врага. В ноздри мне ударил обжигающий воздух, тогда как я запихнул сумку под ремень, плотно затянув его на спине. Это было все, что я мог сделать.

Легкие вдруг пронзила острая боль, и я в последний раз окинул взглядом двор замка. У меня было очень сильное чувство, что я вижу этот кусочек безумного мира Спиовенте в последний раз.

— Скатертью дорога! — крикнул я молчаливой громадине, выпуская воздух из легких. Затем вдохнул снова...

Я был в сознании, я это сразу понял. Я чувствовал под собой что-то мягкое, и в мои закрытые веки бил откуда-то сверху яркий свет. Я побоялся их открыть — вспомнив всеразрушающую головную боль, сопровождавшую последнюю газовую атаку. При одной мысли об этом я съежился от страха и чуть повернул голову. И ничего не почувствовал. Ободренный этим маленьким экспериментом, я приоткрыл один глаз. Опять ничего. Я сощурился от яркого света, но боли не было, совершенно никакой боли.

— Наверное, другой газ, спасибо большое, — сказал я, обращаясь неизвестно к кому и широко открывая глаза.

Небольшая комната, вогнутые металлические стены, узкая кровать подо мной. Даже если космический корабль не был бы последним, что я видел перед тем, как упасть в обморок, я все равно бы смог определить, где нахожусь. Значит, они взяли меня на борт. Но где же все мои гроуты? Я быстро огляделся, но их, конечно же, нигде не было. От резких движений в голове моей что-то зашумело, и я упал на кровать и громко застонал от жалости к себе.

— Выпей вот это. Чтобы уничтожить побочные явления газа.

Я вновь открыл глаза и посмотрел на большого человека, который как раз закрывал за собой дверь. На нем было нечто подоб-

ное униформе со множеством золотых пуговиц и нашивок, напоминающее военную.

Он протягивал мне пластиковую мензурку, которую я робко взял в руки и пригубил.

— У нас было достаточно времени, чтобы отравить тебя или убить, пока ты находился без сознания,— сказал он. Логично. Я проглотил горькую жидкость и сразу почувствовал себя лучше.

— Вы украли мои деньги,— выпалил я, не успел он рта раскрыть.

— Твои деньги в целости и сохранности...

— Они будут в сохранности только в том случае, когда я буду держать их в руках. Как это было, когда вы нашли меня, привязанные к моему телу. Кто бы ни был тот, кто их взял — он вор.

— Только не надо говорить мне о воровстве! — оборвал он.— Ты и сам их, должно быть, украл.

— Докажи! А я говорю, что я заработал их честным и тяжелым трудом и не желаю, чтобы их употребили для какого-нибудь фонда помощи вдовам погибших в звездных войнах...

— Ну хватит. Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать с тобой вопрос о твоих несчастных гроутах. Они будут сданы на хранение в Галактический Банк...

— По какому курсу обмена? И какие проценты мне по нему пойдут?

Было видно, что он рассердился.

— Ну все. Ты находишься в весьма затруднительном положении — и должен многое объяснить. Профессор Люстиг сказал мне, что тебя зовут Джим. Как твое полное имя и откуда ты прибыл?

— Меня зовут Джим Никсон и прибыл я с Вении.

— Мы не сдвинемся с места, если ты будешь продолжать врать. Тебя зовут Джимми ди Гриз, ты был осужден, но сбежал из тюрьмы с планеты Бит О'Хэвен.

Вот это да, можете себе представить, я чуть не обалдел от подобной информированности. Кто бы ни был этот парень, но он славно поработал, чтобы это узнать. Теперь было ясно, что игра в любительской команде профессора окончена. Они привлекли к этому делу профессионалов. И он послал мне крученый мяч, чтобы сразу сбить меня с ног, заставить занервничать и разговориться. Но у них ничего не вышло со мной.

Я мысленно нажал на газ, сел на кровати, глядя ему прямо в глаза, и спокойно проговорил:

— Нас не представили друг другу.

Его гнев тут же исчез, и он стал таким же спокойным, как и я.

Он повернулся, нажал какую-то кнопку на стене, после чего она раскрылась и из нее появился металлический стул. Он сел, скрестив ноги.

— Капитан Варод из Космического флота Лиги. Специализируюсь на последствиях военных действий в масштабе вселенной. Теперь ты готов отвечать на вопросы?

— Да — если мы будем делать это по очереди. Где мы находимся?

— На расстоянии тринадцати световых лет от Спиовенте, думаю, что ты рад будешь это услышать.

— Я рад.

— Моя очередь. Как ты попал на ту планету?

— На борту венийского грузового корабля, который снабжал оружием поверженного Капо Доссия.

Это сразу привлекло его внимание. Он наклонился вперед, заговорив с большим энтузиазмом.

— Кто был капитаном корабля?

— Не твоя очередь. Что вы собираетесь со мной делать?

— Ты сбежавший преступник и вернешься на Бит О'Хэвен досиживать свой срок.

— Неужели? — вымученно улыбнулся я. — Ну что ж, теперь я готов ответить на твой вопрос — только вот беда, я совершенно забыл имя капитана. Вы собираетесь меня пытать?

— Не дури, Джим. Ты находишься в незавидном положении. Будь умницей, и я сделаю для тебя все, что в моих силах.

— Хорошо. Я вспомню имя капитана, вы высаживаете меня на нейтральной планете, я называю его и будем считать, что мы квиты.

— Это невозможно. Мы уже доложили о тебе, к тому же я офицер, слуга закона. Я обязан вернуть тебя на Бит О'Хэвен.

— Спасибо. У меня наступила временная потеря памяти. Но прежде чем уйти, скажи, что произойдет со Спиовенте?

Он сидел на стуле и совсем не собирался уходить.

— Первое, что произойдет, это конец опасной интервенции профессора Люстига. Мы были вынуждены это сделать под давлением Межгалактической Ассоциации Прикладной Социоэкономики. Им удалось уговорить некоторые солидные фонды помочь им в претворении в жизнь своих теорий. Множество планет субсидировали их замыслы, и было легче дать им волю и возможность опростоволоситься, чем уговорить остановиться.

— А теперь они оттуда уходят?

— Полностью. Они все погрузились на корабли и очень рады поскорее покинуть планету. Придумывать экономические и политические теории — это одно дело. А применять их в реальности — порой очень опасное занятие. В прошлом были попытки это сделать — и всегда с гибельными результатами. Мы теперь не знаем подробностей, они затерялись во тьме веков, но существовала сумасшедшая доктрина под названием монетаризм, которая предположительно уничтожила целые цивилизации, целые планеты. Теперь вот новый эксперимент зашел в тупик, поэтому туда должны приехать специалисты, как это было и в первом случае.

— Вторжение?

— Ты слишком много смотрел канал 3V. Война запрещена. Ты должен это знать. У нас есть люди, которые будут работать с существующим обществом Спиовенте. Возможно, с Капо Димо-

ном, так как он уже удвоил свои владения. Ему будет оказана помощь и поддержка в аннексировании все большего количества территории.

— И в убийстве все большего количества людей?

— Нет, мы будем за этим следить. И очень скоро он не сможет управлять без помощи, и наши бюрократы уж будут тут как тут. Помогут ему создать централизованное управление...

— Рост правовой системы, налоги, я знаю эту модель. Совсем как у профессора Люстига.

— Не совсем. Наши приемы опробованы. И они работают. В течение жизни одного поколения, максимум двух, Спиовенте будет с удовольствием принята в семью цивилизованных планет.

— Поздравляю. А теперь, пожалуйста, оставь меня, чтобы я мог посидеть и поразмышлять о своем будущем заключении в тюрьму.

— Но ты все еще не назвал мне имя капитана. Он будет продолжать торговать оружием — а ты будешь нести моральную ответственность за новые смерти.

Да, и я в том числе. Должен ли я отвечать также и за смерть во дворе замка Капо Доссия? Ведь наступление было моей идеей. Но Димон пошел бы в атаку в любом случае, и тогда убитых было бы намного больше. Да, нелегко брать на себя ответственность.

Капитан Варод словно прочитал мои мысли.

— У тебя есть чувство ответственности? — спросил он.

— Да, есть. Я очень ценю жизнь и верю в ее святость, и не являюсь сторонником убийства. Все мы живем только раз, и я не хочу нести ответственность за чью-то безвременно оборвавшуюся жизнь. Думаю, что я совершил ряд ошибок, и надеюсь, что они меня кое-чему научили. Имя торговца оружием капитан Га...

— Гарт, — сказал он. — Мы знаем о нем и наблюдали за ним. Это был его последний вояж.

В голове моей закрутились мысли.

— Зачем же ты тогда меня расспрашивал, если вы все знаете и без этого?

— Ради тебя, Джим, больше незачем. Я говорил тебе, что мы занимаемся реабилитацией. Ты принял очень правильное решение, и мне кажется, что ты будешь хорошим гражданином в будущем. Удачи тебе.

Он встал и собрался уж было уйти.

— Спасибо большое. Я буду вспоминать твои слова, когда мне придется дробить породу в каком-нибудь забое.

Он стоял в открытых дверях и улыбался мне в ответ.

— Я занимаюсь правосудием на очень высоком уровне. Да к тому же я не сторонник того, чтобы сажать в тюрьму неудачливого грабителя банка. Ты достоин большего и можешь большего добиться. Но тем не менее, мне нужно вернуть тебя в тюрьму. Ты будешь переведен на другой корабль, на другую планету, где посидишь взаперти до прибытия твоих тюремщиков.

Он вышел, затем вернулся на минутку.

— Принимая во внимание то, что ты мне сказал, я забываю, что в твоей подошве все еще хранится замечательная отмычка.

Теперь он ушел насовсем. Я долго смотрел на закрывшуюся за ним дверь и вдруг расхохотался. Все-таки мир прекрасен, полон замечательных вещей, оценить которые по достоинству способен лишь тот, кто знает свое дело. А я свое знал!

— Спасибо тебе, Слон, спасибо за все. Это ты направлял и учил меня моему делу. И только благодаря тебе Крыса из нержавеющей стали появляется на свет!

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ ПРИЗВАНА В АРМИЮ

Я слишком молод, чтобы умирать. Мне всего-навсего восемнадцать. Но сейчас вы смело можете назвать меня покойником. Пальцы слабеют, ладони — скользкие от пота, а под ногами — километровая бездна. Я попал в беду, в нелепую ловушку, и винить меня в этом, кроме себя, некого. Как много мудрых советов я дал себе за всю жизнь, как много получил их от Слона,— а что толку? Опять, не зная броду, полез в воду. Наверное, я заслуживаю такого конца. Крыса из нержавеющей стали на поверку оказалась очень даже ржавеющей. Край металлической двери очень скользкий, необычайно трудно держаться за него кончиками пальцев. Носки ботинок едва зацепились за выступающий фланец, а каблуки висят над бездной. Стоять так долго на цыпочках — настоящая пытка, но боль в пальцах — ничто по сравнению с пламенем в кистях и предплечьях. А ведь план казался таким простым, четким и логичным. Но теперь-то я знаю, какой он сложный, путаный и бесмысленный!

— Джимми ди Гриз, ты идиот,— бормочу я сквозь стиснутые зубы и только сейчас замечаю, что до крови прикусил губу. Я разжимаю зубы и сплевываю — тут правая рука срывается. Безумный страх придает мне сил, и я каким-то чудом ухитряюсь снова зацепиться за верхний край двери. Но силы уходят быстро, и я жду близкого конца. Отсюда не выбраться. Вскоре пальцы разожмутся, и я полечу вниз. С тем же успехом можно отцепиться сию секунду, не продлевая мучений.

«Нет, Джим! Не сдавайся!»

У меня шумит в ушах, в голове раздаются глухие удары, и кажется, что голос доносится издалека. И я не узнаю свой голос — он стал выше, богаче интонациями. Такое чувство, будто ко мне обращается сам Слон. Это его мысль, его слова. И я держусь, не зная толком, зачем. А снизу доносится далекий гул. Гул? В шахте темно, как в могиле. Неужели кто-то включил магнитный лифт? Я с трудом — окостенела шея — наклоняю голову и вглядываюсь во мрак. И спустя какое-то время вижу крошечный огонек. Кабина движется вверх. Что с того? В здании 233 этажа. Велики ли шансы, что кабина остановится как раз подо мной и я смогу легко и спокойно сойти на крышу? «Астрономически малы»,— горько думаю я, а подсчитывать их точнее мне почему-то не хочется. А вдруг кабина поднимется на этаж выше, размазав меня по стенке? Такое вполне возможно. Огонек приближается, мои зрач-

ки с каждой секундой расширяются, гул двигателя нарастает, налетает ветер... Конец! Да, конец — подъему кабины. Она останавливается как раз подо мной. Я слышу, как раздвигаются створки двери, слышу голоса двух охранников.

— Я тебя прикрою. Но и ты не зевай, когда будешь осматривать холл.

— Он меня прикроет! Вот уж спасибо! Я вроде бы не вызывался добровольцем.

— Ты не вызывался — я тебя назначил. У меня два шеврона, а у тебя сколько? То-то. Выходит, тебе идти.

Охранник с одним шевроном невнятно выругался и вышел из кабины. В ту же секунду моя левая нога бесшумно ступила на крышу. Кабина покачнулась, но стоявший в ней человек ничего не заметил. Не так-то просто мне после всего было двигаться. Мускулы свело судорогой, скрюченные пальцы онемели. Стоя на одной дрожащей ноге, не в силах оторвать пальцы от края двери, я казался себе последним идиотом.

— В холле пусто,— донесся издалека голос охранника.

— Проверь память монитора, не засек ли он кого постороннего.

Неразборчивые ругательства. Щелканье тумблеров. Оторвав-таки от двери правую руку, я попытался с ее помощью оторвать левую.

— С восемнадцати ста, когда последний служащий ушел домой, здесь никто не появлялся.

— М-да, загадка,— буркнул охранник с двумя шевронами.— Датчики зарегистрировали, что кабина поднялась на этот этаж. Мы спустили ее вниз. И никто, говоришь, здесь не выходил?

— Нет тут никакой загадки. Просто лифт поехал сам собой. Механизм сработал вхолостую.

— И не хочется с тобой соглашаться, но делать нечего. Поехали вниз, доиграем партию в картишки.

Охранник с одним шевроном вернулся, дверь лифта закрылась. На этаже, где находилась тюрьма, они вышли. Тем временем я пытался дрожащими пальцами распутать узлы, в которые превратились мои мускулы. Как только удалось это сделать, я открыл люк в крыше, проник в кабину и осторожно выглянул. Картежники скрылись в караулке. С бесконечной осторожностью я вернулся в камеру тем же путем, каким выбрался: медленно прокрался, прижимаясь к стене — будь у меня хвост, он бы обязательно поджался,— стараясь как можно меньше шуметь, отпер замки дверей в коридоре, открыл дверь своей камеры, заперся изнутри и спрятал отмычку в подметку. После чего завалился на кровать со вздохом, которые мог слышать весь мир. В тюремном безмолвии я не решался заговорить, зато мысленно кричал во весь голос.

«Джим, ты самый безнадежный идиот на свете! Никогда, повторяю, никогда не поступай так, как сегодня!»

«Не буду»,— хмуро пообещал я себе. Эти слова накрепко засели в моей подкорке. В том, что я безнадежный идиот, сомневаться не приходилось — пытаясь удрать из тюрьмы, я совершил все воз-

можные ошибки. Теперь предстояло разобраться, можно ли было их избежать. Я слишком торопился. А спешить не следует никогда. Капитан Варод из военной полиции Космической Лиги утверждал, что ему известно, где я прячу отмычку. Народ верит в закон и порядок, но не считает, что за мелкие проступки, совершенные мной на родной планете, так уж необходимо выдавать меня властям. С чем я сразу и полностью согласился. «А если я знаю, где твоя отмычка, но не отбираю ее,— продолжал капитан,— то и ты не должен пытаться убежать раньше, чем дождешься этапа». Дождаться этапа! Да мне ничего так не хотелось, как подольше посидеть в этой комфортабельной, больше напоминающей санаторий тюрьме Лиги на планете Стерен-Гвандра, о которой я не знал ничего, кроме названия. Я наслаждался отдыхом после тягот и лишений, перенесенных на рабовладельческой Спиовенте, и настоящей едой после помоев, которые там называют пищей. Да, я научился ценить такие вещи. Я радовался жизни и копил силы, готовясь к неминуемому освобождению. Так зачем, спрашивается, бежать отсюда? Да из-за нее, женщины, существа противоположного пола, которое я и видел-то один миг, но сразу узнал. Один быстрый взгляд — и куда девался весь мой здравый смысл? Мною завладели эмоции, и вот результат — я лежу на тюремной койке и кляну себя за неосторожность. Эх, осел я, осел! Вспомнив, с чего началось это идиотское приключение, я скривился от отвращения к себе. Это случилось во время прогулки, когда заключенных выпустили в огороженный бетонными стенами внутренний двор и позволили слоняться под ласковыми лучами двух солнц. Я бродил от стены к стене, стараясь не замечать своих товарищей по несчастью, не видеть их скошенных лбов, сросшихся бровей, слюнявых оттопыренных губ. Все они — отпетые уголовники, пробу негде ставить, и тем, что я оказался среди них, отнюдь не следовало гордиться. Внезапно их что-то взбудоражило, нечто особенное всколыхнуло дряблые мозги, и ребята с хриплыми возгласами и похабными жестами бросились к решетке, перегораживавшей двор пополам. Утомленный однообразием тюремной жизни, я заинтересовался причиной столь бурной реакции заключенных и вскоре определил ее: женщины. Только бабы да крепкая выпивка могли интересовать этих кретинов. Среди женщин, слонявшихся по ту сторону ограды, были три новеньких. Две из них, слепленные из того же теста, что и мои «приятели», тоже хрипло орали и делали интересные жесты; третья молчала и недовольно отворачивалась от своих товарок. Ее походка показалась мне знакомой. С чего бы? Прежде я ни разу не был на этой планете, меня привезли сюда против моей воли. Я прошел вдоль изгороди до конца, ткнул суставом согнутого пальца в волосатую шею одного из уголовников, и когда бесчувственное тело съехало вниз, занял его место. Меньше чем в метре я увидел знакомое лицо. Никаких сомнений — я встречал эту женщину, я знаю ее имя! Бибз, девушка из экипажа капитана Гарта. Я сразу решил: необходимо с ней поговорить. Возможно, она знает, где находится Гарт. Ведь это он

высадил нас на гнусной Спиовенте, это на его совести смерть Слона. А значит, его смерть будет на моей совести. Пусть только попадется мне, каналья! Вот так, не потрудившись хорошенько подумать, я совершил нелепую попытку к бегству. Лишь случайность уберегла меня от гибели и позволила благополучно вернуться в камеру. Я покраснел от стыда, вспоминая план побега. «Хоть бы чуть-чуть пошевелил мозгами, прежде чем хвататься за отмычку!» — упрекал я себя. Это же просто чудо, что система сигнализации на всех этажах оказалась одинаковой! Пока день за днем меня водили на прогулку и обратно, я убедился в примитивности замков на каждой двери, и действительно, справиться с ними не составило труда. И я поверил, что дальше все пойдет столь же просто. И прогадал. Когда кабина лифта пошла вверх, надзиратели встревожились. Как только двери лифта распахнулись, я заметил установленные в холле камеры мониторов. Вот почему я не пошел в холл, а выбрался через люк на крышу кабины. Там, над выходом из лифта, оказалась еще одна дверь. Как она открывалась, оставалось только догадываться, во всяком случае, не из шахты. Должно быть, о ней знали очень немногие люди. Пытаясь раскрыть эту тайну, я встал на нижний фланец двери, зацепился кончиками пальцев за верх и принялся ощупывать ее. Кончилось тем, что кабина умчалась вниз, а я остался висеть над бездной. Что и говорить, из этого идиотского приключения я выбрался незаслуженно легко. Но впредь не стоит рассчитывать на такое везение. Для побега необходимы прежде всего ясный ум и железная логика. Решив, что бранить себя, пожалуй, довольно, я стал искать способ встретиться с Бибз.

— А если попробовать законный путь? — спросил я себя и едва не подавился этими словами.

Законный путь? Для меня, Крысы из нержавеющей стали, рыскающей в потемках, никого не боясь, ни в чьей помощи не нуждаясь?

Да. Обидно это сознавать, но бывают случаи, когда честность — лучшая политика.

— Эй, вонючие тюремщики, слушайте меня! — заорал я, колотя по решетке.— Оторвите задницы от кушеток, очнитесь от эротических снов и отведите меня к капитану Вароду! Да поспешите, лежебоки!

Я перебудил не только надзирателей, но и своих соседей. Они пришли в неистовство и грозили мне всевозможными увечьями; я с воодушевлением отвечал им тем же. Вскоре появился надзиратель со зловещей гримасой на физиономии.

— Здорово, дружище,— приветствовал его я.— Счастлив видеть твое доброе лицо.

— Хочешь, чтобы тебе проломили черепушку, сявка? — остроумием он не уступал своим подопечным.

— Нет. Наоборот, хочу избавить тебя от неприятностей. Для этого от тебя требуется одно: немедленно отвести меня к капитану Вароду, поскольку я обладаю секретными сведениями военно-

го значения. Я не шучу: если капитан узнает, что ты тянул резину, он тебя расстреляет.

Надзиратель выдал еще несколько угроз, но в его глазах появилась тревога. И то сказать: любому ослу на его месте было бы ясно, что с такими вещами, как военная тайна, лучше не связываться. Бормоча оскорбления в мой адрес, он отошел к телефону. Ждать пришлось недолго — вскоре появились двое охранников, явно перегруженных мускулами и салом. Они отомкнули замок моей камеры, отвели меня к лифту и доставили на сотый этаж. Там они пристегнули меня к тяжелому креслу и вышли за дверь. Появившийся несколькими минутами позже лейтенант зевал во весь рот и тер глаза — по нему нельзя было сказать, что он любит просыпаться среди ночи.

— Мне не о чем разговаривать с мелкой сошкой,— сообщил я. —Зовите сюда Варода.

— Заткнись, ди Гриз, если не хочешь неприятностей. Капитан в дальнем плавании, ему не до тебя. Я из его отдела. Выкладывай, в чем дело, а не желаешь — возвращайся в камеру.

Его слова показались мне убедительными. Да и выбор был невелик.

— Вам приходилось слышать о космической свинье, называющей себя капитаном Гартом?

— Нечего ходить вокруг да около,— буркнул лейтенант, зевая.— Я просматривал твое досье, можешь говорить по существу. Если хочешь сообщить о нем что-нибудь новенькое, не стесняйся.

— Мне кое-что известно об этом парне, промышляющем незаконным ввозом оружия. Ведь вы прихватили его с грузом, кажется?

По блеску в его глазах я предположил, что Гарт сумел ускользнуть от полиции.

— Сегодня на прогулке я видел девушку. Новенькую. Ее зовут Бибз.

— Ты вытащил меня из постели, чтобы поведать о своих сексуальных похождениях?

— Нет. Думаю, вам интересно будет узнать, что Бибз — из экипажа Гарта.

— Ты уверен?

— Можете проверить, чего проще.

Он так и сделал — уселся за стальной стол и нажал несколько клавиш на терминале компьютера. Взглянул на экран и скривился.

— Сегодня к нам доставили трех женщин. Среди них нет девицы по имени Бибз.

— Да неужели? — с издевкой спросил я.— А нельзя ли предположить, что преступники иногда пользуются кличками?

Он не ответил, снова склонившись над клавиатурой. Факс загудел и выдал три цветных портрета, два из них я уронил на пол, третий вернул лейтенанту.

— Вот она — Бибз.

Он нажал еще несколько клавиш, затем откинулся на спинку кресла и пробормотал:

— Вроде сходится. Мэрианни Гьюффрида, двадцати пяти лет, специальность — корабельный электротехник, имеет опыт работы в пространстве. При задержании у нее обнаружен наркотик. Утверждает, что он подброшен.

— Спросите ее о Гарте. Не захочет говорить — заставьте.

— Спасибо за помощь, ди Гриз. В твоем досье появится соответствующая запись.— Он набрал номер телефона.— Похоже, ты насмотрелся детективов. Мы не имеем права силой вытягивать из людей признание. Наши средства — наблюдательность, умело заданные вопросы, умозаключения. Сейчас тебя отведут в камеру.

— Вот уж спасибо! — хмыкнул я.— Спасибо за спасибо. То есть, ни за что. Хоть бы уж сказали, сколько мне еще торчать в вашей кутузке.

— Ну, это как раз несложно выяснить.— Он пробежал пальцами по клавиатуре и с досадой покачал головой.— Послезавтра мы с тобой простимся. Тебе предстоит возвращение на Бит О'Хэвен. Там тебя будут судить и дадут срок, надо полагать.

— Мою вину еще надо доказать,— усмехнулся я, стараясь не выдать охватившую меня радость. Мне бы только выбраться отсюда — а там я сумею найти путь к свободе. Не обращая внимания на тычки и ругательства конвоиров, я позволил отвести себя в камеру и решил до послезавтра быть паинькой.

Еще долго после разговора с лейтенантом я лежал на койке и глядел во тьму, размышляя о том, как бы добраться до Бибз и половчее вытянуть из нее нужные мне сведения.

— Подпишись вот здесь.

Я поставил подпись. Белобородый старикашка пододвинул мне пластиковый пакет с моими пожитками, отнятыми при аресте. Я протянул к нему руку, но стоявший рядом охранник оказался проворнее.

— Не спеши, заключенный,— процедил он сквозь зубы.— Вещдоки мы передадим кому следует.

— Но это мои вещи!

— Ничего с ними не случится. Все готово, Рэско?

— Меня зовут не Рэско!

— А меня — Рэско. Заткнись,— буркнул второй охранник, крепко сбитый, неприятный тип, чье правое запястье было соединено цепью наручников с моим левым. Он дернул за цепочку, и я едва не упал к нему на грудь.— Делай все, что я тебе скажу, и не вздумай зубы скалить.

— Слушаюсь, сэр. Простите.

Я с виноватым видом опустил голову, а Рэско самодовольно ухмыльнулся. Не знал он, недотепа, что я сделал это для того, чтобы внимательно рассмотреть браслеты. Ага, «Бульдожья Хватка», знакомая система. Такие наручники можно встретить в любом уголке Галактики, фирма-изготовитель гарантирует «дуракостойкость». Может, дурак и не сумеет сломать или отом-

кнуть их, а для меня это раз плюнуть. Я приободрился. Фэтсо шел справа от меня, здоровяк Рэско — слева. Я шагал с ними в ногу, горя желанием поскорее покинуть тюрьму и взглянуть на здание, окружающее базу Лиги. Дело в том, что меня сюда доставили в темном, без единого окошка, фургоне. Мои конвоиры тоже торопились — им не терпелось сбыть меня с рук. Но о возвращении на любимую родину я мечтал меньше всего на свете. Выбраться из здания оказалось непростым делом, и я который раз мысленно дал себе пинка за мальчишескую попытку побега. В здании было всего три двери, все три запирались надежнее, чем воздушные шлюзы космических кораблей. Мы прошли мимо жужжащих и пощелкивающих сканнеров, трижды сенсоры роботов изучали отпечатки наших пальцев и сетчатки глаз, затем загудели механизмы раздвигающейся двери, и на нас хлынула волна теплого воздуха, запахов и звуков. На улице, куда мы спустились по длиннющей лестнице, я прямо-таки рот разинул. И было отчего, ведь эта планета — всего-навсего третья из тех, где мне довелось побывать. А жизнь на скотоводческих фермах Бит О'Хэвен и рабство в болотах Спиовенты не подготовили меня к тому обилию впечатлений, которое я испытал, едва покинув тюрьму Лиги. Теплый пыльный воздух напоен пряными ароматами, над улицей разносится какофония непривычных звуков, мимо движется непрерывный поток людей, незнакомых экипажей и каких-то четвероногих существ. Одно из них шествовало мимо, неся на спине человека. Внезапно длинные ноги животного уперлись в мостовую, а глаза вытаращились в мою сторону. Оно разинуло рот, демонстрируя чудовищные желтые зубы, и визгливо заорало. Я попятился, а конвоиры захохотали.

— Не дрейфь, от мара мы тебя защитим,— пообещал Фэтсо.

Может, для местных жителей этот зверь и был маром, а для меня — конем. В школе я видел таких в учебных фильмах по истории. Первопоселенцы Бит О'Хэвен привезли с собой лошадей и первое время ездили на них, пахали, возили сено и так далее. Однако вскоре лошади вывелись — слишком уж много у меня на родной планете хищного зверья. Выжили только люди и свинобразы — к ним ни один хищник не подступится.

Я взглянул на зверя повнимательней, отметил, что при всей его огромной величине он, судя по зубам, травоядный, а значит, бояться нечего. Тут подскочили два его сородича, впряженные в какой-то ящик на колесах. Услышав свист Рэско, сидевший на ящике кучер натянул поводья.

— Залезай,— велел мне Фэтсо, распахивая дверцу.

Я с омерзением отшатнулся.

— Там грязно! Неужели Лига даже нормального транспорта не может...

Рэско дал мне такого пинка, что я птицей влетел в фургон. Следом забрались охранники.

— Лига старается по возможности пользоваться туземным

транспортом, чтобы поддерживать местную экономику. Так что заткнись и радуйся.

Я заткнулся, но радоваться не стал. Устремив на улицу, по которой громыхали колеса нашего фургона, невидящий взор, я размышлял, как бы удрать от конвоя, при этом сделав какую-нибудь гадость паршивцу Рэско. Пожалуй, сейчас самое подходящее время. Два молниеносных удара — и они лежат без чувств, и я исчезаю в толпе... Нагнувшись, я с остервенением почесал лодыжку.

— Тут клопы! Меня укусили!

— А ты их тоже укуси,— с детской непосредственностью посоветовал Фэтсо, и оба надзирателя захохотали.

Вот и чудненько. Они не заметили, как я вытащил из подошвы и зажал в кулаке отмычку. Но едва я повернулся к Рэско, замышляя, как говорят судьи, нанесение побоев, фургон остановился, и Фэтсо отворил дверцу.

— Выходи,— велел он мне, а Рэско с силой дернул цепочку, отчего наручник больно впился мне в запястье.

Выбравшись из фургона, я в недоумении уставился на здание с мраморным фасадом.

— Но ведь это не космопорт,— пробормотал я.

— В самую точку попал,— ухмыльнулся Рэско и потащил меня за собой.— Это местный вариант пересылки.

Я решил, что дальше не пойду, хватит с меня этой мерзкой компании. И все-таки пришлось потащиться следом за надзирателями, всей душой желая, чтобы подвернулась какая-нибудь лазейка. Вскоре она подвернулась. Я заметил, что в дверь под красивой вывеской «ПИЧЕР ПИСА ГОРРИТ» входят и выходят одни мужчины. Проще простого было догадаться, что означает надпись. Я остановился и, показывая пальцем на дверь, заныл:

— Я хочу туда! Ну, пожалуйста!

— Нельзя! — ухмыльнулся Рэско. Вот ведь садист!

Неожиданно за меня заступился его приятель.

— Ладно, отведи его. Ему здесь долго торчать.

Рэско выругался, но не стал спорить. Наверное, он был младше Фэтсо по званию. «Пичер писа» оказался самым примитивным сортиром — стенка, вдоль нее желоб на полу. Над желобом выстроились в ряд мужики. Расстегнув ширинку, я направился к свободному месту в дальнем углу. Рэско с недовольным видом топал следом.

— Будешь на меня пялиться, я ничего не смогу сделать,— обернувшись, буркнул я.

Он на секунду поднял глаза к потолку. Этого времени оказалось достаточно, чтобы свободной рукой схватить его за шею. Во взгляде охранника вспыхнуло удивление, но тут же угасло, едва я изо всех сил вдавил в шею большой палец. В тот самый миг, когда раздался приятный удар бесчувственного тела о пол, я освободился от «браслета». Рэско лишь похрапывал, пока я обыскивал его и доставал бумажник, чтобы оправдать свою репутацию вора.

Угнездив бумажник в своем кармане, я выпрямился и оглянулся. Стоявшие вдоль желоба люди обернулись ко мне.

— Ему стало плохо,— объяснил я и, переводя взгляд с одного непонимающего лица на другое, добавил на эсперанто: — Li svenas.— Но и это не произвело на них впечатления. Тогда я показал на Рэско, на двери и на себя.— Пойду за помощью. Вы приглядите за ним, ребята. Я скоро вернусь.

Никто не попытался меня остановить. Я выскочил за дверь — и едва не угодил в лапы Фэтсо. Он заорал и бросился ко мне, но не тут-то было, я пулей вылетел из здания и затерялся в толпе прохожих. За мной раздавались вопли, но вскоре они затихли вдали. Я проскочил между двумя конями, перепрыгнул через скамейку и помчался по тенистой аллее. Вскоре я оказался на другой, такой же людной, улице и влился в поток пешеходов. Вольный, как птица, я брел, насвистывая и глазея на вывески, на женщин, носящих чадру, на расфранченных мужчин. Здравствуй, свобода! А может, рано ликовать? Один на варварской планете, не зная языка, преследуемый властями — с какой стати я так обрадовался? Тут же нахлынула черная тоска, но я ей не поддался. «Ты ли это, Джим? Встретив пустяковые трудности, падаешь духом? Стыдись! Что бы сказал Слон, если бы тебя сейчас увидел?»

«Ничего бы не сказал,— подумал я, ловя косые взгляды прохожих.— Не стал бы он распускать язык при всем честном народе, как я сейчас».

Беззаботно насвистывая, я свернул за угол и сразу наткнулся на столы, уставленные яствами, и людей, сидящих за ними и потягивающих аппетитные на вид напитки. Поверх всего этого красовалась вывеска: «СОСТЕН ХА ГВИРОС». Эти слова ровным счетом ничего мне не говорили, но под ними я прочитал знакомое: «NI PAROLOS ESPERANTO, BONVENUU». Оставалось лишь надеяться, что на эсперанто здесь говорят лучше, чем пишут. Сев за столик у стены, я поманил пальцем официанта:

— Дхе'г плагедоу,— сказал он.

— Плагедоу будешь с остальными, а со мной прошу говорить на эсперанто,— проворчал я.— Что можешь предложить из выпивки, папаша?

— Пиво, вино, даур-том-ис.

— Что-то нынче не тянет меня пить даур-том-ис. Тащи-ка побольше пива.

Пока он ходил за пивом, я достал бумажник Рэско. Если моих бывших тюремщиков заботит процветание здешней экономики, резонно предположить, что они носят с собой местную валюту. Бумажник оказался полон маленьких металлических дисков. Я потряс один из них, подбросил, поймал и перевернул. На одной стороне была отчеканена цифра «два», на другой — слово «аргхана».

— С вас один аргхан,— сказал официант, ставя передо мной запотевший глиняный кувшин.

— Возьми, добрый человек, и оставь себе сдачу,— сказал я, протягивая ему монету.

— Вы, инопланетники, все такие щедрые,— пробормотал он, пробуя монету на зуб.— Не то, что мои серые, злые, нелюдимые земляки. Хотите девочку? Или мальчика? Или keварена покурить?

— Не сейчас. Если захочу — обращусь к тебе. Пока только пиво.

Он отошел, что-то бормоча, а я сделал здоровенный глоток и сразу пожалел об этом. Но было поздно — ядовитая пузырящаяся бурда уже текла по пищеводу. Я отодвинул кувшин и сплюнул. Хватит валять дурака. Мне удалось бежать, и это само по себе замечательно. Но что делать дальше? Ни одна стоящая мысль не приходила в голову. Превозмогая себя, я еще раз глотнул пива — но даже эта пытка не подстегнула воображение. От тщетных раздумий меня оторвал официант. Прикрывая рот ладонью и воровато косясь на посетителей, он прошептал мне на ухо:

— Есть свеженький каверган, только что с поля. Берите, не пожалеете — несколько дней стоять будет. Не хотите? А как насчет девочки с кнутом? Может, змеи? Или кожаные ремни и горячая грязь...

— Ничего мне не надо! — перебил я его.— Все у меня было, все я испытал. Единственное, чего бы мне хотелось, это найти базу Лиги.

— Как вы сказали? Не понимаю.

— Большое высокое здание, где живет много инопланетников.

— А, вы имеете в виду лиз. Пожалуйста, я могу отвести вас туда за один аргхан.

— За один аргхан ты расскажешь, как туда добраться. Я вовсе не хочу отрывать тебя от работы.— Кроме того, я не хотел, чтобы в пути он приставал ко мне, предлагая сомнительные удовольствия. В конце концов, официанту пришлось уступить. Дождавшись, когда он скроется на кухне, я глотнул пива и ушел.

По пути к зданию Лиги в моей голове начало складываться некое подобие плана. Мне очень хотелось добраться до Бибз. В том, что капитану Гарту удалось бежать, я не сомневался, но она могла знать, где он прячется. Бибз — единственная моя ниточка. Но как проникнуть в тюрьму? Я знал, что во время ареста Бибз носила имя Мэрианни Гьюффрида. Может, представиться ее близким родственником, Хайзенпеффером Гьюффрида, например? Подделать удостоверение личности, если таковые вообще существуют на этой планете? Наверняка это несложно, но вдруг компьютер у входа узнает во мне бывшего арестанта? Или сведения обо мне уже стерли из его памяти? Это вполне возможно, как и то, что после доклада Фэтсо мое досье снова ввели в программу. С этими мыслями я свернул за угол и увидел перед собой здание базы. Как огромный крутой утес, высилось оно над приземистыми городскими строениями и выглядело таким же неприступным. Не отрываясь, глядел я на дверь, за которой то и дело исчезали подняв-

шиеся по знакомой лестнице люди; створки раздвигались, чтобы впустить посетителя, и тут же наглухо сдвигались, словно за ними хранился золотой запас Вселенной. Шло время, я безуспешно пытался сообразить, как туда проникнуть. Наверное, не следовало стоять под окнами Лиги, прислонясь к кирпичной стене, ведь я не успел сменить тюремную одежду на что-нибудь более подходящее. Впрочем, в разношерстной толпе горожан мой наряд не должен был бросаться в глаза. Опустив голову, я тянул время. Вернее, собирал силы для решительного штурма. Но штурмовать базу не пришлось. Благодаря счастливому случаю, тому самому единственному шансу из тысячи. Дверь снова раздвинулась, и на верхнюю площадку лестницы ступили три человека: двое блюстителей закона, что явствовало из огромного размера их сапог, и стройная фигурка между ними. От ее тонкого запястья к лапе охранника шла цепь наручников. Бибз! Внезапность ее появления ошеломила меня. Я стоял, привалясь к стене, словно в обмороке, и смотрел, как троица спускается по лестнице на тротуар. Один из конвоиров помахал рукой и свистнул. К ним наперегонки понеслись два конных экипажа, и один эффектно врезался в другой. Лошади заржали, вставая на дыбы, послышалась оглушительная брань кучеров. Вскоре суматоха улеглась, один фургон остался на месте, а другой двинулся дальше. Оставшийся фургон загораживал меня от Бибз и охранников, но я словно сквозь его стенки видел происходящее: вот распахивается дверь, арестантку втаскивают внутрь, дверь закрывается... Щелкнул бич кучера, и ящик на колесах тронулся с места. Но я уже мчался к нему. Не прошло и секунды, как я вскочил на подножку и рывком распахнул дверь.

— Куда! — рявкнул ближайший конвоир, поворачиваясь ко мне.— Не видишь — занято!

Это был ночной надзиратель. В следующую секунду он узнал меня и заревел от ярости. Силенками его бог не обидел, но я оказался ловчее. Уклонившись от его ручищ, я мельком взглянул на испуганное лицо Бибз — и хорошенько врезал надзирателю по горлу. Едва он обмяк, я приготовился к схватке с другим охранником, но тут выяснилось, что ему не до меня. Бибз умело схватила его за шею и душила. Бедняга ничего не мог поделать, как ни сопротивлялся.

— Погоди... сейчас я его тоже... прикончу,— с натугой произнесла Бибз.

Я не стал объяснять, что не убил, а лишь отключил надзирателя. Мой палец впился в нервный узел на локте девушки; ее рука онемела, а лицо побагровело от гнева. Но не успела она раскрыть рта, как я угомонил хрипевшего конвоира и снял с Бибз наручники. Она потерла запястье и улыбнулась.

— Не знаю, откуда ты взялся, но за помощь спасибо.— Приглядевшись ко мне, она спросила: — А мы с тобой, часом, не знакомы? Ну да, ты же наш ночной пассажир. Джимми, кажется?

— Ты не ошиблась, Бибз, Джим ди Гриз к твоим услугам.

Она громко засмеялась и быстро забрала ценности у бесчув-

ственных конвоиров. И проворчала, глядя, как я пристегиваю полицейских друг к другу:

— Лучше бы их пришить.

— Не стоит. Если мы убьем охранников, Лига перетряхнет всю планету, но разыщет нас. А так — может, про нас скоро забудут.

— Пожалуй, ты прав,— неохотно согласилась Бибз, а затем дала каждому конвоиру хорошего пинка.

— Зачем? Они же ничего не чувствуют.

— Почувствуют, когда оклемаются. Итак, куда мы пойдем теперь, Джим?

— Откуда мне знать? На этой планете я впервые.

— Зато я здесь своя.

— Тогда веди.

— Ладно.

Как только фургон замедлил ход, Бибз отворила дверь, и мы соскочили на мостовую.

В толпе Бибз взяла меня под руку — надо отметить, мне это было приятно. Возможно, в каком-нибудь другом городе наши серые робы, со вкусом украшенные бубновыми тузами, привлекали бы внимание, но только не в этом. Каких только франтов и модниц здесь не было: бородачей в костюмах из оленьей кожи с бахромой, женщин в платьях из разноцветного газа, вооруженных воинов в доспехах из стали и кожи... В глазах у меня рябило от пышных платьев, мантий, кольчуг, кирас и орденских лент. Иным нарядам и украшениям я даже названия не мог подыскать. На нас никто не смотрел.

— У тебя есть деньги? — спросила Бибз.

— Несколько аргханов, позаимствованных у конвоира. Я ведь тоже сбежал.

Ее очаровательные брови над столь же очаровательными глазами слегка приподнялись.

— Вот значит почему ты мне помог? А за что тебя держали в кутузке? Помнится, тебя и старикашку высадили на Спиовенте. Гарт продал вас в рабство.

— Да, и мой друг там погиб. Так что не буду скрывать — я слегка недоволен Гартом. Такого друга, как Слон, мне уже не найти. Он мне помог, многому научил, и я горжусь тем, что смог оказать ему несколько ответных услуг. В спешке покидая нашу родную планету,— ты это помнишь, наверное,— мы заплатили капитану Гарту кучу денег. Но ему этого показалось мало, и он продал нас работорговцу. Я выжил, а вот Слон не перенес неволи. Понятное дело, его смерть не привела меня в дикий восторг. На той планете со мной приключилась масса неприятностей, а потом меня арестовала военная полиция Космической Лиги. Меня собирались отправить на родину под суд.

— За какие грехи? — с неподдельным интересом спросила Бибз.

— Ограбление банка, киднэппинг, побег из-под стражи. Ну, и так далее.

— Как здорово! Вот что я скажу тебе, Джим: выручив меня, ты оказал себе неоценимую услугу. Я хорошо знаю эту планету, мне известно, где можно раздобыть денег. Давай договоримся: ты будешь красть, а я — тратить деньги. Зато у тебя не возникнет никаких проблем. Потом, когда придет время, я позабочусь об отлете.

— Пожалуй, в этом есть резон,— кивнул я.— А нельзя ли нам потолковать о делах за едой?

— Ну конечно. Тут есть подходящее местечко.

Она привела меня в маленький ресторанчик, затерявшийся среди домов. Заказанное ею блюдо на вкус оказалось вполне сносным, чего я никак не ожидал, услышав название: «фелион ха кук мог». Чтобы пища не застревала в глотках, Бибз велела принести кувшин рута — вполне приличного красного вина. На будущее я решил запомнить это слово. После еды я взял из глиняного блюдца заостренную щепку и принялся выковыривать из зубов кусочки хряща.

— Можно задать тебе вопрос? — спросил я. Не отрываясь от кружки с вином, Бибз махнула рукой — валяй, мол.— Я рассказал, за что меня арестовали. Нельзя ли узнать, что послужило причиной твоего ареста?

Она с такой силой грохнула кружкой о стол, что та дала трещину. Лицо девушки перекосилось от ярости, и я услышал скрежет ее зубов.

— Все из-за мерзавца Гарта,— пояснила она.— Он знал, что за мной охотится Космическая Лига. Когда мы сюда прилетели, он списал меня с корабля, на другой день меня сцапала полиция. Гарт подбросил мне в сумочку каверген и настучал фараонам. Меня обвинили в контрабанде наркотиков. Ну, попадись он мне!

— Я тоже не прочь до него добраться. Но почему он тебя выдал?

— В отместку. Как-то раз полез ко мне в койку, а я его вытолкала. Слишком уж он волосат, не люблю таких.

Я поперхнулся вином и закашлялся, но Бибз не заметила этого. Дрожа от злости, она смотрела в пустоту.

— Я бы убила его, если бы только смогла попасть в его логово. Но, увы, это невозможно.

— Почему невозможно? — спросил я с некоторой тревогой. Мне не по нутру, когда хорошенькие девушки рассуждают о мести и убийстве.

— Почему? А что ты знаешь об этой планете, Джим?

— Ничего. Только название — Стерен-Гвандра.

— На языке туземцев это означает «планета». У них не шибко развито воображение, во всяком случае, у жителей Брастира. В годы упадка Стерен-Гвандра, как и многие другие планеты, утратила связь с галактической цивилизацией. Брастир — континент, на котором мы находимся,— не имеет минеральных ресурсов, и за

несколько столетий промышленное оборудование износилось, а нового колонисты изготовить не смогли. Это невежественный, неграмотный народ, здесь даже эсперанто мало кто знает. Только торговцы, поддерживавшие сношения с островом, более или менее развиты. К тому времени, как Галактика вспомнила о существовании Стерен-Гвандры, на ней уже установилось нечто вроде сельскохозяйственного полуфеодализма.

— Как на Спиовенте?

— Не совсем. Возле континента расположен огромный остров, в его недрах сосредоточены почти все запасы руд, угля и нефти этого полушария, поэтому первые поселения возникли на острове. Потом наступила эпоха диаспоры, и вновь прибывшие колонисты бросились заселять континент. Их не пускали на остров, да они и сами туда не стремились — на материке земли хватало всем. Так получилось, что жители Невенбека заняты в промышленности, а здешний народ — в сельском хозяйстве и добыче леса. Теперь понимаешь, почему нам не добраться до Гарта?

— Не совсем. При чем тут Гарт?

— Он на острове! — Вздохнув, она макнула палец в лужицу вина и стала рисовать круги на столе.

— Но ведь Гарт вениец, как и ты,— удивился я.— Капитан венийского корабля. Какой смысл островитянам его укрывать?

— С чего ты взял, что он вениец? Власти острова Невенкебла купили корабль, а Гарта назначили капитаном. Когда речь идет о хороших деньгах, мы, венийцы, становимся очень покладистыми. На острове правят военные. Мы вывезли оттуда уйму оружия. Да, хорошая была работа, денег у меня куры не клевали, и расплачивались с нами межпланетной валютой. А потом, когда о наших делах пронюхала Космическая Лига, военные свернули операцию, а нас уволили. Вот почему я говорю, что нам не добраться до Гарта.

— Я доберусь.

— Ну что ж, надеюсь. Я помогу тебе, чем сумею. Но прежде надо где-нибудь отсидеться, пока нас не перестанут разыскивать. А для этого потребуется много аргханов. Сколько их у тебя?

Она высыпала на стол монеты, отобранные у конвойных, а я добавил свои.

— Маловато. Не хватит, чтобы снять надежную берлогу. Правда, у меня есть связи, можно договориться...

— Нет. Никаких контактов с преступным миром. Это слишком дорого. К тому же, Лига первым делом обыщет воровские притоны. Здесь есть гостиницы?

— Нет, только остелиовы, постоялые дворы. Но инопланетники там не останавливаются.

— Тем лучше. Сможешь прикинуться туземкой?

— Запросто. Да и ты легко сойдешь за местного. Тут в ходу столько акцентов и диалектов, что никто не заподозрит в тебе чужака.

— Вот и отлично. Надо украсть побольше денег, купить роскошные тряпки и поселиться в лучшем постоялом дворе. Согласна?

— Согласна,— смеясь, она хлопнула в ладоши.— Да ты просто прелесть, Джим. На этой вонючей планете ты — глоток свежего воздуха. Но украсть большую сумму здесь не так-то просто. У туземцев нет банков. Правда, можно ограбить хога, ростовщика. Но жилища хога — настоящая крепость, там полно охраны из его родственников, их совсем не просто подкупить.

— Это интересно. Давай заглянем к какому-нибудь хогу, а ночью пошарим у него в кубышке.

— Знаешь, Джим, я не встречала такого парня, как ты. Ты смотришь на вещи с детской непосредственностью, но все же, видно, знаешь свое дело.

Я не люблю, когда меня называют ребенком, но на этот раз не обиделся. Бибз увлеченно придумывала план:

— Мы возьмем часть наших аргханов и обменяем их на деньги острова Невенкебла. При этом возникнет много поводов для споров с хогом, а у тебя будет время осмотреться. Говорить с ним буду я, а ты помалкивай. Тебе отводится роль моего телохранителя и носильщика кошелька. Телохранителю полагается дубинка.

— Не будем терять времени. Пойдем, купим ее.

Выполнить эту часть плана оказалось легче легкого. В лавочках, выстроившихся вдоль каждой улицы, чем только не торговали: всевозможными нарядами, фруктами, завернутыми в листья, лакомствами, ножами, седлами, шатрами и, наконец, дубинками. Пока лавочник расхваливал свой товар, я выбрал лучший экземпляр — метровую палку из прочного дерева со стальными кольцами.

— Вот это в самый раз,— сказал я Бибз. Торговец закивал и, схватив деньги, что-то пробормотал.

— Говорит, его товар продается с гарантией на год,— пояснила Бибз.— Предлагает испытать дубинку на прочность.

Испытательный стенд в глубине лавки оказался камнем, обтесанным под человеческую фигуру. Он был весь в выбоинах и царапинах — должно быть, не один год покупатели проверяли на нем надежность дубин. Нос и подбородок у каменного болвана были отбиты, от ушей тоже почти ничего не осталось. Я повертел дубинку в руках, сделал несколько пробных выпадов. Затем повернулся спиной к камню и, регулируя дыхание с помощью мантры и постепенно напрягая мышцы всего тела, стал ждать, когда наступит нужный момент. Перенапряжение мускулов и воли — и резкая разрядка. Вот в чем секрет. Впрочем, тут нет никакого секрета — достаточно знания техники и некоторой привычки. Заревев, как спайовентский паровоз, я развернулся и вложил весь свой вес и всю свою силу в окованный железом конец дубинки. Описав полукруг, она обрушилась на каменную башку. Раздался громкий треск, и голова отлетела. Дубинка осталась целехонькой, только

на стальном кольце появилась небольшая вмятина. Мой удар произвел на Бибз и торговца сильное впечатление. Да и я сам, честно говоря, не ожидал такого результата.

— И часто ты такое вытворяешь?—спросила Бибз сдавленным голосом.

— Когда приходится,— скромно ответил я.— Ладно, пошли к хогу.

Миновав несколько кварталов, мы увидели стальную балку, торчащую из стены дома. В клетке, подвешенной к ней, сидел скелет.

— Оригинально,— заметил я.— Должен сказать, я ожидал увидеть деревянный аргхан над дверью или изображение мешка с деньгами.

— Так практичнее. Это скелет последнего вора, проникнувшего в дом хога.

— Да? Очень мило.

— Не волнуйся, это всего лишь традиция.

Легко ей говорить, ведь грабить хога пойду я. Расстроенный, я двинулся следом за ней, но в дверях двое неприятных на вид верзил преградили нам путь, угрожающе выставив копья.

— Мне к хогу,— буркнула Бибз, смерив их презрительным взглядом.

Пробормотав что-то нелестное в наш адрес, стражники забарабанили кулачищами в обитую железом дверь. Та громко заскрипела и отворилась. Внутри мы встретили охранников с мечами, слепленных из того же теста, что и копейщики у входа. Посреди двора, над навесом, стоял огромный сундук, справа и слева от него — два телохранителя с пиками. На крышке сундука лежали пуховые подушки, а на них восседал хог.

— Похоже, на этом сундуке он днюет и ночует,— пошутил я, преодолевая тревогу.

— Разумеется,— кивнула Бибз, и мне стало еще тревожнее.

Ростовщик рассыпался перед нами мелким бесом, его голос был как патока, особенно после того, как Бибз позвенела монетами. Он хлопнул в ладоши, и помощники убрали подушки с сундука и подняли крышку. Внутри сундук оказался разделен перегородкой, и обе половины заполнены туго набитыми кошельками. Еще один хлопок хога, и крышка закрывается, а на нее ставится большой кошелек. Забравшись со вздохом облегчения на свое место, ростовщик развязал бечевку и зачерпнул пригоршню блестящих монет. Обмен начался. Приняв скучающий вид, я стал осматривать внутренний двор. Смотреть, надо сказать, было почти не на что. Дверь, через которую мы сюда вошли, была заперта, возле нее выставлена стража. На крышу не попасть — вдоль карниза торчат заостренные прутья, на лесенке стоит копейщик. Что же предпринять? Оглушить старикашку и схватить кошелек? Только затем, чтобы быть заколотым, зарубленным, забитым? Нет уж, дудки! Пожалуй, придется разработать новый план пополнения нашей казны. О том, чтобы пробраться сюда ночью, мне даже подумать было страшно — грубая сила отпугивает воров надежнее,

чем самые современные защитные устройства. Допустим, мне удастся проникнуть в эту крепость — но как вынести добычу? Хотя, возможно, это не так трудно, как кажется... Тут в моей голове забрезжила некая идея, и я так поспешно ухватился за нее, что едва не спугнул ее. Стараясь ничем не выдать своего волнения, я озирался и время от времени рычал на стоящих рядом стражников. Они отвечали тем же. Тем временем обмен шел полным ходом под нытье и недовольное фырканье обеих сторон, но мне недосуг было прислушиваться к спору хога и Бибз — я обтачивал и шлифовал свой план. Потом мысленно попытался его осуществить и пришел к выводу, что все получится, если мне немного повезет.

— Эй, хозяйка! — крикнул я Бибз, помахивая дубинкой.— Хватит лясы точить, соглашайся, и пошли отсюда.

Бибз повернулась с брезгливой гримасой и спросила:

— Что ты сказал?

— Что слышала. Вспомни, нанимая меня, ты обещала хорошую плату и укороченный рабочий день. Но плата не так уж хороша, а день не так уж короток.

Если бы хог не понимал эсперанто, моя затея закончилась бы пшиком. Но он сразу навострил уши и не пропустил ни единого слова. «Все,— решил я.— Жребий брошен. Бибз еще не знает о моем замысле, но она смышленая и должна сообразить, что от нее требуется».

— Ах ты, олух безмозглый! Да я за полцены найму лучшего телохранителя, чем ты! Он еще понукать меня смеет, малбонуло несчастный!

— Ах так! — взревел я.— Ну, это тебе даром не пройдет!

Моя дубинка свистнула в воздухе, но лишь слегка задела ее макушку. Бибз рухнула, как подкошенная. Следующим ударом я сломал одну из жердей, поддерживавших навес. Пока он падал, я шагнул к сундуку и треснул хога по шее.

«А теперь быстро, Джим!» — сказал я себе, хватая с его колен и опуская за пазуху кошелек. Стражники, истошно вопя, стаскивали с нас упавший навес. Выбравшись из-под него, я пошел прочь от сундука.

— Ладно, хозяйка, считай, что мы квиты! — крикнул я Бибз на ходу.— Поищи себе другого телохранителя. Будь я проклят, если еще раз свяжусь с тобой.

Два шага, три, четыре. Стражники стащили с бесчувственного хозяина навес, один из них визгливо закричал на незнакомом мне языке. Но я не нуждался в переводе. Едва взбешенные родственники хога бросились ко мне, я повернулся и помчался прочь, но совсем не в том направлении, где находился единственный выход, а к деревянной лестнице, ведущей на крышу. Там стоял один-единственный стражник с копьем. Я отбил копье и дал копейщику пинка, а когда он упал, перепрыгнул через него и понесся вверх. На верхней площадке я едва не напоролся на меч подоспевшего воина. Все же мне удалось увернуться, схватить его за лодыжки

и повалить. Стукнув его по лбу рукоятью дубинки, я вскочил, звеня монетами, и увидел троих стражников, несущихся ко мне по крыше. Я подбежал к карнизу, поглядел вниз и выругался — высота была слишком велика, если прыгну, обязательно сломаю ногу. Повернувшись, я запустил своим оружием в ближайшего нападающего. Он упал; второй споткнувшись о него, тоже не устоял на ногах. Спустя секунду я висел, держась за краешек карниза. Взглянув вверх, увидел третьего стражника с занесенным мечом — он явно вознамерился отрубить мне пальцы. Тогда я отпустил карниз. Упал на мостовую, но в последний момент успел сгруппироваться, превратив тело в подобие пружины, и отделался лишь ушибом. Но в ту минуту я его даже не почувствовал. Вокруг стучали о мостовую пики и палицы, но ни одна не задела меня, а вскоре я свернул за угол и оказался на многолюдной улице. Постепенно вопли разъяренных стражников стихли за спиной. В первом же баре я рухнул на стул и с неописуемым наслаждением выдул целый жбан премерзкого пива.

Таскать за пазухой кошелек было не очень удобно: он вдавливался в живот, и, кроме того, выпирающий «бубновый туз» не мог не бросаться в глаза. Возможно, хог уже разослал слуг во все концы города, и сейчас они высматривают меня среди прохожих. Им не составит труда найти старину ди Гриза, если он будет шляться по улицам, забыв об осторожности. От этой мысли меня прошиб пот. Я постучал по столу монеткой, подзывая официанта. При виде островной валюты у него заблестели глаза. Схватив трясущимися пальцами монету, он пулей вылетел из ресторанчика и вскоре вернулся с целой пригоршней аргханов. Меня, конечно, обсчитали, но я не стал скандалить, а вышел из ресторана и нырнул в первую же лавку, где торговали одеждой. Ее хозяин неважнецки знал эсперанто, но все же я сумел объяснить ему, что мне нужно. Из лавки я вышел в мешковатых штанах и накидке, с плетеной корзиной, в которой укрылся кошелек. С трудом переставляя отбитые ноги, я добрался многолюдными улицами до рынка, где обзавелся широкополой кожаной шляпой с шикарным пером. Мало-помалу я оделся с иголочки. Деньги перекочевали в элегантную наплечную сумку, а корзинку с арестантскими шмотками я выбросил. Наступил вечер. Я заблудился, и к тому же меня не оставляли тревожные мысли насчет Бибз. Я сделал все возможное, чтобы ее не заподозрили в сговоре со мной, но было ли этого достаточно? «Обязательно надо ее разыскать,— виновато подумал я.— Но как это сделать? Чего проще — найду здание Лиги, единственный ориентир, а там что-нибудь придумаю». Базу Лиги я нашел на рассвете. Едва не валясь с ног от усталости, прошел по пути фургона, в котором мы ехали вместе с конвойными, до того места, где спрыгнули. Затем разыскал знакомый ресторан и с облегчением уселся за столик. Оставалось надеяться, что Бибз не забыла это местечко и что у нее хватит ума прийти сюда. Я снял и бросил на стол шляпу. И как будто раскаленный обруч сдавил мое горло.

— Предатель! — прошипела мне на ухо Бибз.

Я хрипел и хватал руками воздух. Неужели конец?.. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, боль исчезла, а проволока упала на пол. Пока я растирал шею, Бибз подвинула стул, уселась и заглянула в сумку с деньгами.

— А ведь я могла тебя придушить,— сообщила она.— Запросто — до того разозлилась. Решила, что меня оставили в дураках. Но теперь понимаю: ты тогда на месте придумал план. Ладно, считай, что мы квиты — видишь, как меня разукрасили по твоей милости?

Я полюбовался на ее разбитые губы, на синяк под глазом.

— Я же не хотел...— прохрипел я.— Для того и сбил тебя с ног, чтобы не подумали...

— И правильно сделал, иначе бы меня прикончили на месте. Но все-таки, пока я валялась без чувств, мне намяли бока. Потом все погнались за тобой, а я улизнула. Дождалась темноты, прячась по закоулкам и ненавидя тебя. У меня ведь ни гроша с собой нет. Вообще ничего, кроме фингала. Твое счастье, что я такая отходчивая.

— Спасибо,— буркнул я и единым духом ополовинил кувшин с вином, принесенный официантом.— Это был наш единственный шанс. Пока ты торговалась со старикашкой, я хорошенько рассмотрел его логово. Лезть туда ночью — дохлый номер. Поэтому я решил забрать денежки сразу.

Бибз усмехнулась и погладила сумку с монетами.

— Пожалуй, такой куш стоит нескольких ушибов. Ладно, я не сержусь. Пойдем отсюда. Ты сменил костюм, нужно и мне переодеться.

— А потом — в лучший остелиов города.

— Да, с горячей ванной и хорошей кухней. Вперед!

Вскоре мы нашли остелиов — приземистое здание с номерами, выходящими окнами во двор,— и выбрали самые роскошные апартаменты. На столе нас поджидал кувшин холодного вина — в жизни не пил ничего вкуснее. Слоняясь по комнатам, устланным коврами, я грыз печенье, а Бибз тем временем плескалась в ванне. Наконец она вышла, закутанная в полотенце, пышущая румянцем и голодная, как волк. В остелиове не было столовой или ресторана, еду нам принесли прямо в номер. Когда тарелки опустели, я запер входную дверь на засов, потом заново наполнил вином хрустальный кубок Бибз.

— Вот это жизнь! — сказала она, блаженствуя.

— Что верно, то верно,— согласился я, вытягиваясь рядом с ней на подушках.— Ну, теперь вздремнем чуток, и я снова стану человеком.

Она взглянула на меня прищуренным глазом — второй, подбитый, был и вовсе закрыт — и улыбнулась.

— Все-таки ты удивительный парень, Джимми. Совсем мальчишка, но очень способный. Ты пережил рабство на Спиовенте,

а ведь это было не просто. Потом уложил несколько фараонов и сумел обчистить хога.

— Просто повезло,— ее слова (за исключением «мальчишки») пришлись мне по душе.

— Не думаю. Кроме того, ты меня здорово выручил. Вырвал из цепких лап закона и раздобыл деньги, которые помогут нам смыться отсюда. Пожалуй, надо тебя отблагодарить.

— Не за что. Поможешь мне разыскать Гарта, вот и будем квиты. Давай об этом завтра поговорим, утро вечера мудренее.

Бибз опять улыбнулась.

— Джимми, я хочу отблагодарить тебя иначе.

Как вы думаете, случайно ли в тот миг с нее соскользнуло полотенце? Бибз выглядела просто потрясающе. Вот только подбитый глаз... но это пустяки. Как бы вы, читатель, поступили на моем месте? Думаю, как бы ни поступили — не стали бы рассказывать посторонним.

Казалось, никогда еще солнце Стерен-Гвандры не сияло так ярко. Переполненный блаженством, я валялся на тахте, жуя какой-то фрукт и запивая вином.

— Я не ослышалась? — спросила Бибз.— Ты решил остаться?

— Ну что ты! Конечно, я улечу отсюда. Но сначала разыщу Гарта.

— Скорее он сам найдет тебя и прикончит.

— Еще посмотрим, кто кого прикончит.

Она помолчала, склонив набок очаровательную головку, затем кивнула.

— Пожалуй, я бы посмеялась, услышав это от кого-нибудь другого. Но ты слов на ветер не бросаешь. Однако я здесь не останусь,— добавила она со вздохом.— Хватит с меня. Благодаря Гарту я оказалась за решеткой, благодаря тебе — снова на воле. И все, дело закрыто. Правда, ужасно хочется знать, чем все кончится. Будь другом, если останешься жив, пошли мне весточку через профсоюз венийских космонавтов.— Она протянула листок бумаги.— Держи. Здесь все, что я знаю о Гарте.

— Генерал Зеннор,— прочитал я.— Или Зеннар.

— Не знаю, как пишется. Похоже, это его настоящие фамилия и звание — однажды при мне к нему так обратился младший офицер.

— А что такое Мортстерторо?

— Большая военная база. Наверное, самая крупная на острове. Мы там садились и забирали груз. Нас не выпускали из корабля, а за Гартом приезжал огромный, весь в звездах и флажках лимузин. И каждый начальник отдавал ему честь. Он — большая шишка, островитяне его высоко ценят. Извини, но мне больше ничего не известно.

— Спасибо, этого достаточно.— Я сложил листок и спрятал в карман.— Что еще?

— К вечеру, наверное, у нас будут документы. Я скоро улечу.

Мне удалось устроиться на корабль, который на несколько месяцев зафрахтован торговой делегацией. Я подкупила члена экипажа, и он сказался больным.

— Когда старт?

— В полночь — голос Бибз дрогнул.

— Боже! Как скоро...

— Да, Джимми. Я все вижу, потому и расстаюсь с тобой. Ни к чему нам слишком крепкие узы.

— О чем ты? Какие еще узы? Не понимаю.

— Вот и хорошо. Когда поймешь, я уже буду далеко.

Разговор подействовал на меня угнетающе. До минувшей ночи мои отношения со слабым полом были... скажем, не такими близкими. Бибз молча смотрела на меня, я же, подавленный и сбитый с толку, не знал, что сказать. Оказывается, я совсем не знаю женщин.

— Ну, мои планы не столь конкретны...— промямлил я, но она прижала к моим губам теплый палец.

— Конкретны, я же вижу. И ради меня ты не станешь их менять. Утром ты твердо знал, чего хочешь.

— Я и сейчас знаю,— кивнул я, пытаясь придать голосу уверенность.— Ты уже поговорила с кем надо, чтобы меня переправили на Невенкебла?

— Да, и пообещала двойную плату. Если опоздаешь — пеняй на себя, старый Грбонджа не станет ждать. Он давно мечтает осесть на берегу, но нужда заставляет его ходить в море.

— Чем он занимается?

— Перевозит фрукты и овощи на остров. Он возьмет тебя матросом. Если в гавани ты сбежишь с судна, у него отберут лицензию на ввоз товара. Но Грбонджа готов пойти на это ради денег.

— Где мы с ним встретимся?

— Вечером отведу тебя к нему на склад.

— А потом?

— Потом уйду. Ты не голоден?

— Мы же только что позавтракали.

— Я не это имела в виду,— хриплым голосом пояснила Бибз.

Идти по темному городу, где фонари горели только на перекрестках, было довольно боязно. Мы молчали — наверное, просто говорить было не о чем. На поясе у меня висел кинжал, а новая дубинка то и дело стучала по стенам, предупреждая ночных грабителей, что не стоит связываться с вооруженным Джимом ди Гризом. Наконец мы подошли к складу; на стук моей спутницы кто-то невидимый открыл дверь и впустил нас. В ноздри ударил сладковатый запах фруктов. В освещенном углу сидел в кресле седой старик с бородой, прикрывавшей чудовищных размеров пузо, которое уютно устроилось на ляжках. Один глаз старика скрывался под повязкой, второй — крошечный как бусинка — пытливо смотрел на меня.

— Это тот самый парень,— сказала ему Бибз.

— Он говорит на эсперанто?
— Не хуже любого местного,— буркнул я.
— Давай деньги,— он протянул пятерню.
— Чтоб ты ушел без него? Ну уж нет. Отвезешь Пловечи — получишь деньги.
— Дай хотя бы взглянуть на них,— глаза-бусинки снова уставились на меня, и я понял, что Пловечи — это я.
Зачерпнув пригоршню монет из сумки, я показал их Грбондже. Старик одобрительно хмыкнул. Сзади потянуло сквозняком, и я резко обернулся. Дверь закрылась. Бибз ушла.
— Можешь спать здесь,— Грбонджа показал на груду мешков у стены.— Утром погрузимся — и в путь.
Он ушел, забрав с собой лампу. Я постоял в темноте, глядя на дверь, потом уселся на мешки, прислонясь к стене и положив дубинку на колени. Делать было нечего, и я задумался о том, о сем, пытаясь разобраться в сумятице чувств и желаний. Наверное, слишком глубоко задумался — когда проснулся, в дверной проем хлынул солнечный свет. Снаружи шумел окутанный утренним туманом океан. У берега покачивался парусник, по сходням спускался Грбонджа.
— А ну-ка, Пловечи, пособи моим парням,— велел он мне.
Вслед за ним на склад ввалилась орава матросов. Таскать тяжелые мешки — работа, прямо скажем, утомительная и нудная. Я быстро умаялся, а еще раньше вспотел. От едкого запаха фруктов слезились глаза, щекотало в носу. А матросы работали, как ни в чем не бывало, с шуточками да прибауточками — должно быть, привыкли. Наконец мы до отказа набили трюм и улеглись в тени вокруг бадьи со слабым пивом. Мне удалось опередить кого-то, схватить грязный деревянный ковш на цепочке; я наполнил его и мигом опорожнил. Потом повторил эту приятную процедуру. Вскоре подошел Грбонджа и велел собираться. Моряки убрали сходни, отвязали швартовы и стали поднимать парус. Я старался не мешать им — стоял у борта, играя дубинкой. В конце концов Грбонджа осерчал и велел мне убираться в каюту. Но не успел я отворить дверь, а он — тут как тут.
— Ну, теперь давай деньги,— потребовал старик.
— Не спеши, дедуля. Заплачу, сходя на берег, как договаривались.
— Только не на глазах у моих ребят. Ни к чему им видеть это.
— Не бойся. Сделаем так: ты будешь стоять у трапа, а я натолкнусь на тебя, будто ненароком, и незаметно суну кошелек тебе за пояс. И все, хватит об этом. Лучше расскажи, что ждет меня на острове.
— Беда! — взвыл он, дергая себя за бороду.— Эх, Пловечи, зря я с тобой связался. Ведь тебя непременно поймают и шлепнут, а заодно и меня.
— Ну-ну, успокойся. Послушай-ка музыку,— я позвенел деньгами.— Она сулит заслуженный отдых, домик с садом, каждый

день — бочку пива и гору свиных отбивных. Разве не стоит рискнуть ради этого?

Звон подействовал на Грбонджу успокаивающе, а когда я протянул ему пригоршню монет, он и вовсе развеселился.

— Задаток в знак нашей дружбы,— сказал я.— А сейчас расскажи об острове поподробнее. Чем больше я буду знать о нем, тем больше шансов, что не попадусь. А это в твоих интересах.

— Да я о нем почти ничего не знаю. Ну, причалы там, склады. За складами рынок. Дальше — высокая стена. За нее нас не пускают.

— А есть в стене ворота?

— Ага, есть. Но возле них стража.

— А рынок большой?

— Громадный. Как-никак, центр торговли целой страны.

— Ладно, спасибо и на этом.

Сопя и ворча, Грбонджа поднял крышку люка и исчез в трюме. Мне не сиделось в каюте, и я вернулся на палубу. Чтобы не путаться под ногами матросов, прошел на нос. Туман рассеялся, передо мной расстилалась безмятежная синь. Судно приближалось к огромной полуразрушенной башне, торчавшей из воды. Я сразу понял, что ее построили еще в ТЕ годы. Чтобы увидеть верхушку, пришлось запрокинуть голову. Башню венчал обломок моста, искореженные рельсы окунались в воду. Отовсюду выпирало ржавое железо, покачивались обрывки толстенных тросов. Я ужаснулся, представив катастрофу, разрушившую мост. А может, это сделали островитяне, опасаясь вторжения с варварского, с каждым годом все более дичающего материка? Если это так, им не откажешь в осторожности. А значит, проникнуть в глубь острова будет совсем не просто. От этих мыслей меня отвлекло появление длинного серого корабля, ощетинившегося пушками. Он с ревом пронесся перед нашим бушпритом и развернулся справа по борту. Наши матросы бросились к мачте, спеша убрать парус. Я работал с ними плечом к плечу, стараясь не замечать пушечных жерл. Любое из них могло одним выстрелом разнести нашу посудину в щепки. «Все в порядке,— убеждал я себя.— Мы — мирные торговцы, за что в нас стрелять?» Видимо, командир канонерки рассуждал так же. Оглушительно взвыв сиренами, она развернулась и двинулась прежним курсом. Один из наших матросов погрозил ей вслед кулаком и что-то выкрикнул. Впереди рос остров Невенкебла — утесы и зеленые холмы, многоэтажные дома над круглой бухтой, за ними — фабричные корпуса, терриконы и дымящиеся трубы. Часть бухты отгорожена извилистой каменной стеной, по краям стены — форты с огромными орудийными стволами, торчащими из бойниц. Я кожей чувствовал подозрительные взгляды артиллеристов, видел, как медленно движутся нацеленные на нас жерла.

— Спокойно, Джимми! — бодро сказал я себе, крутя над головой дубинку.— Ты еще покажешь этим салагам, где раки зимуют. Куда им тягаться с Джимми ди Гризом!

— Спустить паруса! — заревел динамик.— Принять буксирный трос!

Тарахтя двигателями, к нам подрулил мощный буксир. Матросы-островитяне знали свое дело: мы не успели еще убрать парус, а нас уже тащили к пристани, где толпился народ. Бухта была забита судами, погрузка-разгрузка шла полным ходом. Мы направились к свободному доку.

— Кого тут только нет,— сказал нам Грбонджа.— Вот та лоханка — из Пеннилика, та — из Грампаунда, та — из Працан-Библя. Далеконько забрались, ничего не скажешь. Давай-ка денежки, а то на берегу опасно будет.

— Нет, папаша. Придется потерпеть.

От волнения его аж пот прошиб. Не отрывая глаз от приближающегося берега, Грбонджа пробубнил:

— Я сойду первым, поговорю с таможенником. Он соберет наши документы и взамен выдаст специальные значки для работы в порту. Тогда и заплатишь, ладно?

— Ладно, только не потей. Думай о чем-нибудь приятном — о домике с садом, например.

Мы пришвартовались под присмотром двух вооруженных стражников, с помощью паровой лебедки спустили трап. Грбонджа сошел на пристань. «А вдруг выдаст? — мелькнула у меня в голове паническая мысль.— Может, надо было заплатить вперед?» Через несколько минут (мне они показались столетиями) Грбонджа вернулся на судно, чтобы дать наставления команде. Пока он орал на матросов, я побывал в каюте. Дубинку пришлось оставить, зато я спрятал за пазуху кинжал, отмычку и кошелек с частью денег, которые решил оставить про запас. Ну вот, все готово. Я возвратился на палубу. Ребята уже таскали мешки; с ношей на плечах я сошел на пристань. Каждый из сходящих держал в руках документы; офицер у трапа складывал их в коробку, а матросам прикалывал на рубахи бирки. Похоже, ему давным-давно наскучила работа таможенника. Приближаясь к офицеру с документом в протянутой руке, я старался ничем не выдать страха.

— Следующий! — рявкнул он, зверски уколов меня значком. Я дернулся всем телом и едва не выругался, а он с улыбочкой садиста толкнул меня в спину и буркнул: — Шевелись, дубина. Следующий!

Наконец-то я на берегу и, слава Богу, пока ни в чем не заподозрен. Вслед за согнувшимся под тяжестью мешка матросом я вошел в сумрак склада. Там у растущей горы фруктов стоял Грбонджа.

— Деньги! Давай! — прохрипел он, отведя меня в сторону. Получив плату, Грбонджа с облегчением вздохнул.

Я оглянулся — кругом бетон и стальные стены — и поплелся за матросом к трапу. Таща третий мешок, я был близок к отчаянию. Еще несколько ходок, и выгружать будет нечего. Ведь не для этого я заплатил Грбондже кучу денег, чтобы пройтись под парусом да размять мускулы.

Как же выбраться из порта? Вот беда — даже спрятаться негде, все просматривается. Островитяне, по всему видать, не жалуют незваных гостей. Я решил, что необходимо посидеть и спокойно подумать.

— Вели сделать перерыв на кружку пива,— шепнул я Грбондже, поравнявшись с ним у трапа. Офицер-таможенник ушел, но двое стражников остались и не спускали с нас глаз.

— Да что ты! Мы тут всегда без передышки вкалываем.

— А сегодня будет передышка. Ну, чего ждешь? Хочешь, чтобы я рассказал о нашей сделке охранникам?

Грбонджа застонал, но не стал упрямиться.

— Шабаш, ребята! Пивком освежимся.

Понятное дело, ребята не стали выяснять, какая муха его укусила. Радостно вопя, они столпились вокруг бадейки. Глотнув кислятины, я отошел и уселся возле трапа на планшир. Посмотрел вниз — и увидел полоску воды между промежуточными опорами. Вот он, мой единственный шанс. Стоявший рядом со мной охранник отошел. Грбонджа стал спиной ко мне, матросов интересовало только пиво. Похоже, они чего-то не поделили — кто-то завелся, кому-то даже дали по зубам.

Короче говоря, всем было не до меня. Я сбросил в воду лежащий на пристани канат и стал по нему спускаться. Коснувшись пятками воды, достал кинжал, полоснул по канату над головой и бесшумно погрузился в воду. Когда я добрался до ближайшей опоры, сколоченной из бревен и досок и покрытой водорослями, наверху забила крыльями и с клекотом умчалась прочь какая-то птица. Вокруг меня пузырилась темная вода; под пристанью ужасно воняло. Я уже почти жалел, что не остался с матросами.

— Выше голову, Джим, и не теряй времени. Охранники, когда хватятся тебя, первым делом заглянут сюда.

И я поплыл — правда, недалеко. Вскоре путь преградила деревянная стена, точнее, борт парусного судна. Я приуныл. Неужели придется отступить? Но отступать некуда — солдаты схватят меня, как только я вскарабкаюсь на пристань. Что же делать?

— Думай, Джим,— сказал я себе,— ищи выход. Вряд ли судно достает килем до дна. Может, нырнуть?

Хо-хо! Не так-то это просто,— переправиться на ту сторону. Сбросив ботинки, я вдохнул полной грудью и... не решился погрузиться. Страх перед пучиной заставлял меня снова и снова хватать ртом воздух. Вскоре от избытка кислорода в крови стало мутиться в голове. Я собрал волю в кулак и ушел под воду. Темнота. Стук в висках. Боже, я задохнусь! Так и останусь под водой на веки вечные! Я плыл, касаясь ладонью днища корабля, обдирая кожу об острые ракушки. Все глубже, глубже... Вот он, киль, наконец-то. Теперь — вверх. Не выдержу! Какой огромный парусник! В легких — нестерпимое пламя, но тут, наконец, над головой появляется свет. Огромного труда стоит не хрипеть, хватая ртом живительный, пьянящий воздух. Отдышавшись, я поднял голову и увидел судно у причала напротив. У борта лицом ко мне стоял

матрос. Я поспешно нырнул и добрался под водой до парусника. Собравшись с силами, повторил свой подвиг — проплыл под килем. Когда я уже выныривал, голова застряла между бортом и торцом опоры, и я едва не спятил от страха. К счастью, сумел высвободиться, в кровь разодрав затылок. На сей раз зловонный воздух показался мне восхитительным. Так начинался один из самых утомительных дней в моей жизни. Эти два парусника были первыми в длинном ряду судов, под которыми мне пришлось проплыть. К полудню я добрался до последнего причала. Начался отлив, палубы судов опустились ниже настила пристани. К тому времени я ужасно устал, но набрался опыта в подводном плавании. Еще один глубокий вдох, еще одно погружение — и вот я выныриваю возле руля последнего судна. Впереди — длинная стена из каменных блоков.

— Что скажешь, Джим? — спросил я себя.— Какие будут предложения? — Шло время, но ничего путного не приходило мне в голову.— Не отчаивайся. Думай.

Как тут не отчаяться. Возвращаться — бессмысленно и опасно. Укрыться под одним из причалов? Это нетрудно. Но доки обязательно обыщут, когда обнаружат пропажу. Подняться на пристань? Это уж совсем ни к чему. На складах не спрячешься, там полно охраны.

— Поверти проблему в голове, как советовал в таких случаях Слон.

В чем, собственно, проблема? В том, чтобы уйти от солдат. Ведь они, возможно, уже ищут меня. Но не могу же я прятаться в бухте вечно? Следовательно, нужно идти к солдатам. Рискованно? Еще бы. Но, с другой стороны, кому придет в голову искать среди своих? Куда плыть? Ну конечно, к форту, которым кончается стена.

— Самый безумный шаг в моей жизни,— укорял я себя, снова обводя взглядом стену.

Над моей головой перекликались, с грохотом топали по палубе матросы. Судно, похоже, скоро отчалит — где тогда, спрашивается, прятаться? Под стеной, правда, плавает мусор, дерутся из-за отбросов птицы. Но пока я туда доплыву, кто-нибудь наверняка меня заметит... Наверху заскрипел такелаж. Матросы ставили парус. Значит, надо срочно что-то делать. И тут руль едва не вырвался из моих рук. Я ухватился покрепче и поспешил окунуться с головой, пока меня не заметили. Когда терпеть стало невмоготу, приподнял голову и чуть не закашлялся от пены, попавшей в горло. Корабль быстро удалялся. На краю пристани спиной ко мне стоял охранник. Вот и хорошо, можно дышать спокойно. Форт приближался. Возле него судно снова повернет, и я окажусь возле самой стены. Я терпеливо ждал, когда корма парусника приблизится к форту, чтобы нырнуть в последний раз. Цепляясь за щели и упираясь ногами в камень, когда била волна, я двинулся вдоль стены и мало-помалу достиг того места, где над водой нависали орудийные стволы. Что теперь? Может, рискнуть

и взобраться на крышу? Вся морская гладь в симпатичных пятнышках яхт и прогулочных яликов, но они далеко, а щели между каменными блоками кое-где достаточно широки, чтобы просунуть пальцы. И я рискнул. Непросто карабкаться по отвесной стене, но у меня не было выбора. Дюйм за дюймом я поднимался все выше и наконец остановился между двумя амбразурами. Я приник, собираясь с силами, к стене, из которой торчали, поблескивая, два жутких ствола. В десяти метрах под ногами о камень бились волны. Пока ни один парусник или ялик не приблизился к форту, но сколько это продлится?

— Дай-ка мне, Джим, огоньку.

От неожиданности я едва не сорвался. Мимо пролетел окурок сигары. «Из амбразуры»,— догадался я. Никто из орудийной прислуги не мог меня видеть, то, что́ здесь прозвучало мое имя,— случайность. Артиллеристы совсем рядом, они курят на боевом посту, что вряд ли поощряется начальством, и любуются океаном. Я затаил дыхание, целиком обратясь в слух.

— Знаешь, дружище, этот новый капитан меня достал.

— Да, я тоже впервые вижу такого гада. Может, яду ему в кофе сыпануть?

— Свихнулся? Говорят, в одном полку на севере за такое каждого десятого поставили к стенке.

— Да что ты, я же пошутил.

— Тихо. Капитан идет!

В море упал окурок, послышался удаляющийся топот. Я полез наверх, перекатился на плоскую крышу форта. Морская птица недовольно уставилась на меня одним глазом, противно заорала и упорхнула. Я улегся в центре нагретой солнцем, загаженной пометом крыши; отсюда видны были только небо и вершина далекого холма. Меня могли заметить с воздуха, но не стоило особенно беспокоиться по этому поводу — за весь день я увидел только один самолет, пролетевший вдалеке. Я закрыл глаза и неожиданно уснул. Проснулся я от холода — солнце скрылось за тучей, а одежда еще не успела высохнуть. Зато меня, похоже, до сих пор не обнаружили. День клонился к закату, и я решил дождаться темноты на крыше. Сумерки сгустились не скоро. Я то и дело облизывал пересохшие губы, стараясь не замечать урчания в животе и утешая себя мыслью, что рано или поздно солнце все равно зайдет. Понемногу стемнело, заблестели звезды, в порту засветились прожектора. Я подкрался к краю крыши и поглядел вниз. Там вспыхивали и гасли фонарики, слышались хриплые крики командиров, строились в шеренги солдаты. Вскоре одно отделение вошло в крепостные ворота, другое двинулось по широкой, как проспект, стене и постепенно скрылось из виду. А потом погасли все огни. Я лежал, глядя в кромешную мглу и не веря своему счастью. Неужели свет погасили специально для того, чтобы я мог незамеченным проникнуть в город? Конечно, нет, просто внизу стоят часовые, и начальство не желает, чтобы прожектора слепили их. Разумно, друзья мои, разумно. Я смотрел на гавань, слабо осве-

щенную звездами, и тщательно прорабатывал маршрут. Потом бесшумно спустился на известняковые плиты плаца. Ворота в стене форта были закрыты, и я на цыпочках затрусил прочь от них. Слева смутно виднелись яхты и весельные лодки, кое-где в каютах горел свет. Слышался приглушенный смех. Каменные плиты приятно холодили ступни. На душе у меня полегчало, я поймал себя на том, что насвистываю веселый мотивчик. Затем я наткнулся на проволочную сетку, натянутую поперек стены, и тут же повсюду — над головой, позади, впереди — вспыхнул свет. Прожектора высветили металлическую сеть и в ней — запертую калитку.

Отпрянув от сетки, я испуганно огляделся, затем распластался на стене и стал ждать стрельбы. Но все было тихо. Прожектора сразу погасли, никто не выбежал из форта ловить ночного нарушителя. Правда, с той стороны, куда я направлялся, ко мне приближались несколько огоньков. Патруль. Неужели меня заметили? Или, когда я наткнулся на сеть, сработала сигнализация? В любом случае, надо побыстрее отсюда убираться. Я быстро пополз к той стороне стены, что смотрела на океан, и, цепляясь за выступы на камнях, спустился к воде. Холодные брызги хлестали по ногам, смотреть на черную гладь океана, кажущегося бездонным, было жутко. Сапоги солдат бухали все громче. «Зачем я так рискую? — спросил я себя.— Кто-нибудь посветит фонариком, и меня сразу обнаружат. Так глупо засыплюсь — а все из-за чего? Из-за нежелания вымокнуть или попасть на ужин морским чудовищам? Чепуха — если бы здесь водились чудовища, люди не катались бы по заливу на лодках. Ныряй, Джим, ныряй»,— пробормотал я и соскользнул в воду. Когда солдаты подошли к сетке, я успел отплыть довольно далеко и готов был погрузиться с головой, если кто-нибудь посветит в мою сторону. Нет, обошлось. Они отворили калитку, вошли в нее, заперли ее за собой, и двинулись к форту. А я поплыл к берегу. Ну и как же быть дальше? Что мне — мокрому, босому, ни черта не знающему об этой стране инопланетнику — делать на берегу? Где укрыться? М-да, положеньице. Внезапно что-то темное на миг заслонило от меня береговые огни. Яхта! Вот оно — мое спасение! Я медленно плыл между яхтами, стоявшими на якорях. Кое-где в каютах горел свет, другие яхты были темны и безмолвны. Может быть, их хозяева улеглись спать? Вряд ли, рановато еще. Наверное, отправились на берег поразвлечься. Впереди на фоне темного неба возникла темная мачта. Парусная лодка, жаль — маловата. Я плыл, пока не наткнулся на судно покрупнее, без мачт. На правом борту оказался неубранный трап; по нему я вскарабкался на палубу, а затем пробрался на мостик. В свете звезд и береговых фонарей виднелись штурвал, сиденья и дверь, которая, возможно, вела в каюту. Я взялся за ручку, нажал — не поддается.

— Хорошая новость, Джим. Если дверь заперта, значит, за ней что-то ценное. Ну-ка, поглядим.

Опытному взломщику темнота не помеха, да и замок оказался совсем простенький. Свет в каюте я включать не стал, но все кате-

ра имеют много общего, и сориентироваться на ощупь не составило труда. В носовой части я обнаружил койки, под ними — сундуки, над койками — полки. Хорошенько обшарив каюту и наставив себе уйму шишек, я собрал трофеи в одеяло, вытащил их на палубу. То, что в темноте я принял за бутылку с отвинчивающимся колпачком, таковой и оказалась. Я сковырнул колпачок и понюхал содержимое, потом сунул в горлышко мизинец и облизал. Приторное вино. Не в моем вкусе, но все же лучше, чем морская вода, которой я вдосталь нахлебался. В жестяной коробке оказалось печенье, такое твердое, что я едва не сломал зубы. Пришлось облить печенье вином; когда оно размякло, я съел все до последней крошки. Затем я стал разбирать добычу. Книги, коробки разной величины и формы, одежда. Сорочку из прозрачной ткани я сразу отбросил, потом отобрал вещи, которые, вроде бы, не предназначались для прекрасного пола, и стал по очереди примерять их. Не простое дело для чужестранца, не имеющего понятия о туземных фасонах. Брюки оказались слишком велики, но не беда — я подпоясался веревочкой. Рубашка сидела на мне куда лучше, а куртка пришлась впору, если ее шили с тем расчетом, чтобы полы прикрывали колени. Чтобы сапоги не спадали, я обмотал ступни тряпками. Потом снова облачился в мокрую одежду, запихнул обновку в коробку из-под печенья, которую обернул куском синтетической ткани, показавшейся мне водонепроницаемой. Ветерок все свежел, пора было плыть к берегу. Приключения вытянули из меня все силы, голова была как ватная, хотелось спать. Я допил вино, бутылку вместе с вещами, которые мне не понадобились, бросил в каюту и запер дверь. Затем привязал к голове сверток и спустился в воду. На берегу не было видно ни души. Плыть, загребая одной рукой, а в другой держа сверток — дело непростое, но я довольно быстро добрался до суши и метнулся под прикрытие валунов. Стуча зубами от холода, я сорвал с себя и закопал в песке одежду, быстро переоделся в сухое, мешочек с пожитками затолкал за пояс, а кинжал сунул за голенище. Ужасно хотелось найти укромное местечко, свернуться калачиком и уснуть. Но островитяне — народ серьезный, караульная служба охраны у них проставлена четко, а берег они считают чуть ли не передним краем обороны. Нет, нельзя спать, надо побыстрее перебираться в город. Чуть подальше на берегу горели огни, звучали оживленные голоса. Вверх по пологому склону к асфальтированной улице вела лесенка. Я стал крадучись подниматься, но спрыгнул на песок, едва заметил неподалеку двух вооруженных людей в военной форме. Сосчитав до двухсот, я поднял голову и огляделся. Патрульные ушли, лишь несколько пешеходов прогуливались вдоль берега. Я поднялся на тротуар и неторопливо побрел мимо уличных фонарей и домов с растворенными окнами и распахнутыми дверьми. Навстречу шествовала в обнимку парочка, но влюбленные даже не покосились на меня. Вот и прекрасно — мой наряд не бросился им в глаза. Вскоре я увидел бар с вывеской— «ЗАХОДИТЕ К НАМ, ЗАСРАНЦЫ, ЖДУТ ВАС ВЫ-

ПИВКА И ТАНЦЫ». Ну, разве можно пройти мимо, прочитав такое? Не колеблясь, я толкнул дверь и вошел. Да, кабак — он в любом уголке Вселенной кабак. У всех у них одна форма, одна функция. Форма: стулья (чтобы на них сидели люди), столы (чтобы на них стояли сосуды). Функция: располагать людей к опустошению сосудов о спиртным. Я придвинул стул к свободному столику и уселся. Посетителям было наплевать на меня, как и мне — на посетителей. Не обращая внимания на возгласы хамоватых юнцов, ловко уворачиваясь от шлепков и щипков, ко мне подошла пухленькая официантка в короткой юбочке.

— Чего изволите? — спросила она, презрительно глядя на юнцов, которые со смехом подняли в ее честь кружки с пивом.

— Пива.

Оно оказалось холодным и резким — как раз то, что нужно. Я рассыпал на столе несколько монет, официантка взяла две или три и отошла к стойке.

Я окунул нос в пену, но тут в бар вошел молодой человек и быстро направился к юнцам.

— Поркаходж! — хрипло воскликнул он. Услышав это, двое парней вскочили и выбежали из бара.

Я поставил кружку, сгреб со стола деньги и вышел на улицу. Я встревожился, и неспроста: поркаходж — это «грязные свиньи» в переводе с эсперанто. Никаких свиней поблизости не было, и я знал, что скотина здесь совершенно ни при чем. Просто во всей Вселенной так зовут полицейских. Мальчишки испугались, значит, и мне надо поостеречься. Внезапно взревела сирена, улицу осветил мигающий свет. Парни шарахнулись обратно в бар. Я поспешил за ними. Они пробежали между столиками к двери в противоположной стене, но не успели прикоснуться к ней, как она резко распахнулась.

— Что я вижу?! — насмешливо протянул сиплый голос.— Мальчики пытаются убежать через черный ход! А ну-ка, сынки, предъявите документы офицеру патруля!

— Но ведь мы ничего плохого не сделали!

— Хорошего тоже. Документы, кому говорю!

Я ждал, не дыша, и изо всех сил надеялся, что «грязная свинья», которая наверняка стоит у парадной, не войдет в бар. Хриплый патрульный тем временем потешался:

— Да они же просроченные! Так-таки, ребятки. Выходит уклоняетесь от призыва?

— Что вы! Это писарь ошибся! — прохныкал один из юнцов.

— Что-то часто они стали ошибаться. А ну, пошли!

Шаги стихли за дверью, машина, ревя сиреной, умчалась. Я выждал некоторое время и выглянул за дверь. На улице — никого, «свиньи» уехали и увезли добычу. Я вышел из бара и зашагал прочь, едва удерживаясь, чтобы не побежать. Но вскоре спохватился. Куда я иду? После того как в баре побывал патруль, нет для меня места безопаснее. Отойдя в тень, я постоял, наблюдая за дверью бара. Никто не входил и не выходил. Я сосчитал до

трехсот, затем на всякий случай от трехсот до нуля. Все спокойно. Готовый при малейшем шорохе удариться в бегство, я прокрался к двери и заглянул в бар. Полицейских не было. Я вошел в зал и сел на прежнее место. Четверо парней за соседним столиком посмотрели в мою сторону.

Мрачно покачав головой, я проворчал:

— Все. Сцапали их поркаходж.

— Говорил я Билу — заведи себе новую ксиву. Что-что, а ксива должна быть в порядке.

— А моя просрочена,— хмуро сообщил я и помахал официантке.

— Видать, ты из Пенсильдельфии,— заметил конопатый юнец в ядовито-зеленых штанах.

— С чего ты взял? — буркнул я.

Конопатый фыркнул.

— А акцент? Где еще так говорят?

Я тоже фыркнул. Чем дальше в лес — тем больше дров. Выходит, я автоматически попадаю под закон о мобилизации. Очень мило. Я снова спрятал нос в кружке.

— Ты лучше не рискуй, заведи новую ксиву,— участливо посоветовал блондин.

— Легко сказать. Знаешь, как туго с этим в Пенсильдельфии?

— У нас с этим тоже непросто. Везде нужны связи.

Я встал.

— Ладно, мне пора. Счастливо, ребята.

Прежде чем выйти, я выглянул в коридор, убедился, что поблизости нет патрульных. Потом остановился у крыльца. Почти тотчас же появился блондин.

— Разумно. Чем меньше народу будет знать о твоих проблемах, тем лучше. Меня зовут Жак.

— А меня — Джим.

— Ничего, имя как имя. Сколько ты намерен заплатить?

— Немного. Больно уж год неудачный выдался.

— За три куска сахара могу свести тебя с кем нужно. Он запросит двадцать.

— Ксива тянет не больше десяти. Тебе — полтора.

— Хо, а вы, пенсильдельфские, не такие олухи, как говорят. Ладно, давай бабки, и пошли.

Я заплатил Жаку его долю. Как только он повернулся, кончик кинжала слегка проколол ему кожу под ухом. Он застыл, как вкопанный. Подержав у него перед глазами лезвие с капелькой крови, я сказал:

— Просто предупреждение. Со мной, браток, шуточки не проходят. Наколешь — под землей разыщу и пришью. Понял?

— Понял... — пролепетал он.

Я спрятал кинжал и треснул блондина по спине.

— Жак, ты мне нравишься. Схватываешь на лету.

Шагая рядом с Жаком по улице, я утешал себя надеждой, что урок пойдет ему на пользу. Не люблю угрожать, не люблю, когда

мне угрожают. Когда меня запугивают, я из вредности делаю все наперекор. Но жуликам, насколько я знаю, нравится, когда с ними не церемонятся. Такой уж народ. По пути нам попалось несколько баров, и Жак в каждый из них заглянул. В пятом заплатил за вход и махнул мне, чтобы я следовал за ним. Там было темно и накурено, надрывался духовой оркестр. Жак провел меня в дальний конец зала, в кабину, где музыка звучала потише. Во всяком случае, была не столь кричащей, как полосатый наряд на толстяке, который сидел там. Откинувшись на спинку грубого деревянного кресла, он потягивал из бокала ядовитого цвета жидкость.

— Привет, капитан,— сказал мой спутник.

— Выкладывай, Жак, в чем дело, и проваливай.

— Капитан, не смей так говорить даже в шутку. Я по делу пришел, можно сказать, подарок тебе принес. Этому корешу нужна новая ксива, не то его заберут в армию.

В меня впились крошечные глазки толстяка.

— Жак сказал: полторы — ему, десять — тебе. Он уже свое получил.

— Вечно он путает. Двадцать, и точка. А комиссионные я сам ему выплачу.

— Ладно, черт с тобой.

Я отдал деньги. Он тут же достал из кармана пластиковые корочки с фотографией паренька, которому никак нельзя было дать моего возраста. Год рождения, указанный рядом с фотографией, тоже не совпадал с моим.

— Но ему же всего пятнадцать! — возмутился я.

— Ничего, у тебя тоже мордашка, как у младенчика. Сойдет. Или сбрось несколько годков — или иди в армию.

— Ладно, беру. Я уже чувствую, что помолодел. Спасибо за помощь.

— Всегда к твоим услугам. Во всяком случае, пока у тебя есть сахар.

Я вышел из бара, перебежал улицу и юркнул в темную подворотню. Жак не заставил себя ждать. Несколько минут я бесшумно шагал за ним, потом стал догонять. Ощутив затылком мое дыхание, он резко обернулся.

— Это я. Не пугайся, Жак. Просто хотел тебя поблагодарить.

— А-а! Да брось ты, не за что,— промямлил он, испуганно обшаривая глазами пустынную улицу.

— Жак, окажи мне еще одну услугу. Дай взглянуть на твою ксиву. Хочу убедиться, что Капитан меня не надул.

— Что ты! Он не такой!

— Верю, но все-таки хочу взглянуть.— В свете фонаря блеснул мой кинжал. Жак мгновенно выхватил из кармана и протянул корочки, очень похожие на мои. Я раскрыл их, повернул к свету затем сложил и отдал Жаку. Но он оказался подозрительным.

— Это не моя ксива! — пролепетал он, взглянув в удостоверение.— Это твоя!

— Верно. Я решил с тобой поменяться. Ты же сказал, что моя ксива — годная, вот и бери ее себе.

Я повернулся и пошел прочь. Шум прибоя и возмущенные вопли Жака постепенно стихли за спиной. Я был очень доволен собой. Если Капитан меня не надул — Жак ничего не теряет. Если надул — тем хуже для Жака. Соломоново решение. Чем дальше на берег — тем выше здания, чище улицы, ярче фонари. И тем сильнее меня одолевала усталость. Я не удержался от искушения войти в первый же бар. Бархатные гардины, свет, не режущий глаз, кожаные кресла, миловидная официантка. Она равнодушно поставила передо мной пиво, но, получив щедрые чаевые, стала куда как любезнее. Но отдохнуть, потягивая пиво и заигрывая с официанткой, мне не удалось. Очень уж много «грязных свиней» шастало по этому городу, причем всегда по двое. Когда парочка этих несимпатичных зверушек ввалилась в бар, сердце мое ушло в пятки. «Чего ты боишься? — укорял я себя.— У тебя же отменная ксива!» Полицейские обошли зал, проверив у посетителей документы, и наконец остановились возле моего столика.

— Добрый вечер, начальники,— ухмыльнулся я.

— Нечего зубы скалить! Показывай!

Я протянул «корочки». У того, кто в них заглянул, аж ноздри раздулись от радости.

— Ты только погляди на этого орла! — толкнул он локтем напарника.— Это же сам Жак-Шутник! Каким ветром тебя занесло в наш район, дружище! Ну, теперь все.

— Да вы что, ребята! — сказал я с дрожью в голосе.— Я сейчас же вернусь.

— Поздно! — хором заявили патрульные, защелкивая браслеты на моих запястьях.

— Слишком поздно,— добавил тот, у кого раздувались ноздри.— Все, Жак. Ты теперь в армии. Береговая полиция тебе не поможет.

«Перестарался,— с горечью подумал я, выходя из бара в сопровождении полицейских.— Похоже, с этой минуты начинается моя головокружительная военная карьера...»

Мне отвели тесную камеру с жесткой койкой, но я не стал скандалить. После напряженного дня нужен был только сон. Должно быть, я захрапел, не успев коснуться головой грязной подушки. Спал я как убитый, а разбудил меня серый луч света, проникший сквозь крошечное зарешеченное окно. Сразу навалилась тоска.

— Есть хочу! — завопил молодой человек в соседней камере и принялся трясти решетчатую дверь.

— Дайте пожрать. Мы ведь не преступники! — подхватил другой.

— Ладно, ладно, заткнитесь,— сказал грубый голос.— Жратву уже несут, хотя, будь моя воля, я бы вам показал, как уклоняться от призыва!

Ждать пришлось недолго, хотя вряд ли стоило это делать. Остывший суп с лапшой и сладкой красной фасолью — не самое

подходящее блюдо для завтрака, на мой взгляд. «Любопытно,— подумал я,— что нам предложат на ужин?» Времени для раздумий на подобные темы была бездна. После кормежки никто в нашем зверинце больше не появлялся. Глядя в потрескавшийся потолок, я помаленьку пришел к выводу, что моя злая фортуна на самом деле не так уж и зла. Ведь я — живой и здоровый — попал-таки на Невенкебла! Впереди — многообещающая карьера. Осмотрюсь хорошенько, узнаю, кто тут чем дышит,— глядишь, и найду дорожку к генералу Зеннору, или как его там. Ведь он — в армии, и я скоро там окажусь, выходит, это удача, что меня загребли. К тому же, у меня есть отмычка. Когда придет время, возьму и исчезну. Да и не так уж плохо в армии, в конце концов. Ведь я был солдатом на Спиовенте, не впервой... До чего же здорово мы умеем пудрить себе мозги! В середине дня, когда мои товарищи по несчастью снова проголодались и подняли галдеж, залязгали, отворяясь, двери. Вопли утихли; нас, дюжину унылых парней примерно одного возраста, сковали сначала попарно, рука к руке, а потом длинной цепью — всех вместе. Впереди нас ждала неизвестность. Оступаясь, натыкаясь друг на друга и переругиваясь, мы вышли на тюремный двор и забрались в кузов грузовика. Машина сразу выкатила на людную городскую улицу. Я заметил, что одежда прохожих не такая, как на материке, автомобили — необычной формы, но с первого взгляда стало ясно, что технический прогресс шагнул здесь довольно далеко. Худощавый, темноволосый парень, прикованный к моему запястью, тяжко вздохнул и спросил:

— Давно ты в бегах?

— Всю жизнь.

— Ха, смешно. А я — полгода. Шесть коротеньких месяцочков. Ну, теперь — конец.

— Так-таки и конец? Мы же не помирать, а служить идем.

— Какая разница? У меня брата в прошлом году забрали, так он ухитрился переправить нам письмо. Потому-то я и спрятался... Он такое пишет...

Зрачки моего собеседника расширились, он содрогнулся. Тут машина остановилась, и нам велели вылезать. Картина, открывшаяся моим глазам, пришлась бы по вкусу самому утонченному садисту. Площадь перед высоким зданием забита самыми разнообразными транспортными средствами. Из них сотнями, а может, тысячами, выбирались юные рекруты с одинаковой обреченностью на лицах. В наручниках только наша маленькая группа — всех остальных привели сюда желтые мобилизационные предписания. Впрочем, армейскому начальству определенно было наплевать, каким путем добыта очередная порция пушечного мяса. Как только мы вошли в здание, нас освободили от оков и затолкали в толпу. Мы встали в конец длинной очереди, к одному из столиков, за каждым из которых сидела седоволосая толстушка, годившаяся нам в бабки. Толстушки все, как одна, носили очки, поверх

которых глядели на нас, стуча на пишущих машинках. Наконец подошла моя очередь, и меня озарили улыбкой.

— Документы, молодой человек.

Я протянул «ксиву». Женщина сверила дату и имя с множеством анкет. Я заметил провод, идущий от машинки к центральному компьютеру. К счастью, компьютер не нашел противоречий.

— Возьмите,— улыбнулась старушка, протягивая мне пухлую папку с бланками.— Поднимитесь на четырнадцатый этаж. Успешной вам службы.

Кабина лифта была огромна, но и нас набилось в нее человек сорок. В жуткой тесноте мы поднялись на четырнадцатый этаж. Как только раздвинулись створки кабины, мы увидели здоровяка в военной форме с невероятным количеством шевронов, бляшек и медалек.

— Выходи! — оглушительно заревел он.— Выходи! Чего рты раззявили, остолопы? Направо — стойка, каждый хватает прозрачный пакет и коробку. Потом — в дальний конец комнаты, там — РАЗДЕТЬСЯ! Снять всю одежду. ВСЮ ОДЕЖДУ, ЯСНО? Личные вещи — в полиэтиленовый мешок! Одежду — в коробку, на коробке написать домашний адрес. Уволитесь в запас — получите обратно свои шмотки, если доживете. ШЕВЕЛИТЕСЬ!

Мы зашевелились. Правда, вяло, без энтузиазма. Должно быть, на острове было запрещено раздеваться донага в общественных местах — парни прикрывались ладошками, жались к стенкам. Я оказался один в центре комнаты, и на меня с кривой ухмылкой пялился монстр в шевронах. К стойке, где принимали одежду, я подошел первым. Скучающий солдат взял у меня коробку, быстро проштамповал ее, грохнул об стойку и показал на толстые авторучки, свисавшие с потолка на эластичных шнурах.

— Имя, адрес, индекс, фамилии близких родственников.

Выпустив в меня обойму слов, он отвернулся и взял другую коробку. Я нацарапал на картоне адрес полицейского участка, где меня держали под замком. Как только я выпустил из пальцев авторучку, в поверхности стойки образовалось отверстие, и туда бесшумно провалилась посылка. Неплохо придумано. С полиэтиленовым мешком в левой руке и папкой в правой я затесался в кучу дрожащих бледных призывников; повесив носы, они ждали дальнейших распоряжений сержанта.

— А теперь — на восемнадцатый этаж! — громыхнул он.

Мы снова набились в лифт, поднялись несколькими этажами выше и оказались в медицинском аду. Врач — наверное, терапевт, судя по стетоскопу на шее — вырвал из моей руки и швырнул санитару папку, а затем схватил меня за горло. Прежде чем я успел ответить ему тем же, он крикнул:

— Щитовидка в порядке.

Санитар сделал запись в журнале. Врач тем временем вонзил пальцы мне в живот.

— Грыжа не прослеживается. Покашляй.

Последнее слово было адресовано мне. Я повиновался.

— Все. Следующий,— рявкнул терапевт.

А потом... что это? Неужели уколы? О-о-о! Парень, стоящий передо мной, должно быть, культурист. Широкие плечи, мощные ноги, бронзовые бицепсы — просто монумент мужской силы. Обратив ко мне перекошенное лицо, он жалобно лепечет:

— Я б-боюсь ук-колов!

— А кто не боится? — пытаюсь я его подбодрить.

Как только очередная жертва выходит к санитару, тот, как автомат, всаживает ей иглу в предплечье. Стоит бедняге отшатнуться — его бьет по спине грубый детина в форме. Через несколько шагов его ждут еще два наполненных шприца. После этого остается только опуститься на скамеечку, мыча от боли. Вот уже над плечом культуриста занесена безжалостная игла. Глаза атлета закатываются, и он с шумом падает на пол. И все же это не выход — санитары делают уколы, а сержант хватает бесчувственное тело за ноги и оттаскивает в сторону. Приблизившись к санитару, я стиснул зубы и собрал волю в кулак. Медкомиссия завершилась еще одним унижением. Сжимая в руках мешки с пожитками и отощавшие папки, мы — голые, несчастные, измученные — встали в последнюю очередь. Вдоль стены одного из залов выстроились пронумерованные столы — точь-в-точь билетные кассы аэропорта. За каждым столом восседал джентльмен в темном костюме. Когда подошел мой черед, сержант-пастух оглянулся на меня и показал пальцем.

— Двигай к тринадцатому столу.

Чиновник за тринадцатым столом (как все штатские в этом зале) носил очки с толстыми стеклами. Моя папка снова оказалась в чужих руках, из нее был изъят еще один бланк, и я обнаружил, что сквозь очки на меня смотрят налитые кровью глазки.

— Жак, ты любишь девочек?

Чего-чего, а такого вопроса я не ожидал. Почему-то мне представилась Бибз, которая смотрит на меня и давится от смеха.

— А то как же.

— А мальчиков любишь?

— Среди моих лучших друзей есть мальчики.— Я начал догадываться, к чему клонит этот простак.

— Правда? — он что-то вписал в бланк.— Расскажи о своем первом гомосексуальном опыте.

От такой просьбы у меня аж челюсть отвисла.

— Ушам своим не верю. Вы производите психиатрическую экспертизу по анкете?

— Ты меня поучи еще, щенок! — прорычал чиновник.— Ишь, волю взял разговаривать! Я спрашиваю, ты отвечаешь. Усек?

— Да, сэр! — Я всем своим видом продемонстрировал повиновение.— Впервые опыт подобного рода я приобрел в двенадцать лет, когда мы вместе с четырнадцатью моими товарищами по шайке...

Меня понесло. Чиновник торопливо записывал мою болтов-

ню. Когда анкета была заполнена, я получил не то разрешение, не то приказ идти в лифт. И снова сорок голых в кабине, снова закрываются двери... На этот раз мы явно ошиблись этажом.

Перед нами ряды столиков с пишущими машинками, за каждым столом — юная леди. Мы так покраснели, что в зале повысилась температура. Но больше ничего другого не оставалось, как стоять, с ужасом ожидая, когда взгляды девушек оторвутся от машинок, а милые глаза уставятся на нас. Очень нескоро, лет этак через четырнадцать с половиной, кабина снова закрылась. А когда открылась, девушек уже не было, а была зловещая фигура сержанта. Эти типы как две капли воды походили друг на друга — не иначе, какой-то ущербный ген привел к возникновению целой популяции толстошеих, узколобых, пузатых садомазохистов.

— Выходи! — заорал он.— А ну, живо, по десять человек, первые десять — через ту дверь! Вторая десятка — через соседнюю! Да не одиннадцать. Считать не умеешь, козел?!

За дверью, куда просочилась моя десятка, нам велели построиться в шеренгу. Мы встали лицом к стене, с которой свисал неприятный на вид красно-коричнево-зеленый флаг с изображением черного молота. Офицер с тонкими золотистыми полосками на погонах подошел к флагу и повернулся к нам.

— Сегодня очень важное событие,— с пафосом произнес он.— Вы, молодые люди, наиболее достойные из вашего поколения, добровольно явились сюда посвятить себя защите любимой родины от злобных сил, стремящихся поработить ее. Наступил торжественный момент, о котором вы так мечтали. В этот зал вы вошли юными шалопаями, а выйдете отсюда солдатами. Сейчас вы дадите присягу на верность армии. Пусть каждый поднимет правую руку и повторит за мной...

— Я не хочу! — пискнул кто-то.

— У тебя нет выбора,— мрачно заявил офицер.— Наша родина — демократическая страна, а вы — добровольцы и дадите клятву. Если не дадите — а у вас есть такое право,— то вот через эту дверь попадете в федеральную тюрьму, где просидите тридцать лет за уклонение от демократических обязанностей. Итак, повторяйте за мной.

Стараясь не вникать, мы повторили все то, что он сказал.

— Опустите руки, поздравляю, вы теперь солдаты и подчиняетесь требованиям начальства. Первое требование начальства — добровольно пожертвовать литр крови для госпиталя. Выполнять!

Едва держась на ногах от отчаяния, голода и потери огромного количества крови, мы ждали, когда нам наконец дадут отдохнуть. Но не тут-то было.

— Строиться! Каждый из вас сейчас получит форму разового пользования. Но пользоваться ею запрещается до особого распоряжения. Вы наденете форму, поднявшись по лестнице на крышу, откуда вас отправят в лагерь Слиммарко, где начнется ваше обучение. Каждый получит личный знак с его именем и служебным

номером. На знаке есть желобок, чтобы его можно было легко сломать пополам. Ломать запрещается, это военное преступление.

— А почему нельзя ломать, если он для этого и предназначен? — пробормотал я. Сосед объяснил:

— Личный знак ломают пополам после смерти солдата. Одну половинку отправляют в архив, а другую кладут в рот мертвецу.

Наверное, вам не покажется странным, что я в этот миг почувствовал на языке металлический привкус.

В других обстоятельствах мне, наверное, понравилось бы путешествие на этом необычном воздушном корабле. Он имел форму огромной сигары, заполненной, видимо, каким-то газом. Снизу к сигаре была подвешена металлическая кабина, со вкусом украшенная орнаментом из черепа и костей; лопасти огромного винта могли толкать летательный аппарат вперед и вверх. Вид из кабины, наверное, был бы восхитительным, если б ее создатели предусмотрели иллюминаторы в пассажирском отсеке, где на исключительно неудобных креслах из литой пластмассы сидели мы, новобранцы. Я блаженствовал — в призывном центре нам лишь раз позволили присесть, и то для того, чтобы сдать кровь. Пластмасса холодила тело сквозь тонкую фиолетовую ткань формы, пол под картонными подошвами, пришитыми прямо к штанинам, казался невероятно твердым. Единственный карман находился на груди; уложив в него мешок с личными вещами, каждый из нас стал похож на фиолетовое сумчатое животное, каких можно увидеть разве что в кошмаре.

— Я еще ни разу в жизни не покидал родного дома,— пожаловался рекрут справа от меня. Он всхлипнул и вытер мокрый нос рукавом.

— А я покидал! — тепло и бодро заявил я. Ни теплоты, ни бодрости я не испытывал, но надеялся, подняв настроение соседа, тем самым поднять и свое.

— Кормят в армии паршиво, говорят,— упорно скулил мой соратник.— Никто на свете не умеет печь сепкуконджи лучше, чем моя мамочка.

Пирог с луком! Ну и вкус у этого паренька!

— Забудь об этом,— весело посоветовал я.

От продолжения этой интересной беседы меня спасло появление сержанта. Распахнув дверь из пилотского отсека, он взревел:

— А ну, встать, кретинoджи! — и позаботился о том, чтобы все мы выполнили приказ, нажав кнопку механизма, убирающего сиденья. Только я один не успел вскочить на ноги, и мне одному пришлось выдержать всю силу испепеляющего сержантского взгляда.

— Руки вдоль туловища, ноги вместе, грудь вперед, живот назад, подбородок опустить, смотреть прямо и не дышать!

После секундной неразберихи образовались и застыли фиолетовые ряды. Сержант разглядывал нас с нескрываемым презрением.

— Кажется, кто-то все-таки дышит. Не дышать, покуда не разрешу! Первому, кто вздохнет, врежу в самое подходящее место!

В ответ — мертвая тишина. Вскоре то один, то другой новобранец стал пошатываться. Застонав, один упал в обморок. Я бесшумно дышал носом. Кто-то захрипел — не выдержал. Сержант тут же подскочил к нему, и самое подходящее место на теле новобранца оказалось солнечным сплетением. Взвизгнув, жертва рухнула на пол, а остальные стали хватать ртом живительный воздух.

— Это вам маленький урок,— процедил сквозь зубы сержант.— Поняли, что я имею в виду?

— Да,— тихонько пробормотал я.— Что ты — садомазохист.

— Что я приказываю, а вы исполняете, иначе пеняйте на себя.— В заключение этой неприятной сентенции у него перекосилось лицо, губы разжались, и блеснули желтые клыки. Далеко не сразу я понял, что это означает улыбку.

— Садитесь, ребята, устраивайтесь поудобнее,— вдруг благодушно предложил он.

«Куда? — подумал я.— На голый пол? Кресла же убраны».

Сержант любовно похлопал себя по мешку сала, перетянутому ремнем.

— Меня зовут Клутц, строевой сержант Клутц. Но не вздумайте обращаться ко мне по имени — это привилегия старших по званию. Для вас я — сержант, сэр или мастер. Вы должны быть скромны, исполнительны, почтительны и покорны. Я не стану описывать наказания за несоблюдение этих требований, потому что недавно поел и не хочу портить себе пищеварение.

По шеренгам прокатился тихий стон при мысли о том, какие ужасы могут испортить пищеварение этому чреву.

— Как правило, достаточно один раз наказать самого строптивого рекрута, чтобы сломить его дух. Но иногда его приходится наказывать во второй раз. В третий раз у нас никого не наказывают. Хотите знать, почему?

Налитые кровью глаза скользнули по нам, и мне захотелось забиться в угол.

— Поскольку вы слишком тупы, чтобы ответить на этот вопрос, я отвечу сам. В третий раз орущего, брыкающегося, зовущего мамочку рекрута запихивают в особую камеру. Там из него с шипением уходят девяносто девять целых, девяносто девять сотых процента влаги. Знаете, на что он становится похож? Хотите посмотреть?

Он полез в карман и достал крошечную фигурку обезвоженного рекрута. На лице бедняжки навеки застыл невыразимый ужас.

Солдаты застонали, наиболее слабые попадали без чувств. Сержант Клутц улыбнулся.

— Да, вот так в итоге выглядит непокорный. После казни его крошечное тельце месяц висит в казарме на доске объявлений, в назидание остальным, а после, вместе с игрушечной лопаткой,

чтобы было чем выкопать могилку, его кладут в почтовый конверт и отсылают родным. Вопросы есть?

— Простите, сэр,— послышался дрожащий голос.— Скажите, процесс обезвоживания — мгновенный или... медленный и мучительный?

— Хороший вопрос. Ты уже пробыл один денек в армии, так неудели не догадаешься?

Снова стоны, шум падения бесчувственных тел. Сержант одобрительно кивнул.

— Ладно. Сейчас я скажу, что вас ждет в ближайшем будущем. Мы летим в ЛНПС на ВБМ, то есть в лагерь начальной подготовки Слиммарко на Военной базе Мортстерторо. Там вы постигнете основы солдатской науки. Некоторые из вас не выдержат начальной подготовки и будут похоронены со всеми воинскими почестями. Запомните это. Запомните и то, что обратного пути у вас нет. Вы станете справными солдатами — или мертвецами. И поймете, что военная служба трудна, но справедлива. Вопросы есть?

В тишине у меня громко заурчало в животе, а изо рта выскочили слова:

— Да, сэр. Когда нам дадут поесть?

— Крепкий у тебя желудок, как я погляжу. Обычно новобранцам суровая правда военной жизни портит аппетит.

— Сэр, я желаю честно исполнить свой долг. Солдат обязан быть сильным и выносливым, а для этого надо хорошо питаться.

Сопя и таращась на меня, Клутц обмозговал (если в данном случае уместно это слово) мой довод.

— Ладно, будем считать, что ты сам напросился идти за пайками для всех. Кладовка вон за той дверью. Пошел!

Я отворил дверь в крошечный отсек, где стояла однаединственная коробка с надписью «БОЕВЫЕ ПАЙКИ ЮК-Е». Но коробка оказалась подозрительно легкой. Неужели ее содержимым можно накормить такую ораву?

— Тащи сюда, кретино, нечего ее щупать,— зарычал сержант, и я поспешил обратно. Пайки ЮК-Е оказались серыми брикетами в пластмассовых стаканчиках. Мои товарищи мигом их расхватали.

— Такой брикет поддерживает жизнь в течение суток,— скрипучим голосом объяснил сержант.— В нем есть все витамины, минералы, протеин и селитра, которые начальство считает необходимыми для солдатского организма. Крышечка снимается путем надавливания ногтем большого пальца на желобок, помеченный надписью: «надавить ногтем большого пальца». Поев, каждый из вас подойдет к стене, вот к этому крану, наберет в пластмассовый стакан воды. Пить надо быстро, через минуту после смачивания упаковка теряет жесткость. Напившись, вы аккуратно скатаете ее и будете хранить как зеницу ока, потому что она превратиться в контрацептивное средство, которым вы еще

долго не сможете пользоваться, но которое обязаны иметь при себе. А теперь — приступить к приему пищи!

Пока мы грызли пайки, в отсеке снова появились кресла. Я осторожно уселся на свое, ожидая, что оно снова провалится. Мне не верилось, что удастся уснуть сидя, но комбинация из мерзкой еды и предельной усталости сделала свое дело. Прежде чем закрыть глаза, я услышал собственный храп. Обстоятельства пробуждения можно было предугадать: кресла снова ушли в пол, и я оказался среди кряхтящей и стонущей фиолетовой массы. Подхлестывая нас окриками, сержант дождался, когда последний из нас поднялся и встал в подобие строя.

— Поздравляю с первым днем новой жизни,— ухмыльнулся Клутц. Его слова были встречены жалобным нытьем.

В стене распахнулся люк, в салон ворвался холодный пыльный ветер. Едва переставляя ноги, мы спустились по трапу. Зрелище оказалось не слишком впечатляющим. Одно бледнорозовое солнце пряталось за облаком пыли на горизонте, другого было не видать. Судя по разреженному холодному воздуху, база располагалась на возвышенности, возможно, на горном плато. Это гарантировало преобладающую летную погоду и максимум неудобств для возможного десанта противника. Вдали, заставив землю содрогнуться, стартовал звездолет, огонь его дюз горел ярче заходящего солнца. Сержант приказал нам построиться и заявил:

— Отныне каждый из вас будет носить военное имя, прежнее может забыть навсегда. Военное имя состоит из прежнего с добавлением первых четырех цифр личного номера. Я читаю имя, названный проходит в казарму, садится на указанную койку и ждет дальнейших распоряжений. Гордо 7590 — койка номер один...

Я ждал, разглядывая унылую стену казармы, пока не услышал: — Жак 5138.

Едва переставляя ноги, я прошел в дверь, над которой красовался лозунг: «ЧЕРЕЗ ЭТИ ДВЕРИ ПРОХОДЯТ ЛУЧШИЕ СОЛДАТЫ В МИРЕ». Пол в казарме был каменный, его совсем недавно мыли. Стены — бетонные, тоже мокрые. Я поднял глаза к потолку — с него капало. Мне стало страшно — не иначе, кто-то из начальства помешан на влажной уборке помещений. Койки в казарме были трехъярусные, и моя, разумеется, оказалась на самом верху. На ней лежал скатанный матрац.

— Добро пожаловать в новый дом,— с искренним радушием в голосе произнес сержант, когда мы все с неискренним вниманием обернулись к нему.— Запомните хорошенько, как лежат скатанные матрацы, потому что они должны так лежать постоянно, за исключением времени, отведенного на сон. А у нас здесь не разоспишься, не надейтесь. Свое личное имущество будете хранить в нишах под полом, они открываются и закрываются все одновременно вот этой кнопкой.

Он коснулся кнопки на поясе. Послышался скрежет, и в полу образовалось множество прямоугольных отверстий. Один неудачно стоявший рекрут с воплем рухнул в нишу.

— Свет погаснет через пятнадцать минут. Нижайше прошу расстелить койки, но не укладываться раньше времени. Перед сном вы увидите учебный фильм и узнаете, что вас ждет завтра. Посмотрев кино, вы помолитесь богу или богам, кому как нравится, и ляжете баиньки. Спокойной ночи.— Он вышел.

Некоторое время в казарме стоял шелест — мы стелили койки, состоящие из худосочного матраца и тонюсенького одеяла. Надувная подушка, на которую ушли все мои последние силы, наверняка вскоре окажется спущенной. Пока мы стелились, в проходы между койками бесшумно опустились телеэкраны. Грянула бравурная музыка, на экране появился офицер, страдающий несколькими дефектами речи, и стал читать совершенно непонятные наставления, которые мы, разумеется, пропустили мимо ушей. Я высыпал из нагрудного кармана в свой ящик вещи и, как был, в одежде, вскарабкался на койку. Вскоре под заунывное бормотание офицера у меня сомкнулись веки, и я почти заснул, как вдруг полыхнула ослепительная вспышка, и грянул гром. На экране возникла зловещая фигура в черной форме.

— Внимание,— зловеще произнес человек в черном.— Мы прерываем все запланированные передачи, чтобы сообщить вам следующее известие,— сделав жуткую гримасу, он встряхнул листок бумаги, который держал в руке.— На территорию нашей страны проник опасный шпион. Установлено, что вчера утром он прибыл на борту брастирского корабля. Вчерашние поиски в бухте не дали результата. В ходе сегодняшних поисков установлено, что шпион проник на прогулочный катер и украл несколько предметов одежды.

У меня стянуло кожу на затылке.

— В песке на пляже обнаружены вещи, как установлено, принадлежавшие шпиону. В настоящее время район поисков оцеплен, там объявлен комендантский час, тщательно обыскивается каждое здание. Возможно, преступник до сих пор носит украденную одежду. Тому, кто видел на ком-нибудь этот костюм, следует немедленно поставить в известность полицию или силы безопасности.

На экране появилось довольно точное компьютерное изображение вещей, которые я позаимствовал на катере. Некоторое время они медленно крутились в пространстве, потом появилась человеческая фигура. Вместо лица было белое пятно, но я не сомневался, что рано или поздно оно примет мои черты. Какой срок понадобится полиции, чтобы узнать мои приметы, проследить мой путь и выяснить, что я в армии? Дверь казармы с грохотом захлопнулась, лампы погасли. Я лежал, неподвижно глядя в темноту; в груди гулко стучало сердце.

Нелегко заснуть, узнав о том, что тебя разыскивают по всей стране. Но я уснул потому, что вымотался до предела и наконец-то оказался в горизонтальном положении, тепле и покое... С грохотом распахнулась дверь, и вбежавший сержант истошно завопил:

— Подъем! Хватит отлеживать задницы! Скатать койки! Вынуть из ящиков бритвенные принадлежности! По двое — в уборную! Ну, шевелись, ленивые свиньи! Живей, живей, живей!

Я успел проскочить в уборную прежде, чем в дверях возникла пробка. Умывальников было очень мало, но мне удалось протолкаться к одному из них. Взглянув в кривое зеркало на измученную, бледную, с запавшими глазами физиономию, я едва узнал себя. Я подумал, что с нами, наверное, сознательно обращаются по-скотски — хотят напугать, вывести из равновесия, сбить с толку, иными словами, подготовить для промывания мозгов, для полного разрушения личности. Ну уж нет! Мозги и личность Джима ди Гриза вам не по зубам! Сверхзвуковое лезвие противно заверещало, сбривая щетину. Сунув в рот автоматическую зубную щетку, я умылся и вышел из уборной. В дверях казармы снова появился сержант Клутц.

— Выходи строиться на поверку! — заорал он и тут же в страхе отпрянул: я ринулся на него, как бык. Сбежав с крыльца, я встал перед фонарем по стойке «смирно».

— Шутить вздумал? — процедил он сквозь зубы, брызжа слюной мне в лицо.

— Никак нет, сэр! — я выпятил грудь и ел начальство глазами.— Выполняю приказ, сэр! Мои старики, отец и дед, были солдатами, они говорили: нет лучшей доли, чем солдатская, нет в армии старше чина, чем сержант.— Я перестал орать и прошептал: — Сэр, скажу вам честно — я не мобилизованный. Я — доброволец. Пожалуйста, не говорите об этом ребятам, не то меня засмеют.

Он промолчал. В уголках глаз блеснули капельки влаги. Или мне показалось? Как бы там ни было, он не отвесил мне оплеуху, а повернулся и пошел в казарму — пинками выгонять остальных рекрутов. После переклички, во время которой Клутц переврал великое множество имен, даже такое простенькое, как Бил, мы строем направились в столовую. Когда запахло настоящей едой, на мостовую, словно частый дождик, закапала слюна. Получив поднос, я глазам своим не поверил — камни под карамелевым соусом, не иначе! Впрочем, камни оказались мягкими, горячими и недурными на вкус. В мгновение ока опустошив тарелку, я бросился за добавкой. В те минуты мне казалось, что в армии не так уж плохо. Но я сразу выбросил эту мысль из головы. Нас кормили только для того, чтобы мы не умерли с голоду. Начальство рассуждало так: если некоторые рекруты не выдержат учебы, то не из-за плохой кормежки, а из-за слабости тела или недостатка силы воли. Кто останется жив — превратится в относительно крепкий закаленный винтик военной машины. После завтрака полагалась утренняя зарядка — вероятно, для лучшего усвоения пищи. Сержант Клутц вывел нас на широкую площадку, где уже упражнялись новобранцы. Нас поджидал инструктор — детина с чрезмерно развитой мускулатурой и непропорционально маленькой головой. У меня зубы задрожали от его рева:

— Что такое?! Почему опоздали на целую минуту, кретиноджи?!

— Совсем обнаглели, свиньи,— наябедничал наш любимый сержант, доставая из кармана длинную черную сигару.— Едва оторвал их от корыта.

По рядам прошел глухой ропот — мы опоздали потому, что Клуц не мог идти быстрее.

— Вот оно что?! — Крошечные глазки инструктора затлели, как угольки.— Ну-ну, поглядим, стоит ли кормить таких недоносков. Ложись! Пятьдесят отжиманий! Начинай!

Приказ меня не испугал — я каждое утро отжимался сто раз, чтобы не потерять форму. Да и ветер дул холодный, не мешало размяться. Отжимаясь в двадцатый раз, я заметил, что слегка вспотел. Кругом пыхтели, кряхтели и стонали. Когда инструктор досчитал до тридцати, добрая половина взвода лежала без сил на земле, а сержант Клутц стряхивал пепел на чью-то спину. Пятьдесят раз отжались только я да культурист, боявшийся уколов.

— Еще пятьдесят! — прорычал, гневно глядя на нас, инструктор. Культурист, кряхтя, отжался двадцать раз и скис. Я выполнил упражнение до конца.

— Все, сэр? — спросил я инструктора.— Или еще пятьдесят?

— Встать! — рявкнул он.— Ноги шире плеч, руки перед собой, делай, как я... Раз, два, три, четыре...

К концу физзарядки мы обливались потом, а двое слабейших неподвижно лежали в пыли. Один из них, держась за бок, постанывал у моих ног.

— Сопляки недоделанные! Мамины сынки! — выразил свое недовольство сержант Клутц.— Уберите с глаз моих этих недоносков! Вы двое и вы двое — оттащите их в палатку лазарета и бегом обратно.

Я перекинул через плечо руку бесчувственного рекрута. Мой напарник выглядел ненамного лучше, чем тот, кого мы тащили в лазарет.

— Ты не напрягайся, только делай вид, будто помогаешь,— сказал я ему.

— С...пасибо,— пропыхтел он.— Я не в такой прекрасной форме, как ты.

Это я уже заметил. Парнишка был субтильным, с цыплячьей грудью и тенями под глазами. И выглядел старше остальных рекрутов.

— Меня зовут Мортон,— представился он.

— Жак. С виду ты староват для армии, Мортон.

— Ты прав,— кивнул он.— Меня из университета забрали. Я едва не угробил себя этой учебой, чтобы не попасть сюда. И вот результат — перетрудился, заболел и пропустил экзамены. Что нам с ним делать? — спросил он, имея в виду нашу бесчувственную ношу.— Он плохо выглядит.

Да вот она, палатка.

— Бросайте на землю,— велел капрал медслужбы, лениво ли-

ставший комиксы. Когда он переворачивал страницу, послышался тоненький стон. Я огляделся. В палатке уже лежали четверо новобранцев.

— Как насчет медицинской помощи, капрал? Он неважно выглядит.

— Ничего с этой дохлятиной не случится. Оклемается — прогоню его в казарму, а нет — вечером придет врач, осмотрит его. Все, уносите отсюда свои задницы, не то скажу сержанту, что вы сачкуете.

— Откуда в армии берутся такие садисты? — пробормотал я, когда мы с Мортоном вышли из палатки.

— На их месте могли бы оказаться и мы с тобой,— угрюмо ответил он.— В больном обществе — больные индивидуумы. Люди делают то, что от них требуется, так легче жить. Наше общество построено на милитаризме, шовинизме и взаимной ненависти. Когда такие вещи возводятся в ранг законов, находятся и наиболее ревностные исполнители этих законов.

Признаться, я ушам своим не поверил.

— Тебя этому в университете учили?

Он усмехнулся и отрицательно покачал головой. Наш взвод уже уходил со спортивной площадки, и мы пристроились в конец. Сержант Клутц привел нас на вещевой склад, где я получил подтверждение слухам, что в армии есть только два размера мундиров. Мой оказался настолько велик, что пришлось подвернуть обшлага рукавов. Нам выдали всю необходимую экипировку — котелки, ремни, фляги, подсумки для боеприпасов, саперные лопатки, ранцы и прочие предметы первой военной необходимости. Отнеся их в казарму, мы направились в учебный корпус, на так называемую «военно-идеологическую ориентацию».

— Армия получила наши тела, но ей нужны и наши души,— прошептал Мортон.

— Отставить разговоры! Молчать и слушать! Говорить будет капрал Гоу, ваш наставник.

Фальшиво улыбаясь, капрал Гоу — обладатель слащавой розовой физиономии с усиками сутенера — одернул Клутца:

— Ну, ну, сержант! У нас сейчас ориентация, а не изучение уставов. Твои подопечные выучат уставы и станут хорошими солдатами. Но хорошие солдаты должны знать, для чего необходимы уставы. Так что располагайтесь поудобнее, ребята. Какие еще кресла? Вы в армии. Садитесь на этот замечательный бетонный пол и слушайте. Начинаем занятие. Кто ответит на вопрос: почему вы здесь?

— Потому что нас призвали,— пробасил кто-то.

— Ха-ха, ну конечно. Но зачем вас призвали? Почему молодые люди должны служить в армии? Если вы не совсем ясно это понимаете, значит грош цена вашим родителям и учителям. Позвольте, я просвещу тех из вас, кто в этом нуждается. Вы здесь потому, что у наших врат — опасный враг. Нашему замечательному

острову грозит вторжение, и ваш долг — защищать бесценную свободу родины.

— Пусть меня назовут задницей, если он не врет,— пробормотал я, и Мортон согласно кивнул.

— Вы что-то сказали, солдат? — поинтересовался капрал. Видимо, у него был тонкий слух.

— У меня вопрос, сэр. Неужели слаборазвитая страна может представлять опасность для государства, имеющего современную промышленность и отлично вооруженную армию?

— Прекрасный вопрос, солдат. С удовольствием отвечу. Мы бы не боялись варваров с континента, если бы их не снабжали оружием инопланетники — алчные, коварные чужаки, завидующие нашему счастью. Вот почему вы, ребята, добровольно пришли служить нашему отечеству.

Какая неслыханная ложь! Я открыл было рот, чтобы поставить на место наглого капрала, но вовремя сдержался. А вот Мортон — тот не сдержался.

— Сэр, но Межпланетная Лига — мирный союз. Войны запрещены и...

— Кто вам это сказал? — оборвал его Гоу.

— Все говорят,— вмешался я, надеясь, что Мортон спохватится и умолкнет.— Но вы-то, надеюсь, знаете правду.

— Ничего я не знаю, но очень хочу знать, от кого вы наслышались этих опасных бредней. Наша родина — мирная демократическая страна, противостоящая разрушительным инопланетным силам. Ради ее свободы мы готовы пойти на любые жертвы. Вы, безусловно, это понимаете и сделаете все возможное, чтобы стать отличными солдатами. Вам поможет в этом сержант Клутц, который в учебном лагере заменит вам родного отца. Я знаю, что у вас будут возникать самые разные вопросы, и это неудивительно — ведь вы только начинаете армейскую жизнь. Со всеми вопросами обращайтесь ко мне, я ваш советник и поводырь. Приходите в любое время. Я стану вашим другом, самым лучшим другом,— он пустил по рядам стопку брошюр.— У вас есть десять минут на ознакомление с этой ориентационной брошюрой. А я тем временем погворю с двумя вашими товарищами, явно заблуждающимися насчет политических реалий нашего мира,— он показал пальцем на меня и на Мортона.— Да, да, я про вас. Выйдите на крылечко, ребята, потолкуем.

Мы неохотно поднялись и вышли на крыльцо. Вскоре появился Гоу.

— Солнышко-то как греет, правда, ребята?

— Вы правы, сэр. Чудесная погода.

— Ну-ка признавайтесь, где вы наслушались вражеской пропаганды? Вы первый,— он ткнул пальцем в меня.

— Где-то наслушался, а где — не помню.

Гоу улыбнулся во весь рот.

— Напомню. Вы слушали запрещенную радиостанцию.

— Простите, капрал, я хотел соврать, но вас не проведешь. Вы, конечно, правы насчет радиостанции...

— Ага! Так я и знал! Проклятый спутник! Ни расстрелять его, ни заглушить — он надежно защищен и ведет передачу на многих частотах.

— Сэр, я один-единственный раз слушал инопланетников. И, честно говоря, поверил — очень уж похоже было на правду. Потому-то и сказал сейчас...

— Правильно сделали, что сказали солдат. Это доказывает, что яд не успел глубоко проникнуть в ваш мозг. Запомните: дьявол всегда старается затронуть самые тонкие струнки человеческой души. Солдат должен превратить сердце в камень и верить только своим командирам,— он ласково улыбнулся.

Преданно глядя ему в глаза, я с жаром воскликнул:

— Да, сэр! Вы совершенно правы! Я всегда и во всем буду верить командирам и очень рад, что вы не собираетесь нас наказывать...

— Не собираюсь? Разве я это сказал? — ласковая улыбка вдруг превратилась в недобрую ухмылку.— Да что вы, ребята? За такое на гражданке вам вкатили бы по году тяжелых работ. А здесь — армия, и наказание будет куда суровее. Ну, все, приятно было с вами побеседовать, возвращайтесь в класс. И до конца занятия постарайтесь осмыслить свой поступок. В будущем — если у вас есть будущее — вы не станете оспаривать мнение старших по званию.

Мы пошли в класс, словно бараны на бойню.

— Слушай,— прошептал я Мортону,— это правда, что он сказал? Насчет радиостанции?

— Конечно! Разве ты никогда ее не слушал? Вообще-то мне передачи со спутника не нравятся — много пропаганды, мало информации. Но это не имеет значения. Нас отдадут под трибунал.

— Ну и что нам теперь делать? Сидеть и ждать ареста?

— А куда бежать? — мрачно спросил Мортон.

Я вздохнул. Бежать, похоже, было некуда.

— А ну, встать! — заорал Клутц.— Ишь, сачки, целый час отсиживали задницы! Ну, я вам сейчас покажу! Выходи строиться!

— Я задержу этих двоих,— Гоу отделил нас с Мортоном от остальных.— Они будут наказаны за антиправительственную агитацию.

Дверь хлопнула, и мы остались наедине с капралом. Мортон был на грани обморока, я начинал злиться. Гоу достал блокнот и карандаш и обратился ко мне:

— Ваше имя, солдат?

— Скру У2.

— Скру — военное имя, назовите настоящее.

— Капрал, я из Пенсильдельфии, а там не принято представляться кому ни попадя.

Гоу зло сощурился.

— Острить вздумали, солдат?

— Где уж мне, ведь вы сами — ходячая острота. Вы не хуже меня знаете, что единственная угроза нашему острову — это военные, стоящие у власти. Чрезвычайное положение выгодно только военным.

Мортон пискнул от ужаса и вцепился в мой рукав. Но меня, что называется, понесло. Холодно улыбаясь, Гоу протянул руку к телефону.

— Ну что ж, не хотите назвать имя — его из вас вытянет военная полиция. Кстати, вы не правы, чрезвычайное положение выгодно не только военным. Вы забыли о промышленных корпорациях, весьма заинтересованных в военных заказах. Армия и промышленность связаны одной веревочкой.

Его слова сбили меня с толку.

— Но... если вы знаете это, то зачем пудрите мозги солдатам?

— По той простой причине, что я — выходец из богатой семьи фабрикантов, и меня вполне устраивает сложившаяся ситуация. Пудря вам мозги, я выполняю свой воинский долг, а через несколько месяцев уволюсь запас и вернусь к прежней роскошной жизни, кою я так люблю. Ну все, ребята.

Я стоял и тупо смотрел, как он выдвигает ящик стола. Когда спохватился и бросился к капралу, было слишком поздно. На меня уверенно смотрело дуло огромного пистолета.

— На вашем месте, солдат, я бы не рыпался. Видите ли, я охотник и стреляю без промаха. И пристрелю вас без малейших колебаний.

— Отлично, капрал,— улыбаясь, сказал я.— Контрразведке известно, что в вопросах ориентации вы профессионал, но мне все-таки велели задать вам провокационные вопросы. Вы держались молодцом. Обещаю не докладывать начальству о ваших неосторожных высказываниях насчет военно-промышленного комплекса. Сам я — из бедной семьи, и мне ваши откровения, честно говоря, не по нутру.

— Это правда? — пролепетал Мортон.

— Да. И вы арестованы. Как видите, Гоу, наша беседа оказалась небесполезной — мы выявили предателя.

Гоу пристально глядел на меня, не опуская пистолета.

— Думаешь, я в это поверю?

— Нет, не думаю. Но могу показать удостоверение,— улыбнувшись, я сунул руку в задний карман новой формы.

Вероятно, он неплохо стрелял по беззащитным зверушкам и бумажным мишеням, но для рукопашного боя одной меткости недостаточно. Моя рука на мгновение отвлекла его взгляд, и выстрелить Гоу не успел — мое колено воткнулось ему в живот. Пистолет упал на пол, а капрал — рядом с ним. Мортон посмотрел вытаращенными глазами сначала на меня, затем на бесчувственного капрала.

— Ч-что п-происходит...— запинаясь, пробормотал он.

— То, что видишь. Не волнуйся, ты не арестован,— это была всего лишь уловка.

Из опасения, что отпрыск миллионера очухается раньше времени, я поднял пистолет. Что же теперь делать с этим баловнем судьбы? Идея! Опустившись на корточки, я расстегнул на нем мундир. Вот она, моя соломинка — капральская форма! Когда меня хватятся, то будут искать зачуханного новобранца, а не цветущего, одетого с иголочки капрала. Молодец, Джим! Ты заслужил это звание! Я стащил с капрала штаны и ботинки и присвистнул от удивления — Гоу носил златотканые трусы. Все-таки мне повезло, что он слегка отяжелел от спокойной жизни. Мундир и ботинки пришлись мне впору.

Я вытряхнул капральские карманы и, кроме множества монет и портсигара с черными сигарами, обнаружил только маленький карманный нож. С его помощью я разрезал на полосы свою форму и надежно связал Гоу. Оставшиеся полосы я использовал в качестве кляпа. Смерть от удушья капралу не грозила — он неплохо дышал через нос. Я затолкал под стол связанного капрала, затем чисто рефлекторно порылся в ящиках стола. Там оказалась только папка с бумагами. Зажав ее под мышкой, я отошел полюбоваться на дело своих рук. Капрала не видать. Будем надеяться, что его найдут не сразу.

— Ну, что теперь? — бодро произнес я. И Мортон жалобно пискнул:

— Да, что теперь?

Я встряхнулся и попытался думать конструктивно.

— Итак, назад дороги нет. Значит, надо идти вперед. Когда разыщут капрала, установить наши имена будет нетрудно. К тому времени у нас должны быть другие имена. Следовательно, надо идти в отдел личного состава.

Мортон глядел на меня, часто моргая.

— Жак, дружище, ты не заболел? Я ни слова не понял из того, что ты сказал.

— Неважно,— я разрядил пистолет, сунул его в стол, а обойму в карман.— Шагай впереди, делай что прикажу. Выходи. Только сначала приотвори дверь, посмотри, нет ли кого поблизости.

Мы вышли из класса и двинулись по улице. Я нес под мышкой папку, Мортон шагал впереди. Раз, два, раз, два. Я шагал следом и на каждом шагу выкрикивал противным голосом команды, как заправский капрал. Здание, где находился отдел личного состава, было большим и современным. На крыльце стоял охранник, проверявший пропуска у входящих. Мортон вдруг остановился и спросил обморочным голосом:

— Что ты затеял?

— Успокойся, все в порядке. Делай все, как я скажу, и не отставай от меня ни на шаг. Через несколько минут мы с тобой исчезнем без следа.

— Мы действительно исчезнем без следа, если войдем туда! Нас схватят и запытают до смерти...

— Молчать! — заорал я ему в ухо, и он шарахнулся, как от выстрела.— Ты не будешь говорить! Ты не будешь думать! Ты бу-

дешь шагать вперед, не то окажешься в такой заднице, что никогда больше не увидишь белого света!

Проходивший мимо сержант улыбнулся и одобрительно кивнул. Я понял, что нахожусь на правильном пути.

— Шагом марш!

Мортон переставлял ноги, как автомат. Он был белее мела. Мы поднялись на крыльцо и поравнялись с вооруженным полицейским.

— Стой! Вольно! — гаркнул я и повернулся к полицейскому.— Эй, ты! Где транспортный отдел?

— Второй этаж, кабинет два ноль девять. Разрешите взглянуть на ваш пропуск, капрал.

Мой холодный взгляд медленно опустился по его телу к ботинкам, затем так же медленно поднялся. Солдат стоял по стойке «смирно», слегка вздрагивая. Я понял, что имею дело с новичком.

— В жизни не видел более грязных ботинок,— прошипел я. Когда солдат опустил глаза, я сунул ему под нос раскрытой перевернутую папку.— Вот пропуск.— Когда он снова поднял глаза, папка уже захлопнулась.

Он хотел что-то сказать, но осекся, встретив мой колючий взгляд.

— Спасибо, капрал.

Не теряя времени, я сомкнул пальцы на предплечье Мортона и повел его к лестнице. Его била крупная дрожь, и он в любую секунду мог потерять сознание. Но обратного пути для нас не было. Распахнув дверь в кабинет 209, я жестом велел Мортону войти. В кабинете стояла длинная скамья: указав на нее бедняге и сказав: «Садись и жди, пока не позову», я подошел к столу дежурного.

— Капрал, мне нужен сержант транспортной службы.

— Он отбыл домой по семейным обстоятельствам. У него сдохла канарейка.

— Капрал, меня не интересует его личная жизнь. Кто его замещает?

— Капрал Гамин.

— Поставь его в известность, что я иду.

— Хорошо,— он взял телефонную трубку.

Я подошел к двери с надписью «ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» и рывком распахнул ее. Худощавый смуглый человек оторвался от компьютера и нахмурился.

— Вы капрал Гамин? — спросил я, затворяя дверь и раскрывая папку.— Если да, то у меня для вас хорошая новость.

— Да, я Гамин. В чем дело?

— В вашем жаловании. В расчетном отделе сказали, что из-за компьютерной ошибки вам в последнюю получку недоплатили свыше двух сотен. Вас просят немедленно подойти к кассиру.

— Я так и знал! В двойном размере вычли страховку и плату за стирку!

— Все они тупые задницы.— Мне всегда казалось, что нет на

свете, а особенно в армии, человека, который не был бы уверен в том, что ему недоплачивают жалование.— Бегите к кассиру, пока он снова не потерял ваши деньги. Можно отсюда позвонить?

— Наберите сначала девятку,— он затянул на шее галстук, надел китель, затем выдернул ключ из терминала. Экран погас.— Как пить дать, они должны мне куда больше. Сам проверю ведомости!

За его столом в кабинете была еще одна дверь, и капрал, к моей великой радости, ушел через нее. Едва он исчез, я бросился к двери, через которую входил, и высунул голову. Когда дежурный обратил на меня внимание, я обернулся и крикнул через плечо: «Он вам тоже нужен, капрал?», кивнул и позвал Мортона:

— Эй, новобранец, иди сюда.

Мортон вскочил, как ужаленный, и ринулся ко мне. Я запер за ним дверь.

— Располагайся поудобнее и не задавай вопросов,— я стащил ботинок с ноги и достал отмычку.— Мне надо действовать быстро.

Он плюхнулся в кресло и безумным взглядом следил за тем, как я оживляю терминал. Все прошло, как по маслу. Очевидно, человек, составляющий программу для компьютера, рассчитывал, что пользоваться ею будут круглые дураки. Наверное, он имел основания так считать. Я без труда вывел на экран дисплея информацию о последних перемещениях личного состава.

— Ага, вот куда мы с тобой отбудем через несколько минут. Форт Абомено. Ну-ка, Мортон, быстро назови свое военное имя и личный номер.— Введя в компьютер наши имена, я включил принтер и получил две распечатки.— Великолепно! Мы теперь в безопасности, ибо только что отбыли в форт Абомено.

Мы вышли на лестничную площадку. Навстречу кто-то поднимался по ступенькам. У меня екнуло сердце, но это, слава Богу, оказался не Гамин. Его мы увидели в вестибюле, но он был довольно далеко и не смотрел в нашу сторону.

— Рекрут, направо! Левое плечо вперед!— тотчас скомандовал я, и мы свернули к первой попавшейся двери. За ней мы увидели лейтенанта; он стоял возле зеркала и расчесывал длинные волосы. То есть, она стояла и расчесывала.

— Капрал, у вас что, задница вместо головы? Не можете прочитать, что на двери написано? Только для женского состава!

— Простите, сэр, то есть, мэм, темно в вестибюле. Да и зрение у меня не в порядке. Рекрут, ты почему не прочитал надпись? А ну, шагом марш на гауптвахту!

Я вытолкал Мортона в вестибюль. Капрала Гамина было не видать, и я поволок своего несчастного спутника к выходу.

— Мортон, старайся идти быстро, но не привлекать внимания.

Мы вышли за дверь, спустились с крыльца и свернули за угол. За домом я остановился и прислонился к стене. Вытерев пот со

лба папкой, которую все еще держал в руке, я улыбнулся. Мортон смотрел на меня разинув рот.

— Свобода и жизнь,— хихикнул я.— Нас с тобой передислоцировали. Наконец-то мы в безопасности.

— Я ровным счетом ничего не понимаю.

— Объясняю: с этого часа военные будут считать, что мы не на базе Мортстерторо, а отправлены в форт Абомено вместе с группой солдат. Нас там будут искать, но вряд ли найдут. Чтобы число прибывших в форт не расходилось с числом отправленных отсюда, двое солдат возвращаются обратно. На бумаге, конечно. Вот наши документы, капрал. Надеюсь, ты не против повышения в звании? Я теперь сержант. Мы займем их квартиры, будем есть их пайки и получать за них жалование. Прежде чем откроется ошибка, пройдут недели, а может, месяцы. Но к тому времени мы будем далеко отсюда. Ну как, тебе нравится моя идея?

— Ургль,— невнятно сказал Мортон. Глаза его закатились, и он упал бы, не успей я его подхватить.

— Крепись, дружище,— сказал я, прислонив Мортона к стене.— Я и сам едва на ногах держусь. Что и говорить, денек нынче выдался еще тот!

— Держись, Морт, недолго осталось,— сказал я, приведя своего спутника в чувство.— Сейчас мы отправимся в гарнизонный магазин и кое-что приобретем, а после со спокойной совестью будем отдыхать. Есть, пить и веселиться. Ты способен идти?

— Нет. Я еле жив, мне страшно. Иди один, я не выдержу.

— В таком случае, придется вернуть тебя сержанту Клутцу. А вот и он сам позади тебя.

Мортон взвизгнул и подпрыгнул; ноги его пустились бежать еще до того, как хозяин приземлился. Я едва успел схватить его за руку.

— Что ты, Морт, я пошутил. Хотел стимулировать выделение адреналина. Пойдем.

Адреналина Мортону хватило лишь на то, чтобы дойти до гарнизонного магазина. Там я прислонил его к стене возле кассы и вручил свою папку.

— Стоять здесь, не двигаться и не выпускать папку из рук. Иначе я не знаю, что с тобой сделаю. В лучшем случае освежую. Ясно, рекрут? — И шепотом спросил: — Какой у тебя размер одежды?

Он глупо заморгал. Повторив вопрос несколько раз и добившись наконец ответа, я направился к скучающему продавцу. Получив все необходимое, в том числе несколько шевронов и тюбик с быстродействующим клеем, и расплатившись деньгами Гоу, я повел Мортона в уборную.

— Заходи в кабину один. А то еще подумают о нас невесть что. Сбрось вон обноски и надень вот эту форму. Давай, пошевеливайся.

Пока он возился в кабинке, я наклеил сержантские шевроны поверх капральских. Когда Мортон управился с переодеванием,

я подтянул его галстук и наклеил на рукав шеврон. Его старая форма вместе с папкой отправилась в очко, а мы — в бар для сержантского состава.

— Пиво или что-нибудь покрепче? — спросил я, усадив Мортона за столик.

— Я не пью.

— С этого дня пьешь. И ругаешься. Ты в армии, не забывай. Посиди, я сейчас вернусь.

Я заказал две двойных порции чистого этилового спирта и две кружки пива, вылил спирт в пиво и вернулся к нашему столику. Мортон не посмел ослушаться и залпом выпил полкружки. Потягивая свой «коктейль», я любовался его розовеющим лицом и вытаращенными глазами.

— Кто ты, Жак? Зачем ты делаешь то, что делаешь?

— Если я скажу, что я шпион и пытаюсь выведать военные тайны, ты поверишь?

— Да! — мгновенно ответил Мортон.

— Н-да. Так вот, я не шпион. Я такой же рекрут, как и ты. Хотя признаюсь, что до призыва жил не в Пенсильдельфии, а гораздо дальше. Ну, допивай, ты, я вижу, быстро учишься. Пойду возьму еще пару пива и чего-нибудь пожевать.

Мортон набросился на еду с волчьим аппетитом; я же ел неторопливо, раздумывая о том, что делать дальше. Потом заказал еще по кружке (кошелек Гоу казался бездонным) и сигару.

— Ух, как вкушно! — восхищался Мортон с набитым ртом.— Жак, ты жамешашельный парень, прошто жамешашельный!

— Вздремни,— посоветовал я, видя, что его глаза съезжаются к переносице, а лоб вот-вот стукнется о стол.— Проснешься новым человеком.

Я неторопливо прихлебывал из кружки — хотелось, чтобы пиво и спирт бодрили, но не туманили рассудок. Бар пустовал, только через столик от нас в той же позе, что и Мортон, похрапывал сержант. Наверное, нализался того же, что и мы. Простые радости военной жизни... Мне вспомнилась военная служба на Спиовенте, потом Слон, а потом и негодяй, по чьей вине он погиб.

— Я не забыл тебя, капитан Гарт, не надейся! — пробормотал я.— Последние дни я заботился только о том, чтобы выжить, а теперь я выхожу на твой след. Ведь мы с тобой в одной армии, на одной базе.

Голова вдруг отяжелела, и я поставил кружку. День выдался трудный, я вымотался не меньше, чем Мортон. Музыкальный автомат гипнотизировал «кантри» и «музыкой угольных копей», казалось, весь мир погружается в сон. Но так продолжалось недолго. Услышав подозрительный шорох, я взглянул на коробки, которыми была заставлена стена. Среди них кто-то возился. Вскоре показался острый носик, подрагивающие усы и блестящие глазки, в которых отражались лампы. Крыса замерла, уставясь на меня.

— Кыш отсюда, пока тебе хвост не прищемили,— хихикнул я, довольный остротой.

— Джим ди Гриз, мне необходимо с тобой поговорить! — пробасила вдруг крыса.

Да, денек выдался еще тот. Даже не заметил, как поехала крыша.

— Брось! Ты — вовсе не крыса, а плод моего больного воображения,— с этими словами я схватил кружку и мигом ее осушил.

— Разумеется, я не крыса. Я — капитан Варод из Военно-Космической Лиги.

Очень осторожно, чтобы не разбудить Мортона (это моя галлюцинация, и я должен сам с ней разобраться), я завладел его кружкой. И ехидно произнес:

— А вы маленько усохли со дня нашей последней встречи.

— Хватит корчить из себя идиота, ди Гриз! Выслушай меня. Эта крыса — робот-шпион, управляемый с базы. Ты обнаружен и опознан.

— Кем? Крысой?

— Заткнись. Время дорого, военные в любую минуту могут засечь передатчик крысы. Нам нужна твоя помощь. Ты — первый агент, сумевший проникнуть на территорию этой базы...

— Агент? А я считал себя преступником, которого хотят вернуть домой и отдать под суд.

— Я же сказал — нам нужна твоя помощь. Мы не шутим, речь идет о человеческих жизнях. Генералы замышляют вторжение на материк. Мы узнали об этом из перехваченной радиограммы, но где произойдет высадка, нам неизвестно. Вторжение может привести к неисчислимым жертвам. Надо во что бы то ни стало узнать планы генералитета.

Дверь с грохотом распахнулась, в бар ворвался офицер с пистолетом в руке и техник, увешанный радиоаппаратурой.

— Сигнал идет отсюда, сэр! — заявил техник, указывая точнехонько на меня.

— Какого черта этот вшивый рядовой лезет в сержантский бар?! — заорал я, вскакивая и пиная коробку под крысой. Металлическая зверушка упала на пол, и я раздавил ее каблуком.

— Сэр, передача прекратилась! — доложил техник, взглянув на экран пеленгатора.

— Черт подери! — выругался офицер, засовывая пистолет в кобуру.— Должно быть, передатчик за стеной, на улице. Не у этих же алкашей.

— Да, сэр, должно быть, на улице. Переносная модель.

— За мной!

Когда за ними захлопнулась дверь, я спросил у бармена:

— Часто здесь такое случается?

— Да, сэр. База у нас еще та.

Мортон вовсю храпел. Я потрогал носком ботинка останки крысы из нержавеющей стали. Предзнаменование? Из крысы вывалилась и покатилась по полу шестеренка.

— Налей-ка мне еще одну,— попросил я бармена.— И себе,

поскольку обе эти задницы дрыхнут без задних ног,— я мотнул головой в сторону Мортона и незнакомого сержанта.

— Щедрая у вас душа, сэр. Только что прибыли?

— Сегодня.

— Да, сэр, база у нас...

Голос бармена утонул в громовом раскате — сам собой включился телевизор. Военный диктор в черном зарычал с экрана:

— Высадившийся в Мархавено шпион опознан. Ему удалось выдать себя за безобидного рекрута и внедриться в армию. Это установлено благодаря решительным действиям полиции, обнаружившей его гражданскую одежду.

Тоже мне, решительные действия! Я сам послал в участок шмотки, и теперь, должен признаться, шутка не казалась мне такой остроумной. Диктор исчез с экрана, появился другой офицер.

— Внимание! — рявкнул он.— Никого не выпускать за территорию базы. Запереть все ворота, прекратить вылеты авиатранспорта. Шпион, высадившийся в бухте Мархавено, проник на базу.

У меня в груди запрыгало сердце, но утихомирилось, едва на экране появилось фото Жака. Я все еще опережал сыщиков на целый корпус. Скоро они выяснят, что Жак 5138 покинул базу, и пойдут по ложному следу. Забрав со стойки кружку, я вернулся за столик и встретил затравленный взгляд Мортона.

— Хочешь пивка?

Мортон не ответил, но показал на экран трясущимся пальцем.

— А, ты слышал... Какой же это шпион, если позволил загрести себя в армию? Бьюсь от заклад, что к вечеру его схватят и прикончат.— Заметив, что у Мортона дрожат губы, я наклонился к нему и прошептал: — Пока они обыщут базу, пройдет немало времени.

— Нет, Жак. Ведь они знают, где искать. Сразу выйдут на сержанта Клутца, а он доложит, что передал нас капралу Гоу. А Гоу скажет, что...

— Внимание! — на экране снова появился диктор, потряс листком бумаги и сообщил: — Поступила новая информация. Шпион и его пособник незаконно воспользовались компьютером и оформили свой перевод на другую базу. Персонал компьютера взят под арест и, вероятно, будет расстрелян.

Я отвернулся, чтобы не смотреть Мортону в глаза.

— Теперь они точно знают, где искать,— глухо произнес он.— И скоро выяснят, что мы вовсе не покидали базу.

Я рассмеялся — надо заметить, очень ненатурально.

— Не так скоро, Морт. Может, через день, а то и через неделю. А полчаса у нас все же есть.

Мы двинулись к двери. Бармен взглянул в нашу сторону.

— Где казарма для командированных? — спросил я.

— Через черный ход и направо. Счастливо.

— Спасибо. Пока.

Мы вышли через черный ход и свернули налево. Смеркалось. Это обстоятельство обнадеживало.

— У тебя есть план? — с надеждой в голосе произнес Мортон.— Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Конечно,— я хлопнул его по спине.— Каждый шаг продуман заранее, не волнуйся. Я помню, где он. Видел по дороге.

— Кого видел?

— Не кого, а что, ДОС.— И пояснил, глядя в изумленные глаза: — Дом офицерского состава. Там живут офицеры, когда не пьянствуют в баре и не издеваются над нижними чинами. Туда мы и пойдем.

— Но это же самоубийство! — В голосе Мортона появилась истерическая нотка.

— Ошибаешься. Видишь, сколько народу на улице? Очевидно, всех подняли по тревоге и заставили разыскивать нас.

За домом находился садик, обнесенный высокой стеной. Вдоль стены шла темная аллея. Как раз то, что нужно. Над калиткой горела лампочка. Приблизившись, я прочел табличку: «Только для офицеров». Стуча зубами, Мортон следил за тем, как я достаю из ботинка отмычку. Сжав его предплечье, я сказал:

— Успокойся, Морт. Замочек совсем простенький, мигом справлюсь.

Не тут-то было. Отмычка провернулась вхолостую.

— Сюда кто-то идет! — простонал Мортон.

— Вот черт! — пробормотал я, обливаясь потом.— Я ведь такие замки с закрытыми глазами отпирал.

— Уже близко.

Я скомандовал себе: «Закрой глаза» и целиком сосредоточился на замке и отмычке. Наконец раздался щелчок.

— Быстрей! — я втащил Мортона в сад и зарпер калитку. Мы прижались к стене и, дрожа, слушали приближающиеся шаги.

— Я же говорил, все будет в порядке,— сказал я, когда шаги стихли в отдалении. Мортон стучал зубами и не заметил, что голос мой предательски дрогнул.— Осталось всего ничего — открыть одно из этих милых окошек и...

— Зачем, Жак?

— Разве ты еще не понял? Офицеры сейчас ищут рекрутов. Когда компьютер даст новые сведения, они примутся искать капрала и сержанта. Поэтому надо забраться в дом и стать офицерами. Только так.

Третье окошко оказалось незапертым. Я заглянул в комнату. Неубранная постель, открытый шкаф. Великолепно. С моей помощью Мортон перевалился через подоконник на кровать. Забравшись в комнату, я запер окно на шпингалет.

— Все,— сказал я Мортону.— Лежи и набирайся сил. Я тебя запру. В доме, кажется, никого, надеюсь управиться быстро.

В ДОСе и впрямь не было ни души, поэтому я не торопился, выбирая нужные вещи. Потом возвратился к Мортону и бодро заявил:

— Новая форма — новый человек. Одевайся, а капральский мундир давай сюда. Ну-ка, дай, завяжу галстук, у тебя пальцы потные.

Вскоре, одетые с иголочки, мы вышли в освещенный коридор, оставив сержантскую и капральскую форму в сортире, в корзине для использованной бумаги.

В коридоре Мортон взглянул на меня и, вскрикнув, отпрянул.

— Успокойся, ты выглядишь точно так же. Разница лишь в том, что ты — лейтенант, а я — капитан.

— Н-но...— пролепетал он,— т-ты же... военный полицейский!

— И ты. К фараонам никто не привяжется.

Мы свернули за угол и оказались у выхода. Стоявший в дверях с папкой в руках майор довольно осклабился, увидев нас.

— Ага! Вас-то я и ищу!

Я вытянулся по струнке и козырнул майору, всей душой надеясь, что Мортон не настолько ошалел от страха, чтобы не последовать моему примеру.

— Не застал вас на аэродроме,— сказал он.— Значит, вы прилетели предыдущим рейсом. Но в списке командированных указано два капитана. Кто этот лейтенант?

Список командированных? Два капитана? Я заставил полезшие на лоб брови опуститься и озадаченно спросил:

— Может быть, ошибка, сэр? Сегодня такой суматошный день. Разрешите взглянуть на список?

Он что-то проворчал и протянул мне папку. Я провел пальцем по списку и остановился на двух нижних именах. Вернул папку майору.

— Так и есть, сэр. Ошибка. Я — капитан Дрем. А это Хеск, не капитан, как здесь напечатано, а лейтенант.

— Ладно.— Майор внес в список поправку.— За мной — шагом марш!

Мы подчинились. За дверью стоял грузовик, битком набитый военными полицейскими (надо заметить, весьма неприятное зрелище). Майор забрался в кабину, а я помог Мортону подняться в кузов и залез сам. Я огляделся — кроме нас с Мортоном в грузовике не было ни одного офицера.

— Что у вас тут, заседание дамского круба? — прорычал я.— А ну заткнитесь и уплотнитесь.

Полицейские быстро и беспрекословно подчинились. Мы с Мортоном уселись на скамью, любезно представленную нам нижними чинами и унтер-офицерами. Грузовик тронулся с места, и я с облегчением вздохнул.

— Капитан, вы, случаем, не знаете, куда нас везут? — обратился ко мне здоровый сержант.

— Заткнись!

— Благодарю вас, сэр.

После этого обмена любезностями никто не рискнул завести разговор. Наконец грузовик остановился.

— Вылезай! — приказал майор.— Капитан, следуйте за мной.

Я подбежал к майору, который возился с ключами у входа в огромное здание, и застыл как вкопанный перед огромными афишами у входа. Афиши были трехмерными, очень красочными, с изображением множества голых девиц.

— Перестаньте пялиться, капитан! — рявкнул майор, и я вытянулся по струнке, не отрывая глаз от вывески «ГАРНИЗОННЫЙ ТЕАТР — ТОЛЬКО ДЛЯ ОФИЦЕРОВ».— Сегодня представления не будет,— сказал он,— а будет чрезвычайное заседание. Совершенно секретное. Сейчас прибудут техники и осмотрят театр на предмет подслушивающих устройств. Я приставлю к каждому технику полицейского, а вас назначаю ответственным. Составите списки личного состава и отдадите мне. Ясно?

— Да, сэр.

— Я сейчас лично проверю, заперты ли все двери, кроме парадной. У нас с вами всего час, действуйте.

Я отдал честь и, проводив майора взглядом, попытался понять, что все это значит. Раздумья были прерваны скрежетом тормозов — к поребрику приткнулся грузовик. Из кабины выскочил сержант и кинул руку к козырьку.

— Ну, и кого же вы нам привезли? — спросил я.

— Техников, сэр. Нам приказано...

— Знаю, что приказано. Выгрузить и построить.

— Есть, сэр.

Я подошел к аккуратной шеренге военных полицейских и ткнул пальцем в Мортона.

— Вы, лейтенант Хеск, займете пост у входа. Никого не впускать и не выпускать без моего разрешения.

Мортон оглянулся через плечо, и у меня екнуло сердце. Все же новое имя не выветрилось у него из головы — он поплелся к входу. Окинув шеренгу мрачным взглядом и остановив его на правофланговом — седовласом сержанте с лицом, напоминающим старый сапог, и множеством шевронов на рукаве, состроил злобную гримасу и процедил сквозь зубы:

— Вы — старший унтер-офицер?

— Да, сэр.

— Отлично. Слушайте приказ. Приставить к каждому технику по одному полицейскому. Всех сосчитать и переписать, да без ошибок. И пеняйте на себя, если что. Вопросы есть?

— Никак нет, капитан.

Сержант повернулся на каблуках и с наслаждением выпустил воздух из легких. От его рева с ближайших голов слетели кепи. Кивком выразив одобрение, я подошел к парадной и встал рядом с Мортоном.

— Намечается что-то важное,— тихо сказал ему я.— Через час здесь начнется чрезвычайное заседание, а мы отвечаем за охрану.— Мортон застонал, а я пошел посмотреть, как выполняются мои распоряжения.

Техники сняли ранцы и настраивали приборы на контрольных панелях, висевших на груди. Один солдат направил датчик на гру-

зовик, и я заметил, как дрогнула стрелка на приборе. В головных телефонах, висевших у него на шее, отчетливо пискнуло. Вскоре к нам прибыло подкрепление. Вернулся майор и распределил полицейских вокруг театра. Двоих он поставил возле Мортона. Глядя на них, мой приятель дрожал, как осиновый лист, и я поспешил на помощь.

— Можете открыть дверь, лейтенант. Кроме техников и сопровождающих, никого не впускать. И считайте по головам всех входящих и выходящих.

Под окрики сержанта обыск театра закончился без проволочек. Когда техники грузили свой скарб в грузовик, подъехала первая машина с начальством.

— Каковы результаты, сержант? — спросил я.

— Куча пивных банок и тому подобного хлама. Все чисто, капитан.

— Отлично. Уберите солдат с глаз долой, но не отпускайте и держите неподалеку. Они могут понадобиться.

— Что происходит? — спросил Мортон.

— Хороший вопрос. Большое, тайное и очень внезапное заседание. Взгляни на тех типов, что выходят из машины. У них звания не ниже штаб-офицерских.

— Раз так, надо уносить отсюда ноги.

— Зачем? Где ты найдешь более надежное укрытие? Мы же охрана, никто нас не заподозрит. Посмотри вон на того, девять звездочек на погоне, крупная шишка! А тот, что рядом, вырядился-то как! Странная форма, впервые такую вижу. Наверное, спецвойска какие-нибудь.

Офицер обернулся, и я увидел серебряный череп на его погоне. Другой такой же череп блестел над козырьком кепи. А под козырьком — знакомые глаза. Капитан Гарт! Бывший капитан венийского торгового корабля! Человек, из-за которого погиб Слон!

— Стой здесь,— велел я Мортону и отошел в тень. Как только Гарт направился к парадной, я двинулся наперерез. И оказался у Гарта за спиной, когда он подошел к майору.

— Генерал Зеннор, почти все на месте,— услышал я слова майора, проходя мимо.

— Когда придет последний, сообщите мне и заприте дверь.

Я дождался, когда Гарт скроется в здании, и вернулся к Мортону.

— Что все это значит? — спросил он.

— Пустяки. Тебя это не касается.

Итак, Гарт уже не капитан мирного корабля. Генерал Зеннор. А может, он и тогда был генералом? Интересно, что они затеяли, эти генералы? Я так глубоко задумался, что не услышал зова майора. Спасибо Мортону, наступившему мне на ногу.

— Да, сэр. Вы меня, сэр?

— Вы что, Дрем, заснули?

— Никак нет, майор. Задумался о том, как сделать охрану понадежнее.

— Похвально. Только пусть этим занимаются ноги, а не голова. От ног больше проку. Проверьте посты возле каждой двери.

Я с радостью козырнул. Возможно, это тот самый счастливый случай, которого я дожидался.

— Лейтенант! — позвал я Мортона.— В обход постов — за мной шагом марш.

Шагая вдоль стены, я азартно потирал руки.

— Мортон, тут происходит что-то важное. И я хочу узнать, что именно.

— Пожалуйста, не надо!

— В другое время охотно выполнил бы твою просьбу. Но сейчас мне необходимо выяснить, зачем сюда съехалось начальство. Видел, какие на них мундиры? А мне нынче одна крыса нашептала, что они готовят вторжение. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы смекнуть, что это совещание напрямую связано с войной. Вопрос в том, как на него попасть.

Мы приблизились к боковому входу. Завидев нас, постовой вытянулся и отдал честь. Я толкнул дверь — заперта. Взглянув на часового, я осклабился.

— Когда тебя здесь поставили, дверь была заперта?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь пытался войти?

— Нет, сэр.

— Что тебе приказано?

— Убить любого, кто попытается войти, сэр,— он положил ладонь на рукоять пистолета.

— В том числе и непосредственное начальство? — заорал я ему в ухо. Он покачнулся и отдернул руку от оружия.

— Да, сэр. То есть нет, сэр.

Я порычал на него еще малость, и мы с Мортоном двинулись дальше. У двери на противоположной стороне здания я остановился, подергал ручку и взглянул на металлическую лестницу, ведущую на крышу.

— Что это?

— Пожарная лестница, сэр,— ответил часовой.

— Наверху есть охрана?

— Да, сэр.

Мортон полез следом за мной по лязгающим перекладинам. По пути я ненадолго остановился, чтобы вытащить из ботинка отмычку. На крыше нас встретил охранник. Он успел наполовину вытащить из кобуры пистолет, прежде чем я поинтересовался ледяным тоном:

— Уж не в меня ли ты собрался стрелять, дружок?

— Нет, сэр. Виноват, сэр.

— А знаешь ли ты, что солдата, поднимающего оружие на офицера, отдают под трибунал!

— Что вы, сэр, я не поднимал! Я здесь один, вижу, кто-то идет...

— Не верю, солдат! Что-то здесь не так. Ну-ка, отойди от двери и встань возле лейтенанта.

Как только он отвернулся, я вставил отмычку в замок, мгновенно провернул и шагнул назад.

— Солдат, дверь заперта?

— Да, конечно, сэр. Меня для того и поставили, чтобы...

Он умолк, едва я легким толчком отворил дверь.

— Солдат, вы арестованы. Лейтенант, отведите его к майору. Доложите о том, что случилось, и вместе с майором вернитесь сюда. Выполняйте.

Как только они скрылись из виду, я вставил отмычку в замочную скважину, провернул и с силой нажал. В замке хрустнуло. Спрятав отмычку, я шагнул в проем и тихонько затворил дверь за собой. Пройдя по длинному коридору, я вскоре оказался у занавешенного пыльными портьерами входа в зал. Слегка раздвинув портьеры, прислушался.

— ...необходимо соблюсти полную секретность до самого старта. Пакеты с приказами не распечатывать до часа «X». Места сосредоточения отмечены на...

Я узнал Гарта по голосу. Вот он, передо мной, водит указкой по карте. Я внимательно посмотрел на карту, опустил портьеры и пошел обратно. По лестнице кто-то торопливо поднимался. Вскоре над крышей появилась голова майора.

— Что случилось?

— Не могу понять, сэр. Мне показались подозрительными действия часового — его оружие находилось не в кобуре, а в руке. Вдобавок дверь оказалась незапертой. Я решил вам сообщить, сэр.

— Быть этого не может! Я сам ее запирал! — От его прикосновения дверь отворилась. Майор побледнел.

— Вы входили?

— Разумеется, нет. Мне не положено. Может быть, замок неисправен?

— Может быть.— Он достал связку ключей, выбрал нужный, вставил в скважину и провернул.

— Не запирается!

— Позвольте попробовать, сэр.

Взяв ключи из его ослабевших пальцев и повозившись с замком, я, естественно, добился не большего успеха. Возвратив майору ключи, я тихо произнес:

— Плохо дело, сэр, начальство встревожится, начнет искать виноватых. Боюсь, вам грозит взыскание. Я позабочусь о том, чтобы охранник держал язык за зубами. Потом вызову сварщика, чтобы он заварил дверь наглухо. Наверное, так будет лучше, майор?

Майор посмотрел на меня, на дверь, на ключи, которые попрежнему держал в руке. Сунул ключи в карман и расправил плечи.

— Вы правы, капитан. Ни к чему по пустякам беспокоить на-

чальство. Немедленно отправляйтесь за сварщиком, а я покараулю у двери.

— Слушаюсь, сэр. Положитесь на меня.

Мортон ждал меня под лестницей, рядом стоял насмерть перепуганный полицейский. Я смерил паренька испепеляющим взглядом.

— Солдат, я собираюсь вас пощадить, хотя это и нарушение устава. Думаю, разумнее всего будет замять это происшествие. Как вас зовут?

— Пип 7812, сэр.

— Ладно, Пип, можете возвращаться в расположение части. Но учтите, если до меня дойдут байки насчет замков и прочего, вас не станет в течение двадцати четырех часов. Ясно?

— Какие замки, капитан? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Очень хорошо, Пип. Передайте сержанту, чтобы немедленно прислал ко мне сварщика с оборудованием. Шевелись.

— Что все это значит? — спросил Мортон.

— Близится война, мой друг. Теперь я знаю, зачем сюда съехалось начальство. Мне известен план вторжения.

Единственный вопрос — какой мне прок от этих сведений?

К концу заседания я постарался оказаться подальше от входа в театр. Было очень маловероятно, что Зеннор как следует запомнил меня в бытность свою капитаном Гартом, но чем черт не шутит. На всякий случай я решил не маячить на глазах у начальства. Солдат построили и в пешем порядке отправили в казарму — когда в них не было срочной нужды, их не баловали удобной транспортировкой. Майор предложил подбросить нас на своем автомобиле, но я отказался.

— Зря, могли бы подъехать, — прохныкал Мортон.

— Куда, в тюрьму? Чем дальше мы от начальства, тем спокойнее.

— Я устал!

— А кто не устал? Не говоря уже о том, что проголодался. Пошли, найдем местечко, где можно тряхнуть кошельком Гоу...

— Джим... Джим ди Гриз...

Звук был очень высок, на пределе слышимости. Я встревожился — уж не слуховая ли галлюцинация? — и оглянулся, но кроме Мортона поблизости не было ни души.

— Ты что-нибудь слышал?

— Нет. А что, должен был?

— Не знаю. У меня в ухе что-то прожужжало.

— Может быть, с тобою моль разговаривает? Ха-ха.

— Сам ты ха-ха. Что еще за моль?

— Разве не видишь? Сидит на твоем капитанском погоне. Стряхнуть?

— Нет, оставь.

Я повернул голову и, поморгав, краем глаза увидел моль. Она вспорхнула и уселась мне на ухо!

— ... Иди... аэрогропл... сейчас же!

— Не понимаю.
— Это потому, что я не говорю.
— Мортон, заткнись. Я не с тобой разговариваю, а с молью.
У него отвисла челюсть, он быстро отошел в сторону. Не обращая на него внимания, я сказал:
— Повтори.
— Аэродром... иди на аэродром.
— Ладно, понял, иду на аэродром.
Моль улетела, а я похлопал Мортона по плечу. Его била крупная дрожь.
— Взбодрись и пошли. И перестань пялиться на меня, как на психа. Моль — всего-навсего связной.
— Чей связной?
— Много будешь знать — плохо будешь спать.
— Все-таки ты шпион, правда?
— И да, и нет. Я здесь по своим делам, но кое-кто пытается этим воспользоваться. Понял?
— Нет.
— Вот и хорошо. Пошли искать аэродром. Могу предположить, что он находится там, где горят огни и садятся самолеты. Идешь со мной?
— А что мне еще делать? Разве можно снова пробраться в казарму и сделать вид, будто ничего не случилось?
— Сам знаешь — нельзя.
Он с тяжким вздохом кивнул.
— Знаю. Только никак не могу понять, что мы сделаем. Чем все это закончится?
Дельный вопрос. Правда, ответить на него пока совсем не просто.
— Честно говоря, не знаю. Но, поскольку я втравил тебя в эту историю, даю слово, что первоочередная моя задача — избавить тебя от забот и хлопот. Как — лучше не спрашивай.
— Брось, ты ни в чем не виноват. Ведь это я распустил язык перед тем дерьмовым капралом, с чего все и началось.
Ведя непринужденную беседу, мы приближались к аэродрому. Дорога, по которой мы шли, огибала поле, обнесенное высокой проволочной оградой, отлично освещенной яркими фонарями. По ту сторону ограды росла трава и тянулись взлетно-посадочные полосы. Вспугнув стаю черных птиц, приземлился огромный траспортник. Он укатил по полосе, и стая сразу опустилась в траву. Одна птица раскинула крылья и перемахнула через ограду. Опустилась на дорогу, свесила голову набок и заговорила человеческим голосом:
— Ты не один.
— Как видите. Ничего, он за нас. Это вы, Варод?
— Нет, капитан. Варод сменился с дежурства.
— Позовите его. Я не стану разговаривать с каждой старой вороной.
— Ладно. До связи.

Птица повернулась кругом, раскрыла клюв и умчалась со свистом, не маша крыльями.

— Реактивный двигатель,— заметил я.— Воздухозабор через клюв. Сопло примерно там, где оно может находиться по нашему представлению. Пошли.

Послышался приближающийся рев сирены: по дороге мчался автомобиль. Он притормозил, поравнявшись с нами, и тарелка навигационной антенны уставилась на нас. Затем машина двинулась дальше.

— А ловко они засекают радиопередачу,— заметил я.

— А что, в птице есть рация?

— Помимо всего прочего. Похоже, она действует в автономном режиме и имеет логические цепи, которые подсказывают ей держаться стаи. Засечь ее можно только во время радиоконтакта с базой.

— А где находится база?

— Тебе это не интересно. Как и то, кто послал птицу. Но могу тебя заверить, что эти люди не хотят неприятностей твоей стране.

— А почему?— возбужденно спросил он.— Скажи им, пусть берутся за дело: избавят нас от вояк и их прихвостней и снова устроят выборы. Знаешь, сколько уже длится военное положение? Я подсчитал: так называемое временное военное положение введено двести лет назад. Передай друзьям этой птички, пусть причинят военным все неприятности, какие только смогут.

— Я все слышал,— пробасила птица, выныривая из сумрака и усаживаясь мне на плечо.— Нет, неприятностей мы не хотим...

— Варод, умолкните,— оборвал я.— С минуты на минуту вернется пеленгатор, нет времени на болтовню. Я узнал кое-что насчет вторжения.

Птица скосила на меня глаза и кивнула.

— Прекрасно,— сказала она.— Излагай, я записываю. Где они решили высадиться?

— На другой планете. Они готовят космический флот.

— Ты уверен?

— Уверен. Я подслушал.

— Название планеты?

— Не имею представления.

— Я вернусь. Только уведу подальше пеленгатор.

Птица взмыла в небо, оставив в воздухе инверсионный след и, не прекращая передачи, уселась на кабину проезжавшего мимо грузовика. Через минуту пеленгатор развернулся и помчался вслед за грузовиком.

Мы пошли дальше.

— Ты говорил насчет вторжения. Что ты узнал?

— Только то, что ты слышал. А командует десантом генерал Зеннор. Из его слов я сделал вывод, что все начнется очень скоро.

Раздался свист, меня хлестнуло струей горячего воздуха, острые когти прямо через кепи впились в череп.

— Ты должен выяснить, на какую планету они решили напасть.

— Сами выясняйте. Проследите за ними, когда стартуют.

— Невозможно. Ближайший крейсер с аппаратурой слежения в четырех днях пути отсюда. Он может опоздать.

— Ладно, попробую что-нибудь сделать. О-ой!

Я потер затылок, с которого при взлете птицы исчезло некоторое количество волос, и поднял с земли кепи.

— Давай смешаемся с толпой,— сказал я Мортону.— А то экипаж пеленгатора заподозрит нас, если будет встречать везде, где работает рация.

— А нельзя ли смешаться с толпой, которая ест и пьет?

— Неплохая идея. И я как раз знаю, куда надо ехать.

С этими словами я вышел на середину дороги и поднял руку перед грузовиком. Водитель поспешно нажал на тормоза, покрышки взвизгнули, и грузовик остановился.

— Что, дружок, беремся превышать скорость? — рявкнул я.

— Виноват, капитан, я вас не заметил...

— Я знаю, почему ты меня не заметил. У тебя одна фара не горит, вот почему. Но я сегодня добрый. Если подбросишь нас к офицерскому клубу, я, может, вовсе позабуду, что видел тебя.

Не скажу, что у водителя был другой выбор. Он высадил нас у клуба и поехал дальше. Мы вошли в обитель радостей земных, почти не отличающуюся от клуба для сержантов, разве что здесь были официантки. Примерно четверть столиков была занята; видимо, большинство офицеров базы находилась при исполнении. Перед нами с похвальной быстротой поставили кружки с пивом и тарелки с бифштексами, и мы с голодным рычанием набросились на еду. К концу трапезы в дверях появился офицер и засвистел в свисток.

— Ага! Вот вы где! А ну, выметайтесь! Все до одного! Сбор по тревоге. Транспорт ждет снаружи. Это и вас касается,— его палец указал на нас.

— А при чем тут мы, полковник? Мы только что сменились.

— Сейчас снова заступите! И не злите меня, ребята,— вы, я вижу, наелись, а у меня крошки во рту не было.

— Выходим, сэр!

Вслед за остальными посетителями клуба мы с Мортоном выскочили за дверь и забрались в стоявший у тротуара автобус. Последним по ступенькам автобуса поднялся полковник, и мы поехали.

— Внимание! — перекрывая шум двигателя, закричал полковник.— Сейчас вы узнаете то, что вам положено узнать. По причинам, вас не касающимся, командование изменило свои планы. Вы идете в бой. Идете немедленно.

Пассажиры автобуса восприняли это сообщение с воплями возмущения, но полковник всех переорал.

— Молчать! Я знаю, все вы — толстопузые, плоскозадые штабные крысы. Но не забывайте, вы еще и солдаты. Из-за того,

что командование изменило свои планы, не все боевые офицеры успели вовремя прибыть на базу. Вы, господа, только что добровольно вызвались их заменить. Вы получите обмундирование и форму, примете под свое начало подразделения и погрузитесь на транспорт. В полночь старт.

Полковнику надоели жалобы и протесты; он вытащил из кобуры зловещий пистолет и пробил дырку в крыше автобуса. Затем навел на нас дымящийся ствол. Мгновенно воцарилась тишина.

— Вот так-то лучше,— сказал он.— Вы все — вольноопределяющееся собачье дерьмо, привыкли ловчить и бездельничать, но теперь сладкая жизнь кончилась. Вы в действующей армии и будете выполнять приказы.

Автобус остановился, и полковник снова выпалил в крышу.

— А теперь, добровольцы, выходи строиться.

В ночи ярко горели огни вещевого склада. У ломящихся от амуниции полок стояли интенданты. Плотный офицер загородил полковнику дорогу.

— В сторону! — громыхнул полковник, бдительно косясь на нас.

— Нельзя сэр! — возразил индендант.— Без распоряжения из штаба я не могу вам ничего выдать.

Полковник выстрелил в лампу над дверью склада, затем прижал горячее дуло к интендантскому носу.

— Что ты сказал? — прохрипел он.

— Распоряжение только что получено, сэр! Проходите и получайте все, что вам нужно. Торопитесь!

Мы вихрем промчались по складу, хватая мундиры, сапоги, ранцы, ремни и все, что попадалось под руку. Полковник-маньяк казался вездесущим; его пистолет время от времени бабахал, поддерживая темп. Через несколько секунд мы высыпали на улицу, торопливо срывали с себя мундиры, напяливали зеленую полевую форму, нахлобучивали на головы каски и запихивали все остальное в ранцы. Потом мы отправились в соседнее здание, где нам выдали оружие. Но без боеприпасов: полковник был не дурак. Сгибаясь под тяжестью оружия и обмундирования, я вышел на улицу и привалился к стене. Рядом примостился Мортон.

— Ты хоть чуть-чуть представляешь, что это значит? — спросил он.

— Разумеется. Генералы заподозрили, и не без оснований, что за ними шпионят. Потому они изменили дату вторжения.

— А что будет с нами?

— Будем вторгаться. К счастью, в качестве офицеров, то есть, прячась за спины солдат.

— Открой ранец,— прошептала мне на ухо моль.

— Это ты сказала?

Моль больно ужалила меня в мочку электрическим разрядом.

— Открой... ранец...— проскрипела она и упала. Видимо, посадила батарейки.

Я поспешно выполнил ее просьбу, решив, что в ранце, навер-

ное, что-то спрятано. Послышался свис, пахнуло отработанным топливом — и в ранец плюхнулась птица.

— Не повезу я контрабандой эту чертову птицу,— запротестовал я.— Еще не хватает, чтобы меня из-за нее поставили к стенке!

В глазах птицы вспыхнул дикий огонь.

— Ты сделаешь это, ди Гриз. От этого зависит судьба целого человечества. Запомни, птица включается посредством двойного нажатия на клюв.

Огонь в глазах угас, птица свесила голову. Я закрыл ранец. Послышались шаги приближающегося полковника.

— В автобус! — приказал он.— Быстро, быстро, быстро!

Не успели мы перевести дух, как из дверей склада, едва не падая под тяжестью оружия и экипировки, повалили офицеры. Один за другим грузовики, под завязку набитые хнычущими тыловиками, трогались с места и исчезали во мраке. Мы с Мортоном тоже перебросили пожитки через борт грузовика и забрались в кузов.

— Подумать только, я сам попросил начальство продлить контракт,— попенял себе грузный офицер, привалившийся ко мне спиной. Я услышал звук открываемой бутылки и бульканье.

— Чур, я второй,— я забрал бутылку из его трясущихся рук. Напиток оказался дрянным, но крепким.

— А ты все еще не пьешь? — прохрипел я, обращаясь к Мортону, и встряхнул почти опустевшую бутылку.

— Я быстро учусь,— он хлебнул, поперхнулся, снова глотнул и вернул бутылку владельцу.

Мы содрогнулись от оглушительного рева, в глаза ударил яркий свет — неподалеку стартовал корабль. Начинался первый этап вторжения. Грузовик, взвизгнув покрышками, остановился, нас качнуло, а потом знакомый неприятный голос приказал вылезать. Полковник — наша Немезида — нетерпеливо махал нам рукой. За его спиной стоял радист с рацией, толпились сержанты и четким строем, поротно и побатальонно, маршировали к поджидающим кораблям рядовые.

— Внимание! — заорал полковник.— Слушайте, что я вам скажу. Видите этих солдат? Это отличные солдаты, и им нужны отличные офицеры. К сожалению, в моем распоряжении только вы — толстопузые, плоскозадые канцелярские крысы, отбросы базы. Посему я намерен вас разделить — по человеку на роту — в надежде, что вы наберетесь опыта перед смертью.

Его идея мне не понравилась, ведь я обещал Мортону приглядывать за ним. А это будет совсем непросто, если нас разлучат. Я тяжело вздохнул. Придется нарушить главные заповеди выживания в армейских условиях: держи рот на замке и не вызывайся добровольцем. Браво шагнув вперед и щелкнув каблуками, я закричал:

— Сэр! У меня не толстое пузо и не плоский зад. Я снайпер и инструктор рукопашного боя.

— Не верю! — проревел полковник.

Я швырнул полковника на землю, наступил ему на спину, отобрал пистолет и погасил выстрелом ближайший фонарь. После чего помог полковнику подняться и вернул оружие. Гримаса ярости на его лице быстро сменилась довольной улыбкой. Отряхнувшись, он сказал:

— Неплохо! Побольше бы мне таких парней, не было бы забот. Получишь лучшую роту. Имя?

— Дрем. Сэр, прошу отдать в мое распоряжение лейтенанта Хеска. Он молод и туповат, но я сделаю из него офицера.

— Забирай. Есть еще добровольцы?

Боясь, что он предумает, я схватил ранец и бросился к кораблю. Мортон топал сзади.

— Когда ты его повалил, я думал, что помру от страха,— сказал он, тяжело дыша.— Ты здорово рисковал.

— В этом мире мы рискуем на каждом шагу,— наставительно произнес я.— Достаточно вспомнить о канцерогенах и дорожно-транспортных происшествиях. Думаю, мы можем остановиться и положить вещи. Нам сейчас помогут.

К нам действительно спешил энергичный сержант с наголо обритой головой и большими усами. По пятам за ними неслись двое рядовых.

— Сержант первого класса Блох,— представился сержант.— Если вы — капитан Дрем, то вы наш новый командир.

— Сержант, вы дважды правы. Прикажите бойцам отнести на кораболь наши вещи.

— Есть, сэр. Наша рота в полном составе на корабле, отлет через десять минут.

— Успеем. Пошевелитесь.

Погрузочный пандус вырвался у нас из-под ног, а наружный люк заскрежетал, закрываясь. Мы успели проскочить и, вскарабкавшись на ящики, прикрепленные к палубе, ухватились за нижний край поднимающейся лестницы. На втором ярусе находилась наша рота, уже расположившаяся на противоперегрузочных койках. Едва мы приняли горизонтальное положение, как замигали красные лампочки и ожили двигатели. Старт прошел как обычно, правда, корабль рванул с бóльшим ускорением, чем любой коммерческий транспортник, но на то он и армейский корабль. Как только ускорение снизилось до одного «ж», я встал и жестом подозвал сержанта.

— Фляги наполнены?

— Да, сэр.

— Разрешите солдатам пить, а еду пока побережем.

Внезапно зашумели динамики, раздался не в меру усиленный голос:

— Всем командирам собраться на третьей палубе. Повторяю: всем офицерам собраться на третьей палубе.

— Лейтенант,— сказал я Мортону, позеленевшему от перегрузки,— остаетесь за меня.— Приблизив губы к его уху, я про-

шептал:— Постарайся, чтобы никто не заметил птицу, не то мы в такое дерьмо влипнем...

Он застонал в ответ, и я удалился, не дожидаясь, когда он расплачется. По трапу уже торопливо поднимались офицеры.

— Может быть, нам скажут наконец, что все это значит,— произнес один из них.

— Да, пора бы, а то целый год лапшу на уши вешают,— согласился другой.

Столовая, куда нас собрали, была невелика, и стулья достались только тем, кто пришел первыми. Остальные оперлись о столы и прислонились к стенам. Престарелый сержант составил список присутствующих и доложил генералу с двумя звездочками на каждом погоне, что сидел за центральным столом.

— Внимание!— крикнул сержант, и в столовой воцарилась тишина.— Представляю новичкам генерала Лавендера, командира нашей дивизии. У него важное сообщение.

Генерал чинно кивнул и заговорил:

— Да, ребята, пришло наше время. День «Д», час «Ч»,— время, которого вы с таким нетерпением дожидались. Капитан нашего корабля только что доложил, что мы легли на курс и с дороги уже не свернем. Поэтому можно вскрыть секретный пакет.

Он взял густо усеянный красными печатями огромный конверт, и в тишине послышался громкий треск разрываемой бумаги. Из пакета генерал достал красную плоскую коробку.

— Так вот. Все вы слышали, что мы планируем защитную операцию против Земли. Эти слухи не соответствовали действительности, контрразведка распространяла их специально для того, чтобы ввести врага в заблуждение. Инопланетные шпионы многочисленны и вездесущи, и поэтому необходима полная секретность. Но теперь эта необходимость отпала. Как вам известно, мы летим в космическом пространстве. Наш корабль держит курс на очень богатую планету, тысячу лет назад утратившую связь с галактической цивилизацией. Но самое главное: о существовании этой планеты знаем только мы. Она обитаема, но туземцы — народ отсталый и не заслуживает того, чтобы эта девственная планета принадлежала только им. Техника готова? Отлично. Пусть генерал Зеннор, открыватель этой планеты, сам о ней расскажет.

У меня участился пульс. Захотелось опуститься на корточки. Но я вовремя понял, что у генерала в руке кассета с записью, а самого Зеннора на корабле нет. Лампы померкли, генерал вытащил кассету из футляра и вставил в проектор. Перед нами возникли отталкивающие голографические черты Зеннора.

— Солдаты Невенкебла, я отдаю вам честь! Вам предстоит совершить небывалый в истории нашей страны подвиг! Ваша победа обогатит и укрепит родину, и никто не рискнет покуситься на ее свободу. Сокровища планеты Чоджеки будут принадлежать нам!

Зазвучала торжественная музыка. Зеннор исчез, уступив место

медленно вращающейся сфере. Но голос его по-прежнему звучал у нас в ушах:

— Чоджеки, богатая планета с теплым климатом и плодородной почвой. Мы открыли ее совершенно случайно, нам выпал счастливый шанс, единственный шанс из миллиона. За кораблем, которым я командовал, гнались убийцы из Военно-Космической Лиги. Чтобы оторваться от них, нам пришлось прыгнуть наугад, и в результате мы наткнулись на эту замечательную планету. Возможно, не просто случайность, а божественная воля привела нас к ней, возможно, высшим силам небезразлична судьба нашей прекрасной родины!..

— Возможно, все это — куча старого дерьма,— шепотом добавил кто-то, и эта точка зрения получила поддержку. В столовой находились боевые офицеры, предпочитавшие истину пропаганде. Но Зеннор не слышал их недовольного ворчания.

— Мы высадились и провели разведку. Чоджеки — огромная планета с неисчерпаемыми запасами тяжелых металлов, изобилующая лесами и нетронутыми реками, пригодными для строительства электростанций. Единственное, что нельзя назвать сокровищем этой планеты,— ее население.— В голосе Зеннора послышалось плохо скрываемое раздражение.— Туземцы — отсталый народ с дурными манерами и непонятными капризами. Мы пришли к ним открыто, протянули руку дружбы, предложили помощь, сотрудничество, контакт с высокоразвитой цивилизацией. И знаете, чем они нам ответили? — Я скажу вам, чем они ответили. Ничем! Сделали вид, будто нас не замечают. Отвернулись от нас. Отказались от цивилизованного диалога!

— Наверное, они знали, что делают,— пробормотал кто-то, и генерал Лавендер заорал: «Молчать!»

Планета исчезла, снова появился Зеннор. Он уже полностью держал себя в руках, но глаза были недобрыми.

— Поэтому вы, офицеры, должны понимать: то, что мы предпринимаем, делается для блага туземцев. Мы протянули им руку дружбы, они ее оттолкнули. Нам нанесено оскорбление. Следовательно, мы должны показать этим наглым крестьянам для их же пользы, что гордых граждан Невенкебла нельзя оскорблять безнаказанно. Дадим им небольшой урок, на который они сами напросились! Мы предлагали им помощь и дружбу. Они отвергли и то, и другое и пусть теперь пеняют на себя. Да здравствует Невенкебла! Да здравствует позитивная политика мира!

Лампы вспыхнули, и мы вскочили, как идиоты. Под зловещие звуки труб грянул хор:

— Да здравствует Невенкебла, Страна мира, Страна добра и света. Да здравствуют наши добрые, милосердные вожди. Свобода граждан — наша святыня. Мы будем бережно хранить ее. Кто посмеет напасть на нас — встретит отпор... И так далее.

Я тоже что-то такое орал и очень обрадовался, когда гимн закончился. В воздухе уже висела голографическая карта, и генерал Лавендер тыкал в нее пальцем:

— Вы получите карты и подробные приказы, изучите их за ночь... а утром снова соберетесь здесь, и я изложу подробный план операции. Но вкратце о том, что нам предстоит, расскажу сейчас. Солдатам и офицерам нашей восемьдесят восьмой дивизии, которых в армии зовут Боевыми Зелеными Дьяволами, выпала честь освободить вот этот промышленный район огромного города, носящего варварское название Баллегаррик. Здесь — шахты, здесь — склады, тут и тут — железнодорожные пути, а здесь, в десяти километрах, на краю озера, электростанция, снабжающая город энергией. Заботясь о благе эгоистичных туземцев, мы захватим все эти объекты и избавим дикарей от ненужных раздумий о том, надо принимать нашу помощь или нет.

— Генерал, разрешите вопрос,— сказал полковник.

Генерал кивнул.

— Скажите, какое сопротивление мы можем встретить? Велика ли у них армия? Современная ли?

— Хороший вопрос, полковник. Мы должны быть готовы ко всему, ибо туземцы очень скрытны, хитры, коварны и подлы. Дело в том, что генералу Зеннору, изучавшему военный потенциал планеты по донесениям опытных агентов, обстановка показалась очень подозрительной. У коварных туземцев нет армии — во всяком случае, на поверхности планеты. Даже полиции нет!

Он подождал, пока утихнет гул. Не дождавшись, поднял руку.

— Все мы понимаем, что этого просто не может быть. Любое государство нуждается в защите от внешних врагов, следовательно, должно иметь армию. Если не будет полиции, деятельность преступного элемента приведет к разрухе. Нетрудно догадаться, что подлые дикари прячут от нас свои трусливые войска. Следовательно, мы должны остерегаться их змеиных укусов. Надо освободить туземцев от них самих, и в этом — наш долг перед ними.

Мне в жизни не приходилось слышать подобного бреда. Но на моих сослуживцев он произвел впечатление. Офицеры весело загомонили, предвкушая потеху. «Бедные простаки-туземцы,— подумал я с горечью,— если бы вы только знали, какую участь вам уготовили. Подумать только: освобождение посредством уничтожения!»

Я возвращался в свою роту, не выпуская из рук запечатанных конвертов с приказами, а из головы — навязчивой мысли, что участвую в безумной авантюре. Мортон услышал, как я отворил дверь, и поднял голову.

— У тебя взволнованный вид,— заметил он.— Это что-то личное, или меня тоже касается?

— Капитан, могу я чем-нибудь помочь? — спросил сержант, заглядывая в каюту.

Так. Всем не терпится узнать, о чем говорили на собрании. Я бросил папку с конвертами на койку.

— Сержант, ответьте, что сказано в уставе насчет употребления спиртных напитков на борту военного транспортного корабля, направляющегося в район боевых действий?

— Строжайше запрещено, сэр. Чревато военно-полевым судом. Но одна из канистр командирской машины заполнена девяносто девятым.

— Девяносто девятым?

— Девяностодевятипроцентный спирт, сэр. Можно наполовину разбавить водой и сдобрить обезвоженным апельсиновым соком.

— Поскольку мы участвуем в боевых действиях, отдаю боевой приказ. Сержант первого класса Блох, вам присваивается звание мастер-сержант.

За этой фразой последовало звяканье трех крышек от фляг, расторопно выставленных на стол Мортоном, и глухой удар мешочка оранжевых кристаллов. Выходит, я и не заметил, как мой спутник приспособился к армейской жизни. Сержант вернулся с двадцатилитровой канистрой, содержимое которой вкупе с равным количеством воды обещало превратиться в сорок литров напитка, способного скрасить наше путешествие. Мы сдвинули крышки-кружки и выпили.

— У-ух, ну и дрянь! — сказал Мортон и протянул крышку за новой порцией.— Ну, а теперь ты расскажешь нам новости?

— Новости? Есть новости, и неплохие. Во-первых, мы летим завоевывать невероятно богатую и доселе неизвестную планету Чоджеки. Во-вторых, ее обитатели не предусмотрели никакой обороны. Ни армии, ни полиции.

— Но это невозможно! — изумился сержант.

— Всякое возможно в просторах галактики на всем протяжении времен. Будем надеяться, наша разведка не выдала желаемое за действительное.

— Думаю, это ловушка,— сержант не верил в чудеса.

Я кивнул.

— Похоже, генерал такого же мнения. Он уверен, что там есть армия, но она прячется в засаде.

— Раз есть государство, должна быть и армия. Так положено.

Спиртное делало сержанта агрессивным, а Мортона — сентиментальным. «Так,— подумал я,— пора закрывать бар».

Я встал и пинком ноги отправил канистру с глаз долой под койку.

— Сержант, сообщите унтер-офицерам то, что услышали от меня, а они пусть передадут рядовым. Пока все.

Едва за сержантом закрылась дверь, Мортон уронил голову на стол и захрапел. Я допил остатки апельсинового коктейля. В животе протестующе заурчало. Или это от голода? Пожалуй, ведь офицерский клуб с последним недоеденным бифштексом остался довольно далеко во времени и пространстве. Я порылся в ранце и нашел порцию сухого пайка, а именно: розоватый цилиндр с надписью «самоприготовляющаяся пища». Я с энтузиазмом выхватил из-за голенища боевой нож и проколол белый кружок на торце цилиндра. Цилиндр мгновенно раскалился и обжег пальцы, после чего упал на пол, где долго шипел, судорожно дергался

и катался. Казалось, что он вот-вот на меня прыгнет. Наконец упаковка лопнула, и моему взгляду предстала колбаса длиною в руку, неприятная на вид, но недурно пахнущая. Я отрубил кусочек, наколол на кончик ножа и отправил в рот. Ничего, съедобно. Не хватает только пива. Полет занял пятнадцать дней, похожих друг на друга, как сухие пайки. С той поры я просто возненавидел колбасу. Да и не только я, поскольку по чьему-то недосмотру на корабль не погрузили иных продуктов. Даже генералу пришлось есть только колбасу, отчего он был далеко не в восторге. Наконец генерал Лавендер созвал нас в последний раз. Как только все собрались, он встал и грохнул кулачищами об стол.

— Все, ребята! Прилетели. Уже высадились первые разведчики, по их сообщениям противник не оказывает сопротивления. Но мы должны быть начеку: возможно, враг пытается нас заманить в хитроумную ловушку. Все вы получили на руки приказы и знаете, что от вас требуется. Посадка через два часа. Сверьте часы. Все свободны.

Мы разнесли новость по своим подразделениям.

— Наконец-то! — обрадовался Блох.— А то ребята размякли, валяясь на койках.

— Собери унтер-офицеров. Проверим еще разок, все ли мы учли.

Когда унтер-офицеры разместились в моей каюте, я развернул карту.

— Вот здесь — предполагаемое место высадки. Кто из вас твердо верит, что наш пилот не ошибется?

Ответом была полная тишина.

— Вот и у меня такое предчувствие. Десантируемся на рассвете, то есть затемно. Мы высадимся первыми, поскольку у нас самый дальний маршрут. Я поеду в командирской машине. Фары будут включены до первого обстрела.

Сержант Блох нахмурился.

— Сэр, генерал Лавендер строго запретил зажигать огни.

— Совершенно верно. Но генерал высадится последним, а мы — первыми. А вслед за нами сразу пойдут танки.

— Вы правы, сэр, надо включить фары,— поспешно согласился сержант.

— Я поднимусь на ближайшую возвышенность и попытаюсь привязаться к местности. Командовать вами тем временем будет лейтенант Хеск. Как только я выясню, в каком направлении нам надо двигаться, мы двинемся в нужном направлении. Наша цель — вот эта электростанция, снабжающая энергией город с непроизносимым названием Баллегаррик. Наша боевая задача — захватить ее и удержать. Вопросы есть?

— Сэр, мы, наверное, оставим пайки здесь и перейдем на свежие продукты? — спросил капрал Аспайя.

— Да и нет. То есть, нет и да. Пайки заберем с собой на тот случай, если повстречаем нашего интенданта. Тогда ему придется сожрать всю колбасу. Что касается свежих продуктов, да, скоро

мы наверняка захватим местное продовольствие. Перед тем как распределять трофеи, все принесите мне. Еще вопросы?

— А как насчет амуниции? Когда нам ее выдадут?

— Как только спустимся на нижнюю палубу. Вы лично проследите, чтобы каждый солдат получил все, что ему причитается. И не вздумайте выдать на руки боеприпасы. Не хватало еще стрельбы на борту корабля.

— Мы зарядим оружие после высадки?—спросил мастер-сержант.

— Вы зарядите оружие, когда я прикажу. Мы не ожидаем сопротивления. Если не будет сопротивления, то незачем стрелять в туземцев. Если не будем стрелять в туземцев, не будет и сопротивления, и операция пройдет быстро и успешно. Если оружие не заряжено, оно не выстрелит. Поэтому оружие не будет заряжено.

По каюте пробежал глухой ропот. Бровастый капрал Аспайя облек его в словесную форму:

— Сэр, нельзя идти в дело с незаряженным оружием.

— Можно,— заверил я его ледяным тоном.— Нельзя нарушить приказ, за это — расстрел на месте. Мое оружие будет заряжено, можете успокоиться. Еще вопросы? Нет вопросов? Свободны. Через полчаса посадка.

— Кажется, им не понравилась твоя затея,— сказал Мортон, когда унтер-офицеры удалились.

— Да пошли они в задницу. Мало ли что им не нравится. Мне, может быть, не нравится убивать мирных жителей. Не будет боеприпасов — не будет стрельбы.

Мортон с озабоченным видом прилаживал лямки к ранцу.

— Но ведь должны же они иметь возможность защищаться...— пробормотал он.

— Мортон, погляди в зеркало,— велел я.— Что ты там видишь? Ты видишь лейтенанта Хеска. Ты рассуждаешь, как полагается рассуждать лейтенанту Хеску. Опомнись, ты же мирный человек, в армию не по своей воле попал. Скажи, ты видел когда-нибудь, как убивают? Видел трупы?

— Как убивают — нет, а труп... Однажды был на похоронах тетушки...

— А я не раз видел, как убивают. Поверь, это не самое приятное зрелище. И учти: умирая, человек исчезает навсегда. Не забывай об этом, что бы ни говорили тебе всякие «ястребы», «псы войны», торговцы ненавистью. Ты хочешь умереть?

С этими словами я приставил к его горлу кончик ножа. Он вздрогнул, выпучил глаза и едва слышно прохрипел: «Нет!». Нож исчез так же мгновенно, как и появился.

— И я не хочу. И никто на планете, на которую вот-вот высадятся тысячи безмозглых убийц, не хочет умирать. И вообще, я не понимаю, как меня угораздило оказаться среди них!

Мортон вздохнул.

— Тебя же забрали в армию, как и меня.

— А почему мы это допустили? Вот всегда так: старики посы-

лают молодых воевать. Ставили бы в строй не моложе пятидесяти пяти — разом бы все войны прекратились.

Завыла сирена, замигали сигнальные лампочки. Я взглянул на часы.

— Вот и прилетели.

На грузовой палубе в тусклом свете красных ламп среди машин и ящиков с амуницией суетились солдаты и унтер-офицеры. Я добрался до командирской машины, установленной у самого края опускного пандуса, и постучал ботинком по соединительной скобе.

— Скобы сбрасываются посредством взрывов,— сказал сержант Блох.

— Сам знаю. Как их еще снимешь? Все погрузили в машину, что я приказал?

— Да, сэр. Запасная амуниция под задним сиденьем.

Я заглянул под сиденье и кивнул в знак одобрения. Помимо всего прочего, там лежало несколько фляг со стократно опробованным апельсиновым напитком, а под фальшивым дном ящика скрывалась говорящая птица. Внезапно пол под ногами вздрогнул. Мы снижались неторопливо, с ускорением в два «же» — специально, чтобы солдаты не расслаблялись перед операцией на противоперегрузочных койках. Старших офицеров, естественно, это не касалось. Я уселся в командирскую машину рядом с водителем.

— Включи зажигание,— приказал я.— А стартер пока не трогай.

Гул корабельных двигателей внезапно прекратился, и машина подо мной вздрогнула. Грохнул взрыв — это отлетели соединительные скобы. Пандус со скрежетом опустился.

— Трогай! — крикнул я водителю, глядя в черный квадратный провал, за которым хлестал дождь.— И фары включи!

Машина с ревом съехала по пандусу и подняла тучу брызг, угодив в обширную лужу. За пеленой дождя не видно было ни зги. Некоторое время мы ехали наугад. Наконец я оглянулся и увидел тяжело нагруженных солдат, плетущихся за нами следом.

— Впереди сплошная вода, сэр,— доложил водитель, нажав на тормоз.

— Так сворачивай, идиот! Утопить нас вздумал? Направо сворачивай и объезжай корабль.

В небе сверкнула молния, эффектно грянул гром. Я хлопнул водителя по плечу и указал:

— Видишь, вон там холм, за рядом деревьев? Гони туда.

— Капитан, там изгородь!

Я вздохнул.

— Солдат, ты что, забыл, что едешь на бронированной боевой машине, а не на двухколесном велосипедике?

Когда мы остановились на вершине невысокого холма, дождь хлестал с прежней силой, но горизонт уже светлел. Я развернул светящуюся карту и попытался установить, где мы находимся.

В какой стороне запад, я уже выяснил. Если, конечно, солнце этой планеты встает на западе. Вскоре рота уже целиком взобралась на холм, и я разрешил погасить фары. Я уже смутно различал громаду нашего транспортника, по-прежнему исторгавшего из себя колонны людей и техники. Светало очень быстро; вскоре я выделил на горизонте гряду холмов и попытался найти их на карте. Но уже совсем рассвело, когда мне удалось определить наше местонахождение. Я вылез из машины и с улыбкой прошел вдоль мокрых шеренг.

— Я знаю, ребята, вас обрадует известие, что пилот нашего корабля совершил ошибку. Он высадил нас гораздо ближе к нашей цели, чем предполагалось.

По рядам пробежал радостный шепоток.

— Кроме того, если вы поглядите на колонну, выступившую в сторону Баллегаррика, то увидите, что она движется в ложном направлении. Нашим друзьям придется основательно поплутать.

Лица моих подчиненных прояснились. Ничто так не поднимает боевой дух солдата, как вид его товарища, севшего в калошу. Дождь потихоньку превратился в нечто вроде мыльного тумана. Вдалеке среди деревьев, в лучах восходящего солнца показалось что-то белое. Я забрался на капот и пригляделся. Так и есть!

— Все в порядке, ребята. Выступаем. Взгляните вон туда и увидите объект, который нам предстоит захватить. Командирская машина поедет сзади. Я пойду в первых рядах, как подобает хорошему командиру.

Сразу после восхода солнца в небесах будто нажали кнопку, выключающую дождь. Легкий ветерок разогнал облака; от земли шел пар. Вскоре мы выбрались на мощеную дорогу, ведущую прямо к плотине. Вернулись разведчики и доложили, что активных действий противника не заметили, как не заметили и самого противника. Плотина приближалась, становясь все выше. Из огромных труб била, пенясь, вода, пилоны высоковольтных линий убегали к городу. Кругом — ни души. Мирный индустриальный пейзаж. Я дал сигнал остановиться и приказал сержантам собраться.

— Сейчас я намечу план атаки, но прежде проверю оружие. Начнем с вас, сержант.

Блок с бесстрастным видом протянул мне винтовку. Я отсоединил магазин, посмотрел, нет ли в нем патронов, заглянул в патронник и вернул оружие владельцу. Потом перешел к следующему. Наконец настал черед капрала Аспайя. Но он не отдал винтовку, а прижал ее к груди.

— Можете не смотреть, капитан. Она заряжена.

— Бывший капрал, вы нарушили мой личный приказ. Рядовой, отдайте оружие.

— Сэр, солдат — не солдат, если он безоружен, — мрачно ответил Аспайя, не шевелясь.

— Вы правы, — сказал я, переходя к следующему унтерофицеру. Краем глаза я заметил, что Аспайя оглянулся в поисках

поддержки. Не теряя ни секунды, я развернулся и треснул его ребром ладони по шее. Удар был коварен и жесток, но надо учесть, что у капрала была заряженная винтовка. Забрав ее из рук упавшего, я побросал патроны в грязь.

— Сержант Блох, доставить бывшего капрала к командирской машине и выставить часового.

— А часовой будет вооружен, сэр?

— Часовой будет вооружен, оружие будет заряжено. Часовым я назначаю лейтенанта Хеска. А теперь займемся подготовкой к атаке.

Я наметил цель для каждого взвода, а главный корпус электростанции оставил себе.

— Ну вот, все готово. Как только займете исходные рубежи, дайте мне знать.

Моя крошечная армия рассредоточилась и пошла в атаку по науке, короткими перебежками, прикрывая друг друга. Через несколько минут по радио стали поступать доклады сержантов. Объекты захвачены, сопротивления не встречено, противник не обнаружен. Теперь моя очередь. Сопровождаемый мастер-сержантом и его взводом, я решительно взобрался на крыльцо главного корпуса и распахнул дверь. За ней ревели турбины, вращались генераторы,— и ни души.

— Станция полностью автоматизирована,— сказал сержант.

— Похоже на то. Надо найти контрольный центр.

— Капитан, там кто-то есть.

Солдат указывал на дверь из узорчатого стекла. За ней мелькнул силуэт.

— За мной!

Я набрал полную грудь воздуха и распахнул дверь. Следом за мною ринулись солдаты. За контрольной панелью стоял седой человек.

— Очень интересно,— с улыбкой произнес он.— Пришельцы говорят на чужом языке. Ну, заходите, пришельцы, добро пожаловать.

— Я вас понимаю,— сказал я.— Это «лоу инглисс», на нем говорят жители Бит о'Хэвен.

— Не припомню это название, но слова вы произносите правильно, хотя и с заметным акцентом.

— Что он сказал?— спросил сержант Блох.— Вы по-ихнему говорите?

— Да, изучал язык в школе,— честно ответил я.— Он говорит «Добро пожаловать».

— Еще тут кто-нибудь есть?

— Хороший вопрос. Переадресую.

— Разумеется. Дежурная смена, но она еще спит. Прошу вас, расскажите подробнее о себе и о ваших товарищах. Меня зовут Стирнер, а вас?

Я открыл рот, чтобы представиться, но спохватился. Войны так не ведут.

— Мое имя вас не должно интересовать. Я пришел сообщить, что эта планета отныне находится под контролем вооруженных сил Невенкебла. Если согласитесь на сотрудничество, мы вам гарантируем безопасность.

Я повторил это на эсперанто, чтобы мои солдаты знали, о чем идет речь, и велел сержанту взять под стражу дежурную смену. Стирнер терпеливо ждал, когда я умолкну.

— Как это необычно, сэр! Вооруженные силы, говорите? Это означает, что у вас есть оружие? Случаем, не эти ли штуковины вы называете оружием?

— Да. И предупреждаю: если вы на нас нападете, мы будем защищаться.

— О, не извольте беспокоиться. Я — приверженец индивидуального мютюэлизма и не способен причинить вреда ближнему своему.

— Зато ваши армия и полиция способны это сделать,— схитрил я.

— Мне, конечно, знакомы эти слова, но вы можете не опасаться: у нас нет ни армии, ни полиции. Кстати, почему вы стоите? Располагайтесь поудобнее, а то, боюсь, вы сочтете меня негостеприимным хозяином.

— Ушам своим не верю,— пробормотал я.— Сержант, свяжитесь со штабом генерала Лавендера. Сообщите, что мы соприкоснулись с противником. Сопротивления не встречено. Язык, захваченный нами, не подтверждает присутствия на планете вооруженных сил и полиции.

Под настороженными взглядами моих молодцев Стирнер открыл бар и достал высокую бутылку и рюмки.

— Вино,— сказал он.— Отменное, для самых дорогих гостей. Надеюсь, вам и вашим помощникам оно понравится,— он протянул мне рюмку.

— Сначала вы,— продемонстрировал я военную подозрительность.

— Безымянный сэр, ваша вежливость достойна всяческих похвал.— Он отхлебнул, и я взял рюмку. Отличное вино.

— Вас требует генерал,— доложил Блох, входя с рацией.

— Капитан Дрем на связи,— сказал я.

— Дрем, как прикажете вас понимать? Вы обнаружили противника?

— Сэр, я занял электростанцию. Никаких инцидентов. Сопротивления нам не оказано.

— Вы первым соприкоснулись с противником. Что скажете насчет его армии?

— Ее не существует, генерал. По словам военнопленного, здесь нет ни армии, ни полиции.

Генерал недоверчиво фыркнул.

— Высылаю вертолет, доставить мне пленного. Сам его допрошу. Конец связи.

Та-ак. Меньше всего мне в эту минуту хотелось мозолить гла-

за начальству. Очень уж велик шанс, что в штаб прибыл генерал Зеннор. Инстинкты требовали забиться в нору. С другой стороны, если не удастся убедить этих ослов, что им некого бояться, может начаться резня. Рано или поздно не выдержит какая-нибудь задница и откроет стрельбу...

— Я получил приказ доставить пленного к генералу,— сообщил я солдатам.— Сейчас прибудет транспорт. Сержант Блох, вы остаетесь за меня, пока вас не сменит лейтенант Хеск. Вы полетите со мной,— я показал Стирнеру на дверь.

— Но я должен находиться здесь. Боюсь, я не смогу вам помочь.

— Вы не мне должны помочь, а своему народу. Учтите, наша армия очень велика, каждый солдат вооружен. Скоро мы захватим вашу планету. Могут быть жертвы. Но их не будет, если вы сумеете убедить командующего, что ваш народ не окажет сопротивления. Вы поняли меня?

Его лицо исказилось ужасом.

— Вы это всерьез? — хрипло спросил он.— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

Я мрачно кивнул.

— Раз так — я согласен. Конечно, конечно, я лечу с вами. Непостижимо!

— Я тоже многое не в силах постичь,— сказал я, ведя Стирнера к выходу.

— Приверженцам индивидуального мютюэлизма полиция ни к чему,— Стирнер оживился, получив возможность прочитать мне небольшую лекцию.

— Никогда о нем не слышал.

— Как вам не повезло! Рискуя впасть в упрощение, я...

— Капитан Дрем, разрешите обратиться! — капрал Аспайя выбрался из командирской машины, несмотря на слабые попытки Мортона его удержать, подбежал ко мне, вытянулся по стрункам и отдал честь.— Сэр, я понял, что был не прав. Вы такой молоденький и щуплый с виду, вот я и решил, что лучше вас знаю службу, и зарядил винтовку. Теперь я понимаю свою ошибку. Прошу дать мне возможность искупить свою вину, потому что армия — это моя жизнь, я в ней тридцать лет...

— А почему вы решили, что я прав, рядовой Аспайя?

У него засияли глаза.

— Потому что вы мне крепко врезали, сэр! Вон я какой здоровый, а вы меня запросто свалили. Показали, что каждый должен знать свой шесток.

«Что за чушь собачья? — подумал я.— Его не устраивал приказ избегать насилия. Только подвергшись насилию, он понял, что был не прав. Ну и логика!»

— Пожалуй, я вас на этот раз прощу. Человек, способный признать свою ошибку, заслуживает снисхождения. Хоть вы теперь ничтожный рядовой, а я — капитан, я готов пожать вашу руку и разрешить вернуться в строй.

— Капитан, вы — настоящий командир, и никогда не пожалеете, что простили меня! — он с жаром пожал мне руку и отступил на шаг, вытирая кулаком слезу.

Услышав далекий рокот, я задрал голову. С небес спускался вертолет.

— Мортон, до моего возвращения будете командовать ротой. Следите за тем, чтобы Блох выполнял все ваши распоряжения.

Мортон с ужасом кивнул и не сказал ни слова. Я посадил Стирнера в вертолет и забрался следом.

— К генералу,— приказал я пилоту и тяжело вздохнул. Меня не оставляло ощущение, что я сунул голову в петлю и теперь поудобнее прилаживаю ее на шее. Но что еще оставалось?

— Я читал о подобных летательных аппаратах в учебниках истории,— сказал Стирнер, с восхищением глядя в иллюминатор.— Для меня это очень важный момент, безымянный сэр.

— Капитан. Называйте меня так.

— Рад с вами познакомиться, Капитан. И позвольте поблагодарить вас за возможность объяснить вашему начальству, что мы рады гостям. Вам некого бояться. Мы никому не причиним зла.

— Сэр, пленный доставлен,— доложил я Лавендеру, прибыв в штаб.— Он говорит на малоизвестном диалекте, который я, к счастью, изучал в школе. Я могу переводить, сэр.

— Отставить,— мрачно буркнул генерал.— Вы — пехотный офицер, а не переводчик. Штатный переводчик у нас майор Кьюсел. Майор, переводите.

Черноволосый майор оттеснил меня плечом, и я встал перед Стирнером.

— Кион ви компренас? — заорал он.— Шпрехен зи пупишь? Анкай сойай иинспай игпай атинлай? Ук кук волупук?

— Очень сожалею, сэр, но я не понял ни слова.

— Ага! — обрадовался майор,— это малоизвестный диалект, на нем говорят жители одной отсталой крестьянской планеты. Но мне он знаком — по местному бизнесу. Мы импортировали свинобразьи котлеты...

— Майор, хватит болтать. Переводите. Спросите у него, где скрывается армия и где расположены опорные пункты полиции.

С интересом я слушал майора. Несмотря на врожденное умение говорить и неумение слушать, он с грехом пополам добился от Стирнера информации, которую я уже получил. Генерал огорченно вздохнул.

— Если это правда, мы не сможем перестрелять их со спокойной совестью.— Он повернулся ко мне.— Вы уверены, что они не окажут сопротивления?

— Уверен, сэр. Насилие чуждо их натуре. Разрешите поздравить вас с первым в истории галактики бескровным вторжением! Скоро вы завоюете для славного острова Невенкебла целую планету, не потеряв ни одного солдата!

— Не спешите радоваться, капитан. Генералам, привозящим армию домой нетронутой, медали не достаются. Славу обретают

в битвах, и запомните мои слова — битва будет. Такова человеческая природа. Не все же трусы на этой планете...

— В чем дело, Лавендер? — раздался знакомый голос, и температура моей крови сразу упала градусов на десять. Я затаил дыхание.

— Генерал Зеннор, захвачен первый пленный,— доложил Лавендер.— Я его допрашиваю. Он порет явную чушь. Говорит, ни армии у них нет, ни полиции.

— И вы ему поверили? Кто и где его захватил?

— Капитан Дрем на электростанции.

Я повернулся кругом. Зеннор посмотрел на меня и отвел взгляд. И снова уставился на меня.

— Капитан, где мы с вами встречались?

— На учениях, сэр. На маневрах,— ответил я самым гнусавым голосом, на какой был способен. Зеннор приблизился и пристально взгляделся мне в лицо.

— Неправда. Где-то еще. И с вами был кто-то еще.

Его глаза вспыхнули, и он ткнул в меня пальцем.

— Слон! Вот кто был с тобой.

— А ты его убил! — закричал я, хватая Зеннора за шею. Особый захват, три секунды и — смерть...

Одна секунда... Он потерял сознание.

Вторая секунда... Обмяк

Третья...

В глазах у меня погас свет. В затылке вспыхнула боль. «Три секунды...» — подумал я и отключился.

Прошла вечность, прежде чем я очнулся от боли, распространяющейся от затылка по всему телу. Я не шевелился, пытаясь отогнать боль,— но безрезультатно. Меня окружала темнота. Или это оттого, что глаза закрыты? Выяснять не хотелось. Я застонал. Звук показался таким приятным, что я не удержался от второго стона и при этом ощутил, как мою голову приподнимают и к губам прижимают что-то влажное. Вода? Очень кстати. Я сделал несколько глотков и, почувствовав облегчение, рискнул открыть глаза. Надо мной нависало пятно, напоминающее человеческое лицо. Я моргнул несколько раз, очертания лица стали более четкими.

— Мортон...

— А то кто же? — горестно отозвался он. Затем перетащил меня к стене и придал моему телу сидячее положение.

Голова раскалывалась на куски. Сквозь пелену боли в мозг с трудом проникал голос Мортона:

— Ну-ка, проглоти и запей. Так доктор сказал. Это от головы.

Яд? Черта с два, не стоит и мечтать. Пелена заколыхалась и растаяла, оставив онемевшим все тело. Я открыл второй глаз и посмотрел на Мортона, понуро сидящего на фоне решетки.

— Он мертв? — прохрипел я.

— Кто?

— Генерал Зеннор?

— Полчаса назад выглядел живее некуда.

Я тяжко вздохнул. Выходит, сорвалось. Впрочем, может, оно и к лучшему. Конечно, мне ничего так не хотелось, как отомстить Зеннору за Слона. С другой стороны, я впервые в жизни пытался убить человека и не скажу, что эта процедура доставила мне удовольствие. Похоже, в убийцы я не гожусь. Одного только жаль: чтобы выяснить это, я сунул голову в петлю. Да еще и Мортона подвел.

— Прости меня, если можешь,— сказал я ему.— Я слишком увлекся и забыл позаботиться о твоей безопасности.

— Меня выдал сержант Блох, когда на электростанцию прибыла военная полиция. Он догадался, что я не офицер. Я им все рассказал, еще до того, как меня принялись бить.

— Это я во всем виноват.

— Не говори так, рано или поздно меня все равно арестовали бы. Армия и я — несовместимы. А ты мне очень помог, Жак.

— Джим. Мое настоящее имя Джим ди Гриз. Я с далекой планеты.

— Будем знакомы, Джим. Ты шпион?

— Нет. Я искал генерал Зеннора. По его вине погиб мой лучший друг.

— А как насчет говорящей птицы?

Я прижал палец к губам и указал на дверь. Мортон непонимающе поморгал и хотел о чем-то спросить, но я его опередил.

— А, ты вспомнил ту байку о моем школьном дружке, у которого была говорящая птица? Да, бедняга потом спился и пошел в миссионеры, только не припомню, к чему я это рассказывал.

Мортон смотрел на меня, как на чокнутого. Я огляделся и увидел, что лежу на тонком матраце, брошенном на пыльный пол. Я написал пальцем в пыли: «Тихо — могут услышать», дождался, когда лицо Мортона прояснится, и стер слова.

— Но сейчас мне неохота травить байки. Где мы?

— В большом здании посреди города, захваченного войсками. Здесь теперь штаб или что-то в этом роде. Пока меня сюда вели, я заметил много военных.

В замочной скважине заскрежетал ключ. Мы оглянулись на дверь. В камеру вошло несколько военных полицейских с винтовками, за ними — Зеннор с повязкой на шее и жаждой мести в глазах.

— Да, теперь-то ты можешь меня не бояться,— с ухмылкой произнес я, обведя взглядом полицейских, держащих нас на мушке.

Зеннор подошел и ударил меня ногой в бок. Корчась от боли, я прохрипел:

— Какие мы смелые — бить лежачих...

Зеннор отвел ногу для удара, но передумал и, вытащив пистолет, прицелился мне в переносицу.

— Уведите второго. Оставьте нас одних. Принесите стул.

Полицейские быстро выполнили приказ: вытолкали за дверь

Мортона, внесли в камеру деревянный стул и благоговейно поставили его под начальственный зад. Зеннор медленно сел, не выпуская меня из-под прицела. Заговорил он после того, как снаружи заперли дверь.

— Я хочу знать, как ты сюда попал и как тебе удалось выследить меня. Выкладывай.

«Почему бы и нет?» — подумал я, потирая ушибленный бок. Выдумывать не было ни сил, ни желания. Легче рассказать все как на духу. С некоторыми поправками, разумеется.

— Ладно, расскажу. Мы с тобой распрощались на Спиовенте, когда ты продал нас в рабство. Это очень суровая планета, малопригодная для стариков вроде Слона. Он умер, и за мной остался должок.

Зеннор поправил повязку и прорычал:

— Дальше!

— А дальше почти нечего рассказывать. Несколько войн, убийство, пытка — обычные дела. Спасся я благодаря Военно-Космической Лиге. Я был арестован и попал на Стерен-Гвандру, там бежал из-под стражи и напал на твой след. Ведь ты допустил большую ошибку.

— Что за чушь?

— Это не чушь, капитан Гарт. Помнишь, ты подсунул одной девчонке наркотик и выдал ее полиции?

— Это несущественно.

— Для кого как. Для Бибз — существенно. Она была на свободе, и прежде чем мы с ней расстались, я узнал, где тебя искать. Вот и вся история.

Зеннор смотрел на меня, гладя пальцем спусковой крючок. Я старался не глядеть на пистолет.

— Не вся. Выходит, шпион, высадившийся в бухте Мархавено — это ты?

— Да. И мне не составило труда проникнуть в твою бестолковую разгильдяйскую армию и расти в чинах, пока не представился случай схватить тебя за горло. Просыпаясь по ночам в холодном поту, вспоминай о том, что я запросто мог тебя пристрелить. Ну что, будешь стрелять или пришел сюда поиграть с пистолетом?

— Не подзуживай меня, щенок! Ты, конечно, умрешь, но с большей пользой для нашего дела. После суда, на котором тебе и твоему помощнику предъявят обвинения в нападении на вышестоящее начальство, самовольном присвоении офицерского звания, разглашения военной тайны. Затем вас расстреляют. Публично.

— И чего ты надеешься этим добиться?

— Я надеюсь убедить упрямых туземцев в том, что наши слова не расходятся с делами. Это трусливое, бесхребетное стадо без боя отдало свою планету, а теперь оно жалобно блеет, требуя ее обратно, и отказывается работать, пока мы не улетим. Если они сейчас же не вернутся на рабочие места, город будет парализован. Но твоя смерть заставит их одуматься.

— Интересно, как?

— Очень просто. Они увидят, что я не бросаю слов на ветер. Сначала мы расстреляем тебя, затем возьмем заложников и убьем их, если остальные не уступят.

— Ах ты, ничтожество! Подонок! Зря я тебя не прикончил, когда была такая возможность!

— Но ведь не прикончил,— усмехнулся он. И выстрелил, когда я к нему бросился.

Пуля меня не задела, но выстрел оглушил. Я упал, и на меня обрушился град ударов. Наконец Зеннор перестал меня пинать и остановил полицейских, пришедших к нему на помощь.

Я встал на четвереньки и посмотрел на него сквозь красный туман.

— Вымыть и переодеть. Второго — тоже. Через два часа суд.

Что случилось потом — не помню. Я очнулся, когда Мортон стаскивал с меня куртку.

— Оставь. Я сам,— моргая, я уставился на чистую форму рядового, лежащую на стуле. Такой же мундир был на Мортоне. Я сбросил на пол окровавленную куртку, стащил сапоги и брюки.

Сапоги. Сапоги? Сапоги!

Мои губы растянулись в довольной ухмылке.

— Ты знаешь, что скоро суд?

Мортон мрачно кивнул.

— Сколько осталось времени?

— Около часа.

Я сунул руку в правый сапог, нащупал тайничок в каблуке. Около часа? Ну, за это время мы далеко уйдем. Сейчас достанем отмычку, отопрем дверь, проскользнем в коридор и растворимся в безликой толпе солдат.

Но увы, этому прекрасному плану не суждено было осуществиться. Отмычки в каблуке не оказалось.

— Зеннор велел передать тебе странные слова, когда ты сунешь руку в сапог,— сказал Мортон.— «Дельце не выгорит». Я ничего не понял, но он сказал, что ты поймешь.

— Понял,— со вздохом произнес я и принялся одеваться.

Через час за нами пришли, заковали в цепи и потащили на суд. Естественно, мы с Мортоном не испытывали ни малейшего желания участвовать в этом дурацком шоу, но не было и другого выбора. Нас проволокли по коридору и лестнице на улицу. Там под злобные крики и лязг оружия заставили подняться на помост, сооруженный специально для спектакля. Все было готово: судьи, конвой, клетка, горнисты и толпа горожан вокруг помоста. Толпу, судя по оцеплению, собрали силой. Несколько горожан (все седые и лысые) сидели в креслах на помосте, среди них я заметил Стирнера. Увидев меня, он приподнялся и подошел к клетке.

— Капитан, что они хотят с вами сделать? Мы ничего не понимаем...

Я ушам своим не поверил.

— Вы говорите на эсперанто?

— Да. Один из наших ведущих лингвистов разыскал в библиотеке учебники этого любопытного языка, и многие освоили его за ночь, дабы облегчить общение с...

— Немедленно усадите старика! — рявкнул Зеннор. В этом спектакле он, разумеется, отвел себе роль главного судьи.

— Что здесь происходит? Я ничего не понимаю! — восклицал Стирнер, когда его тащили прочь от клетки.

Начался суд. Каждый раз, когда Стирнер и его друзья пытались протестовать, горнисты трубили что было сил. Я клевал носом и получал за это пинки. Мортон сидел в оцепенении, глядя в одну точку. Я не слушал судей до тех пор, пока нас с Мортоном не заставили подняться.

Зеннор зачитывал приговор:

— ...тяжестью неопровержимых улик. Поэтому осужденные будут отправлены в камеру до восьми часов завтрашнего утра, откуда доставлены на место казни и расстреляны.

— Это беззаконие! — закричал я.— Это фарс! Почему ни о чем не спросили подсудимых! Я требую последнего слова!

— Конвой, утихомирить осужденных.

Тотчас мой рот зажала волосатая лапища, вскоре уступившая место тряпичному кляпу. Подобным образом конвоиры расправились и с Мортоном, хотя он молчал и был на грани обморока.

— Скажите, что сейчас они услышат важное сообщение,— обратился Зеннор к переводчику. Тот поднял мегафон, и на толпу обрушился громоподобный голос.

— Вас собрали в связи с тем, что значительная часть населения города не подчинилась военным властям. Мы вам продемонстрировали, как вершат суд посланцы острова Невенкебла. Перед вами двое злодеев, обвиненных во множестве тяжких преступлений. Вина их доказана, приговор вынесен. Завтра в восемь утра они умрут. Вам все ясно!

По толпе пробежал шепоток. Стирнер встал. Стражники протянули было к нему лапы, но Зеннор жестом велел оставить старика в покое.

— Думаю, мой голос будет голосом всех горожан,— сказал Стирнер,— если я попрошу некоторых разъяснений. Нам непонятно, откуда эти люди знают, что завтра умрут? Они не похожи на больных. И на каком основании вы называете точный час их кончины?

Зеннор ошалело посмотрел на него и взорвался:

— Вы что, недоумки? Неужели эту планету заселяли умственно отсталыми? Преступники умрут завтра потому, что мы их расстреляем. Из огнестрельного оружия! Вот оно, оружие,— он выхватил из кобуры пистолет и пальнул несколько раз в деревянный настил.— Оно стреляет пулями, а пули делают в людях дырки. Завтра оружие сделает дырки в приговоренных. Я знаю, что вы — не вегетарианцы, вы забиваете скот на мясо. Подобным образом мы забьем завтра двух преступников! Теперь вам все ясно?

Побледневший Стирнер рухнул в кресло. Зеннор схватил мегафон.

— Да, они умрут, причем у вас на глазах. И тогда вы уясните, чего мы от вас хотим, и выполните все наши приказы, и впредь будете делать все, что мы ни потребуем. Если откажетесь — будете осуждены и казнены. Мы готовы стрелять и убивать до тех пор, пока уцелевшие не поймут, чего мы добиваемся, и не согласятся в точности все, что...

Он умолк, обнаружив, что лишился аудитории. Стирнер и его товарищи повернулись к Зеннору спиной, спустились с помоста и пошли прочь, их примеру последовали все остальные. Те, кого хватали солдаты, молча пытались вырваться, но не дрались, большинство расходилось беспрепятственно. Зеннор понял, что без насилия удержать горожан не удастся. Он был порочен и злобен, но неглуп, и сообразил, что зубы показывать еще рано.

— Ладно, идите,— сказал он в мегафон.— Солдаты, не задерживайте их. Расходитесь по домам. И думайте о том, что сегодня увидели и услышали. Завтра утром вы вернетесь сюда и увидите, как умрут осужденные. Потом узнаете наши требования. И выполните их.

Он дал знак конвоирам, и нас с Мортоном потащили в камеру. И оставили там, не сняв цепей и не вытащив кляпов.

Одному Богу известно, сколько часов пролежали мы с Мортоном в камере. Наконец распахнулась дверь, и вошел коренастый полицейский с двумя подносами. Он взглянул на нас, и на его лбу появились морщины. Мне показалось, я вижу, как по недоразвитым синапсам ползают вялые мысли. «Принес еду. Кормить заключенных. У них кляпы. Не смогут есть...» На этой стадии мыслительного процесса он оглянулся и позвал через плечо:

— Сержант! У меня проблема.

— У тебя точно будет проблема, если ты вызвал меня понапрасну,— проворчал сержант, входя в камеру.

— Глядите, сержант. Я принес им еду. Но у них кляпы, как они будут есть?

— Ладно, ступай, как-нибудь сам разберусь.

Сержант достал связку ключей, отомкнул мои оковы и повернулся к Мортону. Я, не удержавшись, тихо застонал через кляп, разминая ноющие кисти, и попытался сесть. Выходя, сержант ухмыльнулся. Я выдернул изо рта кляп и запустил им в дверь, затем склонился над подносом, потому что, несмотря на все неприятности, успел зверски проголодаться. Но, взглянув на еду, брезгливо отодвинул его.

— Колбаса,— сказал Мортон, выплевывая клочки материи.— Я почувствовал ее запах еще в ту минуту, когда стражник подходил к двери.

Я последовал его примеру, глотнув воды из кружки. А потом легонько стукнул своей посудой о его посуду и сказал:

— Тост. За военную справедливость.

— Хотелось бы мне быть таким же стойким, как ты, Джим.

— Я не стойкий, просто свищу в темноте, поскольку не вижу выхода. Эх, была бы отмычка...

— Это ее имел в виду генерал?

— Да, ее. Теперь мы можем только сидеть и ждать утра.

Эти слова предназначались не столько для Мортона, и без того подавленного, сколько для чужих ушей. Камера, возможно, была оборудована «клопами», в том числе и оптическими. Я внимательно осмотрел стены и потолок, но ничего подозрительного не заметил и решил рискнуть. Жуя колбасу и смывая ее омерзительный привкус глотками воды, я бесшумно наматывал на кулак цепь. Скоро глупый полицейский вернется за подносом, и он будет один... В замке заскрежетал ключ. Я прижался к стене, готовый хорошенько треснуть того, кто войдет. Но дверь приоткрылась всего лишь на ширину пальца.

— Эй, ты, за дверью! — проворчал сержант.— А ну, брось цепочку, если хочешь дожить до расстрела.

Я выругался, швырнул цепь в угол, пересек камеру и уселся, привалясь спиной к стене. Выходит, оптический «клоп» здесь все-таки есть, но он надежно скрыт.

— Сержант, сколько времени? — спросил Мортон.

— Шестнадцать сто.

— Мне пора в туалет.

— Пора будет в двадцать сто. Приказ генерала.

— Передай генералу, что я хочу на горшок! — заорал я, глядя на затворяющуюся дверь. Подумать только — вот этими руками я сжимал шею негодяя! Если бы меня не стукнули по башке... Интересно, смог бы я дождаться, когда пройдут все три секунды? Не знаю. Но если тогда я не был готов его убить, то сейчас сделал бы это без малейших угрызений совести.

Вечером нас по одному сводили в сортир, затем снова заковали. Не знаю, спал ли Мортон, но мне после взбучки, полученной от генерала, тонкий матрац показался пуховой периной. Разбудил меня знакомый скрежет ключа.

— Ноль шесть сто, последняя кормежка,— с превеликим удовольствием сообщил сержант.

— Снова колбаса?

— Как ты догадался?

— Унеси. Я умру, проклиная тебя за нее. Умру с твоим именем на устах.

Если на сержанта и подействовала моя угроза, то он не подал виду. Уронил подносы на пол и удалился, громко топая.

— Еще два часа.— У Мортона в уголке глаза блеснула слезинка.— Мои родные даже не знают, где я. И никогда не узнают, какая участь меня постигла.

Что я мог ему на это сказать? Что я мог поделать? Впервые за мою короткую и бурную жизнь мною овладело ощущение полной безнадежности. Еще два часа. И никакого выхода. Что это за запах? Я принюхался и кашлянул. Запах был достаточно едким, чтобы пробиться сквозь мою смертную тоску. Я снова кашлянул

и увидел в углу тонкую струйку дыма. Не верям своим глазам, я смотрел, как по деревянному полу ползет дымящаяся точка, оставляя за собой кривой след. Наконец след образовал полный круг. Мортон кашлял, вертя головой во все стороны.

— Что это?..— пробормотал он, и тут деревянный круг подскочил и покатился по полу. Над темным отверстием показалась мужская голова.

— Не касайтесь краев, кислота очень едкая,— предупредил Стирнер.

За дверью послышались вопли и частый топот. Я рывком поднял Мортона на ноги, толкнул его к Стирнеру и закричал:

— Нас видят и слышат. Быстрее!

Стирнер исчез из виду, и я подтолкнул Мортона к отверстию. Он прыгнул. Услышав бренчание ключей за дверью, я прыгнул следом. Я ударился ногами обо что-то мягкое, повалился набок и выругался, сообразив, что почти оглушил Мортона. Стирнер схватил его за руку и попытался подтащить к круглой дыре в полу, такой же, как наверху. Я схватил Мортона под мышки, подтащил к отверстию и сбросил. Послышался вопль и глухой удар. Затем спустился Стирнер, мудро использовав лестницу, которая там была. Наверху стражники уже ввалились в камеру. Я схватился за край отверстия, повис, разжал пальцы и упал на пол тускло освещенного подвала.

— Сюда! — позвала девушка, стоявшая в дальнем углу помещения у отворенной двери.

Стирнер кряхтел, безуспешно пытаясь поднять Мортона на ноги. Я оттолкнул Стирнера, взвалил Мортона на закорки и засеменил к выходу. Девушка заперла за нами дверь и бросилась следом за Стирнером. Я старался не отставать. Вот еще дверь, за ней — длинный коридор, а там еще дверь, и еще...

— Ну, все, можно остановиться,— сказал Стирнер, запирая очередную дверь.— Подвал — настоящий лабиринт, преследователи не скоро сюда доберутся. Ваш друг не пострадал?

— Глунк...— промямлил Мортон, когда я поставил его на ноги.

— Похоже, он всего лишь оглушен. Хочется надеяться.

— Ладно, потом разберемся. Сначала надо как можно быстрее выбраться отсюда. Сейчас мы выйдем на улицу, и я оставлю вас на попечение Шарлы. Там полно народу, собранного на церемонию убийства по приказу вашего начальства. Все горожане предупреждены о вашем побеге и с радостью помогут вам в столь необычной ситуации.

— Будьте осторожны,— предупредил я,— в камере, где нас держали, находилось устройство для подглядывания. Вас видели, и теперь будут искать.

— Меня не найдут. До свидания.

Он вышел и исчез в толпе. Наша проводница придерживала дверь, она кивала головой, приглашая нас поскорее выйти. Я взял Мортона, еще не пришедшего в себя, за руку и вывел наружу. Там

толпилось великое множество народу: мужчины, женщины, дети. И никто из них — просто невероятно! — не смотрел в нашу сторону, не подавал виду, что замечает нас. Но все расступались перед нами, образуя проход и тут же смыкаясь у нас за спиной. Вдали раздавались крики и выстрелы. Люди, услышав их, нервно вздрагивали и испуганно шептались и снова умолкали. Мы беспрепятственно пересекли улицу. Чтобы наблюдатели из окон не смогли нас заметить, толпа пришла в движение. Когда мы приблизились к зданию на противоположной стороне улицы, в стене отворилась дверь, из которой выглянула седоволосая женщина с материнской улыбкой на лице.

— Это Грин, наша библиотекарь,— представила ее Шарла.— Это она организовала ваш побег.

— Спасибо вам за то, что спасли нам жизнь,— от всего сердца поблагодарил я Грин.

— Вы еще не спасены,— возразила она.— Я перерыла всю библиотеку в поисках книг об узниках и побегах и нашла подходящий способ. Нашим инженерам удалось его осуществить, но что вам теперь посоветовать, я не знаю. В книгах больше ничего на этот счет не сказано.

— Вы сделали самое главное,— заверил ее Мортон.— Больше не о чем беспокоиться. Мой друг Джим — чемпион Галактики по побегам. Я уверен, он потом придумает, как быть дальше.

— Придумаете? — спросила библиотекарь.

— Разумеется! — воскликнул я со вновь обретенным оптимизмом.— Мы вырвались из лап палачей, мы в надежном укрытии — теперь Зеннору вовек до нас не добраться. Скажите, этот город большой?

Грин поразмыслила, покусывая нижнюю губу.

— Интересный вопрос. С севера на юг приблизительно...

— Нет, постойте! Я имею в виду не диаметр, а население.

— По последней переписи в нашем самом густонаселенном районе Баллегаррика шестьсот восемьдесят три тысячи жителей.

— В таком случае, нам совершенно нечего опасаться! Я хорошо знаю военных и могу в точности предугадать каждый их шаг. Сначала они будут носиться по улицам и палить в воздух. Потом кто-нибудь из самых головастых — несомненно, наш друг Зеннор,— сообразит перекрыть все дороги из города и начнет повальные обыски. Начнет прямо здесь, с этого квартала.

— Вам надо бежать! — воскликнула Шарла, и на ее милом личике отразился испуг. Я воспользовался поводом взять ее за руку, чтобы успокоить. «Какая гладкая кожа!» — отметил я и спохватился. Не время думать об этом.

— Надо, разумеется, но не сломя голову, а обдумав каждый шаг. Зеннор обязательно вышлет патрули прочесывать соседние районы. Вот мой план. Мы переоденемся, сольемся с толпой, найдем укрытие где-нибудь на окраине, а после наступления темноты покинем город.

— Замечательно! — очаровательные глаза Шарлы засияли.

Прежде чем я успел спросить, как она собирается это сделать, она выскочила из комнаты. Ее решение оказалось простым, как раз в духе местных жителей. Очень скоро она вернулась, приведя с собой двоих мужчин.

— У них почти такие же фигуры, как у вас. Они согласны обменяться с вами одеждой.

— Мы очень счастливы, что на нас пал ваш выбор,— сказал мужчина ростом пониже.— Приступим к обмену!

— Спасибо вам огромное, но это не обмен,— возразил я.— Возьмите наши мундиры, но ни в коем случае не надевайте. Надо их спрятать или уничтожить. За ношение этой одежды вас расстреляют.

Мои слова их ошеломили.

— Этого не может быть!— воскликнула библиотекарь.

— Очень даже может. Поверьте, я очень хорошо знаю военных.

Раздался частый стук в дверь, и Шарла открыла ее прежде, чем я успел вмешаться.

К счастью, за дверью оказался Стирнер. Он тяжело дышал, глаза были широко раскрыты.

— Что-нибудь случилось?— спросил я. Он кивнул.

— Меня никто не заметил, я пришел сюда другим путем. Но пришельцы избивают народ безо всякой на то причины. И стреляют. Некоторые ранены, хотя убитых вроде бы еще нет.

— Надо остановить военных,— сказал я.— И мне известно, как это можно сделать. Нам лучше вернуться на электростанцию, покуда оттуда не ушли Блох и моя рота. Днем идти туда очень опасно, поэтому сейчас мы найдем спокойное место и отсидимся до вечера. Пошли.

— Ничего не понимаю,— сказал Стирнер.

— А я понимаю.— К Мортону на свободе быстро вернулась его сообразительность.— Говорящая птица, да? Мы ее спрятали в ящике с амуницией.

— Да, под флягами со спиртом. Надо спешить, пока унтерофицеры не вылакали все и не добрались до фальшивого дна. Когда мы с нею беседовали, ты слышал голос моего дорогого друга, капитана Варода из Военно-Космической Лиги. Он не знает, где мы находимся, знает лишь, что покинули Стерен-Гвандру. В птице должно быть сигнальное устройство, иначе он не всучил бы нам ее.

— Вперед! К птице и спасению!— воскликнул Мортон.

— К птице! К птице!— с воодушевлением подхватил я, не обращая внимания на окружающих, которые смотрели на нас, как на психов.

В огромном Баллегаррике было очень мало прямых улиц и высоких зданий. По городу уже разлетелось предупреждение о том, что мы вышли, и улицы были заполнены велосипедистами и пешеходами. Никто, казалось, не обращал на нас внимания, но через каждые десять минут рядом с нами тормозил велосипедист

и сообщал последние новости и диспозицию противника. Это позволяло легко обходить заслоны, уклоняться от встреч с патрулями и в то же время знакомиться с городом — очень чистым, уютным, с широкой рекой, пересекающей его посредине. Мы перешли через нее по мосту, рискуя попасть на глаза нашим недругам, и углубились в жилой район на том берегу. Чем дальше мы уходили от реки, тем меньше становились дома, шире сады; к полудню мы пересекли черту города.

— Остановимся, пожалуй,— сказал я. Усталость давала о себе знать, и ныли ушибы.— Можно где-нибудь здесь отсидеться до вечера?

— Выбирайте,— сказал Стирнер, обводя взглядом окружающие дома.— В любом из этих домов вы — желанный гость.

Я молча показал на ближайший деревянный коттедж с белыми оконными рамами, окруженный цветочными клумбами. При нашем приближении отворилась входная дверь, и молодые хозяева хором воскликнули:

— Входите, входите! Вы как раз к обеду!

Это было очень кстати. После легиона самоприготовляющихся колбас, поглощенных нами в полете, домашняя еда показалась восхитительной. Хозяева с одобрением смотрели, как мы с Мортоном уписываем ее за обе щеки. А отменное вино, бутыль которого они поставили на стол, было выше всяческих похвал.

— Огромное вам спасибо,— поблагодарил я молодых людей.— Поистине, вы спасли нам жизнь. Спасибо также индивидуальному мютюэлизму, приверженцами которого, насколько мне известно, вы являетесь,— все, кроме Мортона, согласно закивали,— и о котором, к стыду моему, я ничего не слыхал, пока не посетил вашу чудесную планету. Хотелось бы узнать о нем побольше.

Все оглянулись на библиотекаря Грин. Она выпрямилась.

— Индивидуальный мютюэлизм — это не просто философия. Это также политическая система и образ жизни. Подробно все рассказано в книге ее создателя, Марка Четвертого.— Она показала том в кожаном переплете, стоявший на книжной полке.— Вы найдете ее в каждом доме на Чоджеки, как и портрет Марка Четвертого, учителя, которому мы будем благодарны до конца наших дней.

Я посмотрел на портрет, висящий на стене, и выпучил глаза. Мортон не сдержал возгласа изумления.

— Но ведь это же робот! — сказал он.

— Не робот, а разумная машина,— поправила Грин.— Один из первых в истории искусственных интеллектов. Марк Первый был технически несовершенен, да и Марк Второй...

— А, четвертая марка,— догадался я.— То есть, четвертая модель.

— Вы правы. Четвертая модель, но первый совершенный искусственный разум. День, когда включили Марка Четвертого, был воистину историческим. Среди присутствовавших при этом

был молодой ученый по имени Тед Э'Бауй. Он подробно описал это событие в «Историческом трактате о некоторых наблюдениях за созданием искусственного разума».

Я потягивал вино. Чувствуя, что никто не решается нарушить тишину, я спросил:

— У вас нет военных и полицейских. Мне это по душе, потому что я натерпелся и от тех, и от других. Но как вы поступаете, когда кто-то нарушает закон?

— У нас нет законов, которые можно нарушить,— ответил Стирнер, и окружающие согласно закивали.— Вас, наверняка, учили, что законы — плоды мудрости ваших предков. Мы считаем иначе: законы — плоды не мудрости, а страстей, робости, зависти и амбиций. Обо всем это написано здесь, в этой книге, которую вам обязательно нужно прочесть.

Он снял с полки книгу. Хозяин дома взял ее из рук Стирнера и протянул мне.

— Сделайте милость, примите наш скромный подарок.

— Спасибо, спасибо.— Прикинув ее вес, я попытался изобразить на лице искреннюю благодарность.

— Надеюсь, вы ознакомитесь с нею на досуге,— сказал Стирнер.— Вкратце наша история такова. Марк Четвертый ответил на великое множество вопросов. Его мудрые, взвешенные советы использовались в науке, коммерции и многих других областях человеческой деятельности. Иное дело — область политики, хотя Марк вобрал в себя информацию о политической жизни общества на всем протяжении его истории. На это ушли многие месяцы, даже годы. Собрав необходимые сведения, Марк занялся прогнозированием будущего. Результатом его трудов явилась книга, которую вы держите в руках. Изучая политику людей, Марк узнал о них много дурного и решил принять разумные меры предосторожности. Он подключился ко всем банкам данных и загрузил в них текст книги, а, кроме того, дал приказ компьютеру почтовой службы разослать по всем адресам экземпляры книги. Впоследствии Марк извинился за этот вынужденный шаг и предложил возместить затраты на тиражирование своего весьма объемистого труда.

Он оказался прав в своих опасениях. Ни один политик во Вселенной не принял его теории. Предпринимались попытки скомпрометировать индивидуальный мютюэлизм и его адептов. Но Марк Четвертый знал: как бы ни пытались власть имущие опорочить его учение, найдутся люди, которые поймут его и поверят ему. До чего же мудра была эта разумная машина! Люди, постигшие философию Марка, уверовавшие в ее истинность, были отнюдь не глупы. Они понимали: воплотить в жизнь идеи Учителя будет совсем не просто. Неразумно, утверждал Марк, отдавать свою свободу государству. Справедливо и обратное: ни одно государство добровольно не отпустит граждан на свободу. За сим последовали годы репрессий. Те, кто завидовал нашей свободе, сумели уничтожить большую часть экземпляров книг Марка.

Многие вольнодумцы не выдержали гонений и отреклись от своей веры. Самые стойкие бежали сюда, на Чоджеки, и разорвали связи с родными мирами, чтобы построить общество, где ИМ — индивидуальный мютюэлизм — будет нормой жизни; где мир и счастье воцарятся навеки.

— Или, по крайней мере, до вторжения армии Невенкебла,— мрачно сказал я.

Стирнер засмеялся.

— Не горюйте, мой друг, ведь мы же не горюем. Нас, конечно, ошеломило вторжение, да и как иначе — ведь мы столетия не знали войн. Но мы свято веруем в ИМ, и вера дает нам смелость и мужество. Мы с честью выдержим это испытание. Кто знает, возможно, нам удастся отблагодарить великого Учителя, распространив веру на другие, менее счастливые планеты.

— Я бы не спешил этого делать. На других планетах много негодников, которые скорее сожрут вас заживо, чем уверуют в ИМ. Сначала надо избавиться от вояк, севших вам на шею. У вас не найдется обезболивающего? — обратился я к хозяевам,— не хочется вас затруднять, но меня били ногами профессионалы.

Сказав это, я закрыл глаза, чтобы минуту отдохнуть. Это помогло — открыв их, я почувствовал себя превосходно. Но за окнами почему-то было темно. Надо мной стоял незнакомец со шприцем в руке.

— Ты отключился,— пояснил Мортон.— Все перепугались и послали за доктором Лумом.

— Небольшое сотрясение мозга,— констатировал врач.— Два треснувших ребра. Я ввел вам обезболивающее и стимулятор, поскольку нынче ночью, как мне сказали, вам предстоит путешествие. Но могу его нейтрализовать, если вам угодно.

— Не надо, доктор. Вы сделали именно то, о чем бы я сам вас попросил, будь я в сознании. Когда перестанут действовать лекарства?

— О, не беспокойтесь. Я буду рядом до полного вашего выздоровления.

— Вы меня не поняли. Мне придется очень быстро идти. Причем скрытно и, возможно, долго.

Лум улыбнулся.

— По-видимому, это вы меня не поняли. Я буду вас сопровождать, куда бы вы ни направились. Любой из нас окажет вам любую помощь.

— Этого требует ИМ?

— Совершенно верно. Что будем делать теперь?

— Пойдем пешком. Никаких машин. У военных есть приборы для обнаружения движущегося транспорта. А мы успеем добраться до электростанции затемно?

— Вполне,— ответил Стирнер.— Разумеется, вы вправе не посвящать нас в свой замысел, но если бы мы имели о нем некоторое представление, то смогли бы, наверное, чем-нибудь помочь.

Очевидно, от усталости и побоев у меня плохо работала голо-

ва. Я забыл рассказать своим добровольным помощникам о том, как намерен воспользоваться их услугами, а ведь это невежливо.

— Прошу прощения, я злоупотребляю вашим гостеприимством. Дело вот в чем. С тех пор, как ваши предки подверглись гонениям за веру и бежали сюда, человечество маленько поумнело. Или повзрослело. Или стало культурнее. Есть, конечно, и исключения, подобные головорезам, которые напали на вашу славную планету. Но почти везде люди живут в мире. Они создали Космическую Лигу, которая следит за очагами напряженности, налаживает связи с заново открытыми планетами и тому подобное. Представители этой Лиги снабдили меня устройством для связи. По причинам, слишком сложным, чтобы их объяснить, это устройство замаскировано под птицу. Я спрятал его на электростанции.

Стирнер нахмурлся.

— Если Лига намерена прибегнуть к насилию, мы вынуждены отказаться от ее помощи.

— Не беспокойтесь, Лига против любого насилия.

— В таком случае, нет проблем. Что от нас требуется?

— Проводите меня до электростанции, только и всего. Остальное я сделаю сам. Пойдем втроем — вы, я и добрый доктор Лум. Нам понадобится еда и питье в дорогу.

— Ты забыл обо мне,— сказал Мортон.

— Нет, не забыл. Ты вырвался из армии, вот и держись от нее подальше. Я обойдусь своими силами. Надеюсь, никто не готовит мне теплую встречу. Оставайся здесь, побеседуй с Шарлой; думаю, это не потребует от тебя особых усилий. Постарайся узнать побольше. Завтра ночью я вернусь.

— Я охотно расскажу вам об индивидуальном мютюэлизме,— сказал Шарла медовым голосом.

Мортон расплылся в улыбке и даже не заметил, как мы ушли. Несмотря на седину, Стирнер годился в марафонцы. Доктор Лум был ему под стать. А мне (благодаря стимулятору) казалось, что если я сильно замашу руками, то оторвусь от земли и полечу.

Мы шагали по грунтовой дороге, потом по лугу, где темные животные уступали нам дорогу. Через несколько часов огни города остались далеко позади, а впереди выросли черные горы, упирающиеся вершинами в безлунное звездное небо. Стирнер предложил передохнуть, и мы уселись на траву под деревом.

— Здесь мы оставим припасы, так что советую поесть,— сказал он.

— Мы уже близко?

— Да, неподалеку отсюда вход в дренажный туннель. В это время года там нет воды. Туннель выведет нас на берег реки возле электростанции.

— Замечательно. Сколько часов до рассвета?

— Минимум четыре.

— Прекрасно. Отдохнем немного, а потом доктор сделает мне укол-другой, и пойдем дальше.

— Но вам станет плохо после того, как прекратится действие стимуляторов,— сказал Лум с тревогой в голосе.

— Это пустяки по сравнению с тем, что может произойти, если мне не удастся выкрасть птицу.

Мы наелись и напились, затем доктор спрятал в ветвях дерева наши припасы, сделал мне укол, и мы пошли дальше. Я был полон сил и боролся с желанием насвистывать и бежать вприпрыжку. Вскоре мы оказались у входа в туннель.

— А там не могло спрятаться какое-нибудь опасное животное?

— Маловероятно,— ответил Стирнер.— Совсем недавно кончился дождливый сезон.

— К тому же,— добавил Лум,— на этом континенте нет опасных животных.

— Кроме тех, с которыми я сюда прилетел.

Мы вошли в темноту, ступая по невидимым лужам, касаясь пальцами осклизлых стен туннеля. Пока мы пробирались по нему, наши глаза настолько привыкли к темноте, что пятно звездного неба в конце показалось нам светло-серым.

— А теперь — молчок,— прошептал я.— Я скоро вернусь.

Осторожно высунув голову из туннеля, я увидел внизу реку. Бесшумно вскарабкался на обрыв и осторожно раздвинул траву. Метрах в двадцати, у входа в здание, стояла командирская машина. Я тенью метнулся к ней и забрался на заднее сиденье. Ящик со спиртным был на месте. Прекрасно! Я вытащил фляги и поднял второе дно.

Пусто!

В этот миг за моей спиной распахнулась дверь. Я обернулся. В глаза ударил свет.

На пороге стоял сержант Блох с птицей в руке.

— Не ее ли ищете, капитан?

Я перевел взгляд с птицы на пистолет, нацеленный мне в лоб, и не нашел, что ответить.

— Капитан, вы — беглый преступник.— Сержант улыбался, довольный собой. Я по-прежнему не находил слов.— Сюда прилетела военная полиция, забрала ваше барахло. А когда вертолет улетел, я вспомнил, как вы нянчились со своими фляжками. Я-то думал, что вы боитесь за свое любимое пойло, а теперь смекнул: что-то тут не так. Когда нам сказали, что вы — инопланетный шпион, я решил порыться в машине и нашел эту птичку с начинкой. Уже собирался доложить кому следует, но тут узнал, что вы сбежали, и подумал: постерегу-ка я птичку, вдруг вы за ней вернетесь. Так оно и вышло. Ну что, пойдем потихоньку? Только ручки держите на виду, а рыпаться не советую.

Выбора у меня не было, но мозги уже зашевелились, оправляясь от потрясения.

— Сержант, я бы хотел получить обратно птицу.

— Уж в чем, в чем, а в этом я не сомневаюсь. Но с какой стати я ее отдам?

— Чтобы предотвратить убийство. С ее помощью я свяжусь с флотом Лиги.

— Плевать мне на убийства,— с его лица исчезла улыбка, а в голосе зазвучала жестокость, которой прежде я за ним не замечал.— Я — солдат, а вы — шпион. Я сдам полиции вас и вашу дерьмовую птицу. Сами понимаете, как это скажется на моей карьере.

— Подумайте о тысячах ни в чем не повинных, безоружных людей! Неужели какая-то карьера вам дороже чистой совести?

— Дороже, клянусь всеми своими потрохами.

Я хотел было высказать все, что о нем думаю, но воздержался. Этим делу не поможешь.

— Сержант, вы берете взятки?

— Нет.

— Я говорю не о мелкой взятке. Предлагаю десять тысяч в кредитках Лиги. Поможете сорвать вторжение — они ваши. Подумайте хорошенько. Кредитки Лиги — твердая валюта.

— А какая гарантия, что я их получу?

— Мое слово.

— Слово шпиона! Что десять тысяч, что десять миллионов — шпионам верить нельзя.

Я уловил быстрое движение за его спиной и услышал смачный удар. Сержант рухнул наземь. Я быстро нагнулся, чтобы завладеть его оружием.

— Куда?! Стой где стоишь.

Я поднял взгляд. Бывший капрал, а ныне рядовой Аспайя держал меня на мушке.

— Так вот почему он торчал здесь всю ночь,— щеря в улыбке кривые зубы, Аспайя убрал пистолет в кобуру и сообщил: — Я беру взятки, но десять тысяч мало. Двадцать.

Я показал на птицу.

— Отпусти меня с этой штукой, и по возвращению домой получишь тридцать тысяч в надежных кредитках Лиги. Даю слово.

— Мой личный номер 32959727. В армии много Аспайя.

Он ушел. Я тоже не стал задерживаться, рассудив, что довольно с меня ночных свиданий. Схватил птицу под мышку и помчался к реке.

— Скорее в туннель! — крикнул я своим спутникам. Силы вдруг покинули меня, уколы больше не действовали.— Бежим, пока не поднялся переполох.

Мы скрылись в туннеле и выбрались из него посреди поля. Потом, должно быть, я упал, потому что вдруг обнаружил, что лежу в лесу. День уже наступил.

— Птица! — испуганно воскликнул я, озираясь.

— Здесь,— ответил Стирнер,— вы потеряли сознание, и мы вас несли по очереди. Доктор решил, что вам необходимо отдохнуть, поскольку новая доза стимулятора может отразиться на вашем здоровье. Не волнуйтесь, здесь неподалеку укрытие, и скоро мы туда переберемся.

Схватив в охапку птицу, я недоумевающе покачал головой.

— Непостижимый вы народ. Однако спасибо. Солдаты далеко?

— Мы не слышали погони, но решили дождаться темноты. Здесь мы в безопасности. Если начнут обыскивать лес, перейдем в укрытие.

— Это хорошо. Ночью на электростанции я кое-кого повстречал, и теперь нас вовсю ищут. Как бы там ни было, доведем дело до конца.

Я со стоном уселся, и доктор приблизился со шприцем в руке.

— Это обезболивающее,— пояснил он.— Возбуждающие средства пока противопоказаны.

— Доктор, вы — гений.

Черная птица, свесив голову, покоилась в моих руках. От нее пахло ракетным топливом. Я дважды нажал на клюв. Птица открыла глаза.

— Говорит капитан Варод,— произнесла она и опрокинулась кверху лапками.— В зобу птицы есть панель управления. Открой ее.

— Сколько световых лет до него, а все командует,— проворчал я, ощупывая грудку птицы. Стирнер и врач следили за мной, тараща глаза. Я нашел кнопочку, нажал, и откинулась покрытая перьями дверца, за которой поблескивала панель управления. Видимо, эта кнопка снова включила птицу, так как из нее посыпались новые указания.

— Установи на шкалах координаты светила и координаты планеты. Обозначения должны соответствовать действующему в настоящее время галактическому коду.

Я заскрежетал зубами.

— Откуда я их возьму?

— Если это невозможно, поставь на предел регулятор мощности передачи и нажми кнопку включения.

Я сделал, как сказала птица, и отступил на шаг. Птица задрожала и заверещала. Из широко раскрытого клюва появилась тонкая антенна. Когда она выдвинулась на два фута, у птицы загорелись глаза. Антенна загудела, затем птичьи глаза потухли. Антенна медленно втянулась в клюв.

— Очень интересно,— заметил доктор Лум.— Вы можете что-нибудь объяснить?

— Нет. Наверное, эта дурацкая птица может.

— Объясняю,— каркнула птица.— Поскольку на панели не установлены координаты этой планеты, я не могу вести передачу на ССВ. Для ССВ-связи необходимо точно направить луч. Поэтому пришлось отправить сигнал на обычных радиоволнах. Как только радиостанции Лиги получат сигнал, будет установлено направление на источник, и начнется передача на ССВ.

— Если к тому времени тебя никто не раздавит! — заорал я и поднял ногу. Но доктор удержал меня. Птица еще не договорила.

— Я выключаюсь — необходимо беречь энергию. Ты должен находиться рядом с радиостанцией, чтобы не пропустить вызов на ССВ.

— Находиться рядом! — закричал я.— Хорошо, я попрошу, чтобы ее положили ко мне в гроб! — Поймав укоризненные взгляды Стирнера и Лума, я утихомирился.— Простите, я погорячился. На то есть основания.

— Слишком большое расстояние, да? — спросил Стирнер.

— Да,— буркнул я, вспомнив, что он инженер.— ССВ — это сверхсветовые волны, межзвездное расстояние для них — пустяк. Но обычные радиоволны движутся со скоростью света. Далеко отсюда до ближайшей звезды?

— Три целых две десятых светового года.

— Замечательно! Один шанс на миллион, что неподалеку от звезды окажется станция Лиги, но даже в этом случае пройдет три года. А может пройти и десять лет, и двадцать, и пятьсот. До той поры даже косточки наши сгниют.

— Вам себя не в чем винить,— сказал врач.— Вы сделали все, что могли.

— Ну конечно, доктор. Я всегда играю до конца, поскольку не люблю проигрывать.

— Я вас очень уважаю — у вас огромное самообладание.

— Не самообладание это, а всего лишь поза. Вы не забыли на дереве флягу с водой?

— Не забыл, держите.

Я уселся под деревом, глотнул воды и отпихнул умолкнувшую птицу. И задумался. Потом вздохнул.

— Выход, конечно, есть. Но далеко не простой. Придется мне проникать в один из кораблей. Заберусь в радиорубку и определю координаты.

— Наверное, это очень опасно,— сказал Стирнер.

Я глухо рассмеялся.

— Не просто опасно — самоубийственно...— Изделека донесся окрик, и я умолк.

— Ищут вас,— сказал Стирнер, помогая мне встать.— Надо уходить.

Доктор подхватил меня с другой стороны — и очень своевременно, иначе бы я свалился. К счастью, идти было недалеко — до опушки леса. Прячась за деревьями, мы разглядывали мирный сельский пейзаж. Поле пересекал ряд опор высоковольтной линии, между ними провисали тяжелые провода. Линия обрывалась неподалеку от нас.

— Здесь провода уходят под землю,— пояснил Стирнер, показывая на массивное бетонное сооружение.

— Чего и нам желаю,— я показал на цепь солдат.

— Не волнуйтесь, они нас не заметят. Бежим.

Мы выбежали из леса и распластались на бетонной стене рядом с красной металлической дверью, украшенной черепами и скрещенными костями — предупреждением о мгновенной смер-

ти. Все это не испугало Стирнера, быстро набравшего на замке нужный код. Тяжелая дверь распахнулась, мы торопливо вошли и закрыли ее за собой.

— А вдруг они захотят сюда заглянуть? — спросил я, оглядывая ярко освещенную комнату. Впрочем, смотреть было не на что, кроме толстого кабеля, идущего от потолка к полу.

— Не получится. Дверь очень прочна, косяк вмурован в стену. Да и зачем им это?

Думать над этим вопросом я не мог — мне было очень плохо. Я сел, потом лег, потом на секунду закрыл глаза.

И проснулся от мерзкого, как дыхание свинодикобраза, привкуса во рту.

— Йик... — икнул я.

— Очень рад, что вы поспали,— сказал доктор, тут же вонзая мне в руку иглу.— Отдых — лучшее лекарство. Этот укол окончательно снимет усталость и боль.

— Надолго я вырубился?

— На весь день,— сказал Стирнер.— Уже поздний вечер, солдаты давно ушли. Мы вас собрались уже будить... Воды?

Я высосал полфляги и потянулся. Мне было гораздо лучше. Я встал на ноги и заметил, что не качаюсь.

— Пора идти.

Доктор нахмурился.

— Надо бы подождать, пока укол подействует.

— Спасибо, подействует в дороге. Нас долго не было в городе, и я начинаю волноваться.

Ходьба окончательно меня исцелила. В лесу было тихо и покойно, и мы могли разговаривать без опаски. Стирнер пружинисто шагал, врач поглядывал на меня и вскоре попросил остановиться, чтобы вложить мне в ладонь диагностический прибор. Отклонений от нормы он не обнаружил, и мы пошли дальше. Погруженный в свои мысли, я даже не заметил, как мы добрались до города. Едва я увидел впереди здания, ко мне вернулись все дурные предчувствия. Еще затемно мы тихо пробрались вдоль заборов к коттеджу, где нас ждал Мортон.

— Ты принес птицу! — обрадовался он.

Я кивнул, бросил ее на кушетку и рухнул рядом.

— Да, но толку от этого мало. Дело в том, что прибытие помощи откладывается на неопределенный срок. Придется вызывать ее по обычному радио.

— Да, действительно, это очень плохо,— сразу приуныл Мортон.— А тут, пока вас не было, стали брать заложников. Зеннор выступил по телевидению — сказал, что будет их расстреливать по одному, пока горожане не вернутся к работе. Первого обещал расстрелять на рассвете, затем через каждые десять минут...— у него задрожал голос.— Когда солдаты подошли к дому, Шарла и хозяева вышли к ним навстречу. Сдались, чтобы спасти меня. Теперь они — заложники и ждут смерти!

— Этого не может быть! — сказал доктор, хоть и ошарашен-

ный, но не теряющий самообладания.— Человеческие существа просто не способны на такое!

— Заблуждаетесь! — воскликнул я, нервно расхаживая по комнате.— Может, человеческие существа и не способны на такое, зато звери, вроде Зеннора... Впрочем, виноват, Зеннор хуже любого зверя. Но я уверен, что все кончится благополучно. Ваши люди, наверное, уже взялись за дело. Правда, Стирнер?

— Нет. Если вы постигли основные идеи индивидуального мютюэлизма, то должны понимать, что каждый человек — это отдельная и цельная сущность, отвечающая только за себя. Что бы с ней ни делал Зеннор, к другим это отношения не имеет.

— Вот и Зеннор так считает.

— В таком случае, он ошибается.

Я взвыл и вырвал из чуба клок волос. Что за чертовщина?

— Посмотрим на это под другим углом. Если вы не спасете заложников, то их смерть будет на вашей совести.

— Зато, поддавшись на провокацию Зеннора, я тем самым покажу, что мои действия зависят от его воли, и тогда — конец индивидуальному мютюэлизму. Нет, мы выбираем пассивное сопротивление. Никто не сможет запугать нас или подчинить себе...

— Но сможет убить.

— Да,— мрачно кивнул он.— Если Зеннор будет стоять на своем, некоторые из нас погибнут. Но смерть — это тоже самозащита. Можно ли заставить человека работать, убив его?

— Я понял идею, но не скажу, что она мне по душе,— надо найти менее болезненный выход. Чего от вас требует Зеннор?

— Слишком многого,— ответил Мортон.— Сначала он хотел, чтобы мы возобновили снабжение электроэнергией здания, занятого военными. Потом ему понадобились регулярные поставки продовольствия. За это он обещал отпустить заложников.

— Это невыносимо,— вздохнул доктор Лум.— Ничего они не получат, поскольку ничего не хотят дать взамен за электроэнергию. То же касается и продовольствия. Рынки пусты, так как фермеры перестали возить в город продукты.

— Но чем же тогда питаются горожане? — удивился я.

— Сами ходят на фермы. Город опустел почти на треть.

— Как опустел? Куда девались жители?

— Куда пожелали,— он улыбнулся, глядя на мою изумленную физиономию.— Я вижу, вы совершенно не представляете, как действует наша экономика. Попробую объяснить это на простейшем примере. Возьмем фермера. Он производит сельскохозяйственную продукцию, обеспечивая себя всем необходимым.

— Так уж и всем? — усомнился я.— А если ему потребуются новые башмаки?

— Он пойдет к башмачнику и выменяет обувь на еду.

— Бартер! — воскликнул Мортон.— Самая примитивная экономическая система. Но для современного технологического общества она не приемлема.— Он запнулся, обводя взглядом комнату. Стирнер снова улыбнулся.

— Разумеется, неприемлема. Но индивидуальный мютюэлизм не сводится к бартеру. Индивидуум добровольно объединяется с другими индивидуумами для производства промышленных изделий, скажем, строительства домов. За каждый час работы он получает вирр.

— Что получает?

— Трудочас. За вирр он может получить определенные товары и услуги.

— Короче говоря, вирры — это деньги,— заключил Мортон.— А деньги — это капитализм. Значит, ваше общество — капиталистическое.

— Боюсь, что нет. Индивидуальный мютюэлизм — это не капитализм, не коммунизм, не социализм, не вегетарианизм и даже не жуткий монетаризм, погубивший множество технологических цивилизаций. Я знаком с этими терминами по трудам Марка Четвертого. Физически вирр не существует, в отличие от редких металлов или морских раковин. Его нельзя вложить в дело, и с него нельзя получить прибыль. В этом — главное отличие вирра от валюты. Поэтому у нас нет банков — в них нечего вкладывать.

В голове у меня все перепуталось.

— Минуточку, минуточку. Я видел на улице автомобили. На какие средства они приобретены?

— Денег не нужно,— мягко ответил Стирнер.— Если вам понадобится автомобиль, идите к тем, кто их производит. Пока будете пользоваться — будете платить, вернее, перестанете платить. Главный принцип индивидуального мютюэлизма: каждому — по потребности, от каждого — по способностям для общего блага.

— Нельзя ли пояснить? — Я налил себе вина и залпом осушил бокал, надеясь, что спиртное прочистит мозги.

— С удовольствием. Когда-то я читал — и дрожал от негодования! — о философии под названием «трудовая этика». Дескать, индивидуум обязан трудиться в поте лица, чтобы добывать элементарные средства к существованию. По мере совершенствования технологий все больше людей вытесняется из производства машинами. Удел безработных — быть брошенными на произвол судьбы, голодать и подвергаться гонениям, как преступники. Зато обладатели капитала, если они его будут увеличивать, как утверждала эта лицемерная доктрина, не обязаны трудиться. Достаточно, если они будут увеличивать капиталы и присматривать за нищими. Ужасно? Ужасно. Иное дело — мютюэлизм. Чем больше всего производится — тем богаче общество, тем выше стоимость вирра.

До меня начало доходить.

— Еще один вопрос. Если стоимость вирра растет, то за ту же зарплату индивидуум может работать меньше?

— Именно так.

— Значит, сорокачетырехчасовая рабочая неделя становится не нужна. Сколько часов индивидуум должен работать, чтобы не помереть с голоду?

— Два часа в неделю обеспечат ему скромный кров, еду и одежду.

— Я хочу здесь поселиться,— тихо сказал Мортон.

Я понимающе кивнул — и замер, чтобы не спугнуть заскочившую в голову идею. Цап! Я ухватил ее за хвост. Неплохо. Стоит попробовать. Но попозже, сначала надо позаботиться о заложниках.

— Скоро рассвет. Мне очень понравилась ваша лекция, Стирнер, большое спасибо. Теперь я знаю об индивидуальном мютюэлизме немного больше, чем прежде. Во всяком случае, достаточно, чтобы сформулировать вопрос: как вы поступаете в чрезвычайных обстоятельствах? В случае наводнения, например, или прорыва плотины? Иными словами — в случае катастрофы, угрожающей не индивидуум, а коллективу.

Доктор шагнул вперед и поднял указательный палец.

— Хороший вопрос! Великолепный вопрос! — Он взял с полки толстый том.— Ответ на него — здесь. Марк Четвертый учел эту ситуацию. Вот что он пишет: «...Пассивное сопротивление — ваше единственное оружие. Но ни в коем случае не насилие. Но пока вы создаете самое ненасильственное государство, индивидуумы, считающие насилие нормой, будут применять его по отношению к вам. Запомните: мертвые не принесут пользы обществу, исповедующему индивидуальный мютюэлизм. Пока не пришел день полного освобождения, вы должны сосуществовать с другими. Вы можете покинуть их, но они могут пойти за вами и навязать вам свое присутствие. В этом случае вы и вам подобные должны относиться к исходящему от них насилию, как к стихийному бедствию, например, извержению вулкана или урагану. Интеллигентный человек не станет обсуждать с раскаленной лавой вопросы этики, а отойдет подальше; не будет читать мораль ветру, а найдет укрытие от него».

Захлопнув книгу, доктор Лум снова торжественно поднял палец.

— Мы спасены! Марк Четвертый предвидел наше несчастье и оставил необходимые наставления.

— Действительно,— с энтузиазмом подхватил Стирнер.— Пойду, передам всем остальным.

Он выскочил за дверь. Я только рот раскрыл, проводив его взглядом. То, что вертелось у меня на языке, высказал Мортон:

— Что-то не пойму, к чему клонит этот ваш Марк Четвертый?

— Марк Четвертый — сама ясность,— назидательно ответил доктор Лум.— И мудрость! Не подчинившись Зеннору, мы обречем себя на смерть. Поэтому мы подчинимся — и уйдем.

— Теперь я ничего не понял,— сказал я.

— Мы пустим ток и откроем рынки. Захватчики получат продукты, а некоторые фермеры заработают полноценные вирры, ведь они будут спасать народ от стихийного бедствия. Зато другие не будут работать, и поставки продовольствия для нужд города прекратятся. По мере уменьшения запасов провизии ускорится

отток населения. Исчезнет нужда в электричестве, с электростанции уйдет обслуживающий персонал. Скоро в городе останутся только солдаты.

— Похоже, вы верите в то, о чем говорите. Видимо, я недооценивал вашу приверженность. Позвольте еще один вопрос. Теоретический.

— Теоретические вопросы — самые лучшие вопросы!

— Вы правы. Допустим, я прихожу в далекий город и прошу работу. Мне не откажут?

— Разумеется, нет! Это же основной принцип индивидуального мютюэлизма.

— А вдруг там просто не найдется работы?

— Такого быть не может. Вспомните, мы говорили о растущей покупательской способности вирра. Теоретически, чем она выше, тем меньше часов уходит на отрабатывание элементарных благ. Придет время, когда нескольких секунд в неделю будет достаточно...

— Спасибо, понял. Еще один-единственный вопросик. Если какой-нибудь солдат вдруг уйдет...

— Он имеет на это полное право!

— Да, но его начальство придерживается иного мнения. Но, допустим, он пришел в далекий город, нашел работу, встретил девушку и все такое... Это возможно?

— Возможно? Еще бы! На том и стоит индивидуальный мютюэлизм.

— Я так и думал, что ты так подумаешь! — Мортон вскочил и восторженно хлопнул меня по спине.

— Вычеркнем офицеров и унтер-карьеристов. Все остальные — кто? Мобилизованные. Многие из них уклонялись от призыва. Если дать им возможность разбрестись, Зеннор скоро останется без армии.

Тут распахнулась входная дверь, и я нырнул под стол. Но это вернулся ликующий Стирнер, а за ним — отпущенные заложники. Мортон бросился к Шарле и схватил ее за руку, а я не удержался от похвалы:

— Отличная работа, Стирнер.

— Я воспользовался телевизофоном, что стоит на той стороне улицы. Оплатил канал всеобщего оповещения и рассказал о нашем открытии. В тот же миг возобновились подача электроэнергии, а затем Зеннор получил первую партию продовольствия. Он выполнил обещание и отпустил заложников.

— Должно быть, он празднует победу. А знаете, что мы придумали в ваше отсутствие? Способ разгромить его в пух и прах. Даже в том случае, если не придет флот Лиги.

— Я воодушевлен, но не улавливаю суть.

— Все объясню, только давайте сначала выпьем за победу.

Эта идея пришлась по душе всем. Осушив бокалы, мы с Мортоном не без интереса выслушали песню о том, как индивидуальный мютюэлизм избавляет человечество «от ига угнетения». Сти-

хи были настолько же отвратительные, насколько хороша теория, хотя я и не мог не оценить героических усилий автора найти рифму к «индивидуальному мютюэлизму». Впрочем, времени я зря не терял, приводя в порядок мысли. Поэтому, когда песня закончилась и певцы потянулись за бокалами, чтобы промочить горло, я взял слово.

— Люди добрые, я считаю своим долгом рассказать вам о толпе головорезов в мундирах, захвативших вашу прекрасную планету. Такая толпа, да будет вам известно, называется армией. Армия произошла на заре развития человечества, когда физическая сила была средством выживания. Ген воинственности оказался стойким. Дикари, защищавшие свои семьи от врагов, передавали этот ген детям. Впоследствии он вызвал великое множество бед, и вы сами имеете шанс в этом убедиться. Истребив опасных животных, люди стали уничтожать друг друга. Должен со стыдом признаться, что мы, люди,— единственная форма жизни, уничтожающая себе подобных организованно и методично. Последнее достижение гена воинственности — армия. Наверху стоят старики, так называемые офицеры. Они практически ничего не делают, только командуют. На дне — солдаты, выполняющие приказы, между солдатами и офицерами — прослойка унтер-офицеров, отвечающих за выполнение приказов. Нам с вами особо интересен тот факт, что солдаты мобилизованы, и многие из них всячески пытались увильнуть от мобилизации.

Мне пришлось объяснить, что такое мобилизация. Когда улеглось возмущение, я предложил:

— Меня радует ваша реакция. Как вы считаете, среди вас найдутся желающие помогать несчастным молодым людям, не получая за это никаких вирров?

— Это наш долг,— ответил доктор, и остальные дружно кивнули.— Все равно, что спасти утопающего

— Вот и замечательно. Давайте разучим еще одно словечко...

— Можно, я угадаю? — спросил Мортон.

Я кивнул.

— Дезертирство?

— Правильно!

Вскоре энтузиазм угас. Стирнер предложил дать нам выспаться, а там продолжить собрание. Меня отвели в небольшую комнату, где над мягкой постелью висел портрет Марка Четвертого. Глотнув напоследок винца, я отключился. Вечером я собрал воедино рудименты своего плана и сказал команде:

— Сначала попробуем сами. Если получится, научим остальных. Сегодня же я пойду в одну из харчевен, или как они здесь называются... подсяду к какому-нибудь солдату и заведу с ним дружескую беседу. Вы, Стирнер, будете сидеть за свободным столиком или неподалеку от свободного столика. Я пересажу солдата поближе к вам, чтобы вы могли слышать наш разговор. Шарла тоже будет с вами — она сыграет роль вашей дочери.

— А мне что делать? — спросил Мортон. — Ты говорил, что на этот раз я понадоблюсь.

— А как же! Тебе поручается важная работа — записывать на пленку нашу беседу. Магнитофон не показывай, микрофон держи поближе к говорящим. Сможешь?

— Смогу!

Дождавшись темноты, мы вышли на улицу. Впереди шагали добровольцы из незнакомых нам горожан, проверяя, нет ли на пути застав или патрулей. Как только таковые обнаруживались, нам давали знать, и мы поспешно сворачивали. Прогулка оказалась довольно приятной, хотя нам и пришлось попетлять. Был ранний вечер, но, тем не менее, вывески над дверьми больших увеселительных заведений не горели. Стирнер вел нас в «Толстый фермер» — свою излюбленную харчевню. Там сидело несколько человек, но среди них — ни одного военного.

— Ты говорил, что солдатам даны увольнительные и что они наведываются сюда. Что-то я их не вижу.

— Видимо, они перестали сюда заходить, потому что их не обслуживают.

— А почему их не обслуживают?

— Потому, что они не платят.

— Похоже на правду. Но раз они захватчики, почему бы не потребовать, чтобы их обслужили?

— Стоит им потребовать, как все расходятся, а харчевня закрывается.

— Ясно. Ладно, все по местам. Пойду погляжу, нет ли кого на улице.

Стоя на тротуаре с незажженной сигарой в руке, я чувствовал себя едва ли не сутенером. К счастью, никто из прохожих не обращал на меня внимания. Вскоре в поле моего зрения попали две невоенные фигуры в военной форме. Руки в карманах, кепи под неуставным углом — стыд и позор! Они подошли к «Толстому фермеру» и с тоской уставились в окно. Я приблизился к ним с сигарой в руке.

— Ребята, огоньку не найдется?

Оба подпрыгнули, как ужаленные, и разом повернулись ко мне.

— Ты говоришь по-нашему? — воскликнул один из них.

— Да. Я горжусь своими лингвистическими способностями. Если помните, я спрашивал насчет огоньку.

— Я не курю.

— И правильно делаете, табак — яд. Но, может быть, у кого-нибудь из вас найдется зажигалка?

Солдаты отрицательно покачали головами, мрачно глядя на меня. Я поднял палец с таким видом, будто меня осенила спасительная идея.

— Вот что мы сделаем: зайдем в это милое заведение, и я попрошу у кого-нибудь прикурить. А потом мы с вами потолкуем за кружкой пива, и я попрактикуюсь в вашем языке. Не возражаете?

— Не выйдет. Как только мы закажем пива, харчевня закроется, и все разойдутся.

— Это потому, что у вас нет вирров, местных денег, нашего всеобщего эквивалента. Зато у меня вирров куры не клюют. Идем, я угощаю.

Солдаты живо исчезли за дверью. Когда я вошел, они уже приплясывали от нетерпения возле стойки.

— Три кружки пива,— заказал я, бросая пластмассовый виррдиск Стирнера в прорезь на поверхности стойки.— Большие.

Пока робот-бармен, сверкающий хромом и медью, с крышечками от бутылок вместо глаз, нес пиво, я получил обратно диск, служивший кредитной карточкой.

— Выпьем за армию, ребята! — торжественно сказал я, поднимая кружку.— Надеюсь, вы довольны карьерой, которую выбрали?

— Выбрали? Как бы не так — нас мобилизовали! Насильно затащили в армию. Мы прятались, ловчили, да все без толку,— заныли они, осушив кружки.— Что в ней хорошего, в армии? Муштра, издевательство, вонючие начальники... Такую профессию разве выбирают добровольно?

— Разумеется, нет! Но кормят-то вас, надеюсь, сносно?

Я с наслаждением выслушал вопли возмущения и проклятия в адрес самоприготовляющейся колбасы и заказал еще пива. Когда солдаты утопили носы в пене, я предложил:

— Я знаю, у вас только что был обед, но уж очень уютно смотрятся три свободных стула за столиком, где сидят пожилой джентльмен и милая птичка. Надеюсь, друзья, вы позволите угостить вас добрым бифштексом?

Ответом был частый топот сапог. Перед нами поставили тарелки, и мы мигом подчистили их, стараясь не чавкать,— с нами, как-никак, юная дама. Высосав по кружке пива, солдаты стали откровенно пялиться на Шарлу. Пора было переходить ко второму этапу.

— Но если в армии не очень хорошо кормят,— сказал я,— то это, должно быть, компенсируется заботливым отношением сержантов к нижним чинам?

Сочувственно кивая и внутренне ухмыляясь, я выслушал поток жалоб на командиров, уборные, кухню и прочие прелести, столь любезные сердцу служивого человека. Затем я мигнул Стирнеру и откинулся на спинку стула.

— Простите, молодые люди с далекой планеты, что я вмешиваюсь, но мы с моей дочерью Шарлой поневоле слышали ваши слова. Неужели возможно, чтобы человека против его желания заставляли служить в армии?

— Еще как возможно, папаша. Привет, Шарла. Ты когда-нибудь ходишь гулять с кем-нибудь, кроме отца?

— Да, и очень часто. Я просто обожаю красивых молодых людей. Таких, как вы.

Мы утонули в прозрачных озерах ее глаз и, побултыхавшись,

вынырнули, чуть живые от любви. Стирнер что-то говорил солдатам, но они не слышали. Мне пришлось поставить перед ними большие кружки пива, чтобы заслонить Шарлу от вытаращенных глаз моих приятелей.

— Я искренне сочувствую вам, молодые люди. На нашей планете такое просто невообразимо. Подобное насилие противоречит нашим законам, которые утверждают, что никаких законов быть не должно. Но почему вы позволяете, чтобы с вами так обращались?

— Нету выбора, папаша. Нас держат за колючей проволокой, с нас глаз не спускают днем и ночью; кто бежит, в того стреляют, а кого ловят — ставят к стенке. Да и бежать некуда и спрятаться негде.

Он тяжко вздохнул. По щеке его друга сбежала слеза.

— Н-да,— произнес Стирнер.— У нас такое невозможно. Тут нет колючей проволоки, и никто не стал бы за вами следить и уж тем более расстреливать. В нашей огромной стране любой готов помочь человеку, попавшему в беду.

Солдаты подались вперед, напрягая затуманенные пивом мозги. «Ч-черт...» — пробормотал один из них. Шарла ангельски улыбнулась.

— Я не понимаю этого слова, молодой человек, но чувствую, что оно выражает недоверие. Можете не сомневаться, мой отец говорит правду. Вот, смотрите. Это железнодорожные билеты до городка, где мы живем — маленького идиллического городка фермеров. Ехать туда на скоростном поезде один день. Видите, машина ошиблась и вместо двух билетов выдала четыре? Надо бы их вернуть, но, если хотите, можете взять их в качестве сувениров.

Два билета молниеносно исчезли.

— На перрон можно подняться по боковой лестнице, ее не охраняют,— невинно добавила Шарла.

— Надо спешить, а то не успеем к отходу поезда,— Стирнер встал и поднял с пола сверток.— У меня есть два сына, молодцы примерно вашего роста и сложения. Я везу им новую одежду.— Сделав шаг к выходу, он обернулся.— Если нужно, я могу одолжить вам эту одежду.

Солдаты ринулись за ним к двери. Шарла проводила их томным взглядом.

— Ты хорошо знаешь тот городишко? — спросил я.— Сможешь объяснить ребятам, как найти друзей?

— Ни разу там не была, нашла это место на карте. Не волнуйся, они получат помощь и убежище. Я провожу их и через два дня вернусь. А вот и они. Смотри, какие красавчики! Разве им не к лицу гражданская одежда?

«Уроды!» — ревниво подумал я, сожалея, что не могу поехать вместе с ними. Я подошел к столику, за которым, страдальчески глядя в спину уходящей Шарле, сидел Мортон. Мне пришлось дважды толкнуть его в спину, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не волнуйся, она вернется. Ты все записал?

— Каждое слово. Нельзя ли еще пивка? Я только одну кружку выпил — меня Шарла угостила перед тем, как ты вошел. Ты, я видел, еще и бифштекс зака...

— Какое еще пиво на посту, солдат?

К нам подошел Стирнер с корзиной в руке.

— Здесь их мундиры.

— Отлично. Нам они понадобятся для съемок. А теперь — в студию видеозаписи.

В здании, где находилась студия, нас уже ждали. Я протянул одному из техников кассету со звукозаписью.

— Нужно несколько сот копий.

— Сделаем за час,— кассету выдернули из моей руки. Я повернулся к переполненным энтузиазмом работникам студии.

— Директор?

Вперед вышел статный рыжеволосый человек.

— К вашим услугам. Юпитеры, колонки, камеры — все готово.

— Замечательно. Как только мой помощник наденет мундир, начинайте съемку. Где здесь можно переодеться?

Вытащив мундир из корзины, Мортон держал его двумя пальцами, как дохлую крысу.

— Даже смотреть на него противно,— сказал он.— Как представлю на себе эту гадость...

— Мортон, заткнись,— перебил я,— ты теперь актер, будешь сниматься в роли солдата. Потом снимешь форму уже навсегда. Можешь сжечь ее, если хочешь.

Он неохотно сел и сунул ноги в штанины. Что-то выпало из кармана и звякнуло об пол. Личный номер рядового Пайка 0765. Пока я подбрасывал диск на ладони, в мозгу зашевелилась мысль... Но меня отвлек вопль отчаяния:

— Не надо! Когда у тебя вот так блестят глаза, это означает, что нам предстоит лезть тигру в пасть. Чур, на этот раз — без меня!

Я похлопал его по плечу, поправил галстук.

— Успокойся. Ты прав, у меня родилась отличная идея. Но ты на сей раз не понадобишься. Пошли сниматься, а потом я расскажу, что придумал.

Я поставил Мортона на фоне стены. Он выглядел так, будто ждал расстрела, но искать более подходящую декорацию не было времени.

— Снимайте его в полный рост,— сказал я директору.— Дайте мне микрофон. Когда будете готовы, скажите.

Мортон заморгал, приколотый к стене лучами. Мне в ладонь сунули микрофон.

— Тишина. Звук. Камера. Съемка!

— Приветствую вас, леди и джентльмены Чоджеки. Перед вами — типичный солдат армии захватчиков с инопланетного острова Невенкебла. Вместе с видеокассетой вы получите аудио-

кассету с интервью, взятым нами у других солдат. Вы не раз содрогнетесь от ужаса, слушая их жалобы на подневольную службу, а потом — я обещаю! — не удержите слез облегчения, когда они решат сбросить мундиры и удалиться под сень деревьев и сияющее солнце индивидуального мютюэлизма.

Я шпарил, как по-писаному — даже Стирнер захлопал в ладоши, не говоря уже о техниках. Мортон сцепил руки над головой и поклонился.

— Тихо! — выкрикнул я, и мигом наступила тишина. Я вышел перед камерой и показал на Мортона: — Вот таким солдатам надо давать пристанище, леди и джентльмены. Но при этом не забывайте убедиться, что на рукавах у них нет знаков различия. Людей с шевронами необходимо остерегаться, ибо они — порабощенные дьяволы во плоти! Также не разговаривайте с людьми, носящими на плечах металлические украшения. Эти люди — так называемые офицеры, они очень глупы и потому опасны. Надо обходить их стороной, как и индивидуумов в красных кепи и с буквами В и П на рукаве. Теперь вы знаете, кого надо опасаться, а к кому можно подходить смело. Увидев бедолагу в форме рядового, улыбнитесь ему и шепните: «Ты любишь свежий воздух?» Если он улыбнется и ответит утвердительно, значит, он наш. Действуйте, и да поможет вам Марк Четвертый!

— Готово,— сказал оператор.

Едва погасли юпитеры, Мортон стащил с себя форму.

— А что за мура насчет свежего воздуха? — спросил он у меня.

— Никакая не мура, дружище,— ответил я, вытаскивая из кармана его куртки увольнительную.— Я собираюсь оповестить солдат, что завтра, выйдя за ворота, они могут не возвращаться.

— Так и знал, что ты затеваешь самоубийство,— пробормотал Мортон.— Ведь для того, чтобы оповестить солдат, надо проникнуть в лагерь.

— Совершенно верно,— кивнул я.

— Это самоубийство,— с дрожью в голосе произнес Мортон.

— Напротив, очень разумный ход. Этой свинье Зеннору и в голову не придет искать меня среди солдат. У меня есть увольнительная на сегодня. Я приду в лагерь пораньше, под тем предлогом, что в городе солдату делать нечего. Побываю в уборной, в пивной для нижних чинов — везде, где собираются рядовые,— и потолкую с ребятами. И еще кое-что сделаю, о чем тебе пока знать ни к чему. Ты за меня не волнуйся.

«Я сам за себя волнуюсь»,— мысленно добавил я. В армии меня ждала масса ловушек, и все они были смертельно опасны.

— Но как ты оттуда выберешься? — казалось, голос Мортона доносился издали, с трудом пробиваясь через черную завесу моих дурных предчувствий.

— Ну, это меня меньше всего беспокоит,— честно ответил я и повернулся к Стирнеру, который спокойно слушал наш разговор.— Помните, что делать с кассетами?

— Мы в точности выполним ваши инструкции. Добровольцы

ждут не дождутся, когда им дадут кассеты, чтобы раздать их другим добровольцам, а те тоже сделают все, что от них требуется.

— Прекрасно. Но с раздачей кассет надо потерпеть хотя бы до завтрашнего вечера. Нужно, чтобы побольше солдат узнало пароль. Если офицеры сразу заметят неладное, это существенно затруднит нашу работу. Они возьмут под наблюдение или вовсе перекроют железную дорогу. Поэтому надо заранее подготовить другие пути. В общем, позаботьтесь обо всем, пока меня не будет. Назначаю вас ответственным за дезертирство.

— Когда вы рассчитываете вернуться?

— Как получится. Постараюсь не задерживаться.

Больше говорить было не о чем. Нахлобучив на голову кепи, я повернулся к выходу.

— Удачи,— сказал Мортон мне вслед.

— Спасибо.— Да, удача мне не помешает.

Шагая по пустым улочкам, я испытывал острую тоску. А утолить ее было нечем, поскольку вирр-диск я вернул Стирнеру, а деньги на этой планете ничего не стоили. Оставалось брести мимо вывесок, сулящих недоступные для меня удовольствия, и прижиматься носом то к одному, то к другому окну, как делали другие неприкаянные в мундирах. У многих не выдерживали нервы, и, хотя вечер только наступал, они тащились в городской парк, где был разбит лагерь. Я побрел за ними вслед и вскоре оказался под яркими фонарями возле колючей проволоки, окружающей зеленый парк. Раньше он был излюбленным местом отдыха горожан, а теперь на вытоптанной траве стояли серые армейские палатки. Солдат удобствами не баловали, но офицеры жили в сравнительно комфортабельных сборных бараках. Чтобы приблизиться к воротам, где полицейские проверяли увольнительные у понурых рядовых, мне пришлось собрать в кулак всю свою волю. И хотя рассудок убеждал меня, что никто не ждет в лагере чужого, все животные инстинкты верещали от ужаса. Разумеется, все прошло без сучка и задоринки. Крошечные глазки полицейского вытаращились из-под кустистых бровей на увольнительную, а затем волосатая лапа махнула: проходи, мол. Направляясь к палаткам, я позвенел в карманах мелочью, забытой на радостях прежним владельцем мундира. Этих монеток как раз должно было хватить на кружку разбавленного пива в солдатской пивной. Как говорится, лучше что-то, чем ничего.

Найти пивную было проще простого — из нее доносилась музыка, напоминающая работу камнедробилки. Вскоре я вошел в провисшую палатку, тускло освещенную лампочками, предназначенными, видимо, только для того, чтобы приманивать летающих насекомых. За грязными деревянными столами на скамьях, сколоченных из неструганых досок, сидели рядовые и потягивали дрянное теплое пиво. Я взял кружку и приблизился к одной из компаний.

— Для меня найдется местечко?

— Найдется. В заднице.
— Большое спасибо. Ты всех посылаешь в задницу?
— Какую задницу?
— Совсем как горожане.

Эта реплика вызвала интерес. Здоровяк, с которым я беседовал, сфокусировал на мне мутные глаза. Остальные тоже обернулись и навострили уши.

— Ты что, из увольнения? А нас завтра отпустят. Ну как там, расскажи.

— Паршиво там. В пивнушках не обслуживают. А хватаешь кружку — закрывают заведение и расходятся по домам.

— Это мы уже слышали. Но тут ничего не поделаешь.

— Ну, почему же? Можно снять форму, уехать куда-нибудь подальше, ну и жить там в свое удовольствие. Вкусно есть, сладко пить, целовать девушек.

Теперь на меня смотрели по-другому. Глазищи — что пушечные жерла; казалось, вот-вот грянет залп. Над столом повисла мертвая тишина.

— Что ты сказал? — наконец шепотом спросил здоровяк.

— Что слышал. Идешь в ресторан, садишься за столик, никого не задираешь. Если тебя спрашивают: «Вы любите свежий воздух?» — отвечаешь: «Да, люблю». И все. Тебе дадут штатскую одежду и билет на поезд. Садишься в вагон и — ту-ту, на другой конец страны. Туда, где тебя вовек не найдут.

— А не заливаешь?

— А зачем? Да вы и сами можете убедиться. Кто мешает? Что бы с вами ни случилось, хуже, чем в армии, не будет.

Этот железный довод подействовал не только на здоровяка.

— А ты-то почему вернулся?

— Хороший вопрос,— я сунул ему под нос увольнительную.— Видишь, действительно до полуночи. Я вернулся за письмами от мамочки. Ну, до встречи в раю, если захочешь туда попасть.

Я вышел из пивной и направился в сортир, где играла в орлянку другая компания. Поймав подброшенную кем-то монету, я воспользовался этим поводом, чтобы завести беседу, уронил семена на благодатную почву и удалился, не сомневаясь, что «сортирный телеграф» не подведет. Зная эту публику, я был уверен, что завтра никто не вернется из увольнения. Любопытно, как это воспримет генерал Зеннор? Прежде всего, решил я, надо вырасти в чине. Прозябать в рядовых — нет уж, увольте. Я уже побывал офицером и ни на что другое не согласен! С этими мыслями я направился прямо в гнездышко этих распрекрасных птичек — офицерский клуб. Найти его было не труднее, чем пивную, благодаря пьяным, которые тащились в противоположном направлении. Армия есть армия: чем выше твой ранг, тем крепче твоя выпивка. Миновав двух майоров, цепляющихся друг за друга, полковника, блюющего на живую изгородь, и неподвижно лежащего в канаве капитана, я увидел впереди клуб. И спрятался в кустах, чтобы понаблюдать за входом. Из клуба то и дело выходили подгу-

лявшие офицеры. У меня сложилось впечатление, что командный состав армии завоевателей пьян поголовно. Я сидел в кустах, поджидая, когда появится настоящая жертва. Наконец она появилась и, шатаясь, побрела ко мне. Она, моя жертва, противно орала, ошибочно полагая, что поет. Вскоре она остановилась под фонарем неподалеку от меня, и я смог разглядеть ее как следует.

Капитан. Рост, телосложение — почти как у меня. На груди — уйма фальшивых медалей и прочих побрякушек. Как раз то, что нужно. Сейчас подойду сзади, возьму за шею, нажму пальцем куда надо и оттащу бесчувственное тело в кусты. Плевое дело. Капитан умолк и пошел дальше. Я крался за ним, как призрак. Наконец подскочил, привычно схватил за шею, нажал на сонную артерию... и, перелетев через голову, с треском рухнул на живую изгородь.

— Что? Бунтовать? — прорычал капитан, заметно протрезвев и приближаясь ко мне на полусогнутых ногах.

Я с трудом поднялся, сделал обманный выпад левой рукой и рубанул сверху правой. Он подставил бок и попытался пнуть меня ногой в живот.

— Захотел убить офицера? Понимаю и не упрекаю. А мне всегда хотелось прикончить рядового. Вот и случай подвернулся.

Он наступал, а я пятился. «Медальки-то, оказывается, настоящие! — мелькнула мысль.— Подумать только, в армии Зеннора есть настоящие офицеры!»

— Смерть офицерам! — заорал я и выбросил ногу, целясь ему в челюсть. Попасть — не попал, зато по инерции развернулся. Воспользовавшись этим, я бросился бежать. Осторожность, как говорится, не порок. Смелость города берет, но города мне были ни к чему. Мне хотелось жить.

Рыбкой перемахнув через изгородь, я вскочил на ноги и услышал, как капитан с ревом ломится сквозь кусты. Впереди стояли палатки, к ним я и направился. Перепрыгнул через растяжку, проскочил под другой. Топот позади стих, зато раздался громкий вопль и звук падения — капитан споткнулся о растяжку. Отлично, я выиграл несколько ярдов. Стрелой промчавшись между палатками, я выбежал на дорогу и понесся к зданию, откуда доносились музыка и звон бьющегося стекла, и вскоре оказался на заднем дворе. Пора перейти на шаг. Капитана, вроде, не видать.

— Эй вы, задницы ленивые! Хватит сачковать. Хватайте пиво и бегом в зал!

Стоявший в дверях толстый повар пялился во тьму. Приглядевшись, я увидел у стены несколько темных фигур. Кухонные рабы зашевелились и медленно, как на казнь, поплелись к штабелю ящиков с пивом. Чтобы уподобиться этим несчастным, достаточно было снять форменную куртку. Скомкав ее и затолкав в щель между ящиками, я схватил один из них и понес к дверям. Работа в кухонном наряде — самая унизительная в армии. Настолько унизительная, что ею запрещено наказывать провинившихся. Поэтому ею охотно наказывают. Это каторжный труд от зари до

зари — мыть грязные миски и кружки. На такую работу добровольцев не находится. Здесь меня никто не будет искать. С ящиком в руках я приблизился к повару в грязно-белой куртке с сержантскими нашивками на рукаве. Он осклабился и ткнул в меня огромным черпаком.

— Откуда ты взялся?

— Это ошибка! — захныкал я. — Не знаю, за что на меня сержант взъелся. Отпустите меня, пожалуйста!

— Что?! — зарычал повар. — Я тебя так отпущу, что навсегда здесь останешься! Сдохнешь тут и будешь зарыт под полом. А ну, живо котелки мыть!

Подгоняемый ударами черпака, я поспешил к «котелку». Он оказался высотой с меня и далеко не один. Я трудился в поте лица, пока не решил, что капитан, на которого я напал, наверняка успокоился и отправился спать. Когда я разгибал спину, в пояснице громко хрустнуло. Шея болела, пальцы стали похожи на дохлых слизней. Меня разбирала злость. Нет, такая работа — не для Крысы из нержавеющей стали. Тут я быстро заржавею... Повар-холерик больно треснул меня черпаком по плечу и прорычал в ухо:

— Шевелись, ленивая задница! Не сачковать!

Что-то во мне щелкнуло, и глаза заволокло мутной пеленой. С каждым из нас такое случается. Оболочка цивилизованности тонка, из нее норовит вырваться дикий зверь. Мой зверь вырвался. Придя в себя, я обнаружил, что держу повара за шею, окуная его голову в мыльную воду. Изумленный, я разжал пальцы, позволив толстяку растянуться возле котла. Он хрипел, пуская пузыри носом и ртом.

— Очухается, — сказал я обступившим меня солдатам. — Кто-нибудь из поваров это видел?

— Нет. Они в кладовке, пьяные...

— Отлично, — я сорвал со стены и смял список кухонного наряда. — Вы свободны. Расходитесь по палаткам и помалкивайте о том, что видели. Повар, к сожалению, будет жить.

Они торопливо разошлись. Я тоже вышел в каморку, где повара хранили одежду. Там нашлась белая куртка с сержантскими нашивками на рукаве. Как раз то, что мне нужно. Напялив ее, я направился в зал. Вечеринка была в самом разгаре. Гремела музыка, орали офицеры, звенело стекло. Фигуры в мундирах с погонами одна за другой исчезали под столами. Пробираясь в этом пьяном аду, я то и дело наступал на бесчувственные тела. Особо я не осторожничал, памятуя о встрече с боевым капитаном, который со мной не церемонился. Один из них, о кого я споткнулся, привлек мое внимание. Опустившись на колени рядом со сладко посапывающим майором, я вытянул руку вдоль его руки. Длина рукава подходящая. В плечах китель тоже не должен жать...

— В чем дело? — раздался голос сверху, и я понял, что мои действия не остались незамеченными.

— Майору скоро на дежурство. Мне приказано его поднять. Вставайте, майор. Ну, быстренько.

Я с трудом поднял его на ноги. Его друзья, как могли, помогали. У двери я схватил его под руки и выволок в коридор. Затащив майора в кладовку, до потолка заставленную ящиками с крепкими напитками, я запер дверь. Форма подошла мне идеально, даже фуражка сидела на голове, как влитая. Я почувствовал себя новым человеком. Офицером. Глядя в зеленое бутылочное стекло, я завязал галстук. Мне предстояло спасти мир. Не в первый раз и, похоже, не в последний...

Оглянувшись на бутылки, я потянулся за одной из них и шлепнул себя по запястью.

— Нет, Джимми! Не надо! Сегодня ты уже хлебнул пивка, этого достаточно. Тебе понадобится сравнительно трезвая голова, чтобы выполнить задуманное.

А что я задумал? Сущий пустяк: проникнуть на какой-нибудь корабль, найти радиорубку и узнать координаты Чоджеки. Легко сказать, но не так легко сделать... Хорошо, что первая задача — найти корабли — была уже выполнена. Еще засветло я увидел три звездолета, залитые светом прожекторов. Веселье в клубе шло на спад, и я решил, что самое время прогуляться к стоянке кораблей. Стоя среди шатающихся офицеров, я стряхнул пыль с петлицы, поправил медали на груди. Целая коллекция! Перевернув самую большую и блестящую медаль, я прочел надпись: «Шесть недель без венерических болезней в боевой обстановке». Чудненько. Надо полагать, остальные награды — за столь же славные подвиги. Пора идти. Бар оградили решеткой, солдаты укладывали на носилки тех, кто не мог идти. Остальные потихоньку брели к выходу, только два седых полковника, упершись лбами, безуспешно пытались разойтись посреди зала. Я дал повиснуть на себе двум или трем офицерам.

— Нам по пути, джентльмены! Я вам помогу.

— Друг... ты... настоящий друг...— выдохнул мне в лицо один из них, и содержание спиртного у меня в крови резко подскочило.

Мы вышли из клуба, пробрались между машинами, куда загружали алкоголиков с погонами офицеров, и побрели по дороге. Я не знал, где находятся ДОСы, но меня это и не интересовало. Как и моих спутников, полностью сосредоточившихся на переставлении ног. Перед нами из-за угла появилось отделение военных полицейских. Увидев блеск серебряных звезд на погонах, они сочли разумным раствориться во тьме.

Мои попутчики становились все тяжелее и все медленнее брели по проходу между палатками к ярко освещенному длинному зданию — видимо, одному из павильонов, реквизированных у горожан со всем имуществом парка. У входа в здание стояли двое часовых; камни вдоль дорожки были выкрашены в белый цвет, а над дверью красовалась надпись: «ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ЗЕННОРА». Пожалуй, мне не сюда. Я обронил свою ношу на траву возле плаката: «Стой! Часовой стреляет

без предупреждения!» и пошел прочь, слыша за спиной храп. Но вскоре наткнулся на патрульных.

— Эй, молодцы! — крикнул я.— Вызовите дежурного по гарнизону. Видите вон там офицеров? Они больны, наверное, им отравили пищу.

Я метнул на патрульных свой самый тяжелый взгляд. На их лицах не дрогнул ни один мускул.

— Есть, сэр! — сказал сержант.

Они повернулись и пошли прочь. Я последовал их примеру и вскоре добрался до выжженной спортплощадки, где стояли три космических корабля, ощетинившиеся пушками,— видимо, чтобы произвести впечатление на туземцев. Или чтобы успешно отразить атаку врага, которой генералы не дождутся. Наверное, они ужасно огорчились, генералы, поняв, что туземцы не дадут повода уничтожить себя с помощью этих блестящих игрушек. Генералы затеяли войну, а на нее никто не пришел. Как им не посочувствовать? Я шел медленно и часто спотыкался, чтобы во мне издали узнавали офицера. Вот и трап, и над ним — открытый люк. Я — офицер, возвращающийся на свой корабль. И вернусь, если никто меня не задержит, например, часовой, стоящий на нижней ступеньке трапа.

— Стой! Вы куда, сэр?

— В задницу...— пробормотал я и попытался его оттеснить. Рядовой, что с ним церемониться.

— Майор, сэр, ваше величество... Не могу я вас так пропустить, покажите, пожалуйста, пропуск.

— В заднице пропуск... Какой еще пропуск, если это мой корабль?

Мимо него, по ступенькам. Шаг за шагом к открытому люку. Навстречу коренастому старшему сержанту, вежливо загородившему проход.

— Это не ваш корабль, сэр. Я знаю всех офицеров экипажа. Вы с другого корабля.

Я открыл рот, чтобы возразить, осадить, наорать. Но прикусил язык, разглядев синие, словно отлитые из пушечного металла, челюсти, горящие глаза и кустистые брови. Даже волосы, торчащие из сломанного сержантского носа, казались стальными.

— Не мой?

— Не ваш.

— Ну, конечно, не мой...— я повернулся и, шатаясь, спустился на траву. Назад, Джим, назад. Надо найти укромное местечко и придумать что-нибудь поумнее.

Прячась в тени высокого дерева, я смотрел на корабли и ломал голову, как бы проникнуть на один из них. Час был поздний, пьяниц не видать, лагерь затих. Только патрули полицейских бродят среди палаток. Придется дождаться утра, возможно, днем часовые менее бдительны. А сейчас надо вздремнуть,— подумал я, зевнув так, что заболела грудь. Внезапно со стороны штаба послышались громкие голоса. Вскоре на дороге появилась группа

быстро идущих офицеров. Среди них я узнал отвратительную фигуру Зеннора и отступил в тень. Надо держаться от него подальше. Или не надо? Подавив желание удрать из лагеря и продолжить существование, я стоял возле дерева и лихорадочно соображал. Офицеры пересекли стадион и приблизились к кораблю, на который меня не пустили. Наконец в мозгу окончательно сформировалась спасительная идея, и я покрылся потом при мысли, что сумею ее осуществить. Огромным усилием воли я заставил себя покинуть укрытие и побежал к кораблю. Если Зеннор или кто-нибудь из его свиты оглянется — я пропал! Но офицеры — это создания, предназначенные для движения вперед и преодоления препятствий, встречающихся на пути. Они решительно шли вперед, а я бежал за ними. Со стороны могло показаться, что один офицер отстал от своих товарищей и догоняет их. Неподалеку от трапа я перешел на шаг и, как только офицеры исчезли в люке, приблизился к часовому...

— Где генерал? Срочная депеша для генерала! Срочная!

Прихрамывая (старая рана, память о геройском прошлом), я пошел вверх по ступенькам. В воздушном шлюзе стоял второй часовой.

— Где генерал?

— В каюте капитана, сэр,— ответил часовой.

— Кажется, на кораблях этого класса каюта капитана возле радиорубки?

— Так точно, майор. Каюта номер девять.

Я быстро прошел через шлюз и, уже медленнее, двинулся по коридору. Никто не встретился мне на пути, хотя сверху доносились голоса. Я поднялся на вторую палубу, дошел до конца коридора, там остановился и медленно досчитал до двухсот.

— Ты смел, Джим, но глуп,— пробормотал я и кивнул, соглашаясь с собой.— Вперед!

К каюте номер девять я приближался на цыпочках. Из-за двери слышались голоса. Рядом с ней была другая дверь с табличкой «Радиорубка». Ну, Джим, сейчас или никогда. Осмотрись. Никого не видать? Отлично. Сделай глубокий вдох. Что это за гулкая барабанная дробь? А, это твое сердце. Пора бы привыкнуть — оно всегда так бьется, когда тебе страшно. Не обращай внимания. Подойди к двери, возьмись за ручку... Да, но где эта ручка? Снята. Дверь заварена наглухо и опечатана. Пока я констатировал этот факт и раздумывал, что он означает, над ухом прозвучал голос:

— Что вы здесь делаете?

Сердце, метавшееся в груди, окончательно сорвалось с якоря и прыгнуло в горло. Я проглотил его, обернулся, сделав жуткую гримасу, посмотрел на человека в форме. На его погоны. И процедил сквозь зубы:

— Вас я о том же хочу спросить, лейтенант. Что вы здесь делаете?

— Я на своем корабле, майор.

— И это дает вам основания хамить старшему по званию?

— Виноват, сэр, я не видел ваших знаков различия. Но вы подошли к радиорубке, а нам приказано...

— Знаю, что вам приказано. Никого не подпускать к опечатанной радиорубке.

— Правильно.

Я приблизил лицо к его лицу и, скалясь, смотрел, как он бледнеет. Трудно одновременно скалиться и цедить слова сквозь зубы, но у меня получалось.

— В таком случае, могу вас обрадовать: мне поручено выяснить, как выполняется приказ. Где генерал Зеннор?

— Там, майор.

Я повернулся и двинулся в указанном направлении. В том, куда мне меньше всего хотелось идти. Но что еще оставалось делать? Если сразу пойти к выходу, лейтенант заподозрит неладное и, не дай Бог, поднимет тревогу. А если я пойду к генералу, он успокоится. Решительно отворив дверь капитанской каюты, я шагнул внутрь. Офицеры совещались у карты, висящей на противоположной стене. Зеннор стоял спиной ко мне. Я повернулся направо и увидел книжные полки. Не медля, подлетел к ним, провел пальцем по корешкам книг. Прочитать их названия я не мог, так как глаза заливало потом. Пришлось вытащить книгу наугад. Я направился к выходу, скосив глаза на офицеров. Никто не обратил на меня внимания. Я замедлил шаг, напрягая слух, но ничего не разобрал, кроме «задницы» — словечка, без которого в армии Зеннора не обходится ни одна беседа. Когда я вышел в коридор, лейтенант уже скрылся за поворотом. Я потихоньку двинулся к выходу, ожидая, что вот-вот включится сирена тревоги. Спустился на нижнюю палубу, миновал шлюз и сошел по трапу в гостеприимную тьму. Услышав мои шаги, часовой резко обернулся, и мое сердце опять подпрыгнуло. Кинув руку к козырьку, я пошел прочь от застывшего с оружием в руках часового, ожидая выстрела в спину. Но он не выстрелил. Я пересек поле и углубился в тени деревьев. Потом остановился и прислонился к одному из стволов. И вздохнул так, как никогда прежде не вздыхал. Подняв руки, чтобы вытереть пот со лба, я обнаружил, что все еще держу книгу. Книгу? Какую книгу? А, ту самую, которую украл из каюты капитана часов эдак четыреста двадцать назад. Повернув ее обложкой к далекому фонарю, я разобрал: «Ветеринарная практика в частях робокавалерии».

Книга выпала из ослабевших пальцев, и я медленно сполз на землю.

Я отдыхал в темноте, стараясь думать не о ветеринарной практике в частях робокавалерии, а о том, почему дверь в радиорубку оказалась опечатанной. Может быть, это сделали для того, чтобы не пустить туда меня? Как бы высоко я себя ни ценил, эта версия выглядела сомнительной. Едва ли Зеннор и прочие дрожат от страха, вспоминая Джима ди Гриза. Достаточно вспомнить капитана, которого я совсем недавно пытался раздеть. Нет, Зеннор опечатал радиорубку по другой причине. По какой? Попробуем

рассуждать логически. На корабле, где я побывал, рубка заперта наглухо, значит, и на других кораблях то же самое. Какой смысл запирать только одну рубку? Никакого. Но зачем вообще это делать? Разумеется, чтобы не было радиосвязи. Между кем и кем? Между командованием армии и частями? Чепуха, ни одна современная армия без радиосвязи не обходится. Между кораблями? Но ведь флот уже на Чоджеки. Остается только межпланетная связь. Ну, конечно! Помнится, флот стартовал тайно и в дикой спешке. Зеннор понимал, что за ним следит Лига, понимал, что его смогут остановить только в том случае, если будут знать, куда он направляется. Так что полет на Чоджеки — это, образно говоря, шар, запущенный через Галактику. Рискованная игра. Впрочем, не очень рискованная, поскольку генералы имеют дело с безоружным противником. Зеннор знал, что у флота Лиги есть шпионы — вспомним рыскавшие по острову пеленгаторы. Он убежден, что я — шпион Лиги, и допускает, что в его армии могут быть и другие агенты. Поэтому он решил соблюдать радиомолчание до тех пор, пока не добьется своего, пока не наступит время, когда Лига уже ничем не сможет ему помешать... Неплохо для Зеннора... и очень плохо для меня. Я отправил просьбу о помощи, и сейчас она еле-еле плетется в межзвездном пространстве со скоростью света. Лучше забыть об этом, а также расстаться с мечтами о сверхскоростной связи. Надо смотреть на вещи трезво. Возможно, мне до конца дней своих суждено жить на этой планете. Поэтому надо позаботиться, чтобы Зеннор и его головорезы не дышали мне в затылок. Придется отобрать у Зеннора армию. Когда все солдаты разбегутся по планете, можно будет сделать следующий шаг. Какой — я пока не придумал, но придумаю обязательно. Может быть, открою свободную продажу спиртных напитков офицерам и сержантам. Судя по тому, что я сегодня видел, они за год сопьются и вымрут от цирроза. Я зевнул и обнаружил, что почти заснул.

— Не смей спать! — прикрикнул я на себя, вскакивая на ноги.— Если ты заснешь, то запросто можешь проснуться на том свете. За работу! Надо срочно уносить отсюда ноги, поскольку больше тебе здесь делать нечего. Назад, к теплу, свету и обществу дам, прочь от этих противных холостяков, которые сквернословят, пьянствуют и играют в азартные игры.

И все-таки я здорово вымотался. Чем идти пешком, лучше найти какое-нибудь транспортное средство. Может, возле офицерских домов найдется что-нибудь подходящее? Ведь офицеры редко ходят пешком. Действительно, возле ДОСа стояли мотоциклы и штабные автомобили. А чуть дальше высилась тень командирской машины. Знакомая штучка. Я забрался на сиденье. Ясно, почему вокруг нет часовых — из замков вынуты ключи зажигания. Я улыбнулся. Если напрямую соединить провода, мотор заработает не хуже, чем от поворота ключа. Вскоре я с удовлетворением услышал шум двигателя. Ну, а теперь смело включаем фары, полный вперед! А куда «вперед»? Естественно, не в ворота. Днем

через них можно проскочить с колонной, но сейчас они наверняка на запоре, и от меня потребуют пропуск. Можно, конечно, соврать что-нибудь насчет ночных маневров, но вдруг не поверят? Я медленно проехал вдоль ворот и двинулся дальше мимо колючей проволоки. Выбрав участок изгороди, где поблизости не было патрулей, я остановил машину, вылез и подошел к «колючке». Десятифутовая проволочная изгородь. Если наехать на нее, то наверняка сработает сигнализация, но я не заметил уходящих куда-нибудь проводков или взрыхленной земли, что указывало бы на мины. Неважно, если поднимется тревога. Пока сюда доберутся эти увальни-полицейские, я буду далеко. Я завел машину, поставил на самую малую скорость и нажал на газ. Проволока с треском лопнула. Засверкали искры — так и знал, что она под током, хорошо, что командирская машина надежно защищена. А теперь — полный ход,— по безлюдным улицам вылетаем на площадь, огибаем огромную статую Марка Четвертого и выруливаем на широкий проспект, по которому мы с Мортоном шли, когда сбежали от Зеннора. Впереди — река и мосты, а на той стороне — жилые кварталы. Машина прогромыхала по мосту. Никто за мной не гнался. Вот и замечательно. Я проехал вдоль набережной, сбросил скорость, направил машину под углом к реке и выпрыгнул. Разбив в щепки скамейку — жаль, конечно,— машина красиво спикировала в воду. Плеск, бульканье — и тишина. Глубина в этом месте была порядочная. Вдали выла сирена. Я шустро пересек парк и вышел на улицу. Я устал, но надо было подальше отойти от реки,— на берегу остались следы гусениц, днем их будет хорошо видно. Я брел наугад, часто сворачивая, и вскоре заблудился.

— Хорошего понемножку, Джим,— пробормотал я, приваливаясь к стене и чувствуя, что вот-вот упаду в обморок. Собравшись с силами, я отворил ворота, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Пришлось постучать два раза, прежде чем за дверью послышался шорох и в окнах вспыхнул свет.

— Кто там? — послышался мужской голос, и дверь отворилась настежь. Прожив на Чоджеки несколько дней и слегка привыкнув к обычаям туземцев, я все же сомневался, что так следует встречать незваных ночных гостей.

— Джим ди Гриз, усталый инопланетник.

Из дверного проема высунулась седая борода дряхлого старикашки. Он моргал, глядя на меня.

— Неужели! О, какое счастье для старого Кзолгосца! Входи же скорей, славный инопланетник, мой дом — твой дом. Чем я могу помочь тебе?

— Спасибо, спасибо. Для начала погасите свет, а то вдруг патруль заметит. А потом дайте мне поспать, я с ног валюсь от усталости.

— Все, что пожелаете! — Он погасил свет.— Идите сюда, в комнату моей дочери, она уже замужем и живет на ферме. Сорок

гусей и семнадцать коров. Сейчас зашторим окна, и можно будет включить свет...

Старый Кзолгосц был исключительно гостеприимным, хотя и очень болтливым. В комнате на кровати лежало штук двадцать кукол.

— Умойся, друг мой Джим, а я пока приготовлю чудесный горячий напиток.

— Я бы предпочел, чтобы в нем присутствовал алкоголь, друг мой Кзолгосц.

— Ну, о чем разговор!

Когда я снимал с себя последнюю военную шмотку, он вернулся с высокой фиолетовой бутылью, двумя стаканами и пижамой с огромными блестящими красными пуговицами. Оставалось надеяться, что они не будут светиться в темноте.

— Домашнее вино из ягод Гингль,— сказал он, наполняя стаканы. Мы чокнулись, выпили и вытерли губы. Я вздохнул от переполнявшего меня блаженства с примесью ностальгии.

— Знаете, я не пил домашнего вина с тех пор, как покинул ферму. А тогда любил опрокинуть бутылочку в хлеву свинобразов. Бывало, наклюкаешься и поешь им что-нибудь...

— Как это мило! Ну, а теперь я оставлю тебя, друг мой Джим, пожелав спокойной ночи.

Идеальный хозяин дома, он исчез прежде чем я успел его поблагодарить. Я поднял стакан, глядя на портрет Марка Четвертого, осушил его и рухнул на кровать. Проснувшись, я долго лежал, моргая и глядя на полоску света между шторами. Зевая, я поднялся, распахнул шторы и выглянул в цветущий сад. Старый Кзолгосц оторвался от работы, помахал мне рукой и рысью бросился в дом. Вскоре он постучал, отворил дверь и вошел с подносом. Когда я, мыча от удовольствия, расправлялся с бифштексом и яичницей, запивая соком, Кзолгосц сказал:

— Я кое с кем поговорил и, думаю, ты будешь обрадован, узнав, что подготовка дня «Д» идет полным ходом.

— Дня «Д»?

— День Дезертирства. Он начинается вечером. На пути выведено несколько дополнительных поездов, и вся страна, все люди готовят прием новым гражданам.

— Фантастика! Надеюсь, для меня у вас тоже найдется местечко. Похоже, мне придется здесь погостить немного дольше, чем я собирался.

— Да будет тебе известно, ты не просто гость. Скажи, тебя устроила бы должность преподавателя в университете?

Я улыбнулся.

— К сожалению, я не получил даже среднего образования, потому что сбежал из школы.

— Прошу простить мое провинциальное невежество, но мне незнакомы такие выражения, как «сбежал из школы» и «среднее» образование. У нас ученики посещают школу, когда хотят, и учат, что хотят и сколько хотят. Единственное обязательное требова-

ние — чтобы школьник изучал индивидуальный мютюэлизм, это необходимо для счастливой и полноценной жизни.

— А за обучение, надо полагать, платят родители?

Кзолгосц в ужасе отшатнулся.

— Ну что вы! Конечно нет! Родители окружают детей любовью и заботой, но не мешают им постигать доктрины мютюэлизма. На каждого родившегося сразу открывается счет, но пока человек не сможет зарабатывать, начисление вирров идет в дебет. Ребенок не будет считаться полноправным гражданином, пока не оплатит этот счет.

— Принудительный детский труд,— я был потрясен.— День и ночь малютки гнут спину за корку хлеба?

— Дружище Джим, что у тебя за воображение! Нет, дети, в основном, работают по дому, помогая матери и получая те же вирры, которые платит матери отец...

— Прошу тебя, довольно! У меня мало сахара в крови, и я плохо соображаю, а индивидуальный мютюэлизм — такая тонкая штука, что сразу с ней разобраться невозможно.

Он кивнул.

— Я понимаю. Не расстраивайся, Джим. Ты расскажешь обо всем, что произошло с человечеством, после того, как мы уединились на Чоджеки, а мы познакомим тебя с гениальными творениями Марка Четвертого, да будут вечно бежать электроны по его проводам!

Неплохое пожелание давно исчезнувшей машине.

Я никак не мог привыкнуть к тому, как туземцы боготворят какую-то жестянку с микросхемами, какой бы умной она ни была. Ну, да ладно, это их дела. А мне пора приниматься за работу.

— Ты можешь узнать, где находится мой друг Мортон?

— Буду счастлив тебя проводить, друг мой Джим.

— Ты знаешь...— Я запнулся.— Ну да, в городе всем известно, где мы прячемся.

— Совершенно верно. Ты умеешь ездить на велосипеде?

— Давненько не приходилось, но этому разучиться невозможно.

Велосипед — отличная штука, особенно когда на улицах их полным-полно, а тебе ни к чему выделяться из толпы. Я скатал форму — на всякий случай — и надел мешковатые шорты, которые предложил мне Кзолгосц. Эти шорты да моя майка — чем не костюм велосипедиста?

Я вышел в сад и отжался сто раз. Поднявшись на ноги, увидел человека, который стоял рядом, опираясь на руль ярко-красного велосипеда.

— Простите, если я вмешиваюсь в ваш ритуал. Мне позвонил Кзолгосц, чтобы я доставил вам велосипед. Вот, пожалуйста, самый лучший из моих запасов.

— Спасибо, велосипед — просто чудо. Но, боюсь, я не смогу за него заплатить...

Он улыбнулся.

— Вы уже заплатили. Я заехал в банк, стоимость велосипеда вычтена из вашего счета. Кстати, меня попросили передать вам это.

Моргая, я уставился на вирр-диск, который он мне вручил. На нем было оттиснуто: «Джим ди Гриз». В маленьком окошечке виднелось: «Баланс 64.6.78».

— Служащие банка просили передать, чтобы вы с ними связались. Они не знают, сколько часов в эту ночь вы занимались общественно полезным трудом. Если вы им позвоните, они будут очень благодарны.

— Я принят в систему! — обрадовался я.

— Ну, конечно! — заулыбался незнакомец.— Вы — индивидуум, и индивидуальный мютюэлизм — для вас. Добро пожаловать. Желаю, чтобы ваш вирр-счет рос и чтобы ваша жизнь была долгой и счастливой.

Генералы спохватились только наутро. А всю ночь к нам поступали сообщения о фантастических успехах дня «Д». Отпущенные в увольнение солдаты первому же встречному говорили о своей любви к свежему воздуху. Им предлагали войти через черный ход в ближайший магазин готового платья, давали там штатскую одежду и билеты на поезд. Последний поезд ушел около полуночи, затем поток дезертиров прекратился.

Ночью военные не поднимали шума. В лагере было не меньше четырех ворот, и возле них стояли знаменитые своим кретинизмом военные полицейские. Наверняка они полагали, что все солдаты, которых они выпустили, возвратились через другие ворота.

Дезертиров было так много, что даже дополнительные поезда ушли полнехоньки. Свыше сотни беглецов осталось в городе — им не хватило мест.

На свои средства я приобрел гигантский телевизор и подарил его хозяевам дома. Мы с Мортоном смотрели городской канал, когда вмешались военные. Особого восторга при этом мы не испытали, так как день был праздничным — годовщина создания первого блока Марка Четвертого, или что-то в этом роде — и по телевизору показывали парад клуба девушек-велосипедисток. Внезапно экран погас, а когда засветился снова, на нем появилась отвратительная физиономия генерала Зеннора.

— Выключи! — простонал Мортон.— Нам скоро завтракать!

— Пусть поговорит. Вряд ли он скажет что-нибудь приятное, но рано или поздно нам все равно передадут.

— Внимание! — сказал Зеннор, и Мортон возмущенно фыркнул, а я махнул рукой, чтобы он замолчал.— Все вы меня знаете — я генерал Зеннор, командующий армией освободителей. Вы знаете, что я — добрый, вежливый и терпеливый.

— Ему бы романы писать!

— Тихо!

— И теперь пришло время в очередной раз проявить доброту,

терпение и вежливость. Я узнал, что в нашей доблестной армии нашлось несколько трусов, решившихся на дезертирство. Я хочу, чтобы вы знали: это серьезное преступление, и наказание за него — смертная казнь...

— Еще бы! Как иначе удержать от развала эту гнилую армию?

— ...и я знаю, что никто из вас не хочет, чтобы эта кара постигла глупых молодых людей. Поэтому довожу до вашего сведения, что я решил продлить все выданные вчера увольнительные на двадцать четыре часа. Они действительны до двенадцати ночи. Ни один солдат, вернувшийся на базу до полуночи, не будет наказан. Я настоятельно советую жителям города объяснить это неразумным юнцам, которых вы прячете. Скажите им, пусть возвращаются.

С его лица исчезла фальшивая улыбка. Он приблизился к камере и прорычал:

— Скажите им, что после полуночи я уже не буду добрым, терпеливым и вежливым. Я введу чрезвычайное положение. Перекрою все дороги из города и обыщу квартал за кварталом, здание за зданием. Каждый дезертир, которого я поймаю, получит возможность выпить кружку пива и написать одно письмо домой. После этого он будет расстрелян! Вы все поняли? Это первое и последнее предупреждение. У вас есть время до полуночи. Больше я с вами цацкаться не стану, дезертиры. Считайте себя покойниками, если...

Я выключил телевизор.

— Как страшно! — буркнул Мортон. У него был очень испуганный вид впечатлительного человека.— Включи телек, досмотрим девочек.

Я включил. Но парад уже кончился, и показывали длинноволосого человека, который с энтузиазмом читал лекцию об индивидуальном мютюэлизме.

— Знаешь, Мортон, а ведь он имел в виду и нас.

— Не надо! Молчи! Я знаю — очередная серия космической оперы. Мне надо выпить.

— Не надо. Тебе надо посидеть спокойно, собраться с мыслями и помочь мне найти выход. Впрочем, что-нибудь слабенькое, вроде пива, не помешает.

— Извините, я невольно подслушал,— Стирнер появился в дверях с подносом, на котором стояли бутылки и кружки.— Если не возражаете, я к вам присоединюсь. Жарко сегодня.

Мы сдвинули кружки и хлебнули пива.

— Есть новости из города? — спросил я.

— Разумеется. Все поезда, покидающие город, проверяются патрулями, так что на поезде больше не выбраться.

— А шоссейные дороги?

— На них заставы. Над окраинами города летают машины на вертящихся крыльях...

— Вертолеты.

— Благодарю, я запомню это слово. Всех, кто покидает город, задерживают, заставляют прижимать пальцы к какой-то пластинке, которую помещают в машину. Потом отпускают.

— Очень мило,— пробормотал я.— Проверяют отпечатки пальцев. Значит, днем нам не выбраться — наши отпечатки заложены в памяти компьютера. Придется ждать темноты...

— Не хочу показаться мрачным,— мрачно произнес Мортон,— но мне это все не нравится. Вертолеты, инфракрасные детекторы, пулеметные установки, смерть с неба...

— Понял тебя, Мортон. Слишком опасно. Надо найти другой выход.

Наш диалог прервало появление на экране велосипедистов, крепких парней с волосатыми ногами. У Мортона заклокотало в горле, но он утих, как только увидел на экране улыбающихся и машущих телезрителям девушек.

— У-у-у! — закричал я, вскакивая на ноги.— О-о-о!

— Вторая дверь слева по коридору.

— Заткнись, Морт. Это вдохновение, а не запор. Ты видишь гения за работой. Перед тобой — единственный человек на планете, знающий, как нам выбраться из города целыми и невредимыми.

— Как?

— А вот как! — Я показал на экран.— Стирнер, садитесь за телефон и договаривайтесь с кем нужно. Нужно, чтобы сегодня к вечеру этот клуб выехал из города. Можно бы и раньше, но мы не успеем собраться.

— Куда собраться? — воскликнул Мортон.— О чем ты говоришь?

— Кажется, я понимаю,— сказал более сообразительный Стирнер.— Вы хотите выехать на велосипедах. Но вас остановят.

— Нет, не остановят. Потому что ты угадал только наполовину. Мы загримируемся под девушек.

Как только эта идея проникла к ним в сознание, они захлопали в ладоши.

Потом взялись за дело. Обдумывая план операции, я почти не замечал, что происходит кругом. Казалось, комната превратилась в проходной двор.

Я машинально жевал бутерброд и, моргая, глядел на стену, когда меня окликнул Мортон.

— Джим, скоро нам выходить. Ребята уже собираются на площади. Не смейся! — воскликнул он, покраснев.

Но как было не засмеяться при виде такой красотки? Даже то, что он обрил ноги, не сделало его женственнее. Правда, пышный парик и накладные груди помогли, но за девушку его можно было принять только издали.

— Надо было губы подкрасить,— сказал я.

— Ну конечно. Посмотрим еще, что из тебя получится. Переодевайся!

Я переоделся. Короткая плиссированная юбка очень шла к рыжему парику. Я вздохнул, глядя на себя в зеркало, и произнес:

— Ничего, Джим. Лучше ты никогда не выглядел.

Мы выкатили велосипеды за ворота, поблагодарив радушных хозяев и выразив надежду, что встретимся после войны. Стирнер был нашим проводником. Он сразу вырвался вперед, и нам, «девушкам», пришлось попотеть, чтобы догнать его. На площади Марка Четвертого было столпотворение — там собрался весь город. Велосипедный клуб девушек Баллегаррика выстроился там в полном составе. Во плоти девушки были еще привлекательнее, чем по телевизору. Правда, не все, потому что среди них были не девушки. В смысле — парни. Наши беглецы. Впалые щеки, узкие бедра, глупые смущенные улыбки... Некоторые из них годами не видели велосипеда. Они катались по площади, виляя и часто падая.

— Внимание! — крикнул я. Шум немного утих.— Во-первых, перестать ругаться — постыдитесь этих добрых людей, ради вас рискующих своей жизнью. Во-вторых, если кто-нибудь упадет, проезжая заставу, мы все окажемся в заднице. Поэтому тех, кто в себе не уверен, прошу пересесть на трехколесные велосипеды или на задние сиденья тандемов.

— А куда мы едем? — выкрикнул кто-то.

— Приедем — узнаешь. Все, пора. Когда я скажу «поехали»,— дружно стартуем. Кто зазевался — тот задница. Ругаться можно только старшим по званию. Я главный, поэтому буду ругаться за всех, пока мы не выберемся отсюда. По коням!

«Девушки» следом за мной сделали два-три круга по площади. Потом я дал сигнал настоящим велосипедисткам. Их президент с флагом клуба понеслась по широкой гладкой дороге, а девушки дружно следовали за ней. Ближайшая застава ждала на перекрестке. На углу нас отсекла колонна клуба ветеранов — все спортсмены либо седые, либо лысые. Но они резво крутили педали тощими шишковатыми ногами, громко щелкая суставами.

Подъехав к барьерам, они спешились и принялись стаскивать их с дороги. Как ни орали сержанты и офицеры, они не могли остановить наших помощников, и вскоре мы проскочили в образовавшуюся брешь. Некоторые девушки в порыве энтузиазма бросились помогать старикам. Другие смеялись и целовали офицеров.

Мы крутили педали что было сил. Потея, виляя, ругаясь. Наконец свернули на краю леса с дороги и горохом посыпались в кювет.

— А больше... мы... не будем так жать? — спросил Мортон. Он лежал на спине и стонал.

— Это еще что, Морт. Крепись. Тебе надо тренироваться.

Он сел и уставился в ту сторону, куда смотрел я. На дороге появился клуб девушек. Нежная кожа, вьющиеся на ветру волосы,

блестящие глаза. И корзинки с едой. Выпив по стакану пива, мои подопечные ожили. Армия казалась дурным сном; впереди их ждала свобода.

Я веселился и шутил вместе с ними, но смех мой был неестественным, а улыбка — вымученной. Мне не давали покоя мысли о Зенноре. Что придумает этот маньяк, узнав, что потерял половину армии?

Приказ подниматься «девушки» встретили стонами и воплями протеста.

— Тихо! — прикрикнул я на них.— У нас жесткий график. Если хотите выбраться отсюда живыми, слушайте меня. Когда я скажу «лягушка»,— прыгайте. Ясно?

Я подождал, пока утихнет веселое кваканье, и добавил:

— Ехать нам еще примерно полчаса. И чем стонать, поглядите лучше на милых, нежных девушек, которые ради вас рискуют жизнью. Они не стонут, а ведь им еще возвращаться в город окружным путем. Давайте же поблагодарим их!

В многоголосом «Спасибо!», грянувшем за этим призывом, я различил звуки нескольких поцелуев. Пришлось громко свистнуть, чтобы привлечь к себе внимание.

— Скоро приедем на фабрику. С нее идет железнодорожный путь. Сразу после нашего прибытия по нему отправится на север товарный состав. На нем мы поедем в далекие края. А теперь — по коням!

Ехали мы в тишине — моих галантных попутчиков одолевала усталость. Когда над нами пролетел вертолет, они изрядно струхнули. Я приказал парням опустить головы, а девушкам — махать руками и улыбаться. Это подействовало — больше над нами не летали.

Подъезжая к фабрике, мы услышали гудок поезда. Состав только что вывели на путь.

— Открывайте двери вагонов! — приказал я.— И залезайте побыстрее, пока нет вертолетов. Берите с собой велосипеды — вам зачтут их стоимость в банке. Поцелуйте девушек на прощание, через минуту отправляемся.

Я поискал глазами Ниби — загорелую рыжеволосую красотку, президента клуба велосипедисток. Передав флаг помощнице, она подъехала ко мне с улыбкой, от которой чуть не задымились шины моего велосипеда.

— Можно мне сопровождать тебя, инопланетник Джим? Умоляю — не отказывай.

— Глунк...

— Надо думать, это означает согласие,— она взобралась в вагон, втащила свой велосипед и уселась на тюк сена.— Ты очень добр. Я еще вчера училась в школе, но сегодня все мы покидаем Баллегаррик. Моя родина — на севере, там у моей семьи небольшая ферма в селе, которое называется Линг. Я говорила с отцом, матерью, братьями и сестрами — они будут очень рады, если ты поживешь у нас, сколько пожелаешь.

Увидев, как позеленел Мортон, я понял, что он все слышал.

— Сочту за честь. Это просто замечательная идея.

Ниби улыбнулась, но улыбку как ветром сдуло, когда она взглянула на Мортона.

— Твой друг не заболел?

— Нет,— меня переполняла щедрость.— Просто ему некуда ехать, и он надеется, что ты и его пригласишь.

— О чем разговор.

Мортон тут же порозовел и глуповато заулыбался.

— С благодарностью принимаю твое приглашение. Но надолго я у вас остаться не смогу. Как только Шарла, моя приятельница, даст о себе знать,— сразу уеду.

— Так ты ее не забыл? — с притворным удивлением спросил я, и он вонзил в меня такой взгляд, что Ниби отвернулась.

Путь нам был не в тягость — поезд шел быстро, вагон не трясло.

Уже через час мы перестали бояться вертолетов, зная, что удалились от города на приличное расстояние. Бывшие «девушки» спали на сене, подложив под головы ватные груди.

В сумерках поезд сделал первую остановку. В вагоны загрузили корзины с едой и бутылки с напитками. Наевшись и напившись, я заснул, а проснулся от прикосновения к плечу чьей-то мягкой ладони.

— Приехали,— сказала Ниби.— Буди своего друга.

Дверь вагона была открыта, снаружи медленно проплывали огни. Вскоре поезд остановился.

Мы спрыгнули на перрон, взяли свои велосипеды и, попрощавшись с парнями, спустились на шоссе и поехали вслед за Ниби.

Дорога была превосходная, ночь — теплая. Над головами раскинулась на полнеба величественная туманность, и мы, казалось, плыли в ее холодном белом сиянии.

— Ни за что не вернусь на Невенкебла,— пропыхтел Мортон.

— Но у тебя там родные.

— Попав в армию, я их потерял.

— Ты прав,— кивнул я.— Ну, на этой планете нет ничего общего с тем, что мы видели в армии. Хотя, честно говоря, я не совсем понимаю, как смог индивидуальный мютюэлизм привести общество к такому благополучию. Впрочем, благополучие — слишком сильно сказано. Не надо забывать о Зенноре.

— А как бы хотелось забыть!

Наутро мы добрались до фермы. Встречало нас все семейство.

Видели бы вы, какой стол накрыла хозяйка к нашему приезду. И мы сделали все, чтобы ее не обидеть. Наконец, отдуваясь, встали из-за стола. Семья помаленьку разошлась на работу.

— А здесь здорово! — согласился я.

— Стоимость еды вычтена из твоего счета,— улыбаясь, Ниби

вернула мне вирр-диск.— Половина будет возмещена за счет Мортона, когда у него появятся вирры.

— Непостижимая это все-таки штука — индивидуальный мютюэлизм,— сказал я.— Мне бы хотелось побольше узнать о вашей жизни.

— Буду рада ответить на любые вопросы,— заверила меня Ниби с улыбкой, от которой у меня потеплело в груди. Но улыбка через секунду увяла.— Давай поговорим об этом позже. Я бы хотела, чтобы вы сейчас посмотрели телевизор. Мы записали утренние новости.

«Наверняка эти новости связаны с Зеннором,— мрачно подумал я.— А значит, они наверняка дурные». Экран засветился, грянул бравурный марш. По дороге шагала пехота, ехали танки. Стреляли пушки. «Запись»,— сразу понял я, увидев базу Мортстерторо.

Видимо, это зрелище должно было вселять ужас в сердца непокорных туземцев. Но я уже достаточно хорошо знал жителей Чоджеки и не сомневался, что их изумляет средство, и только. Я выключил звук и подождал, пока уедет последний танк. Затем появился Зеннор.

— Мы могущественны, мы несокрушимы, и мы победим! — заявил он ледяным тоном.— Жители Чоджеки, до сих пор я был добр к вам. Даже готов был пощадить сбежавших солдат. Но теперь я вижу, что по-хорошему с вами нельзя. Ну что ж, вы получите небольшой урок. Я научу вас уважать нашу армию. Вы помогли скрыться дезертирам, которые заслуживают смертной казни. Это не вызывает у нас сомнений. Как иначе объяснить, что ни один из них не воспользовался амнистией? Что ни один не найден? Без вашей помощи они не смогли бы выбраться из города. Следовательно, население Баллегаррика виновно в измене, в содействии предателям-дезертирам, и будет сурово наказано. Я обращаюсь к населению всей планеты. Жители Баллегаррика сознают свою вину и пытаются избежать наказания. Словно трусливые черви, каковыми они и являются, эти негодяи спешат расползтись в разные стороны. Город совершенно опустел. Но не всем удалось скрыться. Мы захватили сотни и сотни предателей. Однажды мы уже брали заложников, и это привело к желанным результатам. В тот раз я пожалел их и отпустил целыми и невредимыми. Но на сей раз не ждите от меня жалости. Слушайте меня, жители планеты. Во-первых, все дезертиры должны быть немедленно возвращены в город. Я обещаю помиловать их и заменить смертную казнь службой в штрафных батальонах. Я уже говорил, что у меня доброе сердце.

Во-вторых, я требую восстановления снабжения города всем необходимым и открыть рынки. Пусть те, от кого это зависит, сегодня же вернутся в город. Баллегаррик должен жить нормальной жизнью, как до нашего прибытия.

Он сделал драматическую паузу, потом ткнул пальцем прямо в объектив камеры.

— И эти требования будут выполнены, иначе через сутки я расстреляю десять заложников. Впрочем, я все равно их расстреляю, подчинитесь вы или нет. Это и будет уроком, который я вам обещал. Если вы не подчинитесь, я ежедневно буду казнить по десять человек. Как только эта мера окажет нужное воздействие, казни прекратятся. Но я прикажу их возобновить, когда сочту необходимым.

Экран потемнел, и я обнаружил, что смотрю, не мигая, на Мортона.

— Редкостный случай психопатии,— заметила Ниби.— Не услеженное врачами изменение генетического кода. Ведь он сумасшедший, правда? По-моему, он бредил. Разве нормальный человек может убивать людей?

Краснея от стыда за человеческую расу, я промолчал. Ответил Мортон, кипевший от гнева.

— Зеннор это может. Я родился и вырос в стране, где власть в руках таких, как он. Поверь, он выполнит свою угрозу.

— Надо его остановить. Как это сделать?

— Это очень сложный вопрос. Ведь вы не заставите дезертиров вернуться. Насколько я вас знаю, даже просить их об этом не станете. А они вряд ли захотят вернуться сами. Будь у вас правительство, оно бы, наверняка, вступило с Зеннором в переговоры и сумело найти компромиссное решение. Но он все еще не верит, что у вас нет правительства. Даже подумать страшно о том, что нас ждет в будущем.

— Но подумать надо,— с мрачной решимостью, какой прежде я за ним не замечал, сказал Мортон.— Зеннора необходимо убить. Иного выхода у нас нет.

— Убить?! — воскликнула Ниби.— Но это ужасно!

— А что ты предлагаешь?

— Увы, мне нечего предложить. Решить эту проблему мог бы только гениальный Марк Четвертый.

— Может быть,— пробормотал я.— Но мне кажется, это и ему не по плечу.

— Для Марка Четвертого нет неразрешимых задач,— тихо и твердо произнесла она.

Я разозлился — они слишком высокого мнения о своем божестве.

— Слова, слова. Извини, но это больше смахивает на слепую веру, чем на здравый смысл. Нет, Ниби, нам самим придется выкручиваться, поскольку твой Марк Четвертый давным-давно превратился в ржавчину. Нам он уже не поможет.

— Он мог бы нам помочь,— упорствовала Ниби.— Но мы, к сожалению, не должны его просить о помощи. В этом — суть индивидуального мютюэлизма. Мы сами должны решать свои проблемы. Он дал нам свои труды — и этого достаточно.

— Можете попросить, но не станете? Нет, милая. Не станете просить, потому что не можете. Марка Четвертого давным-давно нет.

— Неправда! — воскликнула она, затем, расценив мою реплику как неудавшуюся шутку, улыбнулась.— Марк Четвертый в баллегаррике. Он никогда не покидал город.

Я беспомощно посмотрел на Мортона. Если в тот момент у меня было такое же выражение лица, как у него, значит, я выглядел полным идиотом.

Ниби нетерпеливо ждала, пока к нам вернется дар речи. Ко мне он вернулся чуть раньше.

— Марка Четвертого... Не стало... тысячи лет назад.

— Почему? Что мешает искусственному разуму существовать вечно? Ведь приходящие в негодность детали можно заменять на новые безо всякого ущерба для интеллекта. Мы надеемся, что он доволен тем, как мы строим свою жизнь. Но никто никогда не попросит его о помощи.

— Ошибаешься. Я попрошу,— сказал я, поднимаясь.— Причем ни секунды не колеблясь. Ведь это из-за него сотням заложников грозит расстрел. Пускай этот умник как следует пошевелит своими искусственными извилинами, чтобы их спасти.

— Но тебе придется вернуться в Баллегаррик,— сказал Мортон.

Я хмуро кивнул.

— Да, Морт, да, дружище. Надо разыскать логово этого великого электронного философа. Надеюсь, мои вопросы не вызовут у него короткого замыкания.

— Тебе известно, где находится Марк Четвертый? — обратился я к Ниби. Она отрицательно покачала головой.

— Увы. Но я точно знаю, что Марк прилетел сюда вместе с нами и помогал нам строить Баллегаррик. И с тех пор он не покидал города.

— Надеюсь, кто-нибудь мне подскажет, где его искать.— Я надолго задумался, потом щелкнул пальцами. Наш старый друг Стирнер — вот кто! Он — крупнейший специалист по электричеству. Если даже он не знает, где Марк, то наверняка сведет меня с тем, кто знает. Не подскажешь, как с ним связаться?

— Видеофон к твоим услугам.

— Благодарю, Ниби. Но у меня нет номера Стирнера, как и представления о том, где он находится.

— Номера нет ни у кого. И где твой друг, тоже неважно. Вызови ЦС и попроси, чтобы тебя с ним соединили.

— ЦС?

— Центральную Станцию. Ладно, я сама вызову.

Она нажала несколько клавиш, и на экране высветились слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ИМЯ». Как умно и вежливо! Я мысленно снял шляпу перед человеком, составившим эту программу.

Потом на экране появилось слово «ВЫЗОВ». Когда светящиеся буквы померкли, я увидел мрачное лицо Стирнера. Он вымученно улыбнулся, и я сразу понял, что он тоже смотрел новости.

— А, мой добрый инопланетный друг Джим. Надеюсь, ты в добром здравии. Могу я чем-нибудь помочь?

— Конечно, можешь. Мне бы хотелось потолковать с вашим полубогом, Марком Четвертым.

— Странное слово. Я никогда не считал его полу...

— Ладно, не считал — и не считай. Ты знаешь, где он?

— Разумеется.

— Сможешь меня к нему провести?

— А вот это — вопрос непростой. Помнится, я читал, что после постройки города к Марку нередко обращались за советами и консультациями. Но это было сотни лет назад. Пожалуй, я смогу тебя туда отвести, хотя сам бы ни за что не пошел.

— Я собираюсь вернуться в город.

— Советую быть осторожным. У нас тут беспокойно. Движение поездов остановлено, кто пытается выбраться, того арестовывают. Насколько мне известно, никто из арестованных еще не выпущен.

— Ничего, что-нибудь придумаю. Не отходи от видеофона, я сегодня же приеду. Мне надо поговорить с Марком Четвертым, пока Зеннор не натворил беды.

— Что-нибудь посоветуешь? — спросил я у Мортона.

— Разве что вернуться под видом раскаявшегося дезертира.

— Я уже обдумал эту идею. И тоже отверг. Меня попросту расстреляют.

— А я могу дать совет? — спросила Ниби.

— Ну, разумеется.

— Поехали в город вдвоем. У нас тут театральная труппа с превосходными гримерами и костюмерами. Загримируем тебя под старика, а я буду твоей дочерью и водителем.

— Превосходно! — и в порыве энтузиазма я вскочил, обнял Ниби и поцеловал.

— Мой брат отведет тебя в театр, а я позабочусь о транспорте. Просто нет слов, как я рада, что могу тебе помочь! Это так здорово! Гораздо интереснее, чем в школе.

— А что ты там изучала?

— Вулканологию. Я без ума от магмы и шлаков. Когда спускаешься в кратер...

— Отлично. С удовольствием тебя послушаю, но позже. Ладно?

— Ладно... А вот и мой брат.

Поезд, которым я возвращался в Баллегаррик, состоял из двух вагонов и предназначался, по-видимому, специально для меня. Мортон, провожавший меня, выглядел виноватым, но не мог

скрыть радости, что остается. Попрощавшись с ним, я с кряхтением поднялся в тамбур, опираясь на трость,— ведь я был убеленным сединами старцем, а в подобный образ необходимо вжиться. Седая борода, слезящиеся красные глаза, морщины, как на голенище старого сапога — иными словами, в лингском театре работали профессионалы. Специальная упряжь под одеждой сгибала меня в три погибели. Поезд мчался быстро и без остановок, и довольно скоро мы прибыли к месту назначения.

На платформе нас ожидал черный автомобиль. Водитель вышел и распахнул перед нами дверцу.

— Вам приходилось водить такую машину? — спросил он.

Ниби кивнула.

— Отличная модель.

— Вы правы,— он показал, где находится электрогенератор, а где — двигатель.— Экологически чистый,— добавил водитель.

Ниби уселась на руль, и меня вдавило в спинку сиденья многократной перегрузкой. Мы пулей понеслись по пустой дороге.

— Перед заставой я приторможу. Правда, здорово? Давай выжмем предельную скорость, а?

— Н-не... не надо! — прохрипел я.— Хоть я и глубокий старик, мне еще рано сводить счеты с жизнью.

Расхохотавшись, Ниби сбросила скорость примерно до звуковой.

Она неплохо знала дорогу — наверное, благодаря велогонкам.

Внезапно она нажала на тормоза. Мы потихоньку свернули, а дальше путь преграждали барьеры.

— О, шалопаи! — воззвал я к военным, грозно потрясая тростью.— Зачем вы перегородили дорогу?

Ко мне неторопливо подошел толстый капитан, что-то выковыривая из зубов. Наверное, остатки саморазогревающейся колбасы.

— Не ори, старая задница. Куда прешь?

— О, неужели ты такой дурак, каким выглядишь, или ты не слышал, что приказал твой самый главный начальник? Городские служащие должны вернуться в город. Я — инженер-электрик, и если тебе нужен свет в уборной и холод в холодильнике, немедленно пропусти меня!

— Поберегите глотку, папаша,— проворчал офицер. Тем не менее, он отошел и жестом велел двум сержантам отодвинуть барьер. Рядовых я поблизости не заметил и мысленно пожелал сержантам, чтобы перемена деятельности пошла им на пользу.

Мы поехали дальше и, когда застава скрылась из виду, остановились возле видеофонной будки.

Я выбрался из машины и, ковыляя, как заправский ревматик, вошел в будку.

— Ты уже в городе? — спросил Стирнер.

— Только что прибыл.

— Очень хорошо. Встретимся у входа.

— У входа? У какого входа?

— На площади Марка Четвертого, разумеется. Где еще, по-твоему, он может находиться?

Хороший вопрос. А я-то думал, что там только статуя. Мне и невдомек было, что это — резиденция Марка.

Пока мы туда добрались, я избавился от всего, в чем не было нужды,— начиная с упряжки. Бороду, правда, оставил — на тот случай, если по пути нам встретятся патрульные. И они встретились.

— Притормози,— велел я Ниби.— Не стоит привлекать к себе внимания.

Сержант, возглавлявший патруль, устремил на нас пылающий взгляд.

Я игнорировал его, зато с любопытством посмотрел на его подчиненных.

Когда патруль сворачивал за угол, последние двое солдат отделились и метнулись в открытую дверь здания. И исчезли. Выходит, дезертиры не только не возвращаются — их число растет.

Отлично! Если так пойдет дальше, в армии Зеннора скоро останутся только офицеры и сержанты, а с таким контингентом войну не выиграешь. На площади я сорвал бороду и избавился от морщин, тем самым сбросив лет сорок.

Стирнер уже ждал возле статуи.

— Хотел бы я пойти с тобой,— сказал он.

— И я,— подхватила Ниби.— Наверное, потолковать с Марком было бы просто здорово. Но идти к нему непрошеными нам нельзя.

— Как туда войти?

Стирнер показал на маленькую бронзовую дверцу в пьедестале.

— Сюда.

— А ключ?

Стирнер и Ниби в изумлении уставились на меня.

— Какой еще ключ? Не заперто!

— А, ну конечно,— пробормотал я. Подумать только! Сотни лет, тысячи лет эта дверь открыта, и никто не удосужился войти.

Я толкнул ее, и она тихонько заскрипела. За ней показалась лестница, ведущая вниз. Пыльные ступеньки привели меня в тускло освещенную комнатку с обитой золотом дверью в стене.

На двери красовалась надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ВЫТИРАЙТЕ НОГИ». Над ней — бессмертные слова, выложенные бриллиантами: «Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, Я МЫСЛЮ».

Под дверью лежал коврик. Я вытер ноги, глубоко вздохнул и взялся за ручку, изготовленную из цельного рубина. Дверь бесшумно отворилась (похоже, петли были недавно смазаны), и я вошел в просторное светлое помещение. Там было сухо, гудел кондиционер. Посреди комнаты стоял Марк Четвертый. В точности такой, как на портретах. С той лишь разницей, что от него к множеству стоящих поблизости аппаратов шли провода. В одном из аппаратов я узнал телекамеру. Встав напротив нее, я отвесил поклон. Интересно, поняла ли разумная машина, что это — жест вежливости? Марк Четвертый молчал, и мне становилось все неуютней. Я кашлянул.

— Я полагаю, вы — Марк Четвертый?

— Разумеется. А кого еще вы ожидали здесь гррк...

Голос сменился жутким скрежетом. На передней панели отскочила крышка, и из отверстия повалил дым. Я разозлился.

— Отлично! Просто замечательно! Сотни лет этот электронный всезнайка стоит в склепе, храня в ячейках памяти мудрость веков, а стоит мне войти и задать один-единственный вопрос, он взрывается и издыхает...

За спиной у меня загудело, и я отскочил, повернулся и принял защитную стойку.

Но это оказался всего-навсего робот-ремонтник на колесиках. Он подъехал к Марку Четвертому и сунул в отверстие клешнеобразный манипулятор. С хрустом выдрав оттуда перегоревшую деталь, робот бросил ее на пол, вставил новую и убрался восвояси.

— Нет,— глубоким звучным голосом ответил Марк Четвертый.— Я не взорвался и не издох. Это случилось с блоком имитации голоса. Я слишком давно им не пользовался. Ты — инопланетник Джим ди Гриз.

— Совершенно верно, Марк. Для машины, давным-давно не вылезавшей из склепа, ты неплохо осведомлен.

— А зачем мне вылезать, Джим? Я же компьютер. Какая разница, где расположен мой главный процессор?

— Правильно, я об этом как-то не подумал.— Я уступил место роботу-уборщику, подобравшему с пола негодную деталь.— Ладно, Марк. Если ты знаешь, кто я такой, то тебе, наверное, известно, что творится в городе.

— Знаю, знаю.

— Ты смотрел выступление Зеннора по телевизору, ты знаешь, что происходит. Этот кровожадный дебил собирается расстрелять завтра поутру десять твоих приверженцев. Что ты намерен предпринять?

— Ничего.

— Ничего? — Придя в бешенство, я ударил ногой по панели.— Ты... Ты придумал индивидуальный мютюэлизм! Ты распространил свое учение по Галактике! Ты привел сюда верующих — и теперь, когда им грозит гибель, решил остаться в стороне?

— Пошел ты в задницу, Джим,— добродушно сказал он.— Я опубликовал политико-философский трактат. Только и всего. Люди его прочли, вдохновились и прилетели сюда, захватив меня с собой. Так что остынь, детка, и не позволяй эмоциям возобладать над логикой.

Я снова уступил место роботу-уборщику. Приблизившись к Марку Четвертому, он мокрой тряпкой стер с панели отметину от моего ботинка.

— Послушай, завтра на этой самой площади погибнут люди. Неужели ты ничем им не поможешь?

— А чем я могу помочь? Советом? Так любой совет можно найти в моих книгах. Люди ровно столько знают об индивидуальном мютюэлизме, сколько и я.

— И ты будешь равнодушно смотреть, как их убивают?

— Люди и раньше умирали за убеждения.

— Чудесно. А вот я не считаю, что это правильно. И кое-что предприму, в отличие от тебя.

— Что ты предпримешь?

— Еще не знаю. Посоветуй что-нибудь.

— Что?

— Как спасти людей? Как сорвать операцию и уничтожить Зеннора...

И тут меня осенило. Дискутировать с Марком не имело смысла — надо было просто воспользоваться его разумом. Если в его ячейках хранится информация, накопленная за тысячи лет, то наверняка там есть сведения, которые мне нужны. Ведь у меня есть птица-шпион!

— Ладно, Марк! Ты все равно поможешь мне, дружище. Мне нужна кое-какая информация.

— Ну, о чем разговор.

— Тебе известны координаты этой звездной системы и этой планеты?

— Конечно.

— Гга! Дай-ка мне распечаточку, да побыстрее! Я пошлю сигнал на ССВ, позову на помощь флот Лиги.

— Не вижу в этом смысла.

Я взорвался:

— Не видишь смысла?! Ах, ты, идиотская машина! Я тебя прошу поделиться информацией, а ты не видишь смысла в том, чтобы спасти людям жизнь...

— Джим, друг мой инопланетный! Не выходи из себя, от этого повышается кровяное давление. Дослушай до конца. Я хотел добавить, что координаты нашей планеты тебе ни к чему. Ты уже послал сигнал на ССВ, когда включил замаскированный под птицу передатчик.

— Я послал сигнал на ССВ? — обалдело переспросил я.

— Да.

— Но... Но... Но...— Я умолк и, мысленно схватив себя за шею, хорошенько встряхнул. «Логика, Джим! Сейчас нужна логика!» — Но в своей речи, записанной на пленку, капитан Варод утверждал, что для этого необходимо знать координаты планеты.

— Это была откровенная ложь.

— Как и утверждение, что птица отправила радиограмму на обычных волнах?

— Конечно.

— Я нервно расхаживал по комнате. Телекамера поворачивалась следом за мной. «Что происходит? Почему Варод обманул меня? А если он получил сигнал — почему он молчит? Ведь если он получил сигнал и не выслал флот мне на помощь, то ответственность за гибель людей ляжет на его совесть. Но офицеры Лиги дорожат своей репутацией, не могут они пойти на такое! И все же Марк, наверное, не лжет». Я резко обернулся к нему.

— А ну-ка, старая мыслящая жестянка, ответь, где сейчас флот Лиги? Уже прибыл или еще в пути?

— Извини, Джим, но чего не знаю — того не знаю. На последнем нашем орбитальном телескопе батареи сели лет двести тому назад. Понятия не имею, где этот флот, о котором ты говоришь. Но подозреваю, что очень и очень неблизко.

Внезапно на меня накатила усталость, и я остановился. Да, денек нынче выдался еще тот. Я окинул комнату взглядом.

— Тут есть старый ящик или что-нибудь в этом роде? Мне бы сесть.

— О, прошу прощения. Наверное, хозяин из меня не слишком гостеприимный. Не было практики.

В комнату въехал диван на колесиках и остановился возле меня. Я с удовольствием на него плюхнулся.

— Очень мягко. Премного благодарен,— я облизал губы, и Марк понял намек.

— Располагайся поудобнее. Выпьешь что-нибудь?

— Почему бы и нет? Хорошая выпивка разговору не повредит.

— К сожалению, бар у меня сейчас не самый изысканный... Есть вино, но ему уже лет четыреста. Как бы в голову не ударило.

Ко мне подъехал столик. Сдув пыль с бутылки, я включил электронный откупориватель, и тот снял древнюю пробку целой и невредимой.

Я наполнил бокал и понюхал.

— О-о! Божественный запах!

Вкус оказался и того лучше. А вдвоем они — запах и вкус — живо прочистили мне мозги.

Я почувствовал, что смогу, пожалуй, справиться со своими проблемами.

— Который час? — поинтересовался я.

— До обещанной генералом Зеннором экзекуции более шестнадцати часов.

Потягивая вино, я перебирал в уме всевозможные варианты.

— Я послал сигнал, значит, флот идет на помощь. Но рассчитывать на его своевременное прибытие не приходится. Все-таки один плюс в этом есть — мне теперь не надо волноваться, что на этой планете я обречен жить до конца дней своих. Ладно, перейдем к делу. Что я могу предпринять для спасения людей, учитывая, что ты и твои мютюэлисты палец о палец для этого не ударите.

— Это не совсем так, Джим. Сейчас в городе проходят совещания, на которых обсуждается этот вопрос. К тому же, многие вернулись.

— Что, решили смириться? Согласились работать на оккупантов?

— Отнюдь. Они намерены протестовать, но в какой форме выразить свой протест, еще не придумали.

— Откуда ты все это знаешь? Через шпионов?

— Не совсем. Я подключился к каналам связи, линиям и прослушиваю все видеофонные переговоры.

— А к армейским каналам ты тоже подключился?

— Да. Очень интересно.

— Ты понимаешь язык пришельцев?

— Я понимаю все языки на свете.

Он разразился длинной тирадой на латыни — похоже, одна из речей Цицерона. Слушая его краем уха, я подумал, что поневоле отношусь к нему (или к ней?) как к человеку. А этого делать не следует.

Марк — это не человек, а мыслящая машина с непревзойденными умственными способностями. Как бы найти им полезное применение, вот вопрос.

— Марк, скажи, ты мне поможешь?

— Всем, чем смогу.

Попивая вино, я чувствовал, как его живительные токи разбегаются по телу. А главное — они здорово стимулировали мозги, пробуждали память. Мне вспомнилось одно пустяковое, казалось бы, событие, свидетелем которого я стал по пути сюда.

— Марк, сегодня я видел, как дезертировали двое солдат. А кроме них в городе сейчас есть дезертиры?

— Да, и преизрядно. Сто двадцать один... прости, сто двадцать два. Только что прибыл еще один.

— Они все вооружены?

— То есть имеют орудия убийства? Да, все. Они сбежали из патрулей, разгуливающих по городу.

Не согласятся ли они воспользоваться своим оружием? А если согласятся, что мы сможем сделать? Мысль помаленьку обретала форму.

Клин клином вышибают. Ничего другого не остается. Налив себе еще вина, я повернулся к гостеприимному электронному хозяину.

— Я хотел бы встретиться и поговорить с дезертирами. И чтобы у них с собой было оружие. Ты мог бы это организовать?

Он долго молчал — видимо, рассчитывал последствия. Но я его не торопил.

— Все готово,— сказал он вдруг.— После наступления темноты люди, у которых они прячутся, приведут их в спортивный центр. Это совсем недалеко от места, выбранного генералами для убийств.

— Ты идешь впереди меня на один шаг.

— Надо полагать. Ведь я, что ни говори, куда разумнее, чем ты. Ну а поскольку до намеченного сбора еще не один час, не хочешь ли воспользоваться возможностью поболтать со мной? А то я уже тысячу лет, а то и больше, не имею представления о том, что творится в Галактике.

Тот день и вечер были для меня необычны. Память у Марка оказалась весьма внушительной, какой ей и полагалось быть, и я узнал от него много интересного. Но на один вопрос он так и не сумел мне толком ответить: где родилось человечество?

— Как и ты, Джим, я знаю только мифы, легенды... Будто бы человечество появилось на планете под названием не то Грязь, не то Земля. Но в моей памяти, увы, нет ее координат.

— Да я просто так спросил, не расстраивайся. Но мне, кажется, пора идти. Приятно было с тобой потолковать.

— И мне. Заходи в любое время.

— Обязательно зайду. Скажи, ты можешь выключить свет, когда я буду на верху лестницы?

— Запросто. Ты даже не представляешь, как тут все автоматизировано.

— А с электричеством нет проблем?

— Смею тебя заверить, никаких. Первое чувство, которое я познал,— это тяга к выживанию. В моем распоряжении вся электроэнергия города, загородные электростанции, аварийные батареи и бензиновый генератор, который можно завести в течение десяти минут. За меня не беспокойся.

— Не буду. Пока.

Я поднялся по длинной лестнице, и, как только дотронулся до двери, все лампы погасли.

Приотворив дверь, я осторожно выглянул и, не обнаружив патрулей, распахнул ее. Стирнер и Ниби сидели на скамье, дожидаясь меня.

— А вы не боитесь, что враг наткнется на вас после наступления комендантского часа?

— Не о чем беспокоиться,— ответил Стирнер.— Из армии

сбежало столько солдат, что патрулирование, по всей видимости, прекращено. Военные не покидают базы и здания муниципалитета. Ну, расскажи, о чем ты говорил с Марком Четвертым?

Стирнер и Ниби даже дрожали от возбуждения.

— Да, собственно, о пустяках. Но Марк оказался очень гостеприимен. Кстати, у него там припасено два-три ящика отменнейшего вина...

— Я верю всему, что говорят о Марке Четвертом,— сказал Стирнер, и Ниби кивнула.— Но мне жаль, что он не помог тебе решить проблему казней.

Я часто заморгал.

— Откуда ты знаешь? Я ничего подобного не говорил.

— А зачем говорить? Марк Четвертый прекрасно знает, что с этой проблемой мы должны справиться сами. И мы с ней справимся. Решение уже принято. Завтра на место казни соберется весь город. Мы заслоним приговоренных собой.

— Благородно, но бессмысленно. Вас попросту перестреляют.

— Тогда наше место займут другие. Рано или поздно у военных кончатся заряды, и они поймут, что убийствами ничего не добьешься. Я уверен, что они не такие изверги, как их предводитель.

— Я бы не очень-то на это рассчитывал. Впрочем, у меня есть альтернативная идея. С помощью Марка я организовал сбор всех находящихся в городе дезертиров. Если вы окажете любезность и проведете меня в спортивный центр, у вас будет возможность ознакомиться с моим планом. Надеюсь, он покажется вам более разумным, чем ваш.

Мы неторопливо прогулялись до спортивного центра. Идти по вечерним улицам города было одно удовольствие — впервые я не опасался, что столкнусь с захватчиками. Нам встречались только группы горожан, идущих в том же направлении, что и мы, сопровождая вооруженных дезертиров. Те ухмылялись, не скрывая радости, что вырвались из армии. Глядя на них, я начинал волноваться, согласятся ли они пожертвовать своей едва обретенной свободой? Но у меня был только один способ выяснить это. Спортивный центр представлял собой стадион под куполом. На нижних рядах кресел разместились дезертиры, на верхних — заинтересованные гражданские зрители.

Я подождал, пока все усядутся и угомонятся, и взял микрофон.

— Уважаемые бывшие военнослужащие, друзья мои! Многие из вас меня не знают...

— Все тебя знают, Джим! — крикнул кто-то.— Ты — тот самый парень, который едва не придушил генерала.

— В следующий раз будь удачливей!

Улыбнувшись, я подождал, пока утихнет шум.

— Спасибо, друзья, я рад, что вы одобрили мой поступок. Наш любимый генерал, эта задница Зеннор, затеял поутру расстрелять нескольких безоружных граждан. Тех самых людей, ко-

торые помогали вам и вашим товарищам бежать, которые протянули вам руку дружбы и дали вам приют. Теперь — ваша очередь помочь, и я скажу, как мы это сделаем. Мы нацелим это оружие, с которым нас научили обращаться, на Зеннора и его подручных, и пообещаем стереть их в порошок, если они посмеют тронуть мирных жителей. Это рискованный шаг, и нам его не простят. Но что-то ведь надо делать!

Ребята пошумели, поспорили, но, в конце концов, большинство проголосовало «за». Меньшинство, не сочтя возможным с достоинством удалиться, вынуждено было уступить. Горожане развели нас переулками по домам, выходящим окнами на площадь, и мы уснули в обнимку с оружием. Я не сомневался, что многие дезертиры ночью разбегутся, но надеялся, что оставшихся хватит, чтобы оказать мне мощную огневую поддержку.

В первых лучах зари я разглядел на площади движущиеся фигуры. Отодвинув в сторону плюшевого мишку, я смотрел вниз из окна магазина игрушек, который служил мне укрытием. На площади собирались войска. Привезли на грузовике и десяток заложников, связанных и в наручниках. Когда стало светлей, я увидел, что на площади нет рядовых. Ну, конечно, Зеннор больше не доверит рядовым грязную работу. Наверняка они сидят взаперти под надежной охраной. Зеннор вышел из здания муниципалитета и остановился посреди площади. И в тот же миг до меня донеслось рычание моторов и лязганье гусениц. На площадь выехали тяжелые самоходные артиллерийские установки. Этого я не учел. Как и того, что Зеннор вытащит из кобуры пистолет и высадит одно из окон магазина игрушек.

— Выходи, ди Гриз. Все кончено,— заорал он и следующим выстрелом продырявил плюшевого мишку.

Я отворил дверь и вышел на тротуар. А что еще оставалось делать? На все окна, за которыми прятались мои друзья-повстанцы, были нацелены пушки. А на лице Зеннора сияла злобная, торжествующая улыбка.

— Ты не забыл меня? Я — генерал. Неужели ты всерьез допускал, что твой идиотский замысел увенчается успехом? Мой агент во всех подробностях рассказал мне об этой дурацкой затее. Хочешь на него посмотреть?

По сигналу Зеннора из здания муниципалитета вышел один из дезертиров. У него были темные очки и огромные усы.

Когда он снял и то, и другое, я его узнал.

— Капрал Гоу?

— Разжалован в рядовые за то, что не сумел тебя задержать. Меня бы расстреляли, если бы я не был достаточно богат, чтобы откупиться. Но мое падение — это и твое падение. Эти вонючие свиньи, рядовые, не разговаривали со мной, потому что знали, кем я был раньше. Но я все равно заподозрил неладное, а когда они начали дезертировать, доложил генералу. По его приказу я отправился в город, и там изменники-туземцы дружно склоняли

меня к дезертирству. Я пошел у них на поводу, и в результате генерал Зеннор получил исчерпывающий рапорт.

— Ты — крыса!

— Не смей оскорблять меня, шпион! Добрый генерал восстановил меня в звании капрала. А ты теперь — в заднице!

— Это точно! — подтвердил Зеннор, прицеливаясь мне в переносицу.— Ты проиграл, и пусть эта мысль будет твоей последней мыслью.

Признаться, тот момент был в моей жизни одним из самых неприятных. Чего уж приятного, когда рядом с тобой стоит генерал-убийца и ласкает пальцем спусковой крючок пистолета, нацеленного на тебя.

За ним с оружием наизготовку стояли его головорезы, а моих безоружных солдат со всех сторон пинками сгоняли на площадь.

— Даром тебе это не пройдет, Зеннор,— не очень-то уверенно сказал я. Но ничего другого в тот миг мне в голову не пришло.

— Еще как пройдет, щенок! — Поглаживая спусковой крючок, он поднял пистолет и прицелился мне в переносицу. Потом опустил.— Но я не хочу, чтобы ты отделался так легко. Перед смертью ты увидишь, как я перестреляю всех мерзавцев-дезертиров. Они имели наглость выступить с оружием в руках против своего командующего. За эту ошибку они понесут суровое наказание. Потом я казню десять заложников, как и обещал. Потом, и только потом, я убью тебя.

— Если я сам до этого тебя не прикончу! — зарычал я, чувствуя, как рот распяливается в зверином оскале. Терять мне было нечего. Вытянув руки перед собой, я пошел на Зеннора. И он побежал.

Но убежал он недалеко — всего лишь к ближайшей заложнице, седовласой старушке. Он схватил ее за руку и прижал ствол пистолета к ее виску.

— Ну, смелее, ди Гриз! Еще шаг вперед, и я нажму на спуск! Или ты в этом сомневаешься?

Нет, я не сомневался.

Поэтому я остановился. Вот-вот должно случиться непоправимое, а я ничего не мог поделать. У врагов было оружие; у меня не было ничего. И в этот тоскливый момент сквозь мрачную пелену тягостных мыслей я услышал топот множества ног. Я оглянулся. Как и Зеннор. Из-за угла вывалила густая толпа горожан. В первом ряду шагали Стирнер и Ниби.

— Люди, немедленно сложите оружие! Мы не причиним вам зла, потому что мы никому...

— Еще одно слово, и я тебя пристрелю! — заорал Зеннор, побледнев, и прицелился в Стирнера. Тот холодно, равнодушно посмотрел на него.

— Верю,— сказал он.— До сего момента я сомневался в том,

что человеческому существу под силу убить другое человеческое существо, но теперь я увидел тебя воочию и убедился в этом.

— Вот и прекрасно! В таком случае...

— Замолчи! Я все равно сделаю то, что задумал. Отберу у тебя оружие. Если не получится, это сделает кто-нибудь другой. Если и он погибнет — его место займет третий. Рано или поздно у вас кончатся патроны, и вы будете обезоружены. Вам не победить.

— Ошибаешься! — крикнул Зеннор. На губах его выступила пена, а в глазах горело безумие. Он оттолкнул заложницу и прижал пистолет к груди Стирнера.— Кишка у вас тонка, ребята. Стоит мне выстрелить и забрызгать толпу твоей кровью, как она разбежится. Стоит моим людям дать залп, и уцелевшие обратятся в паническое бегство. Сейчас мы так и сделаем, и ты меня не остановишь...

Я бросился к нему. Он толкнул на меня Стирнера и ударил меня пистолетом по голове, а затем прижал его к моему виску.

— Ди Гриз, тебе не терпится умереть? Отлично. В таком случае, ты будешь первым.

В этот миг на нас упала огромная тень, и в небесах загремел голос:

— Война окончена! Опустите оружие.

Над нами висел громаднейший крейсер, ощетинившийся пушечными стволами, нацеленными на войска Зеннора. Прибыл флот Лиги! Но слишком поздно для меня.

— Ни за что! — закричал Зеннор.— Огонь! Уничтожить заложников! Сбить корабль!

Не забыл он и обо мне. Плотнее прижал пистолетное дуло к моему виску и нажал на спуск. Осечка! Я заметил, что сустав его пальца побелел от напряжения — он изо всех сил давил на спуск.

Лицо Зеннора стало пепельно-серым — он понял, что происходит.

Я отскочил и выбил пистолет из его руки. Присев на корточки, я распрямился, как туго сжатая пружина, и вложил все свои силы в апперкот. Зеннор оторвался от земли и без чувств рухнул на землю. Глуповато улыбаясь, я потер разбитые суставы.

— Ваше оружие не действует! — громыхал с неба голос, порядочно искаженный эхом. Но я безошибочно узнал голос капитана Варода.— Корабль распространяет вокруг себя поле энтропии, не позволяющее электронам двигаться или металлу соприкасаться с металлом. На живые существа это поле не воздействует, поэтому я прошу уважаемых жителей Чоджеки оказать нам услугу и разоружить захватчиков.

Послышался частый топот — дезертиры первыми бросились выполнять просьбу Варода. Я полюбовался на вытаращенные глаза офицеров и отвисшие челюсти сержантов. В днище корабля

появилось отверстие, из него вынырнул и полетел к земле человек на тросе. На мое плечо легла чья-то рука. Я оглянулся и встретил сияющий взгляд Ниби.

— Вот и все, Джим.

— Да, все хорошо, что хорошо кончается. Захватчики улетят и никогда не вернутся. Вы снова будете хозяевами своей планеты. И мир воцарится навеки.

— Ты тоже улетишь?

Мое сердце гулко стукнуло. Схватив Ниби за руку, я приготовился утонуть в омутах ее глаз. Но вовремя вынырнул на поверхность.

— Не знаю... Здесь, конечно, замечательно, но, боюсь, для меня такая жизнь была бы слишком спокойной. Ты уж меня извини. В раю, конечно, неплохо, но я к нему не привык. Во Вселенной еще столько планет, где я не бывал... К сожалению, мне придется улететь.

— Оставайся лучше здесь, Джим,— посоветовал Варод, приближаясь к нам,— иначе снова угодишь за решетку. Не забудь — на одной из планет тебя ждут не дождутся.

— И это говорите вы, Варод! — возмутился я.— После того, как обманом заманили меня сюда и бросили на произвол судьбы, хотя я и послал вам сигнал на ССВ. Если бы вы немного опоздали, погибла бы половина населения планеты...

— Ничего подобного! Мы все время находились на орбите и следили за происходящим. Прослушивали каждое слово Зеннора. Мы прибыли через два дня после того, как ты отправил сигнал.

— Через два дня? Прослушивали Зеннора? Быть этого не может! Марк Четвертый знал бы об этом.

— А он знал. Мы с ним постоянно консультировались. Эта гениальная машина очень нам помогла.

— Ты хочешь сказать, что Марк Четвертый лгал мне? Как и ты?

— Да.

Я открыл и закрыл рот. Поразмыслил. Сказал:

— Так... Какого же черта вы заставили меня рисковать своей шкурой, если могли приземлиться давным-давно?

— Мы ждали выборов,— улыбаясь, ответил он.— Сделали все возможное, чтобы выманить Зеннора с его родной планеты. Подсовывали ему «шпионов» с радиопередатчиками, чтобы он знал, что за ним наблюдают, а, стартовав, отказался от мысли поддерживать радиосвязь с Невенкебла. А здесь за него взялся ты и причинил ему массу хлопот. Должен тебя поздравить — ты прекрасно справился со своей ролью. У него совершенно не было времени думать о контактах со своей базой. А мы тем временем осуществили у него на родине небольшой государственный переворот, отобрав у военных бразды правления и передав их гражданским. Отныне на Невенкебла будет царить мир, а у власти стоять вы-

борное правительство из штатских. А эти обезоруженные вояки будут возвращены на родину и демобилизованы.

— Вы меня выставили полным идиотом,— дружелюбно сказал я.— Заставили таскать каштаны из огня.

— Я впервые слышу это выражение, но ты, наверное, хочешь сказать, что тебе пришлось делать за нас грязную работу?

— Примерно так.

— Ты прав, но не совсем. Ведь у тебя была своя причина, по которой ты прибыл сюда. Если бы мы не следили за тобой и не пришли на помощь, ты бы погиб.

С этим трудно было спорить. Да, я прилетел сюда не по своей воле. Опустив взгляд на бесчувственное тело Зеннора, я с трудом подавил желание сломать ему два-три ребра.

— Что вы с ним сделаете?

— Зеннор психически болен и подвергнется лечению. Потом он станет совершенно иным человеком.

— А как насчет меня?

— Советую остаться здесь. Все-таки ты совершил побег из-под стражи, да и на Бит О'Хэвен тебя ждут не дождутся...

— Не тычьте меня носом в старое дерьмо! — возмутился я.— Вы что, забыли, что я — тайный агент флота Лиги? Что я помог вам обнаружить эту планету и сделал все, чтобы обеспечить вам успех? Даже от вашего имени обещал кое-кому вознаграждение...

— Да, я знаю, птица подслушала твой разговор с тем солдатом, Аспайей. Не беспокойся, мы ему заплатим.

— И мне заплатите.

Он потер подбородок и ухмыльнулся.

— Под платой ты подразумеваешь прощение всех грехов?

— Не только. Вы ликвидируете мое досье и выплатите мне жалование за все то время, которое я работал на вас.

— Ладно. Пока ты служишь флоту, никто не напомнит тебе о прежних проступках. Пожалуй, со временем из тебя получится неплохой агент, хотя ты слишком горяч...

— Ни за что! — воскликнул я.— Никогда! Чтобы я работал на закон? Чтобы я получал мизерную зарплату и ждал маленькой пенсии? Уж лучше умереть под забором. Нет, капитан, у меня собственные планы на будущее.

— Мечтаешь о карьере преступника?

— Совсем напротив. Я клятвенно вам обещаю — больше никаких преступлений! — Я прижал одну руку к сердцу, а другую поднял над головой.— Жизнь дала мне хороший урок. Я проклинаю свое преступное прошлое и даю торжественное обещание стать добропорядочным членом общества.

— Что ж, мальчик, ты меня радуешь. Так и быть, я позабочусь, чтобы тебе заплатили жалование. Хорошо, что ты решил встать на правильный путь.

— Да, сэр! Отныне я — честный человек.

Да, я солгал. Солгал с легким сердцем. А что еще оставалось делать, если все кругом, в том числе капитан флота Лиги и величайший искусственный разум во Вселенной, не стеснялись обманывать бывшего бедного пастуха свинобразов? У меня пересохло в горле, и я остро ощутил желание промочить его четырехсотлетним винцом. Отчетливо представив в своей руке полный стакан, я мысленно поднял его и произнес тост — за мое будущее! Облизав сухие губы, я повернулся к Ниби и Стирнеру.

— Друзья мои, сегодня у нас праздник. Предлагаю его отметить. Между прочим, тут неподалеку есть замечательный винный погребок...

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Когда дверь офиса внезапно открылась, я понял, что игра окончена. Это было выгодное дельце, но ему пришел конец. Я встретил входящего полицейского, сидя в кресле, изображая на лице счастливую улыбку. Он шел твердой походкой с обычным для всех копов угрюмым выражением лица. Еще до того, как он открыл рот, я уже знал, что он скажет.

«Джеймс Боливар ди Гриз, я арестую вас по обвинению...» Я ждал слова «обвинению», именно этого. Когда он произнес его, я нажал кнопку, соединенную с зарядом черного пороха в патроне. Заряд взорвался, и трехтонный сейф рухнул на голову полицейского. Когда осело облако штукатурки, я увидел только одну слабо шевелившуюся руку. Она дергалась до тех пор, пока не зафиксировала указующий перст, нацеленный на меня.

Его голос был слегка приглушен сейфом и звучал раздражающе отрывисто. Он забубнил:

— ...по обвинению в нелегальном въезде, краже, подлоге...— Он долбил монотонно, это был бесконечный список, но я все это уже слышал раньше. Я переложил все деньги из ящика письменного стола в кейс. Список закончился новым обвинением, и мне посчастливилось услышать, как в его голосе зазвучали нотки обиды.

— Ко всему прочему вам добавляется обвинение в нападении на полицейского робота. Это бессмысленно, так как мой мозг и гортань бронированы, а в моей средней секции...

— Что я знаю точно, Хорж, так это то, что маленький двусторонний передатчик расположен у тебя на макушке, а мне так хотелось, чтобы ты в данный момент обратился к своим друзьям.

Один хороший пинок открыл в стене потайную дверь, открылся доступ к ступенькам. Когда я обходил груду штукатурки на полу, пальцы робота рванулись к моей ноге, но я ждал этого, и ему не хватило пары дюймов. В своей жизни я много раз встречался с полицейскими роботами и отлично знал, что они практически неразрушимы. Вы можете бить его сверху, подрывать снизу, а он тащится за вами, подтягивая себя, если остался целым хоть один палец, и непрерывно поливает вас ушатами сахариновой морали. Вот это сейчас и делалось. Он разобрал всю мою преступную жизнь и цену моего долга обществу и тому подобное. Я слышал эхо его голоса на лестничной площадке, даже когда уже достиг подвала.

Сейчас на счету была каждая секунда. Еще один пинок, и открылся проход в комнату без таблички и номера.

Ни один из роботов не взглянул, как я спустился вниз, и я бы страшно удивился, если бы это было не так. Все они были устаревшего М-типа, пригодные только для простой, однообразной работы. Им было абсолютно все равно, зачем они сдирают наклейки с заполненных консервных банок и что находится на другом конце конвейера, который доставляет эти банки через стену. Они не подняли взгляда даже тогда, когда я открыл дверь, которая никогда не открывалась, ведущую по ту сторону стены. Я не стал ее закрывать, так как сейчас секреты уже не имели смысла.

Двигаясь вдоль грохочущего конвейера, я прошел через дыру, которая была пробита мною в стене правительственных складов. Я и конвейер установил сам, и дыру сделал, нелегально конечно.

В склад вела еще одна дверь. Автопогрузчик деловито накладывал консервы на ленту конвейера, выгребая их на нее из огромного контейнера. Этот со своими микромозгами не тянул даже на робота. Я обошел его и помчался дальше по проходу. Звуки моей продовольственной деятельности замирали за моей спиной. Я улыбнулся от приятных воспоминаний.

Это был один из моих чудесных маленьких рэкетов. За небольшую сумму я арендовал склад, который примыкал к правительственным складам. Простая дырка в стене — и я получил доступ к целому ассортименту разнообразных товаров длительного хранения, к которым, как мне было известно, в таких больших складах не прикасались месяцами, а то и годами. Не прикасались, разумеется, пока меня не было.

После пробития дыры я установил конвейер, все остальное было делом техники. Я нанял роботов сдирать старые наклейки и лепить новые, которые я отпечатал. Мой ассортимент был наилучшим, а цены, естественно, очень низки. Я мог себе позволить продавать дешевле конкурентов и получать тем не менее значительную прибыль. Местные оптовики быстро поняли свою выгоду, и я имел заказы на месяц вперед. Это была отличная операция, и она могла бы длиться еще долго.

Я быстро подавил в себе этот поток мыслей. Одним из основных правил моего бизнеса было, что если операция закончена, значит — закончена! Искушение потянуть еще хотя бы денек и получить еще по одному чеку могло стать губительным. Ах, как хорошо я это знал. Я знал также, что это наилучший способ познакомиться с полицией.

ПОВОРАЧИВАТЬСЯ И УБИРАТЬСЯ.
А НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ЗА ТО ЖЕ САМОЕ ПРИНЯТЬСЯ.

Это мой девиз, и девиз отличный, а всякие мечтания не для меня.

Я выбросил из головы все мысли, когда достиг конца прохода. Снаружи сейчас тьма полицейских, и я должен действовать безошибочно. Быстрый взгляд налево и направо. Никого. Два шага вперед, нажимаю на кнопку лифта. Я установил в этом лифте при-

борчик, который показал, что им пользуются не чаще одного раза в месяц.

Он появился через три секунды, пустой. Я влетел в него, одновременно нажимая кнопку «крыша». Подъем, казалось, никогда не кончится, но это только казалось. Он длился ровно 14 секунд. Началась наиболее опасная часть дела. Мой 0,75 калибр был у меня в руке, он позаботится об одном полицейском, но не более.

Дверь открылась, и я вздохнул с облегчением. Никого. Их, очевидно, согнали только ко входам, и не осталось никого, чтобы послать на крышу.

На открытом воздухе стали слышны звуки сирен — чудесные звуки. Такой шум могла создать только по крайней мере половина всех полицейских сил страны. Я, как истинный артист, преисполнился гордостью.

Доска лежала позади подъемника, где я ее и оставил. Немного выцвела, но все еще довольно крепкая. Несколько секунд, и я установил ее на парапет и передвинул к следующему зданию.

Да, это самый опасный участок цепи, скорость тут не нужна. Осторожно ступаю на край доски, кейс прижимаю к груди, стараясь удержать центр тяжести над доской. Один шаг вперед. До земли лететь тысячу футов. Если смотреть вниз, можно упасть.

Все, теперь надо нажать. Хорошо, если они снизу не заметили эту доску на парапете. Десять быстрых шагов — и передо мной дверь на лестницу. Она открылась легко, конечно, не случайно, так как я тщательно смазал петли. Войдя внутрь, я закрыл засов и сделал глубокий вдох. Это было еще не все, но худшая часть, где я подвергался максимальному риску, была позади. Еще две минуты, и они никогда не найдут Джеймса Боливара ди Гриза по кличке «Скользкий Джим».

Лестницей на крышу, грязной и плохо освещенной, никто не пользовался. Неделю назад я тщательно проверил ее. Багов — аппаратов для подслушивания и тайного наблюдения — на ней не было. Пыль лежала нетронутой, за исключением моих собственных отпечатков. Была надежда, что багов нет и сейчас. Оправданный риск в таком деле всегда имеет место.

Прощай, Джеймс ди Гриз, вес 98 килограммов, возраст около 45-ти, округлый животик, типичный бизнесмен, чей портрет вместе с отпечатками пальцев известен полицейским тысяч планет. В первую очередь долой отпечатки. Когда надеваешь их, они словно вторая кожа. Несколько капель растворителя — и они слезают, словно пара прозрачных перчаток.

Теперь очередь одежды, а затем и пояса, тщательно укрепленного вокруг поясницы и содержащего 20 килограммов свинца, смешанного с термитом. Пригоршня отбеливателя из бутылки — и мои волосы снова приобрели естественный коричневый оттенок. Вставлены подушечки за щеки и расширители в ноздри. Затем контактные линзы голубого цвета. Я стоял в чем мать родила и чувствовал себя так, будто родился заново.

Это было недалеко от истины, я стал новым человеком, на 20

килограммов легче, на десять лет моложе и с совершенно другой внешностью. В большом кейсе лежал полный комплект одежды и темные очки, которые можно было использовать вместо контактных линз. Все деньги были аккуратно уложены в коробку.

Когда я выпрямился, то и вправду почувствовал, словно сбросил десять лет. Все дело в весе. Я не замечал пояса, пока его не снял, а сейчас чуть ли не подпрыгивал на каждом шагу.

Термит должен уничтожить все улики. Я сложил все в кучу и запалил. Бутылки, одежда, сумки, ботинки и все остальное вспыхнуло и сгорело в ослепительном пламени термита. Полиция может отыскать щепотку цемента, да микроанализ даст пару молекул, но это все, что они могут найти здесь. Пламя горящего термита еще отбрасывало на меня отблески, когда я спустился на три пролета к 112-му этажу.

Удача пока не покидала меня. Когда я открыл дверь, на этом этаже никого не было. Минутой позже скоростной лифт, подобрав по пути еще несколько других бизнесменов, доставил меня в вестибюль.

На улицу вела единственная дверь, над которой была установлена портативная телекамера. Не было заметно никаких попыток остановить входящих и выходящих из здания людей, большинство из них даже не замечало телекамеры и группы копов около нее. Я направился туда.

На мгновение я оказался в поле зрения этого холодного стеклянного глаза. Ничего не случилось — значит, я был чист. Эта камера должна была иметь связь с главным полицейским компьютером. Если бы мое описание хотя бы в основных чертах сошлось, было бы мгновенно дано указание этим роботам, и я не успел бы и шагу ступить. Мы не можем состязаться в скорости с комбинацией «компьютер — робот», так как ее реакция измеряется микросекундами, но мы можем перехитрить ее, что я снова и проделал.

Я взял такси через десять кварталов отсюда. Отъехав на значительное расстояние, я взял второе, но только в третьем я почувствовал себя в безопасности и направился к космопорту. Звуки сирен позади меня становились все слабее и слабее, и только один случайный полицейский кар промчался мне навстречу.

Они устроили такую страшную суету вокруг такого пустякового воровства, но так всегда бывает на этих сверхцивилизованных мирах. Преступления сейчас такая редкость, что полицейские действительно лезут из кожи вон, как только что-то нащупывают. Я не мог порицать их за откровенное служебное рвение. И я искренне считал, что они должны быть мне благодарны за то небольшое удовольствие, которым я нарушил однообразную тупость их жизни.

Поездка в космопорт, расположенный, конечно, далеко от города, проходила спокойно. Я мог наконец предаться спокойному течению своих мыслей. Было время даже немного пофилософство-

вать. Наконец-то я мог снова насладиться хорошей сигарой. В своей предыдущей жизни я курил только сигареты и никогда не нарушал этого правила, даже находясь в одиночестве. Сигары были отличные, хотя и пролежали полгода в специальной коробке в сумке с одеждой. Я глубоко затянулся, посматривая на мелькавшие мимо пейзажи. Хорошо быть свободным от работы, но также хорошо быть и при деле.

Я, пожалуй, затруднился бы ответить, какой из периодов устраивает меня больше и больше доставляет мне удовольствия — у каждого были свои прелести и преимущества.

Моя жизнь настолько отличается от жизни большинства людей нашего общества, что боюсь, даже не смогу им этого объяснить. Они существуют в богатом, очень богатом союзе миров, где практически уже забыто, что означает слово «преступление».

Однако, несмотря на века генетического контроля, есть небольшая группа недовольных и еще меньшее число тех, кто вообще не принимает существующий социальный порядок. Некоторые из них выявляются рано и быстро приводятся к норме. Другие не показывают своей слабости, а когда становятся взрослыми, понемногу приворовывают — ночные квартирные кражи, кражи в магазинах или что-то в этом роде. Потом они исчезают на неделю или на месяц — в зависимости от степени своей сообразительности. Но, благодаря последним достижениям техники, полиция отыскивает и вылавливает их.

Вот, пожалуй, и все преступники и преступления в нашем организованном и прекрасном мире. Точнее, 99 процентов их. Но есть еще последний, самый главный процент, ради которого и содержится полицейский департамент. Этот один процент — есть Я и горстка людей, рассеянных по всей Галактике. Теоретически мы не существуем, а если и существуем, то не можем существовать, действовать.

Мы — крысы в пределах общества — живем вне его запретов и вне его правил. В обществе тем больше крыс, чем мягче его законы, так же как в старых деревянных строениях крыс больше, чем в железобетонных, поставленных позже. Сейчас все общество — это железобетон и нержавеющая сталь, все меньше остается щелей и зазоров, и крысе нужно быть очень шустрой, чтобы найти их. В такой окружающей среде нормальным явлением становится крыса из нержавеющей стали.

Крысой из нержавеющей быть и странно, и почетно, особенно если вы шатаетесь по Галактике. Эксперты-социологи не приходят к соглашению о причинах нашего существования, а некоторые в него просто не верят. Наиболее распространенная теория гласит, что мы — жертвы наших психологических расстройств, которые не проявились в детстве, когда могли бы быть легко исправлены, а проявились позже. У меня на это своя точка зрения, не совпадающая с теорией.

Несколько лет назад я написал небольшую книгу по этому вопросу, конечно, под псевдонимом, по моей теории это отклонение

как психологическое, так и нет. На определенной стадии интеллектуального мышления индивидуум должен сделать выбор: либо жизнь вне условностей общества, либо смерть от абсолютной скуки. У окружающей жизни нет ни будущего, ни свободы, альтернативной может быть только другая жизнь с полным игнорированием законов. Нет такого варианта для авантюристов и джентльменов удачи — жить как внутри, так и вне общества. Сегодня надо сделать выбор: все — или ничего. Чтобы сохранить свою психику нормальной, я выбрал все.

Негативная часть моих размышлений была прервана прибытием в космопорт. В наших делах очень опасной является праздность или бездеятельность. Они вместе с жалостью к себе могут полностью вывести вас из строя. Активность всегда помогала мне, ощущение опасности и погони всегда прочищало мне мозги. Когда я рассчитывался за проезд, я обдурил водителя, спрятав одну из отсчитанных кредиток в рукав. Он был слеп, как корабельная переборка, его доверчивость потешила меня. Я сделал это только от скуки, тут же дав ему двойные чаевые.

За окошком билетной кассы сидел робот-контролер, у которого роль камеры выполнял третий глаз во лбу. Пока я покупал билет, он слабо пощелкивал, регистрируя мою личность и место назначения.

Нормальная полицейская предусмотрительность: я был бы удивлен, если бы этого не случилось. Целью моей поездки была внутренняя система. На этот раз я не собирался совершать межзвездного прыжка, как обычно поступал после большого дела, — в этом не было необходимости. Для большой работы мономир как небольшая система — маловат, но Бета-Мингус имела около 14-ти планет с условиями, схожими с земными. Только на планете III сейчас было жарковато, на остальных же погода была в самый раз. Коммерческая конкуренция внутри системы отсутствовала, а полицейский департамент, по моим данным, работал неважно. Они должны были за это поплатиться. Мой билет был на Морий, номер XVIII: большую и в основном сельскохозяйственную планету.

В космопорте было несколько небольших магазинчиков. Я внимательно осмотрел их и приобрел новый кейс с полным набором одежды и необходимыми дорожными принадлежностями.

Напоследок я зашел к портному. Он быстро соорудил для меня пару дорожных костюмов и форменную юбочку в складку, и я забрал все это в примерочную кабину. Во избежание неприятностей я повесил один из костюмов поверх оптического бага на стене и нарочито громко стал снимать ботинки, а сам занялся подделкой только что купленного билета. На другом конце моего ножа для обрезки сигар находился перфоратор, с помощью которого я изменил обозначенный на билете код места назначения. Теперь я летел вместо планеты XVIII на планету X и на этом изменении курса терял почти 200 кредиток. В этом состоит суть моего метода. Никогда не увеличивайте стоимость, слишком много

шансов засыпаться на таком билете. Если же вы ее уменьшите и это будет замечено, то все сочтут это ошибкой машины, и ни у кого не возникнет даже тени подозрения, так как терять на подделке деньги — явная бессмыслица.

Чтобы не вызвать подозрения у полиции, я снял костюм и занялся примеркой. Когда все было готово, у меня оставался еще час до отправления корабля. Я пошел в автоматическую чистку и через некоторое время получил мою готовую одежду вычищенной и отутюженной. У меня не было ничего интересного для таможенников, кроме кейса, полного поношенной одежды.

Они быстро пропустили меня, и я погрузился. Корабль был заполнен только наполовину, и я смог занять место рядом со стюардессой. Я безуспешно флиртовал с ней, пока она не ушла, записав меня в категорию: «Самец, нахал, приставала». Старая дева, сидевшая рядом со мной, занесла меня в тот же раздел, она демонстрировала свое святое презрение ко мне, смотря демонстративно в иллюминатор. Я счастливо задремал, так как быть отмеченным и попасть в категорию в данном случае лучше, чем не быть отмеченным. Мое описание теперь неотличимо от любого другого парня, а это мне и было нужно.

Когда я проснулся, мы уже были рядом с планетой X, и я еще чуть подремал, пока корабль осматривался таможенниками. Мои вещи не вызвали никаких подозрений, так как шесть месяцев тому назад я предусмотрительно подделал бумаги, в которых стал фигурировать как банковский курьер.

Межпланетный кредит почти полностью отсутствовал на этой планете, и таможенники привыкли видеть кучи денег, перевозимых туда и обратно.

Почти автоматически, по привычке заметая следы, я перебрался в большой центр текстильной промышленности Бругх, расположенный больше чем в тысяче километров от места моего приземления. Используя полностью измененные идентификационные документы, я зарегистрировался в тихом отеле в пригороде.

Обычно после большого дела, подобного последнему, я отдыхал один-два месяца. Это было необходимо, хотя я и не ощущал такой потребности. Прогуливаясь по городу и делая небольшие покупки, я присматривал себе возможности для нового дела. Одновременно восстанавливая личность Джеймса ди Гриза. День ото дня я убеждался, что выгляжу все лучше и лучше.

Мне всегда удавалось ускользнуть от лап закона, и одной из многих причин этого было то, что я никогда не повторялся. Я придумывал какой-нибудь маленький чудесный рэкет, потом удирал и никогда больше не возвращался к нему. Единственной общей чертой всех этих рэкетов было то, что я делал на них деньги. А единственное, что я еще не успел проделать, был вооруженный грабеж. Пора было обдумать и этот вариант.

Пока я восстанавливал брюшко Скользкого Джима, я обду-

мывал план операции. К тому времени, когда были готовы напалечники с новыми отпечатками, операция была спланирована.

Как и всякое по-настоящему хорошее дело, она была гениально проста.

Я собирался заняться Морансом — крупнейшим магазином в городе. Каждый вечер точно в одно и то же время бронированный автомобиль увозил дневную выручку универсального магазина в банк — гигантскую сумму в кредитных билетах. Передо мной стояла единственная реальная проблема — как один человек может унести такое огромное количество денег? Когда я получил ответ на этот вопрос, операция была готова.

Все приготовления велись мной, конечно, мысленно, пока я снова не приобрел обличье Джеймса ди Гриза. Как только брюшко округлилось, я почувствовал, что снова вхожу в форму. Почти с удовольствием я закурил первую сигарету и приступил к работе. День или два на несколько пустяковых краж, и я был готов. Работа была запланирована на следующий день после обеда.

Купленный трейлер с нужными мне габаритами был ключом к операции. Я припарковал его в Г-образной аллее в полумиле от Моранса. Фургон почти полностью блокировал аллею, но это было не важно, так как ею пользовались только ранним утром. Двигаясь не спеша обратно к магазину, я достиг его почти одновременно с броневиком. Я для виду изучал стену гигантского здания, в то время как охрана носила деньги. Мои деньги.

Я думаю, что у некоторых людей со слабым воображением ситуация вызвала бы благоговейный ужас. По меньшей мере пятеро вооруженных охранников стояли около входа, двое сбоку, несколько внутри, да еще водитель и его помощник. Как дополнительная предосторожность у обочины фыркало три мотоцикла. Они должны были в качестве прикрытия сопровождать автомобиль в пути. О, очень впечатляюще! Я с трудом подавил улыбку, когда подумал, что произойдет со всеми этими тщательно продуманными предосторожностями.

Еще раньше я сосчитал количество тюков с деньгами, выносимых через дверь. Их всегда было пятнадцать, ни больше, ни меньше, и это сильно помогло мне в разработке плана операции. Как только в броневик был загружен 14-й тюк, в дверях показался 15-й. Водитель, как и я, вел счет. Он вышел из кабины и подошел к задней дверце, чтобы запереть ее, когда погрузка будет закончена.

Мы действовали исключительно синхронно. В тот момент, когда он подошел к задней дверке, я подошел к кабине. Спокойно и уверенно я влез внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощнику хватило времени лишь для того, чтобы открыть глаза и рот. Я шлепнул ему на колени анестезирующую бомбу, и он тут же отключился. Я, конечно, предварительно вставил в ноздри соответствующие фильтры. Заведя мотор левой рукой, я выбросил назад через окно бомбу побольше. Приятной музыкой отдалось в ушах, когда охранники, стоявшие в кузове, попадали на пол. Весь про-

цесс занял шесть секунд. До стражников, стоящих на ногах, наконец-то дошло, что происходят странные вещи.

Я дружески помахал им через окно и рванул броневик. Один из них бросился вслед и попытался вскочить в открытую заднюю дверь, но не успел. Все произошло так быстро, что никто из охранников и не подумал стрелять, а ведь я был уверен, что без этого не обойдется. Малоподвижный образ жизни на этих планетах притупляет рефлексы.

Мотоциклисты опомнились быстрее. Они бросились за мной, когда я еще не успел отъехать и на сотню футов. Я чуть притормозил, чтобы они приблизились, затем нажал на акселератор, не давая им обогнать меня.

Конечно, их сирены ревели, а револьверы стреляли, но я это предвидел. Мы неслись, как профессиональные гонщики, оставляя позади весь транспорт. У них не было времени подумать и понять, что, собственно, в конечном счете, может произойти. Ситуация была очень смешной, и я боялся расхохотаться, лавируя броневиком.

Конечно, сигналы тревоги должны быть слышны очень далеко, и дорога впереди заблокирована, но эти полмили мы неслись на полной скорости. Через несколько секунд я увидел въезд в аллею. Я повернул машину туда, нажав одновременно кнопку моего карманного коротковолнового передатчика.

По всей длине аллеи сработали мои дымовые бомбы. Они, конечно, как и все мое оборудование, были самодельными, но создавали прекрасное темное облако дыма в этой узкой аллее. Я подал машину вправо, пока крыло не стало скрестись по стене, и, немного снизив скорость, поехал таким способом. Мотоциклисты, конечно, так сделать не могли, и перед ними встала дилемма: либо остановиться, либо сломя голову ринуться в темноту. Я надеялся, что они сделают правильный выбор и не станут подвергать себя опасности.

Предполагалось, что радиоимпульс, взорвавший бомбы, одновременно откроет задние дверцы моего трейлера и опустит пандус. Все это прекрасно работало во время испытаний, оставалось надеяться, что не подведет и сейчас. Я попытался оценить расстояние по времени движения в аллее, но, видимо, неудачно. Передние колеса автомобиля буквально врезались в пандус, и броневик скорее впрыгнул, чем вкатился внутрь фургона. Меня сплющило, ударило, и я вывалился из кабины, отскочил от борта и выпал наружу.

Из-за абсолютной темноты от дымовых бомб и сотрясения моих мозгов чуть не погибла вся операция. Я ощупывал стену, пытаясь сориентироваться, и терял драгоценные секунды. Прошло время, пока я в конце концов не наткнулся на заднюю дверь. Послышались голоса охранников, бегающих взад и вперед в дыму. Они услышали шум от удара, и мне, чтобы сбить их с толку, пришлось выбросить еще две газовые бомбы.

Когда я добрался до кабины и завел фургон, дым начал рас-

сеиваться, и через несколько футов я выскочил на солнечный свет. Недалеко впереди аллея вливалась в центральную улицу, на которой стояли две полицейские машины. Достигнув ее, я остановился и внимательно изучил обстановку. Никто не проявлял никакого интереса к фургону, видимо, все следили за другим концом аллеи. Я выехал на улицу и покатился в сторону от магазина, который ограбил.

Конечно, я проехал в этом направлении только несколько кварталов, затем свернул в боковую улицу. На следующем углу я повернул еще раз и направился к Морансу, месту моего последнего преступления. Холодный воздух, врывающийся через окно, окончательно привел меня в чувство, и я начал насвистывать, ведя трейлер по боковой дороге.

У меня просто зудело выехать на проспект перед Морансом и взглянуть на весь переполох. Но рисковать не стоило. Да и время поджимало. Я аккуратно вел машину по разработанному маршруту, избегая улиц с большим движением. Через несколько минут я выехал на погрузочную площадку, расположенную на заднем дворе магазина. Здесь тоже чувствовалось небольшое возбуждение, но оно терялось в обычной деловой суете. Пока роботы, не занимавшиеся сплетнями, выполняли свою обычную работу, кучки водителей и продавцов взволнованно обсуждали происшедшее. Все они настолько были увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания. Я припарковал свою машину, выключил мотор и облегченно вздохнул.

Первая часть была закончена, но вторая была не менее важна. Я порылся в своем набрюшнике, где хранил кое-какое снаряжение. Я всегда был с ним на работе, оно было незаменимо в подобных ситуациях. Обычно я не доверял стимуляторам, но сейчас потрясение от удара было все еще довольно сильным. Две таблетки лимотена подействовали довольно быстро, шаг мой снова приобрел упругость, когда я пошел к задней дверце трейлера.

Помощник водителя и охранники были все еще без сознания и будут пребывать в этом состоянии по крайней мере часов десять. Я отволок их в чистенький закуток и принялся за работу.

Поскольку, как мне было известно, броневик займет всю внутренность трейлера, я укрепил коробки на стенах. Это были прекрасные крепкие упаковочные коробки, разукрашенные надписями «Моранс». Я аккуратно спер их заранее из склада магазина — это тоже было легко и прошло незамеченным. Опустив коробки, я приготовил их для упаковки. Пот лил с меня градом, пришлось снять рубашку.

Почти два часа я перекладывал деньги. Когда коробка заполнялась, я закреплял ее лентой. Приблизительно каждые десять минут я посматривал в глазок через дверь: снаружи все было спокойно. Полиция, конечно, закрыла город, и прочесывала улицу за улицей, высматривая автомобиль. Я был абсолютно уверен, что задний двор ограбленного магазина будет последним местом, куда они заглянут.

Вместе с коробками я прихватил со склада и отгрузочные талоны, и теперь лепил их по одному на коробку, вписывая в каждый разнообразные адреса и стоимость. Работа подходила к концу. Почти стемнело, но я знал, что отдел погрузок работал и ночью. Мотор завелся с пол-оборота, я медленно выехал из ряда и стал аккуратно подавать к платформе. Выбрав относительно спокойный участок, я подвел трейлер вплотную к линии, отделяющей приемную площадку. Я не открывал заднюю дверь до тех пор, пока все рабочие не занялись своим делом. Ведь даже самый тупой из них заинтересовался бы, почему из фургона выгружают собственные фирменные коробки магазина. В течение нескольких минут, произведя выгрузку и прикрыв коробки брезентом, я волновался, и только закончив разгрузку я скинул его и закурил.

Ждать пришлось недолго. Сигара еще дымилась, когда рядом появился робот из отдела погрузки.

— Послушай! У М-10, куда были загружены коробки, полетела тормозная лента. Позаботься о грузе.

В глазах робота мелькнуло чувство долга. Некоторые из этих моделей М-типа относятся к работе с большой серьезностью. Я только успел отскочить, как из дверей показался М-фургон. Быстрая суета сортировки и погрузки, и платформа начала пустеть.

Я наблюдал, как мои коробки штемпелюются и грузятся на рейсовые фургоны и транспортеры.

Все, что мне теперь оставалось сделать, это отвести свой трейлер на улицу и изменить внешность.

Садясь в трейлер, я вдруг почувствовал, что что-то идет не так. Я, конечно, наблюдал за воротами, но близко к ним не подходил. Фургоны въезжали и отъезжали. И тут меня словно молотом ударило по голове. Большой красный междугородный трейлер только что выехал. Я слышал его рев, эхо которого смещалось вниз по улице. Затихая, он перешел в слабое ворчание. Затем рев усилился, и трейлер въехал обратно через вторые ворота, у которых стояли полицейские машины — ждали меня.

В первый раз я почувствовал острый страх затравленного человека. В первый раз на моем хвосте оказалась полиция, когда я ее не ждал. Деньги были потеряны, это было очевидно, но не это сейчас меня заботило. Главное, что будет дальше со мной.

Сперва думать — потом действовать. На какое-то время я был в безопасности. Они, конечно, войдут, но дело пойдет медленно, так как они не знают, где меня искать в таком хаосе, в этом гигантском дворе. Как они меня найдут? Это было важным моментом. Местная полиция существовала в мире, где почти нет преступлений, поэтому они не смогут найти мой след быстро. Но я не оставлял следов. Однако же кто-то устроил мне ловушку очень логично и технично.

Неожиданно в мозгу возникли слова:

Специальный корпус.

Об этом нигде не писалось и не говорилось, только одни слухи

ползли по Галактике. Специальный Корпус, отдел Лиги, который берется за решение проблем, непосильных мирам. Предполагалось, что это он покончил с остатками рейдеров Хескелла после заключения мира, вывел из дела подпольных торговцев «Т энд П», поймал в конце концов Инскина. А теперь настал мой черед.

Они идут, чтобы схватить меня, они продумали все пути моего отхода и, наверное, блокировали их. Я должен соображать быстро и соображать правильно.

Существует только два варианта: через ворота или через магазин. Ворота слишком легко перекрыть, через них не прорваться, а в магазине должны быть другие выходы. Я должен выбрать этот вариант.

Хотя я пришел к такому выводу, но понимал, что другие должны мыслить точно так же, и двери, наверное, заблокированы. Возникло чувство страха, и это вконец меня разозлило. Мысль, что кто-то предвосхитил мои действия, была для меня невыносима. Они должны были все предусмотреть, но я тоже должен утереть им нос. У меня все еще оставалось в запасе несколько хитростей.

Во-первых, сбить со следа. Я переключился на первую передачу и направил трейлер в ворота. Как только я достиг их, поставил ведущие колеса на тормоза и, выскочив из кабины с противоположной стороны, помчался обратно. Позади меня раздалось несколько выстрелов, и наступила тишина.

На дверях, ведущих собственно в магазин, висели ночные замки — старомодные сигнализаторы,— которые я мог открыть за несколько секунд.

Отмычка сработала безукоризненно, пинок ногой — и дверь открыта. Сигнального звонка не последовало, но я знал, что где-то там внутри индикатор показал, что дверь открыта. Насколько можно быстрее я побежал к последней двери. По пути я проверял отсутствие сигнальной сирены при открытии очередной двери и запирал ее за собой.

Самое трудное на свете — это убегать и оставаться при этом спокойным. Мои легкие разрывались, когда я достиг служебного входа. Несколько раз я видел вспышки света впереди и прятался в различных закоулках, это была большая удача, что меня никто не заметил. Перед дверью, через которую мне надо было бежать, стояли двое мужчин в униформе. Держась поближе к стене, я подкрался метров на двадцать и бросил газовую гранату. В первый момент мне показалось, что они в противогазах и путь мой закончен, но через несколько мгновений они упали. Один из них перегородил дверь, и, оттащив его в сторону, я приоткрыл ее на несколько дюймов.

Не более чем в 30-ти футах за дверью был установлен прожектор, и когда он вспыхнул, то ослепил меня до боли в глазах. Я только успел присесть, как автоматная очередь проделала в двери ряд отверстий. Я буквально оглох от рева разрывных пуль, но сумел услышать снаружи топот подкованных сапог. Я выхватил

свой 0,75 и влепил в дверь, прямо через нее, целясь повыше, чтобы никого не задеть. Это вряд ли их остановит, но залечь заставит.

Они открыли такой ответный огонь, что мне показалось, как будто там стояла целая батарея. Пули свистели по коридору, во все стороны летели куски пластика. За себя я был спокоен и знал, что никто не появится позади меня. Буквально вжавшись в пол, я пополз в противоположном направлении, уходя от обстрела. Я дважды свернул за угол и, наконец, оказался достаточно далеко от стреляющих. Колени мои подгибались, а глаза застилали прыгающие цветные пятна. Прожектор хорошо поработал — все виделось в каком-то тумане.

Я двигался медленно, стараясь уйти как можно дальше. А ведь залп последовал сразу же, как только я приоткрыл дверь, значит, был отдан приказ стрелять в каждого, кто попытается покинуть здание. Неплохая ловушка. Копы будут искать меня до тех пор, пока не найдут. Если я попытаюсь уйти, меня застрелят. Все это напоминало мне крысоловку.

Какой-то свет появился в магазине, и я остановился, замерев. Я находился около стены огромного выставочного зала сельхозтоваров. В противоположном конце стояло трое солдат. Мы заметили друг друга одновременно, я шмыгнул за дверь, и над головой засвистели пули, круша все вокруг. Стало ясно, что военные были и внутри. Пульт вызова лифта был с другой стороны двери, рядом была и лестница, ведущая наверх. Одним прыжком я вскочил в лифт, нажал кнопку подвального этажа и успел тут же выскочить до того, как дверь за мной захлопнулась.

По лестнице прогрохотали сапоги бегущих солдат. Мне показалось, что я иду прямо на них, на их пистолеты и автоматы. Я должен успеть к лестничному пролету хотя бы на долю секунды раньше их. Я влетел на первую площадку. Удача все еще была на моей стороне, они не видели меня и думали, что я внизу. Прислонившись к стене, я слышал крики и свист, когда они понеслись ловить меня в подвале.

В этой толпе оказался один смышленый. Когда другие понеслись по ложному следу, я услышал, как он начал медленно подниматься вверх по лестнице. У меня больше не было газовых гранат. Все что мог я сделать, это подниматься впереди него, стараясь производить как можно меньше шума.

Он поднимался медленно и упорно, а я крался перед ним. Мы прошли таким образом четыре пролета. Я в носках с ботинками на шее, он в тяжелых сапогах, грохотавших по металлической лестнице.

Подойдя к пятому пролету, я остановился, не успев сделать шага. Кто-то спускался вниз, в таких же тяжелых сапогах, грохочущих по металлу. Я нашел какую-то дверь, открыл ее и проскользнул внутрь. Передо мной тянулся длинный коридор. Я помчался по нему, пытаясь хоть где-то укрыться до того, как дверь сзади распахнется и меня перережет очередь разрывных пуль. Ко-

ридор казался бесконечным, и я внезапно понял, что мне ни за что не успеть добежать до конца.

Я был крысой, которая ищет дыру, а ее нет. Двери были заперты все до одной,— я проверял их по очереди, пролетая мимо. А лестничная дверь позади открылась, и в меня в упор целились. Я, не смея повернуться и убедиться, чувствовал это всеми своими фибрами. Неожиданно одна из дверей поддалась, и я ввалился внутрь, не успев понять, что случилось. Я запер ее за собой и прислонился к ней внутри в темноте, задыхающийся, как загнанный зверь. Внезапно зажегся свет, и я увидел мужчину, который сидел за столом и улыбался.

Нет предела силе шока, который может охватить человека. Я познал это на себе. Мне было уже все равно — выстрелит он или предложит мне сигарету. Он не сделал ни того, ни другого. Он предложил мне сигару.

— Возьмите одну из них, ди Гриз, мне кажется, это ваш сорт.

Организм — раб привычки, даже рядом со смертью он живет своей жизнью. Мои пальцы приняли самостоятельное решение и взяли сигару, мои губы сжали ее, а легкие всосали дым. Глаза же мои все время наблюдали за человеком.

Это нужно было видеть. Он наклонился в кресле и положил обе руки на крышку стола. А я все еще сжимал свой пистолет, направленный на него.

— Садитесь, ди Гриз, и уберите свою пушку. Если бы я хотел вас убить, то сделал бы это гораздо раньше, чем впустил в эту комнату.— Его брови поползли вверх от изумления, когда он заметил выражение моего лица.

— Уж не думаете ли вы, что случайно оказались именно тут?

Да, именно так до последнего момента я и думал, но сейчас, когда я все понял, меня охватил стыд. Меня перехитрили и победили по всем статьям, и мне не оставалось ничего, как красиво сдаться.

Я положил оружие на стол и сел в предложенное кресло. Он смел пистолет в ящик и откинулся на спинку кресла.

— Я пережил тревожную минуту, когда вы стояли там, вращая глазами, а артиллерия крушила все вокруг.

— Кто вы?

Он улыбнулся.

— Кто я, не важно. Важно, какую организацию я представляю.

— Корпус?

— Точно. Специальный Корпус. Вы ведь не думаете, что я из местной полиции? У них был приказ застрелить вас. Только после того, как я рассказал, как вас найти, они разрешили Корпусу принять участие в деле. У меня в здании было несколько человек, которые и «подтолкнули» вас сюда. Все остальные — местные, у них пальцы чесались нажать на спусковой крючок.

Это было мало приятно, но это была правда. Я был у них под контролем, словно робот М-класса. Старик сидел за столом, я ду-

маю, ему было около 65, и держал в руках все нити. Игра была проиграна.

— Ол'райт, мистер Детектив, можете торжествовать. Что дальше? Психологическая переориентировка, лоботомия, или просто стреляющий взвод?

— Да нет. Ничего из этого. Я здесь, чтобы предложить вам работать на Корпус.

Сказанное было настолько дико, что я чуть не выпал из кресла от хохота. Меня, ди Гриза, межпланетного вора, на работу полицейским? Это было слишком смешно. А он сидел и ждал, пока я успокоюсь.

— Я допускаю, что предложение имеет смешную сторону, хотя только на первый взгляд. Подумайте и скажите, кто лучше справится с поимкой вора, чем другой вор?

В этом была доля правды, но я не собирался покупать свободу за службу провокатором.

— Интересное предложение, но я не могу выйти из общества крыс. Вы знаете, что у воров есть свой кодекс.

Он разозлился и вскочил. Он был значительно выше, чем мне показалось сначала, его указательный палец протянулся в моем направлении, проткнув воздух перед собой.

— Что за глупости вы болтаете? Не стройте из себя героя телепостановки. Вы прекрасно знаете, что за всю свою жизнь с ними больше не встретитесь! Если вы чистосердечно перейдете к нам, то, несомненно, извлечете из этого пользу. Вся сущность вашей жизни — это индивидуализм и наслаждение от того, что не могут сделать другие. Покончив с этим сейчас, вы опять возвращаетесь к этому. Вы не можете больше быть межпланетным суперменом, но вы можете заняться работой, которая потребует всех ваших способностей и таланта. Вы когда-нибудь убивали человека?

Этот неожиданный вопрос выбил меня из колеи, я даже замешкался с ответом.

— Нет, насколько мне известно.

— Это хорошо, что нет, иначе бы вы не спали так спокойно по ночам. Я проверил это перед тем, как идти сюда. Вот поэтому я уверен, что вы пойдете в Корпус и получите истинное удовольствие, вылавливая преступников другого сорта, не тех, у кого в крови социальный протест, а тех, кто убивает и наслаждается этим.

Его убежденность была потрясающей, у него на все был готовый ответ. Крыть было нечем, и я выдал свой последний сильный аргумент.

— А что, если Корпус узнает, что вы завербовали себе на работу бывшего преступника? Нас обоих расстреляют на рассвете?!

Теперь пришло его время смеяться. Я не видел в этом ничего забавного.

— Во-первых, мой мальчик, я и есть Корпус, то есть его руководитель, и как, ты думаешь, мое имя? Гарольд Питер Инскин, вот так!

— Не тот ли самый Инскин...

— Тот самый. Инскин Неуловимый. Человек, который ограбил Фарондьмен II в середине полета и сорвал множество других правительственных мероприятий. Я надеюсь, что вы читали об этом в свои юношеские годы? Меня завербовали так же, как я пытаюсь сейчас завербовать вас.

Он держал меня на крючке и знал это, а теперь решил добить до конца.

— А откуда, вы думаете, берутся остальные агенты? Я, конечно, говорю не об этих лупоглазых из наших технических школ, а о настоящих агентах. О тех, кто планирует операции, делает всю предварительную работу, а затем пожинает лавры. Они мошенники. Все до единого. Но — что они умели делать лучше всего, они теперь делают для Корпуса. Вы удивитесь некоторым проблемам, которые возникают в великой, необъятной, шумной Вселенной. Единственно, кого мы можем пригласить к нам работать, это те, кто уже успешно действовал в таком масштабе. Ну как?

Все происходило так быстро, что у меня не было времени подумать. Наверное, мне надо было спорить, но мозг уже принял решение. Я был готов согласиться, я не мог сказать «нет».

Я кое-что терял, но надеялся приобрести большее. Хотя у меня будет свобода, но я буду работать с людьми. Старые отношения миновали. Я снова становился членом общества.

От этой мысли у меня появились приятные ощущения. По крайней мере, конец одиночеству. Дружба возместит мне то, что я теряю.

Никогда в жизни я так не ошибался.

Люди, с которыми я встречался, были тупы до изумления. Они обращались со мной, как с какой-то мелкой сошкой, и я не мог понять, как сюда угодил. Понимать-то я, конечно, понимал, память у меня хорошая. Постепенно я закрутился в этом колесе.

Мы находились на спутнике, это было очевидно, но я совершенно не представлял, вблизи какой планеты или хотя бы в какой солнечной системе. Все было абсолютно секретно, а это место было, очевидно, абсолютно сверхсекретным главным штабом и основной базой школы Корпуса.

Школа мне нравилась. Это было единственное, что удерживало меня, чтобы не спятить. Тупицы сидели и зубрили, а мне материал давался легко. Только сейчас я начал понимать, насколько серыми были мои операции. С той техникой и с теми приспособлениями, о которых я узнавал, я мог бы раньше быть в десять раз сильнее и хитрее. Эта мысль прочно засела в моем мозгу, гаденько нашептывая на ухо в минуты депрессии и тоски.

Предметы попадались и тупые, и жутко скучные. Половину времени забирала работа с архивами — изучение бесчисленных побед и нескольких поражений Корпуса. Меня порой одолевала смертельная тоска, но я понимал, что это часть проверочного периода — понаблюдать, не тянет ли меня к прошлому. Я умерял

свой норов. Коль я не могу ничего здесь поменять, поэтому мне надо найти что-то такое, что положило бы конец моей каторжной работе.

Это было нелегко, но я нашел. Через некоторое время я все разведал и выяснил. Заниматься этим пришлось, когда все спали, но в некотором роде это делало поиски даже более интересными.

Когда дело дошло до отпирания замков и взламывания сейфов, я должен был признать, что это не дело. Дверь в личные апартаменты Инскина запиралась реверсивным барабаном старого типа, открыть который ничего не стоило. Мне нужно было войти в дверь спокойно, без грохота. Но так, чтобы Инскин услышал меня. Зажегся свет, он сидел в кровати, направив на меня 0,75 калибра.

— Вы, должно быть, сошли с ума, ди Гриз,— проворчал он.— Полезть в мою комнату ночью! Я мог застрелить вас!

— Нет, не могли,— ответил я, когда он спрятал оружие под подушку.— Человек столь любознательный, как вы, сперва разговаривает, потом стреляет. А ведь все эти ночные страсти были бы ни к чему, если бы ваш экран был включен и я мог бы вас вызвать.

Инскин зевнул и налил себе стакан воды из автомата над кроватью.

— Из того, что я глава Специального Корпуса, не значит, что я должен работать за весь Корпус. Мне надо иногда спать. Мой экран включен только для сверхсрочного вызова, а не для каждого агента, нуждающегося в утешении.

— Не значит ли это, что я попал в категорию нуждающихся в утешении?— спросил я как можно мягче.

— Поместите себя в любую устраивающую вас категорию, черт вас подери,— прорычал он, ложась снова в постель.— А также переместите себя в коридор и приходите ко мне завтра в рабочее время.

Мне стало жаль его. Он так хотел спать и собирался уснуть как можно скорее.

— Знаете ли вы, что это такое?— спросил я его, подсовывая большой блестящий снимок под его длинный, перебитый нос.

— Большой военный корабль, по виду похож на Имперский. А теперь, в конце концов, убирайтесь!— простонал он.

— Отличная догадка для такого позднего часа,— сказал я ему вежливо.— Это последний Имперский линкор высшего класса. Несомненно, одна из наиболее мощных машин разрушения, среди когда-либо созданных. Полная защитная экранизация на полмили в диаметре и вооружение, способное превратить в радиоактивный пепел любую существующую сегодная флотилию...

— Исключая тот факт, что последний линкор был превращен в металлолом свыше тысячи лет назад,— пробормотал он.

Я оглянулся и говорил тихо, но четко:

— Верно, верно,— сказал я.— Но не удивитесь ли вы хотя бы немножко, если я скажу, что один из них строится сегодня?

О, это надо было видеть! Одеяло полетело в одну сторону, Инскин соскочил в другую. Одним четким быстрым движением он перешел из лежачего положения в стоячее и занялся изучением моего снимка. В пижаме он, конечно, смотрелся невыгодно: угловатое тело на гусиных ножках.

— Говорите, ди Гриз, говорите, дьявол вас побери! — прорычал он.— Что за чепуха о военном корабле? Кто его строит?

Перед тем как говорить, я не спеша достал пилку, эффектно откинул руку и стал обрабатывать ноготь. Уголком глаза я видел, как багровеет его лицо. Это была маленькая месть.

— Поместите ди Гриза в архив, чтобы он лучше ориентировался. Копаться в пыльных, вонючих папках вековой давности как раз то, что нужно для свободного духа Джеймса ди Гриза. Научите его дисциплине. Покажите ему, на чем стоит Корпус. К тому же, архив давно следует привести в порядок.

Инскин открыл рот, откинулся и снова закрыл его. Он, несомненно, понял, что в данном случае, чтобы не затягивать дело, лучше меня не прерывать. Я улыбнулся. Затем кивнул и продолжал:

— Таким способом вы хотели удержать меня на пути истинном. Сломать мой дух под предлогом «изучения некоторых сведений о деятельности Корпуса». В этом смысле ваш план провалился, произошло нечто другое. Последовательно изучая архив, я нашел его очень интересным. Особенно систему «С энд М» — категоризатор и память. Это здание полно машин, где собираются сведения и отчеты со всех планет Галактики. Все это классифицируется, помещается в соответствующие категории и фиксируется в памяти. Я выкопал это в информации о полетах, которую заказал для себя. Я всегда интересовался этим вопросом...

— Ну еще бы,— прервал меня Инскин.— Вы в свое время украли не один корабль.

Я хмуро улыбнулся и сказал:

— Не буду надоедать вам всеми подробностями, я вижу, вы весь в нетерпении, но в конечном итоге я выкопал этот чертеж.

Он выхватил его у меня из рук.

— И что это такое? — пробормотал он, пробегая глазами по отпечатку.— Да ведь это обычный тяжелогрузный пассажирский корабль. Это такой же военный корабль, как я, например.

Это нелегко: говорить и презрительно кривить губы. Но я постарался делать это одновременно.

— Конечно, вы не найдете его в реестре Лиги для военных кораблей. Но я говорил, что немножко разбираюсь в этом. Мне показалось, что корабль слишком велик для целей, для которых предназначен. Он жрет уйму топлива. К тому же достаточно старых кораблей. Это заставило меня отпечатать полный список кораблей такого размера, сконструированных в определенное время. Вы можете представить мое удивление, когда после трех минут размышления «С энд М» выдала список всего из шести строк. Один был построен для освоения другой Галактики, и, на-

конец, нам известно, что все еще находится в пути. Пять других — это все Д-типа, построенных во времена экспансии, когда перемещались огромные массы людей. Для нашего времени они непомерно велики.

Мне никак не давала покоя мысль, для чего мог быть использован такой большой корабль. Я двинулся назад во времени, просматривая с помощью «С энд М» всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящие сравнения. И вот обнаружил в Золотом Веке Имперских завоеваний военный корабль высшего типа. Машина даже сделала для меня отпечаток.

Инскин схватил оба снимка и стал их снова сравнивать. Я стоял у него за спиной и указывал на наиболее интересные детали.

— Отметьте, машинный зал почти не изменен, вот и грузовой трюм. Эта надстройка, очевидно в последний момент нанесенная на план, убирается, и на ее место устанавливается орудийная башня. Корпуса идентичны. Изменение здесь, сдвиг там, и тяжелый грузовик становится быстрым линкором. Эти изменения могут быть сделаны во время постройки, а затем нанесены на чертеж.

Через некоторое время кто-нибудь в Лиге обнаружит, что корабль закончен и может быть запущен в производство. Конечно, могут сказать, что это случайность — чертежи вновь построенного корабля в шести местах совпадают с построенным тысячи лет назад. Но если вы так думаете, то я поставлю сто против одного, что вы ошибаетесь.

Никакого пари этой ночью не было. Инскин имел нюх на всякие сомнительные делишки не хуже моего. Одеваясь, он продолжал задавать вопросы:

— А имя миролюбивой планеты, которая строит это чудовище из прошлого?

— Циттануво. Вторая планета звезды в Северной Короне. Единственная обитаемая планета в этой системе.

— Никогда о такой не слышал,— сказал Инскин.— Это может быть как хорошим, так и плохим признаком. Не в первый раз беда приходит из таких мест, о существовании которых даже не подозреваешь.

С естественной сдержанностью, которая всегда в нем отмечалась, он нажал кнопку срочного вызова на своем пульте. Почти мгновенно сонные клерки и ассистенты притащили записи и отчеты. Мы уткнулись в них.

Скромность не позволяет мне говорить первому, но очень скоро Инскин пришел к тому же выводу, что и я. Он отшвырнул папку в другой конец кабинета и хмуро взглянул на начинающийся рассвет.

— Чем больше я смотрю на это, тем подозрительнее становится. На первый взгляд, у планеты нет абсолютно никаких мотивов для использования военного корабля. Но они строят его, это несомненно, об этом я могу держать пари на стопку тысячных кре-

диток высотой в наш дом. И все же, что они будут с ним делать? Когда построят? У них процветает культура, нет безработицы, в избытке тяжелые металлы, полно прекрасных магазинов для продажи всего того, что они производят. Нет кровавой вражды, междоусобиц и тому подобного. Если бы не этот военный корабль, их можно было бы назвать идеальной планетой Лиги. Я должен узнать о них как можно больше.

— Я уже сообщил в космопорт, от вашего имени, конечно,— сказал я.— Готовится скоростной катер. Не позже чем через час я смогу улететь.

— Не бегите впереди меня, ди Гриз,— сказал он ледяным тоном.— Пока еще я отдаю приказания, и именно я разрешу вам, когда придет время, самостоятельно покомандовать.

Чтобы подтолкнуть его в нужном мне направлении, я стал слащав и улыбчив.

— Я ведь, шеф, только стараюсь помочь вам получить побольше информации. Это ведь не реальная операция, а только разведка. Я ведь могу выполнить ее не хуже любого оперативника. И ведь это поможет мне приобрести опыт, так необходимый для получения какого-нибудь ранга...

— Ладно,— сказал он.— Хватит болтать. Можете идти. Выясните, что происходит. И сразу же назад. Никакой самодеятельности! Это приказ!

Мне показалось, что он сомневается насчет самодеятельности. И он был прав.

В отделах снабжения и документации мне выдали все, что нужно. Солнце, чистое и ясное, стояло над горизонтом, когда серебристый остов моего корабля поднялся над серым полем и выстрелил в космос.

Путешествие заняло несколько дней, более чем достаточно для того, чтобы систематизировать свои знания о Циттануво. И чем больше я узнавал, тем меньше понимал их нужду в военном корабле. Циттануво была повторно заселена из системы Целлинни, а я был в этих поселениях раньше. Они все объединились в свободные союзы, иногда ссорились между собой, но до сражения дело не доходило. Они, как и все, разделяли общее отвращение к войне.

И они тайно строили военный корабль?

В конце концов, мне надоело об этом думать, и я выбросил эти мысли из головы и занялся интересной шахматной задачей. Время прошло быстро, и, наконец, в носовом экране блеснула Циттануво.

Одним из моих наиболее важных принципов было: «Тайное не надо специально упрятывать». У фокусников это называется отвлечением внимания. Дайте людям возможность увидеть все, что вы хотите, и они никогда не заподозрят, что за этим что-то кроется. Поэтому приземлился я очень эффектным манером, на самом большом космопорте, в середине дня. Я уже был одет для моей работы и вышел из корабля, когда амортизаторы еще вибрирова-

ли. Застегнув платиновой пряжкой меховую накидку, я начал спускаться по пандусу. Маленький крепыш-робот М-3 громыхал сзади с моим багажом. Игнорируя суетливую активность около таможни, я направился к главному входу, и только когда некто в форме подбежал ко мне, я проявил снисходительное внимание к окружающему.

До того, как он начал говорить, я подошел к двери и остановился.

— Прекрасная тут у вас планета! Великолепный климат! Идеальное место для дачи. Приветливые люди, всегда готовые прийти на помощь другому. Мне это нравится. Примите мою глубокую благодарность. Большое спасибо, что встретили. Я — Великий Князь Сант Анжело.

Я с энтузиазмом потряс его руку, положив туда в то же время сотенную кредитку.

— А сейчас вы, конечно, понимаете, что таможенникам нет нужды досматривать мой багаж. Не будем отнимать у меня времени. Корабль открыт, они могут проверить все что угодно.

Мои манеры, одежда, драгоценности, легкость, с которой я расставался с деньгами, шикарные чемоданы могли обозначать только одно: такой богатый человек не станет заниматься контрабандой. Служащий что-то пробормотал мне с улыбкой, сказал несколько слов по телефону, и все было сделано.

Кучка таможенников наклеила бирки на мой багаж и пропустила. Я пожал всем руки, не просто пожал, конечно, и двинулся вперед. Такси было вызвано, водитель предложил отель. Я согласно кивнул, в то время как робот укладывал мой багаж.

Корабль был абсолютно чист, все, что было нужно для работы, находилось в моем багаже. Кое-что было смертельным и взрывчатым и, будучи обнаруженным, доставило бы мне неприятности. Закрывшись в номере, мне нужно было изменить одежду и внешность. Робот проверил комнаты, нет ли где багов.

Отличная штука эти роботы Корпуса. Они выглядят и действуют точно как слабоумные М-3. Но только внешне. Мозги у них отличные, не хуже, чем у классных роботов. Кроме того, они были буквально нашпигованы всевозможной аппаратурой.

Он медленно двигался по комнате, перенося мой багаж и раскладывая вещи и при этом не забывая исследовать каждый дюйм поверхности. Закончив, он остановился и четко доложил:

— Все комнаты проверены. Обнаружен только один оптический баг в этой стене.

— Разве можно показывать пальцем на него? — сказал я роботу. — Ведь это может вызвать подозрение у наблюдателя.

— Нет, не может, — ответил робот с механической интонацией уверенности. — Я его слегка задел, и он сейчас бездействует.

Имея такие гарантии, я сбросил роскошные одежды и одел черную форму адмирала Великого Флота Лиги. Я получил ее со всеми украшениями, золотыми позументами и полным набором документов. Не думаю, чтобы она меня сильно украшала, но бы-

ла нужна для осознания соответствующего впечатления на Циттануво. Как и на многих других планетах, тут знали толк в униформах. Мальчишки-рассыльные, дворники, клерки — все имели свою характерную форму. Мой черный мундир выглядел эффектно и должен был привлечь внимание.

Перед тем как покинуть отель, я накинул сверху длинный плащ, скрывающий мундир, но вот со шлемом, украшенным золотом, и с кейсом с бумагами была проблема.

Я до сих пор не знал всех возможностей псевдоробота М-3. Может, он поможет?

— Эй ты, короткий и коренастый,— позвал я,— у тебя есть какие-нибудь отделения или ящики? Если есть, то покажи.

Я подумал, что робот взорвался. В нем было больше ящиков, чем в кассовом аппарате: большие, маленькие, плоские, узкие, они выскочили из него в разные стороны. В одном был пистолет, два других были забиты гранатами, остальные — пустые. Я положил шлем в один, кейс в другой и щелкнул пальцами. Ящики втянулись вглубь, и его металлическое тело стало гладким, как и раньше.

Я надел модную кепку, застегнул плащ и был готов. Оставшийся багаж у меня был заминирован: пистолеты, газ, ядовитые иглы и тому подобное. В крайнем случае все это взлетит на воздух. М-3 поехал на лифте вниз, а я спустился по черному ходу. Мы встретились на улице.

Поскольку время было еще дневное, я не стал брать вертолет, а нанял машину. Мы не спеша поехали и засветло добрались к дому президента Ферраро.

Как и приличествует руководителю богатой планеты, дом был великолепен. Мои секретные предосторожности оказались просто смехотворными, если не сказать больше. Я со своим 300-килограммовым роботом прошел через охрану и сигнализацию без задержки. Президент Ферраро, холостяк, обедал. Это позволило мне без помех исследовать его кабинет.

Там абсолютно ничего не было. Ничего, связанного с войнами и военными кораблями. Вот если бы я был шантажистом, то это другое дело. Здесь можно было найти кое-что похуже политической коррупции.

Когда Ферраро вернулся после обеда в кабинет, там было темно. Я слышал, как он пробормотал что-то о слугах и начал нащупывать выключатель. До того как он нашел его, робот закрыл дверь и включил свет.

Я сидел за столом, передо мной лежали все его личные бумаги, придавленные сверху пистолетом, на лице я постарался изобразить жуткую свирепость. Пока он не оправился от шока, я скомандовал:

— Подойдите и сядьте, быстро!

В тот же момент робот подтолкнул его так, что у него не оставалось выбора, кроме как повиноваться. Когда он увидел на столе

бумаги, глаза у него выпучились, в горле забулькало. Не давая ему опомниться, я сунул ему под нос свою книжечку.

— Я адмирал Тар Великого Флота Лиги. Вот мои полномочия. Можете их проверить.

Они были неотличимы от настоящих, поэтому я не беспокоился. Ферраро начал не спеша изучать книжечку, затем проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время взять себя в руки и перейти в наступление.

— Что означает это ваше поведение? Вы ворвались в мой кабинет, совершили кражу со взломом...

— Ваше положение ужасно,— сказал я загробным голосом.

От моих слов по лицу Ферраро прошла тень. Я продолжал:

— Я арестую вас за заговор, вымогательство, воровство и многое другое, что окончательно станет ясно после изучения этих документов. Взять его!

Этот последний приказ относился к роботу, который отлично сыграл свою роль. Он подался вперед и обхватил президента поперек туловища.

— Я могу объяснить,— взмолился тот.— Я могу все объяснить. Не нужно обвинять меня во всем этом. Я не знаю, что у вас тут за бумаги, поэтому не стану утверждать, что они все фальшивые. Но вы знаете, что у меня много врагов. Если бы Лига знала, как трудно управлять этой отсталой планетой...

— Ну ладно, хватит,— прервал я его взмахом руки.— На все вопросы будете отвечать перед судом. А сейчас ответьте только на один вопрос. Зачем вы строите военный корабль?

Этот человек был великий актер. Глаза его широко открылись, челюсть отвисла, и он рухнул в кресло, как если бы его стукнули молотком. Когда он смог говорить, слова были уже больше не нужны. Весь его вид выражал оскорбленную невинность.

— Какой военный корабль?— выдохнул он.

— Военный корабль высшего класса, который строится на верфях Циттануво. В соответствии с этими чертежами.— Я кинул их ему на стол.— А вот и ваши собственноручные подписи.

Ферраро все еще не пришел в себя. Он схватил бумаги и начал их изучать, я его не торопил. Наконец он отбросил их и тряхнул головой.

— Ничего не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузо-пассажирского лайнера. Это все, что мне известно. И там действительно стоит моя подпись.

Я произнес свой следующий вопрос тщательно, чтобы его смысл обязательно дошел до него:

— Итак, вы отрицаете, что вам что-нибудь известно о строительстве линкора высшего класса по этим чертежам?

— Это чертежи обычного грузо-пассажирского лайнера. Больше я не знаю.

На лице у него было выражение обиженного ребенка. Я откинулся в кресле, расслабился и достал сигару.

— Послушайте кое-что о роботе, который вас держит,—

начал я.— Он взглянул с недоумением, видимо, в возбуждении не заметив, что робот держал его за талию во время беседы.

— Это не простой робот, у него в кончики пальцев встроены очень интересные приборы: термопара, гальванометры и тому подобное. Пока мы разговаривали, он регистрировал температуру вашего тела, давление крови, количество пота и прочее. Другими словами, перед вами эффективный и оперативный детектор лжи. Сейчас вы услышите, как вы врали.

Ферраро шарахнулся от руки робота, как будто это была ядовитая змея. Я выпустил красивое кольцо дыма.

— Говори,— сказал я роботу,— лгал ли этот человек во время беседы?

— Лгал,— ответил робот.— Ровно 74 процента из всего сказанного им — ложь.

— Очень хорошо.— Я кивнул, готовясь захлопнуть последний замок на моей ловушке.— Значит, он все знал о линкоре?

— Субъект не знал о линкоре,— возразил робот.— Все его заявления как о корабле, так и о его конструкции были негативными.

Сейчас пришла моя очередь таращить глаза, а Ферраро стало немного легче, если бы он знал, что меня совсем не интересуют все его проделки! Я, конечно, получил удар ниже пояса, но нельзя терять голову. Я заставил свои мысли вернуться к исходной точке и обдумать ситуацию.

Если президент Ферраро не знал о линкоре, значит, он служил просто прикрытием. Тогда кто же истинный виновник? Некая милитаристская клика, желающая сбросить его и захватить власть? Я слабо разбирался в делах планеты и решил взять Ферраро себе в помощники.

Это было уже не трудно, не требовалось даже угрожать опубликовать документы, которые я нашел у него в столе. Используя эти бумаги, я мог бы заставить его плясать под мою дудку. Но в этом не было необходимости. Как только я показал ему два чертежа и объяснил сходство, он все понял. Ему, несомненно, было легче, чем мне, найти, кто использовал его как орудие в своих руках. По молчаливому согласию о документах мы бы забыли.

Было решено, что следующим шагом должны быть верфи Церентолы. Президент уже начал обдумывать, как использовать ситуацию против своих политических противников. Я дал ему понять, что Лига хочет остановить строительство линкора. А уж потом пусть играет в политику со своими оппонентами.

Договорившись об этом, мы вызвали машину, взвод охраны и отправились на верфи, дорога туда занимала часа четыре. По дороге мы обдумывали линию нашего поведения.

Начальника верфи звали Рокка. Когда мы приехали, он безмятежно спал. Парад мундиров и пистолетов быстро привел его в чувство. Мне показалось, что он такой же воришка и плут, как и Ферраро. Невинный не мог так сильно испугаться.

Воспользовавшись ситуацией, я приспособил к нему свой ходячий детектор лжи и начал задавать вопросы.

Еще не закончив нашу «беседу», я уже начал представлять себе положение вещей. Оно было следующим: начальник верфи, строящий корабль, не имел ни малейшего представления о его истинной природе. Кто-то, менее самоуверенный, чем я, или имеющий меньший жизненный опыт, в этот момент мог бы усомниться во всем. Я — нет. Корабль по-прежнему совпадал с линкором в шести местах, а я не верил в случайные совпадения. Какой же избрать путь? Если можно сделать два выбора — выбирай простейший! Только не останавливаться на глупых шансах и случайностях.

Взглянув снова на исходный чертеж, я снова обратил внимание на надстройку. Чтобы превратить корабль в военный, нужно было в первую очередь ее убрать.

— Рокка! — рявкнул я грозно.— Посмотри на эти чертежи, на этот вот выступ здесь. Он все еще пристроен к кораблю?

Он покачал головой и ответил:

— Нет, чертежи были изменены. Мы установили новый противометеоритный аппарат для прохождения планетарных астероидных слоев.

Я открыл свой кейс и достал чертеж.

— Ваш аппарат случайно не напоминает вот этот? — я протянул ему чертеж через стол.

Рассматривая его, он потирал подбородок.

— Да, вроде,— ответил он нерешительно.— Я не могу сказать в точности, ведь все эти детали ко мне не относятся. Я отвечаю за работу в целом. Но эта деталь очень похожа на ту, что сейчас установлена. Большая штука. Сколько мы потратили...

Это был линкор, вне всякого сомнения! И тут одно слово из сказанного как громом поразило меня.

— Установлена! — выкрикнул я.— Вы сказали — установлена?

Рокка даже отшатнулся от моего крика.

— Да,— нерешительно ответил он.— Я помню, были невероятные трудности...

— А еще что? — прервал я его. Холодный пот потек у меня по спине.— Двигатели, управление, они тоже установлены?

— Да, конечно,— ответил он.— Разве вы не знаете? Обычный график был сильно сжат, это вызвало массу непредвиденных трудностей.

Теперь холодный пот бежал по мне ручьями. Первоначальный срок был сокращен почти на год. И не было никаких причин, почему нельзя было сократить его еще больше.

— Машины! Оружие! — взревел я.— К кораблю! Если его строительство закончено, у нас будут огромные неприятности и ни с чем не сравнимые трудности.

Охрана включила сирены и прожекторы, и, вдавливая в пол акселераторы, мы как сверкающая стрела помчались в ночи к стапелям и влетели в ворота.

Но мы все равно опоздали. Ночной сторож бешено замахал на нас руками, и конвой остановился.

Корабля не было.

Рокка никак не мог поверить этому. Он бродил взад и вперед по пустой площадке, на которой корабль строился. Я залез на заднее сиденье машины и со злости сжевал сигару, обзывая себя идиотом.

Игнорируя очевидные факты, я, как дурак, вбил себе в голову, что правительство планеты участвует в этом строительстве. Оно, конечно, участвовало, но только как ширма. Я почуял крысу из нержавеющей стали, которая действовала, как действовал бы я до моего обращения.

Сейчас, когда грызун улизнул, у меня возникла идея, с чего начать поиски.

К нам, шатаясь, подошел Рокка, начальник верфи. Его схватили за волосы, и поток отборной брани пролился на него. Президент Ферраро вытащил пистолет, и было непонятно, как он собирается им действовать и кем стать: убийцей или самоубийцей! Мне было все равно. Все, что можно было от него ждать, и все, что могло его беспокоить, были следующие выборы, когда его избиратели и политические противники не простили бы потери корабля. Мои заботы были значительно сложнее.

Я должен был отыскать линкор до того, как он начнет шататься по Галактике.

— Рокка! — крикнул я.— Идите в машину. Я хочу посмотреть ваши отчеты, все ваши отчеты, я хочу это сделать немедленно.

Он с трудом влез в машину, видно еще не сознавая, что от него хотят и зачем. Потом, заметив, что еще темно, промямлил:

— Но, адмирал... в это время... все еще спят...

Я хотел заорать, но этого не потребовалось. Видимо, он все понял по выражению моего лица и схватил трубку радиотелефона.

Обычно я ненавидел этот бюрократический порядок, эти бумажные завалы, но сейчас я на них молился. У этих людей была целая наука. Ни одна заклепка не пропадет, а если это и случится и она пропадет, то об этом будет составлена бумага в пяти экземплярах. Они вывалили мне на стол меморандум, памятные записки, акты о списании, различные запросы.

Нужные мне факты буквально тонули в этих бумажных катакомбах. Но делать нечего. Я не стал отыскивать первопричины, это было бы слишком долго, а сосредоточил внимание на последних изменениях, таких, как орудийная башня. Это должно было быстро выявить группу виновных.

Клерки, наконец, поняли, чего я от них хочу. Воспламененные огнем патриотизма и окриками своих начальников, они забегали сломя голову. Теперь мне достаточно было указать направление поисков, и соответствующие документы оказались в моих руках.

Шаг за шагом картина стала проясняться. Тонкая паутина подделок, взяток, крючкотворства и фальшивок. Создать все это

могла только голова, подобная моей. От зависти я даже крякнул. Как и все великие идеи, эта была чрезвычайно проста.

Группа или группы неизвестных постепенно изменили по-своему программу строительства. Несомненно, сначала это была программа строительства огромного транспорта, затем ее слегка подправили, а потом и совсем видоизменили.

Все было проделано с искусством истинного гения. Приказы, исходившие из разных источников, изменялись и подтасовывались. Я с большим трудом выявил все эти источники. Во всех случаях они были подложными. В некоторых случаях они были настолько скрыты, что я сперва не мог поверить, как мог пройти такой приказ, пока мне не объяснили, что ряд офицеров имеет временных секретарей, в то время как их обычные секретарши и ассистенты болели, все девушки одна за другой получили пищевое отравление. Просто какая-то эпидемия! Каждую из них по очереди замещала одна и та же девушка. Она оставалась на каждом месте достаточно долго, чтобы убедиться в продвижении плана строительства линкора.

Эта девушка, очевидно, была помощником Главаря, который все и организовал. Он сидел в центре этого дела, словно паук в паутине, и дергал за ниточки, приводя в движение свою идею. Моя первая мысль была, что в дело нужно включить бригаду, но потом я признал ее ошибочной. В дальнейшем я занялся только подлогами. В некоторых случаях документы не были подделаны, видимо, тут мой таинственный Икс сам выполнял работу. Икс имел постоянную должность помощника Инженера-дизайнера. Одна за другой распутывались нити, ведущие в контору. У него тоже была секретарша, чья болезнь совпадала с ее работой в других отделах.

Когда наконец я вылез из-за стола, спина не гнулась и горела, как будто там была раскаленная проволока. Я проглотил обезболивающее и окинул взглядом войско своих помощников, измученных,— они не спали вместе со мной 72 часа. Они сидели и ждали моего решения. Даже президент Ферраро был здесь, его волосы были растрепаны и свисали сосульками.

— Вы раскопали это преступное гнездо?— спросил он.

— Я нашел их, да,— ответил я.— Только не преступное гнездо, а одного человека, мастера преступного мира, у которого в мочке уха больше таланта, чем у всех ваших продажных бюрократов, и его женщину-ассистента. Они все проделали вдвоем. Его имя или псевдоним Пепе Перо, а ее зовут Анжелина...

— Арестовать их немедленно! Стража, стража...— и Ферраро выскочил из комнаты. Я велел ему вернуться обратно.

— Это было бы самое лучшее, что мы могли бы сделать. Но в данный момент это затруднительно, так как они же и украли линкор, а не только отстроили его. В нем все автоматизировано, на первое время не требуется даже команда.

— Что вы решили делать?— спросил один из клерков.

— Да ничего,— ответил я в манере старого космического вол-

ка.— Флот Лиги уже вышел на охоту за преступниками, и скоро вы услышите об их поимке. Благодарю всех за помощь.

Я сказал это бодрым веселым тоном, и они вышли. На один миг я позавидовал святой вере во Флот Лиги. А ведь на самом деле сообщение о Флоте было такой же липой, как и мое адмиральское звание. Я продолжал работу для Корпуса. Инскин уже должен был получить последнюю информацию. Я послал ему псиграмму, но ответа пока не было. Наверное, идентификация воров задержала ответ.

Мое новое сообщение было закодировано, но расшифровать его для настойчивого человека не составит труда. Я сам отнес его в передающий центр. Псиграммист сидел в своей прозрачной комнатушке. Глаза его были отсутствующими, он говорил что-то в микрофон, передавая какое-то сообщение через просторы Галактики.

Снаружи шифровальщики кодировали, копировали и записывали сообщения, но ни одного звука не проникало через изолированные стены. Я подождал, пока он обратит на меня внимание, и протянул ему листок бумаги.

— Лига, Центральная-14, срочно,— сказал я.

Он поднял брови, но ничего не сказал. Через несколько секунд мы имели на связи цепочку псиграммистов. Он читал кодовые сигналы отчетливо, тщательно выговаривая, но негромко. Мощь его мысли пронизывала расстояние на многие световые годы. Когда он закончил, я забрал текст, порвал его и сунул клочки в карман.

На этот раз я получил сообщение довольно быстро. Видимо, Инскин ждал моего сообщения. Микрофон вынесли к шифровальщикам, а я сам стенографировал кодовые группы.

— ...куви длил флиэ, и если не сделаешь, назад не возвращайся!

Сообщение в конце шло прямым текстом, и псиграммист улыбнулся, читая эти слова. Я заорал на него, чтобы он не вздумал что-нибудь болтать об этом, так как сообщение секретное, и, если что, то я лично пристрелю его. Улыбка у него пропала, но мне легче от этого не стало.

Декодированное сообщение оказалось совсем не таким плохим, как я думал. Я должен был выследить и захватить линкор. Я мог обращаться в Лигу при первой необходимости. До окончания работ я должен был оставаться в должности адмирала и держать Инскина в курсе дела. Мое счастье было бы полным, если бы не это отвратительное заключение открытым текстом.

Я получил свое долгожданное назначение. Но только как! Захвати линкор или прощайся с головой. И ни слова о моих героических усилиях по раскрытию преступления. В каком бессердечном мире мы живем!

Усталость наконец сломила меня, и я отправился спать, так как моя главная работа теперь была спать и ждать... Не считая, правда, таких забот, как вызов крейсера лично для себя и сбор допол-

нительных данных о ворах. Но это было второстепенным делом по отношению к главному — ждать плохих вестей. С точки зрения организации погони Циттануво была наилучшим местом. Исчезнувший корабль мог двигаться в любом направлении. С каждой минутой сфера его возможного положения росла пропорционально третьей степени времени. Команду крейсера, на котором я находился, я держал в полной боевой готовности, ограничив область ее передвижения ста ярдами от корабля.

Сведений о Пепе и Анжелине было очень мало. Они умело заметали следы, их происхождение было неизвестно, только слабый акцент в произношении говорил, что они не местные. Имелась тусклая фотография Пепе, толстощекого парня со злым лицом. Фотографии девушки вообще не было. Я заставил псиграммиста корабля непрерывно прослушивать пространство и сообщать мне обо всех происшествиях в космосе.

Потом мы с навигатором нанесли их на карту, попали ли они в растущую сферу возможного положения украденного корабля. Некоторые инциденты происходили внутри этой области, но при дальнейшем исследовании оказывались естественного происхождения.

Уходя спать, я оставил приказ при обнаружении ЧП в опасной зоне будить меня немедленно. Меня подняли глубокой ночью и протянули листок бумаги. Протерев глаза и прочитав первые две строчки, я немедленно нажал кнопку общей тревоги.

Нужно сказать, что эти парни знали свое дело. Я еще не успел дочитать сообщение, а уже завыли сирены, корабль закрыл люки и взлетел. Когда мое зрение восстановилось после перегрузок и листок опять попал в фокус, я дочитал его, а затем перечитал еще раз более внимательно.

Это выглядело так, как мы и ожидали.

Свидетелей не было, но несколько мониторных станций зафиксировали использование оружия большой мощности. С помощью триангуляции мы вычислили координаты и нашли грузовое судно. В его корпусе была дыра величиной с железнодорожный тоннель. Груз плутония исчез.

В каждой строке сообщения я видел Пепе. Поскольку на линкоре не было команды, он действовал наверняка. При попытке захвата чужого судна или при переговорах всегда присутствует элемент риска. Поэтому он просто подозвал ничего не подозревающий грузовоз и расстрелял его из своих чудовищных орудий. Восемнадцать человек были мгновенно убиты. Воры стали также и убийцами.

Я жаждал действий и очень боялся, чтобы не наделать ошибок. Коротышка Пепе показал себя безжалостным убийцей. Когда ему что-то нужно, он просто подходит и берет это, сокрушая все на своем пути. Еще много людей могут погибнуть, и моя задача сделать это число как можно меньше.

По идее, я должен был ринуться осуществлять возмездие. Прекрасная мысль, и желание у меня есть. Не знаю только — где он?

Линкор, конечно, гигантский корабль, но в масштабах космоса это просто пылинка. Пока он будет держаться вне коммерческих линий, планет и станций с их радарами, найти его будет невозможно.

Да если я и найду его, то как захвачу? Ведь это исчадие ада по мощности не уступает любому кораблю. Это мучило меня днем и ночью, но ответа я не находил.

Догадка пришла внезапно. Если я не знаю, где будет Пепе, надо сделать так, чтобы он пришел туда, куда я хочу.

Некоторые факты были в мою пользу. Например, то, что я заставил его делать игру до того, как он был полностью готов. Конечно, он не собирался удирать в тот день, когда я прибыл. Но любой план, а особенно такой тщательно разработанный, как у него, должен предусматривать действия в случае опасности.

Двигатели, управление, вооружение на линкоре были установлены задолго до моего прибытия, но немало осталось и недоделанного. Один из свидетелей заявил, например, что видел, как во время старта с корабля свисали силовые и подающие кабели.

Мое прибытие вывело Пепе из равновесия, и у меня в этом отношении было перед ним преимущество. Теперь мне было нужно думать так же, как и он, предвидеть следующий шаг и... поймать его в ловушку. Послали вора ловить вора. Теоретически все выглядело прекрасно, но как только я подумаю о практике, мне становилось неуютно.

Я выпиваю и закуриваю. Выпускаю кольца дыма и наблюдаю, как они плавают в воздухе. Это меня расслабляет. В конце концов, что вообще можно сделать с помощью линкора? Он, конечно, хорошо приспособлен для космического пиратства, но ведь это не все.

— Чудесно, чудесно, но почему линкор?

Я заговорил сам с собой, обычно это плохой признак, но сейчас мне было не до этого. Мысль о космическом пиратстве долго мне казалась единственно верной, пока в глаза не бросилась вопиющая несообразность.

Почему линкор? Зачем все эти годы труда и хлопот, чтобы получить корабль, которым с трудом могут управлять два человека? Ведь и десятой доли усилий Пепе хватило бы, чтобы построить крейсер, который тоже прекрасно подходил бы для целей пиратства, но не для целей Пепе. Он желал линкор, и он его получил. Это означает, что в голове у него что-то есть и кроме пиратства. Но что? Очевидно, что он маньяк и псих, и не важно, как он смог проскользнуть сквозь сеть официального тестирования. Это еще предстоит выяснить, но для этого его нужно поймать.

План уже начал складываться у меня в голове, но я хотел дать ему время созреть. Во-первых, я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепе. Любой человек, которому удалось обмануть целый мир при строительстве корабля, а затем еще и украсть его, не будет вечно отсиживаться в нем. Корабль нуждается в команде и базе для заправки горючим и ремонта.

О горючем ему придется позаботиться в первую очередь, выпотрошенный корпус грузовоза немой свидетель тому. В качестве базы может быть использована безлюдная планета.

Получить команду в это мирное время труднее, хотя я и мог бы придумать несколько вариантов. Скажем, рейд по тюрьмам и психиатрическим больницам и лечебницам. Действуйте в этом направлении, и вы получите команду, готовую на любые пиратские налеты. Однако пиратство, конечно, очень слабая штука для амбиций этого юнца. Он, наверное, хочет управлять целой планетой... а может быть, и целой системой? Или больше? Я даже вздрогнул от этой мысли. Не было ли чего-нибудь подобного в прошлом? Во времена Королевских войн несколько человек с парой кораблей и общим объемом мозгов меньшим, чем у Пепе, установили что-то вроде империи. Их всех скинули в конце концов, но цена за это была заплачена самая высокая.

План созрел, и я нутром чувствовал, что он хорош. Может быть, в некоторых деталях была слабина, но это не важно. Мне ясна основная цель. Существуют естественные законы в преступлениях, как и в любой другой области человеческой деятельности. Я знал, что все будет как надо.

— Немедленно ко мне офицера связи! — крикнул я по интеркому.— И пару клерков с транскиберами. И быстро — речь идет о жизни и смерти!

А вот последнее я сказал зря, это выводит меня из образа. Я застегнул воротничок, поправил знаки отличия и расправил плечи. Теперь, когда они войдут, у меня будет вид настоящего адмирала.

По моему приказу корабль вышел из суперпространства, чтобы мой псиграммист мог связаться с другими операторами. Капитан Стенг ворчал, что мы останавливаем двигатели и теряем драгоценные дни в то время, как его команда выполняет ненормальные приказы. Мой план был вне его понимания. Он, конечно, капитан, но я-то адмирал, пускай хоть и временный.

По моему приказу навигатор построил сферу убегания, которая отстояла от возможного наибольшего удаления от украденного корабля на время его дневного пути. Схема захватила ряд звездных систем, которых было немного, и псиграммист мог по очереди вызвать их и передать сообщения, которые передавались там офицеру Международных отношений.

По мере расширения сферы псиграммист переходил к новым объектам. Я к нужному времени подготавливал текст основного сообщения и направления передачи и дополнительное сообщение, которое псиграммист посылал на Центральную-14. Там отряд псиграммистов связывался с индивидуальными планетами, постоянно пополняя их список.

Все основные и дополнительные сообщения были на одну и ту же тему. Я подробно, с энтузиазмом излагал, обсуждал и негодовал. Я написал огромное число вариантов в самых разнообразных

формах. Я хотел, чтобы суть информации в том или ином виде попала во все газеты и журналы внутри этой расширенной сферы.

— Что это значит, разрази вас гром? — ворчал капитан Стенг.

Ему было скучно, он отказывался участвовать в операции, считая ее бессмысленной. И большую часть времени проводил в своей каюте, ругаясь на чем свет стоит. От скуки или любопытства он прочитал одно из моих сообщений.

— Миллиардер в поисках собственного мира... Космическая яхта сказочной роскоши...— Лицо капитана приобрело малиновый оттенок.— Какое отношение имеет этот вздор к поимке убийц?

Когда мы находились вместе, он был вежлив, но по еле уловимым признакам было заметно, что он считает меня поддельным адмиралом. Без сомнения, я оставался старшим, но отношения были формальными.

— Эта чепуха и вздор и есть та приманка, на которую клюнет рыбка, наша рыбка,— говорил я ему.— Ловушка для Пепе и его партнерши.

— А кто этот мифический миллиардер?

— Я,— сказал я.— Я всегда хотел быть богатым.

— А эта космическая яхта, где она?

— Строится сейчас в космоверфи в Удридде. Мы пойдем туда сразу же после того, как закончим подготовку.

Капитан Стенг бросил сообщение на стол и вытер руки так тщательно, как будто боялся подхватить инфекцию. Он пытался честно встать на мою точку зрения, но без малейшего успеха.

— Ничего не выйдет,— проворчал он.— Почему вы уверены, что они прочитают хотя бы одну из этих заметок? А если прочитают, почему должны заинтересоваться? По-моему, вы теряете время и он ускользает у вас между пальцев. Нужно поднять тревогу и оповестить все корабли. Привести Флот в состояние боевой готовности и выслать патрули на все космолинии.

— ...которые он может легко обойти или просто-напросто уничтожить, что более вероятно. Так что это не выход,— ответил я ему.— Этот Пепе очень ловок и хитер, он действует как игральный автомат. В этом его сила и одновременно слабость. Такие, как он, считают, что никто другой не может мыслить подобно им. А я могу!

— Вы не умрете от скромности,— бросил Стенг.

— Это точно,— ответил я.— Ложная скромность порождает некомпетентность. Я собираюсь поймать этого подлеца и расскажу вам, как я это сделаю. Он снова скоро совершит нападение, и там, где это произойдет, будет пресса с моими сообщениями.

— Независимо от целей нападения, он заберет все газеты и журналы, которые сможет найти. Отчасти чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом чтобы быть в курсе событий, которые его интересуют,— таких, к примеру, как движение кораблей.

— Вы только предполагаете, но не можете точно знать.

Его глубокая уверенность в моей некомпетентности действовала мне на нервы. Я сдержал раздражение и попытался в последний раз растолковать ему.

— Да, я предполагаю, но обоснованно предполагаю, основываясь на фактах. Из грузовоза он забрал все, что можно было читать,— это сразу бросилось мне в глаза. Мы не можем предотвратить новую атаку линкора, но можем убедиться после этого, все ли пойдет дальше так, как я думаю.

— Я не знаю,— сказал капитан.— Это звучит для меня подобно...

Я так никогда и не узнал, подобно чему это звучит для капитана, и это хорошо, так как он был бы в нокауте сразу после своих слов, а я тем самым уронил бы свой псевдотитул. Рев сирены прервал его, и мы бросились в комнату связи.

Капитан Стенг выиграл у меня полкорпуса, это был его корабль, и он лучше знал дорогу. Псиграммист держал расшифрованный текст, но все было ясно по выражению его лица. Он посмотрел на меня твердым и холодным взглядом.

— Они снова напали, разрушили спутник снабжения и убили 34 человека.

— Если ваш план не сработает, адмирал,— прошептал хрипло капитан мне в ухо,— я буду лично наблюдать, как с вас живого сдерут кожу!

— Если мой план не сработает, капитан, нечего будет сдирать. А сейчас, с вашего разрешения, мы отправимся в Удридду за моей яхтой, и немедленно.

Эта ненависть и презрение к моим действиям взбесили меня и вывели из равновесия. Мной сейчас руководила злость, а не логика. Я постарался взять себя в руки и привести в порядок мысли.

— Задержите выполнение последней команды! — крикнул я, возвращаясь к роли старого космического волка.— Установите связь и выясните, не останавливался ли кто-нибудь возле спутника.

Пока псиграммист занялся работой по моему запросу, я просмотрел некоторые бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали, делая слабые попытки выказать мне свою ненависть. Ответ должен был прийти в течение десяти минут.

— Так точно,— наконец ответил псиграммист.— Резервное судно останавливалось там за двенадцать часов до атаки. Среди прочего оставлены газеты, содержащие ваши статьи.

— Очень хорошо,— сказал я.— Пошлите общий приказ прекратить передачу разных сообщений. Передайте приказ только с помощью псиграммистов, не используя никакое другое сигнальное оборудование. Нельзя, чтобы нас подслушали.

Я медленно вышел, как хозяин положения. Но отвернув лицо в сторону, чтобы они не могли видеть на моем лице холодную испарину.

Мы немедленно направились в Удридду, где меня ждала яхта «Эльдорадо». Начальник верфи, показывая мне корабль, делал

деликатные попытки удовлетворить свое любопытство. Однако из садистского мщения Флоту я не сказал ему ни слова о своей миссии. После проверки аппаратуры и системы управления я попросил очистить корабль. В астронавигатор была заложена лента, которая выведет меня на курс, упомянутый в статьях. Нужно только нажать на кнопку, и я нажал.

Это была прекрасная яхта, на верфи позаботились даже о мелочах. От носа до кормовых дюз он был покрыт металлом с высоким альбедо, то есть чистым золотом. Имеются и другие металлы с высоким альбедо, но ни один из них не производит такого впечатления. Вся гарнитура тоже сверкала великолепием. Вся эта работа не была предусмотрена чертежами, Флот вынужден был приспосабливать яхту к моим нуждам.

Все было готово. Либо Пепе прихватит меня, либо я достигну райской планеты миллиардера. Если это случится, для меня будет лучше там и остаться.

Сейчас, когда я был в космосе, возродились прежние сомнения. План, выглядевший таким ясным и логичным, сейчас начал казаться идиотским.

«Стой на своем,— сказал я себе, используя адмиральский тон.— Ничего не изменилось, это все еще лучший и единственный план, возможный в данных обстоятельствах».

А так ли это? Могу я быть уверенным, что Пепе, летя на своем корабле и питаясь флотским рационом, заинтересуется комфортом и роскошью? Или, если роскошь его не волнует, захочет ли он завладеть имуществом собственника планеты? Я загрузил трюм всем, что может желать человек, и оставил информацию об этом во всех мыслимых местах. Наживка была на месте, но схватит ли он крючок? Я не мог этого сказать. Состояние мое было крайне нервозное. Я пытался сконцентрировать внимание на чем-нибудь еще, но ничего не получалось.

Следующие четыре дня прошли спокойно.

Когда зазвучал сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Я мог быть убит и превращен в пыль, но не в этом дело.

Пепе проглотил наживку. Единственный корабль в Галактике, который мог выглядеть на экране таким огромным с такого расстояния, был его. Огромная энергия двигателей линкора позволила ему создать такое тормозящее поле, что моя яхта буквально стала на дыбы. Одновременно зажегся сигнал: «Внимание, радиопередача». Я подождал, сколько хватило терпения, затем включил приемник. Ворвался голос:

— ...что вы под прицелом военного корабля! Не делайте попыток хитрить, или любым другим способом...

— Кто вы и что вам нужно, черт бы вас побрал!—закричал я в микрофон. Мой сканнер был включен, так что они могли видеть меня, мой же экран оставался темным, они не послали картинку. Они могли видеть роскошную одежду на мне, богатое убранство кабины за моей спиной, но не могли видеть моих рук.

— Не важно, кто мы! — прогремело радио.— Выполняйте распоряжения, если хотите жить. Отойдите от управления, пока мы не причалим, затем будете делать все, как я скажу.

Послышались два приглушенных щелчка, это магниты захватили корпус. Корабль накренился. Я, в расчете, что меня видят, округлил глаза в испуге и начал озираться, ища пути к спасению. Яхта расположилась у космошлюза линкора. Я нажал кнопку и послал робота-сварщика, куда было задумано.

— А теперь позвольте мне сказать вам кое-что,— рявкнул я в микрофон, снимая маску испуганного миллиардера.— Во-первых, я повторяю ваши слова: выполняйте распоряжения, если хотите жить. И я покажу вам почему...

Я повернул переключатель, подающий последовательную программу работы. Корпус был, конечно, намагничен и крепко держал бомбы. В соответствии с заданной программой сканнер в кабине включился в заданный режим, ждущий, а в генераторном отсеке — в рабочий. Я проверил переносной экран-монитор и начал натягивать скафандр. Необходимо было сделать это быстро, одновременно поддерживая разговор. Они должны быть уверены, что я по-прежнему сижу в кабине управления.

— Как видите, это генератор корабля. Девяносто восемь процентов мощности сейчас питают электромагниты. Разделить нас практически невозможно. И я не советую вам это делать.

Скафандр был надет, но я продолжал говорить, используя микрофон, подсоединенный к главному передатчику через шлем. Картина в мониторе изменилась.

— Сейчас вы видите водородную бомбу, которая держится на предохранителе только за счет того, что магнитное поле прижало корпус вашего линкора к ней. Она, несомненно, взорвется, если вы попытаетесь отделиться.

Я схватил экран-монитор и помчался к шлюзовой камере.

— А вот это другая бомба,— сказал я, глядя одним глазом на экран, а другим на медленно открывающуюся входную дверь.— У нее есть датчики на корпусе. Если вы попытаетесь разрушить часть моего корабля, или открыть главный входной люк, она сдетонирует.

Я был уже в космосе, приближаясь к огромному линкору.

— Чего вы хотите? — Это были первые слова Пепе, произнесенные им после моей демонстрации.

— Я хочу поговорить с вами и прийти к соглашению, представляющему интерес для нас обоих. Но чтобы вы правильно судили о моих возможностях, я покажу вам остальные бомбы.

И я показал им остальные бомбы, это было нетрудно. Сканнеры яхты работали по заранее составленной программе. Я бегло продемонстрировал остальное вооружение, которое могло привести к нашей совместной гибели; сам же я пролез в дыру в корпусе линкора, проделанную роботом. Это место было тщательно выбрано по чертежам, здесь не было толстой брони и датчиков-сторожей.

— Да, да... я понял... вы летающая бомба. Прекратите свой репортаж и скажите, что вы собираетесь делать?

На этот раз я ему не ответил. Отключив микрофон и дыша как загнанная гончая, я мчался по переходам линкора. Если верить чертежам, то где-то здесь должна быть дверь в рубку управления. Пепе, конечно, там.

Я вошел, выхватил пистолет и направил ему в затылок. Анжелина стояла рядом с ним и смотрела на экран.

— Игра окончена,— сказал я.— Стойте спокойно и не двигайтесь!

— Что это значит? — спросил он зло, глядя на экран перед собой. Девушка догадалась раньше. Она обернулась и воскликнула:

— Он здесь!

Они уставились на меня, растерянные и испуганные.

— Вы арестованы, главарь,— сказал я ему,— и ваша девушка тоже.

Анжелина закрыла глаза и скользнула на пол. Действительно или притворно, я не знаю. Под прицелом моего пистолета Пепе подхватил ее и уложил в амортизационное кресло у стены.

— Что... что теперь будет? — спросил он дрожащим голосом. Нижняя челюсть у него тряслась, в глазах стояли слезы. Это не произвело на меня впечатления, я не забыл, сколько людей он погубил. Он потащился к креслу и почти упал в него.

— Что они сделают со мной? — спросила Анжелина. Она уже открыла глаза.

— Я не знаю, что они сделают с вами,— сказал я отрешенно.— Это решит суд.

— Они сделают со мной все эти штуки,— заплакала она. Анжелина была молода, черноволоса и красива, слезы совсем не портили ее.

Пепе уронил лицо в ладони, плечи его тряслись. Я ткнул пистолетом в его сторону.

— Перестаньте, Пепе. Трудно поверить в ваше раскаяние. Сюда сейчас идут несколько кораблей Флота — минуту назад был автоматически включен сигнал тревоги. Я думаю, они будут рады увидеть человека, который...

— Не отдавайте меня им, пожалуйста! — Она была уже на ногах, прижимаясь спиной к стене.— Они упрячут меня в тюрьму, изменят мой мозг.— Она, спотыкаясь, двигалась вдоль стены. Я оглянулся на Пепе, не желая надолго терять его из виду.

— Я ничего не могу сделать,— сказал я ей. Обернувшись, я увидел, как открывается маленькая дверь и Анжелина исчезает.

— Не вздумайте бежать! — крикнул я ей вслед.— Ничего из этого не выйдет!

Пепе издал странный звук, и я повернулся к нему. Сейчас он сидел прямо, лицо его было сухим. Он смеялся, а не плакал.

— Вот так! Она и вас провела, мистер Супердетектив, бедная маленькая Анжелина с нежными глазами.— Он согнулся, сотрясаясь от смеха.

— Что это значит? — прорычал я.

— Все еще не поняли? Она жалобно причитала... и обвела вас вокруг пальца. Весь план строительства линкора и его угона принадлежал ей. Это она втянула меня, полностью подчинила своей воле. Я жил с ней, и был счастлив, и презирал себя. Я рад, что все так случилось. По крайней мере, я дал ей шанс. Хотя мне казалось, что мы взорвемся, когда она выскочила.

Я стоял перед ним, словно парализованный.

— Вы лжете, — сказал я резко, но уже и сам не верил в это.

— Да нет. Это правда. Ваши мальчики-психиатры разложат мой мозг по кусочкам и убедятся, что я не вру.

— Мы обыщем корабль, она не сможет прятаться долго.

— Она не будет прятаться, — ответил Пепе. — В одном из помещений мы спрятали быстроходный катер. Может быть, это он сейчас отходит.

Мы почувствовали через пол отдаленную дрожь и вибрацию.

— Флот поймает ее, — сказал я ему с уверенностью, которую сам не ощущал.

— Может быть, — сказал он, внезапно прекратив смеяться и становясь серьезным, — может быть. Но я дал ей шанс. Со мной покончено, но она знает, что я любил ее до конца. — Он скрипнул зубами, как от внезапной боли. — Да только ей это все равно.

Мы оба замолчали и больше не двигались, пока не подошли корабли Флота и их боты не причалили к линкору.

Я захватил линкор и покончил с этим кошмаром! Я не мог винить себя, если девушка ускользнет. Если она проскочит между кораблями Флота, это будет их ошибкой, а не моей.

Я торжествовал победу.

Но мое счастье было неполным. У меня было предчувствие, что с Анжелиной мы еще встретимся.

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои тяжелые предчувствия никогда не оправдались. Нельзя винить Флот, если он упустит Анжелину, — они не первые и не последние, кто может недооценить то, что лежит позади этих прекрасных глаз. И я себя не винил. После моей первой ошибки, когда я позволил ей уйти, важно не сделать вторую. Я еще не до конца поверил в то, что Пепе рассказал о ней. Вся история могла оказаться ловко придуманной ложью, чтобы отвлечь мое внимание от охраны его персоны.

Я человек очень недоверчивый. Ствол моего пистолета был направлен точно между глаз, палец слегка нажимал спусковой крючок. Так продолжалось до тех пор, пока в кабину не вошел отряд космонавтов.

Когда они забрали Пепе, я включил сигнал общей тревоги для поимки Анжелины со специальным предостережением соблюдать максимальную осторожность. Еще до того, как все корабли приняли сигнал, на экране моего локатора появилось изображение ее катера.

Я вздохнул с облегчением. Если она действительно является

мозгом всей операции, я не хотел бы ее потерять. Она вместе с Пепе и линкором представляет прекрасный подарок для Инскина. Да у нее и нет шансов, корабли устремились за ней со всех сторон. Для них это привычная работа, и теперь это только дело времени.

Передав все дела и линкор Флоту, я вернулся на свою роскошную яхту, нацедил большой стакан шотландского виски — такого нет ни у кого в радиусе двадцати световых лет и раскурил длинную сигару. Усевшись с комфортом перед экраном, я стал наблюдать за погоней.

Анжелина, наверное, корчилась от боли, делая крутые повороты, чтобы избежать пленения. Перегрузки порядка 15 = Ж могут лишить ее сознания. Но все это напрасно, так как они все равно поймали катер в сети через короткое время и скоро ее арестуют. Никто из нас не предполагал, как важна длительность этого времени, пока абордажная команда не ворвалась на катер.

Он, конечно, был пуст.

Только через десять дней мы до конца поняли, что произошло. Это было безжалостно и ужасно, и даже если бы психиатры не подтвердили нам искренность Пепе, я бы все равно поверил ему.

Анжелина все время была на шаг впереди нас. Покинув линкор на катере, она и не пыталась улететь. Вместо этого на полной скорости она настигла ближайший звездолет, небольшой крейсер с двенадцатью членами экипажа на борту. Они, конечно, понятия не имели, что произошло на линкоре, так как я еще не давал сигнала общей тревоги. Я должен был сделать это сразу же, как только она убежала, и 12 хороших человек остались бы живы.

Мы никогда не узнаем, что она им наговорила, когда проникла на корабль, но у них не возникло ни сомнения, ни подозрения. Может быть, что-нибудь о бегстве от бандитов. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальные были застрелены. Мы узнали об этом, когда крейсер был найден совершенно безжизненным, дрейфуя в нескольких парсеках от своего курса. После захвата крейсера она перевела катер на дистанционное управление и стала выкидывать номера.

Пока мы за ним гонялись, она увела крейсер в хвост погони, а затем исчезла. Дальше ее след терялся, хотя ясно, что она должна была захватить еще один корабль. Что это был за корабль и где она его нашла, было совершенно неизвестно.

Вернувшись в штаб-квартиру Корпуса, я пытался все это объяснить всемогущему Инскину. Он же смотрел на меня холодными глазами, и получалось так, словно я оправдываюсь.

— Я ведь привел вам линкор и Пепе,— говорил я.— Может быть, после чистки его личность будет жить в мире с самим собой. Анжелина перехитрила меня и сбежала. Не углядел. Но она работает в сто раз лучше, чем эти болваны из Флота!

— Зачем столько эмоций? — сказал Инскин спокойно.— Никто не обвиняет вас в нарушении долга. Вы ведете себя так, как будто у вас нечистая совесть. Вы проделали хорошую работу. Прекрасную работу. Огромную работу... для первого задания...

— Вот вы опять,— взмолился я.— Тычете мне моей совестью. Лучше за ним присматривайте...— Я указал на Пепе Перо, сидевшего вблизи нас в ресторане. Он медленно что-то жевал, бормоча под нос с бессмысленным выражением лица. Из его мозга была стерта старая и внедрена новая личность. Старым осталось только тело Пепе, которое любило Анжелину и украло линкор.

— Психологи работают над новой теорией тела-личности,— мягко сказал Инскин.— Так почему бы не подержать его здесь под наблюдением? Если в новой личности будут развиваться его криминальные наклонности, это позволит нам завербовать его в Корпус. Что ты о нем думаешь?

— Ничего,— ответил я.— После той резни, которую он устроил для своей подружки, можете делать из него хоть рубленый бифштекс. Но он напоминает мне, что она еще не поймана и находится на свободе. Гуляет и планирует новые преступления. Я хочу найти ее.

— Нет,— возразил Инскин.— Ты уже спрашивал меня, и я отказал. Этот вопрос сейчас не подлежит обсуждению.

— Но я могу...

— Что ты можешь?— Он со злостью посмотрел на меня.— Все офицеры в Галактике имеют ее описание и занимаются ее поисками. Разве ты сейчас сможешь сделать больше, чем сделают они?

— Да, не смогу,— проворчал я. Я отодвинул свою тарелку, встал и сказал как можно естественнее:— Я рассчитываю получить большой графин чего-нибудь подкрепляющего. Пойду к себе и залью горе.

— Будет тебе графин. И забудь Анжелину. Приходи ко мне в девять утра более рассудительным.

— Рабовладелец,— пробубнил я, закрывая дверь и идя по коридору от резиденции Инскина. Отойдя так, чтобы меня не было видно, я повернул в сторону космопорта.

Итак, я уже начал пользоваться уроками Анжелины. Если у вас есть план — приводите его в действие немедленно. Не давайте ему залежаться, утратить новизну, позволить другим людям тоже думать о нем. Я сейчас восстал против одного из самых проницательных людей, и уже одна эта мысль доставляла мне удовольствие. Я нарушил приказ Инскина, уходя от него из Корпуса. Уходя не в прямом смысле, а только для того, чтобы окончить работу, которую для них же и начал. Только теперь, очевидно, все придется делать самому.

У меня в комнате лежали инструменты, приспособления и приличная пачка денег. Это здорово пригодилось бы мне теперь. Придется обойтись без этого. К тому времени, когда Инскин задумается, почему я вдруг согласился с ним, я хочу быть в космосе.

Механик с роботом-грузчиком готовили космолет.

Я встал рядом и официальным тоном спросил:

— Это мой корабль?

— Нет, сэр. Это для полного агента Нильсена. Да вот он и сам идет.

— Ну-ка, сбегай в центральный корпус и проверь управление оттуда.

— Новая работа, Джимми? — спросил Нильсен, подходя ко мне.

Я кивнул, наблюдая за ним.

— То ли новая, то ли старая. А как твой теннис? — Я поднял ладонь, изображая ракетку.

— О, с каждым днем все лучше,— ответил он, поворачиваясь к своему кораблю.

— Я научу тебя новому удару,— сказал я, опуская ребро ладони ему на шею. Он беззвучно клюнул носом. Я подхватил его и аккуратно уложил за штабелем каких-то бочек, не забыв забрать из его ослабевших пальцев коробку с лентами курса.

Пока механик не успел вернуться, я заперся в корабле, вложил курсовую ленту в блок управления и дал запрос на взлет. Прошла целая вечность, пока наконец не зажегся зеленый огонек.

И вот я в полете. Как только пусковые ускорители прекратили разгон, я с отверткой в руке набросился на пульт управления. В нем обязательно должен быть дистанционный блок, поскольку все корабли Корпуса должны быть способны к управлению на расстоянии. Я открыл это во время одного из моих первых тренировочных полетов на одном из таких кораблей, ведь одним из моих положительных качеств всегда была любознательность. Я отсоединил входные и выходные клеммы и перешел в машинный зал.

Может быть, я был излишне подозрителен. Я имел слишком плохое мнение о человечестве. И об Инскине, у которого на все была своя точка зрения. Люди более доверчивые, чем я, наверняка бы проигнорировали радиоуправляемый заряд самоликвидации, встроенный в двигатель. Его можно использовать для взрыва корабля в случае его захвата. Я не думал, что они используют это против меня, разве что в исключительном случае. Тем не менее я решил его обезвредить.

Заряд представлял собой блок из бурмедекса, встроенный в корпус двигателя. Крышка спала легко, и глазам предстала путаница проводов, ведущих к взрывателю с шестигранной головкой, ввинченному в толщу блока. Я обхватил его пальцами, сжал до потемнения в глазах и попытался повернуть. Последним усилием рвущейся плоти и вывихнутых суставов я сдвинул его, а затем и освободил. Он повис на своих проводах, словно нерв, вырванный из зуба.

И вдруг он взорвался с громким хлопком и облаком густого черного дыма.

С противоестественным спокойствием я смотрел сквозь это облако черного дыма на дырку в блоке. Корабль и его содержимое должны были превратиться в пыль.

— Инскин,— сказал я, но в горле у меня пересохло, и голос сорвался.— Инскин,— сказал я снова,— я получил от тебя весточку. Ты думал, что даешь мне отставку. Нет, это я сам выхожу из Специального Корпуса!

Я почувствовал облегчение. Снова я был один и отвечал только за себя. Корабль уже достаточно долго шел по курсовой ленте, выбранной наугад из кучи. Перехватить меня было практически невозможно, но я мог подготовить ленту для нового курса. Курса куда? Я еще не знал. Нужно было подумать, хотя у меня не было сомнений, что я должен делать. Искать Анжелину! Сперва эта мысль казалась глупой: взять на себя работу Корпуса, который от меня отказался. Это была их работа. Но потом я понял, что не в Корпусе дело. Анжелина была для меня как призовая чемпионская медаль. Есть что-то в Джиме ди Гризе, чего вы не понимаете: название этому — обычное самолюбие.

Самолюбие — это единственная вещь, которая поддерживает в мужчине бодрость духа и настраивает его на работу. Отнимите это, и вы останетесь ни с чем. Я не знал толком, что я буду с ней делать, когда найду. Возможно, сдам в полицию, так как людей, ей подобных, позорящих мое бывшее ремесло, нужно изолировать от нас же самих. Но лучше делить рыбку, когда она уже будет поймана.

Необходим был план, и в первую очередь необходимо было подготовить все для его создания. Сперва мне показалось, что на корабле нет сигар, это был ужасный момент. Но потом сервировочный блок, поскрипев, выдал мне из какого-то дальнего и темного угла коробку. Сигары были, конечно, не блеск, но это лучше, чем ничего. А вот бренди у Нильсена всегда лучших сортов, тут у меня не было замечаний. Промочив горло и закурив, я велел своей черепушке заняться проектом.

Для начала мне нужно было поставить себя на место Анжелины во время ее бегства. Лучше всего, конечно, фактически оказаться там, но это было нереально. Уж один-то корабль Флота там наверняка дежурит. Однако, чтобы решать подобные проблемы, они построили компьютер, и я ввел в него координаты места, где это случилось. Мне не было нужды лазить по справочникам, эти цифры горели у меня в мозгу огненными письменами. У компьютера была огромная память и высокое быстродействие. Он блаженно хмыкнул, когда я запросил у него координаты всех звезд, близлежащих к месту происшествия. Через десять секунд он закончил просмотр всех своих каталогов и сообщил об окончании работы мелодичным звоном колокольчиков. Я взял список первой дюжины звезд и отметил, что расстояния до них очень велики.

Сейчас я должен думать так же, как и Анжелина. Я должен стать убийцей, за которым охотятся, которого травят и у которого за спиной 12 свеженьких трупов. На всех направлениях враги.

Она должна держать тот же список, выданный компьютером похищенного крейсера. Теперь куда? Скрыться куда-нибудь. Куда-нибудь прочь отсюда. Взгляд на список — и ответ кажется очевидным. Две ближайшие звезды расположены в одном и том же квадрате неба в пятнадцати градусах одна от другой, приблизительно на равном расстоянии от крейсера. Очень важным было то,

что третья звезда находилась в другом секторе и вдвое дальше.

Итак, вперед, к первым двум звездам. Это было решение, принятое в спешке, но вполне разумное. Вперед, к солнцам, мирам и трассам, где можно найти другие корабли. Крейсер должен быть брошен до появления какой-нибудь планеты, и чем скорее, тем лучше, так как любой корабль в Галактике может опознать его. Надо встретить другой корабль — корабль ИКС — захватить его, крейсер бросить и... что дальше?

Тут мои мозги забуксовали, и я должен был подкрепить их градусами и свежей сигарой. Сидя с полузакрытыми глазами, я постарался восстановить полет. Захвачен новый корабль, и надо лететь к планете. В космосе Анжелина находится в постоянной опасности, ей грозит изменение личности. Когда я нашел эти две звезды в планетарном каталоге, выбор был очевиден. Место имело варварское название Фрейбург.

Там было еще полдюжины планет вокруг двух солнц, но они отпадали сами собой. Либо слишком слабо заселены, так что каждый переселенец или незнакомец оказывался на виду, либо организованы так хорошо, что нельзя было долго оставаться незамеченным. У Фрейбурга отсутствовали эти недостатки. Он состоял в Лиге меньше двухсот лет и пребывал в состоянии счастливого хаоса. Смесь старого и нового, доконтактной культуры и неоконтактной цивилизации. Прекрасное место для нее, чтобы затеряться, отсидеться и появиться вновь в новом обличии.

Придя к такому решению, я почувствовал двойное удовлетворение. Это было не просто упражнение мысли на выживание,— ведь я и сам находился сейчас в таком же положении, как и Анжелина. Инцидент со взрывателем ясно показал, как Корпус относится к своим дезертирам. Фрейбург — место, которое и меня прекрасно скроет. Я счастливо вздохнул и расслабился.

Когда я пришел в себя, пора было выходить из подпространства и прокладывать новый курс. Однако была еще вещь, которой нужно было заняться в первую очередь. Много небольших фактов я узнал, еще будучи в Корпусе. Один из них, обычно представляющий интерес только при изучении техники космопереходов, состоял в необычном распространении излучения в подпространстве, особенно радиоволн. Если вы вели передачу на одной частоте, то получали мощные ответные сигналы на всех частотах, как будто радиоволны сжимались и возвращались обратно.

Обычно не представляющий интереса, этот экзотический эффект позволяет вести наблюдение за вашим кораблем. Я решил, что для Специального Корпуса вести наблюдение за своим кораблем является вполне разумной предосторожностью. Поэтому тщательно спрятанный узкополосной передатчик будет являться для них постоянным маяком.

Его-то я и должен найти до того, как появиться вблизи какой-нибудь планеты.

Из внутреннего динамика иногда слышались шум и рев, и

я проклинал разработчика, но прежде чем искать передатчик, я должен был убедиться, что он вообще есть и имеет достаточно мощный сигнал для больших расстояний. Несколько экспериментов с экранами показали, что мистический сигнал не более чем излучение самого корабля. После экранирования эфир затих. Я с облегчением вздохнул и вышел из суперперехода.

Путешествие подходило к концу. Я перерыл все корабельное имущество и подобрал кое-что для дальнейшего использования. Тщательно подобрал разнообразные баги. А восстанавливать внешность Скользкого Джима доставило мне большое удовольствие. Расширители в ноздри, подушечки под щеки, краситель на голову — и старая боевая лошадь снова готова к работе.

Я посмотрел в зеркало... выругался... и начал убирать всю эту маскировку столь же тщательно, как ее и делал. Ведь было же для меня всегда законом не расслабляться во время работы! Шаблонное поведение всегда ведет к неприятностям! Инскин прекрасно знал мою старую внешность, и наверняка оба моих описания разосланы повсюду.

Теперь я уже более тщательно наложил грим и создал нечто совсем иное. Создал очень просто — за счет изменения в лице и волосах. Более сложная работа потребовала бы в дальнейшем больше времени для поддержания в аккуратном состоянии внешности, а Фрейбург был большим вопросительным знаком, и я не хотел об этом там думать. Я хотел спокойно все обыскать и определить, нет ли следов Анжелины.

Оставалось еще два дня корабельного времени, и я потратил их на приготовление различного рода приспособлений, которые могут мне пригодиться — мини-гранат, потайных пистолетов. Как только раздался сигнал об окончании рейса, я собрал весь остальной хлам и уничтожил его.

Единственным городом с приличным космопортом на Фрейбурге был Фрейбургбад, расположенный на берегу огромного озера с чистой водой. Глядя, как солнечные блики бегают по его поверхности, я почувствовал внезапное желание искупаться. Этот позыв, по-видимому, был вызван желанием спрятать корабль. Спрятать на дне в глубокой части озера, где он всегда будет под рукой, если понадобится.

Чтобы не попасть на радар, я снижался за зубчатой горной грядой. Проходя в темноте над озером, я обнаружил навигационный радар космопорта, но мой корабль был слишком далеко от берега. Штормовая погода сокращала видимость и уменьшила мое желание искупаться. Ближе к берегу я обнаружил канал и снизился над ним, собрав все необходимое в сумку. Глупо, конечно, так нагружаться, но у меня рука не поднималась оставить все эти прекрасные приборчики из Корпуса на дне.

Погрузив все в водонепроницаемый пакет, я натянул скафандр и перешел в шлюзовую камеру. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я поплыл в сторону невидимого берега. Я ско-

рее представил, чем услышал бульканье позади меня, когда корабль аккуратно пошел на дно.

Плавать в скафандре так же неудобно, как заниматься любовью в космосе, в невесомости. Я добрался до берега в состоянии, близком к изнеможению. Выбравшись из скафандра, я с большим удовольствием наблюдал, как он превращается в шлак в жаре трех термитных шашек. С еще бо́льшим удовольствием я отправил этот шлак в озеро пинком ноги. Непрерывно льющийся дождь смыл все следы костра. По-видимому, в такой дождь даже свет от термита невозможно было различить на расстоянии. Забравшись под водонепроницаемую пленку, мокрый и жалкий, я ждал рассвета.

Ночью я иногда просыпался без видимой причины, но окончательно очнулся, когда уже было светло. Было как-то не по себе, и когда я услышал голос, то понял, что будило меня всю ночь.

— Идете в Фрейбургбад? Конечно, куда же еще можно идти. Я тоже туда собираюсь. Залезайте в лодку. Старая лодка, но хорошая. Прогуляемся...

Голос бубнил и бубнил, но я его не слушал. Я проклинал себя, что нежданно-негаданно попался на глаза этому парню с «долгоиграющим голосом». Он плыл рядом с берегом в маленькой лодочке: она низко сидела в воде, нагруженная тюками и узлами, и над всем этим торчала голова. Пока его челюсти продолжали двигаться, я имел возможность внимательно рассмотреть его.

У него была длинная всклоченная борода, торчащая во все стороны, и маленькие темные глазки, спрятанные под невероятно задрипанной шляпой. Мой первоначальный испуг почти прошел. Если этот чудак не сыщик, то случайная встреча может иметь для меня большое значение и оказаться кстати.

Когда этот дикарь остановился, чтобы сделать вдох, я решил принять его приглашение и, схватившись за планшир лодки, подтянул ее ближе. Закинув на плечо сумку и держа руку в кармане на пистолете, я перепрыгнул внутрь. Для осторожности, как оказалось, не было никаких причин.

Зуг, как его звали, что мне удалось с трудом выяснить в процессе его бесконечного монолога, вывернул за борт мотор, прикрепленный к корме, и включил его. Это был атомный тепловой преобразователь, простой и эффективный, он засасывал воду из озера, доводил до кипения и выбрасывал под давлением пара уже через другое отверстие. Во время движения практически не было никакого шума. Лодка скользила как по волшебству.

В отношении Зуга все оказалось нормальным, и хотя я еще не на все сто процентов избавился от подозрения и продолжал держать руку на пистолете, встреча с ним, по-видимому, была большой удачей. Я начал понимать, откуда берется этот неудержимый поток слов. Он был охотник, который после многих месяцев одиночества и молчания вез в магазин меха. Вид человека и вызвал это словоизвержение, которое я и не пытался остановить, так как он фактически отвечал на многие мои незаданные вопросы.

Много забот вызвала у меня одежда. В конце концов я решил остаться в дорожном костюме, выдержанном в нейтральных тонах. Вы видели такие, распространенные с небольшими вариациями на всех планетах Галактики, поэтому Зуг не обратил на него особого внимания. В жизни он, видимо, не был болтуном, но вот любителем одеться был точно. Его куртка была сделана скорее всего из местных шкур. Она была пурпурно-черной и очень красивой, несмотря на грязь и мусор, прилипшие к ней. Штаны были из сукна машинной выработки, а ботинки, как и мои, из «вечного» пластика.

Техника у Зуга была подтверждением впечатления, произведенного одеждой,— смесь старого и нового. Для мира, подобного Фрейбургу, недавно вошедшему в Лигу, трудно ожидать чего-то иного. Электрическое ружье, прислоненное к связке стальных стрел для арбалета, создавало типичную картину. Несомненно, он в равной степени пользовался и тем и другим. Я уселся на мягкие тюки и стал наслаждаться путешествием и разгорающейся зарей, поливаемый непрерывным водопадом слов.

Мы добрались до Фрейбургбада к полудню. Зуг практически не втягивал меня в разговор, он предпочитал говорить сам, поэтому несколько моих неопределенных высказываний вполне его удовлетворили.

С большим удовольствием он угостился концентратами из моего пакета и в ответ протянул фляжку с какой-то жидкостью, изготовленной в его горном жилище. Ее вкус был непередаваемо ужасен, во рту осталось ощущение стальной стружки, смоченной в серной кислоте. Однако после нескольких глотков все встало на свое место, и мы веселенькие подплыли к пахнущему рыбой доку в пригороде. Причаливая, мы чуть не утопили большую лодку, что показалось нам ужасно забавным,— это дает вам представление о нашем состоянии. Я пошел в город и отсиделся в парке, пока мои мозги не прочистились.

Старое и новое стояло здесь рядом, здания из пластика соседствовали с кирпичными и оштукатуренными. Сталь, стекло, дерево, камень совмещались нераздельно. Так же и люди, одетые в странную смесь типов и стилей. Я больше интересовался ими, чем они мной, и какой-то робот обратил на меня внимание. Он махал передо мной напечатанными заголовками и выкрикивал в ухо названия до тех пор, пока я не внял ему и не взял газету, чтобы от него отвязаться. Валюта Лиги имела здесь хождение наравне с местными деньгами, и робот не выразил протеста, когда я опустил монету в его грудную щель. Он дал мне сдачу в фрейбургских гильденах, несомненно по разорительному курсу.

Все новости были совершенно тривиальными, а вот объявления и реклама заинтересовали меня. Я просмотрел список больших отелей, сравнив их комфортабельность и стоимость.

Это заставило меня буквально ужаснуться. Как быстро мы теряем старые привычки. Всего месяц честной жизни, и я уже рассуждаю как порядочный человек.

— Ты преступник! — процедил я сквозь зубы и плюнул на надпись «Не плевать». — Ты презираешь закон и прекрасно обходишься без него. Ты есть закон в себе и самый честный человек в Галактике! Ты не нарушаешь никаких правил до тех пор, пока они тебя не касаются, и нарушаешь каждый раз, когда видишь в этом нужду.

Все это была правда, и я презирал себя за то, что так быстро это забыл. Этот маленький период честности в Корпусе подействовал на меня как зараза, разрушая все мои наилучшие антисоциальные тенденции.

— Думай, как украсть! — крикнул я так громко, что испугал девушку, прогуливающуюся по дорожке. Догадавшись, что она услышала меня, я бросил на нее такой злобный взгляд, что она сочла за лучшее спрятаться. Я тоже поднялся и направился в противоположном направлении, высматривая возможность что-нибудь совершить. Я решил восстановить свой прежний образ жизни до того, как займусь поисками Анжелины.

Возможность легко представилась, через десять минут план был готов. Все необходимое оборудование было у меня с собой. То, что могло мне понадобиться для работы, я переложил в карманы и набедренный пояс, а сумку сдал в камеру хранения. Все в Главном банке Фрейбурга располагало к грабежу. Три выхода, четыре охранника, толпа народу. Четыре живых охранника! Ни один банк не станет платить им зарплату, если у него есть электронная защита. Я чуть не пел от радости, стоя в очереди к одному из живых клерков. Полностью автоматизированные банки грабить нетрудно, но для этого требуется специальная техника. Вот такая смесь машин и людей была лучше всего.

— Разменяйте десятизвездную Лиги на гильдены, — сказал я, положив блестящую монету на стойку перед клерком.

— Да, сэр, — сказал клерк, мельком взглянув на монету и отправляя ее в счетную машину рядом с ним. Его пальцы уже отсчитывали для меня соответствующее количество гильденов, еще до того, как появились цифры обменного курса. Делалось это механически. Мои деньги брякнулись в чашку передо мной, и я стал медленно считать их, в действительности мои мысли были направлены на монетку, которая крутилась и вертелась в машинных внутренностях. Когда я стал уверен, что она закончила свое путешествие и приземлилась в подвале, я нажал кнопку на своем передатчике, расположенном на поясе.

Для этого нельзя подобрать другого слова, кроме как «прекрасно». Подобные вещи, оставаясь в памяти, вызывают самые прекрасные воспоминания даже через годы после того, как они произошли. Потребовались долгие часы, чтобы создать эту монету, но их было не жаль. Я распилил ее пополам, вычистил изнутри, встроил туда радиоприемник, запал и заряд, и залил свинцом до первоначального веса.

А сейчас она взорвалась! Глухой удар в недрах банка сопровождался треском и громом. Задняя стенка, поддерживающая свод,

треснула и извергла из себя поток денег и дыма. А последний вдох умирающей счетной машины принес неожиданный сюрприз. Денежные аппараты у кассиров пробудились к бурной деятельности. Поток больших и малых монет обрушился на обалдевших посетителей, которые, однако, быстро оправились от удивления и начали набивать карманы. Но их радость была недолгой. Тот же самый радиосигнал взорвал дымовые и газовые бомбы, которые я предусмотрительно разложил во все корзины для бумаг. Возбужденная публика не заметила, как я бросил еще несколько бомб к кассирам. Этот газ — эффективная смесь рвотных и слезоточивых компонентов по моему рецепту. Его действие было мгновенным и мощным (в банке, конечно, не было детей, я не могу быть столь жестоким к юным созданиям, не умеющим себя защитить). Через несколько секунд клиенты и служащие стали терять способность видеть.

Когда газ подобрался ко мне, я нагнулся и надел защитные очки, а распрямившись, увидел, что являюсь единственным человеком в банке, способным что-то разглядеть. Дышал через предусмотрительно вставленные носовые фильтры. Мой кассир исчез из виду, и я совершил изящный нырок на животе через окошко в стойке.

Теперь надо было выбирать и собирать. Деньги были разбросаны повсюду. Я игнорировал всяческую мелочь и отыскал место, где извергался золотой дождь, можно сказать — водопад. Через две минуты я наполнил взятую с собой сумку и был готов удалиться. Дым вблизи дверей стал таять, но несколько гранат вернули все на место.

Все шло как задумано, кроме одного осла из охраны, ужасно надоедливого. Ему показалось, что что-то неладно, и он стал палить направо и налево. Еще хорошо, что никого не убил. Я отнял у него пистолет и трахнул его им по голове.

Дым вблизи дверей стал очень плотным, это позволяло увидеть с улицы, что же происходит внутри банка. Они, конечно, знали — происходит что-то плохое. Двое полицейских, выхватив пистолеты, кинулись внутрь, но тут же стали такими же беспомощными, как и остальные. Я организовал помощь пострадавшим и начал легонько подталкивать и подпихивать их к дверям. Когда образовалась достаточная группа, я собрал их, и мы все вместе выползли на улицу. Очки я сунул в карман, а глаза закрыл. Какие-то вежливые люди помогли мне, я поблагодарил их и, смахнув рукой слезы, побрел своей дорогой.

Вот как все это легко. Легко, если план заранее продуман, и ты не рискуешь по-пустому. Мой дух был бодр, а кровь весело бежала в жилах. Жизнь снова стала прекрасной и интересной. Теперь будет несложно найти следы Анжелины. Теперь нет ничего такого, чего бы я не смог сделать.

Я находился на гребне эмоциональной волны. Сняв комнату в отеле для космонавтов вблизи порта, я привел себя в порядок и отправился наслаждаться прелестями жизни.

В округе было много «веселых» заведений, и я решил по ним прогуляться. Перекусив в одном из них, я в каждом последующем пропускал по рюмочке. Если Анжелина на Фрейбурге, то она скорее всего посетит эти места. Тут должен быть ее след, я чувствовал это всеми фибрами, как один преступник чувствует другого.

— Не пригласит ли кто девушку выпить? — услышала я равнодушный голос проститутки и без всякого интереса повернул голову. Девушки, бледные создания ночи, уже вышли на свой вечерний промысел. Я получил уже достаточно предложений — мой внешний вид делал меня похожим на космонавта на отдыхе, а это всегда прекрасный источник дохода для этих курочек.

Эта выглядела получше предыдущих, по крайней мере была лучше сложена. Я с интересом, потом с восхищением стал наблюдать за ней. Ее юбка в обтяжку была короткой, с высокими разрезами по бокам. Высокие каблуки создавали при ходьбе вращательное движение бедрами, это создавало потрясающий эффект. Она достигла бара и повернулась, отдавая себя на всеобщее обозрение. Ее кофточка была сделана из узких мерцающих полосок, скрепленных только сверху и снизу. Во время ходьбы полоски расходились, обнажая кожу, гладкую и загорелую. Грубая животная страсть охватила меня. Мои глаза в конце концов достигли ее лица — длинное путешествие, если учесть, что начал я с колен — они были очень привлекательны. Что-то знакомое...

И в этот момент мое сердце ушло в желудок, я вцепился в свое кресло. Это казалось невероятным, но это было так.

Она была Анжелиной.

Ее волосы были обесцвечены, были и другие простые и очевидные изменения. В целом внешность стала такой, что ее невозможно стало опознать по фотографии или описанию.

За исключением меня, конечно. Я видел ее в похищенном линкоре и разговаривал с ней. Отлично, я узнал ее, а она понятия не имеет, кто я такой. Она видела меня только мельком в скафандре, с поднятым светофильтром.

Это была вершина счастливого дня моей жизни. Все вокруг казалось чудесным и прекрасным. Необходимо все-таки отдать ей должное, маскировалась она прекрасно. Я сам никогда не предполагал увидеть ее здесь в таком качестве, а ведь я старался предусмотреть все возможности. У нее была с собой приличная сумма украденных денег, поэтому я не мог представить ее себе в образе нищего бродяги. Нет, девушка в порядке, надо отдать ей должное. Играет она свою роль абсолютно натурально. Не будь у нее патологической склонности к убийствам — какую бы команду мы с ней составили!

И тут мое сердце второй раз за вечер дало сбой. Эмоции эмоциями, но в конце следа ясно обозначается смерть. Она принесла несчастье всем, с кем была рядом. В этой хорошенькой головке высокоинтеллектуальные, но странно извращенные мозги. Мне бы лучше думать не о ее фигуре, а о трупах, которыми она усеяла свой путь. Есть только один выход — увести ее отсюда и передать

Корпусу. Я даже не рассматривал вопрос моих взаимоотношений с Корпусом. Одно другого не касалось. Сейчас все нужно было делать быстро и чисто.

Я подошел к бару и заказал два двойных местной «серной кислоты». Понизил голос, изменил акцент и манеру речи. Анжелина достаточно долго слышала меня и легко могла опознать по голосу — единственная вещь, о которой я волновался.

— Выпьем, куколка,— сказал я, поднимая стакан и подавая ей другой.— А потом пойдем к тебе в комнату. У тебя есть комната?

— Комната найдется, если у тебя имеется десятка по курсу Лиги.

— Конечно,— сказал я, изображая улыбку.— Неужели по мне не видно?

— Я не из тех, кому платят после того-как,— сказала она с прекрасно разыгранным равнодушием.— Сперва плати, потом пойдем.

Я шлепнул о стойку монетой, она подбросила ее в воздух, поймала, взвесила на руке, надкусила и сунула куда-то за пояс. Я смотрел на нее с откровенным изумлением, меня поразила та натуральность манер, с которой она играла свою роль. И только когда она повернулась, чтобы уходить, я вспомнил, что нахожусь здесь не ради наслаждения, а чтобы выполнить суровый долг. Все колебания тотчас же исчезли, когда я вспомнил трупы, плавающие в глубинах космоса. Опустошив свой стакан, я последовал за ее вихляющими бедрами из бара.

Темнота грязных узких переулков обострила мои рефлексы, Анжелина играла свою роль хорошо, но я сомневался, что она делит постель со всеми космонавтами, попадающими в этот порт. Скорее всего, у нее есть сообщник, который спрятался где-то тут с тяжелой дубиной в руках. Или я чересчур подозрителен? Я постоянно держал руку в кармане на пистолете, но воспользоваться им не пришлось.

Мы пересекли еще одну улицу. Она шла впереди, молча. Мы никого не встретили, и никто не заметил нас. Когда она открыла комнату, я немного успокоился. Анжелина направилась прямо к постели, а я решил проверить, заперта ли дверь. Дверь была заперта.

Когда я повернулся, на меня был направлен пистолет 0,75 калибра, такой огромный, что она держала его обеими руками.

— Это что же, грабеж? — возмутился я, понимая, что в своих действиях прозевал что-то очень важное. Моя рука все еще сжимала в кармане пистолет, но вытащить его не представлялось возможным — это было бы равносильно самоубийству.

— Я пристрелю вас, даже не зная имени,— ласково сказала она и улыбнулась, обнажив ряд великолепных зубов.— Вы тот, кто сорвал мою операцию с линкором.

Ее улыбка становилась все шире, но пока она не стреляла. Она наслаждалась неуправляемыми эмоциями, отражающимися на

моем лице. Ловец попал в ловушку, его привели именно туда, куда хотели, и ничего поделать больше нельзя.

Увидев, что я все осознал, Анжелина громко рассмеялась, чисто и ясно, как серебряный колокольчик, одновременно усиливая давление на спусковой крючок. Она была настоящая артистка. И когда мое отчаяние достигло предела, а безнадежность положения стала очевидной, то спусковой крючок был нажат.

И не один раз, а снова и снова.

Четыре разрывающих пули прямо в сердце и последний выстрел прямо между глаз.

Это был еще не возврат сознания, а выплывание из красной мглы. Организм отчаянно боролся с болью. Было ужасно, что глаза мои закрыты и открыть их невероятно трудно. В конце концов из красной тьмы появилось лицо в виде пятна.

— Что произошло? — спросило пятно.

— Я собирался узнать об этом у вас...— сказал я и замолчал, поражаясь, как слаб и безжизнен мой голос. Что-то влажное коснулось моих губ, это была салфетка, вся в красных пятнах.

Когда зрение вернулось ко мне, пятно превратилось в молодого человека в белом.

— Кто стрелял в вас? — спросил доктор.— Кто-то сообщил о выстрелах, и скажите спасибо, что мы приехали как раз вовремя. Вы потеряли много крови, переливание уже сделано, и, кроме того, имеются множественные повреждения локтевой и лучевой кости от пули, которая дальше задела правый висок и, возможно, повредила череп. Вероятно, задеты ребра, и есть подозрение на внутреннее кровоизлияние. Кто-то сильно ненавидит вас! И кто же?

Кто? Конечно, моя дорогая Анжелина. Искусительница, соблазнительница, убийца, пыталась расправиться со мной. Я все вспомнил, широкий ствол пистолета с черной дыркой, в которой, кажется, может уместиться целый звездолет. Сверкающее пламя, пули, ударяющие в меня, и страдания, когда мой дорогой, гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя мощь выстрелов. У меня возникла надежда, что она этим удовлетворится, но нет, ствол поднялся к моему лицу.

Я вспомнил последний свой жест, когда закрыл руками лицо и качнулся в сторону в отчаянной попытке спастись.

Это чудо, что попытка удалась. Пуля, по-видимому, срикошетила от кости руки и только задела череп, вместо того чтобы пройти через него. Тем не менее было много крови и неподвижное тело на полу, что и ввело Анжелину в заблуждение. Шум от выстрелов в этой маленькой комнате, мой наглядный труп и кровь что-то сдвинули в ее женской натуре, по крайней мере чуть-чуть. Она быстро ушла из комнаты до того, как пришли. Если бы она задержалась хоть на секунду, чтобы убедиться...

— Ложитесь,— сказал доктор.— Если вы не будете лежать, я сделаю вам укол, который отключит вас на неделю.

Только когда он произнес это, я заметил, что сижу и хихикаю, как сумасшедший. Во время движения мою грудь пронизывала боль, и я дал себя уложить.

Теперь мой мозг начала занимать мысль о том, как выбраться отсюда. Игнорируя боль, я осмотрел приемную, думая, как извлечь выгоду из того, что судьба подарила мне жизнь в то время, как Анжелина думает, что я мертв.

В приемном покое мне мало чем удалось поживиться, я стащил только ручку да официальные формы с полки у меня над головой. Моя правая рука работала неплохо, хотя меня и пронизывала боль при каждом движении. Робот подвел каталку под мои носилки и повез в палату. Когда мы выезжали, доктор просунул какие-то бумаги в держатель у меня над головой и приветливо кивнул. Я одарил его ответной улыбкой и продолжал движение.

Как только он скрылся из виду, я выхватил бумаги и просмотрел их. Здесь был мой шанс, если я успею им быстро воспользоваться. Это было заключение в четырех экземплярах. Пока эти формы не попадут в машину, меня не существует, я в статистическом забвении, из которого должен выбраться в палате. Мертворожденный — вот мое спасение. Я скинул подушку, и робот остановился. Он не обратил внимания на то, что я пишу, и останавливался еще два раза, подбирая подушку и давая этим мне время закончить фальшивку.

Этот доктор Мквбклз — именно это можно было прочесть в его подписи — оставил много места между подписью и последней строкой заключения. Я дописал его, стараясь максимально подражать его почерку.

Множественные внутренние повреждения, шок... написал я, умер в пути. Это звучало достаточно официально. Я быстро добавил — Все попытки реанимации не дали результатов. На момент я усомнился в правописании последнего слова, но поскольку в слове «множественные» доктор Мквбклз пишет одно «н», еще одна ошибка ничего не меняет. Последняя фраза позволяла надеяться на то, что меня не будут колоть и оживлять электрическим током, ведь я труп. Перед тем как выехать из коридора, я положил на место формы, лег и притворился метрвым.

— Тут Д.О.А., Свенд,— сказал кто-то, забирая бумаги над моей головой. Я услышал, как робот укатил прочь, равнодушный к тому, что пишущий и роняющий подушку на пол пациент внезапно умер. Это отсутствие любопытства всегда мне нравилось в роботах. Я мысленно представил себе смерть в надежде, что соответствующее выражение отразится на моем лице. Кто-то дернул меня за ногу, стягивая ботинок и носок. Рука захватила ступню.

— Какая трагедия,— сказал приятный голос,— может, положим на стол и попробуем реанимировать, он еще совсем теплый?

— Не-а,— сказали из соседней комнаты.— Они уже пытались в приемном покое. Положи его в бокс.

Ужасная боль пронзила мою ногу, и я чуть не закричал. Толь-

ко огромным волевым усилием я заставил себя лежать спокойно в то время, как этот болван затягивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке висела табличка, и я от всей души пожелал, чтобы эта табличка висела на его ухе, стянутом той же проволокой. Боль из пальца передалась вверх, стали ныть грудь, голова и рука, и мне стоило больших усилий оставаться похожим на труп.

Где-то позади меня открылась тяжелая дверь, и волна холодного воздуха коснулась моей кожи. Я позволил себе быстрый взгляд из-под век. Если трупы в этой конторе устанавливают в индивидуальные холодильники, я был готов внезапно возродиться к жизни. А то ведь я не мечтал о большем счастье, чем умереть в холодильной камере за закрытой дверью. Но Леди Удача была все еще со мной, мой мучитель перетащил меня вместе с носилками в большую комнату. Там, на стеллажах, расположенных по стенам, уже лежали усопшие.

Без излишней почтительности меня кинули на заиндевевшие доски. Шаги удалились, дверь тяжело стукнула, свет погас.

Мое отчаяние трудно передать. Прошел только один день, а я уже весь в синяках, контужен и покалечен. Пребывание, сверх того, в холодильной камере подействовало на меня чрезвычайно угнетающе. Несмотря на боль в груди и эту идиотскую табличку на пальце, я слез со стеллажа и отправился искать дверь. Меня бросало то в жар, то в холод, пока я, наконец, не наткнулся на стену. Нащупав выключатель, я включил свет, и в тот же миг мое настроение резко улучшилось.

Дверь была лучше не придумаешь — без окошка и с ручкой изнутри. У нее был даже внутренний засов, но невозможно было представить, кто им мог пользоваться. Я занялся исследованием помещения. В первую очередь я раскрутил проволоку и растер палец, возвращая его к жизни. На желтой табличке стояли буквы Д.О.А. и от руки написанный номер, такой же, как и на форме, которую я подделал. Тут была возможность!.. Я снял такую же табличку с наиболее изуродованного трупа и заменил ее своей. Для смеха я заменил таблички и у всех остальных. Они висели у всех на левой ноге, и я громко проклинал эту педантичность. Моя нога замерзла, и мне пришлось снять правый ботинок с трупа с самыми большими ногами. Поскольку костюм и пуленепробиваемый жилет тоже были испорчены, пришлось позаимствовать теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей.

Не подумайте, что все так было просто, меня буквально шатало от слабости. Закончив, я выключил свет и открыл дверь из холодильника. На меня пахнуло, как из доменной печи. Тут не было видно ни души, я прикрыл дверь в склеп и стал искать другую ближайшую комнату. Это была кладовая, в которой единственной полезной для меня вещью был стул. Я сел, отдышался и снова огляделся. Дверь рядом была заперта, а следующая открыта в темную комнату, где кто-то храпел. Как раз то, что нужно.

Кто бы ни был этот человек, но поспать он любил. Я обошел

комнату и собрал всю одежду, которую нашел. Он не проснулся, и это очень хорошо для него, ведь у меня была черепная травма. Как только текущие дела закончились, вернулась боль. Натянув шапку, найденную там же, я открыл дверь на черный ход. Никто не обратил на меня внимания, и я отправился пешком по поливаемым дождем улицам Фрейбургбада.

Эта ночь и еще несколько дней не сохранились в моей памяти по вполне понятным причинам. Вернуться обратно в мою комнату было рискованно, но риск был оправдан. Почти наверняка Анжелина не знала о ее существовании, а если она и нашла ее, то это не имело значения. Я мертв и больше ее не интересую. Мое предположение оправдалось: после возвращения меня никто не беспокоил. Я велел принести мне пищу и пару бутылок вина, чтобы создалось впечатление длительного одинокого запоя. Тело постепенно восстанавливало свои функции, я поддерживал его антибиотиками и болеутоляющим.

Наконец я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука приобрела чувствительность, черные и синие пятна на груди начали светлеть, а головная боль почти прошла. Пора было подумать о будущем. Я пригубил немного из бутылки и позвонил вниз, чтобы прислали газеты за последние три дня. Пневмотруба засопела, чихнула и извергла их на стол. Внимательно просматривая их, я понял, что разработанный мной план будет значительно лучше, чем я ожидал.

На следующий день после моего убийства все газеты поместили сообщения, почерпнутые из больничных листов ленивыми обозревателями, кто не удосужился хотя бы мельком взглянуть на трупы. И это все. И ничего о Большом Больничном Скандале С Переменой Трупов или об Иске По Поводу Того, Что В Гробу Не Дядя Фрим. Если мои шуточки в этом мясном холодильнике не опубликованы, значит, они стали больничным секретом, о котором будут говорить наедине.

Анжелина, мой снайпер-возлюбленная, должна теперь думать обо мне как о мертвеце, жертве ее несущего смерть спускового крючка и пальчика, нажавшего на этот крючок. Ничего не может быть лучше. Через некоторое время я снова сяду ей на хвост, но работать станет проще, ведь она уверена, что я превратился в местном крематории в сизый дымок. Вот теперь самое время составить план, и план правильный. Нет больше вопроса, кто за кем охотится. Арестовать Анжелину доставит мне не меньшее удовольствие, чем ей, когда она стреляла в меня.

Я должен был признать, что она все время обходила меня. Она увела линкор у меня из-под носа, а затем улизнула у меня из-под пистолета. И совершенно изумительным было то, что она устроила мне ловушку, когда я думал, что охочусь за ней. Вся моя наивность стала мне ясна до боли. Задумав исчезновение из линкора, она вовсе не была в истерике, она просто разыгрывала эту роль. Она изучала меня, каждый доступный обозрению участок моего

тела и лица, каждую интонацию моего голоса. В ее памяти четко отпечатался мой образ, и, удирая, она постоянно просматривала варианты моих действий. В последней точке своего полета она остановилась и стала ждать, зная, что я приду и что она будет готова ко встрече со мной. Это была история. Теперь мое время сдавать карты.

Я обдумал и взвесил множество вариантов и планов. В первую очередь, как попытаться предпринять что-то еще, мне необходимо пройти полную физическую реконструкцию. Это необходимо, если я хочу поймать Анжелину. Это также потребуется, если я хочу избежать длинных рук Корпуса. Во время учебы я об этом не задумывался, но был абсолютно уверен, что покинуть Специальный Корпус можно только ногами вперед. Хотя физически я был еще слаб, черепушка работала у меня по-старому. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое пожертвование в местную библиотеку в форме вступительного взноса. Там были фотокопии местных газет за многие годы. Я познакомился с ядовито-желтым журналом, любовно названным «Свежие новости!!». Он был популярным журналом, его словарь составлял примерно двести слов, он с чувством смаковал жестокость в ее многочисленных проявлениях. Большинство страниц было посвящено трагедиям с вертолетами,—с цветными фотографиями, конечно. Но часто там описывались и случаи хулиганства, жестоких драк и тому подобного, что твердая рука галактической цивилизации не успела еще полностью задушить на Фрейбурге. Среди этого нагромождения кое-где упоминалось и о «темных преступлениях», которые я искал.

Человечество всегда было капризно в своем законодательстве, открывая такие увлекательные термины, как «непредумышленное убийство», «Убийство при смягчающих вину обстоятельствах» и т. д. Как будто мертвый совсем и не мертвый. Хотя мода как на преступления, так и на приговоры меняется, есть такие, которые всегда вызывают сильное отвращение. Это врачебные преступления. Я слышал, некоторые дикие племена убивают знахаря, если его пациент умрет,—порядок не без достоинств. Эта целеустремленная ненависть к мяснику-шарлатану понятна. Будучи больны, мы полностью вверяем себя в руки доктора. Мы даем совсем незнакомому человеку забавляться с самым для нас дорогим. Если это доверие подрывается, возникает естественное возмущение среди свидетелей или оставшихся в живых пациентов.

Горожанин Вульф Сифтерниц именовался полностью как Высокоуважаемый Доктор Сифтерниц. «Свежие новости!!» с многочисленными подробностями излагали, как он совмещал жизнь хирурга и плейбоя, до тех пор пока нож в его трясущихся руках, не отрезал то вместо этого и жизнь известного политического деятеля укоротилась на несколько лет. Мы должны поверить Вульфу, что он приступил к работе трезвым, так что фатальная судорога его пальцев была вызвана белой горячкой, а не нетрезвостью. Его лицензия была аннулирована, а сбережения, видимо, иссякли, так

как потом были сообщения о его еще более неблаговидных поступках. Жизнь сурово потрепала Вульфа, и он был именно тем человеком, который мне нужен. Я хотел купить его профессиональное мастерство.

Для человека моих способностей отыскать и выследить полулегального незнакомца в иностранном городе на далекой планете не представляло проблемы. Это дело техники, а с техникой у меня все в порядке. Когда я стучал в грязную деревянную дверь дома в откровенно не лучшей части города, я был готов сделать свой первый шаг в моем новом плане.

— У меня к вам дело, Вульф,— сказал я мутноглазому субъекту, открывшему мне дверь.

— Убирайтесь к черту,— сказал он, пытаясь закрыть ее перед моим носом. Предусмотрительно выставленный носок ботинка не позволил ему сделать этого.

— Я не занимаюсь медициной,— сказал он, глядя на мою забинтованную руку.— Не хочу связываться с полицией, так что убирайтесь к черту.

— Да что вы бубните одно и то же! — сказал я ему.— Я здесь, чтобы предложить совершенно законную сделку с соответствующей денежной оплатой.— Я проигнорировал его протесты и заглянул в комнату.— Согласно абсолютно достоверной информации вы живете здесь в незарегистрированной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу сказать, не для ее прелестных ушек. Где она?

— Нету! — гаркнул он.— И вы тоже убирайтесь! — Он схватил за горлышко большую бутылку и угрожающе поднял ее.

— Что вы скажете на это? — спросил я, бросая на стол толстую пачку новеньких кредиток.— И это... и это... — Я добавил еще две пачки. Бутылка выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на пол, глаза вытаращились, казалось, что они сейчас вылезут из орбит. Чтобы окончательно сразить его, я добавил еще одну пачку.

Долго убеждать его не пришлось, осталось только согласовать детали. Деньги подействовали на него успокаивающе, он не дрожал и не трясся, а рассуждал вполне здраво.

— Осталась одна проблема,— сказал я в заключение.— Собираетесь ли вы рассказывать об этом милой Зине?

— Вы что, с ума сошли? — спросил Вульф с неподдельным изумлением.

— Следовательно, вы не расскажете ей. Поскольку об этой операции знаем только вы и я. А как вы собираетесь объяснить свое отсутствие и источник появления денег?

Это повергло его в еще большее изумление.

— Объяснить? Ей? Да она не увидит ни меня, ни денег, через десять минут я покину этот дом.

— Ну что же,— сказал я и подумал, как все-таки это жестоко по отношению к несчастной девушке, поддерживающей его ремеслом, которого избегают большинство женщин. Я взял себе на за-

метку что-то сделать по этому поводу. В будущем, конечно. В первую очередь должен исчезнуть Джеймс Боливар ди Гриз.

Не жалея расходов, я заказал все операционное и хирургическое оборудование, указанное Вульфом. По возможности я старался приобретать приборы-роботы, так как ему предстояло работать одному. Загрузив все в тяжелый трейлер, мы вместе отправились в дом за городом. К сожалению, у нас не складывались доверительные отношения, самым трудным вопросом был финансовый, так как простосердечный доктор Вульф был уверен, что я проломлю ему череп и заберу все деньги обратно после того, как работа будет закончена, не понимая, чудак, что пока существуют банки, у меня не будет затруднений с деньгами. В конце концов, к его удовольствию, были оговорены гарантии, и мы приступили к нашей работе.

Дом был уединенный и пустой, расположенный на возвышении у дальнего конца озера. Свежую пищу мы получали один раз в неделю вместе с почтой, с которой доставлялись также лекарства и другие медицинские препараты. Операция началась.

Современная хирургическая техника позволяет, конечно, избавить пациента от боли и шока. Я постоянно находился в постели и иногда накачивался таким количеством успокоительного, что дни проходили в дремотном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил удостовериться, что снотворные пилюли входят в состав вечернего питья Вульфа. Это питье было, конечно, безалкогольным, так как его воздержание на все время контракта было одним из обязательных условий нашей сделки. Во избежание срыва я поддерживал его решение некоторым количеством денег. Поскольку в связи со всем этим он находился на грани нервного срыва, я и сделал вывод о необходимости для него крепкого ночного сна. Кроме того, я хотел произвести небольшое исследование. Как только я стал уверен, что он глубоко заснул, я открыл замок и обшарил комнату.

Пистолет, видимо, был просто для страховки, но эти нервные типы часто ведут себя непредсказуемо. Пистолет был карманного типа, калибр 0,50. Механизм работал прекрасно, патроны новенькие, только стрелять он больше не будет — я аккуратно сточил боек.

Найденная камера уже не удивила меня, так как я слабо верил в благородство человечества. Для Вульфа оказалось мало, что я был его благодетелем и финансистом, он решил подготовить материалы для шантажа. Там была экспонированная пленка, заполненная, без сомнения, кадрами моей внешности «до» и «после». Я положил всю катушку под рентгеновский аппарат и продержал ее там достаточно долго.

А вот работал Вульф отлично. С ним можно было жить, пока он не начинал вопить об отсутствии напитков и девушек. Он изогнул и укоротил мои бедра, изменив рост и походку. Руки, лицо, череп, уши — у меня все было переделано для создания новой личности. Искусное использование соответствующих гормонов вызвало из-

менение пигментации, потемнел естественный цвет кожи и волос, изменилась даже структура самого волосяного покрова. Последнее, что сделал Вульф в высшей точке своего вдохновения, была деликатная операция на моих голосовых связках, которая привела к огрублению речи.

Когда все было кончено, Скользкий Джим умер, а Ганс Шмидт родился. Имя не очень благозвучное, но я придумал его только на время моего общения с Вульфом, до того, как я начну свое основное предприятие.

— Прекрасно, прекрасно! — Глядя в зеркало, я ощупывал свое лицо.

— Боже, наконец-то я смогу выпить,— прошептал Вульф позади меня, сидя на своих уже упакованных чемоданах. Последние несколько дней он таскал медицинский спирт, пока я не смешал его с капелькой своего любимого рвотного, и теперь он был сильно озабочен необходимостью извергнуть обратно помещенное внутрь.— Отдайте мне остаток денег и, с вашего разрешения, я уеду отсюда!

— Терпение, доктор,— сказал я и сунул ему пачку банкнотов. Он сорвал банковскую упаковку и начал быстро их считать, мелькая пальцами.— Не теряйте времени,— сказал я, но он продолжал их считать.— Я написал слово «Украден» на каждом банкноте таким составом, который будет флюоресцировать, когда в банке его положат под ультрафиолет.

Он внезапно остановился и побледнел, мне надо было бы напомнить ему о его изношенном сердце, которое могло отказать от сильного возбуждения.

— Что значит украдены? — спросил он погодя.

— То и значит. Все деньги, которые я вам заплатил, были краденые.— Его лицо стало еще белее, я был уверен, что при таком кровообращении он не доживет и до пятидесяти.— Да вы не расстраивайтесь, я расстался с ними без всякого сожаления.

— Но... почему? — спросил он наконец.

— Законный вопрос, доктор. Но я пошлю ту же сумму, в неиспорченных кредитках, конечно, вашей подружке Зине. Я чувствую, что вы многим обязаны ей за все, что она для вас сделала.

Он свирепо посмотрел на меня, а я начал сбрасывать с обрыва аппараты и хирургические инструменты. Я старался не поворачиваться спиной вблизи него, остальные предосторожности были сделаны раньше. Когда, взглянув мельком, я увидел на его лице скрытую усмешку, я понял, что пришло время выложить все до конца.

— Аэромобиль будет здесь через несколько минут, мы улетим вместе. С сожалением должен информировать вас, что по прибытии во Фрейбургбад у вас не будет времени отыскать Зину, избить ее и отобрать у нее деньги.— Выражение его лица отчетливо сказало о том, что именно это он и задумал. Я продолжал, надеясь, что он будет мне благодарен за столь тщательное и откровенное изложение этой криминальной истории.— У меня все рассчитано

по минутам. Сегодня из космопорта отправляются два корабля, через минуту один после другого. Я заказал билет на один из них, а вот ваш на другой. Я заплатил за него заранее, не рассчитывая, конечно, получить от вас благодарность за это.— Он взял билет с неподдельным интересом старой девы, подобравшей дохлую змею.— Стремитесь-торопитесь, простите за пошлую рифму, но для вас это крайне необходимо. Через несколько минут после вашего отлета в полицию будет доставлен пакет с описанием вашего участия в операции.

Дорогой доктор Вульф переваривал все, пока мы ждали аэромобиль, и, судя по кислому выражению его лица, не находил способа улизнуть. В течение всего полета он скрючился в своем кресле и не сказал ни слова. По приезде он без проклятий и скандала пересел на свой корабль, я же просто двинулся в сторону своего и, не дойдя до него, повернул назад. Я также не собирался покидать Фрейбургбад, как и доносить в полицию о нелегальной операции. Эта ложь была необходима, чтобы спровадить отсюда доктора-алкоголика в его одинокое путешествие к циррозу печени. У меня не было никаких причин уезжать, наоборот, у меня были серьезные причины остаться.

Анжелина была все еще на этой планете, и я не хотел никаких помех при ее розыске.

Может быть, это выглядело самоуверенно, но я почувствовал, что хорошо узнал Анжелину за это время. Наши маленькие порочные мозги во многих случаях крутились синхронно, и я был абсолютно уверен, что с большой долей вероятности смогу предсказать ее действия. Во-первых, она в восторге, что убила меня. Она получает такое же удовольствие от трупов, какое другие девушки получают от новых платьев. Она уверена, что я мертв, и это облегчит мне ее преследование.

Конечно, я не сомневался, что она предпримет естественные предосторожности против полиции и других агентов Корпуса. Но они не знали, что она на Фрейбурге, и не было оснований связывать мою смерть с ее присутствием. Следовательно, она не убежит, а останется, но с измененной внешностью и в каком-то другом качестве. В том, что она захочет здесь остаться, у меня не было ни малейшего сомнения. Фрейбург — это планета, кажется, специально созданная для незаконных операций. Ничего подобного я не встречал за все годы шатания по нашей Вселенной. Грубая смесь старого и нового. В старом, феодальном Фрейбурге незнакомец сразу бы привлек к себе пристальное внимание. На современных планетах Лиги компьютеры, механизация, роботы и бдительная полиция тоже оставляют мало места для незаконных операций. И только там, где эти две различные культуры смешиваются, для этого появляются превосходные возможности.

Эта планета достаточно спокойна, тут мы можем не скупиться на похвалы экспертам Лиги. Прежде чем внедрить антибиотики и компьютеры, они убедились, что закон и порядок твердо уста-

новлены. Тем не менее возможности криминала остаются, если знаешь, где искать. Анжелина знала, где искать, я — тоже.

Однако после нескольких недель бесплодных поисков я встал перед очевидным фактом, что мы ищем разные вещи. Я не могу сказать, что время прошло бесполезно, так как я открыл бесчисленные возможности для разных прибыльных дел. Если бы меня не заботили поиски Анжелины, я бы, кажется, всю жизнь купался в этом воровском раю. Но эти поиски мучили меня постоянно, словно больной зуб.

Оставив в стороне интуицию, я попробовал научные методы. Арендовав лучший из компьютеров, я загрузил в него целую библиотеку и поставил перед ним кучу проблем. В процессе этого пожирающего киловатты энергии дела я стал специалистом по экономике Фрейбурга, но ни на шаг не приблизился к местонахождению Анжелины. У меня не было уже никакой идеи, где искать следы ее деятельности. Машина выдала массу рекомендаций по улучшению управления экономикой. Но исследования показали, что в этой области Анжелины нет. Казалось очевидным, что король Виллельм IX является действительным центром управления планетой. Комплексное исследование Вилля, его семьи и внутренних взаимоотношений вскрыло один скандальчик, но не Анжелину.

Решение этой проблемы сломило меня, и я начал топить горе в бутылке очищенного спирта. В то время я буквально варился в алкоголе, наверное, именно паралич моих нервных аксонов и был источником идеи. Те, кто утверждает, что думают в подпитии лучше, чем трезвые,— ослы. Но тут был совершенно другой случай. Я чувствовал, а не думал, что моя злость на ее исчезновение приоткрыла сосуд моего высшего интеллекта. Я мял подушку, вызывая в воображении ее поступки, и в конце концов закричал: «Ненормальная, ненормальная, она просто ненормальная!» Когда я упал в постель, все кружилось и кружилось в нескончаемом хороводе, и я пробормотал: «Ненормальная, несомненно. Я сам должен стать ненормальным, чтобы вычислить ее следующий шаг». На этом мои глаза закрылись, и я заснул. А последние слова, упав на мозговое вещество, начали тонуть и, пройдя через пропитанные алкоголем слои, добрались, наконец, до твердого слоя.

Когда они стукнулись о дно, я окончательно проснулся и сел в постели, пораженный страшной правдой. Потребуется вся моя сила воли — и еще немного — чтобы сделать это.

Если я хочу найти ее, мне надо стать сумасшедшим.

В холодном утреннем свете идея не выглядела более привлекательной, но и не стала менее очевидной. Я мог выбирать: делать или не делать этого. Не было сомнений, что признаки ненормальности явно обнаружились в Анжелине. Все ее действия были отмечены противоестественным безразличием к человеческой жизни. Она убивала равнодушно или с удовольствием, но всегда с пол-

ным безразличием к людям. Я сомневаюсь, знала ли она о том, сколько убийств совершила в своей жизни. По ее стандартам я рядовой любитель. Я не убивал, и, более того, необходимость в этом редко возникала в моей деятельности.

Да, да, ди Гриз никогда не убивал! Мне нечего было этого стыдиться — наоборот. Я ценил человеческую жизнь, эту единственную неделимую величину во Вселенной. А Анжелина ценила только себя, свои желания, и ничего больше. Следуя по пути формирования личности, я воссоздал бы образ мышления, присущий ей.

Это не так трудно, как кажется, по крайней мере теоретически. У меня был некоторый опыт работы с психоматическими наркотиками, и я хорошо знал их возможности. Вековые исследования позволили создать лекарства, которые могут стимулировать у пациента любой образ мышления. Хотите стать на неделю параноиком? Пожалуйста, примите пилюлю — и почувствуете, что это такое. Некоторые действительно принимают это для кайфа, но для меня это не годится. Нужна была чрезвычайно веская причина, чтобы меня, человека с деликатным серым веществом, заставить решиться на это. Например, поиск Анжелины.

Воистину прекрасным свойством всех этих психоматических препаратов было их временное действие. Когда лекарство проглотится, галлюцинации исчезнут. Я надеялся на это. Ни в одной из прочитанных книг не упоминалось о том дьявольском вареве, какое мог состряпать я один. Это была титаническая работа — искать в книге описания всех этих очаровательных привычек Анжелины и находить каждой соответствующий психологический образец. В процессе этого анализа мне даже потребовалась профессиональная помощь, без упоминания, конечно, ее истинных целей. В конце концов передо мной стоял пузырек слабо-дымчатой жидкости и магнитофон, где была установлена лента со стимулирующими высказываниями, которая будет прокручиваться в процессе действия лекарства. Осталось только собрать свое мужество в кулак, как говорят классики. В действительности это было не все, я хотел принять еще кое-какие меры предосторожности. Я снял комнату в дешевом отеле и попросил не беспокоить меня. Поскольку на подобный поступок я решался впервые и не знал, как поведет себя моя психика, я оставил в пределах видимости несколько записок. Через несколько часов подобных приготовлений я понял, что начинаю тянуть время.

— Да, нелегко добровольно стать сумасшедшим,— сказал я своему бледному отражению в зеркале. Отражение было согласно, тем не менее мы оба закатали рукава и приготовили большие шприцы.— Ну, поглядим, что будет,— сказал я, аккуратно вводя иглу в вену и выдавливая до основания поршень.

Результат был обескураживающий, если не сказать больше. Появился звон в ушах и головная боль, которые быстро прошли, и все стало как раньше. Я понял, что надо чем-то заняться, и сел читать газету, пока не устал. Наступило разочарование. Я пошел спать, включив магнитофон, который мягко нашептывал мне

в уши свои сентенции, как: «Ты лучше всех и знаешь это, а люди, которые этого не знают, должны остерегаться» — или: «Они дураки, все дураки, умнее тебя нет никого на свете».

Спать было неудобно, наушники врезались в уши, а мой дурацкий голос выводил меня из себя. Ничего не изменилось, эксперимент прошел впустую, и неудача разозлила меня. Я сломал наушники, и мне стало легче, и еще легче стало после того, как я смял в тугой комок магнитофонную ленту.

Несколько дней я не брился, щетина скрипела у меня под рукой. Я втер в щеки крем, заглянул в зеркало и впервые поразился. Новое лицо подходило мне много лучше старого. Ошибка рождения или уродство моих родителей — я их глубоко ненавидел, так как единственная полезная вещь, которую они сделали — это родили меня,— дали мне лицо, не соответствующее моей личности. Новое было лучше. С одной стороны — более красиво, с другой — более строго. Я должен был бы поблагодарить доктора Вульфа за эту работу. Поблагодарить его пулей. Это было бы гарантией, что никто в мире не выследит меня через него. Наверное, была жара и у меня был солнечный удар, если я позволил ему улететь живым.

На столе лежал листок бумаги с единственным словом, написанным моим почерком, хотя я понятия не имел, зачем я его оставил. Там было написано — **Анжелина**.

Анжелина, которую я жажду заполучить, чтобы сжать ее белое горло руками и давить до тех пор, пока не выкатятся глаза. Ха! Представив эту картину, я засмеялся. Однако не следует быть таким легкомысленным. Анжелина — это важно. Я собираюсь найти ее, и меня ничто не остановит. Она сделала из меня дурака и пыталась убить. Если кто и заслуживает смерти, так это она. Плохо, что еще не сделано. Я разорвал листок на мелкие кусочки.

Комната буквально давила на меня, захотелось выйти. На этот раз меня привело в бешенство отсутствие ключей. Я знал, что вынимал их, но куда дел, не помнил. Растяпа портье что-то мямлил, и я собирался сказать ему все, что я думаю об их сервисе, но воздержался. Для этих типов есть только одно лекарство! Запасные ключи шлепнулись под пневмотрубой, и я забрал их. Хотелось есть, пить и больше всего найти место, где можно спокойно подумать.

Ближайшее кафе предоставило мне эти возможности, после того как я отогнал проституток. Анжелина просто играла, а выглядела лучше всего этого стада, вместе взятого. Анжелина. Я все время думал о ней. Выпивка согрела мой желудок, и она потеплела в моих мыслях. Неужели я действительно хотел предать ее или даже убить? Что за чушь! Единственная умная женщина из тех, с кем я встречался. Я никогда не забуду, как она вышагивала в своем платье. Ее бы немного приручить, и какая бы получилась пара! От этой сладкой мысли мое лицо вспыхнуло, и я одним глотком осушил стакан.

Я должен найти ее, она ни за что не покинет эту планету, напо-

минавшую райские кущи. Девушка с ее амбициями пойдет здесь прямо к вершине, никто не сможет ее остановить. Это именно то место, где она должна быть. Всю свою жизнь Анжелина была уверена, что она лучше этой толпы, и доказывала это себе и всем снова и снова. Мое прибытие могло бы быть величайшим счастьем для Анжелины. Я вел себя на этой планете, как настоящая деревенщина. Когда Анжелина расправилась со мной, она могла остановиться, успокоиться и подчиниться порядку. Соперничество могло быть на время отложено.

Пока я сидел там, что-то встревожило меня, какой-то важный момент, который никак не мог проявиться в памяти. Наконец я понял! Инъекция скоро закончит свое действие. Мне необходимо вернуться в комнату. Всплыли страхи по поводу выполнения эксперимента, но я понял, что это старые сомнения. Это варево не более опасно, чем аспирин. И в то же время величайшая космическая штука. Новые миры возможностей открылись передо мной, мозг стал яснее, а мысли логичнее.

В баре я заплатил бармену и долго ждал, пока он отсчитывал сдачу.

— Побыстрее! — сказал я громко, чтобы все слышали.— Покупатель торопится, так что и ты торопись... Еще два гильдена.— Я держал деньги на раскрытой ладони, и когда он нагнулся, чтобы пересчитать их, я шмякнул ему ладонью и деньгами по морде. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я пояснил, что о нем думаю. Фрейбургский сленг богат выражениями, и я выбирал из них наилучшие. Я хотел продолжить обучение, но это требовало времени, а я торопился в комнату в отеле. Уходя, я взглянул в зеркало, висевшее на передней стене и отражавшее картину за моей спиной. И хорошо сделал. Он вытащил из-под стойки обрезок трубы и занес его над моей головой. Не желая лишать его удовольствия, я не стал перехватывать его руку, и только, когда она пошла вниз, отступил в сторону, позволив ему чуть-чуть задеть меня.

А потом я просто схватил эту нахальную руку и сломал ее о край стойки. Его вопли вошли в мое сердце райской музыкой, я был готов слушать их сколько угодно. Но времени не было.

— Вы видели, как он предательски напал на меня? — сказал я остолбеневшим посетителям, направляясь к дверям. Пострадавший исчез из виду, видимо, упал и стонал за стойкой.— Я иду звонить в полицию, посмотрите, чтобы он не убежал.— Конечно, он рвался сбежать так же, как и я звонить в полицию. Я вышел из бара задолго до того, как посетители сообразили, что же произошло на самом деле.

Бежать я не мог, чтобы не привлекать к себе внимания,— лучшее, что я мог сделать, это идти быстрой походкой. От напряжения я весь обливался потом. В комнате первое, что я увидел, был пузырек на столе и шприц, завернутый в тряпочку. Мои руки не тряслись, я им этого не позволил. Это была сильная штука!

Рухнув в кресло, я взял пузырек и увидел, что там осталось

жидкости меньше, чем на миллиметр. Для получения адской смеси требовался довольно сложный процесс, однако формула сидела в моей памяти гвоздем, и не представляло труда в любой момент восстановить ее. Вот только как достать компоненты в этот ночной час? Да ведь это несложно. История говорит, что оружие открыли раньше, чем деньги. В моем кейсе лежал знаменитый 0,75 калибр, с которым можно раздобыть все что угодно гораздо раньше и легче, чем с деньгами.

Это была ошибка. Какое-то ноющее беспокойство волновало меня, но я его проигнорировал. Напряжение, а затем разрядка после укола разогнали сонливость и скованность. На вершине кайфа надо было торопиться, у меня было очень мало времени, чтобы найти то, что нужно, и я вернулся в отель. Все мои мысли устремились к достижению цели, я отпер кейс и увидел пистолет, лежащий поверх одежды. Тут тоненький голосок в памяти невнятно что-то пискнул мне, но это только подтолкнуло меня. Я схватил рукоятку, и тут память стала проявляться... слишком поздно.

Бросив пистолет, рванулся к двери, но не успел. Позади хлопнула граната с сонным газом, положенная под пистолет. Уже падая в сон, я никак не мог понять, как это можно было сделать такую глупость.

Первым ощущением после выхода из сна было сожаление. Работа мозга является источником постоянного удивления. Действие моего дьявольского напитка проходило, с памятью было все в порядке, дурнота исчезла. Детали моей интермедии сумасшествия представали ясно и четко. Хотя меня подташнивало от всего, что я думал и делал, одновременно я ощущал приступ сожаления, что все кончилось. Раскованность после принятия лекарства переросла в абсолютную свободу, когда жизнь других людей кажется меньше, чем ничто. Ощущение несомненно жуткое, но и чрезвычайно привлекательное. Хотя мозг и протестовал, я испытывал желание повторить все снова.

Несмотря на двенадцатичасовой сон, я был разбит. Переползание на кровать отняло всю мою энергию. Взгляд остановился на предусмотрительно припасенной бутылке спирта. Я вымыл стакан и, потягивая жидкость, постарался привести в порядок свое мозговое хозяйство, что было нелегко. Я много раз читал о темных инстинктах, лежащих в нашем подсознании, но впервые столкнулся с этим непосредственно, когда они действительно стали всплывать на поверхность.

Моя позиция в отношении Анжелины должна быть наконец определена. Нужно признать, что я был к ней явно неравнодушен. Любовь? Назовите это каким угодно словом, не возражаю, но это не пылкая юношеская страсть. Ее поступки не ослепляли меня, я отчетливо понимал, что отвратительно-аморальная жизнь Анжелины отражается и на моем образе мышления. Но логика и рассудительность не могут противостоять эмоциям. Ненавидя ее деятельность, я не мог отделаться от чувства симпатии к этой личности, так похожей на меня. Не давала покоя мысль — какая бы по-

лучилась из нас упряжка. Это, конечно, невозможно, но хотеть-то никто не запретит. Любовь и ненависть стояли буквально плечом к плечу. Я сделал большой глоток.

Найти ее сейчас не составит труда. Эта уверенность даже раздражала меня. У меня не было никакой новой информации, одни фантазии да проблески интуиции в том, как вертятся шарики в голове Анжелины. Не могло быть сомнения, что она рвалась к власти, но вряд ли бы добилась чего-либо через короля. Скорее силой, через путч, возможно с террором, через определенного вида революции и беспорядок. Так было в старые времена на Фрейбурге, когда ценой схватки была верховная власть. Любой дворянин мог быть коронован, а старая королевская власть ослаблена, поэтому борьба за место монарха была очень жестокой. Конечно, все это прекратилось после того, как здесь поработали социологи Лиги.

А теперь возврат к старому стал вполне возможен. Анжелина, чтобы удовлетворить свои амбиции, хотела видеть этот мир купающимся в крови. Она пока не могла ничего сделать, но готовила кого-то для черной работы. Одного из этих надутых Князей, проводивших в жизнь политику трона и имевших большое влияние в этом полуфеодальном государстве. Подобный подход Анжелина уже использовала, захотелось использовать еще раз. В этом не было сомнения.

Неясна была лишь мелочь. Кто он?

Мои ныряния в глубины самоанализа оставили неприятный привкус, который не вымывался никаким количеством жидкости. В чем я нуждался, так это в оживлении моих нервных окончаний и разгоне застоявшейся крови. Выслеживание доверенного лица Анжелины требовало подзарядки моих батарей. Я взял газету и стал изучать Новости Двора. Через два дня должен состояться Большой Бал — очень удачное прикрытие для моих изысканий.

Эти два дня я наводил глянец на детали предполагаемой операции. Любой болван мог испортить дело, как это обычно и случается. Только с такими талантами, как у меня, можно было обеспечить стопроцентное прикрытие персональности. Я придумал себе родину — отдаленную провинцию Фрейбурга, бедную во всех отношениях, кроме изобилия нюансов в произношении, что служило основой многих шуток и анекдотов. Население Местельдросса в силу присущих ему врожденных свойств отмечалось как драчливое и прямое. Мое положение дворянина давало мне право скрыться под именем графа Бента Дибстола. Фамильное имя на местном диалекте обозначало либо бандита, либо сборщика налогов, что дает вам полное представление как о роли сборщика налогов, так и об источнике фамильного титула. Военный портной выкроил мне мундир, и пока подгонял его, я детально вызубрил свою фальшивую биографию.

Я не забыл сделать и еще одну вещь — послать травмированному трактирщику толстую пачку денег, ведь он вынужден был работать с рукой, закованной в гипс. Он действительно разозлил

меня, но наказание было явно непропорционально малости проступка. Этот анонимный подарок очистил мою совесть, и я почувствовал себя значительно лучше.

Полуночный визит в королевскую типографию дал мне желанное приглашение на бал. Мундир сидел на мне как влитой, сапоги вызывающе блестели. Я был одним из первых. Королевский стол соблазнял яствами, а предстоящее дело раздразнило мой аппетит. На Фрейбурге сохранилась архаическая привычка носить на балах шпоры и меч. Обремененный этой тяжестью, грохоча, как пустая кастрюля, я низко поклонился королю. Его глаза блестели и были такими туманными, что это явно подтверждало справедливость слухов о том, что, не приложившись к бутылке, он не начинает ни одного дела. Он откровенно ненавидел толпу и рыла, предпочитая заниматься своими жуками — он был любителем-энтомологом, правда, без всяких талантов. Королева была значительно приятнее в расцвете своей двадцатилетней красоты. Молва сообщала, что ей до смерти надоели жуки и что она предпочитает хомо сапиенс. Чтобы проверить эту клевету, целуя ее руку, я чуть-чуть пожал ее. Она посмотрела на меня с удивлением, в котором была большая доля интереса. Я направился в буфет.

Гости продолжали прибывать. Наблюдение за ними не мешало мне поглощать пищу и смаковать вина. Основательно загрузившись, я решил сделать перерыв и смешался с толпой. Все женщины были предметом моего пристального внимания, большинству из них это льстило, как мне кажется из-за моего нового привлекательного лица и потрясающего мундира, явно выделявшего меня среди местных типов. Я, конечно, не считал, что сразу же обнаружу след Анжелины, но шанс все-таки был. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но достаточно было услышать от них несколько слов, как было ясно, что это истинная голубая кровь, а не моя маленькая межзвездная убийца. Задача несколько упрощалась тем, что понятие красоты на Фрейбурге связано с изобилием плоти, а Анжелина выглядела совершенно по-другому. Я направился обратно в бар.

— Следуйте за мной! Королевский приказ! — прохрипел мне в ухо простуженный голос, и грубая рука схватила меня за рукав.

— Отпусти рукав, или я выровняю твою морду,— рявкнул я на своем местельдросском наречии. Он отпустил, словно обжегся, и отступил, весь красный.— Так-то лучше,— добавил я.— Кто хочет меня видеть? Король?

— Ее величество королева,— прошипел он сквозь зубы.

— Очень хорошо. Я тоже хочу ее видеть.

Я прокладывал себе путь через толпу, а мой приятель тащился сзади, пытаясь обогнать меня. Достигнув группы, окружающей королеву Хельгу, я пропустил его, задыхающегося, вперед.

— Ваше величество, это Барон...

— Граф, а не Барон,— перебил я его.— Граф Бент Дибстол из бедного провинциального рода, урезанного века назад в наших законных правах подлыми мошенниками Князьями.— Я сурово

посмотрел на своего проводника, как будто он участвовал в древнем заговоре, и он опять отчаянно покраснел.

— Что это у вас за награды, Граф Дибстол? — спросила королева низким голосом.

Она указала на мою мужественную грудь, увешанную побрякушками, которые я откопал сегодня утром у антиквара.

— Галактические медали, ваше величество. Мог ли рассчитывать на какое-то продвижение здесь, на Фрейбурге, младший сын провинциального дворянина? Вот почему я выбрал службу вне планеты и провел лучшие годы своей жизни в Звездной Гвардии, а там сражения, захваты, звездные абордажи в порядке вещей. А вот этой я действительно могу гордиться... — Я указал на невзрачную штуковину среди сверкающих побрякушек. — Это Звезда, наивысшая награда в Гвардии. — Я снял Звезду и посмотрел на нее долгим проникновенным взглядом. В действительности, я думаю, это был гвардейский знак за сверхсрочную службу или что-то в этом роде.

— Это прекрасно, — сказала королева. Она разбиралась в медалях не лучше, чем в одежде, но чего можно ожидать на этих захолустных планетах.

— Да, — согласился я. — Я не любитель описывать историю своих медалей, но если на то будет королевский приказ... — Это было сказано застенчиво. Наврав им о своих подвигах, я возбудил интерес и надеялся, что разговор обо мне достигнет ушей Анжелины, где бы она ни пряталась. Почувствовав, что исчерпал себя, я вернулся в буфет.

Свои придуманные истории я рассказывал всем, кого мог поймать. Большинство с удовольствием слушало меня, смеялось вместе со мной, а смех при дворе был нечастым явлением. Единственный, кто этим не наслаждался, был я сам. Если вначале мой план казался хорошим, то чем дальше, тем меньше он мне нравился. Я мог месяцами крутиться вокруг этих дворцовых идиотов без малейшей надежды приблизиться к Анжелине. Надо ускорить дело. Крутилась у меня в голове одна идейка, но она граничила с безумием. Если дело не выгорит, я буду либо убит, либо навсегда устранен из общества. С последним я бы легко смирился, но высшее общество помогает мне найти мою возлюбленную добычу. Я решил бросить монету и, конечно, выиграл, так как другую спрятал в ладони еще до броска! Буду действовать!

Еще до прихода сюда я рассовал по карманам несколько вещиц, которые могли пригодиться во время вечера. Одна из них была великолепным предлогом сблизиться с королем, если бы я почувствовал в этом необходимость. Я переложил ее во внутренний карман, наполнил вином самый большой бокал, который смог найти, и отправился через анфиладу комнат на поиски своей жертвы.

Если в момент моего прихода король Виллельм был в подпитии, то сейчас он был пьян смертельно. Надо было вшить ему сзади в мундир стальной стержень, так как — могу поклясться —

собственный позвоночник его уже не держал. Однако он все еще пил, качаясь взад и вперед, его голова моталась, как у сломанной куклы. Вокруг него стояла кучка старичков, которые, по-видимому, рассказывали друг другу анекдоты и при моем приближении окинули меня подозрительными взглядами.

Я был выше большинства из них и ярче одет, глаза Вилли натолкнулись на меня, и голова медленно повернулась в моем направлении. Один из восьмидесятилетних старцев уже встречался мне на вечере и представил меня.

— Очень рад встретить ваше величество,— сказал я, имитируя в голосе пьяные нотки. Король не обратил внимания, зато другие заметили и нахмурились.— Я сам немного энтомолог и, с вашего разрешения, хотел бы следовать по вашим королевским стопам. Я сильно желаю этого и чувствую, что на Фрейбурге имеются большие возможности для исследования форминифер, лепидоптер и другого. Геральдика, а также флаги, могли бы содержать побольше изображений насекомых...

Я болтал и дальше что-то в этом роде, и толпа начала проявлять нетерпение. Король улавливал едва ли одно слово из десяти, внимание его стало рассеиваться, окружающие тоже заволновались, не зная, как избавиться от пьяного. Когда кто-то взял меня за локоть, я пошел с козырной карты.

— Вот, ваше величество,— сказал я, залезая в карман.— Я тщательно сберегал этот образец, пронеся его через многие световые годы, и доставил сюда, чтобы он занял свое место в вашей величайшей коллекции.— Раскрыв плоскую пластмассовую коробочку, я сунул ее ему под нос. Он с трудом сфокусировал свои водянистые глаза, и у него перехватило дыхание. Окружающие тоже проявили любопытство, и я дал им несколько секунд полюбоваться образцом.

Должен сказать, что это был великолепный жук, однако он не путешествовал со мной через световые годы, а был сделан сегодня утром. Большинство элементов было от других насекомых, а там, где природы не хватило, я добавил несколько кусочков пластмассы. Тело было размером в ладонь с тремя рядами крыльев, каждый ряд другого цвета. Снизу было множество ног, взятых по крайней мере от дюжины насекомых, конечности не удалось подобрать все под пару, так как многие были испорчены при конструировании, некоторые другие детали, такие, как массивное жало, штопоровидный хвост, тоже не оставили равнодушной мою аудиторию. Коробочка была предусмотрительно сделана из цветного пластика, который скорее скрывал, чем подчеркивал детали.

— Вы должны рассмотреть это поближе, ваше величество,— сказал я, открывая пошире коробочку, и, покачиваясь, приблизился. Настал ответственный момент. В одной руке у меня был бокал с вином и коробочка, другая оставалась свободной, чтобы вынуть монстра. Я сжал его большим и указательным пальцами и приблизился вплотную, вино в бокале короля плескалось от его неловких жестов. В этот момент я чуть ослабил большой палец,

приподнял жука, сделал скрытое неуловимое движение, и жук великолепным пируэтом нырнул в бокал короля.

— Спасите! Спасите его! — заорал я. — Редчайший экземпляр! — и залез пальцами в бокал. Часть напитка выплеснулась на позолоченные манжеты Виллельма. Шепот и злые голоса усилились, кто-то твердой рукой взял меня за плечо.

— Уберите прочь ваши титулованные воровские лапы! — крикнул я и грубо сбросил руку. Выловленное насекомое выскользнуло у меня из пальцев, шлепнулось на грудь короля и оттуда медленно скатилось на пол, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Я использовал очень слабый клей. Наклоняясь над трупиком, я сделал еще одно «неловкое» движение, и вино красной струей выплеснулось на одежду короля. Злой вопль вырвался из толпы.

Король отнесся ко всему спокойно. Качаясь, словно дерево в бурю, он не выражал протеста, только бормотал: «Я говорю... я говорю...» Но когда я стал стирать вино носовым платком и оно полилось по его пальцам, толпа позади приблизилась вплотную. Кто-то схватил меня за руку и потянул, я рванулся и... ударил короля Виллельма в его родовитую грудь. От удара его верхняя челюсть выпала и свалилась на пол.

Старички начали разбегаться. Молодежь бросилась на защиту их высочества, и мне пришлось показать им пару приемчиков, которым я обучился на других планетах. Недостаток техники они возмещали избытком энергии, началось столпотворение. Женщины визжали, мужчины ругались, короля буквально вынесли на руках. Дела мои были совсем плохи, хотя я поддал им не меньше, чем они мне.

Потом я помнил, что несколько человек держали меня, а один бил. Я изловчился ударить его в лицо сапогом, но меня скрутили, и... свет померк.

Тюремщики, видимо, задались целью привить мне хорошие манеры, а я по мере сил затруднял им их благородный труд. Не для того я добровольно залез в тюрьму, чтобы выигрывать этот спор, рисковал проделывать эти шуточки с бедным старым королем. Оскорбление величества было таким преступлением, которое обычно каралось смертью. На счастье, цивилизованное влияние Лиги уже коснулось темного Фрейбурга, и местные власти доказали мне свою приверженность законам. Я делал вид, что не замечаю этого. Когда они приносили мне мясо, я съедал его, а тарелку разбивал, демонстрируя свой протест на незаконный арест.

Это была приманка. Заработанные мной синяки были бы весьма малой платой за удачную попытку саморекламы. Фигура отщепенца, предателя своего класса, с одной стороны. Сильная личность в мирной Вселенной, драчун, бескомпромиссный боец, с другой. Короче, я обладал всеми качествами, которые ненавидят добропорядочные фрейбуржцы, а такие люди должны очень привлекать Анжелину.

Несмотря на недавнее кровопролитное прошлое, Фрейбург был бедноват на задиристых мужчин. Не из самых низких слоев, конечно, портовые трактиры нашпигованы мускулоносыми с куриными мозгами. Анжелина могла бы нанять из них всех, кого считала нужным. Но одними боевыми отрядами победу не завоюешь. Ей нужен союзник и помощник из дворян, а по моим наблюдениям, люди с такими талантами редкость, и большая. В скандале на балу я постарался показать все качества, которыми она могла заинтересоваться, и постарался сделать так, чтобы она ни в коем случае не подумала, что это демонстрируется для нее. Ловушка была открыта, ей оставалось войти.

Лязгнул металл открывающейся двери.

— К вам посетители, Граф Дибстол,— сказал тюремщик, откидывая внутреннюю решетку.

— Скажите им, чтобы пошли к черту! — крикнул я.— На этой гнусной планете нет ни одного человека, которого я бы хотел видеть.

Не обращая внимания на мою реплику, он ввел начальника тюрьмы и двух типов в черном с суровыми лицами. Я демонстративно игнорировал их. Они молча дождались, пока уйдет охрана, затем более худой из них открыл принесенную папку и кончиками пальцев достал оттуда лист бумаги.

— Я не буду писать прощальную записку самоубийцы, можете убивать меня во сне,— прорычал я, начиная разыгрывать комедию. Он внимательно посмотрел на меня, но лицо его не изменилось.

— Это несправедливое обвинение,— спокойно проговорил он.— Я Королевский Прокурор и никогда не допущу подобных действий.— Все трое кивнули, как заведенные от одной пружины; эффект был столь заразителен, что я чуть тоже кивнул.

— Я не совершу добровольного самоубийства,— сказал я твердо.— Это мое последнее слово по этому вопросу.

Королевский Прокурор достаточно долго работал на своем месте, его трудно было смутить. Он прокашлялся, пошелестел бумагой и начал:

— Есть несколько криминальных действий, которые могут быть вменены вам в вину,— забубнил он с чрезвычайно мрачным выражением лица. Я невозмутимо зевнул.— Среди них увечья молодому человеку. Но я надеюсь, что он не будет настаивать,— продолжал он,— так как это только осложнит дело. Сам король настоятельно рекомендовал мне закончить это дело как можно скорее и восстановить между всеми мир. Я здесь для того, чтобы привести его желание в исполнение. Подпишите это извинение, и вас немедленно отвезут на борт космолета, отбывающего ночью. Дело закончено.

— Пытаетесь избавиться, чтобы скрыть ваши пьяные драки во дворце? — усмехнулся я. Лицо Прокурора налилось кровью, но с большим трудом он сдержался. Если они сейчас выпроводят меня с планеты — все пропало.

— Вы оскорбляете нас, сэр! — проговорил он.— Не забывайте, вы сами не без греха в этом деле. Я от души советую вам принять снисходительность короля и подписать извинение.— Он протянул мне бумагу, но я разорвал ее на куски.

— Извиниться? Никогда! — крикнул я ему.— Я защищал свою честь от ваших пьяных мужланов и жуликов-дворян, укравших права, принадлежавшие моему роду.

Все вышли. Начальник тюрьмы был единственно близким мне по возрасту, именно поэтому я подсказал ему дорогу носком сапога в соответствующее место. Все было так, как и должно быть. Дверь с шумом захлопнулась передо мной — драчливым, мятежным, воинственным сыном земли Фрейбургской. Я сделал все, чтобы привлечь внимание Анжелины, но если этого не произойдет, я рискую провести остаток моих дней за этими мрачными стенами.

Ожидание всегда плохо сказывается на моих нервах. Я мыслитель только в спокойное время, а в остальное — человек действия. Одно дело разработать план и умело приступить к его выполнению. Совсем другое — сидеть в грязной тюремной камере и думать, нет ли в логической цепи разработанного плана слабых мест.

Выберусь ли я из этого мешка? Скорее всего, это будет трудно, но надо оставить это как последнее средство. Там, снаружи, я вынужден буду скрываться, и у нее не будет никаких шансов установить со мной связь. От переживаний я сгрыз все ногти на руках. Следующий шаг был за Анжелиной, и мне оставалось надеяться и ждать, что она не задержится с правильным решением после анализа всех моих действий.

Через неделю я начал сходить с ума. Королевский Прокурор не приходил, и никаких разговоров о суде и приговоре. Я подкинул им нелегкую проблему, и они теперь скребут головы, не зная, что делать. Я почти решился бежать, выбраться из этой захолустной тюрьмы было само по себе не сложно. Но ведь я жду сообщений от моей беспощадной любви. Я рассматривал возможности, которые она могла бы использовать. Может быть, какое-нибудь давление на Двор, чтобы меня освободили? Или тайно пронести напильник и записку, чтобы я выбрался своими силами? Вторая возможность казалась мне наиболее вероятной, и, каждый раз получая хлеб, я разламывал его, отыскивая что-нибудь внутри. Ничего не было.

На восьмой день Анжелина откликнулась в наиболее свойственной ей прямолинейной манере. Ночью что-то непривычное разбудило меня. Шорохов не было слышно, я приник к двери и через щель увидел свет в конце коридора. Ночной охранник лежал на полу, и плотная фигура в маске, одетая во что-то черное, стояла над ним с дубиной в руке. Подошел другой незнакомец, одетый тоже в черное, они потащили охранника вдоль коридора по направлению ко мне. Один из них порылся в кармане и достал оттуда кусок красной материи, который вложил в безвольные пальцы

охранника. Когда они подошли к моей камере, я отскочил от двери и бесшумно скользнул в постель.

Ключ заскрипел в замке, зажегся свет. Я сел на кровати, изображая только что проснувшегося человека.

— Кто тут? Что вы хотите?

— Быстро вставайте и одевайтесь, Дибстол. Мы вас выведем отсюда.— Это был первый головорез, которого я увидел. Я отвалил челюсть и пополз по кровати, прижимаясь к стене.

— Убийцы! — завопил я.— Так вот что надумал король Вилли — затянуть мне петлю на шее, а потом сказать, что я повесился сам! Добро пожаловать, но не думайте, что это будет легко!

— Не будьте идиотом,— прошипел мужчина.— И закройте рот. Мы здесь, чтобы спасти вас. Мы друзья.

Еще двое, одетые таким же образом, появились за ними. В коридоре мелькнул четвертый.

— Друзья?! — орал я.— Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за свое преступление.

Четвертый из коридора что-то прошипел, и остальные направились к мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это был маленький мужчина, если он был мужчиной. Одежда на нем висела свободно, поверх всей головы была натянута маска из чулка. Анжелина была примерно такого же роста. Толком рассмотреть я не успел — бандиты набросились на меня. Я ударил одного из них в живот и отскочил, но у них были все преимущества. Без обуви и оружия у меня не было никаких шансов, а они не боялись использовать дубинки. Я еле сдержал победную улыбку, когда они усмирили меня.

Все еще сопротивляясь, я позволил тащить меня в то место, где мечтал оказаться.

Удар по голове меня только ослабил, но когда один из них сломал у меня под носом ампулу со снотворным, я отключился. Конечно, у меня не было ни малейшего представления, как далеко мы уехали и где находились. Наверное, они сделали антинаркотический укол, так как первое, что я увидел, был худой тип со шприцем в руках. Он наклонился, но я откинулся.

— Собираетесь мучить меня перед тем, как убить, свиньи! — сказал я, вспоминая роль, которую играл.

— Не волнуйтесь,— произнес низкий голос сзади,— вы среди друзей, которые разделяют ваше возмущение существующим режимом.

Этот голос не был похож на голос Анжелины. Это оказался дородный мужчина с неприятным выражением лица. Медик вышел, оставив нас одних, и я понял, что план начал действовать. Маленькие глазки, тяжелая челюсть и надменный взгляд — я узнал в нем одного из представителей фрейбургского дворянства. Глядя на это уродливое лицо, я копался в своей бездонной памяти.

— Рденрант, Князь Рденрант,— сказал я, пытаясь вспомнить,

что еще о нем читал.— Я полагаю, вы скажете мне правду, не вы ли первый кузен его высочества? Трудно представить, что вы украли человека из тюрьмы для своих собственных целей...

— Это не важно, что вы полагаете,— зло огрызнулся он. Раздражение отразилось на его лице, и прошло некоторое время, пока он взял себя в руки.— Виллельм может быть моим кузеном, но это не означает, что я считаю его идеальным главой нашей планеты. Вы говорили о своих претензиях, о более высоком положении и о том, что были обмануты. Это так? Или вы просто один из придворных болтунов? Найдутся и другие люди, думающие как и вы и жаждущие изменить порядок.

Импульсивность, энтузиазм — вот что я должен проявить. Или лояльный друг, или смертельный враг — других вариантов нет. Я рванулся вперед и крепко схватил его за руку.

— Если вы сказали мне правду, вы получите единомышленника, который пойдет рядом с вами. Если солгали и это просто ловушка короля, тогда, Князь, будьте готовы сражаться.

— В этом нет необходимости,— сказал он, с трудом освобождая руку.— По крайней мере, между нами. Впереди трудный путь, и мы должны доверять друг другу.— Он хрустнул суставами и мрачно взглянул в окно.— Я искренне надеюсь, что смогу полностью на вас положиться. Фрейбург во времена наших предков был совсем другим. Лига задушила инстинкты борьбы в нашем народе. Нет почти ни одного человека, на которого я мог бы положиться.

— А те, что взяли меня из камеры? Они действуют вроде достаточно хорошо.

— Грубая сила! — воскликнул он.— Твердолобые болваны. Этих я могу нанять сколько угодно. Мне нужны люди, которые могут руководить, помогать мне вести Фрейбург к светлому будущему.

Я не стал говорить о человеке, который стоял в коридоре и руководил всей ночной операцией. Если Рденрант не хочет говорить об Анжелине, я тоже не стану касаться этого вопроса, но раз ему хочется видеть во мне умного коллегу, нужно ему подыграть.

— Скажите, вы специально оставили в руке охранника кусок красного мундира? Он бросается в глаза.

Глаза его сузились, когда он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Вы очень наблюдательны, Бент,— сказал он.

— Дело практики,— ответил я, пытаясь одновременно изобразить скромность и честолюбие.— Этот кусок красной материи в руке охранника выглядел так, словно его оторвали в борьбе. В то же время, как я видел, все были одеты только в черное. Может быть, у этого другой смысл...

— Чем дальше, тем больше я радуюсь, что встретился с вами,— сказал он, обнажая все свои кривые зубы с выражением, которое, видимо, считал за улыбку.— Люди Старого Дюка имеют красную ливрею, как вы знаете...

— А Старый Дюк является сильнейшей опорой Виллельма IX,— закончил я за него.— И слабейшим не повредит, если он рассорится с королем.

— Не слабейшим,— повторил Рденрант, снова показывая мне свои кривые зубы. Он начал вызывать у меня отвращение. Однако если это было доверенное лицо Анжелины, то, несомненно, она сделала наилучший выбор. Но у него едва ли хватит широты воображения представить идеи Анжелины во всей их полноте. Я думаю, что и титул, и деньги, да еще амбиции — именно те качества, которыми она прельстилась. Непонятным было только, где она сама.

Кто-то вошел в дверь, и я сжался, приготовившись к схватке. Это оказался всего лишь робот, производивший такой лязг и шум, что впору было испугаться. Князь приказал этому чудовищу принести выпивку, и когда тот повернулся, я увидел, что с задней стороны плеча у него торчит труба. В воздухе явственно чувствовался запах угольного дыма.

— Этот робот что, работает на угле? — хихикнул я.

— Да,— сказал Князь, наливая.— Это прекрасный пример развала фрейбургской экономики, мудро руководимой Виллельмом Некомпетентным. Вы разве видели подобных уродов в столице?

— Да вроде нет,— сказал я, таращa глаза на извергаемые клубы дыма и следы ржавчины и угольной пыли на его корпусе.— Конечно, меня долго не было... все меняется...

— Но не настолько быстро! И не демонстрируйте мне тут, Дибстол, галактические замашки. Я был в Местельдроссе и видел, как там живут. У вас вообще нет роботов, даже таких дрянных.— Он в бессильной злобе отвесил монстру пинок, тот слегка качнулся и для поддержания равновесия щелкнул клапаном, пропуская пар в ножной поршень.

— Двести лет прошло с того дня, как мы в Лиге, которая поит нас молочком и успокаивает — и для чего? Чтобы король во Фрейбургбаде купался в роскоши, в то время как мы получаем здесь несколько роботов с куриными мозгами и примитивнейшей системой управления. И должны строить малоэффективных роботов сами. Аппарат, который вы будете считать автоматическим, может оказаться обычной лодкой с веслами.

Он осушил стакан, и я не стал объяснять ему экономику галактической коммерции, престиж планет и многочисленные уровни коммуникации. Эта затерянная планета удалена от основного потока галактической культуры, может быть, на тысячу лет, пока вновь после распада не установила контакт. Они должны возрождаться постепенно, без катаклизмов, которые могут нарушить процесс. Конечно, хоть миллиард роботов могут быть посланы сюда завтра же. И что хорошего это принесет экономике? Наверняка много лучше ввезти на планету блоки управления, чтобы местные сами строили для себя то, что хотят. Если им не нравится

конечный результат, они могут улучшить схему, вместо того чтобы жаловаться.

Князь, конечно, в этом направлении не думал. Анжелина очень тонко сыграла на его предрассудках и личном самолюбии. Внезапно Князь подался вперед и постучал пальцем по шкале на боку робота.

— Посмотрите на него! — крикнул он.— Давление упало на восемьдесят фунтов! А дальше, как вы понимаете, он вообще перестанет соображать и рухнет на пол. Поддерживай давление, идиот, поддерживай давление!!!

Внутри робота что-то щелкнуло, он поставил поднос со стаканами на стол. Я сделал большой глоток и стал с наслаждением наблюдать. Раздражающе медленно подкатившись к камину, он открыл дверцу у себя на животе, откуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, он швырнул его себе внутрь и снова захлопнул дверцу. Густой черный дым повалил из его трубы. Для внутренних помещений он, конечно, не подходил.

— Вон, дубина, вон! — заорал Князь, заходясь от кашля. Дым начал рассеиваться. Я налил себе еще и решил в первую очередь выяснить все что можно о Рденранте.

Нужно действовать активнее, если я хочу поймать Анжелину. Вся постановка дела ясно указывала на ее присутствие, а вот ее самой не было видно. В гостиной я встретил нескольких человек в окружении Князя. Один из них, Курт, молодой, небогатый дворянин, показал мне замок, состоящий из башен и небольшой слободы, обнесенной высокой стеной, отделявшей их от собственного города. Не наблюдалось никаких явных признаков планов Князя, невдалеке несколько вооруженных волонтеров отрабатывали какие-то нудные приемы. Все это выглядело слишком мирно, чтобы быть похожим на правду, ведь доставили же меня сюда. Это не случайно. Я деликатно задал несколько вопросов Курту, и он любезно на них ответил. Подобно большинству мелкопоместных дворян, он испытывал недовольство центральной властью, хотя, конечно, сам по себе делать ничего не собирался. Его завербовали, он был готов поддерживать планы, хотя сама идея была ему не очень понятна. То, что он не говорил мне всей правды, стало ясно в конце разговора.

Мимо нас прошли женщины, и Курт сказал, что это жены двух других офицеров.

— А вы тоже женаты? — спросил я.

— Нет. Все не было времени. А сейчас я думаю, что не до этого. Когда все закончится и жизнь войдет в норму, можно будет и об этом подумать.

— Это верно,— согласился я.— А что Князь? Он женат? Меня столько лет здесь не было, что я от всего этого отключился. Жены, дети и тому подобное.— Мне показалось, что при ответе он несколько замялся.

— Ну... можно сказать... Я знаю, что Князь был женат, но там

что-то случилось, и теперь он не женат...— Он запнулся и перевел мое внимание на что-то еще, уходя от предмета разговора.

Путь Анжелины всегда был отмечен трупами, наверное, имеются и сейчас один-два. Выглядит вполне правдоподобной ее связь со «случайной смертью» жены Князя. Если бы смерть была естественной, Курт бы не стал уходить от разговора. Он замолчал, а я не допытывался. Хотя Анжелина не может быть на виду, ее следы окружают меня со всех сторон. Теперь это было только делом времени. Я могу прижать Курта или отыскать тех громил, что вытащили меня из тюрьмы. Поставить им выпивку, разговорить, расположить к себе, потом вытянуть все, что можно, о человеке, который ими руководил.

Анжелина сама сделала первый шаг. Один из угольных роботов, гремя и клацая, принес мне записку. Князь хотел видеть меня. Я причесал волосы, надел рубашку и отправился.

Когда я вошел, Князь уже был твердо и устойчиво пьян, кроме того, комната была заполнена сладким дымом — в его сигаретах, по-видимому, был не только табак. Это означало, что он с утра был в расстроенных чувствах, но я не собирался быть в числе его утешителей. Я изобразил исключительное внимание.

— Пора за дело, сэр? Вы для этого послали за мной? — спросил я.

— Садитесь, садитесь,— пробормотал он, указывая мне на кресло.— Угомонитесь. Хотите сигарету? — Он подтолкнул ко мне коробку, наполненную коричневыми цилиндрами.

— Нет, сэр, в настоящее время я не курю.

Мысли Князя витали где-то далеко, мне показалось, что он не слышит меня. Потирая щеку, он оглядывал меня сверху вниз. Наконец, после внутренней борьбы, выражение его лица стало более решительным.

— Что вы знаете о семействе Радебрахен? — спросил он. Вопрос был настолько необычен, что даже ошарашил меня.

— Абсолютно ничего,— ответил я искренне.— А что?

— Нет... нет...— быстро ответил он, потирая щеку. Стало мутно в голове от спертого воздуха в комнате. Как же должен был себя чувствовать он?

— Пойдемте со мной,— сказал он, выбираясь из кресла. Пройдя через многочисленные залы в глубь здания, мы остановились около двери, похожей на все остальные, перед которой стоял охранник, грозного вида мускулистый тип со скрещенными на груди руками. В одной из них была зажата рукоять пистолета. При нашем приближении он даже не шевельнулся.

— Он со мной,— сказал Рденрант брюзгливым тоном.

— Я должен обыскать его,— сказал охранник.— Приказ.

Становилось все интереснее. Кто-то отдает приказы, которые не может нарушить Князь — это в его-то замке! Будто бы я не знал. Кроме того, я узнал голос охранника, он был одним из тех, кто забирал меня из тюремной камеры. Он быстро и тщательно

обыскал меня и отступил на шаг. Князь открыл дверь, и я последовал за ним, стараясь не отдавить ему пяток.

Теория теорией, а практика практикой. Я был почти уверен, что встречу Анжелину, и все же увидеть ее сидящей за столом было подобно шоку. Словно электрический заряд пробежал по спинному мозгу. Настал момент, которого я ждал долгое время. Необходимо взять себя в руки и надеть маску равнодушия, естественно, с поправкой на то, что перед здоровым молодым мужчиной оказалась привлекательная, соблазнительная женщина.

Конечно, эта девушка была мало похожа на Анжелину, но сомнений не было. Изменилось лицо и цвет волос, но и на новом лице было то же ангельское выражение, что и раньше. Фигура оставалась приблизительно той же, за исключением, возможно, небольших улучшений. Ее трансформация была поверхностной, не как у меня.

— Это Граф Дибстол,— сказал Князь, останавливая на ней свой затуманенный взгляд.— Человек, которого вы хотели видеть, Ангела.— Итак, она осталась Ангелом, только с другим именем. Это плохая привычка. Я знал несколько людей, которые попались только потому, что выбирали свое новое имя похожим на старое.

— Спасибо вам, Касситор,— сказала она.— Очень любезно с вашей стороны привести ко мне Графа Дибстола,— добавила она тем же тихим пустым голосом.

Касси, видимо, ждал более теплого приема. Переступая с ноги на ногу, он бормотал что-то себе под нос. Однако Анжелина-Ангела температуру приема оставила прежней, а может, опустила еще градуса на два, начав перебирать какие-то бумаги на столе. Несмотря на свое состояние, Князь все понял. Он вышел, опять что-то бормоча, и на этот раз я понял, что это было самое короткое и грубое слово на местном диалекте. Мы остались одни.

— Зачем вы лгали, будто служили в Звездной Гвардии?— спросила она совершенно спокойно, продолжая копаться в бумагах. Я сделал намек на саркастическую улыбку, сбил несуществующую пыль с рукавов.

— Не мог же я рассказывать этим прекрасным людям, чем я действительно занимался все эти годы.— Мои глаза излучали простодушие.

— И чем же вы занимались, Бент?— спросила она все тем же ровным, без эмоций голосом.

— А вот это уж мое дело,— сказал я в ее же тональности.— И прежде всего я хотел бы узнать, кто вы и как оказалось, что вы имеете большее влияние, чем Великий Князь?— Я решил идти напролом, но это ее не смутило, и она снова завладела инициативой.

— Ну, поскольку у меня здесь большое влияние, я думаю, вы найдете желание отвечать на мои вопросы. Не бойтесь шокировать меня, вас удивит, сколько я о вас знаю.

Нет, возлюбленная Анжелина, нисколько не удивит. Но не мог же я все выложить без всякого сопротивления.

— Ведь за всей этой историей с революцией стоите вы, не так ли?! — сказал я в утвердительной, а не в вопросительной форме.

— Да,— сказала она, положив на стол бумаги, чтобы видеть меня.

— Тогда вы должны знать. Я занимался контрабандой. Это очень интересное занятие, если знать, где что брать. Через несколько лет я понял, что это наиболее выгодный бизнес. Однако в конце концов некоторые правительства увидели во мне конкурента, и опасного. Они хотели обкрадывать народ единолично. Под давлением обстоятельств я вернулся на свою тихую родину для отдыха.

Ангел мой не удовлетворилась моими объяснениями и задала мне массу вопросов, показывающих ее полную осведомленность в этом деле. Я не боялся, так как в свое время пропустил через свои руки таким способом мегасуммы. Волновался я только за детали, так как занимался этим еще в молодости, не достигнув профессиональных высот. Войдя в роль, я старался запоминать все, что говорил. Это был решающий момент, когда не допускалось ни намека, ни жеста, способных воскресить в ее памяти Скользкого Джима. Я должен казаться местным трутом, витающим все еще в облаках Вселенной.

Атмосфера нашей беседы с выпивкой и дымящимися сигаретами была, конечно, подстроена, чтобы ослабить мой контроль над собой и дать мне возможность допустить ошибки. Я действительно пару раз соврал, но так, чтобы она отнесла это за счет моего мальчишеского вздора. Когда напряжение спало, я попытался сам задать вопрос.

— Скажите, с вами никак не связана местная семья Радебрахен?

— Почему вы спрашиваете? — спросила она жестко и холодно.

— Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрант спросил меня об этом перед тем, как идти сюда. Я сказал ему, что ничего не знаю. Это как-то связано с вами?

— Это... они хотят убить меня,— ответила она.

— Но это же глупо и отвратительно,— сказал я, принимая эффектную позу. Она проигнорировала.— Чем я могу помочь? — спросил я, возвращаясь к делу, раз моя мужская привлекательность на нее не подействовала.

— Я хочу, чтобы вы были моим телохранителем,— сказала она и, когда я улыбнулся и открыл рот, чтобы ответить, перебила: — И пожалуйста, избавьте меня от всяких комплиментов по поводу моего тела, которое вы будете с удовольствием охранять. Я достаточно наслушалась этого.

— Я только хотел сказать, что принимаю предложение.— Это была ложь, так как фраза, аналогичная отмеченным, вертелась у меня на языке. Я напомнил себе, что как это ни трудно, но перед лицом Анжелины расслабляться не имею права.— Только расскажите мне что-нибудь о людях, которые хотят вас убить.

— Известно, что Князь Рденрант был женат,— сказала Анжелина, поигрывая, словно девочка, стаканом.— Его жена совершила самоубийство самым глупым образом. Ее семья — эти самые Радебрахены — думают, что это я убила ее, и хотят отомстить, убив в ответ меня. В этом заброшенном углу Фрейбурга еще сохранилась вендетта, и эти богатые идиоты тоже ее исповедуют.

Вот теперь картина прояснилась. Князь Рденрант, прирожденный оппортунист, чтобы увеличить состояние, женился на дочери этой семьи. Все было прекрасно, пока не появилась Анжелина. Не зная местных обычаев, связанных с мщением, она убрала с пути камень преткновения. Но что-то было сделано не так, или Князь сплоховал, и возникла вендетта. И теперь мой Ангел хочет просунуть мою нежную плоть между собой и убийцами. Я задал еще один вопрос.

— Это было убийство или самоубийство? — спросил я.

— Да, я убила ее,— сказала она. Все наши карты были на столе. Решение было за мной.

Итак, что же нужно делать? Я не собирался стрелять или бить ее по голове, чтобы арестовать. Нет, я, конечно, собирался ее арестовать, но в будущем,— ведь нельзя же это сделать в центре цитадели Князя. Кроме того, хотелось подробнее разобраться в ее деятельности, так как она была, несомненно, в компетенции Специального Корпуса. Если я собирался вернуться, то с таким подарком мне было бы значительно легче это сделать.

Но вообще-то я не уверен, что хочу вернуться. Трудно забыть тот заряд, которым они собирались взорвать меня. В целом все было не так просто...

Находясь большую часть времени с Анжелиной, я откровенно любовался ею и забыл о телах, плавающих в космосе. Они приходили ночью и терзали меня, мою совесть, но я всегда засыпал раньше, чем они успевали сделать свое дело.

Жизнь была постелью из роз, и можно было наслаждаться ею, пока цветы не завяли. Наблюдать, как она работает, было истинным наслаждением. Если бы вы поставили меня к стенке и заставили признаться, я бы ответил, что кое-чему у нее научился. Она ведь самостоятельно организовала революцию на мирной планете, которая имела много шансов на успех. В некоторой степени я ей помогал. Несколько раз она обращалась ко мне с вопросами и во всех случаях следовала моим рекомендациям. Конечно, я никогда не свергал правительства, но криминальные законы во всем едины вне зависимости от применения. Однако это было редко. Бóльшую часть времени, особенно в первые несколько недель, я оставался ее телохранителем. Подобное положение, конечно, не могло не вызвать у меня иронической улыбки.

Существовал, однако, в нашем маленьком Мятежном Раю змей, имя которому Рденрант. Из отдельных разговоров, услышанных в разных местах, я начал подозревать, что Князь вовсе не хочет быть революционером. Чем ближе был день выступления,

тем бледнее он становился. Мешали и его физические пороки, и однажды произошел конфликт.

Ангелочек и Князь совещались, а я сидел сбоку в приемной. Когда удавалось, я бессовестно подслушивал. И на этот раз, закрывая дверь, я оставил маленькую щелочку. Осторожно манипулируя пальцами, я расширил ее, пока не стали слышны голоса. Князь почти кричал, в его словах слышалась недвусмысленная попытка шантажа. Затем он понизил голос, и, как я ни прислушивался, я ничего не услышал. Потом в его голосе послышалось хныканье, перемежающееся с сахарной лестью. Ответ Анжелины был однозначен — громкое и решительное — нет. Его вопль поднял меня на ноги.

— Но почему? Всегда только «нет»! Хватит с меня!

Послышался звук рвущейся ткани, что-то упало на пол и разбилось. Одним прыжком я влетел в дверь. Перед моими глазами открылась живописная батальная сцена. Одежда Анжелины была разорвана на одном плече. Князь стоял рядом, вцепившись пальцами, словно когтями, ей в руку. Выхватив пистолет, я рванулся вперед, но Анжелина была быстрее,— схватив со стола бутылку, она ловко ударила его по голове. Князь рухнул как подкошенный. Подняв разорванную блузу, она сделала останавливающий жест.

— Уберите пистолет, Бент... Все в порядке,— сказала она спокойно. Я подчинился, но только после того, как убедился, что Князь без движения и моя помощь не потребуется. Она справилась сама. Когда я поднялся, она уже уходила и пришлось ее догонять. Остановившись перед своей комнатой, она бросила мне: «Ждите здесь».

Не нужно было быть слишком прозорливым, чтобы предусмотреть наступление плохих времен. Придя в себя, Князь, несомненно, примет нужное решение и об Анжелине, и о революции. Я размышлял обо всем этом, и тут она позвала меня.

Ее плечи покрывал легкий платок. Внешне она выглядела спокойно, но скрытый блеск в глазах выдавал волнение. Я заговорил, как мне казалось, о том, что должно было ее беспокоить в первую очередь.

— Хотите, чтобы я присоединил Князя к его родовитым предкам в семейном склепе?

Она отрицательно покачала головой.

— Он еще пригодится. Мне удается справляться со своим темпераментом, держите и вы под контролем свой.

— С этим у меня все в порядке. Но неужели вы думаете, что после всего происшедшего можно продолжать с ним работать? У него, между прочим, серьезная травма головы.

Подобные мысли не обременяли ее, и она отмахнулась рукой.

— Я все еще могу управлять им, и он будет делать все, что я захочу, разумеется, в пределах разумного. Ограничением служат его собственные природные способности, о чем я не знала, ставя его во главе восстания. Жаль, что трусость медленно разрушает первоначальную решительность его намерений. Но он все

еще считается главарем, и мы должны использовать его в этом качестве. И сила, и власть должны быть в наших руках.

Я человек не медлительный, но осторожный. Прежде чем ответить, я обдумал ее слова со всех сторон.

— Что означает это «мы» и «наше»? Где тут мое место?

Анжелина расположилась в кресле и откинула со лба свои прелестные золотые волосы. В ее улыбке было около двух тысяч вольт, и предназначалась она мне.

— Я хочу, чтобы вы участвовали в этом деле вместе со мной,— сказала она с теплыми интонациями.— Партнером. Мы держим впереди Князя Рденранта, пока не придет успех, затем устраняем его и все остальное делаем сами. Согласны?

— Да,— сказал я. Потом с особым воодушевлением: — Да...— Впервые я был столь односложен, нужно снова собраться с мыслями.— И все-таки почему я? Простой телохранитель, который больше всего заботится о восстановлении своих прав? Не велик ли скачок от мальчика на побегушках до председателя правления?

— Зачем спрашивать, если вы сами все понимаете,— сказала она и улыбнулась, отчего температура в комнате поднялась еще градусов на десять.— Вы можете руководить этим делом так же хорошо, как и я,— вам это нравится. Мы вместе сделаем эту революцию и завоюем планету. Что вы на это скажете?

Пока она говорила, я ходил взад и вперед. Она встала, взяла меня за руку и остановила. Тепло ее пальцев жгло меня огнем. Ее лицо было прямо передо мной, улыбающееся, а голос стал бархатным и низким — такого я никогда не слышал.

— Это будет прекрасно. Обязательно. Ты и я... вместе.

Обязательно! Бывает, когда словами все не скажешь, и тогда говорит ваше тело. Это был тот самый случай. Мои руки обняли ее, прижали к себе, мой рот приник к ее губам.

Она ответила мне тем же, ее руки лежали на моих плечах, губы были ласковыми. Все это произошло так быстро, что впоследствии я был не уверен, что это вообще было. Теплота внезапно исчезла, все стало плохо.

Она не боролась со мной, не пыталась оттолкнуть, но губы ее вдруг стали безжизненными, а глаза совершенно пустыми. Она так и стояла, пока я не опустил руки и не отошел. Потом снова села в кресло.

— Что случилось? — спросил я.

— Хорошенькое личико — это все, о чем вы мечтаете? — спросила она с рыданием в голосе. Страдание исказило ее лицо.— Все мужчины похожи... все одинаковы.

— Невероятно! — крикнул я в раздражении.— Вы же хотели, чтобы я вас поцеловал, не отрицайте! Что изменилось в ваших мыслях?

— А захотели бы вы поцеловать ее?! — выкрикнула Анжелина в исступлении, которого я не мог понять. Она дернула тонкую цепочку вокруг шеи и швырнула ее мне. На ней висел маленький ме-

дальон, еще теплый от ее тела. При падении света под определенным углом на нем четко просматривалось изображение. Мне удалось кинуть только один взгляд на фотографию — на ней была изображена девушка. Что-то изменилось в мыслях у Анжелины, она вырвала цепочку и стала толкать меня к двери. Та захлопнулась за мной, загремел засов.

Не обращая внимания на удивленного охранника, я направился к себе в комнату. С одной стороны, я должен был быть в восторге, ведь Анжелина оказала мне знаки расположения, хоть и на мгновение. Но что означает ее внезапная холодность и фотография?.. Зачем она носила ее?

Хотя я увидел ее на один миг, этого было достаточно. На фото была молодая девушка, может быть, ее сестра. Ужасные генетические законы говорят, что возможно неопределенно большое число комбинаций. Эта девушка была отвратительно уродлива, другого слова не подберешь. И дело было не только в одном факторе, вроде горбатой спины, выпирающей челюсти или торчащего носа. Тут была комбинация черт, составляющих единое отталкивающее целое. Вызовет отвращение у кого угодно.

И тут я понял, что непроходимо глуп. Да, Анжелина дала мне взглянуть на глубинные причины того, что изломало, исковеркало ее жизнь.

Конечно, девушка на фотографии была сама Анжелина.

Сразу стало ясно многое другое. Сколько раз, глядя на нее, я удивлялся, как может такая испорченная сущность находиться в такой очаровательной упаковке? Теперь ответ ясен — я не видел первоначальной упаковки. Мужчина еще может как-то терпеть свою уродливость, но что должна чувствовать женщина в такой ситуации? Как жить, когда каждое зеркало твой враг и люди поскорее отворачиваются, когда видят тебя? И что делать, когда, к счастью или к несчастью, вы наделены острым разумом, который все видит и осознает, делает неутешительные выводы, мучается от знаков отвращения?

Некоторые девушки могли бы покончить жизнь самоубийством, но не Анжелина. Я могу предположить, что сделала она. Презирая себя, ненавидя свой мир и людей в нем, она не испытывала угрызения совести, задумывая преступления с целью добычи денег. Денег для операции по уничтожению какого-либо уродства. Потом еще денег для следующей операции. Затем, когда кто-то попытался остановить ее однажды, она легко, возможно с удовольствием, убила его. Медленный, жуткий подъем к красоте, с достойным удивления разумом.

Бедная Анжелина. Я мог бы пожалеть ее, если бы не убийства, которые она совершила. Бедная несчастная девушка, которая выигрывала одни битвы, безнадежно проигрывая другие. Она сумела придать телу очарование, действительно ангельские очертания, а мозг, который управлял всем процессом, постепенно деформировался, пока не стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, то почему нельзя изменить мозг? Можно ли что-то сделать для нее?

Я так напряженно думал, что не мог усидеть в своей маленькой комнате и вышел на свежий воздух. Близилась полночь, внизу должна быть охрана, и все двери заперты. Я решил подняться наверх, в саду на крыше не должно быть никого, можно будет прогуляться в одиночестве.

На Фрейбурге нет луны, но ночь была ясная, звезды давали достаточно света, чтобы видеть вокруг. Охранник приветствовал меня, когда я вышел, был виден красный огонек сигареты в его руке. Я должен был сказать что-то по этому поводу, но мои мысли были заняты чем-то другим. Повернув за угол, я остановился и стал смотреть, облокотившись на парапет, на темные громады гор.

Что-то задержало мое внимание, и через несколько минут я понял, что это было. Охранник. Он был на посту и курил, хотя для часового это не положено. Может быть, я слишком придирался, но мне это не понравилось. В любом случае, поскольку это беспокоило меня, надо вернуться и сказать ему пару слов.

Его не было на обычном месте, это радовало, значит, ходит и наблюдает. Я пошел обратно и вдруг заметил сломанные цветы, свисавшие с края крыши. Это было совершенно невероятно, так как сад на крыше был предметом гордости и постоянной заботы Князя. Издали я увидел какое-то темное пятно среди цветов и понял, что дела очень и очень плохи. Это был часовой, мертвый или при смерти. Мне не нужно было искать причину, по которой кто-то мог оказаться здесь ночью. Причиной была Анжелина. Ее комната была на верхнем этаже почти под этим местом. Я тихонько прошел к краю и взглянул вниз. В пяти метрах ниже была видна белая площадка балкона перед ее окном и что-то темное и бесформенное, припавшее к стене. Мой пистолет остался в комнате. Это один из немногих случаев в моей жизни, когда я не соблюл всех предосторожностей. Я должен был спасти Анжелину.

Все это в доли секунды промелькнуло в моей голове, когда я взялся за край балюстрады. Рука наткнулась на крохотный крючок, к которому была привязана веревка, почти невидимая, но прочная, как канат. Убийца спустился с помощью специального приспособления, выпускающего из себя нить, как паук. Нить представляла собой субстанцию, состоявшую из одной мономолекулы, способную выдержать вес человека. Если бы он попытался спуститься по ней, то лишился бы пальцев: она была острее бритвы.

На балкон можно было попасть, достигнув маленькой площадки под ним, для чего нужно было пройти почти два километра по долине. Я принял решение прыгать, вскочил на перила и удержал равновесие. Подо мной бесшумно открылось окно, медлить было нельзя, я оттолкнулся, метя пятками в человека, и полетел вниз.

В воздухе меня развернуло, и я попал пятками ему в плечи. Мы

оба покатились по балкону. Древние камни задрожали, но выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что ему досталось не меньше, чем моим ногам. Несколько секунд я был беспомощен, затем совладал с собой и пополз к нему. От удара из его руки выпал тонкий длинный кинжал, который, к счастью, не задел меня, а только порвал рукав. Он успел к нему раньше, но я схватил его руку и крепко сжал.

Это была безмолвная кошмарная битва, цена которой, как мы хорошо знали, была жизнь. Из-за ушиба ноги я не мог быстро встать, и он, более тяжелый, оказался сверху. Обеими руками я с трудом держал его руку с кинжалом. Стояла мертвая тишина, слышалось только наше тяжелое дыхание.

Перевес начал склоняться на сторону убийцы, вес и неумолимая сила делали свое — кинжал медленно опускался. Лезвие было совсем рядом, но тут я заметил, что вторая его рука безжизненно висит. Она была сломана при падении. А он даже не издал ни звука!

Никогда человек не сражается так отчаянно, как при борьбе за свою жизнь. Мне удалось вытащить из-под него одну ногу, и, изловчившись, я ударил коленом в его сломанную руку. Он содрогнулся от боли. Я повторил. Пытаясь отстраниться, он потерял равновесие и согнул локоть, стараясь удержаться от падения. Вложив все свои силы, я развернул его руку с кинжалом лезвием вверх.

Это почти удалось мне, но он был все-таки сильнее, лезвие только слегка поцарапало ему грудь. Я собрал силы, чтобы повторить прием, по-видимому безнадежный, но внезапно он дернулся и умер.

Хитростью меня не возьмешь, но это была не хитрость. Я почувствовал, как в спазме закостенели его мускулы, когда он упал. В окне зажегся свет. И только тут я увидел жуткие желтые пятна на лезвии ножа — мгновенно действующий нервно-паралитический яд. Там, где лезвие задело рукав моей рубашки, тоже остался желтый след. Я знал, что яд не нуждается во введении внутрь, он так же хорошо действует и на обнаженную плоть.

С невероятными предосторожностями, борясь с дрожью в руках от усталости, я снял рубашку. И только когда она была брошена поверх трупа, я расслабился и глубоко вздохнул.

Нога у меня действовала, хотя и сильно болела, видимо, я ее не сломал, хотя и сильно ушиб. Я шире открыл высокое окно в комнату, и труп позади меня ярко осветился. Анжелина спокойно сидела на кровати, прижимая к груди одеяло, но в ее глазах виднелась тревога — она поняла, что произошло.

— Мертв,— сказал я хриплым голосом, горло пересохло, и прокашлялся.— От собственного яда.— Я прошел в комнату, растирая ногу.

— Я спала и даже ничего не слышала, как он открыл окно,— сказала она.— Спасибо.

Актриса, лгунья, обманщица, убийца. Она играла сотни ролей,

говорила бесчисленным количеством оттенков голосов. Но сейчас, в этих последних словах, ощущалось неподдельное чувство. Эта попытка убийства произошла слишком быстро после предшествующей тяжелой сцены. Ее защитные реакции не успели возобладать над естественными эмоциями.

Волосы рассыпались у нее по плечам, на ней была красивая ночная рубашка, сделанная из какого-то тонкого и мягкого материала. Все события этой ночи давали мне право действовать смело. Я сел на кровать, обнял ее за плечи. Медальон с разорванной цепочкой лежал на столике перед ее кроватью, я взял его в руку.

— Пойми, этой девушки не существует, она осталась только в твоей памяти,— сказал я.— Это все в прошлом. Ты была ребенком, а теперь ты женщина. Ты, может, и была этой девочкой, но сейчас ты не она!

Я резко повернулся и бросил медальон в окно, в темноту.

— Все это осталось в прошлом, Анжелина,— сказал я.— Ты — это только ты! — крикнул я во все горло.

Я поцеловал ее, и на этот раз она меня не оттолкнула. Как я нуждался в ней, так и она нуждалась во мне.

Как только рассвет коснулся неба, я отнес тело убийцы к Князю. Я был лишен удовольствия разбудить его, так как это уже сделал сержант охраны, когда обнаружил на крыше убитого охранника. Он был убит тем же самым отравленным кинжалом. Начальник охраны и Князь топтались вокруг тела и с недоумением рассуждали об этой непонятной смерти часового. Они не видели меня, пока я не сбросил свой груз рядом с часовым, напугав их.

— Вот убийца,— сказал я не без гордости. Князь наверняка узнал тело, так как, взглянув на него, содрогнулся. Несомненно, близкий родственник, брат или кто-то в этом роде. Я думаю, что он не верил никогда, будто семейство Радебрахен осуществит свою угрозу мести.

Поведение сержанта охраны вызывало недоумение. Он переводил взгляд с Князя на труп и обратно, и я удивился, как быстро носятся мысли в его бритой, мощной, военной голове. Тут была какая-то сложная завязка, и нужно выяснить, в чем дело. Я решил при первой же возможности поговорить с сержантом тет-а-тет. Князь, стоя рядом с трупом, потирал щеку, хрустел суставами, наконец велел унести их.

— Останьтесь, Бент,— сказал он, когда я собрался уходить. Я уселся в кресло и дождался, пока все ушли. Подбежав к бару, он наполнил стакан, вспомнив при этом, что не мешало бы предложить и мне этот живительный напиток. Я не отказался и, посасывая его, дивился его волнению.

Во-первых, Князь проверил замки на всех дверях и плотно занавесил окно. Открыв специальным ключом нижний ящик стола, он достал из него маленький электронный прибор со шкалой управления и телескопической антенной на верхней крышке.

— Неплохая штука,— сказал я. Он не ответил, только бросил

из-под бровей короткий взгляд и занялся регулировкой. И только когда на шкале зажегся зеленый индикатор, он успокоился.

— Вы знаете, что это такое? — спросил он, указывая на прибор.

— Конечно, — сказал я. — Только познакомился с ним не на Фрейбурге. Здесь он не слишком распространен.

— Они здесь вообще не распространены, — сказал он, добиваясь максимальной яркости зеленого индикатора. — Насколько мне известно, этот экземпляр единственный на планете, и я хочу, чтобы вы никому не говорили о том, что видели. Никому! — повторил он.

— Это меня не касается, — сказал я с наигранным отсутствием интереса. — Я думаю, что человек имеет право на свои тайны.

Я сам любил тайны и множество раз использовал снуп-детекторы. Они могли обнаруживать электронные или волновые подслушивающие устройства и немедленно оповещать об этом. Можно было обмануть их, но сделать это было невероятно трудно. Пока никто не знал о детекторе, Князь мог быть уверен, что никто его не подслушает. Но кому могло прийти это в голову здесь, в центре замка? Даже он должен знать, что снуп-детекторы не могут работать на расстоянии. В воздухе резко запахло крысой, и я начал догадываться, в чем дело. Не оставалось сомнений, что крыса — Князь.

— Вы неглупый человек, Граф Дибстол, — сказал он, подразумевая под этим, что я значительно глупее его. — Вы путешествовали, видели другие миры и понимаете, как дики и отсталы мы здесь. Не откажитесь помочь мне сбросить петлю, которая затягивается вокруг шеи нашей планеты. Никакие жертвы не страшны, если приближается день победы. — Он даже вспотел и опять вернулся к своей скверной привычке хрустеть пальцами. Голова, по которой Анжелина грохнула бутылкой, была заклеена пластырем, мокрым от пота. Я надеялся, что рана болит.

— Вы охраняете эту иностранку... — сказал Князь, поворачиваясь боком, все еще продолжая наблюдать за мной краешком глаза. — Она оказала нам определенную помощь в организации, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Уже имеется одно покушение на жизнь этой дамочки и, вероятно, будут другие. Радебрахен — старая известная семья, и ее присутствие для них невыносимо. — Он отхлебнул из стакана и перешел к основному. — Я думаю, вы сможете выполнять ее работу. Так же хорошо, а возможно, и лучше. Как вы на это смотрите?

Без сомнения, я был переполнен талантами, или на этой планете не хватало революционеров. Уже второй раз за сутки мне предлагали сотрудничество. Было ясно, что Анжелина предлагала искренне, а вот от предложения Касси Дюка Рденранта исходил гнилой душок. Я решил продолжать игру, чтобы увидеть, к чему это приведет.

— Я польщен, Князь,— ответил я.— Но что будет с иностранкой? Я не уверен, что ей понравится эта мысль.

— Это не важно,— отрезал он, слегка коснувшись пальцами повязки на голове. Затем, снова взяв себя в руки, продолжал: — Мы не можем быть жестокими с ней.— И его лицо исказила отвратительная лицемерная улыбка, какой я никогда не видел до сих пор.— Мы будем держать ее в заключении. У нее есть несколько преданных соратников, но об этом позаботятся мои люди. Вы будете с ней и арестуете ее в нужный момент. В тюрьме она будет в безопасности и не станет мозолить глаза, чтобы не навлечь неприятности на нас.

— Отличный план,— согласился я с энтузиазмом.— Меня не радует заключить эту бедную женщину в тюрьму, но если так нужно, то я готов. Цель оправдывает средства.

— Вы правы, Бент. У вас замечательная способность вставлять афоризмы. Я с удовольствием запишу: цель оправдывает средства.

И такой человек планирует революцию! Я напряг память, чтобы вспомнить к случаю афоризм, но мысли затопила внезапная злость. Я вскочил на ноги.

— Если мы собираемся сделать это, Князь, незачем терять время,— сказал я.— Давайте назначим арест на восемнадцать часов, это даст вам время обезвредить ее охрану. Я буду с ней в комнате и арестую ее, как только получу от вас сообщение о благополучном завершении вашей акции.

— Все правильно. Вы, как всегда, человек действия, Бент. Пусть будет так, как вы предлагаете.— Он протянул руку, и я, сдерживая отвращение, должен был пожать эту мягкую, предательскую ладонь. Теперь прямо к Анжелине.

— Нас тут не подслушивают?— спросил я Анжелину.

— Нет, комната абсолютно чистая.

— У вашего бывшего дружка Князя Касси есть снуп-детектор. Не исключено, что у него есть и другие приборы, в частности, для подслушивания, которые он мог установить здесь.

Эта мысль ни в малейшей степени не взволновала Анжелину, она сидела перед зеркалом, расчесывая волосы. Сцена, конечно, очаровательная, но в данный момент неуместная. Штормовые ветры несутся на революцию, грозя ее разрушить.

— Я знаю о детекторе,— сказала она, продолжая причесываться.— Это я ему подсунула. Правда, его слегка доработали, чтобы на наших частотах он всегда показывал норму, даже когда я включаю подслушивающее устройство.

— А вы слышали, как несколько минут назад он делал мне предложение убить вашу охрану, а вас заключить в тюрьму?

— Нет, не слышала,— сказала она с таким изумительным самообладанием и спокойствием, какие всегда отличали ее поступки. Она улыбнулась мне в зеркало.— Я была занята воспоминаниями о прошедшей ночи.

Женщины! Они все смешивают вместе. Возможно, для них так лучше, но очень трудно для тех, кто считает, что логика и эмоции разные вещи. Я должен заставить ее понять серьезность ситуации.

— Хорошо, пусть эти маленькие новости вас не волнуют,— сказал я, стараясь быть спокойным.— Но есть и другие. Вовсе не Радебрахены послали убийцу прошлой ночью. Это сделал Князь.

Это слегка подействовало. Анжелина оставила в покое волосы, и глаза ее посерьезнели. Она не задавала глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

— Я думаю, что ты недооцениваешь бешенство этой крысиной морды. Когда вчера он получил бутылкой по голове, это совершенно разозлило его. Сержант охраны опознал убийцу и понял, что он связан с Князем. Это объясняет и то, как убийца попал на крышу и как он узнал, где вас искать. Слишком многое произошло после вчерашней драки с Касситором Сварливым.

Пока я говорил, Анжелина вернулась к своей прическе и стала взбивать локоны. Она не ответила. Это полнейшее отсутствие интереса стало действовать мне на нервы.

— Так что же все-таки вы собираетесь делать? — уже не скрывая раздражения, спросил я.

— А не кажется ли вам, что более важно понять, что вы собираетесь делать? — Она не подчеркивала вопроса, но за ним скрывалось многое. Я видел, что она наблюдает за мной в зеркале, поэтому отошел к окну, глядя на фатальный балкон и покрытые снегом вершины. Что я собирался делать? Это был вопрос, куда более сложный, чем ей казалось.

Что я вообще собирался делать? Участвовать в революции, к которой я не имел ни малейшего отношения? Зачем я тут? Чтобы арестовать Анжелину для Корпуса? Об этом надо пока забыть. Но ответ надо найти! Мое тело было хорошо замаскировано, но я не рассчитывал на какое-то длительное совместное общение. Конечно, Анжелина уверена, что убила меня, и не станет заниматься моей идентификацией.

И тут меня осенило. Какие-то участки памяти могут забыть какой-то факт, но внезапно он может проявиться.

— Все это осталось в прошлом,— кричал я.— Все это в прошлом, Анжелина.— Она не возражала.

Правда, она уже не Анжелина, а Анжела.

Когда я к ней повернулся, на моем лице наверняка была написана растерянность, но она только загадочно улыбнулась и ничего не сказала.

Но волосы расчесывать перестала.

— Ты знала, что я не Граф Дибстол,— выговорил я с трудом.— И как давно?

— Давно. Почти сразу же, как ты вошел сюда.

— Ты знаешь, кто я?..

— Настоящего имени я не знаю, если ты это имеешь в виду. Но я помню, какая злость во мне кипела, когда ты выжил меня из линкора. И я помню глубокое удовлетворение, когда я стреляла в тебя во Фрейбургбаде. Теперь ты скажешь свое имя?

— Джеймс,— сказал я невесело.— Джеймс ди Гриз, известный в своей среде как Скользкий Джим.

— Прекрасно. Мое настоящее имя Анжела. Я думаю, что это была идиотская шутка моего отца, поэтому я с радостью увидела его в гробу.

— Почему ты не убьешь меня?—спросил я, догадываясь, как отошел в лучший мир ее отец.

— Зачем, дорогой?—спросила она проникновенным голосом.— Мы оба сделали в прошлом ошибки, и потребовалось много времени, чтобы понять нашу с тобой похожесть. Я могу точно так же спросить, почему ты не арестуешь меня, ведь с этого все началось, не так ли?

— Да... но...

— Но что? Ты пришел сюда с этой мыслью, но не выдержал внутренней борьбы с собой. Поэтому я и не сказала, что узнала тебя. Я не знала, как все получится. Ты видишь, я не хотела убивать тебя, я знала, что ты любишь меня, это было заметно сразу. Это отличалось от звериной похоти всех самцов, которые говорили, что любят меня. Им нравилась только моя плоть, а ты любишь меня всю, потому что мы оба одинаковы.

— Мы не одинаковы,—сказал я, но не было убежденности в моем тоне. Она только улыбнулась.— Ты убивала и наслаждалась убийством—вот наше основное различие. Понятно?

— Ерунда!—Она отмахнулась от этого, как от чепухи.— Ты убил прошлой ночью—тоже неплохая работа—и я не заметила у тебя никакого раскаяния. И, по-моему, даже отмечался определенный душевный подъем?

Не знаю почему, но я чувствовал, как будто петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильно, но я не мог сказать, где конкретно. Как разрубить этот гордиев узел?

— Давай покинем Фрейбург,— сказал я наконец.— Уйдем подальше от этого идиотского ненужного восстания—опять будут смерть, убийства...

— Мы уйдем, если сможем найти место, где нам будет хорошо,— отрезала Анжела с металлом в голосе.— Но не это главное. Главное, что ты должен что-то подправить у себя в голове, изменить точку зрения. Это глупое отвращение к убийству. Ты не понимаешь, что это совершенно тривиально. Через двести лет в Галактике умрут все, кто живет сегодня, и какая разница, если помочь нескольким достичь этого чуть быстрее. Они сделают то же самое с тобой, если у них будет такая возможность.

— Ты неправа,— возразил я, понимая, что философия жизни и смерти значительно сложнее, но затрудняясь сформулировать

свою точку зрения в этой нервной обстановке. Анжела слишком сильный наркотик, и моя слабая воля не устояла, смытая мощным потоком эмоций. Я прижал ее к себе и стал целовать, понимая, что хоть это и решает сиюминутные проблемы, но финальное решение делается более трудным.

Тонкое пронзительное жужжание ударило мне в уши, и Анжела тоже услышала его. Оторваться друг от друга было трудно. Я сел в кресло, а она подошла к видеофону и, переключив что-то, спросила. Я не слышал ответа, так как она отключила динамик и пользовалась наушниками. Один или два раза она сказала — да, посмотрев при этом неожиданно на меня. Не было видно, с кем она говорила, да мне это было все равно. Хватало других проблем.

Закончив разговор, она на мгновение застыла, и я ждал, что она скажет. Но она подошла к столу и вынула из верхнего выдвижного ящика то, что я меньше всего ожидал увидеть.

Пистолет, большой, смертельный, направленный на меня.

— Зачем ты сделал это, Джим? — спросила она, и слезы застыли в уголках ее глаз.— Почему ты решил это сделать?

Она даже не слушала меня, ушла в свои мысли, хотя пистолет упорно смотрел прямо мне в лоб. Внезапно она вернулась к действительности, и злость мелькнула в ее глазах.

— Да ты ничего и не сделал,— жестко сказала она.— Я поверила, что один мужчина может отличаться от всех остальных. Ты преподал мне хороший урок, большое спасибо.

— Ты что, совсем сошла с ума! — заорал я, ничего не понимая.

— Не разыгрывай из себя невинность,— сказала она, отступая назад и доставая из-под кровати маленький тяжелый чемоданчик.— Я установила радарный пост. Подкупив операторов, чтобы они послали мне сигнал сразу же. Кольцо кораблей, как тебе хорошо известно, снижается из космоса и окружает эту область. В твою задачу входило отвлекать меня как можно дольше. Этот план не удался.— Она накинула на руку плащ и стала спиной отходить через комнату.

— Если я скажу, что ни при чем, дам тебе самое что ни на есть честное слово, ты не поверишь мне? — спросил я.— Я ничего не делал и ничего не знал об этом.

— Оставь это для Космических Бойскаутов,— сказала Анжела издевательски.— Почему бы тебе не сказать правду, все равно через двадцать секунд ты умрешь.

— Я сказал тебе правду.— Я хотел броситься на нее, но понял, что не успею.

— Прощай, Джим ди Гриз. Приятно было провести с тобой время. Позволь, уходя, доставить тебе последнюю радость. Все, что ты сделал для меня и против меня, было напрасно. Позади меня есть дверь в потайной ход, о котором никто не знает. До того как сюда прибудет полиция, я буду в безопасности. И еще я ска-

жу, что буду убивать, убивать и убивать. И никто не сможет меня остановить.

Анжела подняла пистолет и слегка коснулась спускового крючка. За ней повернулась панель, открывая черную дыру в стене.

— Не разыгрывай сцену, Джим,— сказала она брезгливо, глядя на меня поверх пистолета.— Я не попадусь на удочку. Эти широко раскрытые глаза, это удивление, как будто кто-то стоит у меня за спиной. Я не повернусь. Ничего у тебя не выйдет.

— Это твои последние слова,— сказал я, отпрыгивая в сторону.

Пистолет рявкнул, но пуля ушла в потолок. За ней стоял Инскин, поймав пистолет, выбитый у нее из рук.

Анжела смотрела на меня с ужасом, даже не пытаясь сопротивляться. Наручники защелкнулись на ее тонких запястьях, а она стояла неподвижно и молча. Я прыгнул вперед, выкрикивая ее имя.

Позади Инскина появились двое в форме Патруля, они забрали ее, а он запер дверь, чтобы я не бросился за ними. Я стоял такой же вялый и безучастный, как Анжела после ареста.

— Выпьем,— сказал Инскин, опускаясь в кресло Анжелы и доставая из кармана плоскую фляжку.— Бренди. Эрзац земного, но все же это не местный из растворенной пластмассы.

— Сгинь... ты...— Мучительно подбирая слова и выражения покрепче из своего межзвездного лексикона, я попытался выбить у него рюмку. Он одурачил меня — поднял ее и без малейшего раздражения выпил.

— Это что, новый язык для общения с высшими офицерами Специального Корпуса? — спросил он, вновь наполняя рюмку.— Похоже, что вы забыли порядки и совсем разболтались. У нас ведь не все дозволено.— Он опять собрался выпить, но тут уж я перехватил ее.

— Зачем вы сделали это? — спросил я, все еще раздираемый страстями.

— Потому что ты не сделал, вот почему. Операция окончена, ты выиграл ее. До сих пор у тебя был испытательный срок, а сейчас ты получаешь звание Полного Агента.

Он залез в карман и достал маленькую золотую звездочку, сделанную из бумаги, аккуратно лизнул ее и торжественно прилепил мне спереди на рубашку.

— Именем данной мне власти,— продекламировал он торжественно,— произвожу тебя в Полные Агенты Специального Корпуса.

Итак, я достиг вершины карьеры. Я засмеялся. Это был абсурд.

— А я думал, что уже выбыл из команды,— сказал я ему.

— Я не получил твоей отставки,— сказал Инскин.— Да это

и не имело бы значения. Ты не можешь уйти из Специального Корпуса.

— Да, но ведь я получил ваше сообщение о своем увольнении. Или вы забыли, что я украл корабль? А сигнал управления, посланный от вас, который должен был взорвать меня? Если я сижу здесь, то только потому, что успел вытащить запал.

— Да ничего подобного, мой мальчик,— вставил он, откидываясь и наливая себе еще рюмку.— Ты так настаивал на преследовании этой красотки Анжелы, что я подумал, что ты можешь позаимствовать корабль до того, как мы дадим тебе его сами. Корабль, который ты захватил, имел запал, как и всегда в таких случаях. Но только запал, а не заряд. Он был установлен так, чтобы взорваться через пять секунд после того, как его удалят, и все. По моему мнению, это придает определенную независимость мышлению перспективных агентов.

— Значит, все это было подстроено? — спросил я.

— Можно сказать, что так. Но я предпочитаю термин «упражнение на ученую степень». Таким образом мы узнаем, будут ли «отловленные» нами новички действительно посвящать всю жизнь борьбе за закон и порядок. И они узнают тоже. Мы не хотим, чтобы впоследствии были сомнения в избранном пути. Ты узнал про себя, Джим?

— Узнал кое-что... и я еще не совсем уверен, что все,— сказал я, не решаясь пока заговорить о мучившем меня вопросе.

— Это была прекрасная операция. Ты проявил большую фантазию в достижении цели.— Затем он нахмурился.— Но это дело с банком я не одобряю. У Корпуса есть все необходимое, в чем ты нуждаешься.

— Те же самые деньги,— возразил я.— Откуда берет их Корпус? От планетарных правительств. А где берут они? Налоги, конечно. А я взял их прямо из банка. Страховое общество выплатит банку убытки, затем объявит о меньшей прибыли за год, выплатит меньше налога правительству — и в результате этого все то же, что и при вашем способе.

Инскин был наверняка знаком с этой демагогией и не удосужил меня ответом. Я все еще не решался спросить его об Анжеле.

— Как вы нашли меня? — спросил я.— Ведь на корабле не было багов.

— Наивное дитя природы,— Инскин в притворном ужасе поднял руки.— Или ты действительно думаешь, что на наших кораблях нет багов? Они установлены так, что их нельзя найти непосвященному. Внешняя дверь космошлюза, к твоему сведению, содержит сложную передающую систему, с помощью которой мы точно определяем расстояние.

— Почему я не нашел его?

— Потому что он не передавал. Я должен добавить, что дверь содержит и приемник. Передача ведется только в том случае, если получен соответствующий сигнал. Мы дали тебе возможность до-

стичь места назначения, а затем выследили. Мы потеряли тебя на некоторое время во Фрейбургбаде, но потом мы напали на след в госпитале, где ты устроил розыгрыш с трупами. Мы помогли тебе там. В госпитале были глубоко возмущены, но мы их успокоили. После этого мы взяли под наблюдение хирургов и соответствующее оборудование, так как твой следующий шаг был очевиден. Я надеюсь, что тебе будет приятно узнать, что ты носишь микропередатчик в своей груди.

Я посмотрел на грудь, но ничего не сказал.

— Подвернулась слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить,— продолжал Инскин.— Однажды ночью, когда ты крепко спал, приняв снотворного, а милый доктор добрался до алкоголя, хирург Корпуса сделал тебе маленькую операцию.

— И потом вы следили за каждым моим шагом?

— В общем, да, но ты мог вести себя по-другому, если бы знал, что мы здесь.

— Тогда почему же вы пришли? — спросил я.— Ведь я не «свистал всех наверх».

Это был для меня важный вопрос, и Инскин задумался, прежде чем ответить.

— Это верно,— сказал он, потягивая бренди.— Я люблю, чтобы у новичка, сидящего на привязи, была достаточная уверенность и длинная веревка, но не настолько, чтобы он на ней удавился.

Что я мог сказать?

Его голос был мягким и сочувствующим:

— Арестовал бы ты ее, если бы мы не пришли?

— Не знаю,— честно ответил я.

— Хорошо, что я сделал по-своему,— сказал он со злостью.— А то сейчас наша мультиубийца уже сбежала бы.

— Отпусти ее! — крикнул я, схватив его за рукав куртки.— Отпусти ее, я тебе говорю!

— И ты хочешь, чтобы она вернулась к прежнему состоянию, прежнему образу жизни? — спросил он.

Хочу ли я? Я не мог ответить. Я думал об этом.

— Да, ты оказался в тяжелой ситуации,— сказал Инскин, заканчивая фляжку.— Линия между добром и злом, правдой и ложью может быть очень тонкой. А при эмоциональном возбуждении ее почти невозможно увидеть.

— Что с ней будет?

Он заколебался.

— Только правду, какая бы она ни была.

— Хорошо. Только правду. Не обещаю, но психологи попробуют что-то сделать для нее, если смогут найти причину, породившую отклонение, но это далеко не всегда удается.

— Только не в этом случае. Я расскажу им.

Он посмотрел на меня с удивлением, слегка вознаградив мое самолюбие.

— В таком случае есть шанс. Я отдам соответствующее распоряжение, чтобы были испробованы все другие возможности, прежде чем поставить вопрос об уничтожении личности. А если придется пойти на это — она останется человеком, каких много в Галактике. Приговоренная к смерти, она станет трупом, которых тоже не меньше.

— Я знаю вас, Инскин, и не морочьте мне голову. Когда вы кого-нибудь ловите, вы его вербуете.

— Это верно,— сказал он.— Она будет отличным агентом.

— Мы составим суперкоманду,— сказал я.

И мы подняли бокалы.

За преступления!

МЕСТЬ КРЫСЫ ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Я стоял в очереди, такой же терпеливый, как и другие налогоплательщики, сжав в горячечной руке свои заполненные декларации и наличные. Наличные деньги, старомодный складывающийся материал. Местный обычай, который я собирался сделать дорогостоящим для местных жителей. Я почесывался под фальшивой бородой, она у меня вызывала страшный зуд, когда стоящий передо мной человек убрался с дороги и я оказался перед окошком. Мой палец пристал к клею, и мне пришлось потрудиться, чтобы освободить его, не сорвав заодно и бороду.

— Скорее, скорее, давайте их сюда,— потребовала пожилая и сварливая служащая, нетерпеливо протягивая руку.

— Напротив,— возразил я, давая документам и банкнотам упасть, показывая внушительный пистолет 0,75 калибра.— Вы давайте их сюда. Все эти налоговые деньги, выжатые вами из бараноподобных сосунков, населяющих эту отсталую планету.

Я улыбался, чтобы показать, что я не шучу, и она поперхнулась криком и принялась шарить в ящике с наличными. Это была широкая улыбка, показывающая все мои зубы, которые я покрыл черно-красными пятнышками, что помогло ей решиться на надлежащие действия. Пока деньги толкали ко мне, я набивал ими карманы своегднгпто

— Что вы делаете? — ахнул стоящий позади меня человек, выпучив глаза, словно огромные белые виноградины.

— Деньги беру,— ответил я и сунул ему одну пачку.— Почему бы вам самому не получить малость?

Он машинально схватил пачку, уставившись на нее. И в этот момент сработала сигнализация: я услышал, как с треском захлопнулись двери. Кассирша сумела нажать кнопку.

— Неплохо для вас,— похвалил я.— Но пусть эта мелочь не мешает вам продолжать выдачу наличных.

Она разинула рот и начала ускользать из моего поля зрения, но взмах пистолетом и еще одна молния моих карминовых зубов восстановили ее равновесие, и поток банкнотов продолжился. Люди стали носиться вокруг меня, а заодно начали появляться охранники, в энтузиазме высматривающие, в кого бы пострелять, размахивая пистолетами, поэтому я нажал радиореле в своем кармане. По всему банку раздалась серия взрывов, во всех корзинах для бумаг, куда я положил газовые бомбы. Затем последовали даже более очаровательные вопли клиентов. Тут я прекратил принимать деньги на время, достаточное для того, чтобы надеть защит-

ные очки. Заодно я плотно закрыл рот, так как был вынужден дышать сквозь фильтры в ноздрях.

Это было завораживающее зрелище. Затемняющий газ невидим и не обладает запахом, но он содержит химическое вещество, действующее почти мгновенно, вызывая паралич оптических нервов. Через пятнадцать секунд все в банке ослепли.

За исключением Джеймса Боливара ди Гриза, меня, значит, человека многих талантов. Насвистывая сквозь зубы веселый мотивчик, я упрятал оставшиеся деньги. Моя благодетельница ускользнула наконец из поля зрения и дико визжала где-то под стойкой. Было много шаривших вслепую руками и падавших, когда я прокладывал себе дорогу в этом бедламе. Смутное ощущение, в самом деле, кривой среди слепых и все такое. Снаружи уже собралась толпа, прижимающаяся в священном ужасе к окнам и стеклянным дверям, жадно следя за разворачивающейся внутри драмой. Я помахал рукой и улыбнулся, и по ближайшим прошла дрожь, когда они в панике ринулись от двери. Я отстреливал замок, направив пистолет таким образом, чтобы пули провизжали у них над головами, и пинком открыл дверь. Прежде чем выйти самому, я выбрал то, что надо, и выбросил зуду на тротуар, затем я быстро воткнул в уши затычки.

Зуда завизжала, и все начали быстренько рассеиваться. Вам приходится быстренько рассеиваться, когда вы слышите одну из этих штук. Она испускает смешанный отвар дьявольских звуков на децибельном уровне крупного землетрясения. Некоторые усиленные звуки, вроде поскребывания ногтем по школьной доске, в то время, как другие — инфразвуковые — как раз и вызывают ощущение паники, близящейся к смерти. Они безвредны и высокоэффективны. Улица была пуста, когда я подошел к машине, только что затормозившей у тротуара. Голова у меня вздрагивала от инфразвуковых частот, проходивших сквозь затычки, и я был более чем счастлив проскользнуть через открытую дверь и расслабиться, покуда Анжела повела машину вперед по улице.

— Все прошло отлично? — спросила она, не сводя глаз с дороги, когда свернула за угол на двух колесах. Вдали завыли сирены.

— В порядке.

— Твоя улыбка оставляет желать много лучшего.

— Извини. Налет несварения желудка сегодня утром. Но мои карманы набиты бóльшим количеством денег, чем сможет понадобиться.

— Как мило! — рассмеялась она, и не шутила. Эта неотразимая улыбка, этот наморщенный носик. Я так жаждал куснуть его или по крайней мере поцеловать ее, но удовольствовался товарищеским похлопыванием по плечу, поскольку ей нужна была вся ее сосредоточенность для управления машиной. Я сунул в рот жевательную резинку, чтобы удалить красную эмаль, и начал сдирать свою маскировку.

Пока я менял свою внешность, то же самое делала и машина. Анжела свернула в тихую улочку. Никого не было видно. Ого, что

может техника — слезли номера, показались другие цифры. Анжела включила стеклоочистители,— брызнули струи прекрасного катализатора. Куда бы они ни попадали, голубая краска становилась ярко-красной, за исключением верха машины, ставшего прозрачным, так что через несколько секунд мы сидели под колпаком, обозревая окружающий мир. Немалое количество того, что на первый взгляд было хромированной сталью, растворилось, изменяя внешний вид и даже марку автомобиля. Как только это чудесное превращение совершилось, Анжела развернулась и спокойно поехала обратно, в направлении, откуда мы прибыли. Ее оранжевый парик был заперт вместе с моей маскировкой, и я подержал руль, пока она надевала внушительного вида солнцезащитные очки.

— Куда дальше? — спросила она, когда свора визжащих полицейских машин рванула в противоположном направлении.

Я думал о побережье: ветер, солнце, песок и тому подобное, здоровое и укрепляющее.

— Только если ты не возражаешь.— Она похлопала себя по округлой выпуклости живота с более чем удовлетворенной улыбкой.— Ему уже шесть месяцев, седьмой идет, и он так спортивно напоминает о себе...

Она хмуро посмотрела на меня, а затем стала внимательно следить за дорогой.

— В медовый месяц ты обещал сделать из меня честную женщину.

— Любовь моя...— сказал я ласково и сжал ей руку.— Я не хочу делать из тебя честную женщину — это невозможно, поскольку у тебя в основном столь же воровской ум, как и у меня, но я, разумеется, женюсь на тебе и надену дорогое...

— ... краденое!

— ... колечко на этот изящный пальчик. Обещаю. Но в ту же секунду, как только мы попытаемся зарегистрировать брак, наши данные скормят в компьютер, и игра будет сделана, а нашему маленькому отпуску придет конец.

— А ты будешь на крючке всю жизнь. Я думаю, лучше схватить тебя теперь, прежде чем я стану слишком круглой, чтобы ловить тебя. Мы поедем на твой курорт и насладимся одним последним днем безумной любви. А завтра, прямо после завтрака, мы поженимся. Обещаешь?

— Есть только один вопрос...

— Обещаешь, Скользкий Джим? Я знаю тебя.

— Я даю тебе слово.

Она резко затормозила, и я оказался глядящим в дуло моего собственного пистолета 0,75 калибра. Оно выглядело очень большим. Ее палец побелел на спусковом крючке.

— Обещай мне, ты, скользкий аферист, или я выбью из тебя мозги!

— Дорогая, ты все-таки любишь меня!

— Конечно, люблю. Но если я не могу заполучить тебя всего для себя, я заполучу тебя мертвым. Говори!

— Мы поженимся утром.

— Некоторых мужчин так трудно убедить,— прошептала она, кладя пистолет мне в карман, а себя — в мои объятия.

Затем она поцеловала меня с такой сладостной истомой, что я почти с нетерпением дожидался утра.

— Куда это ты идешь, Скользкий Джим? — осведомилась Анжела, высовываясь из окна нашего номера наверху. Я остановился в воротах.

— Просто быстренько окунуться, любовь моя! — крикнул я и распахнул калитку. Пистолет 0,75 калибра рявкнул сверху.

— Распахни халат,— беззлобно сказала она, сдувая в то же время дымок с дула пистолета.

Покорившись судьбе, я пожал плечами и распахнул пляжный халат. Мои ноги были голыми, но я, конечно, был полностью одет, с закатанными штанами и ботинками, подвязанными к поясу. Она понимающе кивнула.

— Можешь возвращаться наверх. Ты никуда не пойдешь.

— Конечно, нет! (Горячее негодование.) — Я просто хотел пошарить по лавкам, и...

— Наверх!

Я пошел. Никакой фурии в аду не сравниться с моей Анжелой. Врачи из Спецкорпуса вытравили из нее человекоубийственные наклонности, развязали запутанные узлы ее подсознания и снарядили ее для более счастливого существования. Но когда дело доходило до решающей минуты, она все еще была прежней Анжелиной. Я вздохнул и, тяжело поднимая налитые свинцом ноги, поднялся по лестнице. Я почувствовал себя еще более немыслимым извергом, когда увидел, что она плачет.

— Джим, ты меня не любишь! — Классический гамбит со времен первой женщины в райском саду, но на него все еще невозможно ответить.

— Люблю,— запротестовал я и сказал правду.— Но это просто рефлекс или что-то вроде этого. Я люблю тебя, но жениться... Ну, это все равно что отправиться в тюрьму. А меня туда за все воровские годы ни разу не сажали.

— Это освобождение, а не плен,— сказала она и произвела манипуляции со своей косметикой. Я только сейчас заметил, что на губах у нее была помада в тон ее белому платью и маленькой кружевной штучке в волосах.— Это просто все равно что прыгнуть в холодную воду,— сказала она, встав и потрепав меня по щеке.— Покончи с этим быстро, так, чтобы не почувствовать этого. А теперь раскатай брюки и надень ботинки.

Я так и сделал, но когда выпрямился, чтобы ответить на этот глупый совет, то увидел, что дверь открыта и что в соседней комнате стоят магистр бракосочетаний и два его свидетеля. Она взяла меня за руку, мягко, отдаю ей должное, и в то же время комнату

заполнили могучие аккорды орга́на. Она потянула меня за локоть. Я с миг сопротивлялся, а затем, шатаясь, двинулся вперед, тогда как мои глаза, казалось, застилал серый туман.

Когда темнота рассеялась, орган блеял свои умирающие ноты, а Анжела перестала восхищаться своим украшенным колечком пальцем, чтобы поднять свои губы к моим. У меня едва хватило силы воли, чтобы сперва поцеловать ее, а затем уж застонать.

На буфете стояла целая батарея бутылок, и мои дергающиеся пальцы, потыкавшись по ней, безошибочно нашли шишковатую бутылку с «Потом сирусийской пантеры», мощным напитком с такими отвратительными постэффектами, что его продажа запрещена на большинстве цивилизованных планет. Большой бокал этого напитка был крайне действен — я почувствовал, как он причиняет мне вред, налил второй. Пока я пил, погруженный в свои печальные мысли, Анжела — моя Анжела (сдавленный стон) — стояла передо мной, надевая брюки и свитер,— рядом стояли наши упакованные чемоданы. Она вырвала у меня бокал.

— Хватит оргий,— беззлобно сказала она.— Сейчас мы должны сматываться, а вечером будем праздновать. Запись о браке будет произведена в любой момент, а когда наши имена и фамилии попадут в компьютер, он засветится, как публичный дом в день получки. Полиция теперь повесит на нас большинство преступлений за последние два месяца и кинется за нами с лаем и пеной у рта.

— Молчать! — велел я, покачиваясь.— Доставай машину, и уезжаем.

Я предложил было помочь с чемоданами, но она была уже с ними на лестнице. Я вышел. Машина была заведена, а Анжела уже сидела за рулем. Спотыкаясь, я влез в нее. Первые щупальца реальности проникли сквозь онемевшую кору моего головного мозга. Эта машина, подобно всем нелетающим аппаратам на этой планете, двигалась при помощи пара, который генерировался сгоранием разновидности торфа, скармливаемым в топку хитрым и без нужды усложненным устройством. Требовалось по крайней мере полчаса, чтобы поднять пары. Анжела, должно быть, разожгла топку перед бракосочетанием и распланировала все заранее. Единственным взносом во все это было мое остаканивание.

— У тебя есть таблетка для экстренного вытрезвления? — хрипло спросил я.

Она была уже на ее ладони. Маленькая круглая розовая таблетка с черным черепом и скрещенными костями на ней. Протрезвляющее изобретение какого-то безумного химика, действующее как метаболический пылесос. У меня в желудке, спустя несколько минут, ингридиенты произведут блицкриг-атаку через мою кровеносную систему. Она не только удаляет весь алкоголь, но и напрочь вытравливает все побочные эффекты и продукты,

связанные с пьянством, так что жалкий субъект мгновенно становится трезвым и болезненно осознает это.

— Я не могу принимать ее без воды,— промямлил я, моргнув при виде пластиковой чашки в другой ее руке. Пути назад не было. С последним смертельным вздохом и содроганием я проглотил таблетку и осушил чашку.

Говорят, что это не занимает много времени, но это объективное время. Субъективное же время длится часами. Это крайне необъективный опыт, и его трудно описать. Вообразите, если угодно, какое это будет ощущение, если вставить в рот конец шланга брандспойта с холодной водой, а затем включить воду. А потом, спустя миг, ощутить эту воду хлещущей из всех отверстий вашего тела, включая поры, мощными струями, пока вас не промоет дочиста.

— Уф,— слабо произнес я, выпрямляясь и вытирая лоб носовым платком.

Мы пронеслись мимо маленькой деревеньки. Анжела внимательно вела машину, а бойлер весело гудел, съедая очередной брикет торфа.

— Надеюсь, ты лучше чувствуешь себя? — Она выехала на транспортную развязку и покинула ее по другой дороге, бросив всего лишь один быстрый взгляд на карту.— Из-за нас объявили большую тревогу — армия, флот, все. Я слышала их командное радио.

— Мы оторвемся?

— Сомневаюсь, если ты быстро не сообразишь, что делать. Они создали плотное кольцо вокруг района, с воздушным прикрытием, и сжимают его.

Я все еще отходил от героического лечения вытрезвляющей таблеткой. Существовала прямая связь между моими спутанными мыслями и моими голосовыми связками, без вмешательства разума. Великолепное начало брака — неудивительно, что я избегал его все эти годы.

Машина свернула с дороги и остановилась в высокой траве под деревьями с голубой листвой. Анжела выскочила, схватив свой чемодан. Я попытался заговорить с ней:

— Я дурак...

— Тогда я тоже дура, раз вышла за тебя замуж.— Глаза ее были сухими, а голос холодным.— Я обманом и западней вынудила тебя жениться, потому что именно этого ты, по-моему, и хотел. Я была неправа, Джим. Ты создал для меня совершенно новую жизнь, и я думала, что смогу сделать то же самое и для тебя. Приятно было с тобой познакомиться. Спасибо тебе и до свидания.

Я выскочил из машины прежде, чем она закончила говорить, и, встав перед ней, загородил ей дорогу, держа ее за руки.

— Анжела, я скажу тебе это только раз и, наверное, никогда больше в жизни. Так что слушай внимательно и запоминай. Одно время я был самым лучшим аферистом в Галактике, прежде чем меня закатали в Спецкорпус помогать ловить других аферистов.

И я поймал тебя. Ты была не только аферисткой, но также и преступницей, весело садиствующей убийцей. Именно такой ты и была, но ты больше не такая. На это у тебя были причины, но они устранены. Некоторые выверты в твоем мозгу были выправлены. И теперь я люблю тебя. Но я хочу, чтобы ты помнила, что я любил тебя даже тогда, во времена твоих нереконструированных дней, что говорит о многом. Так что если я сейчас буду как олень в упряжке или со мной трудно будет иметь дело по утрам, только вспоминай об этом и делай допуски. Заметано?

Она уронила чемодан мне на ногу, обняла меня, поцеловала и опрокинула на траву, и мы весело провели время... Я полагаю, что это можно назвать новобрачным эффектом.

Мы замерли, когда пара мотоциклов застонала и затормозила возле нашей машины. Ими пользовались только полицейские, поскольку они двигались много быстрее, чем торфяные паровики. Это были трехколесные машины с большим маховиком под кожухом между двумя задними колесами. На ночь их подключали так, что моторы-генераторы могли разогнать маховики до высшей скорости. Днем маховик генерировал электричество, двигавшее моторы каждого колеса, они очень эффективны.

— Это та самая машина, «поддер»! — заорал один из полицейских.

— Я вызову подмогу. Они не могли уйти далеко. Теперь они наверняка у нас в капкане.

Ничто так не бесит меня, как вежливые заверения мелких чиновников. О да, действительно, теперь мы в капкане. Я глухо заворчал, когда другой некомпетентный субъект в мундире, порыв носом возле машины, разинул рот при виде нашего уютного гнездышка в траве. Он все еще стоял, разинув рот, когда я резко обхватил его шею рукой, плотно сжимая горло. Забавно было смотреть, как у него вывалился язык, вылезли из орбит глаза и покраснело лицо. Но Анжела все испортила,— она сбила с него шлем и стукнула его резко (и точно) по макушке каблуком своей туфельки. Он отключился.

— А ты еще говоришь обо мне,— прошептала моя новобрачная.— В твоей собственной натуре больше от садиста, чем во мне.

— ... Я вызвал. Все уже знают. Теперь мы наверняка найдем их...— сказал полный энтузиазма оставшийся полицейский, но его голос оборвался, когда перед его носом оказался ствол пистолета. Анжела выудила из сумки снотворную капсулу и раздавила ее у него под носом.

— А теперь что, босс? — спросила она, счастливо улыбаясь.

— Я думаю,— сказал я.— У нас было свыше четырех месяцев беззаботных каникул, но все хорошее, увы, должно когда-нибудь кончиться. Мы, конечно, можем продолжить свой отпуск, но он будет, мягко говоря, продолжаться в спешке, возможно, пострадают люди, а ты не совсем подходящая фигура для бегства и погони. Не вернуться ли нам на службу, с которой сбежали?

— Я надеялась, что ты это предложишь. Забавно будет вернуться.

— Особенно потому, что они так рады будут снова видеть нас. Учитывая, что они отвергли нашу просьбу об отпуске и нам пришлось украсть почтовую ракету.

— Не упоминая уже обо всех деньгах на мелкие расходы, которые мы украли, потому что не могли прикоснуться к своим банковским счетам.

Мы стащили с полицейских мундиры и заботливо уложили похрапывающих блюстителей порядка на заднее сиденье машины. У одного нижнее белье было в розовую крапинку, у другого — строгое черное, но отороченное кружевом, что могло быть местным обычаем одеваться. Надев мундиры, шлемы и очки-консервы, мы весело понеслись по дороге на мотоциклах, гудя и махая танкам и грузовикам, с ревом несущимся в противоположную сторону.

Я затормозил на осевой линии и просигналил подъезжающей бронемашине, прося остановиться. Анжела резко развернула свой мотоцикл позади них так, чтобы они не могли видеть беременного полицейского.

— Загнали их в угол! — крикнул я.— Но у них есть радио, так что не объявляйте этого по связи. Следуйте за мной.

— Веди! — крикнул водитель, а его напарник закивал, соглашаясь, покуда мысли о наградах, славе, орденах ослепляюще плясали у него перед глазами. Я повел их по покинутой дороге в лес, кончающийся у маленького озера, на берегу которого был ветхий сарай для лодок и док.

Я притормозил, знаком остановил их, коснулся пальцем губ и на цыпочках вернулся к бронемашине. Водитель опустил ветровое стекло и выжидающе посмотрел на меня.

— Вдохните это,— сказал я и щелчком метнул гранату с газом.

... Мы выволокли храпящих полицейских из бронемашины на траву. Заведенные мотоциклы пустили по доку, и они бултыхнулись в воду.

Как только бронемашина проветрилась, мы залезли в нее и укатили. Анжела нашла нетронутый завтрак водителя и быстро съела его. Я избегал основных магистралей, направляясь обратно в город, где в центральном полицейском участке располагался командный пост, и хотел отправиться туда, где происходили важные события.

Мы припарковались в подземном гараже и поднялись на лифте в башню.

Здание было почти пустым, за исключением командного пункта. Я нашел поблизости незанятый кабинет и оставил там Анжелу, которая стала невинно забавляться с запечатанными, но легко открывающимися конфиденциальными досье. Я надел очки-консервы и устроил спектакль с прибытием в центр связи пропыленного, утомленного гонца. Меня проинформировали. Человек,

которого я хотел видеть, расхаживал по кабинету, потягивая длинную потухшую трубку. Я подскочил к нему и отдал честь.

— Сэр, вы мистер Инскин?

— Да,— буркнул он. Все его внимание было по-прежнему приковано к огромной карте на стене, теоретически показывающей состояние охоты на нас.

— Некто хочет видеть вас, сэр.

— Что, что?—переспросил он. Гарольд Питер Инскин, директор и голова Спецкорпуса, был в этот день не совсем в форме. Он достаточно легко пошел за мной, а я закрыл дверь и снял защитные очки.

— Теперь мы готовы вернуться домой,— сообщил я ему.— Если вы можете найти тихий способ вытащить нас с этой планеты, не дав местным властям заполучить нас.

Он стиснул челюсти от гнева и раздавил мундштук трубки. Я повел его, выплевывающего куски пластика на пол, в кабинет, где ждала Анжела.

— Р-р-р!—прорычал Инскин и потряс пачкой документов в руке так, что они загремели, словно сухие листья или кости скелета.

— Очень выразительно,— сказал я, вытаскивая сигару и поднося ее к уху,— но, увы, слишком мало информации. Вы не могли бы высказаться более определенно?

Я отщипнул кончик сигары и не услышал ни малейшего хруста. Превосходно.

— Вы знаете, сколько миллионов стоила ваша волна преступности? Экономика Коматы...

— Не пострадала ни на йоту. Правительство возместит потери пострадавшим, а потом, в свою очередь, вычтет ту же сумму из своей ежегодной выплаты Спецкорпусу, у которого денег все равно больше, чем он может истратить, а посмотрите на дарованные взамен выгоды—масса волнений для населения, увеличение тиража газет, упражнения для засидевшихся блюстителей порядка, полевые маневры, доставившие огромное удовольствие всем участникам. Чем обижаться, им, наоборот, следует выплатить нам гонорар за то, что мы сделали возможными все эти волнующие вещи.

Я зажег сигару и выпустил большое облако дыма.

— Не умничай, старый мошенник. Если бы я выдал тебя и твою новобрачную властям Коматы, вы и через шестьсот лет были бы еще за решеткой.

— На это мало шансов, Инскин, ты сам старый мошенник. У вас и так не хватает хороших помощников. Мы вам нужны больше, чем вы нам, так что считайте эту накачку оконченной и давай переходи к делу. Я был наказан.

Я оторвал от мундира пуговицу и бросил ее ему через стол.

— Вот, мы срываем ордена и понижаемся в звании. Я виновен. Какие дела?

Симулируя гнев, он отправил дела в мусорную корзину и взял

большую красную папку, которая угрожающе загудела, как только он притронулся к ней. Отпечаток его большого пальца обезвредил взрыватель прибора безопасности, и папка раскрылась.

— У меня здесь имеется совершенно секретная информация и особо важное задание.

— Разве мне доставалось когда-нибудь что-то другое?

— Оно также и страшно опасное.

— Ты втайне завидуешь моей красивой внешности и желаешь моей смерти. Брось, Инскин. Кончай спарринг и дай мне знать, в чем дело. Мы с Анжелой можем с ним справиться лучше, чем все остальные ваши агенты — престарелые и слабоумные.

— Эта работа для одного тебя. Анжела — это, ну...— Лицо его покраснело, и он принялся излишне внимательно изучать досье.

— Вот это да! — вскричал я.— Инскин — убийца, головорез, грозный начальник, тайная власть в сегодняшней Галактике. И он не может произнести слова «беременна»! Как насчет младенца? Погоди-ка, секс, вот в чем дело. Ну, валяй, быстро скажи «секс» три раза, это пойдет тебе на пользу...

— Заткнись, ди Гриз! — прорычал он.— По крайней мере, ты наконец женился на ней. Это показывает, что в твоем гнилом существе есть еще капля честности. Она остается. Ты отправляешься на это задание, оно — для одного человека, и, весьма вероятно, она может остаться вдовой.

— Она ужасно выглядит в черном, так что столь легко тебе не отделаться от меня. Говори.

— Погляди-ка на это,— сказал он, вынимая из папки катушку с пленкой и вставляя ее в щель стола. С потолка упал экран, в помещении потемнело, начался фильм.

Камера была ручная, цвет временами пропадал, и вообще фильм был крайне непрофессиональный. Но это был самый лучший любительский фильм, который я когда-либо видел, потому что материал был очень хорошо подобран. Кто-то вел войну. Был солнечный день с белыми пуфиками облаков на голубом небе. А среди них — черные кляксы противовоздушного огня. Но огонь не был массированным, и его было недостаточно, чтобы помешать приземляться низко летящим десантным судам. Это был средних размеров космопорт, со зданиями на заднем плане и несколькими грузовыми кораблями поблизости. Другие воздушные суда ревели на низкой высоте, а взрывы бомб с небес достигали того, что должно было быть оборонительными позициями. До меня только сейчас дошла невозможность того, что происходило.

— Это же космические корабли,— пробулькал я,— и космические транспортные суда. Неужели есть какое-то тупоголовое правительство, настолько глупое, чтобы думать, что оно может преуспеть в межпланетной войне? Что случилось после того, как они проиграли, и как это затрагивает меня?

Фильм закончился, и я зажег свет.

— К вашему сведению, мистер Всезнайка, это вторжение было успешным, так же как и другие до него. Этот фильм был снят

контрабандистом, одним из наших осведомителей, чей корабль оказался как раз достаточно быстрым, чтобы смыться во время битвы.

Это заставило меня заткнуться. Я глубоко затянулся сигарой и обдумал то малое, что я знал о межпланетных военных действиях. Знаний было явно недостаточно. Всего несколько случаев в Галактике, когда местные условия оказывались особенно подходящими, скажем,— солнечная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна планета отсталая, а другая — развитая, то на примитивную можно успешно вторгнуться. Но нельзя этого сделать, если те выставят хоть какую-нибудь постоянную оборону. Отношение пространства и времени делает военные действия такого рода попросту непрактичными. Когда каждого солдата, оружие и паек приходится поднимать из гравитационного колодца планеты и перевозить через космос, происходит существенный расход энергии, большой спрос на транспорт и его невероятная себестоимость. Если вдобавок агрессор вынужден высаживаться, сталкиваясь с реальным противодействием, вторжение невозможно. И это внутри солнечной системы, где планеты, по галактическим масштабам, практически соприкасаются. Мысль о военных действиях между планетами различных звездных систем еще более невероятна. Но еще раз было бы доказано, что нет ничего невозможного принципиально, если люди захотят взяться за это достаточно энергично. А такие вещи, как насилие, война и кровопролитие, все еще имеют огромную привлекательность для таящегося насильственного потенциала человечества, несмотря на весь период мира и стабильности. У меня возникает мысль, внезапная и угнетающая.

— Вы говорите, это было совершено успешное межпланетное вторжение? — спросил я.

— И не одно.— Когда он это сказал, на его лице была неприятная улыбка.

— И вы, и Лига хотите видеть эту практику прекращенной?

— Прямо в точку, Джим, мой мальчик.

— А я — тот сотрудник, которого выбрали для этого поручения?

Он протянул руку вперед — взял сигару из моих пальцев и бросил ее в пепельницу. А затем торжественно пожал мне руку.

— Это твоя задача. Ступай туда и победи.

Я вырвал руку из его предательского рукопожатия, вытер пальцы о штанину и снова схватил сигару.

— Я уверен, что вы позаботитесь о том, чтобы у меня были самые лучшие похороны, какие только может позволить себе Корпус. А теперь не хотели бы вы выжать из себя несколько деталей или предпочли бы завязать мне глаза и выстрелить мною в одноразовой грузовой ракете?

— Спокойствие, мой мальчик, спокойствие. Ситуация кажется совершенно ясной. Об этом мало говорить в средствах массовой информации из-за окружавшей эти вторжения определенной по-

литической смутности плюс жестокой цензуры рассматриваемых планет. Согласно нашей реконструкции — хорошие люди погибли, добывая эту информацию — ответственность за это несет планета Клизант. Она находится в системе Эпсилон Индейца. На орбите вокруг этого солнца вращается около двадцати планет, но только три из них пригодны для обитания. И обитаемы. Клизант прибрал к рукам две братские планеты несколько лет тому назад, но мы не сочли нужным бить тревогу. Что тревожило, так это тот факт, что они увеличили свой размах,— «межзвездные» завоевания, считавшиеся до того невозможными. Они вторглись и завоевали пять ближайших планет в других системах и, кажется, подумывают о большем. Мы не знаем, как они это делают. Но они, должно быть, делают что-то правильное. У нас есть агенты на завоеванных планетах, но они узнали очень мало ценного. Было принято решение, заверяю тебя, на самом высоком уровне, ты встал бы и отдал честь, если бы услышал некоторые из имен участников, что мы должны отправить человека на Клизант, докопаться до корней проблемы и разрубить гордиев узел.

— Я думаю, что эта идея — самоубийственная, вместо этого мы могли бы...

— Ты отправишься, от этого никак нельзя отвертеться, Скользкий Джим.

Мне дали копии всех известных деталей, запись языка на кору головного мозга и отмычку к быстрому кораблю-разведчику, чтобы доставить меня туда. Я мрачный вернулся в нашу квартиру, где Анжела, устав заниматься своими волосами, метала нож в мишень размером с голову на противоположной стене. Даже низким броском после быстрого выхвата из наручных ножен она могла поразить черное пятно любого глаза.

— Дай я повешу фото Инскина,— предложил я.— Оно будет более интересной мишенью, от которой ты получишь огромное удовольствие.

— Этот злой старикашка посылает моего мужа на задание?

— Этот грязный старый козел пытается добиться, чтобы меня убили. Задание настолько совершенно секретное, что я не могу рассказать о нем ни одной живой душе, особенно тебе, так что вот тебе все документы, прочти их сама.

Пока она занималась с ними, я сунул запись клизантского языка в копировальную машину. Она записала материал прямо на кору моего головного мозга, без скучного и отнимающего время учебного процесса. Первая серия займет примерно полчаса с дюжиной подкрепляющих после этой. Кончится тем, что я заговорю на этом языке, имея адскую головную боль от этого щупанья электронами моих синапсов. Но пока машина работала, был период полной бессознательности, а именно этого в данный момент мне и хотелось. Я надвинул шлем на уши, устроился на кушетке и нажал кнопку.

Прошло какое-то время, и Анжела осторожно сняла шлем и

тут же вручила мне пилюлю. Я проглотил ее и держал глаза закрытыми, пока не кончилась боль. Мягкие губы поцеловали меня.

— Они попытаются убить тебя, но ты им не позволишь. Ты посмеешься над ними и победишь, а в один прекрасный день займешь место Инскина.— Я чуть приоткрыл глаз и посмотрел на торжественное выражение ее лица.

— Явлюсь домой со щитом или на щите? Грудь в крестах или голова в кустах? Ты беспокоишься обо мне?

— Все время. Но такова уж участь женщин. Я, разумеется, не могу стоять на пути твоей карьеры...

— Я и не знал о ней, пока ты мне только что не сообщила.

— ... И я сделаю все, чтобы тебе помочь.

— Ты не можешь отправиться со мной по очень важной причине.

— Я это знаю. Но в душе я все время буду с тобой. Как ты собираешься высадиться на эту планету?

— Поднимусь на борт своего шустрого корабля-истребителя, выйду прямо и быстро на радарный экран, пронесусь в атмосферу и...

— И будешь распылен на составляющие атомы. Вот, почитай этот рапорт уцелевшего с последнего корабля, попробовавшего такой проход.

Я прочел его. Он был крайне угнетающим. Я отшвырнул его обратно в кучу, к другим.

— Предупреждению внял. Эта планета, похоже, милитаризирована до предела. Держу пари, что у них даже домашние животные носят мундиры. Переть вот так, напролом, конкурировать с ними в области, в которой они лучше всего подготовлены. Против чего они не подготовлены, так это против маленького обмана, какого-нибудь воровства, гладкого подхода, прикрывающего хитрую атаку. Проскальзывать, проникать, действовать и искоренять.

— Мне это начинает не нравиться,— нахмурилась моя любовь.— Ты позаботишься о себе, Джим? Я не думаю, что беспокойство пойдет мне на пользу в теперешнем положении.

— Если ты этого желаешь, то беспокойся о судьбе не этой несчастной планеты, на которую отправляется Скользкий Джим. Ее завоеваниям конец, с ними, можно сказать, покончено.

Я звучно поцеловал ее и вышел, высоко подняв голову и расправив плечи, желая хоть на одну десятую секунды быть столь уверенным в себе, как разыгрывал. Задание будет очень тяжелым.

Мое планирование было детальным, приготовления — сложными, операция — гигантской. Инскин визгливо кричал, возмущенный стоимостью моего проекта. В петле-то быть моей шее, а не его, и я ограждал все ставки, какие только мог, чтобы гарантировать свое телесное выживание. Но даже самый совершенный план приходит в конечном итоге к завершению, последние детали

утрясаются, отдаются финальные команды. И барашка ведут на убой.

Б-а-а! Вот я, заявившийся нагим в этот мир, сижу в баре межсистемного лайнера «Квинеттава» со стаканом крепкого спиртного передо мной и с сигарой. Слушая объявление, что через час мы приземлимся в Клизанте, я был нагим, выражаясь, конечно, фигурально. Потребовалась крепкая дисциплина и большое усилие воли, чтобы заставить себя оставить дома все предметы незаконного хранения. Никаких минибомб, газовых капсул, ручных буравчиков, карточкозажимателей, подслушивающих устройств. Ничего! Даже без отмычки, что всегда была закреплена на ногте большого пальца правой ноги. Или...

Я скрипнул зубами при этой мысли и огляделся вокруг. Другие пирующие с решительным видом налегали на не облагаемое налогом спиртное, и никто не обращал на меня внимания. Вытащив бумажник, я коснулся его верхнего шва и почувствовал определенную жесткость. Память — она штука обоюдоострая,— она может и затуманиться. Мое собственное подсознание боролось против меня. Только мой ум испытывал какой-то энтузиазм относительно высадки на Клизанте без всяких незаконных предметов. Я сильно сжал бумажник определенным образом, и крошечная, но невероятно надежная отмычка упала в мою ладонь. Ах, просто произведение искусства! По пути назад, в свою каюту, я бросил ее в мусоросборник. Она полетит дальше, вместе с кораблем, тогда как я высажусь на этой исключительно негостеприимной планете.

Все доклады и опросы показали, что на Клизанте жили самые придирчивые таможенники во всей Вселенной. Контрабанду попросту нельзя было провезти. Поэтому я не стал и пытаться. Я был всего лишь коммивояжером, представителем фирмы «Фанциолетто-Мушиар-Лимитед», производящей смертоносное оружие. Фирма существовала, и я был ее представителем, и никакое самое тщательное расследование не могло установить обратного. Пусть попробуют!

Они попробовали. Высадка на Клизант смахивала на отправление в тюрьму. Я и группа других приезжих скатились по трапу в серое помещение зловещего вида. Мы сбились в кучку под надзором бдительных и хорошо вооруженных охранников, покуда не принесли наш багаж и не свалили поблизости. Ничего похожего я еще не видел. Ничего не произошло, пока трап не был убран и корабль не отбыл. И тогда нас стали вызывать по одному.

Я не был первым и обрадовался этой возможности изучить местные типажи. Они были в высшей степени безразличны к нам, топая в сапогах, сжимая свое оружие и держа подбородки высоко поднятыми. Все их мундиры были одного цвета, который на первый взгляд можно было принять за очень невоенный оттенок карминно-пурпурно-красного. Но я быстро сообразил, что это была очень точная имитация цвета крови — темной, полуартериальной — яркой. Он был довольно отвратительным, и было очень трудно удержаться, чтобы не глядеть на этот противный цвет.

Все охранники были здоровенными, с распространенными в их среде выпирающими челюстями и свиными глазками. Их шлемы, похоже, были сделаны из фибергласса, со зловещими черными забралами и прозрачными лицевыми щитками. Каждый имел при себе гауссовку — многоцелевое и особо опасное смертоносное оружие. Высокомощные батареи накапливали весьма впечатляющий заряд. Когда нажимали на спусковой крючок, в стволе генерировалось сильное магнитное поле, разгоняющее снаряд до скорости, равной скорости любого другого оружия с реактивными патронами. Но гауссовка имела то преимущество, что обладала более высокой скорострельностью, не издавала ни малейшего звука и могла стрелять любыми смертоносными снарядами — от ядовитых игл до разрывных снарядов. Корпус когда-то получал рапорты об этом оружии, но не имел ни одного образца. Я решил как можно скорее исправить эту ошибку.

— Пас Ратунковский! — крикнул кто-то, и я вспомнил, что так меня зовут по легенде. Я замялся, колеблясь, и один из охранников, топая и чеканя шаг, подошел ко мне. Я уверен, что он прибил на каблуки металлические набойки для придания милитаристического эффекта. Я ждал его приближения и не мог дождаться, когда сам получу пару таких сапог — Клизант начинал мне нравиться.

— Вы — Пас Ратунковский?

— Он самый, сэр, к вашим услугам,— ответил я на его родном языке, заботливо сохраняя иностранный акцент.

— Заберите ваш багаж. Идите за мной.

Он развернулся, и я имел безрассудство окликнуть его:

— Но, сэр, чемоданы слишком тяжелы, чтобы унести их сразу все.

На этот раз он окинул меня холодным пронизывающим взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и не без намека поправил на своем плече гауссовку.

— Тележка,— прорычал он наконец и ткнул пальцем в противоположном направлении двора.

Я покорно последовал в указанном направлении. Это была эффективная моторизованная тележка-платформа. Я быстро погрузил на нее свои чемоданы и поискал взглядом своего гида. Он стоял у открытой двери, еще держа палец на спусковом крючке. Электромотор взвыл на бешеных оборотах, и я галопом понесся за этой штуковиной к двери.

Началась проверка.

Как легко это сказать! Но это было одно из заявлений типа: «Я бросил атомную бомбу, и она жахнула». Это была самая детальная и тщательная проверка, какую я когда-либо проходил, и я был чрезвычайно счастлив, что первым нашел ту отмычку.

В гладкостенной антисептической комнате ждало десять человек. Шестеро принялись за мой багаж, в то время как четверо других взялись за меня. Первое, что они сделали, это оставили меня в чем мать родила и бросили под флюороскоп.

Они совещались над крупными отпечатками пломб у меня в зубах. Было дружно решено, что одна из них является неположено крупной и имеет неправильную форму. Появился набор зубоврачебных инструментов зловещего вида, и в одну минуту пломба была извлечена. Покуда зуб наполнялся эмалью — отдам им должное — первоначальную пломбу долбали спектроскопом. Они приняли как должное, что металлическое содержание оказалось общепринятым в зубоврачебной практике. Обыск продолжался.

Пока зондировали мою личность, один из инквизиторов занялся пачкой документов. Большинство из них было моими псиграммами, отправленными после моего заявления на высадку. Они сверились с фирмой «Фанциолетто-Мушиар-Лимитед», моими работодателями, и получили достаточное представление о моей работе. Все было в рамках закона. Я правильно ответил на вопросы. Все прошло хорошо, мое досье было закрыто и отложено в сторону.

Пока шел обыск и опрос, я мельком наблюдал за судьбой своих чемоданов. Они пострадали больше, чем я. Каждый из них был открыт и опустошен, содержимое было разложено по белым столам, а чемоданы разъяты на мелкие кусочки: швы были распороты, замки сняты, ручки откручены. А полученный хлам был разложен по пластиковым мешкам, снабжен ярлычками и оставлен на хранение. Несомненно, для последующей, более тщательной проверки. Мою одежду осмотрели вскользь и отложили в сторону — до моего отлета с этой планеты я ее больше не увижу.

— Вам будет выдана хорошая клизантская одежда,— объяснил один из моих инквизиторов.— Носить ее одно удовольствие.

Я в этом сильно сомневался, но промолчал.

— Это религиозный символ? — спросил другой, держа кончиками пальцев фотографию.

— Это фото моей жены.

— Разрешаются только религиозные символы.

— Она для меня все равно что ангел.

Они немного поломали над этим головы, унесли снимок и быстро вернули фотокопию. На ней Анжела, кажется, хмурилась, или это было, возможно, только мое воображение.

— Все ваши личные вещи будут вам возвращены по отбытии,— холодно уведомили меня.— Находясь на Клизанте, вы будете носить местную одежду и соблюдать местные обычаи. Вот ваши личные принадлежности.

Мне вернули три очень утилитарных и некрасивых предмета гардероба.

— Вот ваше удостоверение личности.

Я схватил его, счастливый, что мне гарантировано существование, но все еще был наг и стал мерзнуть.

— Что находится в этом запертом чемодане? — крикнул один из проверяющих голосом словно у гончей, напавшей на след. Они все прекратили работу и подошли ко мне, когда я получил для

проверки инкриминируемый мне чемодан. Выражение их лиц говорило, что любой мой ответ будет признанием в преступлении и засим последует смертный приговор.

Я разрешил себе пораболепствовать и закатил глаза.

— Сэры, я не сделал ничего плохого,— заныл я.

— Что в нем?

— Военное оружие...

Раздались возмущенные крики проверяющих, а один из них шарил по своему поясу, словно ища пистолет, чтобы пристрелить меня на месте. Я, заикаясь, продолжал:

— Но, сэры, вы должны понять меня, именно по этой причине я и прилетел на вашу замечательную планету. Моя фирма «Франциолетто — Мушиар — Лимитед» — старый и многоуважаемый производитель оружия в области военной электроники. Это образцы, которые крайне чувствительны. Открывать чемодан можно только в присутствии специалиста по вооружению.

— Я специалист по вооружению,— заявил, шагнув вперед, один из моих мучителей.

Я обратил на него внимание еще раньше, из-за лысой головы и зловещего шрама, затянувшего глаз в вечном подмигивании.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Я — Пас Ратунковский.

Мое имя не произвело на него впечатления и своего он не назвал.

— Если можно будет получить мое кольцо с ключами, я открою вышеназванный чемодан и продемонстрирую вам его содержимое.

Прежде чем мне разрешили приступить к делу, они установили видеокамеру.

Я отпер крышку и откинул ее. Специалист по вооружению агрессивно шарил глазами по компонентам в мягких гнездах, но я пояснил:

— Моя фирма — создатель и единственный производитель памятной мины и взрывателя близости. Нет такой другой, столь компактной и универсальной, как наша.

Чтобы вынуть взрыватель из гнезда, я воспользовался пинцетом — он весьма миниатюрен.

— Это самый маленький взрыватель, предназначенный для пистолета. Выстрел активизирует взрыватель, который затем детонирует заряд в пуле, когда та приближается к мишени на заренее заданное расстояние. А это — другой взрыватель, крайне остроумный, предназначен для применения в тяжелом вооружении или ракетах.

Они все нетерпеливо подались вперед, когда я показал облатку «ПАМ-4» и стал рассказывать о ее исключительных свойствах.

— Вся конструкция — твердая субстанция, способная сопротивляться невероятным нагрузкам в тысячу «Ж» и массивным ударам. Она может быть запрограммирована сдетонировать заранее, только когда приблизится специфическая цель, в любое время, вплоть до выстрела. Она содержит отдельные цепи, выпол-

няющие функции сортировщиков, которые предотвратят взрыв вблизи дружественных объектов, она и в самом деле уникальна.

Я осторожно положил ее обратно и закрыл крышку чемодана. По рядам зрителей прокатился тяжелый вздох. Это было то, что им действительно нравилось. Специалист по вооружению взял чемодан.

— Он будет предоставлен вам, когда понадобится продемонстрировать его содержание.

Проверка медленно шла к концу. Взрыватели были кульминацией обыска, и ничто не могло сравниться с этим. Они немного поразвлекались, выдавливая тюбики и опустошая баночки в моем туалетном наборе, но делали это без души. Устав наконец от этого, они свалили все в кучу и швырнули мне новую одежду.

— Четыре с половиной минуты на одевание,— сказал инспектор на выходе.— Принести чемодан.

Мою одежду в любом случае нельзя было назвать супермодной. Нижнее белье утилитарно-серого цвета, сделанное из материала, похожего на смесь мусорных отходов и наждачной бумаги. Я вздохнул и оделся. Верхняя одежда была типа какого-то комбинезона, придававшего мне вид мутанта гигантской осы из-за широких темно-желтых полос. Но если именно это носили клизантцы, то и я буду носить то же самое. Я взял два чемодана и вышел через открытые ворота.

— Машина,— сказал мне охранник снаружи, показывая на стоящую поблизости с прозрачным верхом и без шофера. Мы теперь находились в большом зале, выкрашенном все в тот же серый цвет. Боковая дверца открылась при моем приближении.

— Я буду рад воспользоваться машиной,— улыбнулся я,— но куда ехать?

— Машина знает, залезай.

Не самые остроумные собеседники в Галактике. Я бросил в нее свои чемоданы и уселся сам. Дверца, засопев, закрылась, и загорелся ряд огоньков на роботоводителе. Мы тронулись вперед, и тяжелые ворота распахнулись перед нами, и еще ворота, и еще, достаточно толстые, чтобы замуровать подвал банка. За последними мы вылетели на свежий воздух, и я зажмурился от ярких солнечных лучей и с большим интересом стал смотреть на проносящийся мимо пейзаж.

Клизант — город модернизированный и механизированный. Шоссе заполняли грузовики и легковые автомобили, явно управляемые роботами, поскольку все шли на строгой дистанции со впечатляющей скоростью. Пешеходные дорожки были двусторонние и пересекали улицы над головой. Тут были магазины, вывески, мундиры. Мундиры! Это единственное слово не передает окружавшего меня металлизированного и многоцветного великолепия. Все носили различные мундиры с разными цветами, как я уверен, обозначавшими различные рода войск и служб. Но не было ни одного в темно-желтую полоску. Еще одно препятствие, поставленное на моем пути, но я отмахнулся от него. Когда то-

нешь, то тебя мало волнует, выльют ли тебе на голову еще одну чайную ложку воды. В этом деле ничего не обещало быть легким.

Наша машина выскочила из стремительного уличного потока, нырнула в еще один тоннельный вход и остановилась перед изящно разукрашенными дверьми. Над входом было начертано золотыми буквами: «Злато-злато», что по-клизантски могло быть прочитано как «Люкс». Это было приятное разнообразие. Весь в позументах и драгоценных каменьях, элегантный швейцар кинулся открывать дверцу, но остановился и скривил губы, увидев мою одежду. Он отпустил дверцу и ушел, а его место тут же занял индивид с бычьей шеей в темно-сером мундире. На обоих плечах у него были маленькие серебряные знаки различия: скрещенные боевой топор и нож, а на пуговицах были изображены серебряные черепа. Видок еще тот.

— Я — Паков,— громыхнула фигура,— ваш телохранитель.

— Рад с вами познакомиться, сэр, очень рад.

Я вылез из машины, неся, надо заметить, сам свои чемоданы, и последовал за мрачной спиной своего сторожевого пса в кулуары отеля. Мое удостоверение было принято с максимальной невежливостью, мне выделили боя, который указывал дорогу в предназначенный мне номер. Мой статус теоретически уважаемого инопланетного представителя дал мне право на первый класс, но это вовсе не значит, что он мне понравился. Мои осиные цвета клеймили меня как чужака, за чужака меня и держали.

Покои были роскошные — мягкая кровать, приятный интерьер... Но «клопы» были везде — звуковые и оптические,— они были вделаны в каждый осветительный прибор и в стены. Каждая выпуклость на мебели была микрофоном, а лампочки включались, следя за мной, едва я начинал передвигаться.

Когда я вошел в ванную, чтобы побриться, оптический глаз смотрел на меня сквозь посеребренную поверхность зеркала, и был еще один оптический наблюдатель на конце моей зубной щетки, несомненно, чтобы следить за любыми сюрпризами, таящимися в моих коренных зубах. Все было очень эффектно, но только по их мнению. Это заставило меня рассмеяться, что я и сделал, превратив смех в фырканье, когда он вырвался наружу, так, чтобы мой телохранитель ничего не заподозрил. Он шлепал за мной, куда бы я ни пошел. Несомненно, он будет спать в моих ногах, когда я отправлюсь на боковую.

Я, Джим ди Гриз, смеялся над местными технарями. Извините мою нескромность, но я невероятно много знаю о «клопах». Это был случай массированного перебора. Здесь было множество «клопов», и что они будут делать со всей этой информацией? Компьютерные сети совершенно бесполезны в ситуации с наблюдением вроде этой. А значит, большой штат человеческих существ будет следить, записывать, анализировать. Есть предел числу людей, которым можно поручить такую работу, потому что вскоре будет иметь место геометрическая прогрессия со сторожами, сторожащими сторожей, пока все не будут заниматься только этим.

Я был уверен, что был большой штат, внимательно следящий за мной, ибо иностранцы были достаточно редки, чтобы наслаждаться такой роскошью. «Клопами» будут кишеть не только мои покои, но и районы, через которые я буду обычно ходить, машины и так далее.

Весь город нельзя было «клопизировать», да и ни к чему это. Все, что я должен был делать, так это какое-то время играть роль послушного коммивояжера до тех пор, пока не найду возможности покинуть клопизированные районы. И сварганить план, который позволит мне полностью исчезнуть, когда я выпаду из их поля зрения. У меня будет только одна возможность: я должен буду исчезнуть с первого раза, иначе я буду мертвой крысой.

Паков всегда был тут как тут, следя за каждым моим движением. Он следил, когда я отправился спать, и взгляд этих маленьких твердых глаз был первым, что я увидел утром. Именно это я и хотел видеть утром. Паков будет устранен первым, но до сих пор одно его присутствие означало, что следящие за мной расслабились. Я тоже выглядел расслабленным, но таковым не был.

Я досконально изучал город, выискивая необходимую мне крысиную нору. На третий день я нашел ее. Это была одна из возможностей, рассматриваемых мной ранее, и она оказалась наилучшей. Я составил соответствующие планы и, отходя ко сну, улыбался. Я уверен, что улыбка была замечена инфракрасными камерами — но что можно прочесть по улыбке?

Четвертый день начался, как и все предыдущие, с поданного в номер завтрака.

— Ого, я что-то сегодня голоден,— сказал я сердито повару.— Дело, должно быть, в веселом настроении вашей прекрасной планеты. Я считаю, что мне надо еще поесть.

Я съел второй завтрак. Неизвестно, когда я в следующий раз смогу утолить свой голод, необходимо было подкрепиться про запас.

Мы вышли из отеля в назначенный час — нас поджидала машина. Она сразу же поехала по обычному маршруту в военное ведомство, где я демонстрировал взрыватели фирмы «Фанциолетто — Мушиар — Лимитед». Было уничтожено множество мишеней, и сегодня следующие ждали своей очереди. Все это было неплохим развлечением.

Мы выехали из тоннеля на главную дорогу, попетляли по ней и свернули на боковую улочку, ведущую к нашей цели. Уличное движение здесь всегда было малоинтенсивным, мало было и пешеходов. Превосходно. Мелькала улица за улицей, и я чувствовал, как напряжение растет во мне. Все или ничего! Скользкий Джим, вот мы и начали...

— Ап-чхи,— произнес я, как мне показалось, вполне правдоподобно, и попытался вынуть носовой платок. Паков стал подозрительным.

— Немного пыли в нос,— объяснил я.— Знаете, как это бы-

вает. Скажите, вот там, смотрите, это случайно не уважаемый генерал Трогбарт?

Паков был хорошо обучен, его глаза лишь на мгновение стрельнули в сторону. Но мгновения мне было достаточно. В носовом платке у меня столбиком были завязаны монеты: единственное оружие, которое мне удалось приобрести под постоянно бдящим оком местных властей. Когда глаза Пакова стрельнули,— я ударил твердым столбиком монет по короткой дуге, кончавшейся на его виске. Паков обмяк с приглушенным стоном.

Он все еще падал, а я уже подал сигнал аварийной остановки, перегнувшись через сиденье и ударив по нужной кнопке. Мотор заглох, тормоза взвизгнули, и мы остановились. Не более чем в дюжине шагов от выбранного мною места. В яблочко! В тот же миг я выскочил и побежал.

На пульте контроля наверняка загорелся сигнал тревоги — в машине была масса всевидящих глаз. Силы врага были пущены в ход в тот же миг, что и мои. Все, что у меня имелось, это секунды, может быть, минута, прежде чем налетят солдаты и схватят меня.

Хватит ли мне времени?

Опустив голову, я с лету нырнул в узкий проход служебной улицы, который проходил позади ряда зданий и выходил на другую улицу. Здесь работали роботы — грузили мусор в бачки, но они игнорировали меня, когда я бежал, потому что они были простого типа «М», не запрограммированные ни для чего, кроме такой работы.

Погонщик роботов — другое дело. Он был человеком и держал электронный хлыст для понукания роботов. Хлыст щелкнул и рассек воздух рядом со мной, а ток защекотал у меня в боку.

Он был, мягко говоря, шоковым, но я его почувствовал. Напряжение поддерживалось низкое, поскольку он был предназначен лишь подгонять роботов, а не варить вкрутую их мозговые цепи. Я схватился за хлыст и сильно дернул на себя.

Все это, конечно, происходило по моему плану. Я видел этого погонщика с его бригадой каждый день на этом месте, когда мы проезжали мимо: Клизант любил свою рутину. Можно было смело рассчитывать, что погонщик роботов — индивид с толстой шеей и бандитского вида, бросится наперехват бегущего чужака, и он поступил именно так, как я надеялся.

Рванув хлыст на себя, я заставил его потерять равновесие, и он, шатаясь, полетел на меня с отвисшей челюстью, и я нанес ему страшный удар прямо в челюсть.

Он мотнул головой, прорычал что-то и бросился на меня, готовый давить и разрывать.

Это было не по плану. Ему полагалось сразу же упасть, чтобы я мог проделать остальную работу, прежде чем прискачет кавалерия. Откуда я мог знать, что у него нет не только мозгов, но и конституция другая? Я начал потеть. Время катастрофически уходи-

ло. Я должен был привести эту тушу в бессознательное состояние наибыстрейшим способом.

И я привел. Способ был не из изящных, но сработал. Я подставил ему ногу, когда он снова прыгнул, а потом вскочил ему на спину и поскакал на нем, ускоряя его падение. Я схватил его за голову и молотил ею о мостовую. На это потребовалось добрых три удара — я боялся, что мостовая поддастся прежде, чем он,— погонщик крякнул и расслабился.

Вдали завыла первая сирена. Я вспотел еще больше. Безразличные к людям мусорщики продолжали свою работу.

Погонщик был одет в темно-зеленый мундир, несомненно символизирующий его ремесло. Он застегивался на единственную молнию, которую я расстегнул, а затем начал снимать одежду с его неподатливой объемистой туши.

Эхо сирены грозно отражалось от стен служебной улицы, и поблизости эффектно завизжали тормоза.

С лихорадочной спешкой я натянул мундир поверх собственного осинообразного одеяния и застегнул молнию. Я схватил хлыст и треснул ближайшего робота прямо по шарикоподшипнику.

— Запихай этого человека в бачок,— скомандовал я и отступил, когда он схватил своего бывшего хозяина.

Ноги только-только исчезли из виду, когда влетел первый из солдат в красном мундире.

— Чужак! — крикнул я и махнул хлыстом в конец улицы.— Он побежал.

Солдаты двигались очень быстро. Я щелкнул кнутом по своей полудюжине роботов.

— На следующий участок! — приказал я.— Шагом марш!

Я надеялся, что они были запрограммированы на постоянный маршрут, и не ошибся. Робот-грузовик двигался впереди, а остальные вслед за ним. Я шел позади с хлыстом наготове. Моя маленькая процессия вышла на забитую полицейскими и солдатами улицу.

Бронемашины лавировали вокруг, а водители ругались. Мой верный отряд роботов двинулся через улицу, сквозь всю эту сумятицу, в то время как я с парализованной улыбкой трусил сзади. Я боялся, что, если я сделаю хоть малейшую попытку изменить приказ, моя механическая бригада устроит сидячую забастовку прямо на улице. Мы прошли мимо моей покинутой машины, когда моему бывшему приятелю помогали выбраться из нее. Я повернулся к нему спиной. Если он меня узнает...

Первый робот свернул на другую улицу, а я перся за ним столько, что потом как бы ощутил, что шел дня два по пустыне. Наконец я в убежище, в относительной безопасности. Хотя день был прохладный, я взмок до нитки. Я привалился к стене отдохнуть, пока мои роботы опустошали бачки. На улице снова появилось много машин, а над головой ревели реактивные двигатели. Ого, а они определенно по мне соскучились.

Что дальше? Хороший вопрос. Теперь, когда не будет найдено никаких следов беглеца, кто-то вспомнит единственного свидетеля его побега. И они захотят снова поговорить с погонщиком роботов. Прежде чем наступит этот момент, я должен быть где-нибудь в другом месте. Но где? Активы мои были очень ограничены: коллекция роботов-мусорщиков, ныне трудолюбиво лязгавшая, занималась своей работой; два мундира — один поверх другого, каждый делавший меня меченым, и электронный хлыст, годный только для роботов; генерируемый им ток был достаточен, чтобы замкнуть реле, отменяющее прежний приказ. Что делать?

Позади меня раздалось скрежетание, и я отпрянул в сторону, когда распахнулась ржавая дверь. Наружу высунулась голова толстяка в белом колпаке.

— У меня здесь есть еще один бак, Слободан, для тебя,— сказал он, затем подозрительно оглядел меня.— Ты не Слободан.

— Вы правы. Слободан — это кто-то другой. И он где-то в другом месте. Он в больнице удаляет грыжу. Вот и поставили меня, новенького.

Не плывет ли удобный случай прямо в руки? Я говорил быстро, а думал еще быстрее. На недавно пересеченной мною улице было еще много беготни, но сюда никто не заглядывал. Я щелкнул хлыстом по коробке передач ближайшего робота и приказал ему дуть за мной.

Белый колпак нырнул вовнутрь, я за ним, а робот за мной. В кухню — большую, явно ресторанную кухню, и никого там больше не было.

— Когда вы открываетесь? — спросил я.— У меня на этой работе разыгрался зверский аппетит.

— До вечера не откроемся. Эй! Вели этому роботу не идти за мной и забери отсюда этот мусор.

Повар кружил, отступая по помещению с верно топающим за ним роботом, которому я незаметно приказал не отходить от толстяка. Они составляли прекрасную пару.

— Робот! — скомандовал я,— брось бегать за ним, а просто схвати его, чтобы он не мог двинуться.

Электронные рефлексы робота оказались быстрее, чем у повара. Стальные руки сомкнулись, и повар открыл рот, чтобы пожаловаться, но я заткнул его поварским колпаком. Он сердито жевал его и издавал приглушенные звуки. Он продолжал это занятие все время, пока я привязывал его к стулу прекрасным набором кухонных полотенец. Никто не появился. Мне все еще везло.

— Вон! — приказал я роботу, треснув его поперек терпеливой металлической спины. Другие все еще работали, и я надавал им ударов, как счастливый Флаггелант, пока все они не затрепетали, ожидая приказов.

— Возвращайтесь в то место, откуда вы явились сегодня утром. Ступайте!

Словно хорошо вымуштрованные солдаты, они развернулись и потопали в противоположном направлении от места моего

побега. Я нырнул обратно в кухню и запер дверь. На минуту я был в безопасности. Рано или поздно они проследят меня до роботов-мусорщиков, но не будут иметь ни малейшего представления, где и когда я покинул конвой. Дела шли просто прекрасно.

Пленный повар за это время сумел опрокинуть стул и полз, извиваясь, к выходу.

— Озорник,— попенял я ему и взял со стола большой тесак. Он сразу остановился и вытаращил на меня глаза. Я положил хлыст и нож так, чтобы они все время были под рукой, и огляделся. На некоторое время я мог перевести дух и спокойно обдумать дальнейший план. А пока все шло стремительно и с хорошей долей импровизации. В отдалении послышался стук.

Я вздохнул и снова взялся за нож. Стремительность и импровизация были девизом этой операции.

— Что это?—спросил я у повара, вынув на минуту кляп из его рта.

— Передняя дверь, там кто-то стучит,— хрипло проговорил он, не спуская взгляда с ножа, который я держал у его горла.

Я засунул кляп на законное место и, бочком прокравшись к залу, огляделся.

Зал ресторана был пуст и темен. Стук шел от входа — на противоположной стороне. Никто не появлялся на эти сигналы, так что я предположил, что в ресторане мы с поваром одни. А теперь посмотрим, что все это значит?

— Что вы хотите?—спросил я, стараясь выдать ту же рудиментарную грамматику и низкий голос, подражая повару.

— Рефрижераторный сервис. Вы позвонили, что у вас неполадки. Какого типа?

— Весьма крупные! — Сердце мое подпрыгнуло от радости.— Заходите и принесите с собой самую большую сумку с инструментами.

Это была весьма почтенная сумка. Впустив его, я резко стукнул плашмя тесаком по затылку. Он мило сложился. Я быстро раздел его и привязал рядом с поваром к стулу, где они могли поплакаться друг другу в жилетку. В первый раз я опередил своих преследователей.

Пройдет несколько часов, прежде чем моих пленников обнаружат и свяжут с моим побегом. Я надел темно-зеленый мундир, приготовил большое количество бутербродов, схватил сумку с инструментами и, сделав своим пленникам «под козырек», выскочил за дверь.

Там стоял большой грузовой робот с другой сумкой с инструментами, тихо гудящий про себя. На его металлической груди был нарисован тот же герб обслуживающей фирмы, украшавший теперь и мою собственную грудь.

— Мы будем путешествовать с комфортом,— сказал я.— Возьми-ка это.

Я только-только успел убрать пальцы, как он схватил сумку.

Во время моих поездок по городу я видел множество подоб-

ных роботов, но ни к одному не приближался. На его спине было своеобразное седло для оператора, но я не имел ни малейшего представления, как туда попасть. Опустится ли он на колени, выпустит ли лесенку либо еще что-то? По этой улице уже двигались машины и другие роботы. Быстро приближался отряд солдат. Я снова вспотел.

— Я желаю отправиться сейчас же.

Робот стоял столь же бесстрастно, как статуя. Здесь помощи не дождешься. Не знаю, ортодоксальным был этот способ или нет, но я поставил ногу на бедренный сустав, рукой схватился за стабилизатор поворота на его лопатке и взлетел наверх, сервомоторы взревели, когда он переместил центр тяжести в соответствии с моим весом. Я скользнул в седло в тот момент, когда отряд протрусил мимо. Меня они совершенно игнорировали.

Сиденье было удобным. Я имел хороший обзор, так как до мостовой было метра три, и не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше. Хотя для начала лучше всего как можно дальше удалиться по этой улице. На макушке робота был размещен компактный пульт управления, и я нажал кнопку с надписью «ход». Я ощутил скрежещую вибрацию передачи сцепления, и он зашагал на месте. Хорошее начало. «Вперед!» Он наклонился и бросился бежать мелкой рысью. И волнения, и полиция остались позади.

Я ехал на своем металлическом рысаке через центр города и обдумывал свое положение. Один человек против целого мира. Очень поэтично и, возможно, приведет к замешательству. Если не считать того факта, что я уже бывал в таких ситуациях, а они нет. Вся система безопасности означала, что чужаки на Клизанте бывали не часто и все были под контролем. Наверное, они раньше никогда не теряли след наблюдаемого, и этот случай будет очень обидным. Прекрасно, полетят головы. Прекрасно, пока в их число не попадет и моя.

В некотором смысле я имел преимущество. Они ничего не знали обо мне, кроме «легенды». Если я смогу затеряться в глуши, в глубинах их угасающей культуры, меня невозможно будет найти. Пока я на «дне». Позитивные действия начнутся позже. Пока же я должен спасти свою драгоценную шкуру.

Впереди был один из городских выездов, и необычно большое число стражников занималось проверкой и обыском всех, пытающихся выехать. Чтобы уберечься от этой опасности, я свернул влево. Когда будет надо, я покину город. К полудню я представлял, как расположен город, но приобрел мозоли на заднице. Робот шел медленно и явно нуждался в подзарядке. Мне тоже не мешало подкрепиться бутербродами из сумки,— мы оба нуждались в отдыхе. Вполне вероятно, что моих пленников в кухне уже нашли и снова могли объявить тревогу. Я направился в производственный округ, обнаруженный мною ранее, и поискал место, где можно спрятаться. Я заметил несколько явно покинутых фабрик и складов, подходивших для меня. Я выбрал один из них. Паути-

на на дверях и ржавчина на петлях. Замок, который я мог бы открыть и в темноте одним ногтем. Никого не видно вокруг. Дверь со скрипом отворилась. Мы проскользнули за дверь, и засов защелкнулся за нами. Наконец-то я в безопасности.

Место было покинутым, пыльным и по большей части пустым. В одном углу стоял древний образчик машинерии, такой же лишенный черт, как и затерянный в джунглях идол, с жертвоприношением в виде выброшенных перфокарт у его ног. Превосходно. Я пообедал, отдохнул, обыскал здание, нашел внутреннее помещение без окон, принес обе сумки с инструментами, фонарик и карандаш с одной из жертвенных карточек. Время для следующего шага.

С конвертом, освещаемым фонариком, я заговорил вслух:

— А теперь слушай. Восприятие готово начаться. Отсчет начинается с десяти. По ходу дела я засну. Память включается при слове... «зануда»!

— Десять,— произнес я, чувствуя себя прекрасно. Затем: — Девять, восемь, семь...

И зевнул. К тому времени когда я достиг пяти, мои веки отяжелели, и я совершенно не помню, как я дошел до нуля.

Я проснулся с одеревеневшими пальцами, затекшей рукой и утомленными глазами. На столе лежал большой квадрат картона, покрытый сложными чертежами микросхем. Подсознание — прекрасное место для сокрытия вещей, неизвестных сознательному уму. Я не только имел чертежи, но и понял вдруг, что я знаю, как ими пользоваться.

План был восхитительно простым, и меня кольнул укол ревности к выдумавшему его. Он требовал мало времени, но много электронных схем и оборудования. Все это придется украсть. Я вздохнул и потянулся. День был утомительным, а мой сон во время гипнотического транса толком и не был сном. Завтра будет еще день. Темп преследования спадет.

Завтрашний и послезавтрашний дни были очень насыщены работой, я был стальной крысой, вылезшей на землю, и нужно было много шмыгать. Город занимался своими делами, но был уверен, что поиски меня неослабно продолжаются. Я соединял и паял микросхемы, крал пищу и другие предметы роскоши почти походя. Клизант, казалось, обладал очень низкой кривой преступности, потому что никаких мер против краж моего типа не предпринималось. Либо преступный мир был уничтожен, либо заправлял теперь правительством.

Покинуть город оказалось намного проще, чем мне казалось. Ловко слоняясь вокруг контрольно-пропускного пункта, я заметил, что во главе проверки стояли военные и выполнялась она на простодушный военный лад. Определенная схема: отдавания приказов, изучение документов, проставление печати — и проваливай. Я надеялся, что мой способ легко сработает. Чтобы сделать

всю операцию военной, я похитил армейский грузовик. В сумерках я подсунул на его пути робота.

Грузовик, завибрировав, остановился, а водитель высунул голову и выругался. Большинства слов не было в моих языковых уроках, и я занес их в картотеку для дальнейшего использования. Благословение небесам — он ехал один.

— От такого слышу,— ответил я ему,— некрасиво так разговаривать со штатским. Это — чрезвычайная ситуация.

— Какая еще ситуация? — подозрительно спросил он.

— Такая! — с энтузиазмом ответил я.

Игла точно вонзилась ему в шею, и он рухнул. Я сделал набег на склад медикаментов. Я надел его фирменную рубашку и приказал роботу топать следом. Прежде я заехал за своими вещами. они как раз поместились за ящиками с обезвоженной пищей, формулярами в трех экземплярах, сапожным кремом и другими существенно важными военными грузами. Одетый в красный мундир солдата, которого я облачил в свой и оставил спать в своей резиденции, я сказал «до свидания» моему роботу — единственному другу на этой планете. Он ничего не ответил, но я не обиделся.

Мои документы были приняты с военной молчаливостью, изучены и одобрены, и я был свободен. Я весело понесся в ночь и во вторую фазу моего плана. Физически это требовало много беготни, похищения различных машин, дабы запутать мой след, и долгой поездки через центральную пустыню к определенному ориентиру. Это была огромная каменная глыба, стоящая в одиночестве в море песка. По форме она напоминала горшок и называлась поклизантски — «лонак». Что и означает «горшок» и дает вам некоторое представление о размахе их фантазии. Маскировочная сеть надежно спрятала машину, и целых семь дней не покладая рук я трудился, прежде чем удовлетворился результатом. Мной было построено, своими собственными руками и руками робота-экскаватора, полностью самообеспеченное подземное убежище не более чем в ста метрах от глыбы «лонак». Это было финальное приготовление к третьей фазе. Той же ночью я приступил к ее выполнению.

Мой маленький самодельный передатчик был настроен и готов к работе, антенна устремлена точно в зенит. В полночь я включил его, и в космос рванулся узкий, точно направленный сигнал. Я продержал его включенным ровно тридцать секунд, а потом вырубил.

Вот так — мешать кости и делать следующий ход полагается им. Им — значит подразделению Спецкорпуса, организовывавшего эту фазу. Если план сработает — я немного пожевал губами над этим «если», пряча рацию обратно в машину,— мой сигнал будет принят ими, и только ими. Ширина канала была очень маленькая, и узконаправленная пеленгация невозможна. Клизантцы вообще не должны знать о ней. Но в движение будут приведены огромные силы.

Заработают лучшие компьютеры, полыхнут огнем гигантские

ракеты. Избранный метеорит придет в движение вместе с коллекцией сопутствующих обломков. Далеко в космосе, за пределами достигаемости клизантских детекторов, метеорит двигался в сторону этой системы, нацеленный на одиночную скалу «горшок». Мне требовалось обождать сутки.

Зная свое отношение к непродуктивному ожиданию, я устроил себе маленькую вечеринку. Была хорошая еда, по крайней мере лучшая, что я смог достать в консервированных пайках, и богатый выбор первоклассной выпивки. Вино с закусками, а потом более крепкие напитки. Для достойного завершения ужина я закурил сигару и включил карманных размеров экран минипроектора и прокрутил пару чернушно-пречернушных фильмов, купленных мною в армейском магазине. Весьма грубая поделка для солдат, хотя она выглядела весьма привлекательно для меня — кочевника пустыни.

Сон опустил свое мягкое одеяло, день последовал за ночью, а затем, в свою очередь, опять ночь. И как только стемнело, я оказался снаружи с полевым биноклем, обшаривая небо по квадратам. Ничего. И ничего не должно быть еще несколько часов, но мне не терпелось. Весь план начинал казаться абсурдным. И я очень сильно чувствовал свое одиночество, чувствовал себя попавшим в западню на этой планете, в многих световых годах от цивилизации. Настроение было подавленным. Я снова отхлебнул из фляги.

Если все шло хорошо, то большая каменная глыба направилась к Клизанту курсом на столкновение.

Когда защита засечет ее, то она покажется еще одним куском космических обломков. Она врежется в атмосферу и сгорит.

Если они проследят ее на тот маловероятный случай, что она может быть чем-то большим, это разуверит их.

Скорость и температура исключали живой груз. Ее будет так же трудно проследить из-за сопровождающих обломков, также отражающих сигналы радара. Метеор прошьет атмосферу и врежется в пустыню с достаточной скоростью, чтобы уничтожить все живое.

Если будет расследование, то оно будет медленным, и когда исследователи прибудут, многое произойдет в этих местах. Так я надеялся. Все казалось бузупречным в теории и полным безумием на практике.

Почти ровно в полночь на горизонте сначала замерцала, а потом разгорелась новая звезда, и, вздохнув с облегчением, я отложил фляжку. График соблюден как пассажирской ракетой. Точка становилась все ярче и ярче. Я знал, что компьютеры и астрономы поработали хорошо. Но не настолько же хорошо.

Эта штука собиралась приземлиться прямо на меня! Но не совсем,— пока я следил, она, похоже, сместилась в сторону, ускоряя движение по ходу дела, в воздухе было такое шипение, словно кипел небесный чайник. Я прыгнул в машину и пинком ноги оживил ее, когда горящая бомба света скрылась за башней «горшка», по-

следовал раскатистый взрыв, осветивший местность и обрисовавший огнем силуэт скалы.

Я рванул вперед. Мои фары выхватили из темноты свежее пятно на земле, окруженное обломками пыли, дыма и пара.

На дне лежал большой глазурованный кусок испускавшего пар камня,— в яблочко. Я отогнал машину за ближайшую дюну и врубил передатчик. Раздался еще один взрыв, несколько меньший, чем от столкновения, и над моей головой просвистели осколки камня.

Когда я вновь посмотрел на метеорит, заряды раскололи его почти пополам и желеобразная жидкость, защищавшая его содержимое, впитывалась в песок.

В тот же миг я услышал нарастающий грохот приближающихся реактивных самолетов и моментально выключил фары. Летающие чудовища пролетели над головой — треугольники ревущей тьмы на звездном небе — и накренились на развороте. У меня было меньше времени, чем я предполагал. Я спрыгнул в яму, стараясь не замечать жар, исходивший от треснувшего камня.

Снаряжение, упакованное в плоские ящички, было цело, и было как раз достаточно света от звезд, чтобы вытащить их и спрятать в машине. Самолеты кружили наверху, приведенные в примерный район падения радарной триангуляцией, и теперь искали точное место падения метеора.

Не то чтобы они могли что-то видеть при их скорости, да еще в темноте, но в пути были воздушные суда помедленнее, с приборами и освещением,— они могли прочесать весь район.

При этой мысли я стал действовать быстрее. Мое воображение уже рисовало трепетание пропеллеров на горизонте. Тяжело дыша, уложив в машину последний ящик, я ждал, пока самолеты не отвернут в сторону от меня.

Я ехал на большой скорости, лавируя среди больших ухабов и подпрыгивая на меньших. Когда самолеты развернулись в моем направлении, я остановился, пережидая их, и представлял себе изо всех сил, какой я крошечный. При следующем рывке я сумел доехать до входа. Когда я забрасывал в нору первый ящик, то услышал звук моторов. Вдали замерцал сильный свет, двигающийся в мою сторону. Я швырял ящики куда попало и был уже готов нырнуть вслед за ними, заботливо уложить их, когда над головой затрепетали огромные крылья и из-под «горшка» вырвался и блеснул молнией ослепительный свет.

Он двинулся дальше, а я нащупал ногой стартер машины сквозь галактику радуг и ревущих световых дисков. Машина тронулась с места, затем резко рванула вперед, когда я переключил скорость. Свет ударил вновь, я упал на́ бок и замер.

Я лежал бесконечно долго, опаляемый светом даже через плотно сжатые веки. Мне показалось, что я пролежал два-три года. Но это продолжалось доли секунды.

Лесенка была на месте, и я спустился по ней, ободрав свои голени о сваленный как попало груз.

Пробираясь в темноте словно крот, я пинками толкал их впереди себя. Рев больших машин позади меня стал более громким, а спустя миг к нему присоединился треск частой стрельбы и грохот разрывов.

— Превосходно,— сказал я, швыряя последний ящик.— Оружие предназначено для использования. Вот они его и используют. Я был уверен, что они окажутся компанией, которую хлебом не корми — дай пострелять, и я очень рад, что не ошибся.

Еще более громкий взрыв возвестил об уничтожении моей машины. Лучшего и быть не могло. Я прихватил с собой передатчик и медленно поднялся по лесенке.

Удобно устроившись на ней, упираясь локтями в землю, я имел лучшее место на этом представлении. Ревели реактивные самолеты. Пропеллеры кромсали воздух над головой. Пели пули, и взрывались бомбы. Машина здорово горела, выбрасывая всплески пламени, когда ее обломки подвергались ураганному обстрелу. Когда грохот стал стихать, я оживил его, нажав первую кнопку на передатчике.

Скорострельные пушки стали палить с вершины «горшка», в то время как с пускателя с разными интервалами взлетали вверх ракеты. Каждый второй выстрел был трассирующим, так что спектакль был впечатляющим.

Самолеты сделали в небе горку, чтобы перегруппироваться, а затем принялись атаковать с усиленной энергией. Вершина скалы и вся земля вокруг были истерзаны взрывами.

Бомба рванула не далее чем в 50-ти метрах от меня, песок посыпался мне за шиворот. Эта часть спектакля закончена. Настало время финала.

Вместе с кучей песка я свалился с лестницы вниз. Быстро спрятав ее, я сильно дернул за тросы. Огромная куча песка, сваленная над самым входом, удерживалась только тремя досками, которые я и удалил. Я еле успел закрыть дверь, когда песок мощной рекой потек вниз. Стоя в темноте, я медленно досчитал до десяти, ожидая, пока песок полностью заполнит яму, и нажал вторую кнопку на передатчике.

Ничего не произошло.

А это было существенной частью операции. Со всеми этими рвущимися бомбами еще один взрыв прошел бы незамеченным, но он начисто похоронил бы все следы моего пребывания на этом месте. Если он не рванет, то меня легко обнаружат и откопают...

Память вернулась, и я проклял собственную глупость. Конечно, я оставил запасной вариант на случай, если радиосигнал не сможет пройти через многометровый слой песка, и быстро нащупал оставленный мною у входа фонарик. Я включил его и направил луч света в угол. Вот он! Провод с биркой «N 2», чтобы не путаться в спешке.

А я очень торопился. Взрывы снаружи стихли. Надо полагать,

механический враг на скале был уничтожен, и если мой взрыв произойдет не сейчас, то он будет выглядеть, мягко говоря, очень подозрительным. Я обернул конец провода (он выходил наружу через песок) и снова нажал кнопку.

Тишина...

Когда дребезжащий взрыв жахнул над моей головой, сотрясая кости в моем теле и выбивая дробь моими зубами, моя пещера загудела, словно барабан, и вниз посыпались кусочки почвы. Я был в безопасности.

Уютно, как таракану в ящике. Я включил свет и с гордостью осмотрел свою резиденцию на следующую пару недель. Запас энергии, автономный, конечно, пища, вода, регенерируемая атмосфера — все, что может понадобиться человеку. И прибывшие в метеорите печатные схемы и приборы.

Я буду работать и собирать свое снаряжение и выйду на поверхность, готовый встретиться с миром лицом к лицу. Пока наверху не обшарят всю пустыню. Они никогда не додумаются посмотреть прямо у себя под ногами, никогда не додумаются поискать у себя под носом, никогда. Я улыбнулся и взял бутылку, чтобы достойно отпраздновать это событие.

Я больше не вор и не прячусь под скалами. На тринадцатый день я разблокировал дверь и прокопал себе путь наверх. Этим символическим актом я оставил позади существование беглеца и вступил в клизантское общество. С различными документами и разнообразными мундирами я сыграл широкую подборку ролей в этом довольно отталкивающем обществе, пока не узнал о нем намного больше, чем хотел бы. В своих различных обличьях я прошелся только по периферии военщины, поскольку я хотел сберечь свою энергию для фронтальной атаки на этот институт — атаки полной мощности.

Держа в уме эту идею, я сел на борт рейса СНТ (сверхновой техники) в Досайн-Глуп — приличных размеров провинциальный город, которому случилось располагаться по соседству с военной базой «Глупость».

Судя по тому, что мне удалось узнать, «Глупость» была крупным центром космических кораблей и космической экспансии, так что не случайно я достаточно долго слонялся вокруг резервирующего места служащего, чтобы узнать, кому какие достались места, а затем раздобыть себе место рядом с очень привлекательным «некто».

Привлекательным, спешу добавить, только для меня. По другим стандартам майор не выиграл бы никаких призов. Челюсть у него была слишком большая, явно спроектированная для выпирания в нежелательных местах, и в подбородке была отвратительная маленькая ямочка явно от слишком усердного почесывания.

Подозрительные серые глазки прятались под обезьяньими нависшими бровями, а пещерообразные ноздри были двумя тоннелями подземки. Меня это меньше всего волновало. Я видел толь-

ко черный мундир старшего пилота космической армады, увешанного многочисленными наградами за усердную службу. Он был тот, кто мне требовался.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер,— поздоровался я, присаживаясь рядом.— Приятно было познакомиться.

Он нацелил на меня две пушки своего носа и выстрелил громким чихом, сигнализирующим о конце только что начатого разговора. Я улыбнулся в ответ, пристегнул ремни, откинулся в кресле, когда лайнер СНТ швырнул себя в небо на крейсерской скорости. Большая часть крыльев убралась в корпус, а я достал фляжку и два стаканчика.

— Буду рад предложить вам освежающее, благородный лет-майор, в благодарность за вашу долгую службу, отданную славному делу Клизанта.

На этот раз он даже не потрудился чихнуть, а просто поковырял в зубах не слишком чистым пальцем, доставая кусочки мяса, оставшиеся от недавнего обеда. Внимательное их изучение убедило его, что они были слишком большими, чтобы их выбрасывать, и с видимым удовольствием он отправил их обратно в рот. Человек простых вкусов, я не мог предложить лучшее.

— Нет ничего слишком хорошего для наших парней на службе. Это — нарколик.

Он внимательно посмотрел на меня с какой-то странной улыбкой.

— Я выпью это,— произнес он скрипучим голосом, и ему вполне следовало это сделать, ибо эта маленькая фляжечка стоила половины его месячного жалования. Нарколик — прекраснейший напиток, известный человечеству, перегоняемый в мизерных количествах из скудного ботанического источника на небольшой планете на краю Галактики. Утешающий и чарующий, возбуждающий и стимулирующий. Он был всем, что и любой другой напиток, плюс еще многим, без каких-либо эффектов похмелья.

Лет-майор взял предложенный ему стаканчик, склонил над ним пещеру своего носа и пригубил.

— Неплохо,— проговорил он, и я улыбнулся его грубому преуменьшению, словно оно было самой искренней похвалой, и представился своим очередным вымышленным именем. Он поразмыслил над этим и сообразил, что в ответ требовалось назвать свое.

— Лет-майор Васька Хулья.

— Рад познакомиться, сэр. Нельзя ли налить вам еще, эти стаканчики такие маленькие.

Уже очень скоро, после того, как наш лайнер пересек звуковой барьер, я почти полюбил этого лет-майора. Он был совершенством, совершенством законченным, без всякого сомнения. Точно так же, как паук бывает идеальным пауком или летучая мышь-вампир — идеальной летучей мышью-вампиром, он был идеальным ублюдком.

Когда язык лет-майора стал заплетаться, он стал рассказывать о стрельбе:

— Никогда не совершай ошибки, гоняясь за мелкими группками, в счет идет только валовой эффект. Держись плана, поражая здания и машины, и кончай заход. На втором заходе вполне можно поражать группы людей, но только крупные, пользуясь зажигательными бомбами. Эти бомбы распространяют и расплескивают огонь и убивают больше всего.

Лет-майор продолжал, но уже об отдыхе:

— Нас было только двое, и у нас имелась дюжина бутылок и ящик сигар — достаточно на пару дней. Так что мы раздобыли трех девчонок, одну про запас, понимаешь ли, на всякий случай, и отвезли их...

Лет-майор об инопланетянах:

— Скоты. Вы не можете меня убедить, что мы можем даже метизировать с ними. Совершенно очевидно, что Клизант — источник всей разумной жизни во Вселенной и единственно цивилизованное влияние...

Было еще многое, подобное этому, и я мог только кивать головой. Я восхищался. Совершенный, как я и сказал. Что меня заставило подпрыгнуть от радости, так это информация, что он только что назначен на базу «Глупость» после своего отпуска. Это был его первый визит на огромную базу, после многих лет службы на боевом флоте... Мне здорово повезло.

То, что я был должен сделать дальше, было опасным, риск был очень велик, но предоставляющаяся возможность была очень хороша. По-моему, я достаточно хорошо узнал подробности жизни клизантского общества. Теперь настало время выяснить, много ли я узнал. Ибо та часть общества, через которую я проложил себе дорогу, была периферийной, не военной, а по-настоящему шла в счет только военщина. Она господствовала на планете во всех отношениях и сумела распространить свое господство на другие планеты. Вопреки правилам логики и истории.

Я вступил в армию. Записывался в космическую армаду в чине лет-майора. Когда корабль накренился, заходя на посадку, я привел мысль в действие.

— Ты должен сразу же явиться на службу, Васька?

Крепкий напиток перевел нас на «ты». Он покачал головой.

— Завтра.

— Чудесно. Тебе не стоит проводить последнюю ночь отпуска между холодными простынями одинокой койки в офицерской казарме. Подумай только, как здорово можно провести это время.

Я пустился в воображаемые подробности, что можно сделать шелковыми простынями на неодинокой койке. Хорошая еда и выпивка тоже были упомянуты, но они имели второстепенный интерес. Он радостно кивнул, соглашаясь с моим планом.

Как только мы приземлились и получили свой багаж, роботакси отвезло нас в «Досайн-Глуп Работник». Это был местный филиал всепланетной системы отелей, специализирующихся на

безлюдном сервисе. Все было механизировано и компьютеризовано. Люди наведывались в эти отели только чтобы проверить приборы и опустошить денежные ящики. Но я их никогда не видел по вполне понятным причинам, хотя частенько останавливался в подобного рода заведениях.

Иногда я видел, как въезжали или выезжали клиенты, но мы избегали друг друга, как прокаженные. «Работники» были островками приватности в мире всевидящих глаз. У них имелись определенные недостатки, но я уже научился справляться с ними.

Входная дверь автоматически отворилась, когда я приблизился, и кукла-робот, выскочив из своей конуры, пропела:

— Всемирно известный со дня открытия «Досайн-Глуп Работник» приветствует вас! Я здесь для того, чтобы помочь вам. Прикажите, и я возьму ваш багаж...

Это было спето звучным контральто под аккомпанемент духового оркестра в двести труб — стандартная запись во всех отелях «Работник». Я ненавидел ее. Я пнул робота — он слишком близко приблизился к нашим ногам — и показал на робототакси.

— Багаж. Там. Пять предметов. Принести.

Загудев, он отъехал и погрузил в такси нетерпеливые щупальца. Мы вошли в отель.

— Разве у нас не четыре предмета? — спросил Васька, хмуря в размышлении кустистые брови.

— Ты прав, я, должно быть, ошибся в подсчете.

Робот-носильщик догнал нас и обошел с нашими чемоданами и выдранным из такси сиденьем.

— Теперь у нас их пять.

— Добрый вечер... господа,— пробормотал дежурный робот с небольшой паузой перед последним словом, когда он сосчитал нас и сравнил профили в своем блокноте памяти.— Чем мы можем служить вам?

— Лучшим номером в заведении,— сказал я, записав в регистрационном журнале вымышленные имя и фамилию, а также и вымышленный адрес, и начал скармливать банкноты в платную щель стола. Наличные — авансом, было правилом «Работника», возвращаемым перед отъездом. Робот-бой покатил впереди, указывая нам дорогу, и подъехал к дверям нашего номера, распахнул ее под звуки фанфар, словно при втором пришествии.

— Очень мило,— сказал я, нажимая кнопку «на чай» у робота на груди, автоматически снимая два богинье с моего кредитного баланса.

— Закажи-ка нам выпивку и закуску,— предложил я летмайору, указывая на встроенный в стену щит-меню.— Все, что надумаешь съесть, да еще жареное мясо и шампанское.

Эта идея ему понравилась, и Васька деловито стал нажимать на кнопки, пока я размещал багаж. К запястью у меня был пристегнут детектор «клопов», который безошибочно привел меня к единственному оптико-звуковому «клопу»,— он находился в том же месте, где и все остальные, найденные мною раньше. Эти

отели действительно были стандартными, и я умело поставил кресло прямо перед ним, когда открыл свой чемодан.

Дверцы доставки открылись, и выскользнуло шампанское и охлажденные бокалы. Васька все еще заказывал напропалую, насилуя кнопки и мой кредитный баланс, демонстрируемый крупными цифрами, которые быстро катились к нулю. Я открыл бутылку, выстрелив пробкой в стену очень близко от него, чтобы привлечь его пьяное внимание, и наполнил бокалы.

— Давай выпьем за космическую армаду! — предложил я, подавая ему бокал и одновременно роняя туда маленькую зеленую дробинку.

— За космическую армаду! — ответил лет-майор и выпил, заведя какую-то страшно шовинистскую песню, которую, как я догадался, предстояло выучить и мне, все сплошь о сияющих дюзах, сверкающих пушках, доблестных воинах и горящих солнцах.

— Ты выглядишь усталым,— заметил я,— разве тебе не хочется спать?

— Спать...— согласился он, клюя носом.

— Я думаю, тебе неплохо было бы лечь в постель и немного передохнуть перед обедом.

— Лечь...— Его бокал упал на ковер, и он поплелся через номер и растянулся во весь рост на постели.

— Видишь, ты устал. Засыпай, а позже я разбужу тебя.

Покорный гипнонаркотику, он закрыл глаза и сразу захрапел.

Если кто-то слышал транслируемое «клопом», он не заметил ничего подозрительного.

Прибыл обед: его хватило бы, чтобы накормить целое отделение — мои деньги для Васьки ничего не значили. Я немного подкрепился, прежде чем приступить к работе.

Первым делом, конечно, инъекция, игравшая роль нервного блока и обезболивающая мое лицо. Как только она подействовала, я поднял храпящего лет-майора и навел настольную лампу ему в лицо. Это была совсем нетрудная работа: мы были примерно одной костной структуры и одинакового телосложения, да и сходство не должно было быть совершенным. Просто достаточно близким, чтобы совпасть с его фотографией в удостоверении. Качество ее было такое, какое бывает на снимках, где вместо человека видится морда бритой обезьяны.

Подбородок был самым серьезным делом во всех смыслах и массированные инъекции пластичного желе нарастили мой до Васькиных размеров. Затем я перешел к работе над бровями. Еще пластическое наращивание надбровных дуг, и имплантированные волосы черного цвета довели сходство до нужной кондиции. Контактные линзы воспроизвели цвет его глаз, а кольца в моих ноздрях раздули их до пещероподобного вида оригинала. Все, что осталось,— перевести отпечатки его пальцев на плотно обтягивающие мои пальцы перчатки-невидимки.

Пока я подгонял лучший Васькин мундир под себя, он поднялся и поел немного остывшего супа. Вскоре его снова одолел

сон, но на этот раз он ретировался в другую сторону, направившись в другую комнату, где его кряхтение и храп не раздражали меня.

Я смешал себе ерш покрепче и отправился спать. Завтра будет день в моем новом обличье. Я вступал в космическую армаду.

При небольшом везении я смогу найти ключ к природе их замечательной военной мощи.

— Сожалею, сэр, но вы не можете войти,— заявил часовой перед воротами. Сами ворота были сделаны из клепаной стали и крепко вделаны в высокую каменную стену, увенчанную множеством нитей колючей проволоки.

— Что значит — не могу войти? Мне было приказано явиться в «Глупость»! — заорал я в своей идиотско-военной манере.— А теперь нажмите кнопку, или что там у вас отпирает ворота.

— Я не могу их открыть, сэр. База изолирована от внешнего мира. Я выставлен от наружного караула.

— Я хочу видеть вашего дежурного офицера.

— Я здесь,— произнес холодный голос у меня над ухом.— Что здесь за беспорядки?

Посмотрев назад, я увидел его лейтенантские нашивки, а он — мои двойные кресты лет-майора, и я выиграл спор. Он провел меня в караульное помещение, и там было много перезваниваний по видеотелефону, пока он не вручил трубку мне и я не посмотрел в лицо полковнику со стальными глазами. Этот спор я уже проиграл.

— База изолирована, лет-майор,— сказал он.

— У меня есть предписание явиться сюда, сэр.

— Вы должны были явиться сюда вчера. Вы опоздали из отпуска.

— Извините, сэр, должно быть, произошла ошибка в записи. Мой приказ гласит: явиться сегодня.— Я протянул предписание и увидел, что дата прибытия была все-таки вчерашняя. Этот пьяница Васька втравил меня в неприятности, которые заслужил сам. Полковник улыбнулся со всей слабостью королевской кобры в линьке.

— Если бы это была ошибка в приказе, лет-майор, то, разумеется, не возникло бы никаких затруднений. А раз ошибка была вашей, лейтенант, мы знаем, за кем вина. Явитесь ко входу безопасности.

Я повесил трубку, и лейтенант караула, ухмыляясь, вручил мне лейтенантские нашивки. Я отцепил свои двойные кресты и принял понижение во звании. Я надеялся, что в космической армаде повышают так же быстро, как и понижают. Караул промаршировал со мной вдоль стены к схожему, шлюзового типа, входу, и меня пропустили. Мои документы были изучены, отпечатки пальцев сняты, и через несколько минут я прошел через последние ворота на базу «Глупость».

Была вызвана машина, рядовой взял мои чемоданы, мы про-

ехали к офицерской казарме, и мне показали мою комнату. И все это время я держал глаза широко открытыми. Не то чтобы тут было какое-то завораживающее зрелище. Если ты увидел одну военную базу, то ты увидел их все.

Здания, палатки, парни в мундирах, совершающие повторяющиеся прыжки, тяжелое дорогостоящее вооружение, сплошь выкрашенное в один и тот же цвет, и так далее. То, что я должен выяснить, будет не так-то просто сделать.

Мои чемоданы были свалены в крошечной комнате, солдат ушел, и голос с соседней койки хрипло произнес:

— У тебя случайно нет чего-нибудь выпить, а?

Я присмотрелся повнимательнее и увидел, что то, что я сначала принимал за узел скомканного белья, теперь, похоже, содержало костлявого индивидуума в темных очках.

Потраченное на эту речь усилие, должно быть, истощило его силы, и он застонал, добавив еще один выход к алкогольным испарениям и так уже насыщенной атмосферы.

— Случайно есть,— ответил я, открывая окно.— Меня зовут Васька. Ты предпочитаешь какую-нибудь особую марку?

— Остров.

Я не мог вспомнить напитка с таким названием, вероятно, это было имя моего собеседника.

Достав фляжку с самым мощным напитком из моей коллекции, я налил ему полстакана. Он схватил его дрожащими руками и осушил, пока его тело сотрясали судороги. Напиток, должно быть, ему понравился, потому что он сел на койке и протянул стакан за добавкой.

— Через два дня мы сорвемся,— сообщил он, нюхая напиток.— Это на самом деле не краскорастворитель, а?

— Нет, он просто так пахнет, чтобы одурачить военную полицию. А куда?

— Не шути так глупо по утрам. Ты же знаешь, что мы никогда не знаем, по какой планете мы ударим. Безопасность! Или ты служишь в безопасности?

Он подозрительно сощурился, глядя на меня. Надо будет следить за своими вопросами, пока не узнаю побольше. Заставив себя улыбнуться, я налил стакан себе.

— Шутка. Я сам чувствую себя не так уж хорошо. Этим утром я проснулся еще лет-майором.

— А теперь ты — лейтенант. Легко достались — легко расстались.

— Они достались не так-то легко.

— Извини, фигуральное выражение. Я всегда был лейтенантом, так что не знаю, как чувствуют себя другие. Ты не мог бы еще капнуть самую малость? Тогда я сумею одеться, и мы сможем пойти в клуб и выпить по-настоящему. Ведь будет ужасно все эти недели без выпивки, пока вернемся.

Еще один факт, Клизант сражался, в битвах освежаясь водой. Я хотел бы знать: а смог бы я? Отхлебнув из стакана, я подумал,

что настоящий Васька Хулья находится в отеле и будет обнаружен, и я ничего не смогу с этим поделать, потому что нахожусь на этой изолированной базе.

Мне попало не в то горло, и я закашлялся. Остров постучал меня по спине.

— По-моему, это действительно краскорастворитель,— сказал он мрачно, когда я перестал кашлять и принялся одеваться.

Когда мы подошли к Офицерскому клубу, я был далеко не в радужном настроении, в чем Остров, вероятно, винил мое недавнее понижение. Что же делать? Предстояла выпивка... Я буду пить с новоявленными товарищами и одновременно собирать информацию.

Перед тем как отправиться в клуб, я сунул в карман тюбик противоалкогольных таблеток. По одной каждые два часа; они производят массированную изжогу, но также нейтрализуют, попав в желудок, большую часть алкоголя.

Я буду крепко пить и слушать, оставаясь трезвым. Когда мы прошли через кричаще выкрашенные двери офицерского клуба, я незаметно вытащил и проглотил одну таблетку.

Все это было довольно угнетающим делом, особенно потому, что я лил снадобье себе в глотку с такой быстротой, с какой только мог глотать, покупая раз за разом другие и не чувствуя вкуса и действия алкоголя.

Когда подошел полдень, в клубе появились другие офицеры, и вскоре вокруг меня толпилась дюжина других пилотов. Все пили хорошо, но говорили мало чего интересного.

— Пейте, пейте! — настаивал я, подогревая их.— Там, куда мы отправляемся, деньги не нужны.

И покупал еще на круг.

Было, как можно догадаться, много чего сказано о летных характеристиках разных кораблей, и я занес в картотеку памяти все значительные детали. И много трепотни о прежних компаниях.

— Я в штопор... засадил бомбы, взмыл вверх...— и тому подобное.

Единственным примечательным моментом во всем этом была ничем не омраченная история побед. Я знал, что вооруженные силы Клизанта были хорошими, но, глядя на этих пьяниц, было почти невозможно поверить, что они таковыми и были. Но они были — бесконечные хвастливые истории о победе за победой и ни о чем другом, и через некоторое время я тоже стал верить.

Эти парни были хороши, а космическая армада — непобедима. Все это было слишком угнетающим. К вечеру первоначальные питухи буквально отпали, хотя их места быстро занимали другие. И когда один из них соскальзывал на пол, то его сотоварищи бережно его уносили. Я сообразил, что оказался последним из первоначальных, так что никто не заметит, если я отправлюсь на выход в этой, явно традиционной, манере.

Дав своим глазам закрыться, я погрузился глубоко в кресло,

надеясь, что этого хватит, поскольку меня не прельщало упасть на заваленный осколками стекла пол.

Им потребовалось несколько минут, чтобы заметить, что я вообще не функционирую, но все же заметили. Твердые руки подхватили меня под колени и под мышки, и меня вынесли.

Когда они ушли, я открыл глаза и увидел, что нахожусь в сумрачном помещении с нарами вдоль стен. Поблизости от меня находилось зияющее «о» рта храпящего Острова. Другие были не лучше. Никто не заметил, как я натянул перчатки, подошел к двери, ведущей на улицу и выпустил самого себя. Было почти темно, я должен был покинуть лагерь, но не имел ни малейшего понятия о том, как это сделать.

Ворота отпадали. Я прогулялся вдоль стены к первым. Замурованы и закрыты с бдительными часовыми, присматривающими за тем, чтобы с замками не баловались. Я пошел дальше. Вдоль стены, примерно через каждые сто шагов, стояли часовые, и я предполагал, что существует еще немалое количество электронных устройств. С приближением вечера были включены прожектора, освещающие пространство снаружи стен.

Надо признаться, что все это было для того, чтобы помешать кому-либо забраться, но это должно сработать и в обратном смысле.

Я пошел дальше, все еще пытаясь одолеть угрожающую захватить меня черную депрессию. Я прошел через средних размеров участок атмосферных самолетов, мимо двух взлетных полос и нескольких ангаров с набором стоящих поблизости неуклюжих реактивно-транспортных судов. С минуту я подумывал украсть один из них, но где мне приземлиться, не угодив в плен? Я должен был сегодня ночью быть в городе, а не драпать в неведомые края.

Позади самолетов находилась высокая металлическая сеть ограды, отделявшая площадку космических кораблей. Попасть туда было достаточно легко, но что толку? Я видел тянувшуюся в отдалении все ту же высокую каменную стену. В небе раздалось громыхание и ударили снопы ярких огней.

Я обернулся и следил, скрытый во мраке, как дельтокрылый истребитель тяжело заходил на посадку. Он выглядел похожим на самолеты того же типа, что обстреливали «горшок». Когда он приземлился, завизжали шины, и реактивные двигатели на реверсе, а я пустился бежать, хотя идея только наполовину созрела у меня в голове.

Безумно? Наверное. Но в моем деле — воровстве и мошенничестве — научишься полагаться на предчувствие и тренированные рефлексы. И пока я бежал, все части встали на свои места, и я увидел, что это было «оно». Милое, быстрое, чистое и опасное. Такое, какое мне нравилось. Я достал из кармана фальшивые усы и на бегу закрепил их. Истребитель развернулся и покатил на ВПП, а я рысью припустил за ним. Выехала машина встречать пилота и бригада механиков начала обслуживать истребитель. Один

из них подставил лесенку, и фонарь открылся, словно пасть аллигатора.

Я побежал немного быстрее, когда пилот вылез и направился к машине. Он как раз забрался в нее, когда я, спотыкаясь, добежал до машины, и ответил на отданную мне честь. Дородный индивид в тяжелом летном снаряжении в чине майора.

— Извините меня, сэр,— выдохнул я,— но командир приказал мне удостовериться, что у вас есть документы.

— О чем вы толкуете, черт побери?—пробурчал он. Он казался усталым. Я влез на заднее сиденье.

— Значит, вы не знаете? О, боже! Водитель, поезжайте быстрее, как можно быстрее!

Водитель тронул машину, а я вытащил тюбик. Когда мы удалились из поля зрения бригады техников, я поднес его к губам.

— Майор...—произнес я, он повернулся и крякнул. Я дунул.

Он снова крякнул и поднял руку к вонзившемуся в щеку маленькому дротику, а затем повалился вперед.

— Водитель, стой! Что-то случилось с майором.

Водитель, человек явно без большого воображения, быстро взглянул на повалившегося майора и нажал на тормоза.

Как только мы остановились, я сунул ему второй наркодротик, и он отключился, присоединившись к майору.

Я положил обоих на землю и снял с офицера летный комбинезон и шлем. С трудом я смог натянуть его поверх собственного мундира, затем застегнул шлем и натянул темные летные очки. Все это заняло меньше минуты.

Я оставил пару в объятиях друг друга и направил машину обратно к самолету. Пока все шло хорошо. Но это было самой легкой частью. Я нажал на тормоза и остановился на стоянке самолета.

— Срочно!—заорал я, выпрыгивая из машины и подбегая к лесенке.— Отцепите эту штуку, чтобы я мог взлететь.

Механики лишь посмотрели на меня, разинув рты, не делая никаких движений к пуповине проводов и шлангов, соединяющих самолет с системой обслуживания.

Вместо этого какой-то сержант стал работать с рацией, запрашивая кого-то, видимо, о том, что со мной предпринять.

Я взбежал наверх по лестнице. Я ненавидел старых, подозрительных сержантов—становой хребет любой военщины. Теперь мне пришлось тратить время на расстегивание летного костюма и нащупывание под ним карманов.

Несколько гранат с сонным газом вмиг очистили площадку от механиков. Некоторые лежали без сознания, в то время как другие смеялись до одурения. Сержант трусливо оставался за пределами досягаемости и снова взялся за рацию.

Я изучал приборы. Вот! Маленькая черная ручка с надписью «зажигание» на ней. Когда я хлопнул по ней, завыли и загрохотали ожившие реактивные двигатели.

Реактивный фонарь пролетел у меня над головой через откры-

тый фонарь; ругаясь, я пригнулся. Двигая регулятор, я увидел, что сержант стоит на колене, старательно прицеливаясь. Самолет начал медленно двигаться.

Его пушка жахнула снова, и я ощутил вибрацию, когда снаряд зарылся в сиденье, которое, вероятно, было бронировано. Моя первая удача. Я слегка развернул хвост, так что он направился на стрелка. Это поставило броню между нами и дало ему хороший выброс реактивной струи в морду. Самолет взбрыкнул, содрогнулся и снова двинулся вперед, и я увидел, как порванный шланг подачи горючего болтается в струе ветра и выливает жизненные соки. Эти идиоты не отсоединили его. Я не знал, где на этой набитой датчиками приборной панели находится указатель расхода горючего, да и не хотел смотреть на него. Логика говорила мне, что гравитация выкачивала кровь медленнее, чем ее загоняли в баки насосы, но логика не имела к делу ни малейшего отношения. Мне представилось, как реактивные двигатели замирают здесь, посреди поля, пока вражеские силы смыкаются вокруг меня. Я почувствовал, как мое кровяное давление взлетает вверх, как скоростной лифт.

Мой деловой маленький друг — сержант — все еще работал на рации, потому что когда я свернул на взлетную полосу, то увидел, что приближаются несколько грузовиков, чтобы перегородить ее, а на заднем плане рычало что-то подозрительно похожее на бронемашину. Я рванул регулятор до отказа назад и нагнул голову, снова пытаясь прочитать названия на приборной доске.

Того, что я там искал, не было! Зато я заметил еще один ряд кнопок и с трудом разобрал их надписи при плохом освещении. «Исвачивание». Это оно!

Я поднял голову и увидел, что вот-вот врежусь в первый грузовик. Солдаты выскочили из него и разбежались в разные стороны.

Мои ноги лихорадочно жали педали, пока я нащупывал колесные тормоза, и я с силой бросил руль вправо до отказа. Наконец я нашел тормоза и надавил на правый, проделав вызывающий содрогание поворот. Примерно полметра обшивки с конца крыла было содрано о радиатор грузовика.

Возникла оранжевая вспышка, когда кто-то опять выстрелил по мне, но я понятия не имел, куда угодил заряд. Затем самолет развернулся, и я понесся в обратном направлении. На этот раз уже на полной скорости.

По обеим сторонам мелькали огни ВПП все быстрее и быстрее, я же вынужден был держать штурвал одной рукой, в то время как другая нащупывала ремни снаряжения. Одна пряжка отсутствовала, и уже приближался конец ВПП, прежде чем я обнаружил, что сижу на этой пряжке.

Я защелкнул ее на свое место и схватил штурвал двумя руками, когда соскочил с ВПП.

Самолет не набрал взлетной скорости и не оторвался, когда я потянул штурвал на себя.

Затем я поскакал по шрейдерованной земле, направляясь прямо к той каменной стене, на которую смотрел весь этот вечер.

Все быстрее и быстрее, к верному столкновению.

Своевременность должна быть абсолютно верной. Слишком рано или слишком поздно — было бы одновременно гибельным, совершенно равнозначным. Когда стена обрисовалась перед самолетом и я смог разглядеть швы между блоками, я посчитал, что теперь будет в самый раз, и трахнул по кнопке катапультирования.

Бам! Все произошло слишком стремительно. Прозрачная шторка защелкнулась перед моим лицом, все еще не закрытый до конца фонарь полетел вместе с треском выстрела, а сиденье хлопнуло меня с такой силой, что позвоночник сократился вдвое. Почти как в замедленной съемке я поплыл вверх и прочь от самолета и отвратительно долгую секунду видел перед собой голый камень стены. А затем перелетел ее, и впереди было только черное небо.

В самой высокой точке моей дуги за моей спиной снова раздался треск и, подняв взгляд, я увидел развернувшийся надо мной купол. После этого зубодробительного полета сиденье ударилось о землю и перевернулось. Купол парашюта медленно опустился и завернул меня в свои мягкие складки.

Я обязан, к сожалению, сообщить, что в тот момент вообще ничего не делал. События развивались даже быстрее, чем я планировал. И итог был просто ошеломляющим.

Я разинул рот, жадно глотая воздух, покачал головой, и наконец мне хватило здравого смысла, чтобы ударить по кнопке экстренного освобождения и сбросить ремень. После этого я, держа голову низко к земле, выбрался из-под парашюта.

Мужчина и женщина стояли на другой стороне улицы и пялились на меня. Больше никого не было видно. С другой стороны темной стены пламя освещало небо, валился дым, я слышал взрывы рвущихся боеприпасов. Здорово!

— Испытание нового снаряжения! — крикнул я зрителям и, повернувшись, скрылся из виду за углом. В темном подъезде я стащил с себя летный комбинезон и бросил поверх него шлем. Неопознаваемый и свободный, я зашагал к отелю «Работник».

— Блестяще сработано! — сказал я себе одобрительно.

И в этот момент сообразил, что теперь был вне базы и должен найти способ вернуться туда до рассвета, но я быстро выбросил эту мысль из головы. В первую очередь нужно было отделаться от настоящего Васьки Хульи до того, как на него выйдет Безопасность. Я должен это сделать, чтобы взять себе его роль.

Когда я вошел, он метался в постели, мотая головой из стороны в сторону. Гипнотический транс истощался, и он боролся со сном. Робот-уборщик убирал номер и пытался заправить постель вместе с лежащим Васькой. Я двинул ему сапогом по кнопке «вернуться позже» и заказал обед на двоих.

Чтобы отвлечь Васькино подсознание от беспокойства, я сделал ему сильное внушение, что он промышлял два дня без еды

и что это был лучший обед, который он когда-либо получал за свою жизнь.

Он причмокивал, похохатывал и урчал от восторга, когда ел, а я просто ковырял свою еду. В конце концов я отодвинул тарелку и заказал крепкий напиток, в надежде на то, что алкоголь стимулирует или спрессует мои мысли в какой-нибудь четкий план.

Что делать с моим спутником, счастливо запихивающим в рот еду? Его существование является постоянной угрозой моему, в существующем порядке вещей было место только для одного Васьки Хульи. Убить его? Это было легко сделать.

Расчленить в ванной комнате и подбросить части его тела вместе с галлонами крови в легко конструируемую дуговую печь, и от него останется лишь пригоршня золы. Искушение было велико, он, разумеется, убил за свою короткую жизнь достаточное количество людей и мог назвать это даже правосудием... Но недостаточно велико. Хладнокровное убийство — не мой стиль. Я убивал в порядке самообороны, не стану отрицать, но все же сохранил преувеличенное уважение к жизни во всех ее формах. Теперь, когда мы знаем, что по другую сторону неба находится только большое небо, идея о загробной жизни окончательно перекочевала в исторические романы вместе с остальными причудливыми и забытыми религиями.

С исчезновением ада и рая мы столкнулись с необходимостью создания ада и рая прямо здесь. Что ж, с наукой, метатехнологией и вспомогательными дисциплинами мы прошли длинный путь, и жизнь на цивилизованных планетах лучше, чем была когда-либо в темные времена суеверий. Но с улучшением, здесь и сейчас, происходило четкое осознание, что это все, что у нас есть. У каждого из нас есть только этот короткий опыт с ярким светом знаний в этой бесконечной темной ночи Вселенной, и мы должны уважать существование всех остальных, и самый преступный акт, какой только можно вообразить,— это прекращение жизни одного из этих сознательных существ.

Клизантцы думали иначе, поэтому я наслаждался, подкидывая им гравий в буксы, но я все равно думал так. Это означало, что я не мог найти легкого выхода, низведя заляпанного подливкой Ваську до составляющих его молекул. Если бы я это сделал, то был бы ничем не лучше их, и попал бы в старую игру с целями, оправдывающими средства, и начал бы скатываться по наклонной плоскости. Я вздохнул, выпил, и рисовавшийся мне чертеж дуговой печи исчез.

Ну, а что же тогда? Я мог покончить с ним и по-другому, приковав его в пещере с автоматическим пищераздатчиком, если бы у меня имелась пещера и все прочее. Отпадает. Будь у меня время, я мог бы с тяжким трудом изменить ему внешность и всадить ложную память,— этого бы хватило по крайней мере месяцев на шесть, потом наладить его в тюрьму, или трудовой отряд, или еще куда-нибудь, но у меня не было времени.

Я должен был закончить до утра — или даже раньше, если не

хотел отбросить всю уже проделанную мной работу по созданию ложного Васьки. Они, вероятно, сейчас занимаются перекличкой, так что мне на самом деле следует скорее подумать о способе попасть обратно в «Глупость», чем беспокоиться о своем свинячьем спутнике.

Я заметил, что живот у него стал вспучиваться, и отключил ему аппетит. Он откинулся на спинку стула, вздохнул и рыгнул, не без причины. У противоположной стены раздался шорох, когда открылась панель, и вкатился робот-уборщик.

— Нельзя ли мне устроить вам хорошую чистку?—прошептал он сексапильным контральто.

Я сказал ему, «что» он мог делать, но он не был оборудован, чтобы выполнять такого рода приказы, и только щелкал и жужжал, пока я не приказал ему заняться своей работой. Я мрачно следил за ним, когда он суетился вокруг и убирал постель — и во тьме вдруг забрезжила первая искра идеи.

Васька оставался в «Работнике» целый день без всяких неприятностей. Сколько же можно было держать его здесь? Теоретически вечно, если будет внесено достаточно денег на счет за номер. Но его нельзя было продержать под гипнозом больше, чем день-другой, если я не буду подкреплять внушение. Или можно?

Прежде, чем мне можно будет принять окончательное решение, я должен найти центр управления отелем. Но эта идея может оказаться правильной.

Я оставил Ваську смотреть телевизор, по которому показывали космическую оперу, внушив, что это было самое прекрасное из виденных им зрелищ, что, вполне возможно, было правдой. Нагрузившись инструментами, я отправился побродить. Позади номеров должна быть служебная лестница роботов, но она, несомненно, была маленькой, темной и пыльной. Она была последней надеждой. Как бы ни был механизирован отель, построили его люди, и они могли ремонтировать его, если понадобится.

Я быстро пошел по нижним коридорам и неподалеку от входа обнаружил скрытую дверь с замаскированной скважиной. Она имела все признаки, чтобы поддерживать байку о стопроцентной самоуправляемости отеля. Я потратил много времени, чтобы убедиться в отсутствии «клопов», и гораздо меньше на сам замок двери — не замок, а смехота. В поле зрения никого не было, когда я проскользнул через дверь и закрыл ее за собой.

Я чувствовал себя тараканом внутри радио. Электронные блоки выпучивались и выпирали со всех сторон, кабели и провода завивались в кольца, и провисали в изобилии электроспагетти. Катушки с лентами щелкали и жужжали на компьютерах. Реле размыкались, замыкались, дребезжащий звук издавали зубчатые передачи. Это было очень деловое место.

Я шел, изучая поясняющие надписи, перешагивая через сундуки, в которых отдыхали сменившиеся с дежурств роботы, до тех пор, пока не нашел то, что можно было назвать центром управления.

Там было сиденье перед пультом, сработанное для человеческого тела, и я свалился в него. Затем приступил к работе. Путешествуя через эти механико-электрические джунгли, я обмозговал другой план и знал, что теперь следовало делать. Сначала надо было обезвредить электронных «клопов» в Васькином номере. Я не хотел, чтобы за ним наблюдали и подслушивали.

А время шло быстро. Все цепи подслушивания сходились и исчезали в кабеле, проходящем сквозь стену и ведущем в местный полицейский участок или иное государственное учреждение, что и подало мне полезную идею.

У меня не было времени всаживать ленту и звуковую дорожку, которые стали бы подкачивать в сеть подслушивания липовую информацию, так что мне пришлось импровизировать. Это было проделано достаточно легко, путем скармливания сигнала цепи подслушивания соседнего номера в провод из номера Васьки.

Судя по тому, как тут все было оборудовано, очевидно, что «клопы» применялись для слежения только за одним номером зараз, по причинам, лучше всего известным строителям всего этого. Существовал примерно один шанс из десяти тысяч, что когда-нибудь заметят, что из двух номеров идет один и тот же сигнал. И это соотношение было достаточно хорошим для меня.

В любом случае, свыше половины номеров пустовало, что еще больше улучшало соотношение.

Теперь Ваську не могли ни видеть, ни слышать. За номер и связанные с ним удовольствия заплачено, но прежде, чем уйти, я оставлю достаточное количество денег (все краденые), чтобы протянуть, если понадобится, весь год.

Теперь нужен был план, как удержать Ваську в номере на данный отрезок времени, и я сообразил. К цепи громкоговорителя был подключен магнитофон, таймер, и все это было надежно спрятано. Я запрограммировал магнитофон, поставил таймер и включил его. А затем бросился в номер послушать и посмотреть, как мое творение будет работать.

Васька все еще сидел, приклеив взгляд к телевизору, он глубоко вздыхал, когда космические корабли сцеплялись в лихорадке разрушения. Шипели бласто-пушки и бушевали бешеные вихри энергии, и сквозь все это прорезался мой записанный голос:

— А теперь слушай, Васька. У тебя был трудный день, и ты хочешь спать. Ты зеваешь. Теперь ты собираешься выключить свет и отправиться на боковую, ибо завтра будет новый день.

И это была большая ложь. Ибо завтра не будет нового дня, во всяком случае для дорогого Васьки. Снова будет все то же самое сначала. Он будет крепко спать, а во сне ему объяснят, что нужно забыть этот день, чтобы он мог проснуться в утро своего последнего дня в увольнении перед явкой на действительную службу.

Он проснется с легким похмельем, будет лежать в номере — читать, дремать, смотреть телевизор, потом опять пойдет спать пораньше. Он будет наслаждаться...

И так будет продолжаться, пока не нарушится программа.

Это был чудесный план и, насколько возможно, защищенный от дурацких случайностей. Я скормил половину своих ликвидных фондов в платный хоппер, и баланс настенного индикатора подскочил до огромной суммы.

Медленно и счастливо я вышел из номера и повесил на дверь табличку «Не беспокоить».

А затем я впал в депрессию, снова зажег свет и огляделся в поисках бутылки, которая снабжала меня таким интенсивным вдохновением. Васька отлично позаботился о них.

Но как я вернусь на базу с ее втройне усиленной охраной?

Та высокая каменная стена вырисовывалась в моем мозгу такой же большой, как и в действительности. Я наделал много шуму, перебираясь через нее, и поднял по тревоге всех. Было бы очень мило, если бы я мог вернуться без чьего-либо ведома, прокравшись под ней. Но не могло быть и речи о подкопе.

Угнать самолет, перелететь и спрыгнуть на парашюте? И быть подстреленным прежде, чем коснешься земли. Чтобы проникнуть на базу или покинуть ее, не могло быть более неудобного момента. Часовые будут бдительны вдвойне, а вся база будет кишеть солдатами. Это давало мне ключ к тому, что мне требовалось сделать. Обратить их силы против них же, использовать их многочисленность, чтобы нанести им поражение — дзю-до в гигантских масштабах. Но как?

Ответ пришел достаточно быстро, коль скоро проблема была правильно поставлена. Я собрал требуемое снаряжение, оно было довольно объемистым. Затем сложил его в большой чемодан и снабдил его аппаратурой саморазрушения.

Понадобится другое обличье, ну, это несложно.

Доверху застегнутое пальто скрыло мой мундир, моя пилотка отправилась в карман, замененная широкополой шляпой, а моя старая, верная, седая борода надела на лицо намордник анонимности. Я был готов. Глубоко вздохнув, я выпил немного и выскользнул из номера, заперев за собой дверь и сунув ключ в карман. Проходя мимо мусоропровода, я бросил его туда. Отойдя на приличное расстояние от отеля, я взял робототакси.

— База «Глупость», главный вход,— приказал я, и мы покатили.

Безумие? Возможно, но это был единственный способ.

Не то чтобы у меня на душе не скребли кошки, рвавшиеся на свободу. Этого только и надо было ожидать, когда мы катили по главной улице под высокими фонарями к подозрительным тяжеловооруженным часовым. Рассвет уже высветлял небо.

— База закрыта! — заорал лейтенант, распахивая дверцу такси.— Что вы здесь делаете?

— База? — произнес я дрожащим голосом, с очень плохой имитацией стариковского фальцета.— Разве это не Центр Морковного Сока для естественного здоровья? Это такси привезло меня неправильно...

Официозный лейтенант фыркнул и отвернулся, а я прокатил парочку гранат между его кривых ног. И швырнул еще пять вслед за ними. Когда рванули первые, я натянул противогаз поверх своей шляпы.

Ого, а обстановка-то стала деловой. Гранаты были прекрасным коктейлем из затемняющего сознание газа, дыма и веселящего газа.

Ослепшие, смеющиеся, ругающиеся, кашляющие солдаты спотыкались и падали, раздалось несколько выстрелов. Я проложил себе дорогу через их расстроенные ряды, сея на ходу еще большую панику. Добравшись до главных ворот, я поставил свой чемодан и открыл его. Коммулятивные заряды имели клеевую основу, и я пришлепнул их к стальным воротам.

Реактивный снаряд разлетелся о ворота, и осколки порвали мне пальто. Я рухнул наземь, выхватил две дымовые гранаты и метнул их сзади себя. Как раз когда стал подниматься дым, я мельком увидел приближающийся бегом отряд солдат, все еще находящихся за пределами загазованного района и стреляющих на бегу.

Еще две бомбы, с затемняющим газом, брошенные мной, сильно помогли. Я нащупал капсюли и соединил их с радиовзрывателем.

Время уходило слишком быстро. Теперь они и за воротами подняли тревогу и будут меня ждать. Но я зашел уж слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Я на ощупь закрыл чемодан, схватил его в охапку, осторожно проследовал вдоль стены и нажал кнопку передатчика у себя в кармане. За спиной раздался взрыв и лязг стали. Будем надеяться, в воротах прожгло отверстие.

Я, спотыкаясь в этом бедламе и темноте, вернулся к воротам.

Дыра там была, что и говорить, хорошая дыра, с проблесками света по другую сторону, когда дымовое облако заклубилось сквозь нее. Позади меня раздались вопли солдат. Эти дурни стреляли друг в друга, помогая распространять посеянную мной панику.

Держась в стороне от линии огня из-за ворот, я швырнул в отверстие гранату, потом еще одну, еще, еще... И когда дым рассеялся здесь, а там достиг предельной густоты, пролез сам как можно быстрее. Выли сирены, орали солдаты, лаяло оружие,— были страшная суматоха и шум. Я бросил несколько гранат веером, бросая как можно дальше, чтобы расширить район поражения.

Мина ликвидации чемодана, которую я включил, имела пятисекундную задержку. Швырнув чемодан, я бросился в противоположную сторону. Я прокрался вдоль стены к караульной будке. Около нее, как я заметил раньше, было припарковано несколько машин. Я молил бога, чтобы на месте оказалась хоть бы одна. Я швырнул еще две гранаты и, услышав звук запускаемого мотора, забыв об осторожности, побежал. Кто-то врезался в меня

и тяжело упал, но я удержался на ногах и продолжал бежать. Затем я споткнулся о край тротуара и упал. Мотор зарычал громче, и тут я увидел за краем дымовой завесы приземистый фургон.

Он разворачивался, готовый двинуться вперед по дороге, и я бросил вперед как можно дальше две гранаты. Водитель нажал на тормоза, когда перед машиной выросли грибообразные облака, а я очутился у дверцы и рывком открыл ее.

Он был в белом облачении повара. Я выволок его, ударив правой ногой по отвисшей челюсти. Потом сел на место водителя и уменьшил скорость, чтобы немного передохнуть.

Вдруг мою голову охватила дикая боль. Фургон понесся на взвод солдат... Что-то мелькнуло за моей спиной, и я дернулся в сторону, так что следующий удар пришелся по плечу. Из задней части фургона высунулась рука в белой перчатке, сжимавшая тяжелый котелок. Я с силой крутанул руль, и рука исчезла. В спешке я забылся — ведь в фургоне могли быть солдаты.

Перед фургоном у стены стоял перепуганный офицер. Я снова повернул руль и едва-едва объехал его. Мы хорошо разглядели друг друга. Мой противогаз и борода наверняка произвели на него впечатление, и он, вероятнее всего, доложит об этом по своей рации.

И вдруг снова появилась рука с котелком. Я рубанул по ее запястью ребром ладони и схватил котелок. И как только я заехал за угол, тут же бросил котелок обратно его владельцу вместе с гранатой, заставив, по крайней мере, на время затихнуть. Я заметил пару бронемашин, едущих в моем направлении. Я резко свернул на перекрестке и решил, что от фургона надо как-то избавиться.

Ну, а что потом? Я не хотел быть обнаруженным вдалеке от своей квартиры — это немедленно вызовет подозрения, а офицерские казармы находились в противоположном направлении. Но Офицерский клуб был не слишком далеко. Смогу ли я попасть туда? Было ли возможно, что пьяные офицеры после веселой попойки все еще лежали на нарах, где я их оставил? Это был слишком хороший шанс, чтобы упустить его, потому что если я смогу вернуться на свои нары, то, конечно, буду вне подозрений.

Это было достаточно близко. Были машины, мчавшиеся ко мне и, несомненно, еще больше позади меня, но ни одной не было близко в данный момент. На ходу я терял свой маскарадный костюм: пальто, противогаз, борода отмечали мой путь.

Я запихнул оставшуюся гранату в карман, натянул пилотку, расправил ее на военный лад и строевым шагом завернул за угол. Отделение солдат высыпало из казармы и строилось в ряд, но они игнорировали меня — всего лишь еще один мундир среди тысяч мундиров.

Офицерский клуб был недалеко. Я знал, что вход в помещение будет открыт. Подходя, я услышал разговор солдат:

— Это все?

— Осталось несколько человек, сэр. Двое, которых трудно разбудить, и еще один, который не желает слезать с нар.

— Я с ним поговорю.

Я прибыл слишком поздно. Солдаты, под предводительством офицера, выводили хмельных офицеров к фургону.

Думай быстрей, ди Гриз, время истекает. Я бросил гранату. Раздался взрыв. Несколько солдат рухнули на землю. Я также прикинулся раненым. Уцелевшие солдаты подняли меня и подвели к фургону. Но что делать с раной на голове,— ведь повар доложит, что он меня ударил. Придется грохнуться по-настоящему. Я сделал вид, что упал.

Солдаты помогли мне подняться по лесенке в фургон. Как только они меня отпустили, я промахнулся мимо следующей ступеньки и рухнул назад между ними, треснувшись головой о землю.

Я ударился сильнее, чем планировал, и на миг, должно быть, отрубился. Когда я пришел в себя, то сидел с лицом, залитым кровью. Я этого не планировал, но это добавило к маскировке хороший штрих. Ко мне бежал солдат с полевой аптечкой.

Меня забинтовали и помогли забраться в фургон; чувствовал я себя ужасно. Я сел как можно дальше от входа, и тут меня окликнули:

— Васька!..

Мой напарник Остров был тут как тут и выглядел помятым и несчастным.

— Выпить нет?—спросил он. Это явно было его ритуальным утренним приветствием.

Увы, я выразил ему свои соболезнования, так как спиртного при мне не было. Нас высадили из фургона, затем стали вызывать по одному на собеседование.

Я предъявил чиновнику свое удостоверение и надеялся, что нам позволят уйти, но не тут-то было.

Передо мной возник офицер в мундире из бледно-серой ткани. Я не мог вспомнить, где раньше видел его. Волосы песочного цвета, слегка редеющие на макушке, нарождающаяся складка жира и двойной подбородок, чисто выбритое лицо. Когда он заговорил тоном старого школьного учителя, все присутствующие офицеры хранили мертвое молчание.

— Офицеры, некоторые из вас, то есть бывшие достаточно трезвыми, могли слышать взрыв и видеть облако дыма по пути сюда. Этот взрыв был произведен лицом, проникшим на военную базу и все еще находящимся на ее территории не замеченным в нашей среде. Мы ничего не знаем о нем, но подозреваем, что он — инопланетный шпион.

Это, как и можно было предполагать, вызвало аханье и ропот, и серый человек подождал с минуту, прежде чем продолжить:

— Мы проводим интенсивные поиски этого шпиона. Поскольку вы, господа, находились в непосредственной близости от места происшествия, я намерен побеседовать с вами по одному, чтобы выяснить, что вам известно.

Меня вызвали третьим не случайно. На каком основании? Об-

щее сходство в телосложении с инопланетным шпионом Пасом Ратунковским? Бинт? Какая-то основа для подозрений, должно быть, существовала. Я отдал честь, и он указал на стул рядом с письменным столом.

— Почему бы вам не подержать это, пока мы беседуем? — произнес он рассудительно, передавая мне серебряное яйцо датчика детектора лжи.

Я просто посмотрел на него с интересом — как будто не знал, что он передает жизненно важную информацию в находящийся перед ним детектор лжи, и стиснул его в ладонях.

Я попался! Он меня раскрыл! Он знает, кто я, и играет со мной.

Он посмотрел глубоко в мои налитые кровью глаза, и я заметил, что его рот слегка скривился от отвращения.

— У вас была еще та ночка, лейтенант Хулья? — спросил он меня, глядя на лист бумаги и на показания детектора лжи.

— Да, сэр, знаете... Выпил несколько рюмочек с ребятами.

Именно это я произнес вслух. А про себя я подумал: они застрелят меня прямо в сердце! Я представил себе, как этот жизненно важный орган выплескивает в грязь мою живую кровь.

— Я вижу, вас недавно понизили в звании. Где ваши взрыватели, Пас Ратунковский?

«Я устал... как бы мне хотелось оказаться в постели», — подумал я.

— Взрыватели, сэр? — моргнул я своими красными гляделками и, подняв руку, чтобы почесать голову, коснулся бинта и решил — лучше не стоит. Его серые глаза впились в мои, и на миг я уловил за его кажущимся спокойствием силу и гнев.

— Как вас ранили в голову? Мы ищем инопланетного шпиона, а у него похожая рана.

— Я упал, сэр, меня, должно быть, кто-то толкнул перед фургоном. Солдаты сделали перевязку, спросите у них...

— Уже спросил. Напились, упали, опозорили офицерский корпус. Убирайтесь и почиститесь, вы вызываете у меня отвращение. Следующий.

Я нетвердо поднялся на ноги, не глядя в пронзительные буравчики этих холодных глаз, и пошел было, словно забыл про прибор в своих руках, а затем вернулся обратно и уронил его на стол, но он склонился над документами, игнорируя меня. Я разглядел слабый шрам под редкими волосами на его лысенькой макушке и ушел.

Чтобы одурачить детектор лжи, требуется умение, практика и тренировка. Все это у меня имелось. Это можно сделать только при определенных обстоятельствах, а теперешние были идеальными. Внезапный допрос без проведения тестов на нормальную реакцию субъекта. Таким образом, я запаниковал прежде, чем были заданы вопросы. Все это должен был выразить красивый пик на его самописце. Я боялся. Но когда он задавал вопросы, предназначенные для разоблачения шпиона, я расслаблялся, потому что я их ждал, и прибор показывал это. Вопрос был бессмыслен для

каждого, кроме инопланетного шпиона. Коль скоро он увидел это, допрос кончился, у него было еще много работы.

Остров сидел с большими глазами, словно блюдца, когда я вернулся и плюхнулся на скамейку рядом с ним.

— Чего он хотел? — проговорил он глухим шепотом.

— Не знаю. Он спросил меня о чем-то там, чего я не знаю, а потом все кончилось.

— Надеюсь, он не захочет побеседовать со мной.

— Кто он?

— Разве ты не знаешь? — спросил он.

— Но я же недавно сюда прибыл...

— Но все знают Края.

— Так это он? — ахнул я и постарался выглядеть столь же испуганным, как он, и это, кажется, сработало.

Я поднялся и пошел в уборную, чтобы прекратить разговор. Все знали о Крае.

Кто же такой Край?

Приказ к отправке на вторжение пришел, как панацея от всех бед; лучше уж «милая спокойная» война, чем подозрения и страхи, волновавшие базу «Глупость» в последние дни. Были внезапные инспекции, ночные обыски, постоянные тревоги... Я бы гордился своими усилиями по посеву семян беспорядка, если бы и сам не был одновременно его жертвой. План вторжения, должно быть, зашел слишком далеко, чтобы изменять его, потому что посреди всего этого волнения мы все еще придерживались расписания. В день «X» минус два дня все бары были закрыты, так чтобы мог начаться процесс протрезвления войск. Немногие неохочие, включая меня и Острова, припрятали бутылки, позволяющие нам протянуть еще немного, но даже и они кончились. Наши сундуки и чемоданы отправили на хранение, а нам выдали заранее упакованные боевые ранцы. У меня имелась банка порошкового спирта, замаскированная под зубной порошок, приберегаемый мной на черный день, который не замедлил наступить при мысли о грядущих неделях без выпивки,— так что мы с Островом прикончили мой «зубной порошок» в день «X». После очередной ночной проверки нас обыскали и направили в район вторжения.

Нас вызвали по одному и отправили по назначению.

Вначале я думал, что это довольно глупый способ организовывать вторжение: никаких планов, никаких тренировок, никаких маневров — ничего. Наконец до меня дошло, что это был идеальный способ устраивать вторжение, которое мы желали сохранить в тайне. Пилоты были с большим стажем. Солдаты были готовы драться. Снабжение было налажено хорошо. А где-то наверху находились запертые боксы с планами, лентами курсов и тому подобным. Все это не будет открыто до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности, с работающими двигателями искривления пространства, когда все средства внешней коммуникации не станут бесполезными. Все это облегчало нам жизнь, то есть в первую

очередь мне, поскольку я достаточно знал, что полагалось знать клизантцу.

Я был очень доволен, что мне поручили пилотировать десантный транспорт. Это была роль, которую я мог выполнить с честью. Остров влез в навигационную рубку спустя несколько минут после меня и объявил, что будет моим вторым пилотом.

— Чудесно,— сказал я.— Ты сколько часов налетал на одном из этих транспортов класса «Павиан»?

Он признался, что немного, но я ободряюще похлопал его по плечу.

— Тебе повезло. В отличие от большинства первых пилотов, твой старый дядя Васька не эгоист. Для старого собутыльника нет жертвы, которую он не был бы готов принести. Я позволю тебе произвести взлет, а если ты проделаешь его хорошо, как я надеюсь, то могу позволить тебе совершить и посадку. А теперь дай-ка мне список пассажиров.

Его благодарность не имела границ. Он признался мне, что приберег свою авторучку на по-настоящему черный день, поскольку она заправлена 200-процентным спиртом, и мы оба пустили себе струю. И уже с чувством удовлетворения и опаленными глотками мы следили, как солдаты проходят строевым шагом и вливаются в погрузочные шлюзы далеко внизу. Спустя несколько минут в навигационную рубку вошел, печатая шаг, седовласый полковник.

— Пассажирам сюда вход воспрещен,— сказал я.

— Заткните пасть, лейтенант. У меня ваши ленты с курсом.

— Ну, так не позволите ли мне получить их?

— Что? Вы, должно быть, либо с ума сошли, либо шутите.

— Я, должно быть, на грани, полковник, мало спал.

— Да?— слегка смягчился он.— Я полагаю, должны делаться допуски. Для всех это было нелегко. Но теперь все это у нас позади. Победа Клизанту!

— Победа Клизанту!— отдали мы дань ритуалу. В последние пару дней это происходило часто. Полковник посмотрел на часы.

— Почти время. Приготовьте командную цепь,— приказал он.

Я кивнул Острову, который немедленно нажал нужную кнопку. На экране появилось сообщение — «есть готовность». Мы встали. Затем надпись стала мигать и сменилась четкими буквами — «установить курс». Полковник достал из сумки контейнер с лентами, и нам пришлось расписаться, как свидетелям, на бланке, гласящем, что лента, когда мы ее получили, была запечатана.

Остров вставил ленту в компьютер, и полковник удовлетворенно хмыкнул, выполнив свою работу, и собрался уходить. На пороге он сделал прощальный «выстрел» через плечо:

— И чтобы никаких этих приземлений на 10-Ж, которые вы, дебильные пилоты, кажется, очень обожаете. Если это случится, я отдам вас обоих под военно-полевой суд.

— Твоя мамаша вяжет свитера из мусора! — крикнул я вслед, разумеется, когда дверь за ним закрылась.

Ждать да догонять — обычное дело для всех вооруженных сил, и именно этим мы и занимались в дальнейшем. Список пассажиров был сверен, и мы видели, как взлетают другие корабли, пока не улетело большинство. Транспорты отправлялись последними. Зеленый сигнал «взлет» появился как облегчение. Мы были на пути к безымянной планете, вращающейся вокруг неизвестного солнца. Лента сообщила компьютеру, куда мы направляемся, но не снизошла до того, чтобы уведомить нас.

Этот покров секретности продолжался вплоть до самого вторжения. Мы были в пути семь дней, выпить было нечего, корабль пилотировался компьютером, а замороженные пайки — едва съедобны. Без удручающего воздействия алкоголя Остров был менее чем блестящим собеседником. Чем бы ни начинался разговор, он непременно кончался повторяющимися анекдотами о его школьных днях.

Поскольку корабль был полностью автоматизирован, мы с Островом были единственными членами экипажа. Единственная дверь в помещение для солдат была закрыта, и ключ имелся только у полковника. Он навестил нас разок-другой, что не вызвало у нас никакого удовольствия. На седьмой день он стоял у нас за спиной, прожигая мне взглядом затылок, когда мы вышли из подпространства обратно в нормальный космос.

— Возьмите это, проверьте здесь, распишитесь тут,— рявкнул он, и мы все это проделали, прежде чем он сломал печать на плоском футляре. На нем было начертано большими красными буквами — «вторжение», что означало — скоро будет жарко. Желтоватое солнце ярко сияло с одной стороны, и голубая сфера планеты находилась с другой.

Полковник прожигал эту планету взглядом, как будто хотел протянуть руку, сграбастать и откусить от нее.

Вторжение началось. Большая часть флота была впереди нас, затерянная в ночи космоса и видимая только эпизодически, как сеть искр, когда они меняли курс. Наша эскадра транспортов держалась вместе, автоматически следуя курсом, установленным флагманским кораблем, и планета росла на наших экранах.

С этого расстояния она выглядела достаточно мирной, хотя я знал, что передовые части флота должны к этому времени уже атаковать.

Я не дожидался с нетерпением этого вторжения — кто, кроме сумасшедшего, может наслаждаться перспективой надвигающейся войны? Я считал, что межпланетные войны по-прежнему невозможны, несмотря на тот факт, что теперь сам участвовал в таковой. Я чувствовал себя человеком, который, увидев в зоопарке экзотическое животное, сказал: «Никакого такого животного нет». Межпланетные вторжения попросту не удавались.

Межпланетные силы мчались вперед, могучая армада указывала на неправильность моей теории. Когда безымянная планета

стала становиться все больше и больше, заполняя экраны, я увидел первые признаки войны: крошечные искорки света на ночном полушарии. Остров тоже увидел, замахал руками и закричал:

— Дайте им, ребята!

— Заткнись и следи за приборами,— зарычал я, вдруг возненавидев Острова. И сразу же пожалел. Он был продуктом своей среды. Он был измордован военной школой-интернатом, в которую его запихнули в младенчестве и о которой он, по какой-то неизвестной причине, все еще был хорошего мнения, хотя все рассказанное им носило депрессивный или садистский характер.

Его воспитатели никогда не задавались вопросом, верить ли, что Бог создал Клизант намного лучше всех других планет и что им следовало позаботиться о неполноценных расах. Просто изумительно, во что верят люди, если их умело обрабатывать. Затем нас высвободили, транспорты, рассеявшись, заходили на свои цели.

Я возился с рацией и молчал, проклиная клизантскую страсть к секретности. Вот я приземляюсь на корабле, нагруженном войсками, и даже не знаю, куда.

Все, что я знал, это то, что сначала прошли корабли-разведчики и посадили радиомаяки. Я имел частоту и сигнал, который должен поймать, а запеленговав его, навести корабль и приземлиться. И я знал, что целью был космопорт. Вместе с последней инструкцией я получил несколько больших и четких фотографий — клизантские шпионы поработали усердно, были видны космопорты и сверху, и с земли. Большое здание космопорта, а рядом — большое красное «X» — место, на которое я должен был посадить свой корабль как можно ближе к этой отметке. Прекрасно.

— Есть сигнал!

— Пристегнуть ремни — вот мы и прибыли,— сказал я Острову и скормил инструкции компьютеру. Он почти мгновенно выработал орбиту приземления и включил главные реактивные двигатели.

— Дай полковнику предупреждение, а затем кинь ему сообщение о расстоянии и высоте, пока я заведу корабль на посадку.

Мы падали к терминатору, летя в зарю. Компьютер прицепился к маяку и спускал нас по плавной, осторожной дуге. Когда мы пробились сквозь облачный покров и земля стала видна далеко внизу, я заметил первые признаки сопротивления. Вокруг нас возникли черные облака взрывов.

— Они стреляют в нас? — охнул потрясенный Остров.

— Ну, это же война, не так ли? — Я думал, что ж он за ветеран, если его тошнит от редкого зенитного огня. Я врубил перехват управления, отключив главные реактивные двигатели. Мы падали в свободном полете, и следующие взрывы появились выше и позади нас, так как компьютер вооружения был выключен из игры нашей посадкой.

Я увидел космопорт далеко внизу и врубил боковые двигате-

ли, чтобы переместиться в нужном направлении. Но мы все еще садились. Показания нашего радарного альтиметра скармливались нашему компьютеру, продолжавшему предупреждать о близости земли. Я быстро дал ему программу — придерживать торможение как можно дольше, чтобы опустить нас на землю при 10-Ж. Это означало, что мы будем падать на максимальной скорости и за минимальное время, что уменьшит возможность попадания в корабль. И я хотел, чтобы полковник получил 10-Ж, о которых он говорил, предупреждая нас.

Реактивные двигатели выключились, вдавив нас в кресла.

Следя за экраном, я увеличил боковое перемещение. После этого вся тяжесть управления кораблем легла на широкие плечи компьютера, который справлялся просто прекрасно, выключив двигатели как раз тогда, когда захрустели амортизаторы опор. Как только двигатели замерли, я ударил по кнопке выгрузки, и корабль задрожал от выброшенных трапов и пандусов.

— На этом наша роль закончена,— сказал я, расстегивая ремни и потягиваясь.

Остров присоединился ко мне у иллюминатора, и мы следили, как солдаты слетали по трапу и бежали в укрытие. Они, казалось, не несли вообще никаких потерь, что было удивительно. Поблизости было несколько бомбовых кратеров и кучи щебня, в то время, как истребители-бомбардировщики все еще ревели на малой высоте, обеспечивая нам прикрытие. Но казалось невозможным, чтобы сопротивление было сломлено так быстро.

Это могло быть ответом, объясняющим успехи клизантских вторжений: знай выбирай планеты, созревшие для нападения. Я сделал несколько памяток, чтобы не забыть узнать об этом. Далеко, позади солдат, на командной машине, ехал полковник. Я надеялся, что его кишки все еще были спрессованы от моего приземления.

— А теперь мы должны найти выпивку,— заявил Остров, предвкушающе чмокая губами.

— Пойду я,— беря из пирамиды личное оружие и пристегивая его на пояс.— Ты остаешься с рацией и сторожишь корабль.

— Именно это всегда и говорят первые пилоты,— пожаловался он так, что я понял, что приказал правильно.

— Привилегия командира. Когда-нибудь ты тоже будешь ею пользоваться. Я буду недолго.

— Выпивку проще всего найти в баре космопорта! — крикнул он мне вслед.

— Не учи щуку плавать,— фыркнул я.

Все внутренние двери автоматически открылись, когда мы приземлились. Я спустился по лестнице на освободившуюся боковую палубу и пинками расчистил себе путь через выброшенные контейнеры от пайков к ближайшему трапу. Ветер нес запах гари вместе с запахом пыли и взрывчатки. Мы привезли на другую планету прелести клизантской цивилизации.

Я слышал в отдалении стрельбу, пролетел и пропал реактив-

ный истребитель, но после этого стало очень тихо. Вторжение веером растекалось от космопорта, оставляя позади себя безмолвие. И никого не было видно, когда я прошел непроверенным через таможню и нашел путь в бар. Первое, что я сделал, это высосал бутылку пива, а затем налил немного антраскового ландрева и подержал его во рту. За стойкой выстроились ряды бутылок, и я полез под стойку. Под стойкой, ища коробку или сумку, я уставился в испуганные глаза молодого человека.

— Не мортигу мин! (Не убивай меня!) — завопил он.

Я говорю на эсперанто, как туземец, и ответил ему на том же языке.

— Мы находимся здесь для того, чтобы освободить вас, так что я не собираюсь причинять тебе вреда.— Слух об этом разговоре мог дойти до властей, и я хотел произвести нужное впечатление,— Как тебя зовут?

— Пир.

— А как называется эта планета?

Это должно было показаться идиотским вопросом в устах клизантского завоевателя, но он был слишком напуган, чтобы удивиться.

— Бурада.

— Вот и прекрасно. Я рад, что ты решился быть правдивым. И что же ты можешь рассказать мне о Бураде?

Он был слишком напуган, чтобы отвечать, но нашел буклет, который молча передал мне. Я прочел: «Прекрасная Бурада — курортный мир западного искри...»

— Грабим и якшаемся с врагом,— произнес за спиной знакомый голос. Я медленно обернулся и увидел в дверях моего полковника, державшего гауссовку, с мерзкой ухмылкой на устах.— И приземляемся на 10-Ж к тому же,— добавил он, несомненно называя истинную причину своего дурного настроения.

— Что не является подрасстрельным преступлением, в отличие от первых двух.

Пир взвизгнул и отпрянул, не понимая слов полковника, но почуяв недоброе. Я улыбнулся как можно холоднее, так как понял, что мои руки находятся вне поля его зрения — ниже стойки. Повернувшись к юноше, я указал ему на противоположный конец помещения и приказал ему убираться туда. Я сунул буклет в карман и высвободил из кобуры свой пистолет. Когда я повернулся обратно к полковнику, то увидел, что он полуприподнял свою гауссовку.

— Вы ошибаетесь,— сказал я,— а также оскорбляете собрата-офицера, бывшего недавно лет-майором. Я помогаю нашим силам вторжения, чтобы помешать кому-нибудь из наших солдат напиться во время боевых действий. И, находясь в этом месте, я взял пленного. Именно так, и, в случае чего, мое слово будет против вашего.

Он поднял ствол винтовки в моем направлении и сказал:

— Будет только мое слово, что я поймал вас на грабеже и был вынужден застрелить, когда вы сопротивлялись при аресте.

— Меня трудно застрелить,— заметил я, и быстро выставил ствол своего пистолета из-под стойки, и прицелился ему между глаз.— Я отличный стрелок, и один из моих разрывных снарядов разнесет вашу глупую башку.

Он явно не ожидал такой мгновенной реакции от офицера-летчика и с минуту колебался. Пир слабо взвизгнул в своем углу и раздался глухой звук. Я предположил, что он хлопнулся в обморок, но я был слишком занят, чтобы это проверить. Неприятная сцена продолжалась с минуту, и было невозможно предсказать, чем все это закончится, как вдруг влетел солдат с полевой рацией. Полковник взял трубку и вернулся к войне, а я запихнул две бутылки за спину — под куртку — и ушел через другой выход, перешагнув через Пира, лежавшего, как я и предполагал, без сознания. Я исчез прежде, чем полковник понял это, и отнес выпивку на корабль, послав ее по служебному лифту к Острову.

— Не выпивай больше одной,— приказал я, а его голос ответил радостным воплем через интерком.

Теперь я был предоставлен самому себе. Я намеревался максимально использовать предоставившуюся возможность. При все еще бушевавшей битве за моими передвижениями следить не будут, и я смогу сделать свои наблюдения. Конечно, меня тоже могут убить, но это одна из превратностей моей опасной службы.

Коль скоро вторжение преуспевает, передвижения скоро будут ограничены, а я, вероятно, буду обратно на пути к Клизанту. Я открыл туристский буклет и перелистал страницы, где было много иллюстраций и мало текста. Это была навязчивая реклама с тихой музыкой, шедшей с иллюстрации плавучего оркестра в прекрасном заливе Сабул, и запахом цветов с полей Канапе. Я ожидал, что иллюстрации катания на лыжах в Карских горах покажут выпадание снега, но так далеко еще техника не зашла. Там была и карта, показывающая аэропорт и город, большей частью схематичная и никчемная, хотя она сообщила мне, что я нахожусь в аэропорту Сукул, неподалеку от города Сукук. Я отбросил буклет и отправился осматривать достопримечательности.

Угнетающее зрелище — немало времени пройдет, прежде чем туристы вернутся на эти солнечные берега. Я шел по пустым улицам, мимо выщербленных взрывами и обугленных стен, и гадал, какой могла быть цель всего этого. Война казалась жуткой нелепостью в применении к этому курортному месту. Война, вообще-то, довольно дурацкое и ужасное занятие. Я увидел первые трупы. Раздались шаркающие шаги, и на улице показалась орда пленных, охраняемая со всех сторон бдительными клизантскими солдатами.

Многие из пленных были ранены, но немногие перевязаны. Возглавляющий конвой сержант отдал честь, когда они проходили мимо меня, и победно взмахнул рукой. Что я теперь должен сделать, так это найти какого-нибудь ответственного гражданина

Сукука, не ставшего еще пленным или убитым, и получить от него ответы на некоторые вопросы.

Гражданин первым нашел меня. Я покинул главную улицу и вошел в узкий извилистый переулок со зловещим названием Маатбаакилинсалукт. Любая улица с таким названием не могла быть слишком хорошей. Мои подозрения получили фактическое подтверждение буквально через минуту. Я обнаружил это, когда завернул за угол и оказался лицом к лицу с молодой женщиной, целившейся в меня из охотничьего ружья. Я взметнул руки вверх даже прежде, чем она заговорила:

— Сдавайся, или смерть!

— Я сдался, разве не заметно? Да здравствует Бурада! Ура...

— Кончай свои тошнотворные шуточки, поганый самец, поджигатель войны, или я пристрелю тебя на месте.

— Поверьте мне, я на вашей стороне. Мир Бураде, добрая воля ко всем братьям-человекам и сестрам, конечно, тоже.

На это она подозрительно фыркнула и взмахом ружья велела мне зайти в темный дверной проем. Даже в гневе она оставалась красивой женщиной, широколицей, с раздувающимися ноздрями и свисающими на плечи прямыми черными волосами. На ней была темно-зеленая форма, сапоги, кожаные ремни и все прочее, с какими-то знаками различия на рукаве.

Несмотря на все это, она сохраняла женственность, никакой мундир не мог замаскировать великолепную выпуклость ее груди. Я вошел в подъезд, и, когда проходил мимо, она протянула руку, чтобы забрать мой пистолет. Я мог бы проделать какие угодно приемы с ее ружьем и завладеть им, но воздержался. Пока она чувствовала свое превосходство, она могла говорить более непринужденно. Мы вошли в темное помещение с одним окном, где на столе вытянулась еще одна девушка в форме. Ее глаза были закрыты, одна штанина форменных брюк была оторвана, открывая уродливую рану, плохо перевязанную грязными бинтами. Кровь просочилась сквозь них и растеклась по столу.

— У вас есть аптечка? — спросила моя охранница.

— Есть,— ответил я, открывая индивидуальный пакет на поясе.— Но я не думаю, что от этого будет много толку. Она, похоже, потеряла много крови и нуждается в госпитализации.

— А где она получит медицинскую помощь? Не от вас ли, свиней захватчиков?

— Наверное.— Я был занят точками давления, срывая старые бинты, прыская антисептиками и накладывая новые бинты.— Пульс у нее медленный и слабый. Не думаю, что ей удастся выкарабкаться.

— Если она умрет, то, значит, вы убили ее.— В глазах моей спутницы стояли слезы, но это не мешало ей держать свое ружье, нацеленное мне в живот.

— Я попытаюсь спасти ее. И можете называть меня Васькой.

— Бэйз,— автоматически представилась она,— сержант гвардии, пока «они» не взяли верх.

— Они? — Я почувствовал легкое замешательство.— Вы имеете в виду их, нас — армию Клизанта?

— Нет, конечно, нет. Но почему я болтаю с вами, когда мне следовало бы убить вас...

— Не следовало бы. Убивать меня, я имею в виду. Вы не поверили бы, если бы я сказал вам, что я ваш друг?

— Нет.

— Что я шпион, неважно пока, чей, работающий теперь против Клизанта, хотя нахожусь в их космической армаде?

— Я бы сказала, что ты червяк, вымаливающий свою ничтожную жизнь и готовый сказать что угодно.

— Но так или иначе, это правда,— проворчал я, понимая, что она не собирается принимать мои откровения на веру.

— Бэйз,— слабо позвала девушка на столе, и мы повернулись в ее сторону, затем снова:— Бэйз...

И умерла.

Я подумал, что тоже буду покойником. Бэйз вскинула ружье, и я увидел, как побелели костяшки ее пальцев, когда она нажала спусковой крючок. Я мгновенно нырнул под ствол ружья и перекатился прямо к ней под ноги. Раздался выстрел и чуть не снес мне голову, но меня все же задело.

Прежде чем она успела выстрелить еще раз, я схватился за ствол ружья и быстро рубанул ее по мускулистым рукам. Затем я овладел ружьем и отобрал свой пистолет, а она лежала у стены и плакала. Пройдет немало времени, прежде чем она сможет пользоваться своими пальцами.

— Послушайте, я сожалею,— сказал я, возясь с архаическим затвором ружья.— Просто в данный момент я не испытывал желания быть убитым, а это был единственный способ остановить вас.— Я поработал с затвором и выбросил все патроны.— То, что я сказал вам, правда. Я на вашей стороне и хочу помочь вам, но сначала вы должны помочь мне.

Она была озадачена, но я убедился, что добился ее внимания. Она вытерла глаза рукавом, когда я вручил ей ружье, а затем широко раскрыла их, когда я передал ей и боеприпасы.

— Я бы оценил, если бы вы на минуту оставили оружие незаряженным. Я обменяюсь с вами информацией, коль вы не желаете давать ее даром. Существует одна организация, о которой вы, вероятно, никогда не слышали, и которая очень заинтересована в том, чтобы выяснить, чем занимается Клизант. А занимается он межпланетными вторжениями. Бурада — шестая в списке, и все сходится к тому, что вторжение окажется столь же успешным, как и все остальные.

— Но почему они этим занимаются?

— Почему — не важно. По крайней мере в настоящее время, поскольку дурные амбиции не редкость среди политических систем человечества. Что я хочу знать — так это «как». Как им сошло с рук это вторжение, перед лицом планетной системы обороны?

— Вините в этом «Консолук»,— зарычала она, потрясая ружьем.— Я не говорю, что женская партия не совершала ошибок, но ничего похожего на это не было.

— Не могли бы вы добавить несколько деталей общего фона, поскольку я, боюсь, потерял нить ваших рассуждений.

— Я дам вам информацию. Мужчины! — Она сплюнула, и глаза ее запылали гневом, и она снова стала выглядеть привлекательной.— Женская партия принесла на эту планету века просвещения. У нас было процветание, торговля, и никто не страдал. Правильно, может быть, мужчины получили право голоса на несколько лет позже женщин или не могли получить самую лучшую работу. Ну и что? Женщины страдали от подобных и куда худших вещей на других планетах, а они взбунтовались. Эти консолуковцы шныряли кругом, нашептывали ложь: права мужчинам, долой угнетение и тому подобное. Взбудоражили людей, завоевали несколько мест в парламенте. Потом их однодневная революция, захватывают все, получают власть. И все их обещания побоку. Все, чего они хотели,— это важничать и разыгрывать превосходство! Ничтожества, все до единого. Ничего не понимают ни в правлении, ни в войне. Когда высадились ваши свиньи, большинство мужчин предпочло бежать, а не драться, слабые дураки. И скорей сдаваться, а не сражаться. Я бы никогда не сдалась.

— Наверное, они были вынуждены.

— Никогда. Слабаки, вот и все.

Все это заставило меня поразмыслить. Я был близок к разгадке, но не торопился с выводами.

Тогда я смогу узнать, как Клизант провернул свой фокус с вторжением. Так просто, как все хорошие идеи, и к тому же застраховано от всяких случайностей.

— Мне понадобится ваша помощь,— обратился я к Бэйз.— Я останусь в космической армаде, по крайней мере, на какое-то время, поскольку там я могу узнать побольше. Но я не покину эту планету. Именно здесь клизантцы слабее всего, именно здесь они будут побиты. Вы слышали когда-нибудь о Спецкорпусе?

— Нет.

— Ну, теперь услышите. Это группа, которая собирается помочь вам. Я работаю на них, и они должны следить за мной. Они видели, как флот покинул Клизант, и наверняка последовали за ним сюда. Это было одним из вариантов развития событий, запланированного нами. Прямо сейчас вокруг этой планеты должен вращаться передающий зонд. Он передаст любые сведения Корпусу, и мы получим помощь и все, что нам понадобится. Вы должны получить доступ к передатчику средней мощности.

— Да, но с какой стати? Почему я должна вам верить? Может быть, вы лжете.

— Может быть, но вы-то не можете идти на риск, не веря мне.— Я лихорадочно написал на бланке сообщение.— Теперь покидаю вас — я должен вернуться на корабль раньше, чем они начнут гадать, куда я пропал. Вот сообщение, которое вам нужно

передать на этой частоте. Вы сможете это сделать, не попавшись, это достаточно легко. И сделав это, вы ничего не теряете, но зато можете спасти свою планету.

Все еще сомневаясь, она посмотрела на бумажку.

— В это так трудно поверить — что вы действительно шпион и хотите помочь нам.

— Вы можете поверить, что он шпион, положитесь в этом на мое слово,— раздался голос позади меня, и я почувствовал, как у меня похолодело внутри. Я медленно обернулся.

Там стоял Край — человек в сером. Позади него стояли еще двое в серых мундирах, направив на меня оружие. Край нацелил на меня палец, словно третий пистолет.

— Мы следили за тобой, шпион, и ждали этой информации. Теперь мы можем приступить к ликвидации вашего Спецкорпуса.

— Люди, кажется, сегодня слишком часто выскакивают из дверей,— проговорил я с веселостью, которой, разумеется, не испытывал. Край жестко усмехнулся.

— Если вы имеете в виду полковника, то да, я поручил ему следить за вами. Попробуйте-ка теперь прикинуться дурачком, Пас Ратунковский, или как вас там действительно зовут?

— Хулья, лейтенант космической армады.

— Лет-майор Васька Хулья был найден в отеле, что и навело на ваш след. Ваш план был довольно остроумным и мог бы иметь успех, если бы не сгорел оптический баг. Посланный навести порядок работник обнаружил лет-майора и его заблуждение относительно даты, и это привлекло мое внимание. Я его заберу.

Край взял бланк с сообщением из рук Бэйз. Он, казалось, очень хорошо контролировал ситуацию. Я схватился за сердце, закатил глаза и, зашатавшись, отступил назад.

— Это...— прошептал я.— Сердце отказывает... Не стреляйте... Это конец.

Край и двое его людей продолжали холодно смотреть, как я проделываю все это ради них, до драматического момента, когда я вцепился себе в горло и завопил от боли, мое тело выгнулось дугой, все мускулы напряглись, а затем я упал спиной вперед через окно.

Это было проделано мастерски, перевернувшись в воздухе, я приземлился на плечо, перекатился и вскочил на ноги, готовый бежать, и уставился прямо в ствол гауссовки в руках еще одного молчаливого и неулыбчивого человека в сером. Позади меня сквозь разбитое окно донесся голос Края:

— Забери девчонку в тюремный лагерь. Она нам больше не нужна. Остальные вернутся со шпионом! Будьте постоянно начеку: вы видите, на что он способен.

Не на очень многое, подумал я. Я проник, куда надо, узнал то, что хотел, но оказался не в состоянии передать свою информацию. Это беспросветное душевное состояние не покидало меня, пока смертоликие серые люди окружили меня и погнали в поджи-

дающий грузовик. Не было ни малейшего шанса сбежать — они очень искусно владели своими пушками.

Путешествие было коротким и некомфортабельным. Машина была трофейная — бурадский грузовик, использовавшийся, наверное, для перевозки мусора. Я оказался единственным, кого беспокоил неприятный запах. Серые не сводили с меня глаз во время путешествия.

Я обдумывал отчаянные планы бегства: выпрыгнуть из грузовика или напасть на своих конвоиров, и так далее. От всего этого было мало толку. Мы доехали до места назначения. Под конвоем меня провели в пустую комнату и предложили раздеться. С помощью портативного флюороскопа и холодных зондов, крайне унизительных, они удалили с моей персоны все устройства и приборы, а затем выдали мне новую одежду.

Эта одежда опять была кое-чем другим. Идеальный комбинезон, сделанный из мягкого и гибкого пластика, он обеспечивал защиту от ветра и тепло. И это было идеальное тюремное одеяние,— оно было совершенно прозрачным. Эта нагота не повышала, разумеется, бодрости духа. Все проделывалось молча, несмотря на мои попытки завязать разговор. Последним сюрпризом был металлический ошейник, застегнутый у меня на шее. От ошейника тянулся провод к коробке, которую держал один из серых людей. Все это имело очень зловещий вид. Мои подозрения оправдались, когда другие ушли, а он повернулся ко мне лицом, держа коробку в руке.

— Я могу сделать так,— произнес он голосом столь же серым, как и его одеяние. И нажал кнопку на коробке.

Испытанное мной вслед за этим ощущение было совершенно неожиданным и исключительно болезненным. В один миг я был ослеплен взрывом огней никогда прежде не виданных цветов. Уши мои наполнил странный звук, и каждый квадратный дюйм моей кожи загорелся огнем, словно меня бросили в ванну с кислотой. Это продолжалось дольше, чем я бы хотел, а затем все исчезло столь же быстро, как и началось. Зрение и слух вернулись, и я оказался лежащим на полу с гудящим затылком, которым я треснулся, когда упал.

Эта коробочка, должно быть, генерировала нервные токи на селектированных частотах. Нет нужды пытать тело, когда ты можешь скармливать в нервную систему специфические болевые импульсы.

— Встать! — скомандовал мой конвоир, что я и проделал довольно поспешно.

— Если вы желаете передать сообщение, то можете сделать это сейчас, а я буду пай-мальчиком.

Временно, конечно, до тех пор, пока я не найду выхода из западни для стальной крысы. Я покорно потрусил в другую комнату, где меня ждал Край за большим столом.

В комнате, на потолке, был закреплен сверкающий металличе-

ский крюк, в который было продето кольцо с коробкой, и я оказался подвешенным перед моим врагом.

Край осмотрел меня с ног до головы, внимательно изучая,— дело очень легкое, учитывая прозрачность моей одежды. Я никогда не страдал от табу наготы, так что это меня не беспокоило. А вот холодное иррациональное выражение в его глазах вызывало куда большее отвращение. В настоящее время я находился полностью в его власти. Я понятия не имел, какую мерзость он придумал для меня.

— Что бы вы хотели узнать?—спросил я.

— Многое, но это позже.

— А чем плохо прямо сейчас? Учитывая состояние современной гипнотической техники, наркотерапии и старомодных пыток, вроде этой вашей машины, невозможно скрыть факты. Поэтому—спрашивайте, и я отвечу.—То малое, что я знал о Спецкорпусе, пусть узнает на здоровье. Местонахождение всех баз хранилось от нас в секрете, несомненно предусматривая возможность такого допроса.

Я был удивлен, когда он покачал головой в медленном «нет».

— Вы дадите мне информацию позже. Сначала вас надо убедить в серьезности моих целей. Я намерен допросить вас, а затем привлечь на службу нашему делу,—добровольно. Для того чтобы убедить вас в этом, я должен для начала сказать, что вас не убьют. Сильные люди храбро встречают смерть. Она—легкое решение их проблем. У вас такого выхода не будет.

Все это время я становился все менее и менее заинтригованным тем, что он имел в виду. Я ожидал грубого допроса, но у него на уме было дело покрупнее. Так что я бросил этот шутливый тон и выдал ему прямо:

— Забудьте про это. Посмотрите в лицо фактам—я не люблю ни вас, ни вашу организацию, ни того, за что вы боретесь, и не намерен менять свое мнение. Если даже я пообещаю вам помогать, вы никогда не сможете быть уверены, что я говорю это всерьез, так что давайте не будем вовлекать друг друга в такого рода фарсовое положение с самого начала.

— Совсем наоборот,—ответил он и нажал кнопку на столе. Коробка наверху загудела и стала сматывать толстый провод, подтягивая меня вверх, пока я не был вынужден встать на цыпочки, для того чтобы дышать. Ошейник впился мне в спину.

— Прежде, чем я кончу работать с вами, вы будете умолять меня о возможности сотрудничества и будете умолять меня о возможности плакать, но я не разрешу вам этого, пока вы не достигнете счастливейшего момента вашей жизни—когда вам наконец позволят выполнить ваше единственное желание. Я продемонстрирую вам сейчас один образчик нашей простой, но крайне убедительной техники.

Ступни мои завибрировали от боли, но я стоял на цыпочках, иначе был бы удушен ошейником. Край поднялся и подошел ко мне сзади, где я не мог его видеть, а затем схватил мои руки и при-

жал оба запястья к краю металлического стола. Зажимы защелкнулись. Край вновь появился в поле моего зрения и нагнулся, вынимая что-то из ящика стола.

Это был топор с длинной ручкой, со стальным топорищем, примитивный, но жуткого вида, который мог быть использован для рубки деревьев. Он взял его обеими руками и поднял высоко над головой.

— Что вы делаете? Стойте! — заорал я в неожиданном страхе, извиваясь и не в состоянии сделать ничего, кроме как глядеть, пока он с миг держал топор высоко над головой, а затем опустил его в злобном, сильном рубящем ударе.

Полагаю, я закричал, когда он ударил — должен был закричать — боль была огромной и всепоглощающей.

Моя правая кисть была отрублена. Струйки крови вытекали из запястья и заливали стол. Топор поднялся вновь, и на этот раз я уверен, что закричал вслух, пронзительно, и кричал все время, пока он поднимался, молниеносно опустился, и моя левая кисть, отрубленная, как и правая, лежала на столе, и кровь хлестала по всему столу и стекала на пол.

И сквозь охватившую меня боль и ужас я разглядел лицо Края — улыбающееся. В первый раз улыбающееся.

Я был без сознания. Погружался во тьму, умирал, не могу сказать. Мир умчался от меня по темному тоннелю, а я остался с ощущением острой боли, а затем даже это исчезло.

Когда я открыл глаза, то лежал на полу, и прошло неизвестно сколько времени. Мои мысли были вялыми от сна или чего-то другого, и я должен был потрудиться, чтобы вспомнить о том, что же случилось. Ко мне четко явилось поразительное видение моих отрубленных кистей, я открыл глаза и сел, потирая одну ладонь о другую,— они ощущались... Что же произошло?

— Встать,— произнес голос Края, и я понял, что сижу на полу перед его столом, и что мой ошейник все еще на своем месте вокруг моей шеи, со своим проклятым проводом, ведущим к устройству на чистом столе. Никакой крови не было.

— Я готов поклясться,— начал было я, и мой голос оборвался, когда я увидел две большие бороздки на металлической поверхности стола, как будто по ней ударили каким-то тяжелым клинком. Затем я поднес руки к глазам и посмотрел на запястья.

Каждое запястье было окружено красным рубцом заживающей плоти с острыми красными точками удаленных швов по краям. И все же я ощущал свои руки такими же, как всегда. Что же случилось?

— Вы понимаете, что я от вас хочу? — спросил Край, снова усевшись за стол, голосом столь же серым, как и его мундир.

— Что вы сделали? Вы не могли ампутировать кисти и пришить их обратно. В этом я уверен, на это потребовалось бы время, вы не могли... — Я понял, что начинаю повторяться, и заткнулся.

— Вы не верите, что это произошло? Мне проделать это снова?

— Нет! — выкрикнул я, отпрянув от него. Он одобрительно кивнул.

— Так, значит, тренировка начинается. Вы утратили маленький кусочек реальности. Вы не знаете, что произошло, но знаете, что не желаете, чтобы это повторилось. Именно так и будет идти этот процесс. В конечном итоге вы потеряете всякий контакт с реальностью, а потом с личностью, которой вы были всю жизнь. Когда мы достигнем этого, вы будете приняты как один из нас. И тогда вы во всех подробностях расскажете о вашем Спецкорпусе, не только мучая память ради крох тех фактов, которые вы могли бы упустить, но и активно составляя планы его уничтожения.

— Это не сработает! — завопил я.— Корпус активно работает против вас, так что теперь это дело времени, чтобы ваши планы завоеваний рухнули.

— Совсем напротив,— заявил Край.— Мы долгое время знали о его внимании и предвосхищали его на каждом шагу. Мы взяли в плен, подвергли пыткам и убили множество сотрудников Корпуса, чтобы добыть нужную информацию. Мы знаем, что он надеялся на такого агента, как вы, и мы ждали его появления. Вы явились, и вы в наших руках. Все так просто. Вы — оружие, которым мы уничтожим Корпус.

Он заставил меня наполовину поверить ему. Предложенный им план казался разумным, но я отбросил эту мысль столь же быстро, как она и появилась. Я должен был перестать соглашаться с ним, скорей нападать, чем защищаться.

— Это очень честолюбиво с вашей стороны, и мне кажется, что вы откусываете больше, чем можете прожевать. Вы забываете про сотни планет, они поддерживают Лигу, и что они могут сделать с вами, когда выяснят, какие беды вы вызываете?

— Ну, сотни планет вместе существуют лишь в теории. Мы делаем так, что они падают перед нами сами, нас нельзя остановить, и этот процесс ускоряется. По мере того как наша империя расширяется, мы будем двигаться все быстрее и быстрее.

— Есть предел этой скорости,— презрительно перебил я.— И знаю, как работает ваша техника завоеваний. Вы не вторгаетесь на планету, пока она не созреет. Разве это не так? — Он кивнул, соглашаясь, и я погнал дальше: — Вы находите планету, созревшую для вторжения, с каким-нибудь диссидентским элементом — есть люди, которые будут жаловаться даже в раю, так что у вас нет проблем с нахождением подобной группы на любой планете. Здесь, на Бураде, это были мужчины. Они горячо выступали за свои права. Вы поддержали их. Ваши подпольные операторы снабжали их деньгами, оружием, пропагандистскими материалами,— всем существенно необходимым для захвата власти. Это сработало. И вы ничего не просили взамен за помощь, помимо оказания символического сопротивления, когда начнется вторжение. Ваши агенты присмотрели за тем, чтобы вооруженные силы

капитулировали после кратковременной демонстрации силы. Это вторжение было выиграно прежде, чем началось! Не удивительно, что ваши военные не привыкли нести потери.

— Вы очень наблюдательны. Именно это мы и делаем. Ваш анализ — мастерское описание нашего образа действий.

— Тогда вы у меня в руках,— счастливо сказал я.

— Напротив, вы у меня в руках. Вы — единственный, кто знает о нашей технике завоеваний. Но вы никогда не доложите о ней своим начальникам.

— О, не знаю,— сказал я с притворной бравадой.

— Наверное, вы не знаете, но мы-то знаем. Мы перехватили составленный вами доклад, и он никогда не будет отправлен. Они тщетно будут ждать от вас какой-либо информации, а время идет, и скоро им слишком поздно будет что-либо предпринимать, потому что мы перейдем ко второй фазе нашей операции. Со множеством союзников, приобретенных нами путем оккупации планет. У нас будет много солдат. По-моему, их называют наемниками. Они будут войсками вторжения, и большое количество их будет убито, но мы всегда будем побеждать, потому что наш людской запас будет относительно неистощим. Это представляет собой интересную картину, не так ли?

— Это никогда не сработает! — крикнул я, с усиливающимся в то же время ощущением, что сработает.— Корпус вас остановит.

— Как? С его единственным агентом, выслеженным и попавшим в западню?

Мне было тяжело убедить себя, и я вообще ничего не добился, пытаясь убедить его.

Край поднялся и вышел из-за стола.

— А теперь настало время начать вашу индокринацию.

Не могу выразить охватившего меня страха, когда я услышал его слова.

Меня отвели в камеру, голую, без окон, единственным предметом меблировки которой было пустое ведро. Крюк в потолке был установлен явно недавно, и мой провожатый — серый человек — услужливо зацепил меня за него.

— Существует мало шансов, что я умру от голода,— уведомил я его.— Потому что сначала я умру от жажды.

Он не отреагировал, но вернулся с полевым пайком. Не самая вдохновляющая пища в мире, но она сохранит мне жизнь. Жуя и потягивая воду, я крепко цеплялся за эту мысль — сохранить жизнь. Они сделают что угодно, кроме моего убийства. Они нуждались во мне. И знали, что Спецкорпус жарко дышит им в затылок и им придется приложить немало усилий, чтобы остановить его. Край говорил по-крупному и наполовину уговорил меня. Я взглянул на свои запястья и содрогнулся. Он все-таки убедил меня, но почему он так сильно старался?

Потому что я явно был более чем пешкой в этой игре. Я был фактором, который мог качнуть исход в любую сторону.

Сейчас Клизант действовал успешно в завоевательном бизнесе, но его еще могли остановить. С тем, что я знал, Спецкорпус мог начать организацию контринсургентов и предотвратить экспансию на другие планеты. Клизант можно остановить даже здесь.

Если бы я сумел отстаивать свою сторону, то мои специальные знания не могли бы нанести поражения Корпусу, но это наверняка могло придержать его на достаточно долгий срок для того, чтобы пришла в действие вторая фаза завоевательной политики.

А это означало, что серые люди совершили ошибку. Им следовало бы убить меня, как только они раскрыли, кто я такой. Если бы у меня пытками можно было выудить сведения о Спецкорпусе и убедить переменить свое мнение, я мог бы стать оружием в их руках. Два «может быть». Значит, покуда я жив, я — самое смертоносное оружие против них.

Они совершили ошибку. Я не принимал во внимание, что я был во всех отношениях их пленником. Во всех отношениях? Ха! Физически — да. Умственно — решительно нет. Они почти уделали меня первой пыткой и положительной уверенностью, что я уже их. При мысли об ампутации мой желудок вздыбился, и я потерял аппетит — по веской причине. Пока я пережевывал и проглатывал пищу, я устроил себе сильное внутреннее внушение. Слушай, ди Гриз, ты достаточно знаешь о реальности, чтобы суметь определить, когда она поддельна. Ты сам всегда подделывал ее для собственной выгоды и убытка для других. Так, значит, теперь кто-то провернул тот же трюк с тобой. Перерубленные запястья... Спокойно, парень, умерь свои эмоции. Через некоторое время мы доберемся до воспоминаний. Но сначала давай посмотрим на реальность.

Реальность. Как ни чудесна медицина, она не может за пару часов или пару дней отремонтировать ампутированные кисти.

А теперь, откуда взялась эта цифра? На каком-то бессознательном уровне я чувствовал, что прошло лишь короткое время между ампутацией и выздоровлением. У нас всех есть часы, тикающие в глубине мозга, они управляют суточными ритмами сна и бодрствования, и работают все время. Прямо сейчас они пытались сообщить мне, что прошло лишь немного времени с тех пор, как меня привели сюда серые люди. Но имелось ли у меня какое-нибудь реальное доказательство, чтобы поддержать их? Я ощупал лицо и волосы, я нуждался в бритве, но не сильно. Волосы мои были прежней длины, но меня могли побрить и подстричь, это ничего не доказывало.

Мои ногти? Я держал их коротко остриженными, и они выглядели такими же. Подожди, думай, вспомни. Что-то маленькое, незначительное. Да, во время приземления, много напряжения, много отвлекающих моментов. Я сломал ноготь мизинца на левой руке. Нет, пока не смотри, посиди, вспомни. Сломанный ноготь...

Откусить его. Довольно неприятный образчик самоедства, которому в то или иное время предается большинство из нас. Досаждающая частица ногтя оторвана напрочь, вплоть до быстрого и тихого «ой» и крошечной капельки крови, совершенно забытое в гонке последующих событий.

Да, уел тебя Край, старый факир!

Судя по виду ногтя, я был пленником самое большее день-два, не более того. Красные метки на моих запястьях? Их можно сделать сотней различных способов. А ампутация? Край подделал мою реальность, наверное, гипноз...

Край и его команда были не такими толковыми, как казалось. Они, несомненно, много раз прежде использовали эту мозголомную пытку и действительно убаюкивали себя успехами этой техники.

Наверное, они именно этим способом обращали для своих скверных целей рекрутов на планетах, намеченных для завоеваний. Вполне возможно. Но головорезы Края привыкли работать с респектабельными гражданами, одновременно крестьянами, ошибочно принимающими раскрашенные задники и бутафорию своего существования за единственную реальность. Их мир был единственным миром, их город — действительно наилучшим городом. Вытащи их из знакомой окружающей среды и окажи давление на их сознание, и их мозги потекут из ушей, как желе. Желейные люди — добыча для серых мундиров, но не благородный, прямой, гибкий, бесчестный, подобный хамелеону скользкий Джим Боливар ди Гриз. Человек с тысячью лиц, знакомый с сотней культур, лингвистически компетентный в десятках языков. И они хотели запаршивить мою реальность? Это заставило меня рассмеяться, ну я и рассмеялся.

Я не только засмеялся, но и забегал, и заплясал. Я бегал кругами, крича: «Гип-гип, ура! Победа!» Из-за своего ошейника и провода я был вынужден бегать кругами, но обнаружил, что могу варьировать, резко меняя направление. Провод был слишком тонок, чтобы влезть по нему, он был сработан таким, я уверен, преднамеренно, но я мог свернуть его в петлю и повиснуть на ней. Я сделал петлю столь высоко над головой, как только мог дотянуться, схватился за нее, оттолкнулся и свободно закачался. В нижней точке качания я с силой оттолкнулся и пошел выше. Отличное развлечение, пока моя рука не соскользнула и петля не распустилась.

В этот момент чуть все не кончилось, когда мой вес обрушился на металлический ошейник вокруг моей бедной шеи. Именно таким способом и убивали людей, знаете, когда вешали, не удушая их, делая внезапный рывок, который ломает шейные позвонки.

Эта мысль преобладала у меня в голове, когда я карабкался и цеплялся по проводу, и я сумел стиснуть его прежде, чем наступил резкий рывок. А наступил он спереди у меня на шее, а не сбоку, иначе я мог бы расслышать резкое х-р-я-к, сигнализирующее конец. Но боль отпустила, и я с облегчением вздохнул. Я сел и вы-

пил еще немного воды, почувствовал себя лучше и удивился, почему никто не является расследовать устроенную мной шумиху. Я был уверен, что они снабдили камеру «клопами» и наблюдали за мной. Наверное, моя акробатика не произвела на них впечатления. Или, может быть, они были так заняты завоеваниями, что не имели времени внимательно наблюдать за мной. Если это последнее предположение верно, то я смогу извлечь из этого выгоду.

Я взял обертку от пайка, обернув ею ладони. Потом я схватился за провод и подпрыгнул как можно выше, чтобы вес моего тела обрушился на провод. Я проделал это десять раз. Руки устали, и, передохнув, я подпрыгнул в тринадцатый раз.

Счастливое тринадцать! Что-то лопнуло с резким металлическим треском, коробочка бухнулась вниз и отскочила от моей головы.

Я был отключен не знаю сколько, вероятно, всего лишь несколько секунд, и очнулся, мотая головой и пытаясь сесть.

Двигайся, настаивала давящая мысль, убирайся отсюда, пока они не пришли за тобой. Но сперва я должен дезактивировать пыточную коробку, поскольку она могла быть радиоуправляемой. Я перевернул ее и увидел, что металлическая петелька, на которой она висела, разлетелась на куски. Там имелся пульт управления с расположенными в виде сетки примерно 50-ю маленькими красными кнопками. Я содрогнулся при мысли о нажатии на какую-нибудь из них. Над сеткой находились две большие кнопки — одна красная, другая черная. Красная была утоплена. Это казалось достаточным и очевидным. По логике мне следовало бы нажать на черную кнопку и отключить коробку, но продолжали вторгаться воспоминания о боли. Наконец, я ткнул в черную кнопку.

Ничего не случилось. Я слегка коснулся одной из маленьких красных кнопок, затем другой, третьей... Ничего.

Коробка была теперь кучкой мертвого металла, на что и была вся надежда. Я дернул дверь, она оказалась незапертой — неумелые тюремщики или слишком большая вера в свои пыточные машины? Приложив глаза к скважине двери, я чуть приоткрыл ее и быстро закрыл. По коридору шли двое серых людей, неся зловещего вида предмет. Следующий шаг по программе умиротворения ди Гриза? Вероятно, так и есть.

Для этой пары был припасен сюрприз, и я хотел скрывать его от них как можно дольше. Когда дверь открылась, я шагнул за нее и подождал, пока они протиснутся со своей громоздкой пыточной машиной. Только когда я услышал, как один из них тревожно охнул, я двинул плечом дверь всем своим весом и силой. Как только их кости затрещали, я выпрыгнул из-за двери, взмахнув металлической коробкой на конце провода. Один из них стоял согнувшись, больше заинтересованный тяжестью машины на своей ноге, чем всем прочим, и я дал ему по черепу коробкой. Второй попытался достать свой пистолет и действительно наполовину вытащил его из кобуры, но тут я резко ударил ему коленом пони-

же живота, и он сложился поверх своего напарника. Я вырвал пистолет из его обмякших пальцев, и был теперь вооружен.

Большую часть времени пребывания в этом здании я находился в сознании, и думал, что знаю, как выбраться. Обратно через главный ход, который наверняка охранялся. Он находился одним этажом ниже, в противоположном направлении от кабинета Края. Намотав провод поближе к коробке, так, чтобы она не болталась и не мешала мне идти, я нырнул за дверь.

Коридор был пуст — хорошее начало. Я протрусил до лестницы, никого не увидев, а затем ринулся вниз, прыгая через две ступеньки.

Четырьмя этажами ниже, как раз когда у меня начала кружиться голова от постоянного бега по нисходящей спирали, я встретил серого человека, поднимающегося мне навстречу с гауссовкой и очень подозрительным взглядом. Поскольку я ожидал этой встречи, а он — нет, первый выстрел достался ему. Серый рухнул. Я с самоубийственной скоростью ринулся вниз по лестнице,— ждать было еще самоубийственней.

Лестница кончилась, я оказался внизу и врезался в стену, так быстро я бежал. Надо мной раздавались крики и топот бегущих ног. Я рывком распахнул дверь и... вышел в черноту, оказавшись в подвале.

Это было отлично, поскольку этажом выше меня ждал, несомненно, теплый прием. Если я смогу выбраться из подвала, то буду все еще впереди на один шаг от преследователей. Я пробрался к окну.

Маленькое окошко, высоко в стене, покрытое трупами насекомых и грязью, к тому же с прочной решеткой.

Позади меня, в темноте, опять раздались крики и топот, ругань. Что делать?

Очевидно, убираться. Я отступил и вышиб выстрелами окно. Патроны кончились. Перекинув коробку через плечо, я выбрался наружу, чтобы снова броситься бежать. Кто-то увидел меня и крикнул, но я не ответил. Я побежал еще быстрее, хотя начал задыхаться. Одно дело сбежать, совсем другое — остаться на свободе, коль бежишь босой, одетый в совершенно прозрачную одежду, с ошейником и несколькими метрами провода вокруг шеи, не упоминая уже о коробке управления. Я, должно быть, представлял собой довольно необычное зрелище.

Мне нужно было спрятаться, забраться в нору, переодеться, избавиться от ошейника... А я уставал все больше и больше.

Я как можно быстрее свернул за угол и врезался в кого-то, идущего в противоположном направлении. Мы оба упали. И тут я увидел старого знакомца,— во мне вспыхнула надежда.

— Остров! — ахнул я.— Старый друг, старый собутыльник. Я в беде, и нужна твоя помощь. Понимаешь, местные...

Я увидел, как Остров, мягкий человек, вдруг озверел. Он набросился на меня и прижал к холодной земле.

— Местные тут ни при чем! — закричал он.— Край расспрашивал о тебе. Край разыскивает тебя. Что ты наделал?

Я сопротивлялся, но силы были на пределе. Однако я сумел нанести хороший удар коробкой по голове Острову. Глаза его перекосились, но он не выпустил меня, а к тому времени к нам подоспел маленький отряд серых людей, стащивших его с меня и заставивших под стволами гауссовок подняться на ноги. Я медленно встал. Погруженный в черное отчаяние и с обмякшими от усталости конечностями, я, разумеется, не спешил.

Их было шестеро плюс Остров, который, судя по выражению его лица, желал бы быть где-нибудь в другом месте.

— Понимаете, Край говорил мне о Ваське, сказал, что он разыскивает его... — Голос его угас, так как каменнолицые серые полностью игнорировали его. Я — нет.

— Чего ты ждешь, благодарности? Ты — предатель. Начинаешь свою собственную неделю «Заложу своего кореша», да? — Я попытался презрительно фыркнуть, но один из конвоирующих меня дернул за провод. Один из пяти конвоиров. Я мог поклясться, что минуту назад их было шестеро.

И пока я их еще раз считал, появилась пара рук и сомкнулась на шее пятого. Глаза у него выскочили из орбит, а рот раскрылся, и он исчез из поля зрения. Я же лягнул Острова ногой и попал ему по голени.

— Ты не должен был этого делать,— пожаловался он.

Я улыбнулся, так как четвертый последовал за другими.

Было что-то восхитительное в этом эффектном и тихом устранении неприятеля. Оно напоминало мне об одном знакомом охотнике. Он был профессионалом и очень умелым в своем деле. Когда поднимались стаи птиц, он подстреливал последнюю в клине, а потом следующую. Иногда ему удавалось подстрелить четыре-пять штук, прежде чем другие птицы успевали понять, что происходит. Здесь применялись те же принципы, и равно профессиональным образом.

Я двинул ближайшего серого человека по шее ребром ладони. Усталость ослабила удар, так что он упал не сразу, и мне пришлось отвесить ему еще несколько, чтобы окончательно успокоить его.

И тут я увидел, что Остров и все, кроме одного из серых людей, счастливо дремали, сваленные кучей, в то время, как мои спасители укладывали последнего. Это был здоровенный жлоб, и дрался он хорошо, но уступал в классе противной стороне и вскоре оказался без сознания. Что было интересно, потому что оба напавших на него были женщинами, одетыми в бурадские платья и местные туфельки на высоком каблуке. Ближайшая обернулась, и я узнал сержанта Бэйз.

Другая женщина была поменьше ростом и очень изящно сложена, с фигурой, которую я помнил, и лицом, которое я не мог забыть,— моя жена.

— Ну, ну,— успокоила меня Анжела, потрепав по одной щеке и целуя в другую.— Я надеюсь, ты сможешь немного побегать, милый, потому что на подходе еще больше этих бандюг.

— Бегать...— хрипло произнес я и поплелся, все еще не совсем уверенный в том, что случилось, но по крайней мере все еще соображавший, чтобы не задавать лишних вопросов. Бэйз потащила меня за собой, в то время как моя жена взяла у меня коробку и провод. И мы помчались, представляя собой очаровательное зрелище — я, в своей прозрачной одежде, и две девушки, в своих изящных платьицах, но на улице никого не было, кто мог бы по достоинству оценить подобную картину.

— Не останавливайся! — крикнула Бэйз, потащив меня за угол. Позади нас раздались взрывы. Я игнорировал все и старался бежать как можно быстрее, гадая, сколько же все-таки я протяну.

Бэйз, казалось, знала, что делает. Она втащила меня на несколько ступеней вверх по лестнице в здание, набросила на тяжелую дверь засовы, и мы потащились дальше, теперь немного помедленнее, через какие-то покинутые кабинеты задней части здания, где окна выходили во двор. Высота здесь была приемлемой для прыжка, и Бэйз прыгнула первой, гибкая, словно большая кошка, затем помогла мне, с помощью спускавшей меня Анжелы. Я был в их руках словно глина, но это было очень приятное ощущение.

Бэйз побежала вперед открывать большую дверь. Внутри находилась клизантская командная машина со все еще развевающимся на антенне генеральским флагом.

— Вот это мне больше нравится,— сказал я, подходя на ватных ногах.

— Вы, двое, на заднее сиденье,— бросила Бэйз, натягивая военный китель и заправляя волосы под клизантский шлем. Я не спрашивал, что случилось с первоначальным владельцем.

Анжелина влезла за мной, когда я заполз на заднее сиденье и рухнул. Я почувствовал себя очень удобно, когда машина рванула с места. Я наслаждался прелестным поцелуем, прежде чем получить какую-нибудь информацию.

— Твоя фигура стала лучше,— сказал я.

— Ты будешь очень горд и счастлив узнать, что теперь ты — отец близнецов. Оба мальчики. С большими ртами и здоровым аппетитом, как и у их отца. Я назвала их Джеймс и Боливар, в твою честь.

— Как тебе угодно, милая. Я полагаю, ты не против сообщить мне, как это ты появилась в самый нужный момент?

— Я явилась сюда позаботиться о тебе, и, как видишь, успела.

— Да, конечно. Когда я видел тебя в последний раз, ты направлялась в родильный дом.

— Ну, с этим все прошло прекрасно. Потом я прослышала, что эти мерзкие клизантцы отправились вторгаться еще на одну планету и что ты, вероятно, принимаешь участие во вторжении.

— Инскин все это тебе рассказал?

— Конечно, нет! Я взломала досье и прочла записи. Он был

очень рассержен, но не пытался остановить меня, когда я отправилась сюда с бригадой второго эшелона. Мне представляется, он знал, что мне лучше не мешать. Мы вышли на орбиту, получили сообщение, и я спустилась. Вот примерно и все, что могу сообщить. Дай-ка мне попробовать эту отмычку на том страшном ошейнике, что ты носишь. Не понимаю, почему ты позволил им обращаться с тобой таким образом.

— В твоей истории есть один-два пробела,— настаивал я.— Например, какое сообщение?

— Мое сообщение,— ответила за нее Бэйз.— Вы забываете, что я сержант гвардии и видела приготовленное вами сообщение, то, которое они забрали. Поэтому я, конечно, запомнила его, равно как и частоты. Эти свиньи отправили меня в тюремный лагерь для «штатских», но я покинула его в ту же ночь.

Бэйз была очень уверена в себе, и я понял, что у нее есть на то причины.

— Я спустилась на разведкорабле, как только был получен этот вызов.— Разговаривая, Анжела манипулировала отмычкой.— Мне пришлось с боем пробивать себе путь, что, разумеется, было не трудно сделать. Для завоевателей Галактики эти люди очень неважные пилоты. А потом я встретила Бэйз.

Анжела коснулась губами моего уха и холодно произнесла:

— Насколько хорошо ты знаком с этой девицей?— и одновременно затянула ошейник.

— Встречался с ней всего только в тот раз,— выдохнул я, и давление ослабло.— Совсем не в моем вкусе.

— Не ври мне, Джеймс де Гриз, тебе нравятся такие полненькие.

Я быстро заморгал и постарался вернуть разговор в прежнее русло.

— Но тогда как вы нашли меня? Что вы делали?

— Достаточно просто,— раздался щелчок, и ошейник расстегнулся. Я с облегчением потер побаливающую шею.— Есть только одно здание, где действуют эти люди в сером. Мы следили за ними, пытаясь найти в него вход. Единственное, что нам досаждало, так это солдаты, все время пытающиеся нас подцепить. Но мы выжали из них информацию и эту машину.

Я представил себе, как эти две милашки косят клизантских завоевателей своим собственным секретным оружием, и достаточно понимал, чтобы не спрашивать о судьбе водителя и его друзей.

— А теперь расскажи нам, что случилось с тобой?— потребовала Анжела и прильнула ко мне.— Я умираю от желания узнать, что за штуку они надели тебе на шею и почему, во имя неба, ты носишь этот ужасный прозрачный костюм.

Я им рассказал и, что спорить, был вознагражден множеством охов и взвизгами, когда я дошел до запястий. Бэйз даже остановила машину, чтобы тоже посмотреть на шрамы. После этого они слушали довольно холодно, и я почувствовал жалость к любым серым людям, которые могли встретиться им в будущем. К тому

времени, когда я закончил свою завораживающую и слегка отталкивающую историю, мы приблизились к тому месту, к которому стремились. При нашем приближении открылись широкие ворота, мы въехали, и они закрылись за нами. Там было много девушек, хорошо вооруженных и, по большей части, привлекательных, и я гадал, как же это партия «Консолук» сумела организовать сопротивление подобному правительству. Благодарите за это клизантцев. Когда дело доходит до правительства и армий, я всегда в сильной степени анархист и придерживаюсь крайне невысокого мнения о тех и других. Но если уж иметь их, то делу, разумеется, помогает, если они хорошенькие. Я покачал головой и дал отвести себя в комнату, где находилась очень симпатичная армейская койка. Я рухнул на нее.

— Одежду,— произнес я,— и выпить, и не обязательно в такой последовательности.

Я застенчиво набросил на себя одеяло — не из стыда, а скорей, чтоб бдительные амазонки не подвергались искушению. И, кроме того, тут была моя жена. Она отлично поняла, что я имел в виду под словом «выпить», и оттолкнула стакан воды, который пыталась навязать мне одна из девушек, и подала маленькую фляжечку с мощным напитком. Он мило обжег мне горло и протянул в мозг свои огненные щупальцы.

— Боюсь, что мои мысли... Мое чувство реальности все еще путаное,— признался я и понял по выражению лица Анжелы, что она это понимает.— Они что-то сделали со мной, не знаю что, но это скоро, я уверен, пройдет.

— Я буду убивать их всех,— произнесла она сквозь плотно стиснутые зубы, и раздался ропот согласия всех слушательниц. Я на миг закрыл глаза, чтобы дать им отдых, а когда открыл их, в комнате не осталось никого, кроме Анжелы. Горел свет, за окном было темно. Это было похоже на склеенную ленту с приличным вырезанным куском. Я уважал технику психического манипулирования Края и от души ненавидел его за это.

— Я голодный,— сообщил я Анжеле, и она подошла, села рядом и взяла меня за руку.

— Ты спал и бредил, бормоча об ужасных вещах.

— Я от этого чувствую себя лучше. Когда мы вернемся на базу, я дам медикам пропылесосить мои мозги. Но в настоящее время есть вещи поважнее. Мы должны организовать здесь сопротивление, прежде чем Клизант организованно и прочно возьмет все в тиски. И...

— Нет.

— Что ты подразумеваешь под н е т?

У меня было ощущение, словно я пропустил важную часть разговора. Было ли это другим результатом махинаций с моим мозгом или просто женский разговор?

— Я подразумеваю, что нет, мы этого делать не будем. Пока ты спал, я отправила длинный рапорт Инскину, все, что ты рас-

сказал мне о планах Клизанта, и как они устраивают свои вторжения, и их замыслы приняться за Корпус,— все.

— Ты по крайней мере подписалась моим именем?— обиженно спросил я.

Она погладила меня по руке.

— Конечно, дорогой. Это было твоей работой, у меня и в мыслях не было ставить ее себе в заслугу.

Я извинился, а затем извинилась она; мой скверный характер, вероятно, связан с модифицированием моего мозга, и мы выпили, а уладив это, я попытался вернуться к делу.

— Так, значит, ты отправила доклад. А потом?

— Потом он пошел на передающий корабль по другую сторону этого солнца и был отправлен псиграммой Инскину. Пришел ответ, и он гласил: «Сообщение принято, поздравляем, немедленно возвращайтесь!» Так что, как видишь, тебе придется вернуться.

Я фыркнул, а затем пригубил напиток.

— Ты думаешь, я вернусь?

— Ты болен, тебе требуется медицинская помощь, и ты выполнил свое задание.

— Я спрашиваю тебя не об этом. Ты думаешь, я вернусь?

Анжела попыталась принять свирепый вид, чего она не может делать, если это не всерьез, а затем пожала плечами самым что ни на есть покорным образом.

— Конечно, нет. Если бы ты вернулся, ты не был бы тем мужчиной, за которого я вышла замуж. Значит, теперь мы сотрем с лица планеты этих бесов, спасем Бураду и остановим это вторжение.

— Не все сразу, но это примерно то, что у меня на уме. Надо будет организовать движение сопротивления с нашими советами. Бэйз должна бы с этим справиться, но мы должны захватить в плен Края или одного из его серых людей.

— Какая чудесная мысль! Если они думают, что знают толк в пытках, то скоро узнают кое-что. Помню, как...

— Анжела! Я думал совсем не об этом.

— Чушь! Львица защищает своего льва, и все такое прочее. Совершенно оправдано.

— Я хочу получить одного из серых людей в лабораторию и подвергнуть его анализу. Когда вы с Бэйз сегодня вышибали дух из этой компании, ты не заметила в них чего-нибудь странного?

— Ничего особенного. Я, можно сказать, была занята другим, но заметила, что они легко одеты и поэтому их кожа была холодной.

— Именно так. Они никогда не смеются, не демонстрируют никаких эмоций, не сплетничают, не разговаривают, если только не нужно сообщить что-то важное, и некоторые другие странности.

— Что ты, собственно, хочешь сказать, мой дорогой, что они зомби или роботы? Я думала, что такого рода особи появляются только в космических операх для детишек.

— Смейся, смейся, пока есть время. Они не роботы, это живые типы. Просто я думаю, что они не такие люди, как все.

— Наверное, тебе лучше еще немного поспать. Я выключу свет.

— Не ублажай меня, черт побери! Я думал об этом с тех пор, как впервые встретился с Краем, так что это не плод недавнего испытания. Есть всевозможные доказательства. Клизантские солдаты смертельно боятся Края и его бандюг и даже не говорят о них. Серые люди отрезаны от нормальной клизантской жизни и во всех отношениях отличаются от них, словно они не один и тот же народ. Я могу себе представить, как они делают обзор человеческих планет и находят, что Клизант вполне созрел, чтобы они его сорвали. Стратифицированный, милитаризированный образ жизни, все в мундирах. Все, что им требовалось, это сменить руководство наверху,— и они у руля. И именно это-то они и проделали.

— Ну...

— Ты начинаешь сомневаться. Значит, ты поможешь мне достать образчик серого человека?

— Помогу?! — Она захлопала в ладоши.— Да я просто жду не дождусь этого. Конечно, он, возможно, будет немного поврежден, пока я доставлю его, но ведь по-прежнему будет функционировать, а это главное, не так ли?

Прежде чем я успел ответить, вбежала Бэйз и бросила на койку охапку одежды.

— Быстро одевайтесь,— приказала она.— Сапоги самые большие, что мы смогли найти, надеюсь, что они подойдут.

— Есть какая-нибудь причина для всей этой спешки? — спросил я.

— Разумеется, есть. Здание полностью окружено неприятелем.

Сапоги были тесными, с изящными носками, но я втиснул в них ноги.

— Нас проследили досюда? — спросил я Бэйз.

— Нет, конечно, нет. Я не новичок в этом деле. И похищенной машины здесь нет, больше нет.

Зазвенел телефон, и я замер — так же, как и две женщины,— уставясь на него, словно на ядовитую змею. Он звякнул еще разок, а затем загорелся крошечный экран, и с него глядел столь же неэмоциональный, как и всегда, Край.

— Ты знаешь, что вы окружены,— сказал он.— Сопротивление бесполезно, ди Гриз, сдавайся без шума, и никому из твоих друзей не будет причинено никакого вреда...

Я ударил сапогом в экран, и образ Края вспыхнул и умер, я с корнем вырвал весь аппарат и швырнул его об стенку. Я знал, что большинство телефонов можно включить с центральной станции, имея нужное оборудование, но сейчас было неподходящее время, чтобы это сделать.

— Без паники! — крикнул я, надо полагать, в основном себе, потому что Анжела и Бэйз оставались совершенно спокойными.

— Давайте на минутку забудем про этот звонок и выясним, что случилось. Первое — нас не выследили, когда мы ехали сюда. Второе — наш транспорт исчез, так что и он навести не мог. Третье — Край знает, что я здесь, это значит, что они имплантировали в меня направленный передатчик. В таком случае понадобятся хирург и хороший рентгеновский аппарат, как только мы отсюда выберемся.

— Ты кое-что забыл,— заметила Анжела.

— Так не храни это втайне. Если ты можешь выдать что-нибудь лучшее, чем я, выкладывай.

— Пыточная коробка. Ты сказал, что она радиоуправляемая.

— Конечно. Эта штука все еще здесь, Бэйз?

— Да, внизу. Мы думали, что она может еще пригодиться.

— Правильно. Когда мы скроемся, коробка останется здесь. Может быть, это удержит их внимание на здании, а коль скоро мы смоемся, они снова меня так легко не найдут. Теперь расскажи нам вкратце, Бэйз, что это за здание и как нам из него выбраться.

— Это фабрика, выхода из нее нет. Мы обречены сражаться и умереть, но, умирая, мы дорого продадим свои жизни и захватим с собой на тот свет много этих скотов...

— Это превосходно. Но мы дорого продадим свои жизни, только если будем вынуждены. Ди Гриз может найти дорогу к спасению там, где другие находят только отчаяние. Владелица фабрики здесь? Хорошо, пришлите ее как можно быстрее.

Бэйз отправилась бегом, а я повернулся к своей жене.

— Я полагаю, ты привезла с собой обычное оборудование? Того сорта, что мы прихватывали с тобой на медовый месяц?

— Бомбы, гранаты, взрывчатку, газовые заряды — конечно.

— Пай-девочка, спасибо.

Бэйз вбежала, а следом за ней еще одна амазонка в мундире. Немного постарше, наверное, с очень привлекательным налетом седины, полногрудая, с округлыми формами...

— Я Джеймс ди Гриз, межзвездный агент и шпион.

— Фаида Фартина, из гвардии,— рявкнула она и отдала честь.

— Да, очень хорошо, Фаида, рад с вами познакомиться. Вольно. Как я понял, это здание принадлежит вам.

— Совершенно верно. «Фартина Амальга Мейтел Контракшен Роборецкие Лимитед». Прекрасный продукт на рынок.

— Что это за продукт?

— Роборецкие.

— Вы не сочтете меня тупицей, если я спрошу, что такое Роборецкие?

— Роскошный продукт, необходимый для каждого порядочного дома. Робот, запрограммированный, обученный, специально спроектированный только для одной функции. Дворецкий, слуга, готовый помогать по дому, который делает дом родным и уют-

ным, облегчая заботы хозяина, избавляя его от ежедневной работы, стрессов современной жизни...

Она, конечно, шпарила цитаты из рекламной брошюры, но я не слушал. В голове у меня складывался план, пока звуки выстрелов не прорвались сквозь мою цепочку мыслей.

— Они произвели пробную атаку,— сказала Бэйз, с командной рацией у уха.— Но были с потерями отбиты.

— Они не должны применять тяжелое вооружение, поскольку надеются взять меня живым.— Я взмахом руки прервал владелицу фабрики, готовую опять тарабанить устную рекламу.— Фаида, сделайте мне быстрый набросок наземного плана здания и непосредственно прилегающего к нему района.

Она начертила быстро и точно, указав двери, окна и окружающие улицы.

— Как выглядят ваши Роборецкие? — спросил я.

— Примерно гуманоидные по форме и размерам, оптимальный облик для домашней среды, и вдобавок...

— Вот и отлично, сколько у вас есть готовых к отправке?

Она задумчиво нахмурилась.

— Я должна свериться с отделом доставки, но, по приближенным подсчетам, я бы сказала, где-то между 160-ю и 180-ю.

— Это именно столько, сколько потребуется для наших нужд. Вы можете разориться — страховка покроет потери, если они будут уничтожены за дело Бурады?

— Все Роборецкие фирмы «Фартины» охотно погибнут, можно было бы сказать, с радостью, если бы у них были какие-то эмоции, за дело свободы. Хотя, конечно, они не способны взять в руки оружие, так же как и совершать какие-либо акты насилия.

— Ну, этого не потребуется. Об этом можем позаботиться мы, наша бригада дворецких сделает отвлекающий маневр, который позволит нам выбраться отсюда. А теперь подойдите сюда, девочки, и я изложу вам свой план.

Мой мозг наконец действительно заработал. Раздававшаяся время от времени стрельба только стимулировала меня быстрее соображать. Через полчаса приготовления были завершены, и мы были готовы к атаке.

— Вы знаете свой приказ? — спросил я у роботов.

— Знаем, сэр, да, сэр, благодарим вас, сэр,— ответили они с образцовым акцентом.

— Тогда приготовьтесь к отправке. То, что вы сделаете сейчас — много-премного лучше всего, что вы когда-нибудь сделали бы за свою электронную жизнь на службе по дому. Когда я скомандую, вы выйдете,— каждый по назначенной ему программе.

— Вы очень добры, сэр, благодарим вас, сэр.

Здесь, в отделе отправки фабрики, их было больше сотни,— наша главная отвлекающая сила. Они были одеты во всевозможные наряды, что мы сумели собрать: пилотки, куртки, брюки. Большая часть одежды была пожертвована ударницами. Вокруг

было чересчур много загорелой плоти, и вряд ли, чтобы мужчина мог ее полностью игнорировать. Было почти удовольствием побыть для разнообразия с роботами, одежда на которых была разнообразна и не открывала ничего интересного. Каждый из них сжимал обрезок трубы, или кусок пластика, или какой-нибудь другой предмет, напоминавший оружие. В грядущей сумятице их, как я надеялся, примут за атакующих людей. Я посмотрел на часы и приказал по рации:

— Готовность всем частям! Пятнадцать секунд до нуля. Бомбометчицам приготовиться. До последней секунды держитесь подальше от окон. То есть не высовывайтесь... Активизировать бомбы... Бросай!

С улицы донеслась серия глухих взрывов, а потом девушки метнут бомбы с верхних этажей здания. Это, в основном, дымовые бомбы, к которым примешан раздражающий сонный газ.

Я включил рубильник двери гаража. Дверь с грохотом поднялась.

— Вперед, мои верные солдатики, вперед! — приказал я, и ряды моей бригады роботов хлынули вперед.

— Благодарим вас, сэр!

Теперь раздалась стрельба из верхних окон, немедленно подхваченная войсками снаружи. Все по плану. Пятнадцать секунд после нуля, время второй волны.

— Все остальные части Роборецких — пошел! — приказал я по рации.

В этот момент из дверей фабрики в клубах дыма и газа должны выступить роботы. Я не тратил времени на попытки организовать подслушивание вражеской командной связи, но вполне мог вообразить, что теперь происходило.

Здание было окружено, все их войска наготове, наша цитадель видна со всех сторон при ярком свете полуденного солнца. Затем внезапная перемена, дым, химические раздражители, окружившие здание со всех сторон. Явный прорыв — и вот он! Дзинь, дзинь! Получай, поганый бурадчик!

Нужно было срочно покидать здание. С большим трудом мы выбрались на улицу, которая с обеих сторон блокирована клизантскими солдатами. Если бы они знали, что происходит, то могли бы прочесать улицу перекрестным огнем. Но, будем надеяться, что в данный момент они заняты Роборецкими.

Все, что нам требовалось сделать,— это пересечь метров двадцать открытого пространства, до многоэтажного и многоквартирного здания на той стороне. Если мы доберемся туда незамеченными, у нас будет хороший шанс пройти через него до смежной улицы на другой стороне. Если мы и туда доберемся незамеченными, то там мы разделимся и рассеемся через кроличьи ходы улиц, дорожек, тоннелей и будем надеяться, сливаясь с гражданским населением, исчезнуть прежде, чем наше отсутствие заметят. Будем надеяться.

Я считал шаги, так что знал, что почти добрался до здания, что

означало — половина наших была уже в безопасности, когда поблизости раздался голос:

— Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это похоже на роботов?

Цепочка молча остановилась, затаив дыхание. Мы были так близко. Голос был мужской и говорил по-клизантски.

— Роботы? Какие роботы? — переспросил я и, положив руку на плечо Анжелы, шепнул ей: — Двигай отсюда.

А потом покинул цепочку и тяжело затопал к нему в своих новых сапогах.

— Я уверен, что он сказал «роботы», — пожаловался голос. Я увидел, что цепочка снова двинулась вперед. Я топал и кашлял, приближаясь к невидимому собеседнику. Мои руки готовы были быстро сжимать и давить, как только он снова заговорит.

Вдруг раздался взрыв. Сильный порыв ветра развеял дым. Я смотрел на клизантского солдата, в шлеме, вооруженного гауссовкой, с удивленным взглядом — вместо того, чтобы глядеть на собрата-солдата, он увидел неизвестного инвалида, разминающего пальцы, с красными глазами и небритой челюстью, одетого в совершенно прозрачную робу и женские сапожки, с висящими на плечах узлами и тюками. Разевать рот — это все, что он мог делать.

Я мгновенно схватил его за горло, чтобы он не мог выкрикнуть предупреждение, и за гауссовку так, чтобы он не смог выстрелить в меня. Дым снова сомкнулся вокруг нас. Мой противник не кричал, не стрелял, но и не покорялся.

Он был рослым и мускулистым и держался за свою жизнь. К счастью, он был не слишком сообразителен и держался обеими руками за гауссовку, пытаясь вырвать ее у меня. Примерно в то время, как он сообразил, что мог держать ее одной рукой и лупить меня другой, я дал ему подножку, рухнул на него и вышиб из него дух.

Я сидел на нем, ожидая, пока голова перестанет кружиться, но тут поблизости раздался новый голос:

— Что это за шум? Кто там?

Я глубоко вдохнул, чуть выпустил воздух и, подражая этим олухам, произнес:

— Это я! Я споткнулся и упал. Поранил палец...

— Значит, получишь за него медаль. А теперь заткнись.

Я заткнулся, взял гауссовку у моего обмякшего спутника и встал, сообразив, что совершенно потерял ориентировку. Неприятное ощущение. Дым редел, а я не знал, куда идти. Если я пойду в неверном направлении, это будет самоубийством.

Паника! Или, скорее, мгновение растерянности?! Я всегда позволял себе это в любой острой ситуации. Это вызывает прилив крови в кровеносные сосуды, заставляет сердце биться быстрее, высвобождает дозу адреналина и делает человека более активным и сообразительным.

Но время поджимало. Я знал, что моя Анжела не бросит меня,

и мог видеть, что она стоит перед этой дверью к выживанию и ждет меня. У нее имелось чувство направления, у меня — нет. Следовательно, она должна прийти ко мне.

— Этот палец убивает меня, сержант,— прохныкал я, а затем свистнул как бы от боли. Один короткий свист и один длинный. Буква «А» означала Анжелу на коде, как я знал, ей хорошо известном. Что я нуждаюсь в помощи, она вычислит сама, как и все остальное.

— Прекратить этот свист! Скажи-ка, кто ты?

Я порылся в памяти, ища имя, услышанное несколько минут назад.

— Это я, сержант, Зобно. Этот палец...

— Это не Зобно! Зобно — это я.

— Нет, я! — крикнул я в ответ.— Кто это сказал?

— Вы оба подойдите сюда, сейчас же! — крикнул сержант.— Через пять секунд стреляю.

Настоящий Зобно, спотыкаясь, потопал сквозь дым, а я не сумел ни заговорить, ни двинуться и почти ощущал, как меня рвут пули, когда что-то дернуло меня за руку и я подпрыгнул.

— Анжела? — прошептал я и получил безмолвный ответ, когда она обняла меня. Я потянулся к ней, но она не дождалась и, взяв меня за руку, увлекла за собой. Позади нас в дыму звучали голоса, затем внезапный выстрел гауссовки и крики команд.

Я споткнулся о невидимые ступеньки, и поджидавшие меня втащили через дверной проем.

— Поисковая партия... поисковая партия...— Слова смутно дошли сквозь горластое рычание атакующих плюшевых медвежат. Я мог бы отбиться от них, хотя используемые мной вместо мечей леденцовые палочки продолжали ломаться. Но даже без них дашь плюшевому мишке пинок в живот, и он готов.

С мишками я мог бы справиться в одиночку, не будь на их стороне еще проклятых деревянных солдат. Из них получился бы неплохой костер, именно об этом я и думал, ища спичку, когда один из них ткнул меня в руку штыком своей игрушечной винтовки. Он уколол, а я сморгнул и открыл глаза, поднял взгляд на усатое лицо глядевшего на меня доктора Мутфака.

— Эта тревога, должен сказать, произошла в самое неудобное время. Я сделал вам инъекцию для нейтрализации гипнотического наркотика.— Он держал в руке шприц, и я потер руку в том месте, где он уколол меня.— В крайне неудачное время.

— Не я это устраивал,— пробурчал я, все еще проснувшись только наполовину, и все еще желая покончить с плюшевыми мишками.

— Лечение идет хорошо, и на то, чтобы опять начать все сначала, уйдет много времени. Я регрессировал вас до вашего детства, и — ух! — у вас было очень интересное, чтобы не сказать отталкивающее, детство! Вы должны дать мне разрешение описать этот случай. Символ плюшевого медвежонка, нормально оли-

цетворяющего собой тепло и уют, был преобразован вашим несносным подсознанием в...

— Позже, доктор, если позволите,— пришла мне на помощь Анжела — воплощение золотого шарма: она загорала на балконе, и носимый ею для этой операции кусочек ткани занимал примерно ту же площадь, что и крыло бабочки.

Я сел, помотал головой,— она была все еще как в тумане от наркотика. Помещение было колоритным и роскошным, с балкона видны голубое небо и еще более голубой океан. Этот отель,— вероятно, лучший на Бураде, и я вполне мог поверить в это,— находился в центре лагуны, и приблизиться к нему можно было только по воде или воздуху.

Это давало нам заблаговременное предупреждение о любых нежелательных визитерах — такое предупреждение только что было получено. Порядок действий был разработан старательно. Во время мозгогнутой сессии на меня были надеты плавки, как раз на случай чрезвычайного положения, так что я взял Анжелу за руку, и мы рысью побежали к частному лифту. Когда мы вошли в него, звук моторов на взлетной площадке у нас над головами стал громче и отчетливей. Мы держались за скобы, когда высокоскоростной лифт выпал из-под нас.

— Ты чувствуешь себя пригодным для этого? — спросила Анжела.

— Просто немного словно в тумане, но это пройдет. Ты думаешь, этот выкачиватель мозгов что-нибудь смыслит в этом деле?

— Предполагается, что он лучший специалист на планете. Он выправит вставленные в тебя Краем вывихи психики, если это вообще кто-то может.

— Он мог бы работать немного быстрее. Уже три дня, а мы все еще не выбрались из моего детства.

— Ты, должно быть, был «ужасным» мальчиком. Кое-что из того, что я слышала...

Прежде чем я успел возразить, лифт, засвистев, остановился, и мы вышли на уровне воды. Из закрытого бассейна в океан вела лестница. Смотритель ждал нас с аквалангами наготове, мы пристегнули их и нырнули. Прямо на дно, на прогулку среди рифов. Даже если они придут посмотреть, им здесь нас никогда не найти. Я включил звуковую связь и вызвал оператора.

— Поиск не ахти какой,— сообщил он мне.— Я дам вам знать, когда они доберутся до нижнего уровня.

Мы с Анжелой нырнули поглубже. Вокруг нас вилась рыбка радужной окраски, а зеленые водоросли кланялись, когда мы проплывали мимо. Вода была чистой и теплой и быстро восстанавливала мои силы, мысли и бодрый дух. Мы заплыли в грот, найденный нами в предшествующую прогулку, полностью окруженный кораллами, и расположились на золотистом песке. Я обнял одной рукой Анжелу, и она прильнула ко мне — и ради удовольствия,

и для того, чтобы наши маски соприкасались и мы могли разговаривать.

— Появилось что-нибудь новенькое насчет Края и его парней, пока док пробивался сквозь мое серое вещество?

— Их обнаружили, и это все. Теперь, когда первая стадия вторжения завершена, клизантские вооруженные силы, кажется, предрасположены к оккупации. Они забрали себе это огромное административное здание, называемое Октагоном, вероятно, из-за того, что у него восемь сторон, и вымели всех оттуда, и, кажется, перенесли туда большую часть своих административных операций, и одного из серых людей Края видели входившим в это здание. Именно там они, должно быть, и окопались.

— Хотел бы я знать, почему они покинули свою прежнюю резиденцию.

— Несомненно, опасаясь тебя и твоей безжалостной мести.

— Ты это только говоришь, но, клянусь Велиалом, в этом есть элемент истины. Требуется нанести нокаутирующий удар этой клизантской операции вообще, но к этим серым людям требуется особое внимание. Но сначала мы должны заграбастать одного из них. Я должен проникнуть в это здание.

— Ты не сделаешь ничего подобного.— Она ущипнула меня, я попытался увильнуть, и сам ущипнул ее. Пока мы занимались этой игрой, я не терял чувства реальности и вернулся к прерванному разговору.

— Почему я не могу попробовать проникнуть в здание? Я буду замаскирован, говорю по-клизантски, знаю, что у них и как...

— А они знают, что и как у тебя. У них будут над каждым входом камеры, скармливающие данные компьютерам, которые знают твой рост, сложение, вес, походку, лексикон. Ты не можешь замаскироваться полностью, и ты это знаешь. Они сцапают тебя в тот же миг, как только ты туда войдешь.

— А у тебя есть лучший план?

— Есть. Я говорю по-клизантски, и у них совсем нет данных обо мне, и я — опытный полевой агент, единственный на планете, кроме тебя.

— Нет.

— Почему же сразу нет? — нахмурилась она.

— Я только беспокоюсь о твоей безопасности.

Она растаяла от удовольствия: даже самая умная женщина — младенец, любящий, когда ему оказывают внимание, и потерлась о меня. Я почувствовал себя подлецом, каковым и являлся.

— Ты все-таки любишь меня, Джим, правда, на свой лад — ужасный, но со мной все будет в порядке, вот увидишь. Среди второго эшелона клизантцев есть немного женщин,— не понимаю, как они могут носить эти уродливые мундиры, и мы заграбастали одну такую. В ее мундире и с ее удостоверением я проникну в здание, найду Края...

— Ты ведь не сделаешь какой-нибудь глупости?

— Конечно, нет.

— Великолепно.

Загудел сигнал коммуникатора, и я включил его.

— Поисковая партия убралась, можете возвращаться.

Мы медленно поплыли обратно, рука об руку, наслаждаясь короткой передышкой.

Доктор Мутфак ждал, когда мы вылезем из воды.

— Хорошо, мы продолжим там, где остановились. Мы должны прозондировать символику так, чтобы можно было перейти к более поздним делам.

Он ждал с нетерпением, пока мы с Анжелой обнимали друг друга. Затем я позволил доктору отправить меня под наркоз, поскольку не хотел, чтобы Анжела поняла, что я нервничаю. Она помахала рукой и пошла одеваться. Мутфак всадил мне в руку шприц...

Мы, должно быть, немного продвинулись,— когда я проснулся вновь, плюшевые мишки уже исчезли, и последний запомнившийся мне сон имел какое-то отношение к взрывающимся космическим кораблям и солнечным вспышкам.

— Очень хорошо,— сказал он.— Неплохо продвигаемся.

— Вы уже откопали следы какого-нибудь вмешательства Края?

— Следы?! — Ноздри его раздулись, и он запыхтел.— Они как отпечатки кованых сапог по всей коре вашего головного мозга! Эти люди — мясники! Повсюду блоки памяти, следы амнезии, связанные с узорами ложной памяти. Эти воспоминания — единственное, что имеет какую-нибудь клиническую ценность, и я должен выяснить, какую технику они применяют.

— Сомневаюсь, что могу вам чем-то помочь.

— Я думаю, что вы не отличите их от настоящих воспоминаний,— вот какова сила их техники. А теперь посмотрите на свои запястья и расскажите мне о красных линиях на них.

Я вспомнил, как оказался в камере и почему-то считал, что у меня отрублены кисти рук. Я рассказал все доктору и добавил:

— Не знаю, почему. Это были просто красные линии. Ложная память?

— Да, и необыкновенно отталкивающая.

Дверь распахнулась, и вбежала Бэйз. Когда она пролетела мимо, я уловил выражение ужаса на ее лице. Внезапный страх обуял и меня, и я сел, следя за ней, ничего не спрашивая, пока она не включила телевизор.

Зажегся экран, и я увидел Края. Он почти улыбался, когда говорил.

— Это запись, она продолжает повторяться,— сказала Бэйз.

— ...что мы хотим дать ему знать. Кто-то там должен знать человека, известного как Джеймс ди Гриз. Свяжитесь с ним. Скажите ему, пусть прослушает эту передачу. Это сообщение для тебя, ди Гриз. Мы хотим, чтобы ты вернулся сюда. Здесь у меня Анжела. Она невредима — пока, и останется таковой до рассвета. Я предлагаю тебе связаться со мной и переговорить.

Добро пожаловать к нам, Джеймс.

Я был в шоке, и в таком состоянии я предпочитаю быть один. Бэйз оказалась достаточно понятливой. Продолжавшая мерцать на грани сознания мысль наконец проявилась со всей ясностью. Мне придется сдаться и снова получить ошейник — этого никак не избежать. Мои воспоминания об этом были не очень приятными...

В последнее время в моем сером веществе произошло чересчур много превращений, и я не хотел их повторения, но это было неизбежно. Ошейник и пыточная коробка были частью моего плана — их придется нейтрализовать. Это будет отнюдь нелегко.

Я поразмыслил над всеми возможными вариантами и, когда план атаки вчерне был готов, послал за Бэйз и сообщил, что собираюсь сдаться.

— Вы не можете! — Я клянусь, что эти замечательные большие глаза наполнились слезами.— Отдать себя этим дьяволам, чтобы спасти женщину. Если бы только все мужчины на этой планете были похожи на вас. Невозможно поверить...

Я воспротивился насладиться женской восторженностью и отвернулся, чтобы вскрыть один из контейнеров с орудиями убийства. При виде гранат Бэйз с интересом посмотрела на меня.

— Это будет второй частью операции,— сказал я ей.— О первой части я позабочусь сам, она будет заключаться в том, чтобы проникнуть в здание и освободить Анжелу. Я надеюсь также захватить и серого человека, но если это задержит меня, то мы отложим эту часть операции до следующего раза. Потом надо будет выйти из Октагона, но для этого мне потребуется ваша помощь. Мне необходим план здания, я хочу поговорить с кем-нибудь, кто хорошо знает, что там где лежит, возможно с кем-нибудь из штата ремонтников, для того чтобы я мог найти уязвимое место. Вы можете сделать это сейчас?

— Тотчас же,— откликнулась она, убегая. Надежная наша Бэйз. Я стал копаться в контейнере со снаряжением.

До рассвета оставалось всего лишь два часа, когда мы готовы были двинуться в путь. Я завершил разработку своей части операции, но и после этого устроить побег было не так-то просто. Октагон очень сильно походил на крепость. Нам сильно мешало отсутствие у нас каких-либо воздушных судов и тяжелого вооружения. По воздуху или по земле, кажется, не существовало никакого выхода, но именно один из штата ремонтников, обнаруженный и вытащенный нами, дрожащей рукой отметил на плане спасительную лазейку.

— Кабельный канат, мэм и сэр, проходит под улицей и под стенами и выходит в субподвале «семнадцать». Большой тоннель для кабелей, телефонов и всего такого прочего.

— Он, разумеется, будет кишеть «клопами»,— заметил я.— Но если мы правильно спланируем, то это не будет иметь никакого значения.

Пока были сделаны последние приготовления, до рассвета оставалось минут двадцать, и я весь покрылся холодным потом. Передовые части уже выходили на исходную позицию, когда я сделал видеозвонок Краю. Нас соединили сразу же, и я заговорил прежде, чем он что-либо успел произнести:

— Я хочу немедленно увидеть Анжелу и поговорить с ней и хочу быть уверенным, что она цела и невредима.

Он не спорил, он этого ожидал. Анжела появилась в фокусе в костюме Евы, и я увидел на ее шее тот ненавистный ошейник с проводами, уходящими вверх.

— С тобой все в порядке?

— Настолько прекрасно, насколько это возможно для меня в таком виде в этом положении и в одном помещении с этой тварью.

— Они ничего с тобой не сделали?

— Пока ничего, не считая того, что меня насильно раздели и застегнули на шее этот ошейник, прикрепив проводок к потолку, так, чтобы я не могла убежать. Но ты можешь представить, какие угрозы высказывал этот отвратительный субъект. Не думаю, что я могла бы прожить хотя бы минуту с таким мозгом.

Она застыла, ее глаза выкатились, хотя и не закрылись — Край сделал ей укол нервной пытки. Я понял в этот момент, что если он попадет ко мне в руки — ему конец. Его лицо снова появилось на экране, и с усилием, на которое почти не считал себя способным, я спокойно смотрел на него и молчал.

— Теперь ты явишься ко мне, ди Гриз, и сдашься. У тебя осталось всего несколько минут. Ты знаешь, что я сделаю с твоей женой, если ты не явишься. Если ты сдашься, ее тотчас же отпустят.

— Какие у меня гарантии, что вы сдержите слово?

— Никаких! Но у тебя нет выбора, не так ли?

— Я скоро буду,— сказал я как можно спокойнее и выключил видеофон, не раньше, чем услышал, как Анжела выкрикнула мне за кадром:

— Не-ет!

— Одежда уже высохла? — спросил я, сдергивая с себя рубашку и снимая сапоги.

— Вот-вот высохнет,— сказала Бэйз. Она и еще одна девушка держали фены над клизантским мундиром, который я выбрал для этого случая. Его насквозь промочили в химической ванне и теперь подвергли принудительной сушке.

— Достаточно! Мы не можем больше ждать.

Оставалось несколько влажных пятен, но это не имело значения. Внизу нас ждал катер. Пока что все шло хорошо. А на берегу стояла машина с доктором Мутфаком на заднем сиденье, державшим черный чемоданчик на коленях и бурчавшим что-то себе под нос.

— Не нравится мне все это,— пробурчал он.— Это нарушение моего врачебного этического кодекса.

— Война — нарушение любого кодекса, этического или мо-

рального, уродство, против которого все средства хороши. Сделайте то, о чем я вас прошу.

— Я сделаю это, не может быть и речи, но человеку позволительно сделать замечание об этической стороне совершаемого.

— Замечания делайте на здоровье, но наполняйте при этом шприц.

Мы припарковались на боковой улице. Октагон был за углом...

— Катализатор,— произнес я.— И не пролейте ни капли. Только под мышки, там, где влажность не заметят.

Я поднял обе руки и почувствовал теплоту жидкости из контейнера, а затем быстро опустил их, держа мокрую ткань между боками и предплечьями. Потом я вылез из машины и просунул мокрую руку в окошко. Игла воткнулась мне в кожу — дело сделано. Заворачивая за угол, я услышал, как отъехала машина.

Октагон вырисовывался передо мной, словно гора, небо позади него начало светлеть. Мы подъехали,— впереди находился вход, тот, к которому меня направили. Около него стояло двое серых людей. Они были очень самоуверенны. Я подошел к ним, и один из них защелкнул на моем запястье поводковый браслет и провел через двери мимо молчаливых часовых.

Поднимаясь по лестнице, я споткнулся и стал более внимательно смотреть под ноги. Инъекция начинала действовать.

Они втолкнули меня в комнату. Там они вытащили свои пушки и наставили на меня, пока снимали браслет.

— Одежду долой! — приказал один из них.

Потребовалось усилие, чтобы не улыбнуться. Сбоку стоял флюороскоп и другое оборудование для проверки. Эти субъекты оставались верны шаблону, следуя той же схеме, той же рутине, которую применяли, когда захватили меня в первый раз. Неужели они не понимали, что так можно и проиграть? Нет, не понимали. Я неловко стащил одежду и дал им вволю поработать над собой.

Они, конечно, ничего не нашли — искать-то было нечего. Или, вернее, была одна вещь, которую, как я надеялся, им не найти, что и подтвердилось.

Проверка шла медленно. В моей голове начал собираться туман от наркотика, я чувствовал себя завернутым в вату. Инъекция, должно быть, достигла пика и скоро начнет ослабевать. То, что необходимо сделать, должно быть сделано, пока наркотик действует максимально эффективно, иначе все приготовления оказались бы бесполезны.

— Надеть это,— велел деревяннолицый конвоир и бросил мне знакомую прозрачную одежду. Я нагнулся поднять ее — и пришлось прятать улыбку, которую я не мог удержать. Сделано!

Они терпеливо ждали, пока я возился с робой. Я внимательно следил за пальцами, чтобы наверняка знать, что они выполняют свою задачу. Когда вокруг моей шеи застегнули ошейник, я чуть не испустил вздох облегчения.

Все шло почти точно по плану, плюс-минус пять секунд. Когда

один из охранников взял пыточную коробку, я наклонил голову, следя за ногами, чтобы не споткнуться. Если это вызывало иллюзию подавленности, тем лучше. Мы прошли по широкому коридору мимо лестницы, и я мысленно отметил ее расположение, чтобы получить некоторое представление о расстоянии, отделяющем ее от цели нашего путешествия. Логово Края! Он ждал за письменным столом столь же терпеливо и безэмоционально, как паук в паутине. Анжела сидела перед ним с подвешенной к потолку пыточной коробкой.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Конечно. Ничего не случилось. Тебе не следовало бы приходить.

Как только я услышал это, я обратил внимание на Края, не забывая и про охранника, закрывающего за нами дверь.

— Теперь вы отпустите ее, не так ли?

— Конечно, нет, в этом не было бы никакого преимущества.— Выражение его лица, когда он это говорил, ничуть не изменилось.

— Я и не думал, что вы отпустите. Вы можете сказать, как ее поймали?

— Ваша память содержала точное описание вашей жены, когда же мы обнаружили, что вашему побегу способствовали две женщины, то естественно предположили, что одной из них могла быть эта самая Анжела. Компьютер опознал ее, как только она вошла в здание.

— Мы сглупили, пойдя на такой риск,— сказал я, повернувшись лицом к ней, но смотря на охранника. Он вот-вот готов был прицепить пыточную коробку к другому крюку на потолке, и — если прицепит — мы в капкане.

Все, что я мог сделать,— броситься на него.

— Остановите его! — крикнул Край, и охранник, глянув на меня, быстро нажал ряд красных кнопок на крышке.

Не стану притворяться, что это было приятное ощущение. Боль была достаточна сильна, чтобы разрывать мне желудок тошнотой и узлами завязывать мускулы. Я споткнулся и упал у ног охранника. Принятый мною наркотик блокировал бóльшую часть боли, но не всю. Имелось, должно быть, еще несколько нервных троп, доступных для моторного контроля. Глаза мои наполнились слезами, и сквозь них я смог различить перед собой ботинок и ногу в форменной штанине,— плохо, а затем руку охранника, когда он нагнулся, чтобы взять меня за шкирку. Я нанес хлесткий удар вытянутым средним пальцем и поцарапал кожу на его ладони. Он лишь вздрогнул и продолжал нагибаться, пока не упал рядом со мной, выронив коробку управления. Она упала так близко, что я смог дотянуться до нее и ударить по черной кнопке.

Боль прекратилась мгновенно. Я пополз, и покатился, и... поднялся на ноги.

За несколько мгновений, прошедших с тех пор, как я напал на охранника, ситуация резко изменилась. Анжела лежала поперек

стола Края, держась за ошейник и корчась от боли. Край стоял на коленях за столом и тянулся за пистолетом.

Я кинулся на него в тот момент, когда он его взял. Мне не успеть,— я бросился слишком поздно, он успеет выстрелить — и туг-то сказочке конец.

Но именно в эту секунду грянул отдаленный взрыв, пол вздыбился, с потолка посыпалась пыль и куски пластика, а освещение замигало. Край этого не ожидал, а я ждал и скользнул по столу к нему и ногтем чиркнул его по коже.

Он выстрелил, но пуля попала в стену, так как в момент выстрела он уже падал, теряя сознание. Анжела, должно быть, напала на него, а я кинулся на охранника.

Повиснув на проводе, она вскинула ноги достаточно высоко, чтобы дать один хороший пинок Краю, скинувший его на пол. Он отомстил, схватившись за радиоуправление прежде, чем за пистолет, и этот маленький эксцесс садизма дал мне шанс добраться до него, но Анжела теперь расплачивалась за это.

Я не мог смотреть на ее извивающееся тело, когда влез к ней на стол. Перед креслом Края было много кнопок, но я не стал разбираться в них, а просто отцепил и отключил коробку.

Анжела открыла глаза и лежала не двигаясь, она просто смотрела на меня, пока я обшаривал ящики стола.

— Милый, ты, несомненно, гений! — слабо сказала она. Я нашел ключ и нагнулся, чтобы отомкнуть ее ошейник.— Как ты это сделал?

— Перехитрил их, вот и все. Они не нашли в моей одежде никакого оружия, потому что сама одежда была им. Ткань была пропитана тантуралином, превратившим ее в мощную взрывчатку. Я нанес на ткань жидкий катализатор под мышками, где тепло тела не давало ему реагировать. Пока я был в мундире, ничего не происходило, но как только они заставили меня снять его, катализатор начал действовать, охлаждаясь, и когда он достиг критической точки...

— Бум, и все взорвалось. Мой гений.— Она притянула меня к себе, когда ошейник щелкнул, открывшись, и подарила мне жаркий и страстный поцелуй, на который я некоторое время отвечал тем же, пока не вспомнил, где мы находимся. Она не совсем твердо села и попыталась вставить ключ в мой ошейник.

— И у тебя, я полагаю, есть какое-то остроумное объяснение, как ты убил этих бесов?

— Они еще не мертвы, просто без сознания. Я заточил один ноготь, а затем смазал его каланитом.

— Конечно! Он невидим глазу, и чтобы обнаружить его крошечный след, необходим спектроанализ. Но его больше чем достаточно, чтобы привести оцарапанного в бессознательное состояние. Что дальше?

— Телефонный звонок, чтобы привести в действие вторую фазу операции, если взрыв не был слышен за пределами здания. Но у них есть прослушивающие устройства...

Прежде чем я успел докончить фразу, свет погас. Поскольку это была темная комната, я упал, потеряв ориентиры.

— Анжела,— позвал я, чувствуя хрипоту в своем голосе.— Меня до бровей накачали наркотиками, отрубившими почти все болевые ощущения. Вот почему я смог справиться с охранником, несмотря на то что он включил электрошоковую коробку. Но я совершенно онемел. Все, что я могу делать в темноте, так это слышать, тебе придется помочь.

— Что мне делать?

— Найди Края и приволоки его ко мне. Я хочу посмотреть, не сможем ли мы прихватить его с собой.

Она вытащила его из-под стола, не слишком мягко, судя по слышанным мной ударам, и помогла мне взвалить его на плечи.

— А теперь выведи нас отсюда. Тебе придется вести меня, потому что я совершенно не способен передвигаться в этой темноте. Перейди на другую сторону коридора, а потом налево, примерно сорок метров, пока не выйдешь к лестнице, а потом вниз до конца.

Анжела взяла меня за руку, и мы пошли. Я врезался во что-то, но это была не ее вина, поскольку у меня отключилось осязание. По коридору следовать было легче и быстрее, ибо там она могла одной рукой касаться стенки. Мой взрывчатый гардероб обеспечил неплохое отвлекающее действие, а в темноте это было вообще великолепно. Затем, как раз когда я поздравил себя с тем, как хорошо идут дела, замигал и зажегся свет.

Мы остановились, замерев и щурясь от яркого света, чувствуя себя актерами на сцене.

Серые люди игнорировали нас, увлеченные собственными бедами и едва осознавая присутствие друг друга. Толстый чиновник в мундире, с ошалевшими от страха глазами налетел на нас, даже не заметив.

— К лестнице, быстро!—скомандовал я и припустил за ней с подпрыгивающим у меня на плечах Краем.

Я понимал, что так хорошо долго продолжаться не может. Аварийное освещение мигнуло и померкло до красноты и готово было потухнуть совсем. Но шедший нам навстречу солдат имел достаточно времени, чтобы осмотреться и подумать, что же перед ним происходит. До него наконец дошло, что что-то не так, и, вытащив гауссовку, он заорал:

— Стой!

Анжела держала пистолет наготове, раздался всего один выстрел, и солдат упал. Мы очутились на лестнице, и свет погас.

Маневрировать при спуске было трудновато, хотя некоторые ощущения стали возвращаться. Я в определенной степени уже мог нащупать дорогу. Но один раз я уронил Края, и мы, немного посмеявшись, прокатили его вниз, а через мгновение я, споткнувшись, налетел на Анжелу, и мы чуть было не упали с лестницы. После этого мы пошли осторожнее, и пролетом ниже кто-то сказал:

— Мы ждем, чтобы вывести вас. Только стойте, не двигайтесь.

Это был девичий голос и к тому же говоривший не поклизантски, иначе Анжела разнесла бы всю лестницу. Через мгновение чьи-то руки коснулись моей головы и надели на меня тяжелые очки. Я теперь смог все видеть в резком контрасте. Это были инфракрасные очки, а у поджидающей нас девушки был переносной инфракрасный прожектор. Мы припустили бегом, а она вызвала кого-то по рации. У подножия лестницы нас ждала Бэйз.

— Мы расставили людей у всех лестниц, чтобы не потерять вас. Теперь они возвращаются.

Они забрали у меня Края. Я не чувствовал ни боли, ни усталости, но по вибрации моих мускулов предчувствовал тяжкую боль после окончания действия наркотиков. Мы припустили быстрой рысью к открытой пасти служебного тоннеля.

— Туда,— указала Бэйз,— нас ждут машины.

Я стонал от каждого движения. Немного более глухо и театральнее, чем следовало, но это отвлекало Анжелу от собственных неприятностей, заставляя ее чувствовать себя необходимой мне. Она квохтала, как наседка, добросовестно подкладывая под голову подушки, наливая мне утешающего и нарезая мне фрукты мелкими дольками.

Я надеялся, что обязанности жены не дадут ей вспомнить о пыточной коробке.

Воздух, проникавший в комнату, был теплым, а небо, как всегда голубым.

— Были какие-нибудь потери?— спросил я.

— Никаких, о которых стоило бы говорить. Немного ожогов и царапин и несколько легких ран среди солдат авангарда. Все прошло точь-в-точь как ты и спланировал. Как только девушки услышали взрыв, они закоротили телефонные провода и устроили страшную путаницу на линии. Затем они прошли через тоннель и вырубили аварийное освещение. Остальное ты знаешь, поскольку ты был достаточно любезен, чтобы не свалиться, пока мы не добрались до машины.

— Я был бы счастлив сделать это раньше, но меня не восхищала мысль, что меня поволокут по трубам амазонки. Бэйз, они, кажется, все еще невысокого мнения о мужчинах. Может быть, они сделают меня почетной девушкой?

— Давай посмотрим за тем, чтобы они ничего другого тебе не сделали. Недавно звонил доктор Мутфак и сказал, что с Краем уже можно поговорить.

— Тогда пошли. Я давно с нетерпением жду этого разговора.

Когда я вылез из постели, мои суставы затрещали и я почувствовал себя тысячелетним стариком. На мне были купальные принадлежности, как и на Анжеле. В роскошном отеле «Ринга» неофициальность была уставом. Это давало нам возможность смотаться, спасая жизнь, если поблизости снова будут солдаты.

— Что произойдет, если появятся клизантцы с проверкой? Есть план, как упрятать Края?

— Упрятать — самое подходящее слово. Поскольку он без сознания, его можно хранить в глубине одного из холодильников. Хорошая мысль, особенно если они забудут про него и оставят его там.

— Месть — потом, теперь — информация. Интересно, какие завораживающие факторы в нашем чужаке открыл доктор.

— Он не чужак,— настаивал доктор Мутфак. Пока я спал, он работал в маленькой, но полностью оснащенной лаборатории, являющейся частью мини-госпиталя отеля.— Я ручаюсь в этом своей репутацией.

— Единственная ваша репутация, которая мне известна, это репутация мозговыжимателя,— сказал я.— Разве вы можете быть уверены?

— Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли иностранцы! — закричал доктор, так вытянувшись в гневе, что макушка его головы почти дотянулась до моего плеча.— К оскорблениям со стороны женщин я привык, но от инопланетянина... Там, где вас породили, должно быть, известно, что базисом всего медицинского образования является здоровая основа биологии и физиологии. Случилось так, что цитология мое хобби. Я мог бы показать вам клетки, которые заставили бы вас кричать от удивления, так что я знаю, о чем говорю! Клетки этого субъекта человеческие, так что он человек. Жизнеспособный хомо сапиенс.

— Но есть различия — низкая температура тела, отсутствие эмоций и так далее...

— Все вполне в пределах царства человеческого и человеческой вариантности. Человечество очень адаптабельно и поколения, выжившие в разной окружающей среде, производят приспосабливающиеся адаптации. В литературе приводятся гораздо более экзотические параметры, чем представляемый индивидуум.

— Значит, роботом он тоже не может быть? — широко открыв глаза, невинно спросила Анжела.

— Когда мы сможем поговорить с ним? — спросил я.

— Скоро, скоро.

— А можно спросить, что вы сделали, чтобы заставить его отвечать на вопросы?

— Поскольку похоже, что именно этот человек является ответственным за вмешательство в работу вашего мозга, я не чувствовал того, что принято называть ответственностью врача перед пациентом, особенно когда он помог организовать вторжение на мою родную планету.

— Это хорошо с вашей стороны, док.

— Соответственно я не испытывал никаких колебаний, когда расстроил его нормальные мыслительные процессы для нашей, а не его выгоды. Сделать это мне было нелегко. И я чувствую это таким же моральным преступлением, как и то, что было проделано с вами. Но ответственность за это я возьму на себя.

Мне помогло то, что в момент доставки он был без сознания. Я всадил ложные воспоминания и вызвал регрессию по отношению к людям и эмоциям, вставил блоки памяти, и вообще сделал несколько ужасных вещей, за которые я буду нести крест до конца своих дней — крест ответственности.

Доктор Мутфак выглядел так, словно мог в любую секунду расплакаться, и я похлопал его по плечу.

— Вы, доктор, солдат на передовой линии фронта, делающий все для победы, и мы весьма уважаем вас за это.

— Ну, а я — нет, но беспокоиться об этом не стану.— Он встряхнулся и снова стал человеком науки.— Через несколько минут я собираюсь вывести пациента из глубокого транса. На вид он будет проснувшимся, но его сознание не будет ориентироваться в окружающей обстановке. Его эмоции будут примерно как у ребенка двухлетнего возраста. Помните об этом. Не нажимайте с вопросами и не ведите себя враждебно. Он от всей души будет стремиться помочь вам, но доступ к информации во многих случаях будет нелегок. Будьте снисходительны. Вы готовы?

— Полагаю, да,— сказал я, хотя с большим трудом мог представить Края в образе содействующего мальчика.

Мы с Анжелой промаршировали вслед за доктором в тускло освещенную палату госпиталя. Когда мы вошли, сидевший возле постели санитар встал. Мутфак наладил освещение таким образом, что бóльшая его часть падала на Края. А затем сделал ему инъекцию.

— Это должно сработать очень быстро,— пояснил он.

Глаза Края были закрыты, лицо расслаблено и неподвижно. Его череп в бинтах, из-под которых тянулись провода к стоящей рядом машине.

— Проснись, Край, проснись,— негромко произнес доктор. Лицо Края дрогнуло, щеки его дернулись, и глаза приоткрылись. На лице было выражение безмятежного спокойствия, а на губах след слабой улыбки.

— Как тебя зовут?

— Край.— Он говорил тихо, мальчишечьим голосом. Не было и следа сопротивления.

— Откуда ты прибыл?

Он нахмурился, моргая, и, глядя на меня, выдавливал какие-то звуки. Анжела наклонилась и, потрепав его дружески по руке, заговорила:

— Ты должен успокоиться, не торопись. Ты прибыл сюда с Клизанта, правильно?

— Правильно.— Он кивнул и улыбнулся.

— А теперь подумай, у тебя же хорошая память: ты родился на Клизанте?

— Я — по-моему, нет. Я был там, доктор, долгое время, но родился не там. Я родился дома.

— Дома — это на другой планете, в ином мире?
— Правильно.
— Ты не мог бы сказать мне — на что похоже «дома»?
— На холод.

Когда он произнес это, его голос был таким же ледяным, как это слово, больше похожим на голос прежнего Края, и лицо его постепенно менялось, отражая мысли, эхом откликнувшиеся на его слова.

— Всегда холод. Ничего зеленого, ничего не растет, всегда холод. Приходится любить холод, а я никогда не любил, хотя мог ужиться с ним. Есть теплые планеты, и многие из нас уезжают на них. Но нас немного. Мы не очень-то часто видим друг друга, и я не думаю, что мы друг друга любим, да и с чего любить? В снеге, льде, холоде любить нечего. Мы ловим рыбу, вот и все, на снегу ничего не живет, всю жизнь в море. Я сунул однажды руку в море, но я не могу выжить в воде. Они же могут, и мы ее едим. Есть и потеплее планеты.

— Вроде Клизанта? — спросил я так же тихо, как Анжела. Он улыбнулся.

— Вроде Клизанта. Все время тепло, даже жарко, слишком жарко, но я не против этого. Странно видеть на суше иные существа, кроме людей. И много зелени.

— Как называется дом, холодный дом? — прошептал я.

Трансформация произошла сразу же. Край начал извиваться на койке, лицо его кривилось и искажалось гримасами, глаза широко раскрылись и уставились в одну точку. Доктор Мутфак кричал ему, чтобы он забыл вопрос и лежал спокойно, пытаясь в то же время всадить иглу в мечущуюся руку. Но было уже поздно. Реакция, пущенная мной, продолжалась, и лишь на миг в глазах Края появилось что-то разумное и ненависть, когда очнувшийся Край осознал, что происходит.

Но только на миг, мгновением спустя спина его вытянулась в безмолвном спазме, и он рухнул, застывший и неподвижный.

— Умер, — объявил доктор Мутфак, посмотрев на показания приборов.

— Сессия была полезной, — заметила Анжела, подходя к окну и отдергивая шторы. — Время искупаться, если ты чувствуешь себя на это способным, дорогой. А потом нам придется придумать способ, как добыть доктору другого серого человека. Теперь, когда мы знаем, какую слабость нельзя затрагивать, мы можем заставить его протянуть побольше во время допроса.

— Я не могу! — отшатнулся доктор. — Только не это! Мы убили его! Я убил его! У него был имплантирован приказ, сопротивляться которому невозможно — умереть, но не выдать, где находится его планета. Это можно заложить — стремление к смерти. Я сейчас видел это. И больше не хочу!

— Нас воспитали по-разному, доктор, — спокойно и бес-

страстно заметила Анжела.— Я застрелила бы тварь вроде Края в бою и жалею, что его смерть произошла таким образом. Вы знаете, кто он и что он сделал.

Я ничего не сказал. Я был согласен с обоими. С Анжелой, видавшей в Галактике джунгли с их законами, и с доктором, гуманитарием, выросшим в матриархате, стабильном и неизменном. Они оба были правы. Интересное животное — человек.

— Отдохните, док,— посоветовал я.— Примите одну из собственных пилюль. Вы были на ногах сутки, и это не могло пойти вам на пользу. Мы увидимся с вами, когда вы проснетесь, но прежде хорошенько отдохните.

Я взял Анжелу за руку и увел ее от печального маленького человека, уставившегося взглядом в пол.

— Ты ведь не чувствуешь сожаления по этой твари? — спросила Анжела.

— Я? На это мало шансов, любимая. Край — тот, кто недавно раскатал у меня в мозгу колючую проволоку и пытался то же самое проделать с тобой. Я только сожалею, что мы не смогли побольше выжать из него, прежде чем он нас покинул.

— Следующий расскажет больше. По крайней мере мы теперь знаем, что твоя идея верна. Они вроде бы и не чужаки, но они и не уроженцы Клизанта. Если мы сможем искоренить их там, мы сможем остановить все это вторжение.

— Легче представить, чем достичь. Давай поплаваем, а поразмышляем над этим, когда вернемся,— за выпивкой.

Вода расслабила мои мускулы и пробудила огромный голод и жажду. Я вызвал по радио прислугу и отдал распоряжения. Так что, когда мы вышли из воды на берег, нас ждало мясо и пиво. Они едва притупили остроту моего аппетита, но все же дали мне возможность вернуться в номер для более утонченного обеда.

Семь блюд: острый бурадский суп, прямо огонь, рыба, мясо и другие деликатесы, слишком многочисленные, чтобы упоминать о них. Анжела немного поела и пригубила свой бокал, в то время как я расправился с большей частью еды.

Насытившись, я со вздохом откинулся в кресле.

— Я думал,— сообщил я.

— Ты меня чуть не одурачил. Я-то думала, что ты лопал, как свинья из кормушки.

— Только прибереги свой буколический юмор. Тяжелая ночная работа заслуживает хорошей дневной пищи. Клизант — вот наша проблема или, скорее, серые люди, столь твердо контролирующие его экономику. Держу пари, что если мы сможем избавиться от них — у Клизанта не будет столь жгучего интереса к звездным завоеваниям.

— Это достаточно просто — программа спланированных убийств. Их не может быть слишком много. Край сам сказал об этом. Надо расплатиться с ними. Я буду рада взяться за такое задание.

— О нет, ты не возьмешься. Моя жена не станет наниматься в убийцы по контракту. Это не так просто — и физически и морально. Серые люди могут организовать себе хорошую охрану. А это — цель оправдывает средства — политика банкротства. Ты видела, что случилось с доктором Мутфаком, когда он использовал средства, идущие вразрез с его моральными устоями. Мы с тобой, любовь моя, сделаны из материала пожестче, но все же и на нас подействует, если мы займемся резней...

Она побелела, и я пожалел, что сказал ей об этом. Я взял ее за руку.

— Я не хотел говорить в таком смысле, я говорил не о прошлом.

— Я знаю, но все равно это разворошило нездоровые воспоминания. Давай забудем об убийствах. Что еще можно сделать?

— Множество вещей. Я уверен, что есть способ развалить постоянно расширяющуюся клизантскую империю.

Анжела поднесла к губам бокал, и на ее лбу появилась очаровательная морщинка.

— Что насчет организации контрреволюций и мятежей на завоеванных планетах? — предложила она.— Если мы займем клизантцев бойнями на только что завоеванных планетах, они не очень-то смогут расширять свои владения.

— Тут ты близко подходишь к нужной идее, но все же не совсем в точку. Мы не можем многого ожидать от движения сопротивления на этих планетах, если пример Бурады вообще что-то показывает. Ты слышала, что говорила Бэйз: бои затихают из-за террора. Если убиваешь одного из них, они режут в ответ двадцать бурадцев.

Этот народ после многих поколений мира психологически не способен вести партизанскую войну. Я даже сомневаюсь, стали бы клизантцы так злобно реагировать, если бы их не принуждали серые люди, все организующие и всем распоряжающиеся. Солдаты просто выполняют приказы, а это всегда было силой клизантцев. Мы никогда не остановим этих людей, пытаясь разжечь за их спиной мелкие бунты. Но ты права насчет причинения им хлопот на разных планетах... Вся клизантская экономика и культура построены на непрекращающейся войне. Это похоже на какую-то безумную форму жизни, которая должна продолжаться, развиваться или умереть. Сам по себе Клизант не может построить и снабжать свои флоты, а должен полагаться на завоеванные планеты. Эти планеты находятся под абсолютным контролем Клизанта, так что они принимают заказы и выдают продукцию, и вторжение катится дальше, и никто не может остановить это.

— Желала бы я, чтобы клизантские завоевания были той безумной формой жизни, о которой ты говоришь. Какой-нибудь зеленой уродливой порослью. Мы могли бы вырвать ее с корнем, оборвать побеги...— Она разломила пополам мягкую булочку, чтобы

продемонстрировать мне, что она имела в виду, а потом куснула ее.

— Стоп! — приказал я. — Ничего не говори. Я думаю. Я что-то вижу, оно почти тут.

Затем я принялся расхаживать по номеру. Так, все ясно, все стало на свои места, я рухнул в кресло и схватился за стакан.

— Я гений! — заявил я.

— Знаю. Именно поэтому я и вышла за тебя. Физически ты очень непривлекателен.

— Скоро ты будешь извиняться за это, женщина, а теперь выпьем за мой план и победу.

Мы чокнулись и выпили.

— Какой план?

— Пока еще не могу сказать, за исключением того факта, что ты будешь насмехаться, он еще не детализирован, но будет разрабатываться. Как ты думаешь, серые люди объявили о похищении Края?

— Сомневаюсь. Мы ничего не слышали по подслушиваемой нами командной сети. И я уверена, что это не та новость, о которой они хотели уведомить рядовых клизантцев.

— Так я и думал. Добавь к этому эгоцентричное отношение у них друг к другу. Я намерен сыграть на том факте, что не было широкомасштабного оповещения о Крае.

— Как?

— Доставай грим и оборудование для пластической операции. Я намерен попасть на военную базу в обличии Края. Мне надо там кое-что сделать.

Она было начала протестовать, но я поднял палец, и она замолчала. Точно так же как и я, когда она отправилась в Октагон. Ей нечего было сказать, и она это знала.

Она отправилась за оборудованием.

Мне требовался клизантский паспорт, и я добыл его самым простым из всех возможных способом — у врага. Поскольку я был не удовлетворен гримом, то решил начать операцию в темное время.

Одетый в мундир Края и неся свой собственный чемоданчик, я отправился с Гамалем к Октагону. Гамаль был членом вспомогательных полицейских сил, мужчиной то есть, поскольку большую часть вооруженных сил составляли женщины. Я бы предпочел одну из девушек — они казались более уверенными в себе.

Гамаль выглядел немного нервным, и мне не понравилось, как он выкатывал глаза, но выбора не было.

— Ты понял свою роль? — спросил я его, толкая в тень входа глубокого парадного.

— Да, сэр, разумеется, понял.

Не стучали ли у него зубы? Трудно сказать. На всякий случай

я вынул пузырек с препаратом, данный мне доктором Мутфаком, чтобы применить его в случае крайней необходимости.

— Прими две таблетки, прожуй и проглоти. Это пилюли счастья, они должны поднять твой боевой дух.

— Я не...

— Принимай!

Он принял, и я шмыгнул к Октагону, держась в тени и осторожно выглядывая из-за угла, прежде чем начать свою игру. Даже в столь поздний час во двор въезжали и выезжали машины, но мне это не поможет.

Наконец подъехала маленькая машина, из нее вышли два офицера, затем она поехала по направлению ко мне. Я вышел на улицу и взмахнул рукой, она, взвизгнув тормозами, остановилась, почти задев меня передним бампером. Водитель выглядел испуганным, и я постарался удержать его в таком состоянии.

— Вы всегда так ездите?

— Нет, сэр, но...

— Приберегите свои извинения, они меня не интересуют.— Я влез в машину и уселся рядом с ним, пока он разевал рот.— Поезжайте дальше, я скажу вам куда направляться.

— Сэр, эта машина, я хочу сказать, что...

Единственный холодный краевский взгляд заставил его завянуть, словно цветок на морозе, и он рванул машину вперед.

Как только мы выехали из поля зрения Октагона, я приказал ему остановиться и раздавил у него под носом сонную капсулу. Я был уверен, что отдых ему не помешает. А затем отвез его к месту, где ждал Гамаль. Он вскрыл дверь на стационарный склад, и мы отнесли туда клизантского солдата. После капсулы он проспит до утра, и, пока Гамаль переодевался в его форму, я удобно разложил у него под головой и ногами пачки бумаги.

— Ты знаешь, как водить эту машину?—спросил я.

— Должен бы, это одна из наших, они украли ее и нарисовали на ней свой грязный флаг.

— А теперь отвези меня в космопорт. И не останавливайся в воротах, просто притормози и продолжай катить. Все это блеф, так что держи нос кверху и постарайся не выглядеть таким напуганным. Будь мужчиной.

— Я и есть мужчина,—простонал он,—но это женское дело. Я не понимаю, как вообще дал уговорить себя на это.

— Заткнись, и езжай, и прими еще пару пилюль.

Космопорт был перед нами, и я больше беспокоился о своем водителе. Я видел как они убирались с дороги—ведь ехал Край. Предполагалось, что они его знали, и теперь я подвергал это проверке. Часовые вытянулись по стойке «смирно», когда мы появились, а сержант начал что-то говорить, но я перебил его:

— Держитесь подальше от этого телефона. Я хочу поговорить с некоторыми людьми и не хочу, чтобы вы предупредили их. Вы знаете, что с вами будет, если ослушаетесь?

Мне пришлось почти выкрикнуть последнее слово, поскольку Гамаль притормозил недостаточно, когда мы мчались мимо часовых. Но они наверняка расслышали, потому что не сделали никакой попытки приблизиться к телефону. Первый шаг.

— Я не могу этого сделать! — вдруг зарыдал Гамаль и завертел руль машины, пока мы не направились обратно к воротам.— Я еду домой. Я никогда не чувствовал призвания к этой работе в полиции, это все идеи моей матери, которая хотела дочку и сделала из меня что-то подобное. Я хотел быть простым домохозяином, как мой отец...

Ворота приближались, и я, выругавшись, раздавил у него перед носом сонную капсулу и резко перехватил руль. Я вел машину одной рукой, и, сделав еще один поворот, мы унеслись в ночь. Я заколебался, прикидывая, что подумают часовые об увиденном. Борясь с управлением, я успел завести машину за один из ангаров, прежде чем нога Гамаля соскользнула с педали и мотор заглох.

На заднем сиденье машины были какие-то ящики и узел армейского белья. Я вынул все, кроме одеял, которыми укрыл спящего Гамаля.

Наверное, мне следовало застрелить его или просто выбросить. Но это же была не его вина, что он родился таким при матриархате. К машине Края никто не проявлял интереса, и, пока мы были в безопасности, я подъехал к большому транспортному грузовику и припарковался подальше от входных огней. Теперь второй шаг.

— Вы знаете, кто я? — жестко спросил я у старшины, стоящего у трапа.

— Да, сэр, знаю.— Он стоял по стойке «смирно», уставясь перед собой.

— Отлично, тогда передайте старшему механику, чтобы он встретил меня на палубе «А».

— Его нет на борту, сэр.

— Я сделаю пометку о нарушении воинского долга, и вы сообщите ему, когда он вернется. Давайте тогда его помощника.

Я прошел мимо него, не удостоив даже взглядом, и он прыгнул к телефону. К тому времени, когда я добрался до палубы «А», меня там ждал механик в промасленном комбинезоне, нервно вытирая руки тряпкой.

— Извините, мы разбираем один из генераторов.— Он замолк, когда я прожег его взглядом.

— Я знаю, что у вас неполадки, именно поэтому я и нахожусь здесь. Отведите меня в машинное отделение.

Он поспешил туда, я последовал за ним. Это пройдет даже легче, чем я думал. Трое побелевших рядовых оторвали взгляды от внутренностей генераторов, когда мы вошли.

— Выставьте их отсюда,— велел я, и мне не пришлось повторять.

Я посмотрел на вскрытый генератор и мудро кивнул, словно понимая, что его ремонтируют. Обойдя отделение, я остановился возле генератора двигателя искривления и посмотрел на заводскую марку с непонятными символами.

— Почему вы используете эту модель?

— Мы знаем, сэр, что это устаревшая модель, сэр. Но замена не прибыла вовремя, чтобы ее можно было установить и сбалансировать до полета.

— Принесите мне техсправочник.

Как только он повернулся ко мне спиной, я сжал ручку чемодана, и в руке у меня оказалась бомба. Я установил ее на сорок минут, взвел и активировал клейкие молекулы в ее основе. Затем я затолкал ее под толстую станину генератора искривления, где ее нельзя было заметить.

Быстро пролистав принесенный справочник, я многозначительно похмыкал, вернув его обратно. Я чувствовал стыд, потому что работа оказалась такой легкой.

— Позаботьтесь, чтобы работа была сделана быстро,— велел я уходя, не уточняя, но получил горячие заверения, что так и будет сделано.

Я повторил свой маневр и на другом корабле. Как раз к тому времени, когда я понял, что корабль мне вроде знаком, по трапу спустился Остров и повернулся лицом ко мне.

Это внезапное столкновение поразило меня так же, как и его. Но его голос изменился, глаза выпучились, и он встал на мертвый якорь, тогда как я, будучи в роли Края, только холодно уставился на него. Узнает ли он меня? Я жил с ним в одной комнате и пил из одной бутылки. Личина Края была хороша, но можно ли быть уверенным, что она выдержит изучение тем, кто хорошо меня знает?

— Ну?—прошептал я наконец, когда он не проявил намерения ни говорить, ни двигаться, а только смотрел на меня преданным взглядом.

— Извините, сэр, вы застали меня врасплох. Я не ожидал увидеть вас здесь, если вы понимаете, что я имею в виду.— Он начал потеть, а я хранил молчание.— Ваш голос...— произнес он наконец.

— Что-нибудь случилось?

Конечно, случилось. Я знал, что не могу заставить свой голос звучать как у настоящего Края для того, кто совсем недавно говорил с ним как с Васькой. Я знал, что один шепот очень сильно похож на другой, но ему об этом я не сказал.

— Рана,— прохрипел я.— В конце концов, идет война, и некоторые из нас сражаются в ней.

— Да, конечно, я понимаю.

Я проследовал дальше, но он окликнул меня, и я с холодным нетерпением снова повернулся к нему.

— Извините за беспокойство, сэр. Я просто хотел узнать, не слышали ли вы что-нибудь о местонахождении Васьки...

— Это не настоящее имя. Он — шпион. Вы ведь не пытаетесь завести знакомство со шпионом?

Остров покраснел, но продолжал:

— Нет, конечно, нет, он, разумеется, шпион. Но мы одно время были друзьями, и он тогда был неплохим человеком. Я просто интересуюсь.

— Интересоваться буду я, а вы занимайтесь пилотажем.

После этих чисто краевских слов я потопал на корабль. Остров удивил меня этим противостоянием Краю, где-то внутри его алкогольной шкуры боролось чувство за освобождение человеческого существа.

Положить эту бомбу оказалось так же легко, как и первую. Ездя на машине, я успел заминировать семь кораблей, когда взрыв первой мины застал меня в машинном зале восьмого.

— Что это? — спросил я, услышав отдаленные звуки сирены.

— Понятия не имею — ответил пожилой механик, и снова показал двигатель.— Это импульсные трубки, второсортные и дрянные, а новые я достать не сумел...

— Я не интендант,— прорычал я.— Идите и узнайте, что случилось.

Пока его не было, я установил мину на три минуты и спрятал ее под станину.

— Что там? — спросил я, встречая его наверху у трапа.

— Взрыв на одном из кораблей, сэр. В машинном отделении.

— Где? Я должен посмотреть на это!

Я выкрикнул эти слова, уже сбегая с трапа. Теперь почти все мины должны рвануть, и посыплются доклады. Во время первого замешательства я должен покинуть космопорт. Потому что они достаточно быстро сопоставят данные и обнаружат, что взрывы произошли на тех кораблях, где побывал Край. Его вряд ли сразу заподозрят, но начальство наверняка захочет поговорить с ним,— вот этого мне и следовало избежать.

Подойдя к своей машине, я увидел двух стоящих рядом с ней полицейских.

— Что вы здесь делаете?

— Мы увидели этого человека спящим на заднем сиденье и разговаривающим с самим собой. Мы подумали, что он пьян, пока не услышали, что он говорит на иностранном языке, похожем на тот, на котором говорят на этой планете. Вы знаете, кто он?

Я не колебался — это война, и солдаты гибнут по множеству причин.

Мой голос проник в одурманенный мозг Гамаля, потому что он поднял голову; как ни слабы у него нервы, но здоров он был как бык, раз смог двигаться после такого количества газа. Он вздохнул, затем схватил меня и закричал:

— Вы должны помочь мне! Увезите меня отсюда, они убьют меня! Это была ошибка — привозить меня сюда!

— Что он говорит? — спросил один из полицейских.

— Понятия не имею, хотя начинаю подозревать, что он может быть шпионом, вызвавшим диверсию в машинном отделении. Посадите его на заднее сиденье и езжайте со мной. Я знаю, как заставить его говорить членораздельно.

Поставив первую передачу, я поехал к выходу с космопорта. Но стоящий у ворот офицер поднял руку, и я вынужден был затормозить, чтобы не сбить его.

— Вы не можете выехать — база закрыта.— Он говорил холодно и зло.

— Я уезжаю. Приберегите свои силы и приказы для других.

— Мне приказано закрыть ворота для всех без исключения.

— У меня пленный, который может быть диверсантом, и двое охраняющих его. Ваше профессиональное рвение похвально, капитан, но вы должны знать, что я тот, кто отдает приказы, а не подчиняется им.

— Вы не можете уехать.

Был ли он упрям до грани сумасшествия, или у него имелся специальный приказ насчет меня? У меня не было времени выяснять это.

Увидев в окно, как один из солдат разговаривает по телефону, поглядывая на меня, я вытащил пистолет и направил его на капитана.

— С дороги, или я застрелю вас! — сказал я как можно более скучно.

Он потянулся за своим пистолетом, а потом остановился. Еще миг он колебался, и я увидел в его глазах обыкновенный страх. Затем он неохотно отошел в сторону, и я двинулся вперед. Я мельком увидел солдата, выбежавшего из караулки и кричащего что-то вслед удаляющейся машины.

После этого я не оглядывался, но в зеркальце заднего обзора видел, как перешептывались полицейские, сидящие сзади. Я не мог рисковать.

Как только мы завернули, я бросил назад газовую гранату и остановился лишь затем, чтобы выгрузить на обочину пару спящих красавцев.

Гамаль теперь спал крепко, и я испытывал то же желание. Я зевнул и, следуя по боковой дороге, поехал к дому.

— Объясните, ди Гриз, и пусть оно будет понятным...

Инскин находился в своем обычном очаровательном настроении и расхаживал по салону космического корабля.

— Сначала скажите, как там дети, мои сыновья, никогда не видавшие своего отца, как они там?

— Да, как им там живется?—спросила Анжела, удобно устраиваясь в одном из кресел. Инскин зашипел, но вынужден был ответить.

— Прекрасно, набирают вес, много жрут, точь-в-точь как их отец. Вы их скоро увидите. А теперь хватит об этом. Я пролетел не знаю уж сколько световых лет, чтобы проконтролировать эту операцию, потому что, по-моему, она полностью прекратилась. И что я вижу? Двое моих агентов решили, что с них хватит, и встречают меня здесь, на орбите—хотя названная планета крошится под железной пятой Клизанта. Объясните.

— Мы победили.

— Мне не до шуток, ди Гриз, я могу расстрелять вас.

— Вы меня и пальцем не тронете, вы слишком много вложили в мою шкуру, и я говорю серьезно. Мы победили. Бурада, крошащаяся под железной пятой, этого еще не знает. Клизантские крошители тоже этого не знают. Только немногие избранные знают это.

— Я не принадлежу к этому счастливому числу. Говорите яснее.

— Требуется демонстрация. Анжела, милая, у тебя наша маленькая игрушка?

Она открыла ящик, рядом со своим креслом, и вручила мне Штуку. Она была гладкая, черная и не больше моей ладони. Внизу, и на каждом ее конце, имелись маленькие отверстия, а на одном из концов имелось еще и скопление крошечных линз. Я протянул ее Инскину, который подозрительно смотрел на меня.

— Вы знаете, что это такое?—осведомился я.

— Нет.

— Это надгробный камень на могиле всех экспансионистских амбиций Клизанта. Какого типа судно, на котором мы находимся?

— Легкий эсминец класса «Гнешер». А какое это имеет значение?

— Терпение, и вы поймете.

Я взял у Анжелы коробочку дистанционного управления и вставил конец выступающего штыря на ней в соответствующее место в Штуке. Затем я выстучал на клавиатуре серийный номер для эсминцев класса «Гнешер». Все еще не отсоединяя коробочки, я отнес Штуку к выходу из салона, где мы могли видеть овал главного входа. Анжела последовала за мной, ведя протестующего Инскина.

— Вы должны представить себе, что этот корабль стоит на планете и шлюз открыт. Рано или поздно они вынуждены будут сделать это. Штука будет ждать, так же как и оператор, наблюдающий за этим с расстояния в три километра. Шлюз открывается, и оператор активизирует Штуку. Она летит прямо к открытому шлюзу, пролетает его и...

Я нажал кнопку «пуск». Завизжали крохотные реактивные двигатели, и она рванулась из рук, словно колибри, прямо к корме.

— За ней! — крикнул я и в/зглавил погоню, побежав во все лопатки.

Мы настигли ее двумя этажами ниже, где ее ненадолго остановила запертая дверь. Но термитная плита в носу Штуки прожгла маленькое отверстие, и она снова газанула.

Когда мы добрались до машинного отделения, она уже почти прогрызла себе путь через дверь потолще и оказалась там одновременно с нами. Она сделала круг по помещению, такая маленькая и быстрая, что за ней невозможно было уследить, а затем подлетела прямо к генератору двигателя искривления, где и взорвалась, оставив после себя облако черного дыма.

— Безвредный пороховой заряд,— пояснил я,— заменяется в полевых условиях мощной взрывчаткой, более чем достаточной, чтобы разрушить генератор, но не причинить больше никакого вреда. Гуманное оружие, в самом деле.

— Вы — сумасшедший.

— Только для Клизанта и людей, продолжающих эту войну; если мы теперь поднимемся наверх, то за выпивкой я расскажу, как она будет установлена.

Удобно устроившись и выпив, я объяснил:

— Я лично покончил с генераторами на восьми кораблях, просто чтобы посмотреть, как это получается. Никаких проблем с планировкой корабля. Клизантские корабли еще более одинаковы, чем другие, потому что они любят однообразие, что делает нашу работу еще более легкой.

Штука спланирована выполнять эту работу. Оператор Штуки может спокойно сидеть за пределами космопорта, наблюдая в мощный бинокль за клизантскими кораблями. Когда открывается шлюз, Штука наносит удар.

Оператор должен всего лишь ввести тип корабля, нацелить ее и отправить в дело. У Штуки имеется банк памяти на молекулярном уровне и компьютерные цепи. Не останавливаясь ни перед чем, она проникает в машинное отделение корабля и уничтожает генератор,— и конец клизантскому вторжению.

— Конец одного генератора,— с презрением в голосе сказал Инскин.— Они закажут другие, вот и все дела.

— А вот и нет. Генераторы очень сложны в изготовлении. Очень мало заводов выпускает их, большинство планет закупает генераторы. Я уверен, что на Клизанте всего один завод, но его можно найти и уничтожить из космоса.

— Так они получат генераторы со склада.

— Есть предел и складским запасам, и они очень скоро опустеют. Потому что мы отправим агентов на все планеты, где сейчас властвует Клизант, и они взорвут все генераторы двигателей искривления.

Нам не придется и близко подходить к столичной планете. Будут уничтожены двигатели всех кораблей в районе, контролируемом Клизантом. И они не смогут получить их где-нибудь за пределами района, потому что такое эмбарго Корпус и сотрудничающие с ним планеты легко могут обеспечить. Конец империи.

— Как?

— Подумайте, Инскин, подумайте. Возраст не мог так сильно иссушить вашу мозговую оболочку, как вашу кожу. Ключ мне дала Анжела. Клизантцы должны продолжать экспансию или погибнуть. У них не хватает продовольствия на своей единственной планете для ведения такого рода войны. Поэтому они завоевывают планету, заставляют ее работать на себя, а затем восстанавливают свои лучшие силы и снова идут за новыми владениями. Да только вот больше не пойдут. У них все еще будут их планеты и материалы, но что от них толку, если их нельзя отправить туда, где они нужны? Экспансию придется прекратить, а когда кораблей останется совсем мало, они вынуждены будут отходить. Все дальше и дальше, пока не окажутся на своей родной планете, вот тут-то и делу конец.

Любая обособленная планета в состоянии прокормить себя. Но империя не может жить с перерезанными торговыми артериями. Я даю им не больше года, а потом Клизант станет еще одной захудалой планетой с массой людей в мундирах и без работы. Когда же все будет кончено, можно будет снова начать нормальную жизнь и торговлю. Что вы думаете?

— Я так и знал, мой мальчик, что ты снова преуспел.

Он просиял, а я заговорщицки подмигнул Анжеле, и мы подняли бокалы...

Мы стояли в шлюзе и ожидали высадки с корабля, когда прибежал один из экономов и вручил мне псиграмму. Анжела бросила на нее испепеляющий взгляд.

— Порви ее,— предложила она,— если это от поганца Инскина, отменяющего единственный нормальный отпуск, что мы когда-нибудь получали...

— Успокойся,— ответил я, быстро проглядывая депешу.— Нашему отпуску ничего не грозит. Это от Бэйз...

— Если эта грудастая нахалка все еще преследует тебя, то у нее будут неприятности.

— Не бойся, любовь моя. Связь чисто политического характе-

ра. Результаты первых выборов, устроенных после клизантского отступления. Мужскую партию «Консолук» вымели из правительства, и девушки вернулись к рулю власти. Бейз назначена военным министром, так что я думаю, что будущее вторжение пройдет не так легко, как последнее. Далее псиграмма гласит, что мы оба награждены орденами «Голубых Гор» первого класса, и когда мы в следующий раз посетим Бураду, будет большая церемония по случаю вручения.

— Смотри, только не вздумай отправиться туда один, Скользкий Джим.

Я вздохнул, когда массивный люк космического корабля открылся и вместе со свежим воздухом в шлюз влетели бравурные звуки военного оркестра. На ясном небе, среди белых пуфиков облаков, вертолеты тянули транспарант с надписью:

«Добро пожаловать! Добро пожаловать!»

— Очень мило,— заметил я.

— Уг-гу,— сказал Боливар или что-то вроде этого, или это сказал Джеймс? Их было очень трудно различать, а Анжела крайне холодно отнеслась к моему предложению написать, хотя бы временно, «Д» на одном лобике и «Б» на другом.

Она склонилась над их крошечными тельцами в роботоколяске и поправила одеяло. Да только я-то знал, что она носит пистолет на поясе и держит нож в пеленках. У моей Анжелы материнские чувства как у тигрицы: она заботится о своих детенышах, но и когти держит острыми, просто на всякий случай. Жаль бедного похитителя, который попытается умыкнуть наших деток!

Мы сошли на платформу и роботоколяска скатилась следом за нами. Джеймс или Боливар попытался выброситься через край, но щупальце толкнуло его обратно на подушки.

— Выглядит не так уж и плохо,— сказала Анжела, осматриваясь вокруг.— Не понимаю, на что ты жаловался?

— Когда я был здесь в последний раз, прием был несколько иным. Разве это не приятное зрелище?

Я показал на ряды военных кораблей, по бокам которых тянулись видимые даже отсюда следы ржавчины.

— Очень мило,— не глядя, ответила она, укутывая детей, за которыми и так хорошо присматривала роботоколяска. Подобно всем новоявленным отцам, я немного ревновал ее к детям и с нетерпением ждал следующего задания, когда я снова окажусь в фокусе ее внимания.

Я привык к брачным узам и, несмотря на свою врожденную тягу к свободе, начал наслаждаться ими.

— Разве это не опасно?— спросила Анжела, когда мы спустились на землю и двойной ряд солдат почетного караула вытянулся по стойке «смирно» с грохотом и лязгом. Их было не меньше тысячи, и все вооружены гауссовками.

— Оружие было сделано небоеспособным. Это было частью перемирия.

— Но можем ли мы доверять им?

— Абсолютно. Единственное, что они знают,— выполнять приказы. Я тебе покажу,— добавил я и подвел ее к ближайшему солдату, роботоколяска покатилась за нами.— Оружие к осмотру! — рявкнул я в своей лучшей плац-парадной манере.

Он четко бросил оружие на руку и с двойным клацаньем открыл затвор. Я выхватил его и заглянул в казенник. Без единого пятнышка. Посмотрев через ствол, я увидел только непроницаемую черноту.

— Что-то там забило ствол?

— Да, сэр, приказ, сэр.

— Какой именно?

— Свинец, сэр. Сам расплавил и влил его.

— Великолепное оружие. Носи его, солдат.— Я швырнул ему винтовку, и он поймал ее, очень эффектно закрыв затвор. В нем было что-то очень знакомое.

— Я знаю вас, солдат?

— Наверное, сэр. Я служил на многих планетах. Одно время я был полковником.

Когда он сказал это, я наконец вспомнил, но не узнал его без бороды. Он был офицером, приставленным ко мне Краем и пытавшимся убить меня, когда мы высадились на Бураде.

— Я знал этого человека — офицер высокого ранга,— объяснил я Анжеле, когда мы прошли дальше.

— Теперь у него мало шансов на такую работу. Ему надо держаться за теперешнюю. Просто изумительно, как они все это хорошо воспринимают.

— У них нет выбора. Когда рухнула империя, они вернулись на Клизант и обнаружили, что сырьевая база истощена, а они даже не заметили этого. Так что им пришлось заняться земледелием.

Как я понял, сельское хозяйство переживает сейчас период бурного подъема, а серые люди исчезли... Инскин отправил агентов и обнаружил, что все они упаковались и уехали. Я полагаю, что будут устраивать неприятности в другой части Галактики. В один прекрасный день нам придется проследить их до родной планеты.

— Мерзавцы. Вот где от планетоуничтожающей бомбы была бы хоть какая-то польза.

— Только не при детях,— сказал я, потрепав ее по щеке.— Ты же не хочешь, чтобы они получили неверное представление о своей матери.

— Они получат верное. Но все-таки я подозрительно отношусь к этим экс-воякам.

— Не нужно. После развала мы поместили сюда политических агентов, отдающих приказы, а выполнять приказы — единственное, что они умеют. Учитывая обстоятельства, они еще очень легко отделались.

Все еще не убежденная, Анжела фыркнула.

— Хотела бы я знать, какой это умник придумал туристический бизнес и предложил, чтобы мы отправились первым же кораблем?

— Я! Виноват в обоих случаях. И не смотри на меня кинжальным взглядом. Им требуется хоть какое-то занятие и приток валюты, а туризм — это единственное, что может организовать планета без собственных сырьевых ресурсов. У них есть пляжи, лыжные базы и тому подобное плюс жуткая привлекательность для некоторых ранее порабощенных ими народов. Это сработает, ты только подожди — и сама увидишь.

Орда портье в мундирах столкнулась из-за нашего багажа, а затем пошла вперед с чемоданами к наземному транспорту.

По старой памяти, я зарегистрировался в отеле «Злато-Злато», к тому же он оставался самым роскошным отелем в городе.

Манеры швейцара были лучше, чем в прошлый раз, а дежурный администратор даже поклонился, когда мы вошли.

— Добро пожаловать на Клизант, генерал, госпожа ди Гриз и сыновья. Да будет ваше пребывание счастливым.

Путешествовать с титулом всегда приятно, а на Клизанте и подавно. Я оглядел фойе, а затем посмотрел на администратора.

— Остров! Ты ли это?

Он снова поклонился.

— Я действительно Остров, сэр, но боюсь, что вы знаете меня лучше, чем я вас.

— Извини. Нельзя ожидать, чтобы ты сразу узнал меня с моим собственным лицом. Когда ты последний раз меня видел, ты думал, что я тварь по имени Край, а до этого ты знал меня как Ваську Хулья.

— Васька? Не может быть. Да, я верю, конечно. — Он почти зашептал. — Теперь, надеюсь, вы примете, хотя и с некоторым опозданием, мои извинения. Я никогда не чувствовал себя хорошо, помогая Краю схватить вас. Даже когда я был без сознания полтора дня, все равно был счастлив, когда вы сбежали. Я знал, что вы были шпионом и все такое, но...

— Не надо больше говорить. Вопрос закрыт. Я предпочитаю думать о тебе как о собутыльнике и компаньоне.

— Очень мило. Вы не окажете мне честь пожать руку?

Мы обменялись рукопожатиями, и я с любопытством посмотрел на него.

— Ты изменился к лучшему: прибавил в весе, у тебя приятные манеры.

— Бросил пить, так что теперь приходится следить за диетой, и мне больше не надо беспокоиться о полетах и этих поганых космических кораблях! В моей семье всегда были работники отелей,— семейная традиция и все такое прочее. Пока меня не поймал призыв. Приятно вернуться к делу, которое ты знаешь, причем на хорошую должность. Сейчас дефицит в квалифицированных служащих отелей. Распишитесь вот здесь.

Он вручил мне ручку и продолжал тем же нейтральным тоном, только значительно тише:

— Надеюсь, вы простите мои слова, но ситуация чрезвычайная, поэтому не подпрыгивайте и не оглядывайтесь. Но здесь с тех пор, как мы открылись, остановился один человек, как я считаю, из людей Края, и он запугал всех моих служащих. До этой минуты я не знал, что ему надо. Но теперь я считаю, что он охотится за вами, и надеюсь, что вы вооружены. Он подходит справа, сзади вас. Одет в темно-фиолетовый пиджак и желтую шляпу в полоску.

У меня был отпуск, и я был безоружен, в первый раз за многие годы. Я мысленно поклялся, что это в последний раз. Затем я вспомнил про Анжелу и увидел, что она снова склонилась над роботоколяской.

— Я не хочу тебя беспокоить, дорогая,— произнес я, чувствуя, как мурашки забегали по коже,— но подходящий к нам сзади человек — убийца. Ты не могла бы что-нибудь предпринять и, если возможно, оставить его в живых?

— Как мило, что ты просишь! — засмеялась она, похлопав по куче пеленок в коляске.

Я шагнул обратно к столу регистрации, наблюдая за ней: очаровательная, улыбающаяся, расслабленная, приглаживающая волосы и к тому же не торопящаяся. Я открыл было рот, чтобы упомянуть об этом факте, когда ее рука резко метнулась вниз. Позади меня раздался вопль, и, пригнувшись, я обернулся.

Темно-фиолетовый пиджак потерял не только свою шляпу, но и пистолет тоже, который теперь лежал на полу. А обладатель всего этого добра тянулся к ножу, торчащему из его предплечья. Анжела подскочила к нему и, рубанув по шее, уложила его на пол.

— Ничего себе, планета отдыха,— фыркнула она, но я-то знал, что она наслаждалась.

— За это ты получишь медаль, моя радость. Корпус позаботится об этом парне, и мне представляется, что они выжмут у него информацию о его родной планете, что здорово поможет нам.

Я снова повернулся к Острову.

— Благодарю вас за спасение моей жизни.

— Я всегда считал, что в счет идут маленькие дополнительные услуги. А теперь можно мне проводить вас в номер?

— Можно и выпить вдобавок. Ты ведь выпьешь с нами стаканчик, не так ли?

— Ну, только на этот раз. И должен сказать, что вам здорово повезло с такой талантливой, как и вы, женой.

— Этот брак был состязанием на ниве преступности, и когда-нибудь я, может, расскажу тебе об этом.

Я нежно посмотрел на Анжелу, аккуратно вытирающую нож о рубашку потерявшего сознание, а затем спрятавшую его среди пеленок. Я был уверен, что, когда дети станут постарше, они оценят ее таланты.

Она была такой матерью, какую следовало бы иметь каждому мальчику.

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ СПАСАЕТ МИР

— Джеймс Боливар ди Гриз — вы мошенник,— сказал Инскин. Звуки из его глотки вылетали какие-то совсем животные, при этом он злобно тряс передо мной папкой бумаг. Дело происходило в его кабинете, и я стоял, прислонившись к стеллажам,— сама оскорбленная невинность.

— Я не виновен. Все это холодная расчетливая ложь,— хныкал я. Прямо за мной находилось отделение для сигар, и я, одной спиной, без помощи рук, нащупывал его замок — на такие штуки я мастер.

— Мошенничество, обман, одно хуже другого — докладные на вас все еще поступают. Вы обманывали свою собственную организацию, Специальный Корпус, своих товарищей...

— Да нет же! — вскричал я, а сам в это время быстренько вскрывал замок.

— Недаром вас прозвали Скользким Джимом!

— Так это же просто детское прозвище. Когда моя мама купала меня в детстве, я показался ей очень скользким.

В это время сигаретный ящик открылся, и я втянул носом ароматнейший запах.

— Да знаете ли вы, сколько наворовали? — Его лицо налилось кровью, а глаза выпучились. Все это выглядело очень несимпатично.

— Я украл? Да я умру лучше! — трогательно провозгласил я, незаметно вытаскивая при этом пригоршню дьявольски дорогих сигар, предназначенных для очень важных персон. Уж лучше я выкурю их сам — так будет правильнее. Нужно признать, что я уделял гораздо больше внимания краже курева, чем нудным упрекам Инскина, так что не сразу заметил перемену в его голосе. Я вдруг понял, что едва слышу его слова. Он даже не шептал — было такое впечатление, словно в его горле вырубили регулятор громкости.

— Говори громче, Инскин,— сказал я твердо.— Или тебе стыдно за твой поклеп?

Я отошел от шкафа и повернулся к Инскину боком, чтобы он ненароком не увидел, как я засовываю в свой карман кучу редкостных сигар ценой не меньше сотни кредиток. Он продолжал невнятно бормотать, не обращая на меня внимания и беззвучно тряся бумагами.

— Ты что, нездоров?

В голосе у меня было немного настоящей озабоченности, по-

тому что теперь он выглядел совсем уж худо. Даже когда я переменил место, он не повернул головы и, беззвучно шевеля губами, продолжал смотреть туда, где я стоял раньше. И был очень бледен. Я зажмурился и поглядел на него.

Он вовсе не был бледный — прямо прозрачный. Сквозь его голову стала отчетливо видна спинка стула.

— Прекрати! — завопил я, но он, пожалуй, не слышал. — Что это за штучки? Объемные проекции, чтоб меня одурачить? И не трудись! Скользкий Джим не из тех, кого можно надуть, ха-ха!

Быстро пройдя через комнату, я протянул руку и ткнул указательным пальцем ему в лоб. Преодолев слабое сопротивление, палец вошел внутрь, а он как будто этого и не заметил. Только когда я отвел руку, раздался слабый хлопок, и Инскин исчез начисто. Осталась только пачка бумаг, которая упала на крышку стола.

— Б-р-р-р! — проворчал я нечто невразумительное. Потом нагнулся и стал искать под стулом скрытый проектор, но в этот момент раздался противный треск, и дверь кабинета слетела с петель.

Ну, в таких-то делах я разбираюсь. Еще стоя на четвереньках, я быстро развернулся и как раз успел встретить первого вошедшего. Ребро моей ладони врезалось ему в горло, прямо под противогазную маску. Человек хрюкнул и упал как подкошенный. Но вслед за ним ворвалось еще много народу, все в таких же масках и белых халатах, с маленькими черными ранцами за спиной. Часть — без оружия, часть — с импровизированными дубинками. Все это выглядело весьма необычно. Превосходящие силы оттеснили меня в глубину комнаты, однако я успел залепить одному ногой, а от второго отделался ударом в поддых. Потом я прижался спиной к стене, и они набросились на меня всем скопом. Я врезал кому-то по загривку, он упал... и растаял, не успев долететь до пола.

Вот это интересно... Число людей в комнате стало быстро изменяться, когда некоторые из тех, кого я свалил, стали пропадать. Это было очень здорово и могло бы уравнять шансы, если бы прямо как из воздуха не возникали все новые и новые люди. Я попытался прорваться к двери, но этот номер не прошел, а потом на мою голову обрушилась дубинка и вышибла из нее остатки соображения.

После этого все стало похоже на драку под водой. Я повалил еще нескольких, однако делал это уже без души. Меня схватили за руки и стали тащить из комнаты. Я немного подергался и славно отругал их на полдюжине наречий, но все, конечно, без толку. Они проволокли меня из комнаты дальше, в ожидавший лифт. Кто-то поднял газовый баллончик, и, как я ни старался отвернуть голову, струя газа попала мне прямо в лицо.

Никакого действия я не почувствовал, зато разозлился еще больше и стал лягаться, щелкать зубами и вовсю ругаться. Люди в масках что-то мямлили — ругались, должно быть, и это взбесило меня еще пуще. К тому времени, когда мы добрались до места

назначения, я был готов убивать, что в обычном состоянии для меня делать довольно затруднительно, и убивал бы, не будь накрепко привязан к какому-то хитрому электрическому стулу с электродами, прикрепленными к запястьям и лодыжкам.

— Хоть расскажете потом, собаки, что Джим ди Гриз умер как мужчина! — проорал я. На голову мне опустился металлический шлем, и, перед тем как он закрыл мне лицо, я ухитрился выкрикнуть:

— В задницу ваш Специальный Корпус. И в задницу вашу...

Опустилась темнота, и я понял, что дожил до разрушения сознания, а может, и до электрического стула.

Но ничего не произошло, шлем снова поднялся, и один из моих пленителей снова пустил мне в лицо струю газа. Я почувствовал, как моя злоба исчезла так же быстро, как и появилась. Тут я увидел, что они освобождают мне руки и ноги. И еще, в это время большинство из них уже сняло маски, и я узнал техников и ученых Корпуса, которые обычно околачивались в этой лаборатории.

— Скажите мне кто-нибудь, какого черта вы все это затеяли?

— Дайте мне сначала закончить,— сказал один из присутствующих, седовласый мужчина с кривыми зубами, похожими на старые пожелтевшие надгробные камни, зажатые между губ. Он повесил мне на плечо один из ранцев и вытянул из него кусок провода. На его конце был небольшой диск, человек коснулся им моего затылка, и провод пристал.

— Ведь вы — профессор Койцу, верно?

— Да.— Зубы задвигались вверх и вниз, как клавиши пианино.

— Скажите, пожалуйста, уместно ли будет, если я попрошу объяснений?

— Конечно. В данных обстоятельствах это будет естественно. Ужасно неприятно, что нам пришлось обойтись с вами так грубо. Это был единственный выход захватить вас врасплох и как следует разозлить. В ярости рассудок замкнут сам на себя и может сам себя поддерживать. Если бы мы пытались вас уговорить, объяснить, что к чему, то провалили бы все дело. Пришлось просто напасть. Мы дали вам газ ярости и сами им надышались. Больше нечего было делать... черт возьми, пришла очередь Магистра! Это все сильнее чувствуется даже здесь.— Один из белохалатников вдруг задрожал, сделался прозрачным и исчез.

— С Инскином вышла та же история? — спросил я.

— Конечно, он — в первую очередь.

— Почему? — спросил я, тепло улыбнувшись и решив, что это, пожалуй, самый идиотский разговор в моей жизни.

— Они борются против Корпуса. Начинают с руководителей.

— Кто?

— Не знаю.

Я услышал, как заскрипели мои зубы, но внешне сохранил спокойствие.

— Будьте добры объяснить более подробно или найдите кого-нибудь, кто сможет рассказать эту историю лучше вас.

— Виноват. Прошу прощения.

Он промокнул платком бусинки пота на лбу, а кончиком языка облизал сухие губы.

— Эта история началась слишком быстро, знаете ли,— экстренные меры и все такое. Кто-то, когда-то, где-то пытался изменить время. Естественно, они должны выбрать своим первым объектом Специальный Корпус, какие бы другие планы они при этом ни вынашивали. Так как наш Корпус является самой эффективной и широко разветвленной наднациональной и межпланетной организацией по охране законности в истории Галактики, то мы, естественно,— главное препятствие на их пути. Рано или поздно любой обширный план по изменению истории должен натолкнуться на противодействие Спецкорпуса. Вот они и решили расправиться с нами как можно раньше. Если они смогут устранить Инскина и других руководителей, вероятность существования Спецкорпуса сильно понизится, и нас всех сдует, как только что сдуло бедного Магистра.

Я быстро моргнул.

— Не могли бы мы выпить чего-нибудь? Мне нужно прочистить мозги.

— Отличная идея. Пожалуй, я и сам выпью.

Диспенсер выдал по его выбору какую-то тошнотворную зеленую жидкость. Я же заказал большую порцию «Пота Сируисской Пантеры» и выпил одним глотком почти все. Это чудовищное варево дает такое потрясающее похмелье, что торговля им запрещена в большинстве цивилизованных миров. Эта штука пошла мне явно на пользу. Я прикончил стакан, и из хитросплетений моего подсознания выскочило одно воспоминание.

— Остановите, если что не так,— кажется, я однажды слышал вашу лекцию о невозможности путешествий во времени.

— Конечно, темпоральные исследования — моя специальность. Можете считать это наступление дымовой завесой. Мы освоили путешествия во времени уже много лет назад, но использовать боялись. Изменение темпоральных линий и тому подобное. Именно то, что творится сейчас.

Но мы вели обширную программу изысканий и расследований во времени, именно поэтому, когда все началось, мы смогли понять, что происходит. Нападение было таким неожиданным, что у нас не было времени кого бы то ни было предупредить, хотя, по правде сказать, тут предупреждения не помогают. Мы выполняли свой долг. Ведь только мы могли что-то предпринять. Сначала мы соорудили вокруг этой лаборатории фиксатор времени, потом сделали портативные модели, как та, что вы сейчас носите.

— А как она работает? — спросил я, с большим уважением дотрагиваясь до металлического диска у себя на затылке.

— В ней хранится копия вашей памяти, которая записывается назад в мозг каждые три миллисекунды. Она, таким образом,

напоминает вам, кто вы такой, и исправляет все изменения личности, которые могли появиться от искажения темпоральных линий в прошлом. Чисто защитный механизм, но это все, что мы пока можем.

Уголком глаза я заметил, как еще один человек пропал с глаз. Голос профессора посуровел.

— Мы должны атаковать, если хотим сохранить Корпус.

— Атаковать? Сейчас?

— Нужно послать кого-нибудь в прошлое, чтобы найти силы, начавшие темпоральную войну, и уничтожить их, пока они сами не расправились с нами. У нас есть необходимое оборудование.

— Считайте меня добровольцем. Работенка как раз по мне.

— Оттуда нельзя будет вернуться. Это задание — без возврата.

— Тогда я отказываюсь от последних слов. Мне и здесь нравится.

Внезапно я весь сжался от воспоминания, восстановленного, без сомнения, всего три миллисекунды назад, и приступ страха начал проникать мне в кровь.

— Анжела, моя Анжела, мне нужно с ней поговорить!

— Она же не единственная!

— Для меня она единственная, проф. Отойдите в сторонку, а не то я пройду через вас.

Он отступил, нахмурившись, что-то бормоча и постукивая себя по зубам кончиками ногтей, а я торопливо набрал номер на видеофоне. Экран дважды звякнул, и в следующие несколько секунд, пока она не ответила, для меня прошла целая вечность.

— Ты здесь! — выдохнул я.

— А где мне еще быть?

По ее лицу пробежала тень, и она втянула в себя воздух, как будто она хотела уловить запах спиртного через экран.

— Ты опять пил, да еще так рано.

— Только капельку. Как у тебя дела? Ты просто отлично выглядишь, совсем непрозрачно.

— Капельку? Больше похоже на целую бутыль.— Ее голос заледенел, и она вновь стала похожа на прежнюю, непеределанную Анжелину — самую ловкую и безжалостную мошенницу во всей Галактике, какой она была до тех пор, пока врачи Корпуса не выправили в ее мозгах какие-то извилины.— Вешай-ка трубку, прими пилюлю и позвони снова, как только протрезвеешь.— Она потянулась к кнопке отбоя.

— Не-ет! Я совершенно трезв и жалею об этом. Это тревога, «3-А», высший приоритет. Моментально двигай сюда и привези близнецов.

— Конечно.— Она моментально вскочила на ноги, готовая бежать.— А где ты?

— Координаты этой лаборатории, быстро! — рявкнул я, поворачиваясь к профессору Койцу.

— Уровень 120, комната 30.

— Ты слышала? — сказал я, поворачиваясь к экрану.

Он был пуст!

— Анжела...

Я отсоединился и снова набрал на клавишах ее код. Экран осветился, и появилось сообщение: «Номер не соединяется». Тогда я побежал к двери. Кто-то схватил меня за плечо, но я отшвырнул его в сторону, схватился за ручку двери и распахнул ее.

Снаружи ничего не было. Только бесформенное, бесцветное нечто, которое, когда я глянул через него, творило странные вещи с моим мозгом. Потом меня оттащили от двери и захлопнули ее. Профессор Койцу встал к двери спиной и тяжело задышал. Его лицо было искажено теми же непонятными ощущениями, которые испытывал и я.

— Исчезли, — сказал он хрипло. — Коридор, вся станция, все здание. Осталась только лаборатория, блокированная нашим фиксатором. Спецкорпуса больше не существует, во всей Галактике никто о нас даже не вспомнит. А когда выключится фиксатор, исчезнем и мы.

— Анжела, где она, где они все?

— Она даже не родилась и никогда не существовала.

— Но я помню ее, я помню их всех.

— На это весь расчет: покуда жив хоть один человек, помнящий нас и Корпус, мы имеем микроскопический шанс в конце концов выжить. Кто-то должен сорвать темпоральную атаку. Если не ради Корпуса, то хотя бы ради цивилизации. Сейчас переписывают историю. Но это — не навечно, если мы сможем противодействовать.

Путешествие в прошлое на всю жизнь, без возврата, в чуждый мир, — кто на это решится, будет самым одиноким из живущих, за тысячи лет до рождения своих современников, своих друзей.

— Готовьтесь. Я отправляюсь.

— Сначала мы должны выяснить, куда вы отправитесь и в какое время.

Профессор Койцу, пошатываясь, пересек лабораторию, я последовал за ним, чувствуя себя все же скверно. Он забормотал что-то, склонившись над сложенным в гармошку листом компьютерного листинга, который с шелестом выползал из машины и громоздился на полу.

— Все должно быть точно, очень точно, — бормотал он. — Последнее время мы непрерывно зондировали прошлое, прослеживали источник этих возмущений. И в конце концов нашли искомую планету. Теперь следует точно установить нужное нам время. Если вы прибудете слишком поздно, может статься, что они закончат свое дело, а если слишком рано, то успеете умереть от старости раньше, чем эти дьяволы родятся на свет.

— Очаровательная перспектива. А что это за планета?

— Странное название, даже не одно. Она называется Грязь,

или Земля, или что-то в этом роде. Предлагается, что это — легендарная прародина всего человечества.

— Еще одна? Никогда о ней не слышал.

— Это вполне естественно. Она взлетела на воздух в ядерной войне за тысячелетие до нас... Вас придется отправить в прошлое за 32 598 лет, и мы не сможем при таком расстоянии обеспечить лучшую точность, чем плюс-минус три месяца.

— Я, наверное, и не замечу. А какой это будет год?

— За много лет до начала нашего теперешнего календаря. Полагаю, по древним записям тогдашних дикарей это будет 1975-й от Рождества Христова?!

— Не такие уж они и дикари, если развлекаются со временем.

— По всей вероятности, это вовсе и не они. Все сходится на том, что люди, которых мы ищем, просто базируются в этом времени.

— Как же я найду их?

— При помощи вот этого.— Один из ассистентов подал мне маленький черный ящичек с циферблатами, кнопками и прозрачным выступом, в котором свободно плавала иголка. Эта самая иголка вся дрожала, как охотничья собака, и постоянно указывала своим концом в одном и том же направлении, как бы я ни вращал ящичек.

— Это — детектор темпоральной энергии,— сказал Койцу.— Портативный, но менее чувствительный вариант наших больших аппаратов. Сейчас стрелка указывает на нашу темпоральную спираль. Когда вы прибудете на эту самую планету Грязь, используйте прибор, чтобы отыскать нужных вам людей. А вот эта шкала показывает напряженность поля. Она поможет вам оценить расстояние до источника энергии.

Я поглядел на ящичек и почувствовал, что в голове у меня зашевелилась идея.

— Если я могу это, то, наверное, могу унести с собой и другое оборудование?

— Точно. Только небольшое по размеру, которое можно укрепить на теле. Дело в том, что темпоральное поле создает статический заряд, похожий на статическое электричество.

— Тогда я возьму все, что найдется у вас в лаборатории.

— У нас его совсем немного. Только самые миниатюрные образцы.

— Оружие я возьму свое собственное. Работают у вас тут оружейные техники?

Он взглянул вокруг, подумал и сказал:

— Вот старый Ярл работал в отделе вооружений. Но у нас нет времени делать что-нибудь новое.

— Я не это имел в виду. Давайте его сюда.

Старый Ярл омолаживался совсем недавно и поэтому был похож на пресыщенного девятнадцатилетнего юнца, только взгляд у него, когда он подошел поближе, был стариковский, подозрительный.

— Мне нужен этот ящик,—сказал я, указывая на устройство у него за спиной. Он заскулил, словно пришпоренный пони, и отскочил прочь, прижимая ящичек к себе.

— Он же мой! Мой, говорю я вам. Вы его не получите. Бесчестно даже просить об этом. Ведь без него я просто исчезну.

В его моложавых глазах появились слезы старческого испуга.

— Не распускай себя, Ярл! Я вовсе не хочу, чтобы ты растворился. Мне нужен дубликат твоего ящика. Ну-ка, быстро займись этим.

Он заковылял прочь, что-то бормоча самому себе, а нас обступили техники.

— Я не понимаю,—сказал Койцу.

— Очень просто. Если я буду охотиться за большой организацией, мне понадобится мощное оружие. Если так случится, то я врублю себе старого Ярла в мозг, чтобы изготовить то, что мне нужно.

— Но ведь он станет вами, получит контроль над вашим телом. Этого никогда раньше не пробовали.

— А теперь сделаем. Тяжелые времена требуют отчаянных мер. А это подводит нас к другому вопросу. Вы говорите, что это будет путешествие по времени без возврата и я не смогу вернуться?

— Да, темпоральная спираль забросит вас в прошлое, а там, чтобы вернуть вас, ее уже не будет.

— Однако, если ее можно будет там построить, я смогу вернуться?

— Теоретически... Но этого никогда не пробовали. Большую часть оборудования и материалов невозможно достать у примитивных туземцев.

— А если я достану материалы, то темпоральная спираль может быть построена? Кто, по-вашему, сможет ее изготовить?

— Только я сам, я и конструировал и строил ее.

— Великолепно, тогда мне нужно и ваше устройство памяти... Велите вашим парням надписать на ящиках имена, чтобы я не подключился не к тому специалисту.

К профессору подскочили техники.

— Фиксатор времени теряет мощность!—завопил один из них голосом, полным ужаса.—Когда поле выключится, мы умрем, исчезнем без следа! Только не это...—выкрикнул он и свалился, потому что кто-то из окружающих выпустил ему в лицо заряд парализующего газа.

— Быстрее!—закричал Койцу.—Ведите ди Гриза к темпоральной спирали! Подготовьте его!

Техники схватили меня и потащили в соседнюю комнату, что-то крича друг другу. Они едва не уронили меня, когда двое из них исчезли одновременно. Большинство техников почти истерически продолжали кричать. И ничего удивительного—наступал конец света. Самые дальние стены становились уже смутными и туманными. Меня от паники спасали только тренировка и опыт. В кон-

це концов мне пришлось отшвырнуть их от аварийного космического скафандра, в который они пытались меня засунуть, и застегнуть самому. Из всей компании спокойным оставался только профессор Койцу.

— Наденьте шлем, но держите забрало поднятым до последней минуты. Отлично. Гравитатор у вас за спиной. Полагаю, что вы умеете им пользоваться. Оружие на груди. Вот темпоральный детектор...

И так далее и тому подобное, до тех пор, пока от тяжести едва можно было стоять. Я не жаловался. Если не возьму сейчас, то после уже не будет. Вешай еще!

— Переводное устройство! — заорал я.— Как иначе я буду общаться с туземцами?

— У нас его нет,— сказал Койцу, засовывая мне под мышку связку контейнеров,— но есть мнемограф...

— У меня от него головная боль.

— ... так вы же можете выучить местный язык. Вот в этом кармане.

— Что мне делать, ведь вы еще не объяснили? Как я там окажусь?

— На большой высоте, точнее — в стратосфере. Там меньше шансов столкнуться с чем-то материальным. Туда мы вас и забросим. После этого все будет зависеть от вас.

— С соседней лабораторией все! — закричал кто-то и почти тотчас же растворился сам.

— К темпоральной спирали! — хрипло выкрикнул Койцу, и они поволокли меня через дверь. Они тащили меня все медленнее и медленнее, по мере того как ученые и техники исчезали с глаз, как проколотые воздушные шары. Наконец, их осталось только четверо, и я, тяжело нагруженный, покачиваясь, заковылял вперед.

— Вот темпоральная спираль,— задыхаясь, сказал Койцу.— Это столб, колонна из чистой энергии, которая закручена в спираль и держится под напряжением.

Она была зеленого цвета и мерцала, почти заполняя собой комнату: свернутая в кольцо полоса искрящегося света толщиной в мою руку. Она мне что-то напоминала.

— Это похоже на огромную заведенную пружину.

— Да, возможно. Но мы предпочитаем называть ее темпоральной спиралью. Она заведена... поставлена под напряжение. Силы тщательно рассчитаны. Мы поместим вас на ее внешний конец и освободим затвор. Когда вас вышвырнет в прошлое, спираль забросит себя в будущее, где энергия постепенно рассеется. Теперь — вам пора.

Нас осталось только трое.

— Помните меня! — выкрикнул низкорослый черноволосый техник.— Помните Чарли Нейта! Пока вы меня помните, я никогда...

Койцу и я остались вдвоем, стены исчезли, воздух темнел.

— Это конец! Прикоснитесь к спирали! — кричал он.

Я споткнулся в падении, потянулся к сверкающему концу спирали, растопырив пальцы. Коснувшись его, я ничего не почувствовал, но зеленое сияние сразу же окутало меня, и сквозь него было очень плохо видно. Профессор стоял за пультом, что-то переключал, наконец потянулся к большому рубильнику.

Дернул его вниз...

Все остановилось.

Профессор Койцу замер за пультом — его рука застыла на включенном рубильнике. Мой взгляд был устремлен прямо вперед, и я видел профессора только потому, что стоял к нему лицом. Застыли не только глаза — от ужаса у меня душа ушла в пятки, а мозг забился в стенки своего костяного вместилища, когда я понял, что перестал и дышать. Насколько я знаю, сердце тоже остановилось. Что-то не так, я был в этом уверен. Ведь темпоральная спираль все еще туго свернута. Моя паника еще больше увеличилась, когда Койцу сделался прозрачным, а стены позади него — дымчатыми. Неужели настанет мой черед? Как знать...

Примитивная часть моего рассудка, унаследованная от обезьяны, бесновалась, завывала и вертелась волчком. И в то же время я чувствовал холодную отрешенность и любопытство. Ведь не каждому дается привилегия увидеть, как исчезает его мир, пока сам ты висишь в спиральном силовом поле, которое, возможно, забросит тебя в отдаленное прошлое. Я, правда, с удовольствием уступил бы эту привилегию любому добровольцу. Жаль, никто не вызывался. Вот я и торчал там, застывший, как статуя, с выпученными глазами, а лаборатория вокруг меня постепенно исчезала и оставила меня плавать в межзвездном пространстве. Видимо, даже астероид, на котором была построена База Специального Корпуса, больше не существовал в реальности этой новой вселенной. Что-то стало подталкивать меня совершенно немыслимым образом и нести в направлении, о существовании которого я вовсе не подозревал раньше. Темпоральная спираль стала раскручиваться. Возможно, правда, что она раскручивалась с самого начала, но изменение времени скрывало это. Стало казаться, что некоторые звезды стали двигаться все быстрее и быстрее, пока не превратились в небольшие размытые штрихи,— пугающее зрелище. Я попытался закрыть глаза, но шок все еще не прошел. Мимо проскочила звезда, да так близко, что я мог видеть ее диск, потом унеслась и оставила на моих сетчатках яркие, постепенно исчезающие полосы. Все вокруг ускорялось вместе с моим временем, и в конце концов космос слился в серое марево: даже звезды перемещения стали слишком быстрыми, чтобы я мог за ними уследить. Либо это марево обладало гипнотическими свойствами, либо на меня действовало движение во времени, но только мысли у меня совершенно перепутались, и я впал в полубессознательное состояние между сном и обмороком. Это длилось очень долго, а может, мгновение — точно не знаю. Это могла быть секунда,

а могла быть и вечность. Быть может, оставался кусочек моего мозга, который осознавал страшно долгое течение всех этих лет. И если так, у меня нет никакого желания думать об этом. Мне всегда нравилось жить, и я, как крыса из нержавеющей стали в бетонных коридорах общества, всегда полагался только на свои силы в деле самосохранения. В мире есть значительно больше дорог к провалу, чем к успеху, к сумасшествию, чем к здоровью. И вся моя энергия всегда уходила на поиски верного пути. Поэтому-то я и выжил и сохранил способность худо-бедно соображать даже в этом безумном рейде по времени — выжил и стал ждать, что будет дальше. Через неизмеримый промежуток времени что-то случилось.

Я добрался до места. Конец путешествия был еще драматичнее начала, потому что все случилось моментально.

Я снова смог двигаться. Я снова стал видеть — свет ослепил меня сначала, и ко мне вновь вернулись все ощущения, которых я был лишен так долго.

К тому же я падал. В ответ на это мой давно парализованный желудок вздумал взбунтоваться, а потоки адреналина и тому подобных штук, которые мозг старался нагнать в кровь вот уже 32 598 лет — плюс-минус три месяца, устремились вперед, а сердце застучало радостно и ритмично. Падая, я повернулся. Солнце скрылось с глаз, и я увидел черное небо, а далеко внизу — пушистые белые облака. Неужели это она? Грязь — таинственная прародина человечества? Как бы то ни было, но мне определенно доставило удовольствие очутиться где бы то ни было и когда бы то ни было, лишь бы вокруг все было устойчиво и не исчезало бы вдруг. Все мое снаряжение было, кажется, на месте, и, коснувшись регулятора на запястье, я почувствовал тягу заработавшего гравитатора. Отлично. Я выключил его снова, и стал падать, пока не почувствовал, что скафандр вошел в верхние слои атмосферы. Достигнув облаков и окунувшись в их мокрые объятия, двигаясь вперед ногами, я уже спускался мягко, как падающий лист. Падая вслепую и непрерывно протирая запотевающее забрало шлема, я еще уменьшил скорость. Выбравшись из облаков, я переключил управление на «парение» и медленно оглядел новый мир — возможную родину человечества и уж наверняка мою новую родину.

Прямо надо мной, как мягкий и влажный поток, висели облака. Внизу, в трех километрах от меня, расстилались леса и поля, искаженные запотевшим забралом шлема. Так или иначе, но здешнюю атмосферу мне раньше или позже придется попробовать, поэтому в надежде, что мои далекие предки дышали не метаном, я решительно приоткрыл забрало и быстро вдохнул.

Неплохо. Воздух холодный и слегка разреженный на такой высоте, но свежий и приятный. И главное — он не убил меня. Я широко открыл забрало, еще раз глубоко вздохнул и посмотрел вниз. С этой высоты вид был хорош. Волнистые зеленые холмы, покрытые какими-то деревьями, голубые озера, прямые дороги

через долины, на горизонте — что-то вроде города, испускавшего мерзкие облака смога. От этого я должен держаться как можно дальше: сперва надо устроиться, оглядеться...

Наконец до моего сознания дошел звук, похожий на жужжание насекомого. Но на такой высоте не может быть насекомых. Я подумал бы об этом и раньше, не будь мое внимание приковано к пейзажу внизу. Как раз в этот момент жужжание переросло в рев, я изогнулся и поглядел через плечо. Челюсть у меня отвисла. За прозрачными стеклами шаровидной летательной машины, поддерживаемой в воздухе допотопным воздушным винтом, сидел человек, на лице которого было написано такое же изумление, как и у меня. Я перебросил контроллер на запястье на «вверх» и скользнул назад, под защиту облаков. Неудачное начало. Пилот успел меня рассмотреть, хотя оставался шанс, что он просто не поверил своим глазам. Однако он поверил. Должно быть, в этом веке средства связи развиты отлично, так же, как боеготовность армии или страх, потому что не прошло и нескольких минут, как я услышал внизу рев мощных реактивных машин. Они покружили немного, а одна даже пронеслась через облако. Я успел взглянуть на ее серебристую стреловидную форму. Пора сматываться. Горизонтальное управление гравитатора не слишком совершенно, но все же я тронулся прочь через облака, чтобы уйти как можно дальше от этих аппаратов. Перестав их слышать и выждав некоторое время, я рискнул опуститься чуть ниже границы облачности. Во всех направлениях — ничего... Я захлопнул забрало и выключил гравитатор.

Свободное падение не могло занять много времени, но показалось чертовски длинным. Меня посетили неприятные видения щелкающих детекторов, жужжащих, переваривающих информацию компьютеров, двигающихся металлических пальцев стволов и с ревом несущихся на меня военных машин. В падении я вращался и косил глазами во все стороны в поисках сверкающего металла. Ничего такого не было. Только рядом лениво летели какие-то большие белые птицы, когда я пронесся мимо, они увернулись и резко закричали. Увидев внизу голубое зеркало озера, я дал гравитатору толчок в его направлении. Если покажется погоня, я смогу нырнуть под воду и скрыться из поля зрения их детекторов. Очутившись ниже уровня окружающих холмов и видя, что вода приближается до отвращения быстро, я врубил тягу. В тело глубоко впились ляшки скафандра, я весь перевернулся и застонал. Гравитатор за спиной опасно разогрелся, правда, я вспотел совсем по другой причине. До воды было уже близко, а при такой скорости она оказалась бы твердой, как сталь.

Когда я наконец остановился, ноги были уже в воде. В конце концов, неплохое приземление. Я поднялся чуть-чуть над поверхностью воды, погони по-прежнему не было, и я медленно тронулся к серым скалам, которые отвесно спускались в озеро у дальнего берега. Когда я снова открыл шлем, воздух был хороший и все вокруг тихо. Ни голосов, ни грохота машин, никаких при-

знаков человеческого жилья. Подлетев ближе к берегу, я услышал шум ветра в листве, но и только. Прекрасно, как раз такое местечко мне и нужно на первое время. Серые скалы оказались монолитной каменной стеной, высокой и недоступной. Я скользил вдоль ее поверхности, пока не нашел карниза, достаточно широкого, чтобы на нем усесться. Это было здорово — сидеть.

— Давненько мне не удавалось присесть,— сказал я вслух, радуясь звукам своего голоса. «Да,— напомнило мне подсознание,— примерно 33 тысячи лет».

Я снова погрустнел — мне захотелось выпить. Однако именно этот важный продукт я и забыл захватить с собой. Ошибка, которую нужно исправить в первую очередь. При выключенном питании скафандр начал нагреваться на солнце, и я скинул его, разложив все снаряжение на скале подальше от края.

А что теперь? Я услышал в боковом кармане треск и вытащил из него пригоршню дорогих, но, увы, сломанных сигар. Трагедия! Каким-то чудом одна оказалась целой. Тогда я откусил кончик, прикурил и выпустил клуб дыма. Просто чудо! Я немного покурил, болтая ногами над пропастью, и мое самообладание достигло обычного, совершенно несокрушимого уровня. В озере плеснула рыба, какие-то маленькие птички щебетали на деревьях; я стал обдумывать следующий этап. Мне необходимо укрытие, но чем больше я буду бродить в его поисках, тем больше шансов быть обнаруженным. Почему бы мне не остаться прямо здесь?

Среди различного хлама, который на меня навешали в последнюю минуту, был лабораторный инструмент под названием «массер». В тот момент я начал было возражать, но мне повесили его на пояс не спросясь. Тогда я его рассмотрел. Рукоятка расширялась в массивный корпус, который вновь сужался в тонкий игловидный наконечник. На его острие создавалось поле, обладавшее любопытной способностью концентрировать большинство форм материи путем усиления межмолекулярных связей. Это поле втискивало вещество в значительно меньший объем, сохраняя массу неизменной. Некоторые предметы в зависимости от материала могли быть сжаты до половины их нормальной величины.

На противоположном конце мой карниз сужался, пока не исчезал совсем. Я прошел по нему, сколько рискнул. Вытянувшись, я прижал острие к поверхности серого камня и нажал на кнопку. Раздался резкий щелчок, и съежившаяся плитка камня размером с мою ладонь отвалилась от поверхности скалы и соскользнула на карниз. В руке она показалась по весу больше похожей на свинец, чем на камень. Швырнув ее в озеро, я включил инструмент и принялся за работу.

Стоило только приспособиться, и работа пошла быстрее. Я научился создавать почти сферическое поле, которое сразу отделяло от скалы шар сжатого камня размером с мою голову. После того, как я попробовал сжать и скатить через край парочку этих гирь и едва сам не улетел вслед за ними, я стал подрезать скалу под углом и затем резать над получившимся склоном.

Шары отваливались, катились вниз под уклон и срывались с карниза по короткой дуге, поднимая внизу шумные всплески. Каждый раз я останавливался, чтобы прислушаться и оглядеться. Вокруг по-прежнему никого не было. Солнце спустилось близко к горизонту, когда я наконец закончил делать в скале уютную маленькую пещерку. Ее как раз хватило, чтобы уместить меня и все мое оборудование. Я с удовольствием залез в эту нору, предварительно быстро спустившись к озеру за водой. Концентраты были безвкусны, но питательны, так что мой желудок был почти удовлетворен этой трапезой. Когда стали появляться первые звезды, я начал планировать следующий шаг в покорении этой Грязи, или, как там ее, Земли.

Мое путешествие было, видимо, значительно более утомительным, чем я думал, потому что следующее, что я увидел, открыв глаза, было черное небо и огромная оранжевая полная луна, висящая над горами. Мой зад заледенел от контакта с холодной скалой, и я весь онемел от сна в неудобной позе.

— Вперед, могучий творец истории,— сказал я и застонал, когда заныли мои мускулы и заскрипели суставы.— Вылезай и принимайся за работу.

Именно этим и следует заняться. Под лежачий камень вода не течет. Пока я торчу в этой дыре, все, что я могу придумать, может оказаться бесполезным, потому что из-за отсутствия исходных данных я пока ведь не знаю даже, нужная ли это планета и эпоха,— не знаю вообще ничего. Необходимо вылезти и заняться чем-нибудь. Хотя есть одна вещь, которую нужно сделать без промедления, которую я должен был сделать прямо по прибытии. Проклиная собственную глупость, я порылся в куче привезенного с собой хлама и извлек черный ящичек-детектор темпоральной энергии. Я осветил его маленьким фонариком: сердце у меня ушло в пятки, когда я увидел, что иголка не движется — время не было свернуто нигде на этой планете.

— Ха, придурок,— сказал я громко, обрадованный звуком своего голоса.— Машина будет работать много лучше, если ты включишь питание.

Экая оплошность. Глубоко вздохнув, я нажал выключатель.

По-прежнему ничего. Иголка висела так же беспомощно, и от этого зрелища мои надежды начали таять. Хотя по-прежнему оставались неплохие шансы на то, что эти темпоральные бандиты все же где-то здесь и просто на время выключили свои аппараты. Будем надеяться.

Теперь за работу. Я укрепил на себе несколько подручных устройств и отстегнул гравитатор от скафандра. Его батареи были еще наполовину заряжены. Этого мне хватит, чтобы несколько раз добраться до верха скалы и спуститься обратно. Я просунул руки в лямки, шагнул с карниза и прикоснулся к регулятору, превратив падение в пологую дугу, направленную к ближайшей дороге, замеченной мной при спуске. Пролетая низко над деревьями, я постоянно замечал ориентиры и направление. Громадные,

усыпанные мерцающими циферблатами часы, которые я всегда ношу на левой руке, умели делать много больше, а не только показывать время. Прикосновение к правой стрелке высвечивало стрелку радиокомпаса, показывающего направление на мой новый дом. Я продолжал скользить.

Наконец лунный свет отразился на гладкой поверхности, рассекавшей лес, и я мягко опустился на землю среди деревьев. Сквозь ветки пробивалось достаточно света, так что когда я направился к дороге, преодолевая последние несколько метров с предельной осторожностью, фонарь мне не понадобился. Дорога была пустой в обоих направлениях,— ночь молчала. Я нагнулся и осмотрел поверхность. Она была изготовлена из целой плиты какого-то белого твердого вещества, не металла и не пластика. Казалось, что в него вкраплены крошечные песчинки,— ничего интересного. Держась поближе к обочине, я повернулся в сторону города и пошел пешком. Это очень медленно, но зато экономит энергию гравитатора.

Случившееся потом можно объяснить только беспечностью, смешанной с усталостью и моим незнанием этой планеты. Мысли мои блуждали: Анжела и дети, мои друзья из Корпуса. Все они существуют теперь только в моей памяти и реальны не больше, чем мои воспоминания о персонажах какого-нибудь романа. Угнетающие мысли, и я, вместо того чтобы их сразу отбросить, продолжал с ними нянчиться. Поэтому внезапно раздавшийся рев моторов застал меня врасплох. В этот момент я проходил поворот дороги, проложенной, вероятно, сквозь небольшой холмик, так как по обеим сторонам возвышались крутые склоны. Мне бы следовало заранее предвидеть возможность попасть в этой щели в ловушку и позаботиться о способе избежать ее. Теперь же, пока я раздумывал, взобраться ли мне по откосу, включить гравитатор или проделать еще что-нибудь, впереди из-за поворота засверкал яркий свет, и рев стал громче. В конце концов я прыгнул в придорожную канаву, лег, уткнувшись лицом в ладони, и постарался казаться по возможности как можно более незаметным. Одежда у меня была простого темно-серого цвета и вполне могла слиться с землей.

А потом меня оглушил дробный рев, окатило ярким светом — все это пронеслось совсем рядом. Тогда я сразу сел и поглядел вслед четырем странным машинам, только что пронесшимся мимо. Деталей не было видно, потому что я различил только их силуэты на фоне света их собственных фар. Они показались мне очень узкими, не похожими на мотоциклы, сзади каждой был маленький красный огонек. Их звук начал стихать и вдруг смешался с пронзительным визгом и гоготанием, похожим на крик животного. Они остановились, должно быть, увидев меня. Щелкающие, лающие звуки отдавались эхом по канаве, лучи фар сделали полный круг и направились назад, ко мне.

«Когда не знаешь, что делать, подожди, может, противник оши-

бется первым»,— вот мой любимый девиз. Я мог бы попытаться вырваться, вскарабкаться по склону или улететь, но у этих людей, кто бы они ни были, могло быть оружие. Из меня вышла бы превосходная мишень. К тому же, даже убежав, я все равно бы привлек к этой местности внимание. Лучше сперва поглядеть, что они из себя представляют. Повернувшись спиной, чтобы их фары не слепили меня, я терпеливо ждал, пока машины, громыхая, подъедут и остановятся, образовав вокруг меня полукольцо. Я прислушался к странным звукам, при помощи которых водители переговаривались между собой, но не понял ни слова. Все было за то, что одет я с их точки зрения очень странно. Они, должно быть, договорились о чем-то, потому что мотор одной из машин заглох и водитель вышел вперед, на свет.

Мы с интересом обменялись взглядами. Он был ростом немного ниже меня, но казался выше из-за похожего на корзину металлического шлема. Этот шлем, усаженный заклепками и увенчанный высоким острым наконечником, был очень непривлекателен, как и его остальная одежда... Она была из черного пластика со множеством сверкающих пуговиц и пряжек. Как верх вульгарности он носил на груди стилизованный череп со скрещенными костями, весь утыканный какими-то поддельными камешками.

— ..? — сказал он весьма оскорбительным тоном, одновременно сильно выпячивая вперед челюсть.

Я улыбнулся, изображая милого, добродушного парня, и дружелюбно ответил:

— Мертвым ты будешь выглядеть еще отвратительнее живого, типчик, так что не говори больше со мной таким тоном.

Он поглядел озадаченно, и вновь между ними началась непонятная болтовня. К первому водителю присоединился еще один, столь же странно одетый. Он возбужденно показал на мое запястье. Все уставились на мой наручный хронометр, издавая при этом пронзительные любопытствующие крики, которые сменились на злобные, когда я спрятал руку за спину.

— ..! — сказал первый тип, выступая вперед с протянутой рукой. Раздался резкий щелчок, и вдруг в руке у него появилось сверкающее лезвие.

Ну что ж, такой язык мне понятен. Я едва не улыбнулся. Непорядочные люди, если только закон в этих землях не предписывает носить оружие и грабить на дорогах первого встречного. Что ж, зная правила, я могу играть...

— ..? — воскликнул я, отступая и поднимая в отчаянии руки.

— ..! — закричала эта деревенщина, прыгая на меня.

— Ну, как насчет «...», а? — спросил я, залепив ему ногой в запястье. Нож полетел в темноту, а он издал крик, постепенно перешедший в клокотанье, когда я пальцем кольнул его в горло.

К этому времени они, должно быть, во все глаза смотрели на меня, поэтому я выпустил из нарукавного держателя в ладонь световую бомбу и бросил ее пред собой на землю, тут же закрыв глаза,— она тотчас взорвалась. Опущенными веками я почувствовал

обжигающе яркий свет, и когда снова поднял их, то увидел перед глазами световых зайчиков. Это было много приятнее того, что испытали нападавшие. Временная слепота, если только их стоны и жалобы что-то значили. Никто не пытался меня остановить, когда я подошел и отвесил носком ботинка каждому по самым интересным местам. Они вопили от боли и бегали маленькими кругами до тех пор, пока двое из них случайно не столкнулись и не начали безжалостно дубасить друг друга. Пока они так развлекались, я осмотрел их экипажи. Странные штуки — только два колеса и никакого намека на гироскоп для стабилизации движения. Каждый имел единственное сиденье, на котором при езде водитель помещался верхом. Они выглядели совсем не безопасными, и мне бы совсем не хотелось управлять ими.

Но что же делать с этими типами? Мне никогда не доставляло удовольствия убивать людей, так что заставить их молчать таким образом было трудно. Если они преступники — а похоже на то,— тогда вероятно, что об этой истории они властям не доложат. Преступники! У них я узнаю все, что нужно. Одного вполне хватит, лучше взять того, первого — уж с ним-то я могу не церемониться. Он уже стонал, приходя в себя, но глоточек усыпляющего газа снова его выключил. У этого парня на талии был широкий, разукрашенный металлом ремень, который показался мне достаточно прочным. Я прикрепил конец ремня к одной из моих поясных пряжек и дружески подхватил его хозяина под руки. Потом тронул ручку управления гравитатора.

Мы поднялись беззвучно и плавно, оставив внизу маленькую шумную компанию, и устремились к моему убежищу. Исчезновение их приятеля будет выглядеть весьма таинственно, и даже если они сообщат о нем властям, это все равно ни к чему не приведет.

Я собирался затаиться на несколько дней с моим пока дремлющим компаньоном и научиться здешнему языку. Лексикон, конечно, будет самый низкопробный, но это поправимо. Вскоре показался вход в мою нору, я скользнул в нее и бросил мою бесчувственную ношу прямо на камни.

К тому времени, когда он очухался, я уже разложил нужное оборудование и все приготовил. Молча, с удовольствием попыхивая извлеченной из карманного контейнера сигарой, я наблюдал, как он мучительно приходит в себя. Он долго облизывал губы, потом открыл наконец глаза и сел, застонав и схватившись за голову: у моего газа были неприятные постэффекты. Однако, вспомнив о ноже, я был равнодушен к его страданиям. Очумело озираясь, он с испугом оглядел меня и мое снаряжение и с надеждой — выход из пещеры. Как бы случайно подобрал под себя ноги. Чтобы в следующее мгновение неожиданно прыгнуть к выходу, чтобы тотчас же шмякнуться лицом о камень, натянув шнурок, привязанный к его лодыжке.

— Пора кончать с играми и браться за работу,— беззлобно сказал я, садясь спиной к стене и укрепляя на его запястье свое

устройство. Пока он спал, я состряпал эту штуку — очень примитивно, зато действенно. В ней были датчики кровяного давления и сопротивления кожи с индикаторами на выносной панели, которую я держал в руке. Простейшая разновидность детектора лжи. Кроме того, в ней была еще одна электрическая цепь. В обычных условиях я бы никогда не стал пробовать ее на человеке — таким методом обычно пользуются при обучении подопытных животных,— но в отношении этого типа можно было сделать исключение. Мы играли по его правилам, а эта штука могла сэкономить массу времени. Когда он начал грубо браниться и срывать с руки мою коробочку, я нажал специальную кнопку. Тут его ударило током, он завопил и задергался. Не то чтобы это было очень больно, я все испытал на себе и установил такой уровень, который вызывал боль, но вполне терпимую.

— А теперь начнем,— сказал я.— Только дай мне самому приготовиться.

Молча, с широко открытыми глазами он смотрел, как я укрепляю на висках у себя металлические пластины мнемографа и подключаю его.

— Ключевое слово будет,— я поглядел на своего подопечного,— «противный». Теперь начнем.

Рядом со мной лежала куча разных простых предметов, я подобрал один и поместил у него перед глазами. Когда он осмотрелся, я громко сказал «камень» и замолчал. Он тоже молчал, и через некоторое время я снова нажал обучающую кнопку. От внезапной боли он подпрыгнул, безумно оглядываясь.

— Камень,— повторил я тихо и терпеливо.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы постичь идею, но в конце концов он понял. За ругань или за любые, не относящиеся к делу выражения следовал удар током и двойной удар — за попытку соврать: мой детектор всегда сообщал мне об этом. Такая жизнь ему быстро надоела, и он предпочел сразу же давать мне нужное слово. Мы очень быстро исчерпали весь запас предметов и переключились на рисунки и движения.

Я принимал на веру его «не знаю», если они повторялись не слишком часто, а мой словарь постепенно рос. Под действием микротоков мнемографа новые слова втискивались в мозг, но, увы, небезболезненно. Когда голова стала прямо-таки раскалываться, я принял таблетку болеутолителя и приступил к игре в слова: в нашем распоряжении их было уже достаточно, чтобы перейти ко второй части процесса обучения — освоению грамматики. «Как тебя зовут?» — подумал я и добавил кодовое слово «противный».

— Как... имя? — сказал я вслух. Действительно, дрянной язык.

— Слэшер.

— Мое... имя... Джим.

— Отпусти-и, я же тебя не трогал.

— Сначала учиться... уходить потом. Теперь говори, какой год?

— Что, какой год?

— Какой год сейчас, дурень?

Я повторял этот вопрос по-всякому, пока его значение не просочилось наконец в его башку, на редкость тупую. Я даже весь вспотел.

— А-а, год, 1975-й. 19 июля 1975 года.

Прямо в цель! Через все эти столетия и тысячелетия темпоральная спираль бросила меня с феноменальной точностью. Я мысленно благодарил профессора Койцу и других исчезнувших ученых. Поскольку они жили теперь только в моей памяти, то это, пожалуй, был единственный способ выразить им свою признательность. Весьма обрадованный, я продолжал занятия.

Мнемограф схватывал, упорядочивал и запихивал глубоко в мой измученный мозг все произносимое им. Подавляя стоны, я принял еще одну таблетку болеутолителя. К восходу солнца я почувствовал, что знаю язык достаточно, чтобы совершенствоваться самому, и выключил аппарат. Мой собеседник заснул сидя и, падая, стукнулся головой о камень, но даже не проснулся. Я оставил его спать и отсоединил от нас обоих электронную аппаратуру. После ночного бдения я и сам устал, но с этим справилась таблетка стимулятора. В животе урчало от голода, и я принялся за еду. Слэшер скоро проснулся и тоже получил свою долю. Правда, он съел свою плитку только после того, как я откусил от нее кончик и проглотил сам. Я удовлетворенно рыгал, он вторил. Поглазев некоторое время на меня и мое снаряжение, он заявил:

— Я знаю, кто ты.

— Так скажи.

— Ты с Марса, вот что.

— Что это, Марс?

— Такая планета.

— Да-а. Ты примерно прав. Это не важно. Сделаешь, что я скажу, поможешь прибрать кое-какие вещички?

— Я же тебе говорил, я взят на поруки. Коли меня зацапают, век воли не видать.

— Не дрожи. Держись за меня, и они тебя пальцем не тронут. Будешь кататься в зелененьких. Кстати, есть у тебя эти зелененькие? Хочу поглядеть, на что они похожи.

— Нет! — сказал он и потянулся к выпуклости, образованной куском материи, укрепленной на нижнем предмете одежды. К этому времени я уже замечал примитивную ложь этого типа без помощи прибора.

Успокоив парня усыпляющим газом, я достал из его одежды что-то наподобие кожаного конверта, наполненного хрустящими бумажками. Это, наверное, были те самые зелененькие, которых у него якобы не было. На вид они — просто смех! Простейшая копировальная машина может выдавать дубликаты этих штук бочками, если только они не наделены какими-либо скрытыми признаками. Для проверки я прошелся по ним самыми тонкими приборами и не нашел ни следа каких бы то ни было химических, физических или радиоактивных меток. Изумительно. Бумага, ка-

жется, содержит что-то вроде коротеньких ниток из другого материала, но дубликатор напечатает на поверхности их изображение, которое вполне сгодится. Если бы у меня был дубликатор. А может, и есть? Ведь в конце концов они вешали на меня все снаряжение, какое только было под руками. Я разворошил кучу, и там действительно нашлась маленькая настольная модель аппарата. Она была заряжена плиткой исключительно плотного материала, который каким-то образом разбухал внутри машины, давая листы гладкого белого пластика: на них и делались копии. После множества регулировок я ухитрился так понизить качество пластика, что он стал таким же мягким и грубым, как и «зелененькие». Теперь стоило мне коснуться копирующей кнопки, машина выдавала «зелененькую», точь-в-точь похожую на оригинал. Самой крупной бумажкой у Слэшера была десятка. С нее я сделал несколько копий. Конечно же, номер у всех был один и тот же. Но я знал, что люди никогда не разглядывают полученные деньги.

Настало время приступить к следующему этапу моего внедрения в общество этой примитивной планеты Земля. Я выяснил, что название Грязь вовсе не точное и имеет совсем другое значение. Я надел на себя снаряжение, которое могло понадобиться, и оставил все остальное в пещере вместе со скафандром. Когда оно мне понадобится, все будет на месте. Слэшер бормотал и похрапывал, пока я летел с ним назад через озеро и дальше низко над деревьями, к дороге. Теперь, днем, на ней было больше движения, я слышал рев машин и потому снова опустился к лесу. Перед тем как разбудить его, я закопал гравитатор вместе с радиокомпасом, который в случае чего поможет найти это место.

— Что-что? — спросил Слэшер, присев, как только антидот подействовал. Он непонимающе поглядел на лес.

— Поднимайся на копыта,— сказал я,— пора отсюда двигать.

Он заковылял за мной, еще наполовину во сне, пока я не помахал у него перед носом пачкой денег,— тут он сразу же проснулся.

— Как на твой взгляд эти зелененькие?

— Отлично, только у тебя ведь этого добра совсем не было.

— Добра у меня всякого достаточно, а вот денег не было. Ну, я и сделал их. Как они — о'кей?

— О'кей, никогда не видел лучше.— Он посмотрел на бумажки опытным взглядом профессионала.— Единственный недостаток — у них один и тот же номер. А так — высший класс.

Вернул он их мне очень неохотно. Человек без воображения и предрассудков. Именно такой мне и нужен. Вид этих денег изгнал из парня весь страх передо мной, и он, пока мы брели по дороге, активно принялся помогать мне в планировании приобретения еще большего их количества.

— Эта сбруя, которую ты носишь,— издали, конечно, она о'кей. Водители машин ничего не заметят, но нужно достать тебе другие шмотки. Тут под горой есть что-то вроде универмага. Ты подождешь в сторонке, пока я схожу и куплю все, что нужно. По правде, может, удастся раздобыть и колеса. Ноги меня прямо не

держат. Тут есть маленькая фабрика со стоянкой, посмотрим, что у них там есть.

Фабрика оказалась приплюснутым угловатым зданием со множеством труб, выплевывающих дым и отраву. В стороне стояло множество разноцветных машин. Низко пригнувшись, по примеру Слэшера, я быстро подобрался к ближайшей из них, стоящей во внешнем ряду. Убедившись, что нас не заметили, мой компаньон открыл замок на ярко-красной машине с помощью зубастой металлической штуковины и поднял большую крышку. Я заглянул внутрь и подивился излишней усложненности и удивительной примитивности двигательной установки. Вот уж действительно, угодил в прошлое! По моей просьбе, Слэшер описал мне ее, пока заворачивал провода, которые, видимо, управляли включением.

— Мы зовем это двигателем внутреннего сгорания. Почти новый, должно быть, лошадей триста. Забирайся внутрь, и погнали, пока никто не видел.

Я решил, что позднее займусь теорией этого «внутреннего сгорания». Я уже знал, что лошадь — это большое четвероногое, так что, может быть, внутреннее сгорание — это миниатюризация животных с целью уместить большее их число в моторе. Но как ни примитивно выглядело это устройство, двигалось оно довольно быстро. Слэшер манипулировал рычагами и крутил большое колесо, мы выехали на дорогу, видимо, нас никто не заметил. Я с радостью доверил управление своему спутнику и стал разглядывать этот новый для меня мир.

— Где у вас хранятся деньги? Ну, такое место, где их запирают?

— Ты, должно быть, говоришь про банки. Дома с толстыми стенами, большими сейфами и вооруженной охраной. В любом городе есть хотя бы один такой.

— И чем больше город, тем больше банк?

— Ты верно схватываешь.

— Тогда поезжай в ближайший большой город и найди самый большой банк. Мне понадобится масса денег. Мы обчистим его сегодня ночью.

Слэшер взглянул на меня в благоговейном ужасе.

— Ты шутишь! У них там сплошная сигнализация и все такое.

— Плевать я хотел на эти уловки из каменного века. Только дай мне город и банк, а потом еще поесть и выпить. К вечеру я сделаю тебя богачом.

По правде говоря, мне никогда не приходилось грабить банки с такой легкостью или взламывать более простые замки. Заведение, которое я выбрал, находилось в центре города с совершенно невероятным названием «Хартфорд». Это было прочное строение из серого камня. Крыса ведь редко входит через парадную дверь. Когда мы отправились на дело, было начало вечера, и Слэшер весь трясся от ужаса, несмотря на громадное количество проглоченного им низкосортного алкоголя.

— Нужно еще подождать,— ныл он.— На улице полно народу.

— Это мне и нужно. Кому какое будет дело еще до двух человек? А теперь припаркуй машину за углом, как договорились, и принеси сумки.

Я нес в маленьком футляре свой инструмент, а Слэшер следовал за мной с двумя большими чемоданами, которые мы успели купить по дороге. Впереди, в здании слева от банка, было темно, и дверь, конечно, заперта на замок. Не беда. Этот замок я осмотрел еще днем и решил, что никаких хлопот с ним не будет. Приборчиком в левой руке я обезвредил сигнализацию, а правой в это время орудовал отмычкой. Замок открылся так легко, что Слэшеру даже не пришлось останавливаться: он просто прошел мимо меня со своими сумками. Ни одна живая душа на улице не обратила на нас ни малейшего внимания. Коридор привел к новым запертым дверям, которые я преодолел с такой же легкостью. Наконец мы добрались до места.

— У этой комнаты должна быть общая стена с банком. Нужно уточнить,— сказал я. Так и оказалось,— с другой стороны большое помещение — несомненно, банк.

Тихо насвистывая, я принялся за работу. Будьте спокойны, это было мое не первое ограбление банка, и я вовсе не собирался делать его последним. Из всех многочисленных форм преступной деятельности ограбление банков наверняка самое полезное для личности и общества. Личность, ясное дело, получает кучу денег, это само собой. К тому же она приносит пользу обществу тем, что снова пускает в обращение массу наличных. Экономика стимулируется, лавочники процветают, народ с огромным интересом читает о преступлениях, а полиция получает шанс проявить свои многочисленные таланты. Я, правда, слышал, что иные дураки утверждают, будто это вредит банкам — форменная чушь. Все банки застрахованы, так что ничего не теряют, а страховые суммы ничтожны в общем обороте страховых компаний. Поэтому, единственный результат, который может получиться,— это микроскопическое уменьшение выплачиваемых в конце года дивидендов. Совсем малая цена за все доброе. Поэтому, прижимая к стене ультразвуковой зонд, я чувствовал себя не вором, а благодетелем человечества.

В стене проходило множество труб и кабелей: вода и электроэнергия, сигнализация... Я отмечал на стене их положение до тех пор, пока система не стала кристально ясна. Я нашел место, свободное от всех этих игрушек, и пометил его.

— Войдем здесь,— сказал я.

— Как же мы проломим стену? — Слэшер колебался между страхом и алчностью: и денег хочется, и страшно. Ясно, что он — мелкий преступник и это самое большое дело в его жизни.

— Зачем ломать, дурачок? — сказал я добродушно, поднимая массер.— Мы просто попросим ее открыться перед нами.

Конечно, он и понятия не имел, о чем я говорю, но вид мер-

цающего аппарата его, по-видимому, успокоил. Я переключил механизм так, что вместо увеличения притяжения молекул он уменьшил его почти до нуля. Медленно и осторожно я провел наконечником массера по намеченной области стены, затем выключил его и убрал.

— Ничего не получилось,— пожаловался Слэшер.

— Сейчас выйдет.— Я слегка толкнул стену рукой, и она развалилась с легким шипением. Мы заглянули в отверстие, в ярко освещенное помещение банка.

Невидимые с улицы, мы вползли внутрь и начали красться вдоль высокого прилавка, за которым днем сидят кассиры. Строители предусмотрительно поместили сейфы в самом низу здания, чтобы их не было видно с улицы, поэтому, спустившись по ступенькам, мы смогли выпрямиться и продолжать наше дело с возможным комфортом. Сначала быстро прошли через две запертые двери и решетку из толстых стальных прутьев. Их замки и сигнализация были так просты, что не стоят даже упоминания. Дверь сейфа выглядела более внушительно, однако открыть ее оказалось проще всего.

— Гляди-ка! — обрадованно воскликнул я.— Тут есть часовой механизм, который по утрам автоматически открывает дверь.

— Я знаю,— простонал Слэшер.— Давай убираться отсюда, пока не сработала сигнализация...

Когда он побежал вверх по лестнице, я дал ему подножку и уперся ногой ему в грудь, пока объяснял:

— Это же хорошо, дурачок. Для того чтобы открыть эту штуку, нужно просто перевести часы, как будто уже утро.

— Невозможно! Они закрыты двумя дюймами стали!

Конечно, откуда ж ему знать, что самый обычный манипулятор «СМ» предназначен для работы через любые стенки. Почувствовав, что поле захватило шестерни, я повернул его, и стрелки закрутились. Глаза у Слэшера выпучились, механизм издал удовлетворенный щелчок и двери распахнулись.

— Тащи сумки,— приказал я, заходя в сейф.

Весело мурлыкая и насвистывая, мы туго набили их крепенькими пачками хрустящих банкнотов. Слэшер закрыл и застегнул свой чемодан первым и стал нетерпеливо подгонять меня.

— Что за спешка? — спросил я, закрывая сумку и собирая инструменты.— Нужно время, чтобы все сделать как следует.

Убирая последние приборы, я заметил, как одна из стрелок дернулась и замерла. Любопытно. Я отрегулировал напряжение поля, встал, держа индикатор в руках, и огляделся. Слэшер торчал у дальней стены и возился с какими-то металлическими ящиками.

— Что ты делаешь? — спросил я вкрадчиво.

— Гляжу, нет ли в этих боксах каких-нибудь камешков.

— Ах, вот чем ты занят, спросил бы меня сначала.

— Я и сам могу,— угрюмо и самоуверенно ответил он.

— Да, но я к тому же могу не трогать при этом сигнализа-

цию и не вызывать полицейских. Это ты как раз и сделал,— сказал я холодно и злобно.

Просто красота, как Слэшер побледнел. Его руки так задрожали, что он даже уронил ящик, а потом подпрыгнул и кинулся к чемодану с деньгами.

— Вот дубина,— буркнул я и здорово наподдал ему по заднице.— Теперь забирай вещи, выходи наружу и заводи машину. Я следом за тобой.

Пошатываясь, Слэшер вскарабкался по лестнице. Я последовал за ним более спокойно, останавливаясь у всех дверей и решеток, запирая их за собой, чтобы максимально усложнить работу полиции. Они будут знать, что в банк пытались вломиться, но не узнают о грабеже, пока не разбудят кого-нибудь из банковских чиновников и с его помощью не откроют сейф. К тому времени мы благополучно смоемся.

Но, поднявшись по лестнице, я услышал визг покрышек и увидел в окно подъехавшую полицейскую машину. Однако быстро они, невероятно быстро для такого древнего и примитивного общества. Хотя, может быть, это как раз и естественно. Наверняка преступления и их раскрытие поглощают большую часть их энергии. Не тратя времени, я пополз за кассовой стойкой, толкая перед собой сумку и чемодан. Пролезая через дыру в другое здание, я услышал громыхание ключей в замке входной двери. Все правильно. Так оно и получилось. Выглянув наружу, я увидел, что полицейские выскочили из машины и вошли в банк, а вокруг уже собралась небольшая толпа из любопытных... Все они стояли спиной ко мне. Я медленно вышел и побрел прочь по улице.

Эти первобытные фараоны что-то уж очень быстры на ногу. Видать, от большого опыта в ловле моих коллег. Не успел я дойти до угла, как они уже вывалились из той же двери, что и я, до боли в ушах дуя в пронзительные свистки. Они вошли в банк, увидели дыру в стене и прошли по моему пути. Я быстро оглянулся — сплошные оскаленные зубы, синие мундиры, латунные пуговицы и пистолеты — и припустил бегом.

За угол и в машину.

Вот только улица оказалась пуста и машины не было.

Должно быть, Слэшер решил, что заработал для одного вечера вполне достаточно, и уехал, оставив меня на произвол судьбы.

Я не утверждаю, что изготовлен из более прочного материала, чем большинство людей. Хотя чувствую, что это большинство, оказавшись в таком положении, как я,— 32 тысячи лет в прошлом, с массой краденых денег на руках и наседающей на пятки полицией — изрядно испугались бы. Только тренировка и тот факт, что за всю свою жизнь я слишком часто попадал в подобные ситуации, заставили меня спокойно бежать вперед, обдумывая следующий ход. Через несколько мгновений тяжеловесные прислужники закона вылетят из-за угла, к тому же наверняка в это

время кто-то уже вызывает подмогу по радио, чтобы перерезать мне дорогу. Думай быстрее, Джим.

Сказано — сделано. Раньше чем я успел пробежать несколько метров, весь план спасения был намечен, отредактирован, набран, отпечатан и переплетен в маленькую брошюру, открытую перед моим мысленным взором на первой странице.

Во-первых, убраться с улицы. Заскочив в ближайший подъезд, я бросил чемодан с деньгами и зажал в пальцах мини-гранату из наружного держателя в рукаве. Она прекрасно поместилась в круглую замочную скважину и с внушительным треском разнесла в щепки замок и часть косяка. Мои преследователи еще не появились, поэтому я повременил с открытием двери до их прихода. Резкие крики и свистки дали понять, что я замечен. Дверь вела в длинный коридор, я встал в его дальнем конце и, когда вооруженный блюститель закона осторожно заглянул в дверной проем, поднял руки, сдаваясь.

— Не стреляйте, копы! — закричал я.— Я сдаюсь. Я бедный молодой человек, которого привела к преступлению дурная компания.

— Не двигайся, или мы тебя продырявим! — радостно завопили они, осторожно входя внутрь и светя мне в глаза фонариками. Я просто стоял, пока лучи не скользнули в сторону и не раздался двойной стук падающих тел. Этого и следовало ожидать, потому что воздуха в помещении было куда меньше, чем сонного газа. Осторожно дыша через фильтры в ноздрях, я содрал мундир с того из моих сопящих друзей, на которого больше походил фигурой, и надел его поверх собственной одежды. Ну и намучился я с этими дурацкими застежками. Потом подобрал его оружие и снова вложил в кобуру, взял чемодан и сумку и вышел, направляясь по улице назад к банку. Напуганные жители выглядывали из дверей, как звери из нор. На углу я повстречался с другой полицейской машиной. Как и следовало ожидать, их здесь собралось множество.

— Со мной награбленное,— сказал я крепкому человеку за рулем.— Несу обратно в банк. Мы прищучили этих крыс, всю банду, вон та дверь, отправляйтесь туда.

Последний совет был лишним, потому что машина уже умчалась. Первый полицейский автомобиль все еще стоял на том самом месте, где я его видел в последний раз. Под робкими взглядами зрителей я бросил сумки на сиденье и забрался в него.

— Давайте расходитесь! Представление окончено! — заорал я, манипулируя незнакомыми приборами. Чертова прорва, достаточно, чтобы управлять космическим кораблем, не то что неуклюжей наземной колымагой. Никакого эффекта. Толпа отхлынула, затем снова пододвинулась. Я слегка вспотел, прежде чем заметил, что крошечная замочная скважина на панели пуста, и с запозданием вспомнил, как Слэшер говорил что-то о ключах для запуска этих машин. Вокруг все громче завывали сирены. Я спохва-

тился и стал шарить по странному набору карманов и кармашков своего мундира.

Ключи! Целое кольцо ключей. Ликуя, я стал пихать их один за другим в замочную скважину, пока не сообразил, что все они для нее слишком велики.

Снаружи толпа как зачарованная подходила все ближе, пораженная моими действиями.

— Назад! Назад! — заорал я и выхватил из кобуры оружие, чтобы придать вес своим словам.

Как видно, оно было заряжено и готово к действию, а я неосторожно коснулся не той кнопки. Раздался ужасный взрыв, возникло облако дыма, и оружие выскочило из руки. Какой-то металлический снаряд пробил металлическую крышу машины. Большой палец у меня сильно болел.

По крайней мере зрители убирались, и притом в спешке. Когда они разбежались, я увидел, что сзади подъезжает еще одна полицейская машина, и почувствовал, что дела идут совсем не так хорошо, как хотелось бы. Должно быть где-то ключи. Я стал снова шарить, швыряя найденное на другое сиденье. Другая машина остановилась позади моей, дверцы открылись.

Металлический блеск в маленьком кожаном футляре? Ну да, пара ключей. Один из них мягко вошел в нужное отверстие как раз в тот момент, когда блюстители порядка подошли с обеих сторон к моей машине.

— Что здесь происходит? — спросил один из них. Ключ повернулся, раздался стон мотора и металлическое щелканье.

— Неприятности! — сказал я, хватаясь за металлические рычаги.

— Выходи-ка, ты! — сказал он, вытаскивая оружие.

— Дело жизни и смерти! — закричал я, надавливая на одну из педалей, как это делал Слэшер. Мотор взвыл, колеса завертелись, машина, проснувшись, рванула с места.

Конечно же, не в ту сторону — назад. Раздался ужасный грохот и звон, полицейские исчезли. Я снова схватился за рычаги. Один из фараонов появился впереди, поднимая оружие, но тут же отпрыгнул как ужаленный, когда я нашел нужную комбинацию и автомобиль с ревом рванул на него. Дорога чиста, и я свободен.

Но на пятках висит полиция. Раньше чем я добрался до угла, другая машина тронулась и понеслась за моей. На ее крыше закрутились цветные огни, завыла сирена. Я стал править одной рукой, а другой защелкал переключателями: побрызгал водой на ветровое стекло, потом поглядел, как его вытерли движущиеся щетки, послушал громкую музыку, согрел себе ноги струей теплого воздуха и в конце концов заполучил воющую сирену и, быть может, и вертящиеся огни. И мы понеслись по широкой дороге, пока я не почувствовал, что так спасаться негоже. Полиция знает свой город и свои машины и может по рации вызвать подмогу мне наперехват. Сообразив это, я завертел баранку и свернул на ближайшую улицу. Так как двигался я намного быстрее, чем следовало,

шины завизжали, машина въехала на тротуар и, перед тем как соскочить снова на дорогу, стукнулась боком о дом. Преследователи приотстали, не желая поворачивать столь же эффектно, но вновь сумели пристроиться в хвост, когда я прогромыхал за следующий угол. Сделав два поворота направо, я ехал теперь прямо назад и снова приближался к месту ограбления.

Это может показаться безумным, но на самом деле было самым безопасным. Через несколько мгновений моя воющая и сверкающая огнями машина оказалась в безопасности среди стаи таких же воющих и сверкающих бледно-голубых машин. Автомобили поворачивали, пятились и мешали друг другу, я же, со своей стороны, делал все, что мог, для увеличения беспорядка. Было очень интересно: масса ругани и красноречивых жестов... Я задержался бы, наверное, и дальше, не возобладай осторожность. Когда неразбериха достигла максимума, я выбрался из этой свалки и заехал за угол. Погони не было. С более разумной скоростью и выключив сирену, я поехал по улице, ища, где бы пристать. Ускользнуть в полицейской машине невозможно, да я и не собирался этого делать. Мне необходима крысиная нора, чтобы затаиться.

И эта норка должна быть роскошной. Нельзя делать ничего наполовину. Чуть дальше я увидел то, что мне и требовалось: сияние света и вывесок, великолепный, экстракласса отель, всего в двух шагах от места преступления. Здесь, надеюсь, меня точно не станут искать, но определенный риск есть всегда. За следующим поворотом я остановил машину, сняв мундир, положил в карман пачку денег и, взяв чемодан и сумку, побрел к отелю. Когда машину найдут, то подумают, что я сменил ее на другую — очевидная уловка,— и еще расширят район поисков.

— Эй, вы,— окликнул я служителя, который гордо стоял у входа.— Несите багаж!

Тон был оскорбителен, манеры грубы, и он, наверное, проигнорировал бы меня, не заговори я тут на другом языке и не сунь ему в руку крупную купюру. Быстрый взгляд на нее породил улыбку и фальшивое раболепие. Подхватив вещи, он засеменил вслед за мной в вестибюль.

Сверкающая деревянная обшивка, мягкие ковры, скрытый свет, сильно декольтированные женщины в сопровождении пожилых мужчин с отвисшими животиками. Такое место мне и нужно. Пока я шел наискосок от конторки, многие с удивлением поднимали брови, глядя на мою грубую одежду. Тип за конторкой презрительно поглядел на меня, и я почувствовал, что мне становится не по себе. Я бросил пачку денег на стол.

— Вы имеете удовольствие встретиться с богатым, но эксцентричным миллионером,— сказал я ему.— Это для вас.— Банкноты мгновенно исчезли.— Я только что вернулся с веселенькой прогулки и хочу занять самый лучший номер.

— Да, что-нибудь можно устроить, но сейчас свободны только Императорские апартаменты, а это стоит...

— Не приставайте ко мне с деньгами, возьмите еще...

— Да, это можно устроить. Не будете ли вы так добры вписать здесь свое имя...

— А как вас зовут?

— Меня! Гм, Роско Амбердекстер.

— Какое совпадение — меня тоже так зовут, но вы можете обращаться ко мне просто «сэр». Должно быть, наше с вами имя здесь очень распространено. Так что заполните все сами, раз мы однофамильцы.

Я поманил его к себе, он наклонился вперед, и я хрипло прошептал:

— Я не хочу, чтобы обо мне знали. Все охотятся за моими денежками. Если управляющий захочет дополнительную информацию, пошлите его ко мне,— вместо информации он, конечно, получит на лапу, но это вполне сойдет, я думаю.

Дальнейшее плавание, начавшееся на волне зелененьких, проходило гладко. Меня проводили в мои апартаменты, и я щедро одарил двух носильщиков за то, что у них хватило ума не уронить багаж. Они открывали и закрывали дверцы и показывали мне все удобства. Один по моей команде позвонил в ресторан и заказал массу еды и питья, после чего они удалились в наилучшем настроении, с оттопыренными карманами. Я положил чемодан с деньгами в шкаф и открыл сумку. И замер — стрелка индикатора темпоральной энергии сдвинулась и теперь упорно показывала в направлении окна и внешнего мира.

Я вытащил детектор, осторожно положил его на пол и поглядел вдоль стрелки в точку под окном, куда она указывала. Быстро подбежав, я отметил эту точку крестом, затем вернулся и проверил. Пока я глазел на стрелку во второй раз, она свободно закачалась, и указатель темпоральной энергии вернулся на нуль.

Но я их засек! Однажды они уже использовали свою темпоральную аппаратуру и наверняка используют ее снова. Уж тогда я их буду ждать. Впервые с тех пор, как меня занесло на эту грубую, варварскую планету, в груди затеплилась искорка надежды. До сих пор я действовал инстинктивно, просто сохраняя свою жизнь и постигая обычаи этого странного мира, стараясь ни на минуту не задумываться о будущем, которого не будет, если только мне не удастся заново создать его. Этим-то я и займусь теперь.

После плотного обеда, разметав целые водопады банкнотов, я решил поспать. Ненадолго, правда: двухчасовая снотворная таблетка погрузила меня в глубочайший сон с почти непрерывными сновидениями. Я проснулся, чувствуя себя почти по-человечески. В соседней комнате, в баре, была масса интересных бутылок, некоторые с очень даже приятным содержимым, и я уселся с наполненным стаканом перед стеклянным глазом прибора под названием ТВ. Мое произношение местного языка, по-видимому, оставляло желать лучшего и я хотел послушать кого-нибудь, говорящего на лучшей его разновидности.

Сделать это было не так-то просто. Во-первых, трудно отличить учебные каналы от развлекательных. Я нашел что-то похожее на нравоучительную пьесу на исторический сюжет, в которой все герои носили широкополые шляпы и ездили на лошадях. Однако весь словарь содержал менее ста слов, а большинство персонажей погибло от пуль прежде, чем я успел понять, в чем дело. Оружие вообще играло важную роль в большинстве спектаклей, которые я просмотрел. Зрелище еще разнообразилось садизмом и различными видами членовредительства. Все это насилие и частые гонки с места на место в машинах не оставляли людям много времени для межполового общения: краткий поцелуй был единственным проявлением привязанности или полового влечения, которое я видел. Большинство спектаклей было трудно для понимания еще и потому, что без конца прерывалось коротенькими интермедиями и поучительными лекциями о достоинствах различных потребительских товаров. К утру я понял, что с меня хватит. Язык мой усовершенствовался лишь микроскопически, поэтому вместо комментариев я пнул стеклянный ящик ногой и отправился мыться в розовую комнату, утыканную экспонатами, иллюстрирующими историю водопроводного дела.

Утром, как только открылись магазины, я разослал во все стороны нескольких служащих отеля, в изобилии снабдив их деньгами. Скоро ко мне в номер стали стекаться покупки. Новая одежда под стать моему высокому положению плюс множество карт, магнитный компас и книга по теории навигации. Это оказалось удивительно просто: определить точное направление, которое показал детектор, перенести его на местную карту и получить вполне точную оценку расстояния до источника темпорального поля в единицах, называемых милями.

Длинная черная линия на карте указывала мне направление, черта поперек нее — расстояние,— вот и цель. Мои линии пересекались в точке, которая, видимо, принадлежала области большого скопления населения, самого большого, пожалуй, на всей карте.

Называлась эта область очень странно — Нью-Йорк-сити. Никаких указаний на то, где находится Олд-Йорк-сити не было. Да это и не имело значения. Теперь я знал, куда мне ехать.

Мой отъезд из отеля больше напоминал отбытие коронованной особы: в мою честь раздавались приветственные крики и пожелания скорейшего возвращения. Что ж, может быть. Наемный автомобиль отвез меня в аэропорт, услужливые руки тотчас отнесли багаж к нужным воротам. Тут меня поджидала большая неожиданность — ведь я и думать забыл об ограблении банка, а вот кое-кто отлично помнил.

— Открывайте-ка чемодан,— сказал мрачного вида блюститель порядка.

— Конечно,— ответил я очень весело. Я заметил, что все остальные пассажиры подвергаются такому же обыску.— Могу я узнать, что вы ищете?

— Деньги. Банк ограбили,— пробормотал он, роясь в моих вещах.

— Боюсь, что я никогда не ношу при себе большие суммы,— сказал я, крепко прижимая к себе сумку с деньгами.

— С этим все в порядке, теперь посмотрим другую.

— Если вы не против, то не на людях, сэр. Я ответственный правительственный чиновник, а это бумаги высочайшей секретности,— я процитировал это слово в слово из телепередачи.

— В той комнате,— сказал он, указывая.

Я почти сожалел, что ввернул эту фразу, так по-детски она звучала.

В комнате, когда вместо сумки я вскрыл усыпляющую газовую гранату, он быстро уснул. У стены стоял большой металлический ящик, наполненный многочисленными бланками и бумагами. Я пересортировал их и ухитрился выкроить место для своего похрапывающего приятеля. Чем дольше его не обнаружат, тем лучше. Если не случится непредвиденных задержек, то до того, как он очнется, я уже буду в Нью-Йорке. Ведь ему придется просыпаться естественным путем. У них тут нет антидота для моего газа.

Когда я выходил из комнаты, другой служащий в мундире с интересом поглядел на меня. Поэтому я повернулся и заговорил со все еще открытой дверью: «Благодарю вас за любезное содействие, ну что вы, никакого беспокойства, никакого беспокойства». Я закрыл дверь и, проходя мимо, улыбнулся чиновнику. Он нехотя приложил кончики пальцев к козырьку фуражки и схватился за багаж какого-то пожилого пассажира.

Я прошел дальше, неся свою сумку, и не очень удивился, обнаружив у себя на лбу крохотные капельки пота.

Полет был короткий, шумный, безынтересный; пожалуй, слишком тряский — в огромном аппарате с неподвижными крыльями, который, по-видимому, приводился в движение реактивными двигателями, сжигавшими жидкое топливо. Хотя запах этого топлива был повсюду и я уже успел к нему привыкнуть, никак не верилось, что они так просто сжигают невосполнимые запасы углеводородов. Пришлось пережить несколько неприятных моментов при высадке, но все обошлось. Поездка в центр из пригородного аэропорта оказалась весьма мучительной: тряска, крики, невероятный шум. Поэтому, придя наконец в прохладный гостиничный номер, я почувствовал облегчение. Тем не менее под действием тишины и двух стаканчиков местной дистиллированной отравы, к которой я уже успел пристраститься, ко мне вернулась способность размышлять, я был вполне готов к следующему шагу.

Каким же он будет? Разведка или атака?

Благоразумие диктовало необходимость осторожного поиска источника темпоральной энергии, чтобы выяснить, против кого и чего я действую. Уж было решившись, я легко выбранил себя за то, что осмелился даже подумать о прямом нападении, и вдруг

передумал... Сработала трезвая логика. Я повернулся и ткнул пальцем в свое отражение в зеркале.

— Ты, дурень,— я с отвращением погрозил себе пальцем.— Это один таксист обозвал другого — недоносок безмозглый. Ведь у меня только одно преимущество — именно внезапность. Любая разведка может наделать шуму, и эти темпоральные бандиты поймут, что за ними следят, и, может быть, даже нападут сами. Конечно, начав темпоральную войну, они наверняка готовы к возможному возмездию. Но не могут же они оставаться начеку недели и месяцы, может быть, даже годы? Стоит им узнать, что я поблизости, в этом времени и месте, как они примут все возможные меры предосторожности. Чтобы это предотвратить, я должен нанести удар, и ударить сильно, хотя и не знаю, по кому.

— Какая разница? — сказал я вслух, открывая футляр с гранатами. Конечно, было бы интересно узнать, кто и почему нападает на Корпус. Но так ли это важно и нужно? Да, да и да! Они должны быть уничтожены, и точка! Сейчас! Быстро!

Передо мной не было другого пути, поэтому я спокойно и уверенно укрепил на себе все самые мощные средства уничтожения, когда-либо созданные за тысячелетия самых любимых человеческих исследований — военных. В обычных обстоятельствах я не сторонник принципа «убей — или убьют тебя», дело, как правило, до этого не доходило. Только не сейчас, и поэтому я не чувствовал ни малейших угрызений совести по поводу своего решения. Идет необъявленная война против всего будущего человечества — иначе почему именно Специальный Корпус стал первым объектом нападения? Кто-то, какая-то группа желает получить контроль над всем пространством и временем. Это, вероятно, самый эгоистичный и безумный план в истории, и совершенно безразлично, кто или что его исполняет. Смерть им, пока не уничтожено все достойное.

Покидая отель, я представлял из себя ходячую бомбу — орудие уничтожения. Черный ящичек детектора темпоральной энергии находился в кейсе, который я нес в руке. В его крышке я проделал отверстие, через которое были видны показания индикаторов. Где-то рядом был враг, и когда он зашевелится, я буду начеку.

Ждать пришлось недолго. Совсем неподалеку, если верить показанию стрелки, высвободилось огромное количество невидимой темпоральной энергии, значит, я на верном пути. Определяя на ходу направление и дистанцию, я бросился вперед, почти не замечая окружающих людей и машин. Потом, едва не попав под мчащийся грузовичок, все-таки замедлил темп и стал более осторожным. Впереди показалось обширное открытое пространство с газоном посредине. Удручающе однообразные дома, огромные призмы из металла и стекла, молчащие в отравленном воздухе, неотличимые друг от друга. Какой из них мне нужен? Стрелка вновь качнулась, дрожа от напряжения и поворачиваясь по мере

того, как я продвигался. Индикатор расстояния указывал на самый верх шкалы.

Здесь,— в этом черном с медью здании.

Я вошел внутрь, готовый ко всему. Ко всему, кроме того, что произошло на самом деле.

Они запирали за мной все двери, подбегали и перекрывали все выходы. В этом участвовали все. Посетители, лифтеры, даже продавец из табачного киоска. Бежали ко мне, теснили, и глаза у всех горели холодным огнем ненависти. Меня обнаружили. Должно быть, они засекли мой детектор. Они знают, кто я. Они напали первыми.

Это был сущий кошмар. Все мы иной раз бываем подвержены приступам паранойи и чувствуем, что весь мир против нас. Теперь я столкнулся с этим на деле. Инстинктивный страх охватил меня на мгновение, а потом я взял себя в руки и начал действовать.

Однако хватило и этого мгновения сомнения. Мне бы следовало стрелять, жечь, убивать, уничтожать все вокруг, как и планировалось. Но я вовсе не предполагал оказаться лицом к лицу с таким множеством людей. Поэтому выиграть я не мог. Конечно, я коечто сделал газом, бомбами, голыми руками, но недостаточно. Все новые и новые руки цеплялись за мою одежду — без конца. И они, эти люди, набросились на меня с такой же бешеной ненавистью, какую я питал к ним. Две стороны медали. И каждая видит в другой свое уничтожение. Меня преследовали и догнали. И тогда наступило забытье, оно было почти приятно.

Не то чтобы мне долго позволили в нем пребывать. Боль и резкий запах, обжигающий ноздри, вновь поставили меня лицом к лицу с жестокой действительностью. Передо мной стоял, глядя на меня, какой-то человек, огромный, высокий, с чертами лица, смазанными моим расфокусированным зрением. Меня держало множество рук, которые стискивали и трясли меня. По лицу провели чем-то мокрым, очистив то, что мешало моему зрению, и я смог рассмотреть его так же хорошо, как и он меня.

В два раза выше обычного человека, такой громадный, что мне пришлось откинуться назад, чтобы рассмотреть его. Кожа, залитая румянцем, темные, угловатые глаза. Когда он открывал рот, то было видно, что многие зубы у него остроконечные.

— От кого ты? — спросил он грубо рокочущим голосом на языке, который мы использовали в Корпусе. Видимо, я прореагировал на это, потому что он улыбнулся победоносно и холодно.

— Специальный Корпус, должно быть. Последняя вспышка перед темнотой. Как много вас здесь? Где остальные?

— Они вас... найдут,— ухитрился я выговорить. Какой маленький успех с моей стороны по сравнению с их победой. Пока они не знают, что я один, есть шанс остаться в живых до выяснения. Это не займет много времени, я связан, все снаряжение отнято. Я беззащитен. Они быстро проследят меня назад во времени до отеля и скоро узнают, что бояться больше некого.

— Кто вы? — спросил я. Язык — мое единственное оужие. Вместо ответа он победоносным жестом поднял вверх оба кулака. Ответ пришел ко мне автоматически.— Вы безумец.

— Конечно! — заорал он возбужденно, и одновременно державшие меня руки задергались и закачались.— Так оно и есть. Хоть однажды они убили нас за это, им не удастся снова нас обыграть, на этот раз победа будет за нами, потому что мы истребим наших врагов прежде, чем они родятся.

Я вспомнил, что Койцу что-то говорил об уничтожении Земли в далеком прошлом. Может быть, это сделали, чтобы остановить безумцев? Неужели сейчас это переигрывается? Его выкрики прервали мою мысль.

— Заберите его. Пытайте его самым основательным образом — для моего удовольствия и чтобы ослабить его волю, потом высосите из его мозга все знания,— нужно многое выяснить.

Когда меня поволокли из комнаты, я понял, что нужно делать — ждать. Подальше от этого человека, от толпы, от искусных палачей...

Случай представился, когда в белой лаборатории техники накинулись на тащивших меня людей и оторвали меня от них. Они были так же зверски грубы друг с другом, как и со мной. Целая иерархия ненависти. Должно быть, великан был прав — они безумцы. Какое извращение человеческой истории вывело этих лю дей на сцену? И представить невозможно.

И снова ожидание. Я хранил спокойствие, зная, что предоставиться может только одна возможность и я не должен ее упустить. Дверь закрылась. Меня прижали спиной к столу, прикрепив к нему лодыжки. Кроме меня, в комнате было еще пять человек. Остальные навалились на меня. Я оттопырил челюсть и как можно сильнее нажал на крайний зуб.

Это было мое последнее оружие, абсолютное, которое я никогда еще не испытывал. Как правило, я даже не носил его, считая, что в обычных конфликтах жизни со смертью не стоит платить такую цену за победу. Тут был другой случай. Когда я надавил, искусственный зуб треснул, и капелька горькой жидкости, содержащаяся в нем, скатилась мне в горло.

Меня пронзила боль и, едва появившись, исчезла, поглощенная наркотиками, убивающими нервную чувствительность, помогавшими перенести действие других ингридиентов. Это было дьявольское зелье, приготовленное медиками Корпуса по моему предложению. Прежде его испытывали только в меньших дозах на подопытных животных. Сюда входили все когда-либо открытые стимуляторы, включая новый класс синергаторов — сложных химических соединений, которые позволяли человеческому телу раскрыть свои феноменальные резервы естественной силы, о которых давно знали, но считали невозможным использовать.

Время ускорилось, и люди, нависшие надо мной, задвигались медленнее. Увидев это, я подождал еще доли секунды, чтобы снадобье полностью подействовало, а потом вытянул руки. На меня

навалились пятеро крепко сложенных мужчин, но это не имело значения.

Не почувствовав веса и даже не приложив усилий, я оторвал обоих от пола и стукнул лбами перед тем, как швырнуть их в третьего, стоящего у другого конца стола. Они столкнулись и, упав, покатились. Лица их были искажены болью и ужасом. Я сел и, схватив толстые металлические зажимы, приковывавшие мои ноги к столу, вырвал их с корнем. Это показалось мне простейшим и самоочевидным делом. Кажется, я причинил какой-то вред своим пальцам, но отметил это лишь как мелкий, не имеющий никакого значения эпизод. В комнате оставалось еще два человека, и они все еще поворачивались ко мне, потому что борьба с первыми тремя отняла всего лишь несколько мгновений,— как по нотам. Видя их еще не подготовленными — одного с наполовину вытащенным оружием — я бросился вперед, двинув каждому кулаком, повалил обоих и швырнул в валявшуюся кучу — к трем коллегам. Их было пятеро против меня одного, и я не мог позволить по отношению к ним никакого снисхождения, даже если бы и хотел. Теперь, когда мои руки были не совсем в порядке, я бил ногами до тех пор, пока в куче не прекратилось всякое движение, и только тогда дал себе возможность передохнуть.

Что теперь? Бежать. От моей собственной одежды остались одни лохмотья, и я сорвал их. Мои мучители были одеты в белое, и я потратил некоторое время на то, чтобы расстегнуть все непривычные застежки и одеться в наименее испачканный из их костюмов.

На лбу у меня оказалась рваная рана, которую я аккуратно забинтовал, затем замотал себе кисти. Мне никто не помешал, да это и не отняло много времени. Закончив, я вышел и заспешил по коридору, по которому меня недавно тащили. В здании шумели, как в растревоженном улье, и все, кого я встречал, казались слишком занятыми, чтобы обращать на меня внимание. Даже в вестибюле, где народ толпился вокруг стола, на котором мое снаряжение было разложено для осмотра, никто мной не заинтересовался.

Осторожно, никого не потревожив, я подобрался к столу и активизировал связку газовых бомб, задержав дыхание, пока не вставил носовые фильтры. Газ действует очень быстро, и даже те, кто увидел, что я проделываю, не успели никого предупредить. Воздух подернулся дымкой от скопления газа, я подобрал свой гаус-пистолет и распахнул огромную дверь в соседнюю комнату.

— Ты! — закричал он, его массивное красное тело выпрямилось как раз тогда, когда газ уложил на пол всех, кто стоял около него. Он потянулся ко мне, борясь с газом, который должен был бы свалить его моментально,— и тут я шлепнул его рукояткой пистолета по голове. Все же его глаза, налитые смертельной злобой, не отрывались от меня, пока я привязывал его к стулу. Только закрыв за собой дверь, я улучил момент снова поглядеть ему в лицо и увидел, что он все еще в сознании.

— Что вы за человек?

— Я — Он, который будет править вечно,— разум, который никогда не умрет. Освободи меня!

В его словах была такая сила, что я почувствовал, как меня тянет к нему помимо воли, его круглые глаза почти гипнотизировали меня. Я был как в тумане, может быть, от того, что кончалось действие наркотиков. Я затряс головой и быстро заморгал. Но другая часть моего Я по-прежнему была начеку, по-прежнему не поддавалась влиянию этой великой силы великого зла.

— Долгое правление, но не очень приятное.— Я улыбнулся.— Разве вы сможете что-нибудь сделать с этими ужасными солнечными ожогами?

Лучше нельзя было сказать. Это чудовище было абсолютно лишено чувства юмора и привыкло, надо думать, только к рабской услужливости. Сначала он завыл, совершенно по-животному, в нем клокотало бешеное безумие, пока я делал последние приготовления, чтобы закончить эту темпоральную войну.

Безумен? Да, но безумен организованным безумием, которое размножается и заражает окружающих. Тело у него было искусственное: я видел теперь шрамы и следы пересадок, да он и сам об этом говорил. Сфабрикованное тело, все из трансплантантов, краденое, с искусственным скелетом — тело, красноречиво говорившее о складе ума того, кто предпочел жить в такой страшной оболочке.

Есть еще такие же, как он, но он лучший, он одинок — было очень трудно уловить смысл в том, что он говорил, но я запоминал, что мог, чтобы разобраться в будущем. Одновременно я отвинчивал вентиляционную решетку, сыпал в воздушную систему свои порошки и вообще готовился подбросить песочку в механизм этой сатанинской мельницы.

Он и его сторонники были уже однажды уничтожены в прежней истории. Он сам сказал мне об этом. Каким-то неведомым путем они получили еще один шанс захватить власть во Вселенной, но номер вновь не пройдет. Меня, Скользкого Джима, грабителя-одиночку без постоянного адреса, уже не раз призывали для важных дел, и я всегда добивался успеха. Теперь меня просят спасти мир. Раз нужно, я сделаю.

— Они не могли выбрать лучшего человека,— сказал я гордо, оглядывая огромные механизмы темпоральной лаборатории, на полу которой лежали распростертые тела. Гигантская зеленая закрученная пружина темпоральной спирали как будто улыбалась мне, и я улыбнулся в ответ.

— Бомбы в механизм, а ты меня подвезешь! — воскликнул я счастливо, делая нужные приготовления.— Уничтожить аппаратуру и оставить этих психов здешним властям, хотя красномордым, наверное, стоит заняться специально.

Я, наверное, хотел прикончить его в пылу борьбы — не могу я хладнокровно убивать даже самого безжалостного убийцу.

Хотя на этот раз придется. Я переставил переключатель гаус-пистолета на разрывные снаряды и заглянул в первую комнату.

Удобный случай представился значительно быстрее, чем я рассчитывал. На меня обрушилась, сыпя ударами, огромная красная туша. Я покатился к противоположной стене, извиваясь и пытаясь прицелиться.

Быстро двигаясь, он включил рубильник и ринулся в сторону темпоральной спирали. Пули тоже двигались быстро, они со свистом вылетели из гаус-пистолета и взорвались в его теле.

И тут он исчез. Аппаратура начала мерцать и растворяться, пока я еще бежал к ней... Будет ли он мертв, когда явится по назначению? Должно быть, да, ведь я использовал разрывные снаряды.

Действие наркотиков начало уже проходить, болели пальцы, и утомление давало себя знать. Пора было уходить. Сначала забрать снаряжение, потом сматываться. В отель, потом в больницу. Небольшой отдых даст мне время рассудить, что предпринять дальше. Технология этого века может оказаться достаточно развитой для постройки темпоральной спирали, а ведь у меня в том черном ящике по-прежнему заперта память профессора. Денег, вероятно, потребуется очень много, но всегда есть масса способов их раздобыть. Пошатываясь, я побрел наружу.

Я нес с собой кейс с самыми обыкновенными вещами: гранатами, газовыми бомбами, взрывчаткой, носовыми фильтрами и парой пистолетов — стандартный джентльменский набор.

Гордый и воинственный, я зашел в контору военно-морского казначейства. Держался я так хотя бы для того, чтобы поддержать честь мундира — новехонького, сверкающего золотом, усеянного нашивками — мундира командира Флота Соединенных Штатов.

— Доброе утро,— сказал я звонко, затворяя за собой дверь и быстро и незаметно запирая ее зажатым в руке инструментом.

— Так точно, сэр.

Сидевший за столом хмурый старшина говорил достаточно вежливо, но было ясно, что его внимание всецело занято работой с бумагами, аккуратно лежащими на столе, а всякие незнакомые офицеры должны дожидаться своей очереди. Подобно тому как любая армия держится на сержантах, всеми флотами управляют старшины. Моряки сновали по всевозможным военно-финансовым делам, а в дверном проеме напротив я увидел раскрытую пасть стандартного казенного сейфа. Я положил кейс на стол старшины и распахнул его.

— Я читал в газетах,— сказал я,— что военные, когда просят дотацию, всегда округляют цифры до следующего миллиона и миллиарда долларов. Это меня восхищает.

— Да, да, сэр,— сказал старшина, щелкая арифмометром, явно не интересуясь ни моей способностью читать, ни комментариями прессы.

— Я думаю, вам будет интересно. Так или иначе, мне пришла в голову одна мысль. Нужно поделить деньги. При такой свободе обращения с ними у вас должна быть целая куча лишних — для меня. Именно поэтому я и собираюсь вас застрелить, старшина.

Что ж, это привлекло его внимание. Я дождался, пока его челюсть отвисла, а глаза едва не вылезли из орбит, и нажал на спусковой крючок длинноствольного пистолета. Он издал звук «шуф», хрюкнул и исчез под столом.

Это заняло всего лишь мгновение, и остальные в комнате едва успели заметить, что происходит необычное, когда я повернулся и перестрелял всех одного за другим. Перешагнув через нагромождение тел, я высунул голову в заднюю комнату и позвал:

— Хо-хо, капитан, вот и я!

Он отвернулся от сейфа, пробормотал какое-то морское проклятие и заполучил в шею иголку. Свалился он так же быстро, как и остальные. Снадобье у меня было мощное — усыпляет моментально. Из передней комнаты уже раздавался храп. Жалованье было налицо: пачки хрустящих банкнотов, аккуратно разложенные на множестве подносов. Я раскрыл свой чемодан и стал укладывать в него первую связку благословенной зелени. В этот момент оконное стекло разлетелось вдребезги, и в меня полетели пули.

Если бы они стреляли сквозь стекло, меня бы наверняка изрешетили свинцовые пули, так нравящиеся людям этой эпохи. А то, что прежде, чем открыть стрельбу, они разбили стекло, дало моим отлично настроенным рефлексам долю секунды, необходимую для работы, к которой они всегда готовы. Я перекувырнулся и откатился назад, выхватив из кармана мини-бомбы еще раньше, чем коснулся пола. Бомбы грохнули и заполыхали, воздух моментально потерял прозрачность. Вслед за первыми я швырнул еще, и стрельба прекратилась. Извиваясь на полу, как змея, я начал, работая на ощупь, набивать чемодан деньгами. Пускай меня обнаружили, загнали в угол и я — в смертельной опасности,— это вовсе не повод бросать награбленное. Уж коли я пошел на эти хлопоты, они должны быть по крайней мере оплачены.

Я пополз к первой конторе и уже было миновал дверь, когда снаружи раздался рев громкоговорителя.

— Мы знаем, что ты внутри. Выходи и сдавайся, или мы тебя продырявим. Здание окружено — у тебя нет шансов!

Около двери дым поредел, и я увидел, что голос говорил правду. Там стояли грузовики, вероятно наполненные хорошо вооруженными полицейскими. И еще джипы с установленными сзади крупнокалиберными ручными пулеметами. Вполне достойный комитет по встрече.

— Ведь вы, крысы, не возьмете меня живьем! — закричал я, как сеятель разбрасывая вокруг себя во всех направлениях дымовые и световые бомбы, а заодно и разрывную гранату побольше, которая снесла часть задней стены. Под прикрытием образовавшейся дымовой завесы я подполз к спящему старшине и содрал

с него китель. Служил старшина уже долго, так что на его куртке нашивок было больше, чем полос у тигра, и лоснились локти. Я отбросил в сторону свой китель, надел взятый у спящего, затем поменялся фуражками. Эти люди снаружи расставили мне, по-видимому, хитрую ловушку, а это значило, что они знают обо мне значительно больше, чем хотелось бы. Однако их знание можно было обернуть против них быстрой сменой моего чина. Я швырнул еще несколько бомб, сунул пистолет в карман, подобрал кейс и чемодан и распахнул переднюю дверь.

— Не стреляйте! — завопил я хрипло, выбравшись на свежий воздух, и встал в дверном проеме, как прекрасная мишень.— Не стреляйте — он держит меня на мушке. Я заложник! — Я старался выглядеть испуганным, когда я увидел выставленную против себя маленькую армию.

Затем я шагнул немного вперед и посмотрел через плечо, давая каждому как следует рассмотреть меня.

Ни один не выстрелил.

Я сбежал со ступенек и нырнул в сторону.

— Огонь! Дайте ему! Я в порядке!

Это было в высшей степени зрелище. Все выстрелили сразу, сорвали дверь с петель и выбили все стекла. Передняя стена здания стала дырявой, как дуршлаг.

— Целься выше! — закричал я, отползая под прикрытие ближайшего джипа,— все наши парни на полу.

Они стали стрелять выше и еще энергичнее, да так, что начали отделять верх здания от основания. Я прокрался мимо джипа, ко мне подошел офицер и упал, когда я прямо у него под носом раздавил капсулу сонного газа.

— Лейтенанта ранило! — закричал я, запихивая его и кейс с чемоданом на заднее сиденье джипа.— Его надо увозить.

Шофер был очень услужлив и сделал, что сказано. Мы только отъехали, как задремал и водитель. Довольно сложное дело — вытащить его, несясь на хорошей скорости. В конце концов мне это удалось, и я надавил хорошенько на педаль газа.

Они очень быстро сообразили, в чем дело. Первый из джипов пустился за мной еще тогда, когда я засовывал водителя к остальным на заднее сиденье. Этот барьер из тел оказался большой удачей, потому что никто больше не стрелял. Однако они висели у меня на хвосте. Я быстро оглянулся на преследователей. Вот это да! 20 — 30 машин всех возможных марок неслись вслед за мной, обгоняя друг друга в реве гудков и сирен! Просто прелесть! Джим ди Гриз — благодетель человечества. Куда бы я ни отправился, за мной следует счастье. Я повернул в большой ангар и понесся между рядами припаркованных вертолетов. Механики разбежались в стороны, а я круто развернулся и понесся к раскрытым воротам ангара.

Когда я вылетел с одной стороны, мои преследователи как раз въехали в ангар с другой. Совсем не плохо.

Вертолет — почему бы и нет? Ведь это Гринфилд — самозваная вертолетная столица мира.

К тому времени вся морская база наверняка накрепко заперта и окружена. Нужно поискать другой путь наружу. Вдалеке с одной стороны маячил стеклянный силуэт диспетчерской башни, туда я и направился. Передо мной расстилалась взлетная полоса, на ней стояли плоскобрюхие вертолеты с рокочущими моторами и медленно вращающимися лопастями. Я с визгом остановил джип перед раскрытым настежь люком, но когда я вставал, чтобы забросить в него кейс и чемодан, чей-то тяжелый башмак попытался ударить меня по голове.

Конечно же, их предупредили по радио, и всех остальных в радиусе ста миль. Это очень досадно. Пришлось нырнуть под удар, схватить башмак и бороться с его обладателем, пока орда моих верных преследователей ревела за спиной. Хозяин башмака знал слишком много об этом виде спорта, так что я смухлевал и закончил матч раньше времени, выстрелив ему в ногу одной из своих иголок. Потом я забрался в кабину вертолета.

Не желая беспокоить похрапывающего за приборной доской летчика, я уселся в кресло второго пилота и вылупил глаза на приборную доску. Для такого примитивного аппарата ручек и кнопок было более чем достаточно. Методом проб и ошибок я ухитрился найти все необходимое, но к тому времени вертолет был окружен плотным кольцом машин, и толпа вооруженных полицейских в белых касках состязалась за право первым войти в вертолет.

Сонный газ свалил их с ног, даже тех, кто был в противогазе. Я подождал, пока их набралось достаточное количество, и дал полный газ.

Видимо, бывают и лучшие взлеты, но, как однажды сказал мне инструктор, все, что поднимает тебя в воздух,— удовлетворительно. Я видел, как подо мной люди, ища спасения, разбегались. Потом мы повисли в воздухе, медленно развернулись и затарахтели прочь — на юг и к океану. Не одна только случайность привела меня именно в это военное заведение, когда мои деньги стали подходить к концу. Гринфилд расположен в нижнем конце Калифорнии, с Тихим океаном по одну сторону и Мексикой по другую. Нельзя забраться дальше на юг или на запад, продолжая оставаться в Соединенных Штатах, Мне почему-то расхотелось оставаться в этом государстве. Теперь, когда почти все вертолеты флота и морской пехоты в стране спешили за мной в погоню, я сообразил, что к ней подключатся и истребители. Однако Мексика — суверенное государство, другая страна и погоня не станет следовать за мной туда, по крайней мере я на это надеюсь. Во всяком случае, возникнут какие-нибудь проблемы, и прежде чем их разрешат, я буду далеко.

Передо мной неслись белые пляжи и голубая вода, а я занимался выработкой плана спасения, а также знакомился с управлением. Наконец, я отыскал автопилот. Отличное устройство, которое можно установить на полет по курсу. Именно то, что нужно!

Мой план был готов. Подо мной пролетела граница, затем арены корриды, розовые, лиловые, желтые дома мексиканского морского курорта. Они быстро пронеслись мимо, и сразу же вслед за ними началась мрачная береговая линия, Байя Калифорния, черные зубы скал, окруженные пеной, песок и отвесные ущелья, спускавшиеся к морю, серые кустарники, пыльные кактусы, очень редко — жилье. Под нами, в океане — скалистый полуостров. Я повел вертолет над ним. Преследователи отстали от меня только на несколько секунд.

Только эти секунды мне были и нужны. Я установил автопилот на «парение». Океан был примерно в десяти метрах внизу. Огромные вращающиеся лопасти вырывали из него облака брызг. Я швырнул в него кейс и чемодан, потом сделал укол в шею летчика. Он зашевелился и заморгал — антидот сонного газа действует почти мгновенно,— а я установил автопилот на прямой полет и кинулся к открытому люку.

И очень вовремя. Вертолет уже двигался вперед на полной скорости, когда я оказался в воздухе. Высота была небольшая, но я все же успел сориентироваться ногами вниз, так что они первыми вошли в волны. Я погрузился, глотнул воды, закашлялся, всплыл и стукнулся головой о непотопляемый чемодан. Вода была много холодней, чем я рассчитывал. Я начал дрожать, а левую ногу свело судорогой. Чемодан помог мне держаться на поверхности, так что, брыкаясь, барахтаясь и поднимая пену, мне удалось добраться до кейса. Пока я этим занимался, наверху раздался могучий рев, и рокочущая свора вертолетов пронеслась мимо, подобно ангелам мщения. Я уверен, что никто из них не глядел вниз, на воду, все глаза были сосредоточены на одиноком вертолете, летящем далеко впереди к югу. Пока я смотрел, машина начала раскачиваться и свернула по медленной плавной дуге. Неожиданно появился реактивный самолет с треугольными крыльями, спикировал рядом с вертолетом и стал вокруг него кружить. Время у меня было, но не слишком много. А на голых скалах полуострова и на пустынном песке пляжа спрятаться было совершенно негде.

Импровизируй, сказал я себе, гребя к берегу и отфыркиваясь. Тебя ведь недаром зовут Скользким Джимом. Выскользни из этой переделки. Судорога схватила вовсю, и единственное, что мне хотелось сделать это,— уйти под воду. Потом под ногами оказался песок. Я вышел, пошатываясь и задыхаясь, на берег.

Мне следовало укрыться без посторонней помощи. Мимикрия — древняя штучка матери-природы. Разозленные вертолеты по-прежнему роились на горизонте, когда я начал бешено, голыми руками разгребать песок.

«Прекрати! — приказал я себе и сел, раскачиваясь.— Используй мозги, а не мускулы — урок номер один».

Ну, конечно. Я взял гранату, активизировал ее и бросил в неглубокую ямку. Граната бабахнула вполне удовлетворительно и пустила во все стороны фонтаны песка. После нее остался акку-

ратный кратер, который как раз мог вместить чемодан с кейсом. Я швырнул их туда и стал быстро раздеваться, кидая одежду туда же. Вертолеты, должно быть, поболтали друг с другом и теперь разворачивались, снова направляясь к берегу.

Я разделся и остался в нижнем белье, которое вполне могло сойти за купальный костюм. А потом забросал яму песком.

К тому времени, когда надо мной пронесся первый вертолет, я уже лежал лицом вниз и загорал, как обычный пляжный купальщик. Они летели надо мной, выстроившись в цепь. Я сел на песок и поглядел на них, как сделал бы всякий в такой ситуации. Потом они прошли над скалистой грядой и унеслись. Шум моторов постепенно замер. Но это не надолго, это ясно. Что мне делать? Сидеть смирно и прикидываться дурачком. Я сам выбрал себе эту роль и теперь должен играть ее до конца.

Много времени им не понадобилось. Тот, кто ими командовал, приказал выстроиться в линию и прочесывать океан, пляж и холмы. Теперь они двигались медленно, по пути рассматривая, наверняка с помощью сильных биноклей, каждый дюйм.

Пришлось еще раз купаться.

Вертолеты вернулись, и один повис надо мной, подняв облако брызг. Я погрозил ему кулаком и крепко ругался под звук его мотора. Кто-то высунулся из открытого люка и звал меня, но я не слушал. Погрозив ему кулаком, я нырнул и поплыл под водой. Вертолет полетел вслед за остальными, а я снова выполз на берег.

Как же я отсюда выберусь?

Как только вертолеты скрылись из виду, я уподобился кроту и раскопал одежду и кейс с чемоданом, бегом отнес их вверх по берегу, выше приливной линии. Еще одна бомба и еще зарытая яма — только на этот раз я, предварительно надев брюки и ботинки, убедился, что часть моего снаряжения находится в карманах. Несколько быстрых разрезов превратили форменную рубашку с короткими рукавами в спортивную футболку. Когда эта одежда начала подсыхать, то потеряла всякое сходство с военной формой. Перед уходом я разбросал и разровнял песок, чтобы скрыть следы, тщательно запомнив ориентиры — три больших пика в глубине материка, чтобы потом найти эту точку. Затем направился к прибрежной дороге, находящейся в нескольких сотнях метров отсюда.

Мне по-прежнему везло. Едва я выбрался на дорогу, ведущую на север, как ко мне подъехала похожая на жука машина на высоких колесах. Универсальным жестом я поднял большой палец. Ответом мне был скрежет тормозов. Теперь я разглядел, что на заднем сиденье сидели двое загорелых молодых людей, одежда которых была в большем беспорядке, чем моя. Такая мода, подумал я. Может быть, они примут меня за своего.

— Человече, а ты мокрый,— прокомментировал один, пока я залез на заднее сиденье.

— Я тут наклюкался и решил пройтись по водичке.

— Нужно как-нибудь попробовать,— ответил водитель. Машина рванулась вперед по дороге.

Не прошло и минуты, как навстречу нам в сверкании огней и реве сирен пронеслись два громоздких черных «седана». На их бортах было большими буквами написано... Для того, чтобы перевести это, лингвистических познаний почти не требовалось. Мои новые друзья, отказавшись от предложения освежиться, ссадили меня в деловой части города Тихуана и быстро уехали. Я остался сидеть за столиком перед кофе и большим стаканом текильи, лимоном, солью и рассудил, что спасся от тщательно расставленной ловушки.

А это действительно была ловушка. Теперь, когда я мог остановиться и хорошенько подумать, это стало очевидно. Все эти джипы и грузовики не могли возникнуть из воздуха. И очень сомнительно, что кому-то удалось собрать такие силы за весьма короткий срок — даже если сработала сигнализация.

Я шаг за шагом припомнил все свои действия и окончательно убедился, что не мог ее потревожить.

Тогда как же они проведали, что случилось?

А узнали они потому, что какой-то временной попрыгунчик прочитал обо всем в газетах, рванул назад в прошлое и послал предупреждение. Я почти ожидал такого поворота, и это меня не очень-то обрадовало. Я слизнул с руки соль, заглотил текилью и впился зубами в лимон. Эта комбинация как бы прожигала себе дорогу вниз по горлу, а на вкус оказалась просто восхитительной.

ОН жив. Я уничтожил его организацию в этом добром от Рождества Христова 1975 году, но ОН отправился творить большие и худшие подлости в другую эпоху. Темпоральная война снова в разгаре. ОН и его сумасшедшие хотят контролировать всю историю и все времена, и эта безумная затея вполне может увенчаться успехом, потому что они уже уничтожили Спецкорпус будущего, единственную организацию поддержания порядка, которая могла их остановить. Точнее, они уничтожили весь Корпус, за исключением меня. Я же прыгнул назад, в прошлое, чтобы уничтожить их самих и тем самым воссоздать Корпус на вероятных путях будущей истории. Большое задание. Я выполнил его на 99,9 процента. Оставшаяся жизненно важная десятая процента попрежнему сулила хлопоты: чудовищный ОН ускользнул от меня в конце темпоральной спирали, хотя и был уже хорошенько нашпигован разрывными пулями из моего пистолета. Не иначе как бронированные кишки! В следующий раз придется использовать что-нибудь посерьезнее. Атомная бомба на подносе с завтраком или что-нибудь в этом роде.

За работу. Прежде я надеялся, что удастся построить темпоральную спираль, чтобы швырнуть меня назад в будущее, когда дело доходит до путешествий во времени, грамматика всегда оставляет желать лучшего. Одним словом вперед (назад). В объятия моей Анжелы и к похвалам коллег, но не сейчас, потому что они реально не существуют.

Темпоральная война — тонкая штука и иногда может быть весьма запутанной. Время могло быть более последовательным. Я очень рад, что мне не требовалось знать теорию для того, чтобы мотаться взад-вперед по времени этаким темпоральным теннисным мячиком, прилагая отчаянные усилия для выполнения своего задания.

Следующее утро не принесло никаких сложностей — нужно было лишь достать машину и откопать деньги. Правда, при этом пришлось заставить уснуть прямо на работе нескольких переодетых полицейских. Перетащить деньги назад, в Соединенные Штаты, было даже проще. Еще до полудня я появился в конторе «Чиэзнер Электроникс Инкорпорейтед» в Сан-Диего. В результате я получил большую и хорошо оборудованную лабораторию с маленькой приемной, в которой сидела не слишком любопытная секретарша. Устроился я неплохо. Теперь пришла очередь браться за дело профессору Койцу.

— Вы понимаете, проф,— сказал я, обращаясь к маленькому металлическому ящичку с его именем на крышке,— все устроено и готово к работе.— Я потряс ящик.— Однажды вы мне расскажете, как ваши воспоминания могут существовать в этом аппарате, когда вас самих нет и не будет никогда, потому что ОН и его психи уничтожили Корпус. А лучше — не говорите ничего. Я совсем не уверен, что хочу это знать.

Я поднял коробку и обвел ее вокруг себя, показывая комнату.

— Лучшее оборудование, которое можно достать на краденые деньги. Все современные исследовательские инструменты, до которых я мог добраться, запасы всевозможных запчастей, запасы сырья. Каталоги всех электронных и прочих фирм. Большой счет в банке, чтобы покупать все, что понадобится, и куча подписанных чеков, которые только и ждут, чтобы их заполнили. Тщательно записанный лингафонный курс языка. Инструкции. История всего, что случилось. Передаю все это вам, проф, и обращайтесь хорошо с этим телом. Оно — единственное, которое у нас с вами осталось.

Не давая себе возможности передохнуть, я лег на кушетку, прикрепил контакт ящика воспоминаний сзади шеи и повернул выключатель.

— Что случилось? — сказал Койцу, проскальзывая в мой мозг.

— Много всякого. Вы в моей голове, Койцу, так что не делайте ничего опасного.

— Исключительно интересно. Да, действительно, ваше тело. Перестаньте вмешиваться. На самом деле, почему бы вам не уйти на время, пока я посмотрю, что происходит?

— Я не уверен, что хочу этого.

— Ну, вы должны. Глядите, я нажимаю.

— Нет! — закричал я, но без толку.

Накатилась бесформенная темнота, и я полетел вниз по спира-

ли, в огромную пустоту, отброшенный электронноусиленными воспоминаниями Койцу.

Время тянется так медленно.

Моя рука сжимала черный ящик, на нем грубыми большими буквами было написано «Койцу», пальцы лежали на переключателе «выключено». Память вернулась. Я мысленно затрясся и стал искать стул, чтобы присесть. И заметил, что уже сижу, и уселся еще плотнее.

Я был в отпуске, и кто-то другой управлял моим телом. Теперь, снова обретя контроль, я заметил слабые следы-воспоминания о работе, о долгих днях, возможно, неделях напряженной работы. На пальцах были ожоги и мозоли, а на тыльной стороне правой кисти — новый шрам. В это время завертелся магнитофон — должно быть, на нем был таймер,— и со мной заговорил профессор Койцу.

— Первое — не делайте этого снова. Не позволяйте записанной памяти моего мозга обрести контроль над вашим телом. Потому что я все помню. Я помню, что больше не существую. Эти мозги — в коробочке — может быть, все, что у меня когда-нибудь еще будет. Если я поверну этот выключатель, я перестану быть. Может оказаться, его никогда не включат снова. Вероятно, так и будет. Это — самоубийство, а я не самоубийца. Невероятно тяжело коснуться тумблера. Я думаю, что сейчас мне это удастся. Я знаю, какова ставка. Что-то неизмеримо большее, чем псевдожизнь этого законсервированного мозга. Так что я приложу все усилия, чтобы повернуть тумблер. Сомневаюсь, удастся ли мне это во второй раз. Повторяю: не делайте этого больше никогда. Помните!

— Помню, помню,— пробормотал я, выключая магнитофон, ища сначала, чего бы выпить. Койцу — хороший человек. Его бар был снабжен так же, как и при мне. Стакан солодового виски тройной очистки со льдом выгнал из головы часть тумана. Я уселся и снова включил аппарат.

— К делу. Как только я начал осматриваться, стало очевидным, почему эти темпоральные преступники выбрали эту эпоху. Общество только что ворвалось в технологическую эру, но люди психологически остались в темных веках. Национализм,— какая глупость; загрязнение среды, преступления, всепланетная война, безумие...

— Достаточно лекций, Койцу, ближе к делу.

— ...но нет никакой необходимости читать лекции по этому поводу. Достаточно сказать, что все материалы для темпоральной спирали здесь есть. А обстановка в обществе такова, что можно успешно скрывать большие предприятия по манипулированию временем. Я построил темпоральную спираль, и она взведена и настроена. Я также построил аппарат для зондирования времени и с его помощью определил временное положение этого создания по имени ОН. По причинам, известным только ЕМУ, он действует теперь в эпохе, находящейся в далеком прошлом этой

планеты, примерно 170 лет отсюда. Я могу только предполагать, но мне кажется, что его теперешние действия — только ловушка — несомненно, для вас. Каким-то способом — я не мог разобраться — он возвел темпоральный блок перед 1805 годом, поэтому вы не можете вернуться в достаточно ранний период, чтобы захватить его, во время создания его теперешнего предприятия. Будьте осторожны, ОН, видимо, работает с большими силами. Я поместил рычаги управления так, что вы можете выбрать любой год из пяти после 1805 года, в течение которых проявляется их активность. Город называется Лондон. Выбор за вами, желаю удачи.

Я выключил магнитофон, и подавленный, снова пошел за выпивкой. Вот такой выбор — выбери год, в котором тебя пришьют. Отправляйся назад в дикарское общество и стреляйся с ЕГО подручными. Даже если я выиграю, что тогда?! Я буду заперт там на всю жизнь, застряну во времени. Безрадостная перспектива. По сути, у меня лишь иллюзия выбора. ОН выслеживает меня в 1975 году, и, очень может быть, ЕМУ в следующий раз удастся стереть меня в порошок. Много лучше драться с НИМ самому. Весело. Я налил себе еще и потянулся за первой книгой, стоящей на длинной полке.

Койцу не тратил времени даром. Кроме изготовления всего оборудования, он собрал небольшую отличную библиотеку об интересующих меня годах, печальной декаде 19-го столетия. Место моего назначения был Лондон, и коль скоро это стало ясно, величайшую важность приобретало имя одного человека.

Наполеон Буонапарте. Наполеон I, император Франции, большей части Европы, едва не ставший императором всего мира. Странно, как мало отличалась мания величия этого человека от ЕГО собственных амбиций. Это не могло быть совпадением. Тут должна была существовать связь. Я еще не знал пока, какая. Но был уверен, что скоро узнаю. Тем временем я стал читать все подряд, касающееся этого периода, до тех пор, пока не почувствовал, что разузнал все необходимое. Единственным светлым пятном в этом деле было то, что Англия говорила на разновидности того же самого языка, что и Америка. Так что мне не пришлось возвращаться к мучительным для моей головы урокам с мнемографом.

Конечно, оставался вопрос с тамошней одеждой, но у меня были более чем достаточные иллюстрации того периода, чтобы заказать все необходимое. В итоге, театральный костюмер в Голливуде снабдил меня полным гардеробом, начиная от обтягивающих штанов и курток со множеством пуговиц до огромных плащей и шляп. Моды того времени оказались весьма удобными — я мгновенно их одобрил, скрывая свои многочисленные приборы в обширных складках одежды.

Так как я попаду в точно выбранное время независимо от того, когда покину это, то я решил не спешить и подготовиться как следует. Но в конце концов все благовидные предлоги для отсрочки кончились, время пришло. Мое оружие и инструменты были отре-

гулированы и подготовлены, здоровье отменное, рефлексы мгновенные, состояние души — паршивое, но чему быть, того не миновать.

Я появился в приемной, секретарша уставилась на меня, не переставая жевать резинку.

— Мисс Киппер, выпишите для себя чек на четырехнедельную зарплату. Вы уволены.

— Вам не нравится моя работа?

— Вы работали как следует, но из-за дурного управления эта фирма обанкротилась. Я уезжаю за границу, спасаюсь от кредиторов.

— У-у-у,— какая жалость.

— Благодарю за сочувствие. Давайте я подпишу чек...

Мы пожали друг другу руки, и я проводил ее наружу. За помещение было заплачено за месяц вперед. Я не имел ничего против того, чтобы владелец получил оставленное мною оборудование, однако у меня выработалось совершенно определенное недоверие к аппаратуре темпоральной спирали, которая останется в действии после моего ухода. И так намухлевали более чем достаточно. У меня не было ни ни малейшего желания вводить в эту игру новых участников.

Втиснуть себя в скафандр вместе со своей допотопной одеждой оказалось тяжким трудом, и в конце концов мне пришлось снять ботинки и куртку и привязать их снаружи вместе с остальным снаряжением. Я проковылял к панели управления и собрался с мыслями для окончательного решения. Я знал, куда хочу прибыть, и, следуя инструкциям Койцу, уже ввел в машину необходимые координаты. Лондон исключается. Если у них есть какие-нибудь детекторы, они непременно заметят мое прибытие. Я хотел появиться географически достаточно далеко, чтобы меня не обнаружили, но достаточно близко, чтобы я не мучился от длительного путешествия в примитивном транспорте того времени. Итак, я остановился на долине Темзы около Оксфорда. Массив Уитернских холмов будет между мной и Лондоном, и их крепкие скалы поглотят радарные и зет-лучи и все остальные виды детекторного излучения. Прибыв на место, я смогу отправиться в Лондон по воде, что-то около ста километров, а не по их отвратительным дорогам.

Туда я и отправлюсь. А вот когда — это другое дело. Я внимательно уставился на аккуратно нумерованные циферблаты, как будто они могли мне что-нибудь ответить. Но они оставались немыми. В 1805 году установлен темпоральный барьер, так что раньше я прибыть не могу. Сам 1805 год казался уж очень похожим на ловушку; они будут наготове в это время, бдительно ожидая. Поэтому я должен появиться позднее. Но не на много, иначе они успеют выполнить все зло, которое у них на уме. Ну что ж, два года недостаточно для их работы, но достаточно — по крайней мере, я надеюсь — чтобы застать их хоть немного врасплох. Я глубоко вздохнул и установил циферблат на 1807 год — и нажал ак-

тиватор. Через две минуты аппаратура разовьет полную мощность. Свинцовыми ногами я добрался до мерцающей зеленой петли темпоральной спирали и коснулся ее выступающего конца.

Как и прежде, не было никаких ощущений, только сияние, окружавшее меня, сделало остальную комнату едва видимой. Две минуты казались больше похожими на два часа, хотя часы сказали мне, что до прыжка еще больше пятнадцати секунд. На этот раз я зажмурил глаза, вспомнив мерзкие ощущения своего предыдущего временного прыжка. Когда спираль освободилась и швырнула меня назад сквозь время, я был напряжен, взволнован и слеп.

Зонк! Весьма неприятно, когда спираль развернулась, меня понесло в прошлое, а ее энергия рассеялась в будущем. Интересное теоретическое положение, которое в настоящий момент меня совершенно не интересовало. По каким-то причинам это путешествие взбудоражило мои кишки намного сильнее предшествующего, и я был очень занят, убеждая себя, что блевать внутри скафандра совсем не подобающая вещь.

Справившись с этим, я понял, что ощущение падения происходило от того, что я на самом деле падаю. Так что я открыл глаза и увидел, что идет проливной дождь. Совсем недалеко, в лесу, смутно выделялись стремительно приближающиеся мокрые поля и казавшиеся очень колючими деревья.

После нескольких мгновений панической борьбы с управлением гравитатора я смог включить его на полную мощность. Ремни затрещали и застонали от внезапного ускорения. Я тоже затрещал и застонал. Тогда стало казаться, что лямки прорезают мне тело до костей и что они так долго не выдержат... Я искренне ожидал увидеть, как мои ноги и руки оторвутся и пролетят мимо, когда вломился в тонкие ветви дерева, отскочил от сука побольше и шлепнулся на землю. Кажется, гравитатор по-прежнему работает на полную мощность, и как только травянистый склон остановил мое падение, я снова полетел — теперь вверх, и, снова треснувшись о тот же сук, вылетел сквозь вершину. Снова я поиграл с управлением и постарался сделать это на сей раз удачнее. Я спланировал вниз, на этот раз мимо дерева и, упав как мокрое перо на траву, остался на ней полежать.

— Чудесное приземление, Джим,— простонал я, ощупывая себя, не сломаны ли кости.— Тебе следует работать в цирке.

Я был весь измят, но цел — это я понял после того, как таблетка болеутолителя прояснила мне голову и притупила нервные окончания. С запозданием я огляделся вокруг в поисках свидетелей моего приземления, но сквозь дождь я не увидел ни души и никаких следов человеческого жилья. На соседнем поле паслось несколько коров, не потревоженных моим драматическим появлением. Итак, я прибыл.

«За работу»,— приказал я себе. И стал разгружаться под прикрытием большого дерева. Первая вещь, которую я снял, был изобретенный и сооруженный мной контейнер. Он раскрылся и собрался в окованный латунью кожаный ящик, характерный для

этого периода. Все остальное, включая гравитатор и скафандр, как раз вместились в него. К тому времени, когда я загрузил и запер его, дождь перестал, и солнце стало с трудом пробиваться через облака. Уже середина дня, определил я по его высоте. Достаточно времени, чтобы до темноты найти убежище. Но в каком направлении? Тропа через коровье пастбище должна куда-то вести. Я пошел по ней вниз с холма. Коровы повели в моем направлении своими круглыми глазами, не обращая на меня никакого внимания. Это были большие животные, знакомые мне только по фотографиям, и я попытался вспомнить все об их драчливости. Эти звери, очевидно, тоже ничего про это не помнили и совсем меня не тревожили, пока я шел вверх по дороге с ящиком на плече, вперед, навстречу этому миру. Тропа привела меня к перелазу, выходившему на проселочную дорогу. Неплохо. Я перебрался на нее и как раз размышлял, какое направление избрать, когда приближающаяся допотопная повозка заявила о своем присутствии громким скрипом и волной зловония, принесенной ветерком. Вскоре она с громким стуком появилась в поле зрения. Двухколесный деревянный реликт, влекомый костлявой лошадью и доверху наполненный субстанцией, которая, как я узнал позднее, именуется навозом — естественным удобрением, высоко ценимым за полезность для посевов и то, что из него добывают одну из важных составляющих пороха. Водитель этой повозки, неопрятно выглядевший крестьянин в бесформенной одежде, ехал на расположенной впереди платформе. Я шагнул на дорогу и поднял руку. Он дернул за несколько ремней, которыми управлялось тягловое животное, и все сооружение со стоном остановилось. Он поглядел на меня сверху, пожевывая пустыми деснами — воспоминание о давно исчезнувших зубах. Потом вытянулся и коснулся костяшками пальцев лба. Я читал об этом жесте, который представлял часть отношений низших классов к высшим, и понял, что мой выбор костюма был правильным.

— Любезный, я направляюсь в Оксфорд,— сказал я.

— Э-э-э?..— ответил он, приставив замызганную руку к уху.

— Оксфорд! — прокричал я.

— Да, Оксфорд,— счастливо кивнул он в знак согласия.— Это туда,— указал он через плечо.

— Я направляюсь в этот город. Ты довезешь меня?

— Я еду туда,— он указал вперед по дороге.

Я вытащил из бумажника золотой соверен, приобретенный у торговца старинными монетами, и показал ему. Он широко открыл глаза и звучно чмокнул губами, очумев от предложенной платы.

— Я еду в Оксфорд.

Чем меньше говорить об этой поездке, тем лучше. Пока неподрессоренный говновоз мучил седалищную часть моего тела, мой нос подвергался нападению со стороны его груза. Но по крайней мере мы ехали в верном направлении. Мой «шофер» хихикал и бормотал себе под нос что-то непонятное, совершенно обезумев

от жадности при виде моей золотой манны, и понукал древнего одра ковылять с максимальной для него скоростью. Когда мы выехали из-под деревьев, выглянуло солнце и впереди появились серые здания университета, бледные на фоне сланцево-серых облаков. Весьма привлекательное зрелище, по правде сказать.

— Оксфорд,— сказал возница, указывая корявым пальцем.— Мост Магдалины.

Я слез вниз и потер свои избитые окорока, глядя на изящную арку моста через маленькую речку. Рядом со мной раздался глухой удар, когда мой ящик шлепнулся на землю... Я было начал возмущаться, но мой транспорт уже развернулся и пустился назад по дороге. Так как я имел не больше желания въехать в город на телеге, чем возница — везти меня, я не стал спорить. Однако он мог по крайней мере сказать что-нибудь, например, до свидания, но это не имело значения. Я взвалил ящик на плечо и побрел вперед, прикидываясь, как будто не вижу одетого в голубой мундир солдата, стоящего у будки на конце моста. Солдат держал какое-то громадное пороховое оружие, оканчивающееся чем-то вроде острого лезвия. Однако он отлично видел меня и опустил свое приспособление, так что оно загородило мне дорогу.

— ...? — выговорил он что-то невнятное. Понять невозможно. Вероятно, это был городской диалект, так как я без труда понимал деревенщину, который привез меня сюда.

— Не будете ли вы любезны повторить,— попросил я дружелюбным тоном.

— ...! — прорычал он и занес нижний деревянный конец своего оружия, чтобы попасть мне по диафрагме.

С его стороны это было не очень любезно. Я продемонстрировал ему свое отвращение, отступив в сторону, так что удар пришелся в пустоту, и ответил ему той же монетой, но с большим успехом — засадил коленом в его диафрагму. Он согнулся пополам, и я рубанул его по шее. Поскольку он потерял сознание, я подхватил его оружие, чтобы, падая, оно не сработало.

Все это произошло достаточно быстро, и я обратил внимание на дикие взгляды проходившей публики. Кроме этого, я заметил бешеный взгляд другого солдата, стоявшего в дверях обветшалого строения. Солдат подымал на меня свое оружие. Безусловно, это не столь незаметное появление в городе, но, раз начав, я вынужден был и закончить.

Сказано — сделано. Я нырнул вперед, что позволило мне опустить на землю ящик и одновременно избегнуть нападения. Раздался взрыв, и язык пламени пронесся у меня над головой. Потом приклад моего ружья поднялся вверх и угодил под подбородок моему второму противнику — он упал, а я бросился внутрь строения. Если в нем есть люди, то будет лучше разобраться с ними в замкнутом пространстве.

И точно, там оказались еще солдаты. И в изрядном количестве, так что я, позаботившись о ближайшем маленькими грязными приемами ближнего боя, активизировал гранату с сонным га-

зом, чтобы утихомирить остальных. Я должен был это сделать — хотя мне и не хотелось. Я быстро измазал одежду и надавал по ребрам людям, которые свалились от газа, с тем чтобы изобразить дело так, будто они пали жертвой насилия.

Как же я теперь отсюда выберусь? Наилучшим ответом было — быстро, потому что публика наверняка сразу разнесет тревожную весть. Однако когда я подошел к двери, то увидел, что прохожие подошли поближе и старались рассмотреть, что происходит. Когда я вышел наружу, они заулыбались и радостно зашумели, а один громко выкрикнул:

— Да здравствует его милость! Поглядите, как он разделался с этими французишками.

Раздались радостные крики. Я стоял пораженный. Что-то тут не так. Потом я понял — один факт тревожил меня с тех пор, как я впервые увидел колледж. Флаг, гордо развевающийся на вершине ближайшей башни. Где же на нем английские кресты?

Это был французский триколер.

Пока я пытался сообразить, что бы это значило, через толпу протиснулся человек в простой одежде из коричневой кожи и громко приказал толпе замолчать.

— Расходитесь по домам, ну, вы, сейчас придут лягушатники и поубивают вас всех. И никому об этом ни слова. Если не хотите висеть на городских воротах.

Возбуждение сменилось страхом, и народ начал быстро расходиться. Лишь два человека пробирались сквозь редеющую толпу, желая подобрать разбросанное внутри оружие. Сонный газ уже рассеялся, поэтому я не стал им препятствовать. Первый, подходя ко мне, поднял к шапке два пальца.

— Отлично сработано, сэр, но вам нужно скорее уходить, потому что кто-нибудь мог услышать выстрел.

— Куда мне идти? Я никогда в жизни не был в Оксфорде.

Он быстро осмотрел меня с ног до головы, как и я его. И принял решение.

— Идемте с нами.

И очень вовремя. Потому что, когда мы, нагруженные ружьями, скользнули в боковую улицу, я уже слышал на мосту тяжелую поступь марширующих башмаков. Но мои спутники были местные жители, знали все ходы и выходы и, насколько я мог судить, нам ничего не грозило. Мы то бежали, то шли в полном молчании почти час, пока не достигли большого амбара, который, очевидно, и был местом назначения. Я вошел вслед за остальными и поставил свой ящик на пол. Когда я выпрямился, мужчины, тащившие ружья, схватили меня за руки, а человек в кожаной одежде приставил к горлу нож.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Меня зовут Браун. Джон Браун. Из Америки. А как ваше имя?

— Бревстер.— И, не меняя тона: — Как по-вашему, почему бы нам не убить вас, как шпиона?

Я спокойно улыбнулся, чтобы показать ему, насколько глупа мысль. Внутренне я был далеко не совсем спокоен. Шпион? Почему бы и нет? Что я могу ответить? Думай быстренько, Джим, ведь нож убивает так же верно, как атомная бомба. Что мне известно? Французские солдаты оккупировали Оксфорд. Это значит, что они высадились в Англии и захватили ее или ее часть. Существует сопротивление этому вторжению, державшие меня люди служат доказательством этому. Отталкиваясь от этих соображений, я попытался импровизировать.

— Я выполняю здесь секретное поручение.— Это всегда полезно. Нож по-прежнему прижат к моему горлу.— Америка, как вы знаете, поддерживает ваши цели.

— Америка помогает французам. Так сказал ваш Бенджамин Франклин.

— Да, конечно, мистер Франклин несет громадную ответственность. Франция слишком сильна, чтобы бороться с нею сейчас, поэтому мы поддерживаем ее. Это на поверхности, но есть люди, вроде меня, которые идут вам на помощь.

— Как вы это докажете?

— Что я могу? Бумаги можно подделать. К тому же носить их с собой смертельно опасно, и вы бы им не поверили. Но у меня есть вещь, которая говорит сама за себя, и я еду в Лондон, чтобы доставить ее нужным людям.

— Кому? — Нож чуть-чуть отодвинулся.

— Я вам не скажу. Но по всей Англии есть подобные вам люди, желающие свергнуть ярмо тиранов. Мы сошлись с некоторыми из этих групп. И со мной то самое свидетельство, о котором я говорил.

— Что же это?

— Золото.

Это — уж наверное — привело их в замешательство. Я почувствовал, что руки, державшие меня, несколько поослабли. И я стал развивать свой успех.

— Вы никогда не видели меня прежде, и, вероятно, никогда не увидите больше, но я могу оказать вам финансовую помощь для покупки оружия, подкупа солдат, помощи заключенным. Почему, по-вашему, я напал сегодня на этих солдат — у всех на виду? — спросил я, повинуясь внезапному импульсу.

— Скажите нам,— ответил Бревстер.

— Чтобы повстречаться с вами.

Я медленно оглядел их удивленные лица.

— Во всех частях света есть лояльные англичане, которые ненавидят захватчиков и будут бороться, чтобы вышвырнуть их с этих зеленых берегов. Но как их найти и помочь? Я только что показал вам один из способов. Теперь я дам вам и золото для продолжения борьбы. Так же, как я доверяю вам, и вы должны довериться мне. У вас будет достаточно золота, и если вы пожелаете,

то сможете улизнуть отсюда и счастливо прожить жизнь в каком-нибудь другом месте. Но я думаю, вы этого не сделаете. Вы рисковали жизнью из-за этих ружей, и вы поступили достойно. Я дам вам золото и уйду. Мы никогда впредь не встретимся. Мы должны доверять друг другу. Я верю вам...— Я замолчал, предоставляя им возможность закончить фразу самим.

— По мне, все правильно, Бревстер,— сказал один из мужчин.

— По мне, тоже,— поддержал другой.— Давай возьмем золото.

— Я возьму золото, если есть, что брать,— сказал Бревстер, опуская нож, но по-прежнему сомневаясь.— Может быть, все это — ложь.

— Может быть,— быстро сказал я, прежде чем он начал дырявить мою сшитую на живую нитку историю,— но это не так. И к тому же не имеет никакого значения. Сегодня ночью вы увидите, как я уезжаю, и мы никогда не встретимся больше.

— Золото,— сказал мой страж.

— Давайте посмотрим на него,— сказал неохотно Бревстер.

Мой блеф удался. Теперь он попался.

С величайшей осторожностью я открыл ящик, в бок мне упиралось ружье. Золото у меня имелось. Это была единственная правдивая часть моего рассказа. Оно лежало, разложенное по множеству маленьких кожаных мешочков, предназначенных для финансирования моих действий, что я сейчас и начинал. Я вытащил один и торжественно передал Бревстеру.

Он вытряс на ладонь несколько сверкающих крупинок, и все на них уставились. Я нажимал:

— Как мне добраться до Лондона? По реке?

— На всех шлюзах на Темзе часовые,— все еще глядя на золотой песок у себя на ладони, ответил Бревстер.— Вы не доберетесь дальше Абингтона. Только на лошадях, окольными дорогами.

— Я не знаю окольных дорог. Мне нужны две лошади и кто-нибудь в провожатые. Как вы знаете, я могу заплатить.

— Вас проводит Люк,— сказал он, подняв наконец глаза.— Он был раньше ломовым извозчиком, но он доведет вас только до стен. Много французишек — добирайтесь сами.

— Отлично.

Итак, Лондон оккупирован. А как же остальная Англия?

Бревстер вышел, чтобы позаботиться о лошадях, а Гай достал немного грубого хлеба и сыра, а также эль, который оказался вполне приемлемым. Мы заговорили, вернее говорили они, а я слушал, вставляя иногда слово, но опасаясь задавать любые вопросы, из боязни продемонстрировать мое почти полное невежество. Но картина постепенно начала вырисовываться. Англия была полностью оккупирована и умиротворена, так было уже в течение нескольких лет; точная цифра была не ясна, хотя борьба все еще продолжалась — в Шотландии. Было мрачное воспоминание о вторжении, какой-то гигантской пушке, которая причиняла ужасные разрушения, о единственной битве, в которой была унич-

тожена эскадра Канала. За всем этим я чувствовал ЕГО раздвоенное копыто. История переписывалась.

Однако это прошлое не было прошлым того будущего, из которого я прибыл. От размышления на эту тему моя голова начала раскалываться от боли. Может быть, этот мир существовал в петле времени, отдельно от основного потока истории. Или это был альтернативный мир. Профессор Койцу разобрался бы, но я думаю, что ему не понравилось бы быть вынутым из черного ящика для ответа на мои вопросы. Я должен разобраться в этом без его помощи. Думай, Джим, заставь шестеренки в твоей старой черепушке завертеться. Ведь ты гордишься тем, что ты называешь своим разумом, так примени его ради разнообразия к чему-нибудь, кроме мошенничества. Тут должна быть какая-то логика: А — в будущем это прошлое не существует; В — теперь оно точно существует; но С — может значить, что мое присутствие здесь уничтожает это прошлое и саму память о нем. Не представляю, как этого можно достичь, но сама мысль источала такую уверенность, что я схватился за нее. Джим ди Гриз Преобразователь Истории. Потрясатель Мира. Прекрасная картина — и я лелеял ее, дремля на сене,— я довольно скоро проснулся, почесываясь от нашествия многочисленных насекомых, ползающих по моему телу.

Лошадей доставили только после наступления темноты, и мы решили, что лучше всего отправиться на рассвете. Я ухитрился достать из моего ящика средство от насекомых. И потому наслаждался относительно спокойной ночью перед утренней скачкой.

Эта скачка?! Мы были в пути три дня, прежде чем достигли Лондона, и даже на заду у меня поверх одних болячек вскакивали новые. Мой простодушный компаньон, по-видимому, получал массу удовольствия от путешествия, рассматривая его как своего рода прогулку, непрерывно говорил о местности, по которой мы проезжали, и по вечерам, на постоялых дворах, напивался до бесчувствия.

Мы пересекли Темзу повыше Хенли и сделали длинный объезд на юг, держась подальше от мало-мальских значительных центров населения. Когда мы снова подъехали к Темзе у Саутварка, то увидели перед собой Лондонский мост, а за ним крыши и шпили Лондона. Видеть их было довольно трудно из-за высокой стены, проходившей вдоль противоположного берега. Стена имела чистый, с иголочки вид, сильно отличаясь по закопченности от остального города. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Ведь это новая стена,— сказал я.— Верно?

— Да. Закончена два года назад. Многие здесь поумирали, женщины и дети. Они согнали всех на эту стройку, как рабов. Она окружает весь город. Она никому не нужна, просто он сумасшедший.

Эта стена была нужна, и хотя мысль эта была очень лестной, стена эта мне все равно не нравилась. Она была построена из-за меня, чтобы не пустить меня внутрь.

— Нужно найти тихую гостиницу.

— Гостиница «Георг», вон там,— он громко причмокнул.— К тому же там отличный эль.

— Это подойдет вам, а мне нужно прямо у реки, с видом на этот мост.

— Знаю такое место, «Боров и Дрофа», на Пиклхеринстрит, у самого начала Вайн-Лайм, там тоже отличный эль.

На вкус Люка самое мерзкое варево было прекрасно, коль оно содержало алкоголь. Так или иначе «Боров и Дрофа» вполне соответствовало нашим нуждам. Низкопробное заведение с потрескавшейся вывеской над дверью, изображавшее приготовившихся к драке невероятного вида свинью и еще более невероятную птицу. Позади была ветхая пристань, где могли высаживаться жаждущие лодочники. Я получил комнату с окнами на реку. Устроив свою лошадь на конюшню и поторговавшись о плате за комнату, я запер дверь на засов и распаковал электронный телескоп. С его помощью я получил крупную, ясную, подробную и безрадостную картину города за рекой.

Он был окружен десятиметровой стеной из крепкого кирпича и камня, несомненно утыканного всякой следящей аппаратурой. Если я попробую проникнуть под ней или над ней, меня наверняка заметят. О стене надо забыть. Единственное, что было видно с моего наблюдательного поста, это противоположный конец Лондонского моста, и я внимательно его изучал. Движение на мосту было медленное, потому что все тщательно обыскивались перед въездом на него. Одного за другим людей уводили в помещение, устроенное внутри стены. Насколько мне было видно, все они возвращались, но как будет со мной? Что происходит там — внутри? Я должен это выяснить, и внизу как раз подходящее для этого место.

Все любят людей щедрых, таким я и стал.

Одноглазый хозяин, бормоча и посмеиваясь про себя, ухитрился найти в своем подвале бутылку сносного кларета специально для меня. Местные жители были более чем довольны, поглощая эль кувшин за кувшином. Эти сосуды были сделаны из кожи, пропитанной дегтем, который добавлял букету определенную пикантность, но потребитель, видимо, не возражал. Моим лучшим информатором был щетинисто-бородатый гуртовщик по имени Квини. Он был один из тех, кто перегонял скот с ферм на бойни, а также помогал мясникам в их кровавых делах. Как можно догадаться, его чувствительность была не из высочайших, чего нельзя было сказать о его способности пить. Напиваясь, он разговаривал, а я впитывал каждое слово. Напиваясь, он разговаривал, а я впитывал каждое слово. Он въезжал и выезжал из Лондона каждый день, и я, выделяя по кусочкам из потока сальностей и брани крупицы нужной мне информации, постепенно составил точную, как я надеялся, картину процедуры пропуска.

Там был обыск, это я и сам мог видеть из окна, иногда тщательный, иногда и поверхностный. Но одна процедура этого порядка никогда не изменялась.

Каждый входящий в город должен был сунуть руку в дырку в стене караульной по кисть и снова вынуть.

Потягивая вино и не обращая внимания на взрывы вокруг себя, я размышлял над этим. Что они могут при этом обнаружить?! Возможно, отпечатки пальцев, но я всегда использовал ложные отпечатки и менял их три раза со времени последней операции. Температуру? Щелочность кожи? Пульс или кровяное давление? Могут ли жители этого туманного для меня прошлого отличаться какими-нибудь телесными характеристиками? Вполне возможно ожидать каких-нибудь изменений за более чем 30 000 лет. Я должен узнать теперешние.

Это удалось сделать достаточно легко. Я сделал детектор, который мог записывать все эти характеристики, и прикрепил его под одеждой. Приемник был замаскирован под кольцо, которое я носил на правой руке. На следующий вечер я пожал руки всем, кому мог, и, забрав свой стакан, вернулся к себе в комнату. Записи были точны в пределах 0,006 процента. И были весьма показательны. Мои собственные данные весьма хорошо вписывались в пределы естественных отклонений.

«Ты не думаешь, Джим,— обвинил я свое отражение в волнистом зеркале.— Должна быть какая-то причина для этой дыры в стене. И эта причина — какой-то детектор. Вопрос в том, что он обнаруживает? — Я отвернулся прочь от своего отражения.— Давай, давай, не уклоняйся. Если не можешь ответить так, поставь все на голову. Что вообще можно обнаружить?»

Так пошло лучше. Я вытащил лист бумаги и стал делать список всего, что может быть замечено и измерено, начиная прямо с частоты. Свет, тепло, радиоволны и т. п., затем перешел к вибрациям и шуму, радарным отражениям, ко всему и вся, не пытаясь применить все эти вещи к человеческому телу. Еще рано. Я займусь этим, когда сделаю список как можно подробнее. Исписав весь лист, я победоносно пожал себе руку и перечитал его, применительно к человеку.

Ничего. Я вновь впал в уныние, швырнул список, потом снова взялся за него. Я вспомнил нечто услышанное или имевшее отношение к услышанному мной о Земле от профессора Койцу. Ну да! Койцу сказал: «Уничтожена атомными бомбами».

Радиоактивность. Атомный век еще в будущем, единственной радиоактивностью на этой планете является природный фон. Проверка не заняла много времени. Я — создание будущего, обитатель Галактики, со средой жесткой радиации. Мое тело в два раза радиоактивнее фона, замеренного в комнате, в два раза радиоактивнее тел моих приятелей по выпивке. Я специально спустился вниз проверить их. Теперь, зная, чего опасаться, я придумал способ перехитрить их. Вывернув свои старые мозги наизнанку, я быстро разработал план и задолго до рассвета был готов к атаке. Все устройства, спрятанные на мне, были из пластика, неразличимого детектором металла, если они его используют. Все, сделанное из металла, было помещено в пластиковую трубку ши-

риной не толще моего пальца и длиной не больше метра, которую я свернул и положил в карман. В самый темный предрассветный час я выскользнул наружу и стал красться по сырым улицам в поисках своей жертвы.

Я нашел ее достаточно быстро, французского часового, охраняющего один из входов в ближайшие доки. Короткая драка, немного газа, бесчувственное тело и темная подворотня. Через две минуты я появился с противоположного конца в его мундире, неся точно на французский манер его ружье на плече. В его ствол была вложена трубка с моими приборами. Пусть попробуют найти их своим детектором. Время я рассчитал точно, и когда с первыми лучами солнца ночной караул возвращался в Лондон, я марширован в последнем ряду. Я пройду незамеченный среди врагов. Прекрасная возможность оставить их в дураках. Не будут же они осматривать своих собственных солдат. Но в дураках оказался я. Когда мы маршировали в дальнем конце моста, я заметил интересную вещь, которую не мог видеть в телескоп из своего окна.

Каждый солдат, завернув за угол караульной, на мгновение останавливался и под холодным взглядом сержанта засовывал палец в отверстие ствола.

— ...! — сказал я, споткнувшись о неровный настил моста. Не знаю, что означает это слово, но французские солдаты употребляли его чаще всех остальных и оно, видимо, подходило к случаю. При этом я толкнул соседнего солдата, и мой мушкет больно стукнул его по голове. Он завопил от боли и оттолкнул меня. Я отлетел назад, ударился ногами о низкие перила и полетел в воду.

Отлично выполнено. Там было быстрое течение, и я ушел под воду, зажав между коленями ружье, чтобы не потерять его. После этого я вынырнул всего один раз, молотя руками по воде и пронзительно крича. Солдаты столпились на мосту, крича и указывая, и когда я убедился, что произвел требуемый эффект, я позволил своему намокшему платью утащить меня под воду. Кислородная маска была у меня во внутреннем кармане, и мне понадобилась всего лишь секунда, чтобы вытащить ее и натянуть. Затем я освободил ее от воды, сильно выдохнув и вдохнув чистого кислорода. После этого нужно было просто медленно и лениво плыть поперек реки. Прилив уходил, так что прежде, чем я пристану к берегу, течение унесет меня вниз на достаточное расстояние. Итак, я избежал разоблачения, остался жить, чтобы вновь собрать свои силы и бороться, и был совершенно подавлен провалом своей попытки пробраться за стену. Да и вода была не особенно теплая. На протяжении долгого времени меня толкали вперед мысли о горящем огне в моем камине и кружке горячего рома. В конце концов я увидел впереди в воде темный силуэт, который постепенно превратился в корпус маленького корабля, привязанного к доку,— мне были видны его сваи. Я остановился под килем, извлек из ствола трубку и, засунув ружье в рукав камзола для

веса, спустил все это на дно реки. Сделав несколько глубоких выдохов, я снял и спрятал кислородную маску и, по возможности тихо, выплыл на поверхность рядом с судном.

Я выплыл только для того, чтобы увидеть фалды и заплатанные штаны сидящего на перилах надо мной французского солдата. Он трудолюбиво надраивал иссиня-черный ствол необыкновенно зловещего вида пушки. Она выглядела значительно более совершенной, чем все орудия XIX столетия, которые я видел, потому, несомненно, что она вовсе и не принадлежала этому периоду. Руководствуясь совсем не праздным интересом, я изучил орудия, применявшиеся в только что оставленную мной эпоху, и поэтому сейчас узнал в этом орудии 75-миллиметровую пушку. Идеальное орудие для установки на легком деревянном суденышке — из нее можно стрелять, не разнося судно на кусочки. К тому же она может аккуратно разнести в клочья любой деревянный корабль задолго до входа в радиус действия его заряжающихся с дула пушек, не говоря уж об уничтожении полевых армий. Всего несколько сот таких орудий, перенесенных в прошлое, могли бы изменить историю. Что они и сделали. Солдат обернулся и плюнул в воду, я снова опустился под воду и скрылся среди свай.

Ниже по течению, вне видимости с французского корабля, была лодочная пристань. Там я и вынырнул. Поблизости никого не было. Мокрый, дрожащий, подавленный, я выбрался из воды и заспешил мм коридору улицы. Там кто-то стоял, я протрусил мимо, но потом решил остановиться, потому что этот человек ткнул мне в бок ствол громадного пистолета.

— Идите вперед,— сказал он.— Я отведу вас в уютное место, где вы сможете переодеться в сухую одежду.

Только он сказал не «одежду», а «одеждою». У моего пленителя определенно был французский акцент.

Мне оставалось только выполнить указание, подкрепленное тычками его примитивного оружия. Примитивное или нет, оно так или иначе могло проделать во мне отличную дырку. Дальний конец улицы был начисто перегорожен стоявшей там каретой. Ее дверца была распахнута.

— Залезайте,— сказал мой пленитель,— я вслед за вами. Я видел, как несчастный солдат упал с моста и утонул: и подумал, что, если он выплывет? А вдруг он хороший пловец и может переплыть реку? Куда тогда его принесет течение? Вот задача-то, но я успешно ее решил.

Дверца захлопнулась, и карета тронулась. Я упал вперед, повернулся, нырнул и попытался схватить пистолет и схватил его за рукоятку, потому что мой похититель уже держал его за ствол, протягивая мне.

— Конечно же, держите его, мистер Браун, если вам угодно. Он больше не понадобится.— Он улыбнулся и, видя мое удивление, ухмыльнулся и навел дуло себе в грудь.— Это был наипростейший способ убедить вас поехать со мной в карете. Я наблю-

дал за вами несколько дней и уверен, что вы не любите французских захватчиков.

— Но ведь вы — француз?

— Конечно же! Сторонник покойного короля, а теперь беглец. Я выучился ненавидеть это корсиканское ничтожество, пока здешний народ лишь смеялся над ним. Но теперь никто больше не смеется, и мы объединены общей целью. Но, пардон, позвольте представиться. Я — граф д'Ознон, вы можете звать меня просто Чарли, поскольку все мои титулы теперь в прошлом.

— Рад познакомиться, Чарли.— Мы пожали руки.— Зовите меня просто Джон.

Прежде чем мы смогли продолжить этот интересный разговор, карета с грохотом остановилась. Мы находились во внутреннем дворе большого дома, и я с пистолетом, вошел вместе с графом. Я был по-прежнему подозрителен, хотя причин к этому, по-видимому, было очень мало. Все слуги были очень стары и ковыляли вокруг, бормоча между собой по-французски. Один древний слуга, скрипя коленями, наполнив для меня ванну, помог раздеться и стал намыливать спину, совершенно игнорируя то, что я по-прежнему держал в руках пистолет. Мне приготовили нагретую одежду и хорошие башмаки. Оставшись один, я переложил в новую одежду свой арсенал и инструменты. Когда я спустился вниз, граф поджидал меня в библиотеке, потягивая из хрустального бокала какой-то интересный напиток, которым до краев был наполнен и стоящий рядом с ним сосуд. Я протянул ему пистолет, а он мне — полный бокал. Жидкость приятно скользнула по моему горлу, а мои ноздри вдохнули облако изысканного аромата, подобного которому я никогда не встречал.

— Сорок лет выдержки, из моего поместья, которое, как вы можете понять, находится в Коньяке.

Я прихлебнул еще и поглядел на него. Сильный человек — высокий и гибкий, седеющие волосы, высокий лоб, тонкие, почти аскетические черты лица.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросил я.

— Чтобы мы могли объединить наши усилия. Я изучаю натуральную философию и вижу теперь много неестественного. Армии Наполеона имеют оружие, которого не делают нигде в Европе. Иные говорят, что оно из далекой... но я не верю. Это оружие обслуживается людьми, плохо говорящими по-французски, непонятными и злыми людьми. Ходят разговоры, что в окружении корсиканца находятся еще более непонятные и зловещие люди, неслыханные чужеземцы, как и вы. Скажите, как может человек переплыть реку под водой?

— При помощи определенного устройства.— Молчать не было смысла, граф слишком хорошо знал, о чем спрашивать. Когда у врага есть такие пушки, какую я видел, нет смысла скрывать его происхождение. Глаза графа расширились, когда я сказал это, и он осушил свой бокал.

— Я так и думал. Вы знаете больше об этих странных людях

и их вооружении. Они не из мира, который мы знаем, ведь так? Вы знаете о них, и вы здесь для того, чтобы с ними бороться?

— Они пришли из страны злобы и безумия, принесли с собой свои преступления. Да, я воюю с ними... Я не могу рассказать о них все, потому что и сам не знаю всю историю, но я здесь для того, чтобы уничтожить их и все ими сделанное.

— Я был в этом уверен! Мы должны были объединить наши усилия. Я окажу вам любую помощь.

— Можете начать с обучения меня французскому. Мне нужно пробраться в Лондон, и, похоже, мне язык понадобится.

— Но... есть ли у нас время?

— Хватит часа или двух — еще одна машина.

— Я начинаю понимать, но не уверен, понравятся ли мне все эти машины.

— Нельзя их любить или не любить. Они свободны от эмоций. Мы можем только использовать их на добро или зло, так что проблема машин, как и все остальное,— человеческая проблема.

— Склоняюсь перед вашей мудростью. Конечно, вы правы. Когда мы начнем?

Я вернулся за своими вещами и «Боров и Дрофу», затем переехал в комнату в доме графа. Последовал ужасающе мучительный вечер работы с мнемографом (головная боль — слишком слабое слово для обозначения побочных эффектов использования этой дьявольской машины), в результате которого я выучился разговорному французскому. Теперь, к удовольствию графа, мы беседовали на его языке.

— А следующий шаг? — спросил он.

Мы только что пообедали, и притом прекрасно, и вновь вернулись к коньяку.

— Мне нужно поближе рассмотреть одного из этих псевдофранцузов, которые, как видно, всем заправляют. Появляются они по эту сторону реки поодиночке или хотя бы маленькими группами?

— Да, их передвижения бессистемны. Поэтому нужно получить свежие сведения. — Он позвонил в серебряный колокольчик, стоявший рядом с графином. — Хотите, вам доставят одного из них оглушенным или мертвым?

— Вы очень любезны,— сказал я, поднимая бокал, чтобы бесшумно появившийся слуга мог его снова наполнить.— Я займусь этим сам. Только укажите мне, и я сделаю все остальное.

Граф отдал приказания, слуги удалились.

— Это не займет много времени,— сказал граф.— Получив информацию, вы знаете, что вы будете делать дальше? У вас имеется план действий?

— Только приблизительно. Я должен проникнуть в Лондон. Найти ЕГО — верховного демона этого уголка ада, потом, полагаю, убить его. А также уничтожить определенное оборудование.

— А выскочка корсиканец — вы его тоже устраните?

— Только если он будет мешать. Я не простой убийца, мне

трудно убивать, но мои действия неминуемо изменят весь ход дела. Новое оружие перестанет поставляться, а боеприпасы скоро кончатся. Собственно говоря, эти негодяи могут и вовсе исчезнуть.

Граф приподнял бровь, но, будучи любезным, от комментариев воздержался.

— Ситуация очень сложная. По правде сказать, я не совсем понимаю ее и сам. Это связано с природой времени, о которой я знаю очень мало. Но, кажется, время, в котором мы живем сейчас, не существует для будущего. Будущие исторические книги говорят, что Наполеон был разбит, его империя уничтожена, что Британия никогда не была захвачена.

— Если бы так было!

— Это может быть, если я доберусь до НЕГО. Однако если история снова изменится и вернется к тому, что должно было бы быть, то весь мир может исчезнуть.

— Во всех опасных предприятиях следует идти на определенный риск.— Граф оставался спокойным и собранным. Удивительный человек.— Если этот мир исчезнет, то, должно быть, возникнет другой, более счастливый?

— Примерно так.

— Тогда мы должны быть более настойчивыми. В этом другом, лучшем мире я вернусь в мое поместье, снова будет жива моя семья, будут цветы весной и счастье на Земле. Отдать эту теперешнюю жизнь... это презренное существование. Однако я бы предпочел, чтобы знание об этой возможности не вышло за стены этой комнаты. Я не уверен, что все наши помощники согласятся с такой философской точкой зрения.

— Полностью согласен с вами. Хотел бы и я, чтобы все было по-другому.

— Не думайте об этом, дорогой друг. Не будем больше касаться этой темы.

И мы ее оставили. Стали рассуждать о живописи и виноделии... Время шло быстро, и еще прежде, чем мы начали второй графин, его позвали, чтобы представить ему данные.

— Великолепно,— сказал он, вернувшись, потирая от удовольствия руки.— Небольшая компания, она-то нам и нужна, сейчас развлекается в публичном доме на Мармейд-Корт. Конечно, вокруг стража, но я полагаю, для вас это не составит препятствий?

— Ни малейшего,— сказал я, вставая.— Будьте добры, предоставьте мне какой-нибудь транспорт и проводника, и я обещаю вернуться в течение часа.

Все было сделано точно в срок. Придурковатый тип, с выбритой головой и обезображенным шрамами лицом, отвез меня в карете в соседнее здание — что-то вроде конторы, запертой при помощи какого-то чудовищного механизма, который было чрезвычайно сложно открыть. Не то чтобы механизм был сложен для меня — как бы не так,— но замки были такие большие, что моя отмычка была для них мала. Нож, однако, достал, я вошел, под-

нялся наверх и перебрался на крышу соседнего здания. Там я прицепил свою паутинку к самой прочной из печных труб. Нить паутины была тонкая, почти невидимая и практически неразрывная нить, сделанная из одной-единственной цельной молекулы. Она медленно разматывалась с катушки, укрепленной лямками у меня на груди, и я спустился вниз, к темным окнам, темным для других, но два луча ультрафиолета из УФ-прожектора на моих чувствительных очках делали для меня все, куда бы я ни посмотрел, ясным, как день. Я бесшумно проник в окно, поймал нужного мне индивидуума со спущенными штанами и усыпил его и его подружку дозой газа, забрался с ним на руках на крышу со скоростью, которую только могла предложить бесшумно сматывающаяся катушка паутины. Спустя несколько минут моя добыча храпела на столе в подвале у графа, а я раскладывал свое оборудование. Граф с интересом наблюдал.

— Хотите получить информацию от этого образчика свиной породы? В обычных условиях я не признаю пыток, но мне кажется, что это случай для раскаленной кочерги и острого ножа. Какие преступления соверешили эти существа! Говорят, что аборигены Нового Света могут содрать с человека кожу, не убив его при этом.

— Звучит неплохо, но нам не понадобится.— Я приготовил инструменты и подключил контакты.— Я буду дежать его без сознания и пройду его мозг в башмаках с шипами. В определенном смысле это еще худшая пытка. Он скажет все, что нам нужно, даже не зная, что говорит. Потом он ваш.

— Нет, нет, спасибо.— Граф с отвращением замахал руками.— Всякий раз, когда убивают одного из них, граждане страдают от многочисленных убийств и репрессий. Мы побьем его немного, отберем одежду и все остальное и бросим в темной аллее. Это будет похоже на грабеж, и ничего больше.

— Прекрасная идея. Теперь я начну.

Это было похоже на плавание по канализационному каналу — шарить в этом мозгу. Одно слово — безумие, а он был, безусловно, безумен, как и все они. Проблема заключалась не в получении информации, а в сортировке. Он хотел говорить на своем собственном языке, но в конце концов согласился на французский и английский. Я спрашивал и спрашивал и наконец узнал все, что хотел. Был призван мой компаньон Жюль. На него была возложена задача оглушить его и, содрав мундир, бросить где-нибудь. Тем временем граф и я с удовольствием вернулись к неоконченному графину.

— Их штаб-квартира находится, по-видимому, в месте, называемом Сент-Пол. Вы знаете, где это?

— Они не останавливаются перед святотатством. Это кафедральный собор, шедевр великого сэра Кристофера Рена, вот здесь, на карте.

— Здесь находится так называемый ОН, а также, видимо, все его машины и инструменты. Но чтобы добраться туда, мне необ-

ходимо войти в Лондон. Есть вероятность, что я смогу пересечь стену в его мундире, потому что его тело так же радиоактивно, как и мое,— это тест, который они используют для обнаружения чужих. Однако могут существовать пароли и другие способы идентификации и, может быть, на их языке. Нужен отвлекающий маневр. Среди ваших последователей есть кто-нибудь знакомый с артиллерией?

— Безусловно. Рене Дюпон — бывший майор артиллерии — весьма знающий солдат, и он в Лондоне.

— Как раз нужный человек. Уверен, что ему доставит удовольствие управляться с этими мощными орудиями. Перед рассветом мы захватим судно с артиллерией на борту. С первым лучом солнца, когда откроются ворота, начнется обстрел. Несколько снарядов в ворота обескуражат охрану, затем нужно бросить корабль. Это будет делом ваших людей.

— Этим приятным делом я буду руководить лично. Но где будете вы?

— Маршировать в город вместе с частями, как уже пытался раньше.

— В высшей степени опасно. Если вы появитесь слишком рано, вы будете обнаружены при появлении, а может быть, погибнете при обстреле. Слишком поздно — и ворота будут закрыты.

— В таком случае мы должны рассчитать все исключительно точно.

— Я пошлю за наилучшими имеющимися хронометрами.

Майор Дюпон был краснолицый и седовласый человек с внушительным округлым животом. Однако он был достаточно энергичен, знал свое дело и был сейчас поглощен страстным желанием поработать с невероятным оружием захватчиков. Прежняя команда корабля, включая охрану, спала значительно крепче, чем ей бы хотелось, пока я разбирался с механизмом безотказного орудия и объяснял его майору. Он уяснил все моментально и расплылся в улыбке. По сравнению с его опытом использования неровных пушечных жерл, зарядки со ствола, медленно горящего пороха и тому подобных неудобств это было откровением.

— Заряд, пыж и снаряд в одном корпусе. Чудесно! И этот рычаг открывает затвор? — спросил он.

— Во время стрельбы держитесь подальше от этих отверстий, потому что при выстреле газ выходит отсюда, компенсируя отдачу. Используйте прямой прицел, расстояние слишком мало. Я полагаю, на такой дистанции не придется делать поправку на ветер и не нужно вести навесной огонь,— скорость выстрела намного больше, чем вы привыкли.

— Продолжайте дальше,— сказал он, поглаживая сталь.

Следующий шаг. Граф позаботился о том, чтобы на рассвете корабль оказался выше по течению и был бы поставлен на якорь у набережной ниже Лондонского моста. Я позабочусь о том, чтобы прибыть на место в заранее оговоренное время. Его морской

хронометр был так велик, что походил на кочан капусты,— он сделан из стали и латуни и громко тикал. Однако граф заверил меня в его точности, и мы установили его по моим атомным часам размером не больше ногтя и с точностью до секунды в год. Это было последнее, что нужно было сделать, и когда я поднялся, чтобы уходить, он протянул мне руку. Я пожал ее.

— Мы всегда будем вам благодарны за помощь,— сказал он.— У моих людей есть надежда, и я разделяю их энтузиазм.

— Это мне нужно быть благодарным за помощь. В особенности, принимая во внимание, что победа может обернуться для вас плохо.

Он отбросил эту мысль как бесполезную — очень храбрый человек.

— Как вы объяснили — умирая, мы победим. Мир без этих свиней — достаточная награда, даже если мы не будем этому свидетелями. Исполняйте ваш долг.

Я отправился исполнять, стараясь забыть, что судьба миров, цивилизаций, целых народов зависит от моих действий. Малейшая ошибка, случайность — и для них все будет кончено. Поэтому случайностей быть не должно. Подобно альпинисту, который не смотрит вниз и не думает о пропасти, я выгнал из своей головы мысль о неудаче и, чтобы подбодрить себя, старался вспомнить что-нибудь веселое. Сразу на ум ничего не пришло, и я поэтому стал думать о том, как разделаться с НИМ и ЕГО системой. И это было действительно вдохновляюще. Я поглядел на часы. Пора было идти. И я быстро пошел, не оглядываясь. Улицы были пустынны, все добрые люди дома в постелях, и мои шаги отдавались эхом по темной улице. Позади меня небо посерело от приближающегося рассвета.

В Лондоне полно темных аллей, дающих идеальное укрытие, ими я и воспользовался, не упуская при этом из виду Лондонский мост. Наконец, появились первые солдаты. Некоторые шагали в ногу, другие едва тащились, и все выглядели усталыми. Я и сам чувствовал себя усталым и поэтому посасывал таблетку стимулятора и не отрывал глаз от часов. В идеале мне следовало появиться на мосту, когда начнется обстрел, достаточно далеко от ворот, чтобы не пострадать, но достаточно близко, чтобы проникнуть в них во время суеты, которая возникнет после открытия огня. Со своего наблюдательного пункта я замечал время, которое требовалось разным группам солдат, чтобы пересечь мост, до тех пор, пока не получил точную цифру. Наконец наступил момент, когда я по-военному расправил плечи и бойко пошел вперед.

— ..? — выкрикнул чей-то голос, и я понял, что обращаются ко мне. Я был так поглощен расчетом времени, что совершенно забыл о возможности того, что ЕГО дьяволы будущего также будут идти по мосту.

Я махнул рукой, скорчил злобную гримасу и быстро зашагал вперед. Окликнувший меня человек с озадаченным лицом поспе-

шил за мной. По моему мундиру он знал, что я принадлежу к его компании, но моя физиономия была для него незнакомой. Наверное, он хотел узнать от меня, как идут дела в родном сумасшедшем доме. Но я не хотел затевать с ним никаких разговоров потому, что не понимал их языка. Я заспешил вперед, чувствуя, что он идет за мной. Потом сообразил, что иду слишком быстро и с такой скоростью подойду к воротам как раз в тот момент, чтобы быть разнесенным на куски.

Проклинать свою беспечность не было времени. В настоящий момент мне вовсе не хотелось быть разорванным на части. Я уже видел судно, вышедшее на позицию, и людей на палубе. Великолепно... Я уже почти слышал разрывы. Сзади загремели тяжелые шаги, и легшая мне на плечо рука развернула меня.

— ..? — воскликнул он, затем выражение его лица изменилось, глаза расширились, и рот раскрылся.— ..! — заорал он. Он узнал меня, наверное, по фотографии.

— Ну да, бливит,— сказал я и выстрелил ему в шею наркотической иголкой из пистолета, зажатого в ладони. Но раздался еще один крик: «..!», и один из его товарищей протиснулся сквозь ряды солдат. Его тоже пришлось уложить. Это, естественно, заинтересовало всех находившихся поблизости, раздалось несколько испуганных криков, и кое-кто поднял оружие. Я прислонился спиной к парапету моста и подумал, уж не придется ли мне перестрелять всю французскую армию.

Не пришлось. Первый снаряд, не слишком точно пущенный майором конной артиллерии, ударил в мост в каких-нибудь десяти метрах от меня.

Раздался сильный взрыв, и воздух наполнился свистящими кусками кирпича и стали. Я бросился на землю со всеми остальными. Некоторые из них, правда, упали навеки. Лежа, я воспользовался удобным случаем и всадил иголки в каждого из ближайших ко мне солдат, которые были свидетелями предыдущей сцены.

Тем временем Дюпон учился владеть своим оружием, и следующий снаряд ударил в городскую стену. Среди людей на мосту поднялась суматоха, я же орал и бегал вместе со всеми, с удовольствием видя, как очередной снаряд пробил ворота и взорвался внутри караульной. Теперь, как и следовало ожидать, все бежали от ворот. Я плюхнулся на живот и ужом уполз вперед. Снаряды теперь взрывались в самих воротах и поблизости от них, основательно разрушая укрепления. Я быстро посмотрел на часы и заметил, что конец обстрела совсем близок. Сигналом этого будет еще несколько выстрелов, но уже не по воротам, а по другим намеченным целям. Я вскочил на ноги и побежал.

Если после обстрела кто-то и выжил, то они давно удрали. Я перелез через кучу обломков и скользнул за ближайший угол. Единственными свидетелями моего не слишком деликатного вторжения была пара, выглядывавшая из какого-то подъезда,— англичане, судя по одежде. Увидев меня, они тотчас убежали...

Итак, несмотря на небольшие неприятности на мосту, все было сработано по плану.

Из пушки на реке вновь открыли огонь, но это не входило в мой план. Тут что-то не то. Сделав последний выстрел, мои сообщники должны были сойти на берег и укрыться в надеждом убежище. Раздались еще два залпа — почти одновременно, но пушка не могла стрелять так быстро.

Это стреляло другое орудие.

Улица, на которой я находился, Аспер-Темз-стрит, шла параллельно стене. Теперь я был уже достаточно далеко от моста, так что мое присутствие уже не ассоциировалось с тамошними событиями, и к моим услугам была лестница, ведущая на вершину стены на наблюдательную площадку, сейчас пустую. Возможно, благоразумие диктовало последовательное выполнение моих планов, но я уже много лет подряд не прислушивался к его голову и не собирался делать этого и сейчас. Я быстро огляделся вокруг — поблизости никого — и забрался наверх. С вершины открывался прекрасный вид на реку.

Майор стрелял по другой канонерке, которая поднималась вверх под полными парусами. Новоприбывший, хотя и поставленный в невыгодное положение движением платформы, был более опытен и точен в обращении с орудием. Снаряд уже пробил огромную дыру в носу судна моего соратника, и пока я смотрел, другой попал в середину палубы. Орудие замолчало, задрав кверху ствол, стрелок исчез. Какая-то фигура перебежала через пристань и скрылась в безвредном теперь судне. Я извлек свой электронный бинокль и направил его на палубу. Зная, что увижу, еще прежде, чем поднес его к глазам.

Это граф пришел на помощь своим людям, но еще до того, как он прыгнул на борт, майор с окровавленным лицом поднялся и снова стал к орудию. Развернул его и послал следующий снаряд. Отличный выстрел. Пушка замолчала, и корабль стал погружаться. Когда я снова поглядел на майора, то увидел, что он перезарядил свою пушку и выпалил в мост, во вражеских солдат на нем. Граф помогал ему заряжать. Они оба улыбались и, казалось, были очень довольны собой. Выстрелы теперь раздавались чаще. Я спустился по лестнице вниз.

Их нельзя было винить. Они сами знали, что делали,— наконец стреляли по врагу, которого ненавидели все эти годы, стреляли из превосходного, весьма эффективного орудия. Оба будут продолжать стрелять, пока не погибнут. Наверное, этого они и хотели. Чтобы эта жертва принесла хоть какие-нибудь плоды, я должен продолжить свое собственное дело.

Я хорошо изучил карту графа. Вперед, по улице Утиной Ноги, потом на Кэннон-стрит и налево. Там были люди, торопливые, испуганные гражданские, в противоположном направлении беглым шагом шли солдаты. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

А там, впереди, в конце улицы, возвышались громадные стены и купол, несомненно собор Святого Павла.

Близится конец еще одной дороги. Мое последнее свидание с НИМ.

Мне было страшно. Человек, утверждающий, что он никогда не испытывает страха, или лжец, или сумасшедший. Я достаточно часто испытывал это чувство, чтобы распознать его «запах». Но никогда я не чувствовал такой железной тяжести, как сейчас. В жилах стынет кровь, сердце колотится в груди, ноги словно приросли к земле. Сознательным усилием я пытался привести свои мозги в порядок.

«Отвечай, мозг,— скомандовал я,— что это за заячья дрожь? Наложил в штаны? Тело и душа, вы уже были в разных переделках. Бывало и похуже, но мы прорвались через все это. И как правило, с победой. Что же сейчас нового?»

Ответ пришел очень быстро.

«Я — нержавеющий грызун, всегда действовал под полом общества, всегда по-своему, на свой страх и риск. На ура!»

Но теперь на кону стоит слишком многое.

Слишком много жизней зависит от моих действий. Слишком много? Великое небо! На кону спасение Вселенной. Просто не верится.

— Ну и не верь себе,— пробормотал я, роясь в аптечке. Если думать все время об этой ставке, то не станешь рисковать и не будешь вообще ничего делать. Я никогда в жизни прежде не прибегал к искусственным эмоциям, но всему бывает начало. Я держал при себе «таблетки берсерка», как амулет, чтобы знать — они здесь, если когда-нибудь понадобятся, и поэтому никогда ими не пользовался. До сегодняшнего дня. Я открыл коробочку и взял одну пилюлю.

— Выходи драться, Джим,— сказал я и проглотил ее.

Эти таблетки всюду вне закона. И правильно. Не только потому, что к ним очень быстро вырабатывается и физическое и психологическое пристрастие, но и по социальным мотивам. В этой желатиновой пилюле заключена особая формула безумия — состав, который растворяет совесть и мораль цивилизованного человека. Без морали, без совести — и без страха. Ничего, кроме распущенного «я» и твердой уверенности в своей мощи и правоте, божественном позволении делать что угодно, не чувствуя при этом жалости и страха. Политики, нагрузившись берсерком, свергали правительства и управляли империями. Спортсмены били все рекорды, часто при этом губя и себя, и своих противников. Не слишком приятная штука.

Очень приятная штука. Я испытывал краткий укол совести, пока не почувствовал, как химикалии захватывают контроль над моим мозгом, но это произошло очень быстро.

— Я пришел за ТОБОЙ, ТЫ! — сказал я, улыбаясь от неподдельной ярости.

Это было самое восхитительное из испытанных мной когда-нибудь ощущений — чувство неограниченной мощи, очистительный ветер, гулявший по всем пыльным уголкам моего мозга. Делай что хочешь, Джим, что пожелаешь, потому что ты единственная настоящая сила в этом мире. Как слеп я был все эти годы! Уродливые предрассудки морали, крошечные привязанности, разрушительная любовь к ближнему. Каким калекой я был! Теперь я люблю себя, потому что я Бог. Наконец я понял значение Бога, о котором всегда бормотали древние религии.

Я — это я, единственная сила во Вселенной. А ОН, в этом здании, думает с тщеславием смертного, что может превзойти меня, остановить и даже убить. Что ж, посмотрим, что случится с такими идиотскими планами.

Прогуляться вокруг. Достаточно прочное здание, вероятно, без охраны, наверняка нашпиговано различными детекторами. Пробраться окольным путем, тайно? Неразумно. Единственное мое преимущество — это внезапность и способность быть совершенно безжалостным. Я хорошо вооружен — ходячая машина смерти, и никто не может остановить меня. Войти будет достаточно просто, люди непрерывно входят и выходят, все в таких же, как и у меня, мундирах. Изнутри, как из улья, доносится деловое жужжание и гул. Их встревожило нападение на ворота. Я должен ударить сейчас, пока они растревожены. Все оружие в порядке и наготове, я завершаю свой ленивый обход здания и направляюсь к белым каменным ступеням парадного входа.

Собор был громаден. Теперь, с вышвырнутыми скамьями и всем религиозным оборудованием, он казался еще больше. Я зашагал вперед по длинному нефу храма, как будто все вокруг принадлежало мне — да так оно и было. Оружие наготове, прямо под руками. Все сосредоточилось на его дальнем конце, в апсиде, где обычно находился алтарь. Сейчас его не было. Вместо него был установлен разукрашенный трон. На троне сидел ОН. Высокомерный от сознания своей власти. ОН наклонялся вперед своим гигантским красным телом и отдавал распоряжения стоящим внизу помощникам. В трансепте храма стоял длинный стол, заваленный картами и бумагами и окруженный офицерами. Они, по-видимому, слушались приказов человека в простом синем мундирном сюртуке. Он был очень маленького роста, лоб пересекала черная блестящая прядь волос. Судя по описанию, это был тиран Наполеон. Как я и думал, он просто передавал подчиненным ЕГО инструкции. Улыбаясь, я взялся за оружие.

Знакомые переливы света привлекли мое внимание к меньшей апсиде, расположенной справа. Там стояла аппаратура темпоральной спирали, вокруг суетились занятые своими делами техники. Скоро они умрут, как и все здесь. У меня будет транспорт, чтобы вырваться из этой варварской эпохи. Придется перед уходом оставить здесь небольшую атомную бомбу. Конец совсем близок.

Когда я подошел к столу, никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Придется сначала использовать сонный газ, по-

тому что он подействует на всех одновременно. Потом, когда я расправлюсь с хозяином, будет сколько угодно времени, чтобы заняться рабами.

Одна ударная граната и две термитных. Я активизировал их большим пальцем и швырнул — раз, два, три — по широкой дуге ЕМУ на колени. Пока они были еще в воздухе, я стал бросать на стол пригоршню за пригоршней газовые гранаты. Они еще шипели и лопались, а я уже развернул и пустил в ход игольчатый пистолет — не дай бог повредить аппаратуру,— чтобы разделаться с техниками у темпоральной спирали.

Все было кончено за несколько секунд. Упало последнее бесчувственное тело, и наступила тишина. Прежде чем отвернуться, я швырнул несколько гранат ко входу, чтобы каждый входящий падал в газовое облако. Потом я посмотрел на НЕГО.

Чудесненько! Колонна ревущего огня, а в середине нечто, которое было человеком. Трон также горел, и столб жирного дыма растекался, поднимаясь вверх, к гигантскому куполу.

— ТЫ разбит! ОН! РАЗБИТ! — завопил я, наклоняясь через стол, чтобы лучше разглядеть. ОН не пережил этого нападения.

Наполеон поднял голову от стола и сел.

— Не будьте идиотом,— сказал он.

Не тратя времени на размышления, я постарался его убить. Но он был наготове и выстрелил из трубкообразного оружия, спрятанного в ладони, раньше меня. В лицо мне брызнул огонь, потом оно онемело, онемело все тело, я потерял контроль над ним и рухнул лицом вниз на стол. Не чувствовал я и рук Наполеона, когда он перевернул меня на спину. Он смотрел на меня сверху, улыбаясь и победоносно хохоча. И в его смехе была значительная доля безумия. Он глядел мне в лицо, в глаза, которыми я попрежнему мог управлять, ожидая, что они расширятся, когда я наконец пойму.

— Поразительно! — закричал ОН.— Ты только сейчас сообразил правильно. ОН — это Я. Ты проиграл. Ты сжег, уничтожил этого чудесного андроида. Его единственное назначение было обмануть тебя, заставить действовать именно так. Все здесь — само существование этого мира, эта петля времени нужны только как ловушка для тебя. Неужели ты забыл, что тело — просто скорлупа для меня, для вечного МЕНЯ? Мой мозг победил смерть и живет вечно. Теперь он — имитация безумного императора. Он никогда не знал, что такое настоящее безумие.

Ты проиграл, а Я — навеки победил!

Это была только временная неудача.

Полагаю, что в обычных условиях я чувствовал бы себя разбитым, испуганным, разозленным, раздираемым множеством бесполезных эмоций. Теперь же я просто ждал удобного случая снова убить ЕГО. Это стало уже утомительным — после двух попыток ОН по-прежнему жив. Я решил, что третья должна быть окончательной.

Он наклонился и стал рвать мою одежду, обыскивая меня с грубой тщательностью. Разрывая ее на мелкие кусочки, он собирал все снаряжение, укрепленное на мне: нож с лодыжки, пистолет с пояса, гранаты из волос. Через несколько секунд я лишился своего оружия. То немногое, что осталось, было вне досягаемости. Очень тщательно обыскав, он бросил меня, швырнув мое бессильное тело на стол, лицом вверх.

— Я все подготовил для этого момента, все! — Разговаривая, он пускал пузыри, по подбородку текла слюна. Я услышал звон цепей, и он поднял мои запястья и защелкнул на них тяжелые металлические обручи, соединенные коротким отрезком массивной цепи. Когда кандалы замкнулись, сверкнула короткая вспышка света, и их концы сплавились. Хотя я ничего не чувствовал, но увидел, как под металлом моментально покраснела моя кожа. Не имеет значения. Когда все это было сделано, он приложил к моему запястью иглу.

Чувствительность стала возвращаться, но сначала была дикая боль в запястьях. Оказывается, возвращение чувствительности приносит острую боль. Я не обращал на это внимания, хотя ее спазмы потрясали все тело. В конце концов я даже непроизвольно скатился со стола и тяжело упал на пол. Он сразу нагнулся и, подхватив меня, потащил через широкое пространство огромного собора. Даже в этом маленьком теле его сила была чудовищной.

В то короткое мгновение, что я лежал на полу, мои пальцы успели что-то ухватить. Не знаю, что это было, что-то маленькое, металлическое, но я крепко сжимал найденное в кулаке.

Примерно в пяти метрах от приборов управления темпоральной спиралью стояла крепкая металлическая колонна, достигавшая мне до пояса. Она тоже дожидалась меня. Он широко развел мои руки и вложил соединявшую их цепь в канавку на вершине колонны. Еще одна вспышка, и цепь срослась с металлическим монолитом. Он отпустил меня, я качнулся, но не упал. Мое тело вновь обретало чувствительность, и я снова овладел им, пока он пошел к приборам и произвел какие-то манипуляции. В громадном соборе царила тишина.

— Я победил! — завизжал он неожиданно, слегка пританцовывая и брызжа слюной.— Понимаешь ли, что теперь ты в петле времени, которого не существует, которое я создал, чтобы заманить тебя, которое исчезнет, как только я его покину?

— Я это подозревал. В наших учебниках Наполеон проиграл.

— Здесь он победил. Я дал ему оружие и помощников, чтобы завоевать мир. Потом, когда было готово мое новое тело, я убил его. Петля во времени появилась, когда я сделал это. И ее существование воздвигло временнóй барьер, который исчезнет вместе с ней. Это случится, когда я уйду, но не моментально,— это было бы слишком легким для тебя. Мне будет приятно думать, что ты торчишь здесь один, понимая, что проиграл, и что твое будущее никогда не будет существовать. В этом здании есть фиксатор времени. Оно будет здесь и когда Лондон исчезнет со

всем остальным миром, даже дольше чем ты. Раньше чем он выключится, ты можешь умереть от жажды. Можешь и не умереть. Я победил!

Последние слова он выкрикнул, снова поворачиваясь к пульту. Я разжал кулак, чтобы посмотреть, какое же оружие, лежащее у меня в ладони, поможет разбить его в последний момент.

Это был маленький латунный цилиндр, весивший всего несколько граммов. В одном его конце были проделаны маленькие дырки, и когда я перевернул его, оттуда посыпался мелкий белый песок. Песочница, применявшаяся для просушки чернил при письме. Можно желать и большего, но придется довольствоваться этим.

— Я ухожу,—сказал Он, включая механизм.

— А как же эти ваши люди?—спросил я, выгадывая время для размышлений.

— Безумные рабы. Они исчезнут вместе с тобой, сослужив мне службу. Меня ожидает целый мир таких, как они. Скоро таких миров будет много. Скоро все будет моим.

К этому нечего было добавить. Он прошел по каменным плитам, чудовище в образе маленького человека, коснулся ручек сверкающего конца темпоральной спирали и был мгновенно охвачен ее сверкающим зеленым пламенем.

— Все мое!—сказал он, и в его глазах горел такой же зеленый огонь.

— Я так не думаю.

Я несколько раз подбросил на руке песочницу, испытывая ее вес и оценивая расстояние до пульта: добросить я смогу запросто. Регулировка временной шкалы представляла из себя ряды клавиш, очень похожих на клавиши музыкального инструмента. Теперь некоторые из них были вжаты. Если мне удастся нажать хотя бы еще одну из них, регулировка изменится. Он прибудет в другое место и время, а может быть, и не прибудет вовсе. Я медленно замахнулся, оценивая расстояние и траекторию, по которой должен пролететь крохотный цилиндрик, чтобы попасть в нужное место.

Должно быть, он увидел, что я собираюсь сделать, потому что стал завывать от бешенства, пытаясь вырваться из временного поля, которое аккуратненько приковывало его к концу спирали. Я хладнокровно прицелился, пока не убедился, что все правильно.

— Вот так,—сказал я и запустил песочницу к пульту по высокой дуге.

Она взлетела вверх, ярко блеснула в столбе солнечного света, врывавшегося сквозь затемненное окно, и упала вниз.

Она ударила по рядам клавиш и, гремя, упала на пол.

Темпоральная спираль освободилась, его яростные крики оборвались, и он исчез из виду. В тот же самый момент свет переменился, стал сумеречным. За окнами все стало серо. Я уже видел такое в самом начале, во время темпоральной атаки на Корпус. Лондон, весь мир снаружи больше не существовал. Не существо-

вал в этой точке пространства и времени, был только кафедральный собор, кратковременно удерживаемый фиксатором времени.

Он победил? Я почувствовал первый признак тревоги, должно быть, проходит действие наркотика. Я внимательно вглядывался, но в полутьме было почти невозможно разглядеть показания индикаторов. Изменились ли показания одного из них перед включением спирали? Я не был уверен. Да это и не имело значения, по крайней мере, здесь, для меня.

А каким будет будущее — адом или раем,— мне было все равно. С возвращением эмоций мне стало интересно, будет ли существовать мир, появится ли Спецкорпус и родится ли однажды моя Анжела? Мне этого не узнать. Я резко дернул за цепи, но они держали крепко.

Это конец, конец всему. Возвращающиеся ко мне эмоции были самыми угнетающими, но я ничего не мог поделать. Конец.

Оказывались ли вы когда-нибудь запертым в кафедральном соборе Святого Павла в 1807 году от Рождества Христова, когда весь остальной мир снаружи провалился в небытие, в полном одиночестве, прикованным к стальной колонне, в ожидании собственного уничтожения? Не многие могут утвердительно ответить на такой вопрос. Я могу, но, честно говоря, это необычное отличие не доставляет мне никакого удовольствия.

Могу свободно признать, что чувствовал себя несколько подавленно. Я немножко подергал за металлические обручи, удерживающие мои запястья... Они были слишком прочны и надежны, и я понял, что как раз такие безнадежные попытки вырваться доставили бы ЕМУ большее удовольствие, удовольствие безумца.

Впервые в жизни я испытал полное и абсолютное поражение. Оно произвело на мои мысли ошеломляющее и отупляющее действие — как будто я уже стоял одной ногой в могиле. Исчезло всякое желание бороться, и я постепенно пришел к выводу, что легче всего будет просто ждать, когда занавес упадет. Ощущение катастрофы было столь сильно, что подавляло всякое недовольство таким безвременным концом. Мне следовало бы бороться, обдумывать путь к спасению, но мне не хотелось даже пробовать. Такое поведение изумило меня самого.

Покуда я был погружен в созерцание собственного пупка, возник звук. Это было едва слышимое гудение, такое слабое, что я ни за что не услышал бы его, если бы не абсолютная тишина небытия, охватившая мой гроб-собор.

Звук рос и рос, надоедливый, как жужжание насекомого, и в конце концов я обратил на него внимание, хотя и помимо воли, потому что в этот момент я знать ничего не хотел, кроме ощущения своего чудовищного положения. Наконец он стал достаточно громким, и стало ясно, что он исходит откуда-то из-под купола. Я все же поглядел вверх, и как раз в этот момент раздался громкий хлопок.

Вверху, в темноте, появилась фигура человека в скафандре. На

нем был гравитатор, судя по тому, как медленно он спускался ко мне. Я был так ошарашен, что готов был к чему угодно, но не к этому. Он открыл щиток своего скафандра, но это был не он, а она.

— Сбрасывай эти глупые цепи,— сказала Анжела.— Стоит оставить тебя одного, и ты всегда впутаешься в какую-нибудь историю. Отправишься сейчас же со мной, и все тут.

Даже если бы я не обомлел от изумления, говорить было особенно нечего. Так что я просто по-идиотски разинул рот и немножко потряс цепями, пока она, легкая, как осенний лист, скользила по полу. В конце концов ее несомненное физическое присутствие вывело меня из столбняка, и я приложил все усилия, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Анжела, радость моя, ты спустилась с неба спасти меня.

Она шире открыла щиток скафандра и поцеловала меня через отверстие, потом сняла с пояса атомный кинжал и занялась моими цепями.

— Теперь объясни мне, что это за загадочная чепуха о путешествиях во времени. И отвечай быстро, у нас только семь минут,— так сказал Койцу.

— Что он еще сказал тебе?—спросил я, размышляя, как много она знает.

— Не пытайся забивать мне баки, Скользкий Джим! Хватит с меня Койцу.

Я быстро отскочил назад, когда она махнула у меня под подбородком атомным кинжалом, потом сбила огонь с груди, моя одежда затлела. Рассерженная Анжела бывает весьма опасна.

— Любовь моя,—сказал я страстно, пытаясь обнять ее, не спуская при этом глаз с кинжала.— Я не стану от тебя ничего скрывать. Я не такой. Просто от всех этих путешествий во времени мозги у меня скорчились и нужно, прежде чем рассказывать по порядку, узнать, на чем кончается твоя информация.

— Ты отлично знаешь, что я только что говорила с тобой по телефону. «Срочно, спешно, приезжай скорей»,— крикнул ты и дал отбой. Я и приехала в лабораторию к Койцу. Они все бегали и возились с аппаратурой и были слишком заняты, чтобы мне что-нибудь объяснить. Они только и кричали: «Назад, в прошлое». И этот ужасный Инскин ничуть не лучше. Он сказал, что ты исчез прямо из его конторы, когда он читал тебе обвинительное заключение. Он, наверное, прознал что-то о тех деньжатах, которые ты прикарманил на черный день. Еще была какая-то ахинея о том, что ты спасаешь мир или Галактику, но я не поняла ни слова. И все это продолжалось очень долго, пока они не смогли отправить меня сюда.

— Ну да,— сказал я скромно.— Спас тебя, спас Корпус, вообще все на свете.

— Я была права: ты пьянствовал.

— Давно и капли в рот не брал,— пробормотал я капризно.— Если хочешь знать, вы все исчезли — пуф — и нет. Койцу оста-

вался последним, так что он мог бы тебе рассказать. Корпус, все вы даже не родились и никогда не существовали — только в моей памяти.

— А я помню слегка по-другому.

— Может быть. Благодаря моим усилиям ЕГО планы были расстроены.

— Что это еще за ОН? Ты совсем поглупел от пьянства.

— Его зовут ОН, а у меня уж несколько часов капли во рту не было. Неужели ты не можешь слушать, не прерывая? Эта история и так достаточно запутана.

— Запутанная и наверняка связанная со спиртом.

Я застонал. Потом поцеловал ее. Это ее немного смягчило, и я продолжал, прежде чем она вспомнила, что ей следует на меня злиться.

— Против Спецкорпуса была предпринята темпоральная атака, поэтому профессор Койцу забросил меня в прошлое, чтобы разрушить этот мерзкий заговор. Я отлично сработал в 1975 году, но ОН ускользнул туда, откуда появился, а потом еще дальше в прошлое и расставил здесь, в 1807 году, хитрую западню для меня. Вот я и попался, но его план до конца не сработал, потому что мне в последний момент удалось изменить настройку его темпоральной спирали, так что ОН отправился не в то время, куда собирался. Должно быть, это помешало ЕГО темпоральной войне, иначе бы ты не пришла ко мне на помощь.

— О, дорогой! Как здорово! Я всегда говорила, что стоит тебе по-настоящему захотеть — и мы спасем мир.

Смена настроения, быстрая, как ртуть. Вот что такое моя Анжела. Она поцеловала меня с истинной страстью, а я, гремя своими цепями, радостно обнял ее, но она пронзительно вскрикнула и врезала мне, да так, что я отлетел.

— Время! — Она поглядела на часы и ахнула.— Я из-за тебя забыла. Осталось меньше минуты. Где эта темпоральная спираль?

— Здесь! — сказал я, потирая ушибленные ребра, показав ей аппарат.

— А пульт?

— Вот он.

— Какой некрасивый. А где указатели?

— Вот эти циферблаты.

— Вот настройка, которую мы должны использовать. Койцу сказал — с точностью до тринадцатого знака, он очень настаивал.

Я, как сумасшедший пианист, заиграл на клавишах и даже вспотел. Стрелки дернулись, замерли и закрутились как бешеные.

— Тридцать секунд,— ласково сказала Анжела, чтобы меня подбодрить. Я вспотел еще сильнее.

— Есть! — выдохнул я, когда она объявила: десять секунд. Я врубил таймер и включил главный рубильник. Темпоральная спираль засверкала, и мы бросились к ее выступающему концу.

— Стой ближе и прижмись ко мне как можно крепче — сказал

я.— У темпорального поля есть поверхностный эффект, и мы должны быть рядом.

Она откликнулась на это с удовольствием.

— Жаль только, что на мне этот глупый скафандр,— сказала она, покусывая мне ухо.— Без него было бы замечательно.

— Может, и так, но было бы неудобно прибыть назад в Спецкорпус в таком виде.

— Не тревожься об этом. Мы пока направляемся не туда.

Я почувствовал под ложечкой укол тревоги.

— Что ты говоришь? Куда же мы направляемся?

— Не имею ни малейшего представления. Койцу сказал только, что прыжок будет на 20 000 лет вперед, как раз перед разрушением этой планеты.

— Снова ОН и его безумная шайка! — завопил я.— Ты только что отправила нас иметь дело с всепланетным сумасшедшим домом — они там будут все против нас!

Все застыло, когда включилась темпоральная спираль, и я был брошен во время с болезненным выражением на лице. Это выражение оставалось на нем 20 000 лет, это было все, что я чувствовал.

Трах! Это было как падение в ванну с паром, и «падение» было самым подходящим словом для этого. Горячие облака испарения поднимались вокруг нас, и невидимая поверхность могла быть в десяти метрах или десяти милях под нами.

— Включи свой гравитатор,— крикнул я,— мой остался в несуществующем девятнадцатом веке.

Возможно, мне не надо было орать, потому что Анжела включила прибор на полную мощность на подъем и выскользнула из моих нежных объятий, как угорь. Я бешено вцепился в ее ногу обеими руками — где-то поверх башмака цельного скафандра — эта часть быстро стала растягиваться.

— Я бы хотела, чтобы ты не делал этого! — крикнула она мне.

— Полностью с тобой согласен,— бессвязно пробормотал я сквозь плотно сжатые губы.

Комбинезон начал вытягиваться и вытягивался до тех пор, пока ее нога не стала вдвое длиннее нормальной величины, и я стал подпрыгивать вверх, а затем вниз, как будто висел на резинке. Я быстро посмотрел вниз, но там был виден только сплошной туман. Материал космического костюма прочен, но он никогда не был рассчитан на такое растяжение,— что-то надо было делать.

— Прекрати подъем! — крикнул я, и Анжела мгновенно отреагировала.

Мы были в свободном падении, и, как только движение замедлилось, нога скафандра сократилась и швырнула меня вверх, в объятия Анжелы.

— Хм!..— только и сказал я.

Она взглянула вниз и, взвизгнув, вновь включила гравитатор на полную мощность. На этот раз я не был готов к этому и посему

выскользнул из ее объятий и падал теперь по направлению твердого ландшафта, внезапно открывшегося внизу.

За те доли секунды, что были мне отпущены, я сделал то немногое, что мог. Распластавшись в воздухе, широко расставив руки и ноги, я постарался приземлиться прямо на спину. И почти добился этого до удара. Все потемнело, я был уверен, что погиб, темнота заполнила мой мозг, промелькнула последняя мысль. Это было не только сожаление о том, что мало было сделано, но и то, что некоторые вещи я бы мог делать и немного чаще.

Я не мог быть без сознания больше нескольких секунд. Рот был полон грязи, я выплюнул ее и огляделся.

Я плавал в полужидком море грязи и воды, из которого вырывались большие пузыри и тут же лопались. Они источали зловоние. Дистрофического вида камыш и водяные растения росли по берегам.

— Жив! — заорал я.— Я жив!

Шлепнувшись на сиропообразную поверхность, я распределил удар по всей поверхности спины. Боль пульсировала кое-где, но, вероятно, ничего не было сломано.

— Похоже, что там очень гадко,— сказала Анжела, паря в нескольких футах над моей головой.

— Именно так гадко, как это выглядит оттуда, и если ты не возражаешь, мне хотелось бы выбраться отсюда. Не могла бы ты спуститься, чтобы я смог ухватиться за твои лодыжки, что позволит тебе выдернуть меня?

Гнилое болото с громким хлюпаньем вцепилось в меня, чтобы удержать, и, посопротивлявшись, отпустило. Я болтался на лодыжках своей любимой, пока мы дрейфовали над явно бесконечным болотом, которое терялось в тумане.

— Смотри туда, направо! — закричал я.— Как будто канал с проточной водой. Мне кажется, не мешало бы отмыться.

— Поскольку я уже намучилась с тобой, не могу не согласиться.

Течение было слабым, но все же было, насколько я мог судить по проплывавшему мимо стволу дерева. Посреди ленивого потока был золотистый песчаный островок, как будто специально для нас приготовленный. Я спрыгнул, как только Анжела спустилась, она не успела еще приземлиться, как я уже разделся и соскребал с себя грязь, стоя в воде. Вынырнув, отплевываясь, я увидел, что она сняла свой душный комбинезон и расчесывала свои длинные локоны, которые в данный момент оказались белокурыми. Это было прелестно, я настроился на романтический лад, но вдруг жгучая боль пронзила мой копчик, и я катапультировался из воды, визжа, как собака, которой в дверях прищемили хвост. Привлекательная и женственная Анжела оставалась Анжелой, расческу моментально сменил пистолет, и в тот самый момент, когда я коснулся песка, прогремел единственный и точный выстрел.

Пока она меня перевязывала — на ягодице был двойной ряд отметин от зубов,— я смотрел на рыбину, наполовину изувечен-

ную выстрелом, но все еще дергавшуюся, которая несколько ошиблась в выборе обеда. В ее широко разинутой пасти было больше зубов, чем на складе у зубоврачебного кабинета, и в быстро затягивающихся поволокой глазах определенно был дьявольский огонек. Ухватив ее за хвост, чтобы избежать ее сокращающихся челюстей, я бросил ее далеко в воду. Это послужило началом такого бурного волнения на поверхности, и, судя по частям тела, которые высовывались на поверхность и снова шлепались в воду, я понял, что был атакован одним из самых небольших экземпляров.

— 20 000 лет не принесли никакой пользы этой планете,— сказал я.

— Ополаскивайся до конца, а я покараулю. После этого пообедаем.

Пока я чистился, она отстреливала неуемных хищников, включая одну большую рыбу с жирными боками и рудиментарными конечностями. Из ее боков были извлечены толстые прекрасные куски филе, которое прекрасно прожарилось под лучом теплового прожектора. Анжела предусмотрительно прихватила с собой флягу моего любимого вина, что сделало трапезу незабываемой.

— Ты не раз спасала мою жизнь за последние 20 000 лет,— сказал я.— Поэтому я больше не сержусь за то, что так внезапно был унесен в эту парилку вместо возвращения в Корпус. Но можешь ты по крайней мере мне объяснить, что произошло и что Койцу сказал тебе?

— Он хотел сказать о многом, но суть я поняла. Он работал со своей машиной времени, или как они ее там называют, и сопровождал твои прыжки во времени, так же, как и тот, о котором он упоминал как о враге, которого ты называешь ОН. Враг сделал что-то со временем, создал вероятностную петлю, которая длилась пять лет, затем подошла к пределу. Тогда ОН покинул коллапсирующую петлю, а ты нет. Вот почему Койцу послал меня в прошлое несколькими минутами раньше, чем она закончилась, чтобы вытащить тебя. Он дал мне данные темпоральной спирали времени, которые позволят нам сопровождать ЕГО в это время. Я спросила, что предположительно мы должны делать здесь, но он все бормотал — «Парадокс, парадокс»,— и не ответил мне. У тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, что должно произойти?

— Все довольно просто. Надо найти ЕГО и убить. Игра стоит свеч. Я два раза пытался это сделать: первый раз стрелял в него, второй пустил в ход гранаты, но оба раза меня постигала неудача. Может быть, на третий раз повезет.

— Может быть, тебе стоит предоставить мне заботу о НЕМ,— мягко произнесла Анжела.

— Прекрасная идея. Мы уничтожим ЕГО вместе. Мне порядком надоело это временнóе преследование.

— Как мы ЕГО найдем?

— Проще простого, если у тебя есть энергетический детектор времени.

Благодаря предусмотрительности Койцу, он был. Анжела протянула его мне.

— Обычный щелчок переключателем, и стрелка покажет нам направление к нашему врагу.

Щелкнул переключатель, но лишь освободил немного сконденсировавшейся влаги, которая вытекла мне на ладонь.

— Кажется, он не работает,— сказала Анжела, ласково улыбаясь.

— Либо так, либо они не используют в данный момент темпоральную спираль.— Я покопался в своем снаряжении. Мне пришлось оставить свой скафандр и некоторые другие вещи в 1807 году, но Скользкий Джим никогда не расстается со своим искажателем. Я гордился приспособлением, которое изобрел сам, и это была одна из вещей, которую ОН не отобрал у меня. Стойкий к различным средам, он не мог находиться только в расплаве металла. Компактный, не более чем в ладонь величиной, он мог определить слабейшие проблески радиации в огромном диапазоне частот. Я включил его и провел обычный контроль.

— Очень интересно,— сказал я и попробовал радиочастоты.

— Если ты сейчас же не просветишь меня, я больше никогда не спасу тебе жизнь.

— Придется, поскольку ты навеки влюблена в меня. Я нашел два источника, один из которых слабый и очень далекий. Другой не может быть далеко и прослушивается в большом диапазоне частот, включая атомное излучение, тепловое, а также радиопередачу. И что-то еще очень настойчивое. Достань крем от солнечных ожогов — ультрафиолетовое излучение на максимуме. Держу пари, что мы уже подгорели.

Мы смазались кремом и, несмотря на жару, оделись, чтобы защититься от невидимого излучения, льющегося с закрытого лучами неба.

— Странные события происходят на Земле,— сказал я.— Излучение, этот влажный климат. Я боюсь ...

— Я — нет. После выполнения миссии ты сможешь выполнить палеонтологические исследования. Давай сначала убьем ЕГО.

— Сказано решительно. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я настрою аппаратуру так, что мы в равной степени сможем оценить преимущества гравитатора.

— Смешно звучит,— сказала она, освобождая стропы.

Мы понеслись в направлении замеченной активности. Грязь и топь продолжались достаточно долгое время, и я начал ворочаться в стропах, пока, наконец, не появилась земля. Сначала это были камни, появившиеся из воды, затем каменистое плато. Потребовалось еще немного энергии, чтобы поднять нас на его край, и тут индикаторная стрелка быстро поползла вниз.

— Скоро придется идти пешком,— сказал я.— Это по крайней мере лучше, чем плавание в болоте.

— Если только животные на суше не стоят тех, что в воде.

Моя Анжела всегда оптимистична. И пока я подыскивал ответ поядовитее, гряда камней впереди озарилась вспышкой света, за которой последовала резкая боль в ноге.

— Я ранен! — закричал я, больше от удивления, чем от боли: потянувшись к тумблерам гравитатора, я увидел, что Анжела уже убрала мощность.

Мы опустились на большую гряду камней, и, замедляя ход, остановились. Я перевалился на одной ноге и пытался достать мою индивидуальную аптечку, в то время как Анжела уже разорвала одежду на ноге, посыпала антисептиком, ввела обезболивающее и прозондировала рану. Она всегда опережала меня во всем, но никогда не относилась ко мне неуважительно.

— Небольшое проникающее ранение, — объявила она, обрабатывая ногу аэрозолем.— Заживет быстро, нет сомнений, не наваливайся на нее, а я пока убью того...

Я ослаб от лекарств, и, прежде чем я ответил, она бесшумно исчезла среди камней. Нет ничего похожего в мире на любящую и нежную жену, которая в то же время хладнокровный убийца. Хотя брюки носил я, пистолеты носили оба.

Вскоре после ее ухода послышались звуки разрывов, шум падающих камней и, спустя короткое время после этого, несколько ужасных криков, которые тут же сменились гробовым молчанием. Надо отдать дань доблести Анжелы, я ни на секунду не усомнился в ее безопасности. Я задремал, сраженный лекарствами, циркулирующими в крови, и проснулся только тогда, когда почувствовал, что меня дергают за стропы гравитатора. Я вскрикнул и уставился, моргая, на нее, когда она прилегла рядом.

— Можно мне спросить, что произошло? — спросил я.

Она нахмурилась.

— Там только один человек. Я не нашла других. Это что-то вроде фермы, какой-то цех и поле злаков. Должно быть, я поскользнулась. Сбила его, а потом еле смогла удержаться, чтобы не убить его, пока он лежал без сознания.

Я поцеловал ее, когда мы поднимались.

— Сознательнее, моя сладкая, прошу тебя. Некоторые из нас родились с этим, другим было привито искусственно, а результат один и тот же.

— Не думаю, чтобы мне это нравилось. В прошлом я действительно была на это способна.

— Когда-нибудь мы все станем цивилизованными.

Она вздохнула и кивнула, а затем быстро чмокнула меня в щеку.

— Возможно, ты прав. Но это было бы нам только интересно — раздробить его на мелкие кусочки.

Мы были теперь над осыпью и над господствующим здесь утесом. Здесь, на вершине, было небольшое плато, на котором находилось приземистое здание, сложенное из сцементированных камней. Дверь была открыта, и я протиснулся в нее, опираясь на плечо Анжелы. Внутри был слабый свет, падающий из маленьких

окошек, он открывал большую комнату с двумя скамьями около дальней стены. На одной из них лежал связанный человек, во рту его был кляп.

— Осмотри другую скамью,— подсказала Анжела,— а я попробую чего-либо добиться от этого ужасного существа.

Не успел я сделать и нескольких шагов, как сообразил:

— Постели! Их две? Кто-то еще должен быть здесь рядом.

Ответ застыл на губах Анжелы, так как в двери позади нее кто-то появился и выстрелил в нас.

Анжела опередила его и выбила оружие из его рук, как только он нажал на спуск, а немного позже он был вышвырнут за дверь. Я увидел все это, когда с разбегу грохнулся, покатившись, вытаскивая пистолет в тот момент, когда Анжела откидывала свой в сторону.

— Ну, с этого достаточно,— сказала она, явно обращаясь к безмолвной паре ботинок в дверном проеме.

— Пережиток это цивилизации или нет, я считаю, что стрельба — лучшее средство самообороны. Я увидела этого среди камней, подкрадывающегося к нам, но не смогла в него попасть. Я приготовлю немного супа, поедим, а потом ты немного подремлешь...

— Нет! — Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь говорил «нет» более твердо. Я выпучил глаза и пожирал ими ее.— Есть, конечно, определенное удовольствие, когда за тобой ухаживают и наставляют как глупого ребенка, но с меня довольно. Я напал на ЕГО след до этого и прогнал из двух берлог, и поэтому хочу покончить с НИМ сам. Я знаю ЕГО методы, и я во главе этой экспедиции, поэтому ты будешь следовать за мной, а не вести меня, и подчиняться приказам.

— Есть, сэр,— ответила она, опустив ресницы и склонив голову. Не для того ли, чтобы скрыть улыбку? Об этом я не думал. Я — глава.

— Я — глава,— сказал я еще более твердым и громким голосом.

— Есть, босс,— сказала она и весело захихикала, в то время как человек на кровати ворочался и сопел, а ботинки в дверном проеме оставались без движения.

Мы приступили к работе. Наш пленник стал шумно ругаться на неизвестном языке, когда я вытащил кляп, и пытался укусить меня за палец, когда я переворачивал его. На полке стоял неказистый приемник, который передавал новости на том же языке, когда я включил его. Анжела была намного продуктивнее меня. Она подкатила к двери ужасное транспортное средство, выглядевшее, как наспех собранная пурпурная пластиковая ванна, закрепленная на четырех осях с колесами. Оно забормотало и зашипело на меня, когда я забрался наверх, чтобы изучить его.

— Очень просто в обращении,— сказала Анжела, показывая

свою техническую осведомленность.— Здесь есть выключатель, который ее заводит. И две рукоятки для поворота колес.

— И нейтралка,— сказал я, чтобы продемонстрировать и свою осведомленность, а также мужское превосходство.

— А этот покрытый свинцом чурбан посредине, должно быть, ядерный генератор. Незакрытый желоб с радиоактивным материалом, нагреватель жидкости, здесь преобразователь тепла, вторичная жидкость для привода электрического генератора, двигатель на каждом колесе — ужасно примитивно, но практично. Куда мы на нем поедем? — Она показала.— Там, кажется, дорога или что-то вроде тропы, идущей через обработанное поле. И, насколько я помню, знаю, ты сразу поправишь меня, это, кажется, в том самом направлении, откуда ты засек сигналы.

Слабое женское сопротивление, и я его проигнорировал. В частности, вскоре она оказалась права, что и подтвердил искатель...

— Тогда выезжаем,— сказал я вновь командным тоном.

— Мы убьем пленника? — спросила она с надеждой.

— Благодарю, нет. Но я возьму его одежду, поскольку моя превратилась в тряпки. Если мы сломаем радио, то оставим в секрете для кого бы то ни было, что прибываем. Он перегрызет свой кляп и веревки за пару часов, так что можно возложить на него обязанности по похоронам его напарника. А мы тем временем оседлаем своего коня и будем в пути.

Несколькими минутами позже мы тряслись по хорошо наезженному тракту, который петлял по плато.

Грубый ландшафт пересекался оврагами, которые уносили воду от частых ливней, а также перемещал тот тонкий пахотный слой, который еще оставался. Худосочные растения прижимались к камням в надежде на защиту от непогоды. Вскоре мы пересекли ответвляющуюся колею, но указатель направления на искателе держал нас на верном курсе. Твердые сиденья были в высшей степени неудобны, и я приветствовал наступающие сумерки — чего, конечно, я не сказал вслух — и повернул на заросший холм, сложенный из больших камней, на ночлег.

Я был еще слаб, но чувствовал себя уже лучше. Живительные лекарства вызывали бешеный рост моих клеток, что наполовину залечило мои всевозможные раны и разбудило дьявольский аппетит. Мы пообедали и выпили из запасов, которые принесла Анжела, вместе с черствым хлебом и сухим мясом, изъятых у воинственных фермеров. Анжела взяла управление в свои руки, а я наготове держал пистолет, совсем не восторгаясь меняющимся ландшафтом. Колея теперь петляла вниз по склону плато, сменяющегося крутым каменным откосом. Затем появилось еще несколько топей и неприятные на вид джунгли, в которые углублялась дорога. Ползучие растения росли достаточно низко, чтобы причесывать наши головы. Воздух, которым и так невозможно было дышать, стал еще более влажным и горячим.

— Не нравится мне это место,— сказала Анжела, объезжая болотистую поляну, которая растянулась поперек дороги.

— Мне оно нравится еще меньше,— сказал я, с пистолетом в одной руке и обоймой гранат в другой.— Если дикая жизнь здесь чем-нибудь похожа на ту, что в реке, у нас будет достаточно развлечений.

Я был постоянно начеку, посмотрел вперед, назад, вправо и влево. Среди деревьев мелькали бесчисленные подозрительные твари, и изредка доносились тяжелые удары, но ничего такого не появлялось, чтобы угрожать нам. Единственное, за чем я не следил, это за дорогой, а именно там нас и подстерегала опасность.

— Там, поперек дороги, упавшее дерево! — воскликнула Анжела.— Просто переедем через него...

— Я бы не стал! — воскликнул я, но немного опоздал, потому что колеса нашей машины уже перевалили через ствол (зеленого цвета), который лежал поперек дороги и терялся в джунглях по обе стороны.

Передние колеса были как раз на нем, когда он вздрогнул и изогнулся в большую петлю. Повозка перевернулась, и мы с Анжелой вывалились из нее. Ударившись о землю, втянув голову, я покатился и встал с пистолетом наготове, и правильно сделал. Псевдоствол приятно извивался, пока из зарослей возле дороги появилась его передняя часть. Змея, с большой, как бочонок, головой, разинутой пастью, шевелящимся языком, с глазами-бусинками, шипящая, как паровой котел. Справа от этой пасти сидела Анжела, тряся головой, и совершенно не понимала, что происходит. Оставалось время только для одного выстрела, и я не хотел промахнуться. Как только эта ужасная голова стала опускаться, я подпер левой рукой пистолет и выпустил заряд прямо в пасть этой штуковине. С глухим стуком отстреленная голова упала в облаке дыма.

Это был ее конец, но судорога пробежала по всей длине мускулистого тела. Прежде чем я мог скрыться, извивающаяся петля ударила меня, обвилась вокруг и швырнула на деревья. После этого я с хрустом пролетел сквозь сучья и ветки. Ударившись, я почувствовал сильную боль в затылке.

Не знаю, сколько прошло времени. Меня привела в сознание боль в голове плюс новая и более острая боль в ноге. Я открыл один глаз и увидел, как что-то маленькое и коричневое, со множеством когтей и зубов, пыталось разорвать одежду на моей ноге в надежде пообедать.

Первый же голодный укус привел меня в чувство, и я ударил животное ботинком. Оно заворчало в ответ на это и показало мне все свои зубы и тут же скрылось в зарослях после моей слабой попытки ударить еще раз. Я чувствовал себя очень слабым. Лежа, я перебирал в памяти все, что произошло: дорога, змея, удар...

— Анжела! — заорал я и попытался встать на ноги, превозмогая боль.— Анжела!

Ответа не было. Я полз сквозь колючий кустарник навстречу неприглядному зрелищу. Длинный ряд коричневых животных, родственников тому, что напал на меня, работали над телом змеи

и уже освободили большие участки скелета, похожие теперь на отполированные прутья клетки. Мой пистолет исчез. Я вернулся назад и исследовал то место, где упал, но и там его не было. Что-то было не так. Совсем не так. Я старался не поддаваться панике.

Пока я стоял вдалеке от них, жующие твари игнорировали меня, поэтому я сделал большой крюк вокруг дороги. Ни машины, ни Анжелы не было.

Этот неоспоримый факт никак не приживался во мне среди боли и ран. И надо было что-то делать с насекомыми, которые жужжали вокруг раны на голове. Моя аптечка была еще в кармане, ею я в первую очередь и воспользовался. Через несколько минут я уже не чувствовал боли, был простимулирован и готов к действию. Но к какому действию? Мелькавшие мысли пытались сосредоточиться на том, где машина. Ее следы были достаточно ясно видны в грязном грунте, который так же ясно показывал тайну исчезновения Анжелы. Там были, по крайней мере, два отпечатка больших мускулистых ног вокруг того места, где была перевернута машина, и еще след от колес другой машины. Либо за нами ехали, либо это случайные туристы, появившиеся после инцидента со змеей. Комья грязи и примятая трава показывали, что обе машины уехали в том же направлении, в каком двигались и мы. Я аллюром припустился туда же, пытаясь не думать о том, что могло произойти с Анжелой.

Мой аллюр продолжался недолго. Из-за жары и усталости пришлось прекратить бег и перейти на шаг. Следы были хорошо видны, и я шел по ним. Меньше чем через час дорога выбралась из джунглей навстречу скалам. Выйдя за поворот, я мельком увидел машину, стоящую впереди, и быстро повернул назад. Нужен план. Мой пистолет исчез, поэтому вопрос о том, чтобы перестрелять похитителей, даже и не вставал. Поскольку оставшиеся приспособления моей экипировки не могли быть оружием, хотя у меня оставалось несколько гранат, которые Анжела дала мне.

Это было решение. Горстка слезоточивых бомб, чтобы вывести похитителей из строя прежде, чем они успеют выстрелить в меня. И может, пара кусков взрывчатки на случай, если враг далеко от Анжелы и придется применять более серьезное средство уничтожения.

С таким вооружением я крался от одного камня к другому, затем глубоко вздохнул и прыгнул на открытое место, где ждали обе машины.

И тут же получил деревянной дубинкой по затылку, которую держал часовой, ждущий всякого, на ком можно применить это эффективное средство.

Я был без сознания всего доли секунды, но этого оказалось достаточно, чтобы связать мои руки и ноги и отобрать все вооружение, которое они у меня нашли. За эту оплошность я мог винить

только себя и свою невнимательность. Меня потащили по траве и бросили рядом с Анжелой.

Кое-кто должен заплатить за это, и заплатить сполна. Я услышал, как скрипят мои зубы. Она была связана, так же, как и я.

— Они подумали, что ты мертв,— сказала она.— И я тоже.— Ее слова были полны таким невысказанным чувством, что я попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.— Я не знаю, сколько мы лежали там, я тоже была без сознания. Когда очнулась, то была уже связана, а они забрали все пистолеты и весь груз в машине. Потом мы поехали.

Они были так же безобразны, как и их язык. Все в неряшливой одежде, подпоясанные засаленными кожаными ремнями, с копнами грязных волос и такими же грязными бородами. Я имел неосторожность более пристально взглянуть на одного из них, как вдруг он подошел ко мне и стал вертеть мою голову из стороны в сторону, сравнивая мою потрепанную наружность с качественной фотографией моей персоны, которая у него была.

Это, должно быть, один из ЕГО людей; фотография это доказывала, хотя я и не знал, как он мог раздобыть ее. Нет сомнения, что она была сделана во время наших встреч во времени. В этот момент я заметил, что самый безобразный и вонючий из всех влюбленно смотрит на Анжелу. И я вцепился в его ногу, но был отброшен, как футбольный мяч.

Надо отдать должное Анжеле, она всегда была целеустремленной девушкой. Когда знала, чего хотела, и всегда получала это, независимо от способа. Сейчас она увидела единственный путь, которым мы могли бы выбраться из этой кутерьмы, и использовала его — женские чары. Она стала расточать знаки внимания этому ужасному животному, она не могла говорить на их языке, но «язык», на котором она изъяснялась, был стар, как мир. Отвернувшись от меня, она улыбнулась волосатому скоту и кивком головы подозвала его. Четко очерченная очаровательная фигура, красивые плечи, чуть полноватые, соблазнительные бедра...

Конечно, это сработало. Среди этих скотов возникла небольшая оживленная дискуссия, но волосатый сбил одного из них с ног, прекратив этим дебаты. Они с ревностью смотрели, как он шествовал к ней. Она тепло и мило улыбнулась и страстно протянула к нему связанные руки.

Какой мужчина мог сопротивляться этому бессловесному приглашению? Конечно, не эта неуклюжая туша. Он обрезал путы на ее руках и отложил нож, когда она потянулась развязать ноги. Когда он потянул ее за ступню, Анжела нетерпеливо поднялась. Он заключил ее в медвежьи объятия, склонив к ней лицо.

Я мог бы сказать ему, что он находился бы в большей безопасности, если бы попытался поцеловать саблезубого тигра, но не

стал. Что произошло потом, видел только я, поскольку ревнивые наблюдатели были закрыты громадой его тела. Кто бы мог представить, что эти нежные пальчики могут собраться в одно твердое острие и эта тонкая рука может так глубоко проникнуть в брюхо этого животного? Прелестно. Он продолжал наваливаться на нее, лишь слегка вздрагивая. Еще мгновение она удерживала его вес, затем отступила назад, закричав, когда он упал на землю. Прекрасная картина женской невинности, руки у шеи, широко раскрытые глаза, пронзительный крик при странном поведении сильного мужчины, корчащегося у ее ног. Конечно, двое других подбежали, но на их лицах было выражение холодного удовлетворения. Первый нес мой пистолет.

Анжела занялась ими. Как только он подбежал достаточно близко, она бросила в него нож, который вытащила у того животного, прежде чем ранить его. Я не видел, куда он попал, потому что третий в этот момент побежал в моем направлении, и я согнул ноги в надежде, что он окажется рядом. Так и произошло. Я выбросил ноги вперед и попал ему по коленям, моментально сбив его с ног. Как только он грохнулся, я перекатился вперед и, прежде чем он смог встать, ударил обеими ботинками в висок. Потом повторил процедуру. На этом все кончилось. Анжела вытащила нож из своей неподвижной жертвы, вытерла о его одежду, затем подошла освободить меня.

— Ты убьешь тех, которые еще дергаются? — спросила она с притворной сдержанностью.

— Надо бы, но хладнокровное убийство не для меня. Думаю, что с них достаточно. Полагаю, что если мы возьмем их запасы и сломаем машины, этого хватит. Ты была великолепна.

— Конечно. Вот почему ты и женился на мне.— Она быстро поцеловала меня, потому что немного позднее ей пришлось повернуться и всадить каблук в лоб лохматого, который начал шевелиться. Он снова заснул. Мы собрались и поехали.

Мы были недалеко от цели несколькими часами позже. Внезапно поворот привел нас прямо к краю аллеи, резко уходящей вниз,— я бросил машину в вираж и, развернувшись, скрылся за поворотом.

— Ты видела? — спросил я.

— Конечно же,— ответила Анжела, пока мы ползли вперед на животах, на этот раз более осторожно, и заглянули за поворот.

Ветер здесь был сильнее, окропляя широкую аллею из невидимого водоема где-то внизу. Воздух здесь был прохладнее, и, хотя наверху нависали облака, в аллее не было тумана, закрывавшего перспективу. Напротив нас высилась гора, переходящая в монолитный утес, на котором возвышался колоссальный черный камень. Эрозия превратила его в фантастическое сплетение башен и башенок, люди развили это дальше, создав замок, покрывающий вершину горы.

Там были окна и двери, флаги и вымпелы, лестницы и подпор-

ки. Флаги были ярко-красные, исчерченные едва заметными черными изображениями. Некоторые из башен были выкрашены, и это, со всей странной архитектурой, означало только одно...

— Это нелогично, я знаю,— сказала Анжела,— но от этого местечка меня бросает в дрожь. Оно выглядит... трудно объяснить, возможно, «бессмысленно» — лучшее слово для этого.

— Абсолютно верно. Это означает, что если мы в нужном пространстве и времени, то место, которое выглядит вот так, должно быть местом ЕГО пребывания.

— Как мы доберемся до него?

— Очень хороший вопрос,— сказал я вместо нормального ответа. Как забраться в этот чертов замок? Я почесал затылок, потер лоб, но эти незаменимые рецепты на этот раз не сработали. Уголком глаза я заметил какое-то слабое движение, посмотрел в ту сторону, потянулся за пистолетом...

— Не делай резких движений, особенно не хватайся за пистолет,— спокойно сказал я Анжеле.— Оглядись не торопясь.

Мы старались не делать ничего, что могло бы вызвать движение в пальцах, лежащих на спусковых крючках, дюжины мужчин, которые бесшумно появились позади нас и стояли с направленными в нашу сторону ружьями.

— Будь готова упасть вперед вслед за мной,— сказал я и повернулся назад, увидев еще четырех человек, которые появились так же бесшумно на аллее прямо перед нами.— Отменяю последнюю команду, улыбайся нежно и непринужденно. Разделаемся с ними, когда окажемся среди них.

Последнее было скорее как моральный стимулятор, чем руководство к действию. Непохожие на людей с диким взглядом, у которых мы отобрали наш многоколесный драндулет, эти были намного спокойнее и тверже. Они были одеты в одинаковые серые пластиковые комбинезоны, которые переходили наверху в шлемы, закрывавшие головы. Ружья у них были с раструбами на концах и выглядели грозно. Мы послушно затрусили вперед, когда один из них стал махать рукой в нашем направлении. Другой из членов этого сужающегося круга выступил вперед и осмотрел нас, но подошел не слишком близко, чтобы другие смогли применить оружие.

— ..?— спросил он, затем продолжил, поскольку мы молчали.

— ...— сказал он на эсперанто с резким акцентом.

— Ну, это уже лучше,— ответил я на том же языке.— Могу я спросить вас, джентльмены, почему вы находите нужным направлять оружие на простых путешественников, как мы?

— Кто вы?— спросил Красная Борода, выходя вперед.

— Могу спросить вас то же самое?

— В моих руках оружие,— ответил он хладнокровно.

— Преклоняюсь перед вашей логикой. Мы туристы с Земли.

Он прервал меня:

— Это невозможно, так как мы оба знаем, что на планете всего один материк. А теперь правду.

Единственный континент? Что же случилось с матерью Землей за эти 20 000 лет? Ложь не прошла, но, может быть, сработает правда? Иногда это бывало.

— Поверите ли вы мне, если я скажу, что мы путешественники во времени?

Это достигло цели. Он выглядел озадаченным, в то время как среди людей, стоящих ближе и слышавших, что я сказал, началось движение. Красная Борода строго на них посмотрел, прежде чем снова заговорить.

— Какое вы имеете отношение к НЕМУ и к тем существам наверху, в городе?

Многое зависело от моего ответа. Правда уже сделала свое дело, должна сработать и на этот раз. Кроме того, он сказал «существа», а это мог быть ключ к разгадке. Нельзя поверить, чтобы эта молчаливая и дисциплинированная сила была на стороне врага.

— Я должен убить ЕГО и сорвать их планы.

Это произвело должный эффект, некоторые из людей даже опустили ружья. Красная Борода пробормотал команду, и один из людей поспешно куда-то отправился. Мы стояли молча. Он возвратился с зеленым металлическим кубом размером с его голову, который он протянул командиру. Должно быть, куб был полый, потому что он нес его легко. Красная Борода поднял куб.

— Мы имеем их более сотни. Они опускались с неба весь месяц и во всем идентичны. Мощный радиосигнал изнутри приводит нас к ним, но мы не смогли ни разрезать, ни разрушить металл. На гранях куба нанесен текст на разных языках. Те, которые мы знаем, сообщают одно и то же: «Передайте это путешественникам во времени». На днище есть еще две надписи, которые мы не смогли прочесть. Вы можете?

Он осторожно передал куб мне, и я взял его с большой осторожностью. Металл казался излучающим, превосходя твердостью сплав, используемый для атомных космических лайнеров. Я осторожно повернул куб днищем вверх и сразу прочел обе строки перед тем, как вернуть куб.

— Я могу прочитать их,— сказал я, и все удивились перемене в моем голосе.

— Первая строка гласит, что ОН и его люди покинут этот временной интервал точно через 2,7 дня после моего прибытия сюда.

Раздалось бормотание, а Анжела перебила Красную Бороду с тем же вопросом:

— А что во второй строке?

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла неудачной.

— О да. В ней говорится, что планета будет разрушена ядерными взрывами, как только они уйдут.

Тент был сделан из того же серого материала, что и одежда наших похитителей, и хорошо защищал от жаркой атмосферы снаружи. Небольшой агрегат урчал в углу, стерилизуя и охлаждая воздух. Имелись даже прохладительные напитки, и я мучился найти выход из дилеммы, пока не зашел в тупик. Хотя оружие еще было на виду, но в действиях сквозило невысказанное доверие. Красная Борода решил формально закрепить его.

— Я выпью с вами,— сказал он.— Я — Диян.

Это было похоже на ритуал, поэтому я повторил формулу и представился, то же сделала и Анжела. После этого оружие исчезло. Я сел там, где мог вовсю наслаждаться бризом от кондиционера, и решил задать несколько вопросов.

— Есть ли у ваших людей более тяжелое вооружение, чем те ружья?

— Того, которое необходимо,— нет. То немногое, что мы принесли, было выведено из строя во время сражения с ЕГО силами.

— Не слишком ли велик этот континент, чтобы перебросить его из вашей страны?

— Размеры континента не играют роли. Наши космические корабли слишком малы, а все приходится доставлять с нашей родной планеты.

Я быстро заморгал, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

— Так вы не с Земли? — спросил я.

— Наши предки отсюда, но сами мы — уроженцы Марса.

— Вы не можете сообщить мне чуть больше фактов? — В моем вопросе прозвучала неуверенность.

— Я думал, что вы знаете. Позвольте наполнить ваш бокал.

История началась много тысяч лет назад, когда внезапное изменение радиации увеличило температуру здесь, на Земле. Под словом «внезапно» я, конечно, подразумеваю многие годы, столетия. С изменением климата и таянием ледников было поставлено под угрозу существование жизни на планете. Изменялись береговые линии, затоплялись низины, большие города исчезли. С этим можно было бороться, но сейсмическая деятельность привела к смещению масс на поверхности Земли, полюса освободились от ледяного покрова, а освобожденная вода покрыла другие области. Землетрясения и потоки лавы, опускающиеся земли и возникающие горы. Все это было ужасно, мы много раз видели видеозаписи в наших школах. Интернациональными усилиями была снаряжена экспедиция для освоения Марса, чтобы сделать его пригодным для обитания людей. Это требовало изменения атмосферы с увеличением содержания двуокиси углерода, чтобы смягчить радиацию Солнца, транспортировку льда с колец Сатурна и т. д. Это было сделано с большой амбицией в расчете на

скорый успех, но нации Земли потерпели банкротство, отдав все свои силы нечеловеческой попытке. Наступил упадок, войны, слабые правительства пали, а жестокие люди стали бороться за большой кусок жизненного пространства в новом мире. В это время вода продолжала подниматься, и первым поселенцам на Марсе пришлось сражаться против жадных завоевателей с едва живого мира, чтобы сохранить порядок. В истории эти годы известны как Годы Смерти, так много умерло людей — цифры невероятные. Но в конце концов мы уцелели, и Марс — зеленый и гостеприимный мир.

Земля несчастна и по сей день. Контакт между планетами был прерван, и выжившие из многих биллионов бились здесь в смертельной схватке за жизнь. Это единственный континент, оставшийся над водой, а также несколько островов, отмечающих бывшие горные системы. А также ужасные законы землян. Когда была возможность, мы перестраивали старые космические корабли и помогали, чем могли. Наша помощь не была оценена. Выжившие убивали чужаков и получали от этого удовольствие. Все люди — чужаки. Солнечная радиация создала здесь мутации всех видов среди людей, растений и животных. Многие мутации быстро погибли, а выжившие находятся на одном уровне. Итак, мы помогали чем могли, но реально сделали очень мало. Люди служили постоянной опасностью друг другу, но не Марсу. До тех пор, пока ОН не объединил их несколько сот лет назад.

— Действительно ли ОН жил все это время?

— Похоже на то. Его разум такой же «вывернутый», как и у всех остальных, но ОН может сотрудничать с ними. Они идут за НИМ. И в самом деле, они вместе работают, строят города, который вы видели, строят подобие общества. ОН настоящий гений, хотя и извращенный, у них есть работающие фабрики и элементарная технология. Первое, что они сделали, это запросили большую помощь с Марса и не поверили нам, когда мы ответили, что они и так получили по максимуму. Их безумные требования не тревожили бы нас, если бы у них не было межпланетных ракет с ядерными зарядами, которые были направлены на нашу планету.

После того как здесь появились первые установки, была организована эта экспедиция. На Марсе мы выжили благодаря взаимопомощи, у нас не было иного пути, поэтому мы не воинственный народ. Но нам пришлось создать оружие и применить его, чтобы обеспечить свое существование. ОН — причина всех бед, поэтому мы должны захватить или убить ЕГО. Если нам придется уничтожить других, чтобы выполнить это, мы пойдем и на это. Тысячи умирают в своих домах, и радиация проникает в атмосферу Марса.

— Наши цели совпадают,— сказал я ему.— Он провел временную атаку на наших людей с теми же опасными результатами. Мы очень точно сверили наши различные планы.

— Как мы реализуем их? — нетерпеливо спросил Диян.

— Не знаю,— хмуро ответил я.

— У нас осталось десять стандартных часов на операцию,— произнесла Анжела.

Как все женщины, она была настоящим прагматиком. Пока мы теряли время, плача о прошлом, она пришла к выводу, что решение проблемы принадлежит будущему. Я нахмурился, чтобы высказать свое недовольство ею, но решил отложить это для более подходящего времени, так как времени-то и не оставалось.

— Всеобщая атака,— сказал я.— У нас есть оружие, которое мы можем присоединить к вашему. Атака по всему фронту, мы найдем слабое место, сконцентрируем наши силы, прорвемся к победе. У вас осталось тяжелое вооружение?

— Нет.

— Ну... придется обойтись без него. Как насчет прорыва обороны крепости одним из ваших кораблей, для создания таким образом еще одного фронта?

— Они все уничтожены диверсантами. Другие прибудут с Марса слишком поздно. Мы не сильны в военной науке и умении убивать, в то время как они живут этим всю жизнь.

— Не оставляйте надежду, ха-ха! — засмеялся я.

— Гравитатор,— сказала Анжела так тихо, что только я слышал ее.

— Мы используем гравитатор! — сказал я громко, чтобы слышали все. Генерал хорош только при четкой и быстрой работе штаба.

Весь план был теперь ясен, горел огненными буквами у меня перед глазами.

— Это будет обходная операция. Анжела будет со мной. Мы избавимся от всего ненужного снаряжения, чтобы дать полную нагрузку гравитатору. Затем мы прикрепим к нему многоместную упряжь. Я подсчитаю все точно позднее, а сейчас предполагаю, что он сможет поднять пять или шесть человек через стены, прежде чем сгорит. Нас с Анжелой двое, остальные — ваши лучшие люди...

— Нет, это работа не для женщины,— запротестовал Диян.
Я понимающе пожал ему руку.

— Такая хрупкая и нежная, она стоит любых десяти мужчин, находящихся в этой палатке. А нам потребуется каждый человек. Поскольку войска снаружи будут вести вполне реальную атаку, которая может закончиться прорывом. Вначале на главном направлении, а затем на флангах. Когда сражение будет в наивысшей точке, мой отряд перелетит за противоположную стену и пробьет ее. Теперь займемся организацией.

Мы занялись делами. Больше работали мы с Анжелой, потому что эти мирные марсианские пахари ничего не смыслили в военной науке и, кроме того, были слишком счастливы, переложив ответственность на нас.

Когда все было на мази, я лег передохнуть, я был на ногах что-то около двух полных дней и 20 000 лет и поэтому невообразимо устал. Тех трех часов, что я урвал, было, естественно, недостаточно, я проснулся, ворча и моргая, и проглотил стимулятор, чтобы немного прийти в себя. Снаружи было темно, но все так же жарко.

— Мы готовы к отправке? — спросил я.

— Теперь в любую минуту,— ответила Анжела, свежая, сосредоточенная, должно быть, она тоже принимала стимулятор.— У нас есть около четырех часов, но большая часть этого времени уйдет на занятие нужных позиций. Атака начнется с рассветом.

— Проводники знают дорогу?

— Они воюют здесь уже почти год, так что должны знать.

Это был последний бой. Люди знали это. Сегодня мог быть только один победитель. Возможно, они не были рождены бойцами, но они быстро учились. Подошел Диян с тремя мужчинами, которые несли металлическое устройство с пристегнутыми ремнями, в центре которого был смонтирован гравитатор.

— Мы готовы,— сказал он.

— Каждый знает, что ему нужно делать?

— В точности. Мы уже попрощались, и отряды первого удара выдвинулись.

— Тогда пошли и мы.

Диян шел впереди, хотя я до сих пор не пойму, как он находил дорогу в этой парной темноте. Мы плелись за ним, согнувшись под тяжестью ноши. Рассвет застал нас у цели — самой высокой и самой крепкой стены.

Она появилась над нами из сумерек, черная и угрюмая... Я сжал руку Анжелы, чтобы показать, что я бесстрашен, и подбодрить ее. Она сжала в ответ мою, чтобы показать, что знает,— я испуган, как и все остальные.

— Мы сделаем это, Джим,— сказала она,— ты ведь знаешь.

— О, все будет в порядке, предсказатель будущего доказывает это. Но он не может показать, сколько людей сегодня погибнет — или кто из нас останется в живых.

— Мы бессмертны,— сказала она с такой уверенностью, что я рассмеялся, и мой моральный уровень поднялся до эгоистических вершин. Я звучно поцеловал ее.

Внезапно вдали раздались взрывы, отражаясь и перекатываясь по стенам, как раскаты грома. Атака началась. Время пошло, и теперь все измерялось им. Я помог всем влезть в стропы и после этого посмотрел на часы. Когда подошло время, я тоже надел ремни и проверил ручки гравитатора.

— Пристегнитесь,— скомандовал я, наблюдая, как бегут се-

кунды,— будьте готовы разрезать ремни, когда мы приземлимся с той стороны.

Я нажал кнопку, и мой маленький отряд из шести человек поднялся в воздух для атаки.

Мы поднимались, как медленный лифт — хорошая мишень для всякого снабженного оружием и метким глазом. Мне приходилось наращивать скорость постепенно, чтобы наша конструкция не развалилась, но я и так задал возможное ускорение до тех пор, пока мы не достигли максимальной скорости подъема. Гравитатор стал ощутимо нагреваться, так как ему пришлось работать на полную мощность. Было бы очень неприятно, если бы он отказал.

Мимо проносились глубокие бойницы, к счастью, никем не охраняемые, и наверху показалась зубчатая вершина парапета. Я направился прямо к ней и убрал мощность, как только мы достигли парапета. Ускорение подняло нас вверх к высокой арке, и после этого события протекали с нарастающей быстротой.

На стене было двое часовых, удивленных и сердитых, готовых открыть огонь. Но мы с Анжелой выстрелили первыми, используя игольные пистолеты, чтобы оставаться незамеченными как можно дольше. Оба рухнули, а я включил двигатель для приземления.

Посадка! Внизу не было ни дворика, ни прочной крыши! Мы приземлились на куполообразную кровлю большого цеха, сделанную в виде навеса из стеклянных панелей, закрепленных на металлических балках. Мы посмотрели на нее, ужаснулись, когда пролетали сквозь нее, и я включил полную мощность, чтобы остановиться.

Мы столкнулись с внезапным сопротивлением, конструкция тоже изогнулась, хрустнула и начала рассыпаться. Купол был слишком близок, и мы не смогли остановиться вовремя. Шесть пар ботинок ударили одновременно, и около шести тысяч квадратных метров стекла полетели вниз.

Это было прекрасно. Бесшумная внезапная атака, принесшая серые привидения в крепость. Основная рама звякнула и наклонилась, некоторые из балок заскользили по ней. У меня мелькнула мысль, что мы последуем за всем тем стеклом, которое теперь со звоном билось внизу, где все слилось в одну громкую какофонию. Затем гравитатор в последний раз свернул, сделал последний рывок и загорелся.

— Обрезайте крепления! — закричал я, обрывая стропы, которые крепили гравитатор к нашей конструкции. Они не поддавались, но, наконец, от них удалось освободиться. Гравитатор упал вниз в зал,— там кричали находящиеся там люди, и взорвался.

Я бросил туда несколько дымовых шашек и зажигательных гранат для пущей паники.

— О нашем присутствии теперь знают все,— сказал я, отскакивая в безопасное место,— нужно быстрее выбраться из этого ада и приступить к делу.

Осторожно двигаясь, мы наконец добрались до безопасного парапета.

— Включи радио,— сказал я Дияну, когда он добрался до меня.— Прикажи своим ребятам свернуть атаку, если они нигде не прорвались, но пусть не прекращают стрельбу.

Они были отбиты со всех сторон.

— Тогда прикажи им поберечь себя. Мы сделаем все внутри.

Мы двинулись. Анжела и я шли впереди, мы могли отразить любое нападение, в то время как остальные прикрывали фланги и тыл. Мы быстро продвигались вперед, сея беспорядок. Главное — найти ЕГО. Первая дверь привела нас на огромную винтовую лестницу, уходящую вниз. Мне что-то в ней не понравилось, я бросил несколько гранат, и мы прижались к стене.

— Куда? — спросила Анжела.

— Расположение зданий наверху более плотное, чем во всем этом районе.— Невдалеке что-то взорвалось, и Анжела сбила снайпера в окне наверху точным выстрелом навскидку. Мы совершили небольшую пробежку, затем прижались к стене над прямым спуском на нижнюю аллею, пока я выбивал закрытую дверь.

Это место было придумано сумасшедшим. Надо было знать ЕГО, чтобы иметь полное представление. Коридоры и лестницы, стены с острыми углами, в одном месте нам пришлось ползти на четвереньках под низким потолком. Именно здесь произошло первое несчастье. Пятеро из нас уже выбрались из этой комнаты, когда ее потолок быстро и бесшумно опустился на нашего замыкающего, прежде чем он успел издать хоть один звук. Нас прошиб пот.

Враги, которых мы встречали, были большей частью без оружия и либо разбегались, либо уничтожались иглами наших пистолетов. Теперь мы двигались в полном молчании и так быстро, как могли, между бессмысленно декорированными стенами, стараясь не смотреть на ужасные рисунки, которые, казалось, покрывали каждый метр свободного пространства.

— Минутку,— тяжело дыша, произнесла Анжела, останавливая меня, когда мы прошли через высокую арку к лестнице, которая уходила далеко вниз, причем ступеньки у нее были разной высоты,— ты знаешь, куда мы идем?

— Не совсем,— пропыхтел я в ответ,— просто пресекаем всякое сопротивление, удаляясь от поля сражения, и распространяем панику.

— Я думала, у нас более важные задачи. Такая, например, как найти ЕГО.

— У тебя есть какие-нибудь предложения? — Должен сказать, что поторопился это выпалить.

Анжела, с притворной улыбкой, парировала моментально:

— А как же. Ты можешь попробовать включить локатор темпорального поля, который висит у тебя на шее. Надеюсь, есть смысл в том, что мы принесли его сюда.

— Именно это я и собирался сделать,— солгал я, пытаясь скрыть тот факт, что полностью забыл о нем в пылу атаки.

Стрелка поколебалась и указала точно на пол под нашими ногами.

— Идем вниз, и только вниз,— приказал я,— там, где работает машина времени, должен быть ОН, тот, из кого я сделаю котлету.

Для меня это слишком много значило, поскольку это была третья и последняя попытка. Я подготовил специальную бомбу, на которой написал его имя. Это была адская смесь концентратора, гарантирующего коагуляцию протонов в радиусе пяти метров, с грузом отравленной шрапнели и термитного заряда, который должен был сжечь его сгущенное отравленное тело.

Сражение возобновилось с новой силой. Струи пламени и дыма из огнемета преградили на время путь по лестнице. Опаленные и все в дыму, мы просочились сквозь дыру, которую я пробил бластером, в комнату, напоминавшую лабораторию. Ряды реторт тянулись во всех направлениях, теряясь среди шаров-кристаллов. Темные жидкости, испаряясь, наполняли воздух тяжелым запахом. Рабочие не были вооружены и все попадали перед нами. Теперь мы продвигались медленнее и даже остановились передохнуть.

— Уфф! — сказала Анжела, переводя дух.— Видел ли ты, что в этих сосудах?

— Нет, и не хочу. Пошли.— Если что и могло вывести из себя всегда спокойную Анжелу, так это мое нежелание обращать внимание на вещи, на которые указывала она. Я обрадовался, когда мы пересекли последнюю комнату и оказались перед другой лестницей.

Мы подходили все ближе к цели. Сопротивление росло, и нам приходилось буквально пробивать себе дорогу. Только тот факт, что защищающиеся были вооружены кое-как, позволял нам вообще продвигаться к нужной цели. К счастью, большая часть оружия была на стенах у обороняющихся, поэтому люди выходили против нас с ножами, металлическими прутьями... и даже с голыми руками. Вопя и толкаясь, они отбрасывали нас только за счет своего численного превосходства. Здесь нас постигло еще одно несчастье, когда человек со шпагой вынырнул из боковой ниши и проткнул марсианина прежде, чем я успел его застрелить. Они погибли вместе, а нам не оставалось ничего другого, как покинуть их и продолжать прорываться. Внезапно я посмотрел на часы и остолбенел — мы опаздывали.

— Подождите! — громко закричал Диян. — Стрелка! Она больше не показывает!

Я подал сигнал всем оставаться в широком проходе, который мы пересекали, и они развернулись, прикрывая фланги. Я посмотрел на детектор темпоральной спирали, который нес Диян.

— Куда он показывал, когда ты в последний раз смотрел на него?

— Прямо вперед, вниз по коридору. И стрелка совсем не отклонялась, как будто эта машина, на которую она указывает, находится на этом уровне.

— Она работает только тогда, когда темпоральная спираль заряжена. Должно быть, она уже отключилась.

— ОН мог уйти? — спросила Анжела, высказав вслух то, что я пытался выкинуть из головы.

— Наверное, нет, — сказал я с деланной уверенностью. — В любом случае нужно пробиваться насколько возможно. Итак, последняя попытка, вперед!

Мы прорвались и столкнулись с еще одним несчастьем, когда пытались пройти аллею деревьев со свисающими ветками, сплошь покрытыми иглами. Они были покрыты ядом. В конце концов я сжег их последней термитной гранатой. Затем произошла небольшая перестрелка, которая опустошила мой игольный пистолет. Я откинул его в сторону и ударил в тяжелую дверь, которая перекрывала проход в этом направлении. Ее нужно было взорвать, а гранаты кончились. Я повернулся к Анжеле в тот момент, когда плита, соединяющаяся с дверью, скользнула вверх.

— Ты проиграл в последний раз, — сказал ОН, подло ухмыляясь мне с экрана.

— Я всегда ждал этого разговора, — сказал я, затем обратился к Анжеле на языке, которого ОН не понимал: — Остались еще гранаты?

— Я говорю, а вы будете слушать, — сказал ОН.

— Я весь внимание, — сказал я ЕМУ. — Взорви эту дверь, — обратился я к ней.

— Я разместил всех людей, которые мне нужны, в надежном месте в прошлом, где нас не найдут. Я отослал туда все нужные машины, послал туда все необходимое для постройки темпоральной спирали. Я ухожу последний, и, когда я уйду, спираль саморазрушится.

Взорвалась граната, но дверь осталась целой. Анжела расколола ее разрывными пулями. ОН продолжал говорить, как будто ничего не произошло.

— Я знаю, кто ты, маленький человечек из будущего, знаю, откуда ты. Тем не менее я уничтожу тебя до того, как ты родишься. Я уничтожу тебя, мой личный враг, и после этого прошлое, и будущее, и вся вечность будут мои, мои!

ОН орал и размахивал руками, а тем временем дверь упала, и я первым ворвался внутрь. Мои пули крушили деликатную механику спирали, бомба с надписью «ОН» сверкнула в воздухе. Но ОН уже использовал темпоральную спираль — ее зеленый цвет угасал — ОН ушел, спираль осталась, уже никому не нужной.

Моя бомба разорвалась и причинила больше вреда нам, чем тому, кто только что исчез и кому она предназначалась. Мы попадали на пол, когда смерть просвистела над нами. Когда мы подняли головы, спираль рассыпалась и дымилась.

ОН заговорил снова, в то время как ствол моего пистолета был нацелен на НЕГО.

— Я сделал эту запись на тот случай, если мне придется вас покинуть, за что прошу извинить.— ОН захихикал над собственной плоской шуткой.— Теперь я ушел — ты не сможешь последовать за мной, но я могу проследить тебя сквозь время. И уничтожить. С тобой другие мои враги, и я хочу, чтобы они тоже увидели мое величие. Они умрут, вы все умрете. Я контролирую миры, вечность, уничтожаю миры. Я уничтожу Землю. Я оставляю вам время, чтобы все обдумать и страдать. Вы не сможете избежать этого...

Через час все ядерное оружие на этой планете будет взорвано...

Земля будет уничтожена.

Надо было удовлетвориться хоть чем-то, и я сделал один выстрел, взорвав этот проигрыватель, откуда звучал ЕГО ненавистный голос. Аппарат разлетелся облаком осколков пластика и элементов электроники. Страшный смех был прерван на середине. Анжела пожала мою руку.

— Ты поступил очень правильно,— сказала она.

— Но не совсем хорошо. Мне очень жаль, что я втянул тебя в это дело.

— Я бы не хотела, чтобы случилось по-иному. Что бы ни случилось с нами, мы будем вместе.

— Звучит так, словно с вашими людьми может произойти что-то ужасное,— сказал Диян.— Мне очень жаль.

— Не над чем горевать, мы все в одинаковом положении.

— В каком-то смысле да. Остался час. Но Марс спасен, и тот, кто умрет здесь, утешится хоть этим. Наши семьи и наши люди будут жить.

— Если бы я мог сказать то же самое,— сказал я с невыразимой грустью, подняв пистолет и застрелив двух врагов, которые пытались ворваться сквозь изломанную дверь,— затерянные здесь, мы потеряны для всего времени. Мы, еще живые сейчас, скоро сгорим, как свечи.

— Разве мы не можем ничего сделать? — спросила Анжела.

— Ничего не могу придумать.— Я пожал плечами.— Мы не можем обезвредить водородные бомбы. Оборудование темпоральной спирали уничтожено. Нам нужна новая темпоральная спираль, но ее негде взять, если только она не упадет к нам с неба.

Эхом моим словам послужил треск наверху. Я откатился и принял выжидательную позицию, думая, что это новая атака, но это оказалось большой зеленой металлической коробкой, которая повисла в воздухе. Анжела смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

— Если это темпоральная спираль, то хотя бы объясни, как ты это делаешь.

Впервые в жизни я промолчал, а потом и вообще лишился дара речи, поскольку коробка начала опускаться перед нами, и, прежде чем она окончательно опустилась, я прочел надпись на ее боку: «Темпоральная спираль. Вскрывать осторожно». Два гравитатора, прикрепленные к ней, временное приспособление, управляющее ими при спуске, маленький радиопередатчик, также прикрепленный к коробке с криво выведенной надписью «Включить на корпусе». Я застыл и сидел, моргая, тогда как всегда практичная Анжела вышла вперед и нажала кнопку включения. До нас донесся звучный голос профессора Койцу:

— Я предлагаю вам пошевеливаться, бомбы, как вы знаете, должны скоро сработать. Меня просили передать тебе, Джим, что аппарат, который приведет бомбы в действие, расположен в этой комнате, за консервными банками. Он выглядит как портативное радио, поскольку и является таковым. Если его выключить, то бомбы сейчас же включатся. Что будет, конечно, очень неудобно. Ты должен набрать три цифры: шесть, шесть, шесть, которые являются шифром. Набирай их справа налево. Когда наберешь, нажми кнопку «Выключено». А теперь отключи меня, пока не сделаешь этого. И шевелись побыстрее.

— Хорошо, хорошо,— сказал я раздраженно и отключил его. Он посмел разговаривать со мной командным тоном, с индивидуумом, который не сможет родиться через 10 000 лет или около того. Таким образом, выразив свое недовольство, я пошел сбрасывать коробки с консервами на пол. Это были длинные, желто-зеленые цилиндрические громады с сублиматором.

Радио было там. Я не стал его передвигать, а только набрал шифр, как это было приказано, и нажал кнопку, но ничего не произошло.

— Ничего не произошло,— сказал я.

— Произошло именно то, чего мы все ждали,— сказала Анжела, встав на цыпочки, чтобы поцеловать меня в щеку,— ты спас мир.

Очень гордый собой, я вернулся к передатчику под восхищенными взглядами марсиан и снова включил его.

— Не думай, что ты спас мир,— сказал Койцу.— Вот олух. Ты лишь отодвинул взрыв на двадцать восемь дней. Однажды вклю-

ченные бомбы затаились на этот период, затем они самоуничтожатся, но марсиане смогут от них спастись. Я верю, что их ремонтные корабли в пути. Они их заберут.

— Будут через пятнадцать дней,— ответил Диян.

— Пятнадцати дней более чем достаточно. Земля будет уничтожена, но когда на ней восстановятся прежние условия, для вас это будет более победой, чем трагедией. Настало время вскрыть коробочку. Наверху, под панелью управления, есть атомный резак. Если его окошечки направить на внешнюю стену под углом в пятнадцать градусов, он прорежет тоннель наружу. Марсиане смогут выйти по нему. Я предлагаю сделать это как можно быстрее. Теперь нажми кнопку «А» и запусти спираль. Джеймс, Анжела, пристегнитесь к гравитаторам как можно быстрее и отправляйтесь сразу же, как только загорится сигнал готовности.

Еще не веря во все это, я сделал, как было сказано. Темпоральная спираль щелкнула, зашипела и завыла, как раненая. Диян вышел вперед с протянутой рукой.

— Мы никогда не забудем тебя и того, что ты сделал для мира. Еще не рожденные поколения узнают о тебе и твоих подвигах из книг.

— Ты уверен, что вы поступите правильно? — спросил я.

— Ты смущаешься, потому что ты великий и гуманный человек.— Меня впервые уверяли в этом.— Будет сооружена статуя с надписью: «Джеймс Боливар ди Гриз — спаситель мира».

Каждый из марсиан пожал мне руку, это было очень волнующее прощание.

Зажегся сигнал готовности, и после нескольких прощальных слов мы надели гравитаторы и — чего я так желал последнее время — окунулись в холодный огонь силы времени. Я хотел что-то сказать, но запоздалая фраза застыла у меня на губах, а вокруг все завертелось.

Обычный скачок во времени, ни лучше, ни хуже. Это был тот вид транспортировки, к которому я никак не могу привыкнуть. Звезды проносились как пули, вокруг вращались спиральные галактики, движение не было движением, время не было временем, все было необычно. Единственное, что было хорошего в прыжке, это его конец. Мы обнаружили себя в гимнастическом зале на базе Специального Корпуса, в самом большом здесь павильоне. Мы парили в воздухе, я и моя Анжела, глупо улыбаясь друг другу и атлетам внизу. Мы пожимали друг другу руки от счастья, что будущее все же лежало впереди.

— Добро пожаловать домой,— сказала она, и именно это я хотел услышать больше всего.

Мы полетели вниз, помахав друзьям и не отвечая пока на их вопросы. Сначала к Койцу и дежурному по Корпусу на доклад. Промелькнуло чувство неудовлетворенности, что ОН и на этот раз ушел от меня.

Койцу поднял глаза и удивился.

— Что это вы здесь делаете? — спросил он. — Кажется, вы устранили ЕГО. Разве ты не получил моего послания?

— Послания? — спросил я, быстро моргая.

— Да. Мы сделали 10 000 металлических кубиков и отослали их на Землю. Уверен, что вы получили один из них. Радиомаяк и так далее.

— А, это старое послание. Получили и действовали согласно ему, но вы немного опоздали. Что вот эта штука делает здесь? — Боясь, что мой голос изменится до неузнаваемости, я показал дрожащим пальцем на машину в другом конце комнаты.

— Это? Наша новая спираль номер Один, более компактный вариант. На что она тебе? Мы только что закончили ее.

— И никогда ею не пользовались?

— Никогда.

— Так, все ясно. Сейчас вы прикрепите к ней парочку гравитаторов, можно эти, передатчик и атомный резак и отправите это назад, чтобы спасти Анжелу и меня.

— У меня есть карманный передатчик, но почему... — Он вынул знакомую машинку из халата.

— Сначала сделайте, объяснения потом. Мы с Анжелой просто взорвемся, если вы этого не сделаете.

Я принес краски, написал «Включить на передатчике», затем «Темпоральная спираль. Вскрывать осторожно» на машине. Через несколько минут после ЕГО отбытия с Земли, которое было отмечено на временно́й развертке, мы запустили груз с большой темпоральной спирали. Койцу наговорил запись под мою диктовку, и только после того, как весь груз ушел в прошлое, я глубоко и удовлетворенно вздохнул.

— Мы спасены, — сказал я, — а сейчас бы неплохо выпить того, что вы мне обещали.

— Я не обещал...

— Это не имеет значения.

Койцу что-то пробормотал себе под нос и чесал в затылке, пока я готовил напитки нам с Анжелой.

Мы чокнулись, смочили пересохшие глотки и теперь улыбались с довольным видом.

— Как хорошо, — сказал я, — сколько веков прошло с тех пор, как я в последний раз выпивал.

— Итак, в конце концов все проясняется, — сказал Койцу удовлетворенно.

— Ничего, если мы посидим, пока будем слушать? Мы так устали за последние несколько тысячелетий.

— Да, пожалуйста. Позвольте, я опишу ход событий. Они предприняли временну́ю атаку на Корпус, и очень удачную. Остались вы и я.

— Все правильно. Хотя, как только я отправил тебя в 1975-й год, я увидел, что все стало по-прежнему. Очень удивительно. Всего мгновение я был один, затем лаборатория заполнилась людьми, которые и не знали, что их нет. Мы провели большую работу по управлению техникой трасс времени, на достижение нужных результатов ушло почти четыре года.

— Вы сказали — четыре года?

— Почти пять, если быть точным. Трассы очень удалены и трудно управляемы, многие к тому же переплетены.

— Анжела! — воскликнул я, внезапно поняв.— Ты никогда не говорила мне, что была здесь одна пять лет.

— Я не думаю, что тебе нравятся женщины старше тебя.

— Я обожаю их, если они — ты. Ты была одинока?

— Ужасно. Вот почему я добровольно отправилась за тобой. У Инскина был доброволец, но он сломал ногу.

— Дорогая, держу пари, что знаю, как это произошло! — Она не умеет краснеть, но тем не менее опустила глаза.

— Давайте проследим ход событий дальше,— сказал Койцу.— Вот что произошло. Мы проследили тебя из 1975-го в 1807-й год, а также ЕГО и его шпионов. Там была петля времени, аномалия некоторого рода, которая в конце концов замкнулась в кольцо. Можно сказать, что она была готова взорваться вместе с тобой, заключенным внутри, но в последний момент удалось дать дополнительную мощность спирали, чтобы предотвратить запечатывание петли, прежде чем она исчезнет. Именно тогда Анжела отправилась к тебе с координатами для твоего следующего 20 000-летнего прыжка за НИМ. Ты должен был последовать за НИМ, потому что таким образом можно было контролировать твой прыжок. Хотя ход истории был известен к тому времени и мы знали, чем все кончится.

— Вы знали? — спросил я, чувствуя, что что-то где-то упустил.

— Конечно. Природа атаки была известна, хотя вы должны были до конца сыграть свою роль.

— Вы можете объяснить еще раз? И помедленнее.

— Конечно. Ты пытался сорвать ЕГО операции дважды в глубоком прошлом и, в конечном итоге, переключив его машину, послал ЕГО в мрачные для Земли времена. ОН потратил большое количество времени, почти две сотни лет, продвигаясь к власти и объединяя ресурсы всей планеты. ОН был гений, хотя и сумасшедший. И смог это сделать. ОН тоже помнил тебя, Джим, и, несмотря на двухсотлетний срок, не забыл, что ты — ЕГО враг. Таким образом ОН начал временну́ю войну, чтобы уничтожить тебя раньше, чем ты сможешь устранить ЕГО, устроив тебе ловушку на планете, готовой к уничтожению атомными взрывами. Оттуда ОН вернулся в 1975-й год, чтобы атаковать Корпус. Ты последовал за НИМ, и ОН ушел в 1807-й, приготовив там для тебя петлю времени. Я не знаю, куда ОН планировал отправиться отту-

да, но его планы изменились и ОН отправился на 20000 лет вперед.

— Да, я это сделал, изменив настройку ЕГО спирали как раз перед тем, как он ушел.

— На этом все кончилось. Теперь можно расслабиться, и я хочу выпить вместе с тобой.

— Расслабиться! — Это слово вырвалось из моего горла вместе со странным неприятным звуком.— Из того, что вы сказали, я могу заключить, что это я начал атаку на Корпус, изменив настройку темпоральной спирали, которая послала ЕГО в мир, где ОН начал операцию по уничтожению Корпуса.

— Это, по-моему, единственное объяснение.

— А нет ли другого? По-моему, Он просто вращается в кольце времени. Убегая от меня, нагоняя меня, убегая от меня... Уфф! Когда ОН родился, откуда ОН?

— Твои условия бессмысленны в этом роде темпоральных отношений. ОН состоятелен только во времени этой петли времени. Пусть будет так, хотя это очень неточно, точнее будет сказать, что ОН никогда не рождался. Ситуация стоит за пределами нашего нормального понимания времени. Так же как и тот факт, что вы вернулись сюда с информацией, которую нужно было послать тебе, чтобы предупредить об остановке атомных бомб. Откуда изначально происходила эта информация? От тебя. Поэтому ты послал ее себе, чтобы предупредить себя же об атомных бомбах, чтобы...

— Достаточно! — взревел я, дрожащей рукой хватаясь за бутылку.— Просто отметьте, что миссия выполнена, и выписывайте премию.

Я наполнил бокалы снова и, лишь обернувшись, понял, что Анжелы нет. Она выскользнула в то время, пока я пытался постичь ход войны, и я уже начал волноваться, куда она могла уйти, но она уже вернулась.

— Они прелестны,— сказала она.

— Кто? Кто? — спросил я, не сообразив.

Но когда я увидел сузившиеся глаза Анжелы, то понял, какую непростительную ошибку допустил.

— Действительно, кто! Ха-ха! Прости меня за небольшую шутку. Ну конечно же, это наши двойняшки, наши веселые гукающие детки прелестны.

— Они здесь со мной.

— Так вкати же коляску!

— Детишки,— сказала она, когда они вошли, и я заметил сильную нотку иронии в том, как она это сказала.

Им шел шестой год, этот маленький факт я как-то упустил из виду. Они шли спокойно, крепкие ребятишки шагали в ногу. Хорошо сложенные, с отцовской твердой походкой. Я счастлив был их видеть.

— Тебя очень давно не было, папа,— сказал один из них.— Я Джеймс, а это Боливар. Добро пожаловать домой.

Нужно поцеловать их, или что-то еще?.. Они серьезно протянули свои ручонки, и я, совершенно серьезно, пожал их. Хорошие ребята... нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к этой семейной идиллии. Анжела сидела, гордо откинувшись, и по ее взгляду я понял, что полностью прощен.

— Анжела, я думаю, ты больше не сердишься на меня. Прелести семейной жизни, кажется, наилучшая награда для того, кто решил покончить с беззаботной жизнью негодяя, работающего без контракта.

— Очень правильное слово! — выкрикнул ужасно знакомый голос.— И еще бесчестный обманщик, мошенник и так далее.— В дверях стоял Инскин, помахивая пачкой бумаг.— Пять лет я ждал тебя, ди Гриз, и на этот раз ты не убежишь. Никаких объяснений типа временно́й войны. Ты украл, ты стащил у собственных малышей... Уфф!

Он сказал «уфф», потому что Анжела поднесла ампулу со снотворным к его носу, и он стал падать. Мальчики с завидной реакцией выскочили вперед и осторожно опустили его на пол. Анжела освободила его от пачки бумаг, пока его укладывали.

— После пяти лет разлуки ты нужен мне больше, чем этому назойливому старику. Давайте сожжем эту пачку и стащим корабль, пока он приходит в себя. Пройдут месяцы, пока он найдет нас, а если за это время что-нибудь случится, что потребует нашего безотлагательного присутствия, ему снова придется принять нас на работу. Тем временем мы прекрасно проведем второй медовый месяц.

— Звучит прекрасно, но как быть с мальчиками? Это не то путешествие, в которое можно брать детей.

— Вы ведь не управитесь без нас,— сказал Боливар. Где я видел это непоколебимое выражение лица? Наверное, в зеркале.

— Куда вы, туда и мы. Если у вас проблемы с деньгами, мы можем заплатить сами. Смотрите.

Я все понял, как только он начал вытаскивать огромную пачку кредиток, на эту сумму можно объехать всю Галактику. Но я так же успел разглядеть знакомый золотой штамп на бумажнике.

— Деньги Инскина! Вы ограбили старого человека, когда делали вид, что помогали ему.— Я посмотрел на Джеймса.— Надеюсь, ты сможешь определять время по наручным часам, которые я вижу на твоей руке?

— Идут по стопам отца! — гордо сказала Анжела.— Конечно же, они отправятся с нами. И не волнуйтесь насчет денег, мальчики. Папа может наворовать столько, сколько нужно нам всем.

Это было уже слишком.

— А почему бы и нет! — засмеялся я.— За преступников! — И поднял бокал.

— За время! — сказал Койцу, вникнув в суть дела.

— За преступников во времени! — крикнули мы оба, осушили бокалы и разбили их о стену, а Койцу стоял и по-отцовски улыбался нам вслед, когда мы схватили детей в охапку и ушли, перешагнув через спящего Инскина.

Перед нами расстилался яркий и славный мир, каждым уголком которого мы собирались насладиться.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Гаррисон

Г. 21 Крыса из нержавеющей стали. Сборник научно-фантастических произведений.

Пер. с англ., Москва, Т.О.О. «Транспорт», 1993—624 стр.

ISBN 5-85550-003-9

В сборник включены пять произведений «Крыса из нержавеющей стали». В романе фанстаста с мировым именем присутствуют все аксесуары подобного жанра: от погонь, убийств, шантажа, грабежа, пыток, любви до «звездных войн». И вместе с тем — это остросоциальное произведение, в котором автор с иронией и сарказмом критикует основные государственные устройства на планете Земля.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮЩЕЙ СТАЛИ

Гарри Гаррисон

Гарри Гаррисон
Рождение крысы
из нержавеющей
стали
Том 7

Подписано в печать 8.02.93. Формат 60×90[1]/[16]. Бумага офсетная. Печать офсет.
Физ. п. л. 39. Тираж 100 000 экз. Зак. 1032. С-7.

ГФ «Полиграфресурсы».
Москва, Петровка, 26.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.